

АЛЕКСАНДР ТЕРЕЩЕНКО

**БЫТ РУССКОГО
НАРОДА**

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Серия главных книг самых выдающихся русских этнографов и знатоков народного быта, языка и фольклора, заложивших основы отечественного народоведения. Книги отражают главные вехи в развитии русского образа жизни – понятий, обычаев, труда, быта, жилища, одежды – воплощенного в материальных памятниках, искусстве, праве, языке и фольклоре:

Ярослав Мудрый	Гильфердинг А. Ф.	Миллер О. Ф.
Нестор Летописец	Глинка Г.	Надеждин Н. И.
Владимир Мономах	Громыко М. М.	Пассек В. В.
Русская Правда	Даль В. И.	Потебня А. А.
Нил Сорский	Державин Н. С.	Пропп В. Я.
Иосиф Волоцкий	Драгоманов М. П.	Прыжов И. Г.
Иван Грозный	Ермолов А. С.	Риттих А. Ф.
Стоглав	Ефименко А. Я.	Ровинский Д. А.
Домострой	Ефименко П. С.	Рыбников П. Н.
Соборное Уложение	Забелин И. Е.	Садовников Д. Н.
Азадовский М. К.	Забылин М.	Сахаров И. П.
Аничков Е. В.	Зеленин Д. К.	Снегирев И. М.
Антоновский М. И.	Кайсаров А. С.	Срезневский И. И.
Анучин Д. Н.	Калачов Н. В.	Сумцов Н. Ф.
Афанасьев А. Н.	Калинский И. П.	Терещенко А. В.
Барсов Е. В.	Киреевский П. В.	Толстой Н. И.
Батюшков П. Н.	Коринфский А. А.	Фаминцын А. С.
Безсонов П. А.	Костомаров Н. И.	Флоринский Т. Д.
Бодянский О. М.	Кулиш П. А.	Худяков И. А.
Болотов А. Т.	Ламанский В. И.	Чулков М. Д.
Будилович А. С.	Максимов С. В.	Шангина И. И.
Бурцев А. Е.	Максимович М. А.	Шейн П. В.
Буслав Ф. И.	Мельников П. И.	Шергин Б. В.
Веселовский А. Н.	Метлинский А. Л.	Якушкин Е. И.
Гальковский Н. М.	Миллер В. Ф.	Якушкин П. И.

АЛЕКСАНДР ТЕРЕЩЕНКО

**БЫТ РУССКОГО
НАРОДА**

ТОМ I

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2014

УДК 930
ББК 63.5
Т 35

Терещенко А. В.

Т 35 Быт русского народа: В 2 т. Т. 1 Ч. I–III // Сост. А. В. Фроловой / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — Т. I. — 944 с.

В издании полностью публикуется главный труд выдающегося русского этнографа и археолога Александра Власьевича Терещенко (1806–1865) «Быт русского народа». Это произведение является настоящей энциклопедией русской жизни ушедших эпох.

Русскую этнографию Терещенко рассматривал как постоянно развивающуюся науку, а свой труд о быте русского народа – как начало исследования, в котором примут участие многие ученые. «Изложить быт народа, – писал он, – сколько можно с должной верностью нет возможности одному человеку: это труд многих. Я старался представить его, сколько мог по моим силам, и отнюдь не думаю, чтобы мой труд не был изменен даже в самое короткое время и надобно желать, чтобы любители отечественного дополнили его новыми, еще <более> богатыми источниками».

В первый том настоящего издания вошли: первая часть труда, посвященная нравам, образу жизни русского народа – описанию жилища, одежды, пищи, часть вторая, рассказывающая о свадебных обрядах, и часть третья, в которой собраны сведения о времяисчислении, а также о разных обрядах и обычаях, таких, например, как крещение, похороны, поминки.

Печатается по оригиналу 1847–1848 годов.

ISBN 978-5-4261-0090-9

© Институт русской цивилизации, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем издании представлены главные работы выдающегося этнографа и археолога Терещенко Александра Власевича (1806, с. Зеньково Полтавской губ. – 21.02[05.03].1865).

Основное сочинение Терещенко «Быт русского народа» (1847–1848) в 7 частях – энциклопедия русской жизни ушедших эпох. Русскую этнографию Терещенко рассматривал как постоянно развивающуюся науку, а свой труд о быте русского народа – как начало исследования, в котором примут участие многие ученые.

Терещенко воодушевляла любовь к Отечеству и русской старине. «Мы обязаны, – считал он, – смотреть на наши нравы и образ жизни как на историю народного быта, его дух и жизнь, и почерпать из них трогательные образцы добродушия, гостеприимства, благоговейной преданности к своей Родине, Отечеству, Православию и самодержавию». Жизнь наших предков, полагал Терещенко, «излилась из сердечных их ощущений, истекла из природы их Отчизны, и этим напоминает патриархальная простота, которая столь жива в их действиях, что как будто это было во всяком из нас».

Книга Терещенко состоит из 7 частей. 1-я глава 1-й части озаглавлена «Народность», и в ней автор еще более ясно и обстоятельно излагает свои взгляды на понятие «народности». Начиная с общего взгляда на человечество, деления его на географические и расовые группы, он затем переходит к славянам, в духовных ценностях которых находит лучшие черты человеческой природы. В приподнятом православно-

монархическом духе Терещенко излагает историческую судьбу *русского народа*, включая малороссов и белорусов, описывает его национальный характер.

«При всех переворотах гражданственности русский любил богатые одежды и роскошь, гордился своим хлебо-сольством и негою. Любил травить зверей и не боялся идти на них, прямо, с одним топором или с рогатиной; тешился плясками, веселил себя песнями. В самом горе он услаждал себя ими: певал почти безумолчно. И теперь он тот же самый: работает ли он, или сидит в праздничный день у ворот своей избы, поет и радуется. Пища, одежда и привычки его страны и Родины дороги для его сердца: все сочувствуют с ним, все ему знакомое». «Кто же не знает нашего народа! – восклицает Терещенко в другом месте. – Крепкий и чуждый заразительных болезней, он всегда веселой, живой, разговорчивой, обходительной, ласковой, не мстительной, терпеливой и любящий православную веру. Редкие качества обитателей земного шара. Питается здоровой и часто скудной пищей: хлеб с солью и квасом, – он сыт; живет в черной избе и проводит зиму самую лютую почти равнодушно; одевается просто и даже грубо; прикрывает тело в свирепые морозы почти тою же одеждой, какую носит летом: полушубок и лапти; но в его неизнеженном теле, необразованном уме таится великий дух и возвышенные его добродетели». «Умереть за веру и Отечество – довольно для русского. Согреваемый божественным светом Православия, он всегда стоял за него грудью, не думая о славе». «Посмотрите на расселение нашего народа по трем частям света, – говорится в заключении этой характеристики, – и что их соединяет: Что их держит и хранит? Священнейшее чувство любви к Отечеству, основанное на Православии и единой державии. Все дышат и пламенеют одним чувством, желают счастья и утверждают благосостояние, – вот где кроется народность: вот его сила и опора».

Терещенко обращался с призывом к образованному обществу собирать сведения о быте русского народа. «Если бы местные жители, – писал он, – собирали туземные сведения

и делали их доступными, то можно бы достигнуть общего описания русского быта. Только при содействии местных собирателей в состоянии объясниться наш народ. Иначе все излагаемое о нем останется в одних очерках, в каковых и я представляю здесь».

В числе первых Терещенко ставит вопрос о «народности» как о некоем высшем единстве, стоящем над местными особенностями: «Разве народность в том состоит, чтобы носить свои одежды, питаться своей пищею, жить в своих старинных хоромах, поступать по обычаю своей страны? – О, тогда бы каждый город, – что говорю, – каждый уголок деревни должен искать своей народности. Это не народность, повторяю, а ее туземные обыкновения и привычки, изменяемые местностию, – это быт русской жизни». Народность проявляется как настоящее единство через православно-монархическое мировоззрение, объединяющее народ в единое целое.

Большая заслуга Терещенко состоит в том, что он в числе первых систематизировал материал о многих сторонах русской народной жизни. В первой части собраны сведения, касающиеся материальной культуры русских – жилища, одежды, пищи, ремесел и пр., о чем раньше никто не писал. Во второй части изложен обильный материал по свадебным обрядам, материал, расположенный по векам, по общественным группам («свадьбы великокняжеские», «свадьбы царские», «свадьбы благородных и простолюдинов») и наконец по областям – губерниям. В третьей части собраны сведения о времяисчислении, о разных семейных и календарных обрядах и обычаях.

Д. К.

Часть первая

**НАРОДНОСТЬ. ЖИЛИЩА.
ДОМОВОДСТВО. НАРЯД.
ОБРАЗ ЖИЗНИ. МУЗЫКА**

ВСТУПЛЕНИЕ

Иностранцы смотрели на наши нравы и образ жизни по большей части из одного любопытства; но мы обязаны смотреть на все это не из одного любопытства, а как на историю народного быта, его дух и жизнь и почерпать из них трогательные образцы добродушия, гостеприимства, благо<го>вейной преданности к своей Родине, Отечеству, Православию и Самодержавию. Если чужеземные наблюдатели удивлялись многому и хвалили, а более порицали, то мы не должны забывать, что они глядели на нас поверхностно, с предубеждением и без изучения нашего народа, поэтому впадали в большие заблуждения, часто вдавались в заключения странные, переходили от одной крайности к другой таким образом, что один писатель выставлял похвальным и прекрасным, то другой находил то же самое порочным и смешным; что один списывал из рассказов, то другой дополнял несбыточными своими истолкованиями и всегда направлял их в дурную сторону. Перечитывая описания, повествования и сказания на многих европейских языках, вы постоянно читаете, и не без улыбки, что все иноземные писатели как бы условились однажды и навсегда хулить и бранить нас, и эта страсть до того проникнута в их сочинения, что нет ни одной книги, которая бы при имени России не восклицала: *«Варварская Московия! Земля дикая, народ в ней раскольни-*

ческий и совершенно отступивший от чистой католической веры». Всякий, знакомый с историей своего отечества, знает, что эти приписки на предков наших истекли от непреклонности их подчиниться игу католических проповедников и их верховному представителю, который вместе с ними и легкомысленными писателями называл еще нас «погибшими чадами», «отверженными детьми от Бога», «овцами без пастыря», а поэтому не могущими наследовать Царствия Небесного и наслаждаться благами здешней жизни. Таковые нарекания суть следствия страстей, а не истины; движения изуверных мыслей, а не чистоты Евангельской; таковые злословные провозглашения относятся к чести наших предков, а не к бесславию их: они отстояли свое право и достояние и перенесли умно все осуждения, которые пали на головы наших хулителей.

Оставив людские страсти, которые мы относим к понятиям века, нам усладительно вспомнить, что предков жизнь, не связанная условиями многосторонней образованности, излилась из сердечных их ощущений, истекла из природы их отчизны, и этим напоминает патриархальная простота, которая столь жива в их действиях, что как будто бы это было во всяком из нас. Кто хочет исследовать быт народа, тот должен восходить к его юности и постепенно снисходить по ступеням изменений всех его возрастов. Тогда мир наших предков не будет для нас безжизненным, мертвым: он представится сильнее нашему воображению, со всеми его причудами и понятиями; тогда увидим все стороны картины: суровой и гордой, воинственной и мирной, несчастной и торжествующей, печальной и добродетельной; на ней увидим предков, увенчанных славою, и сердце наше забьется крепче!

Давно я имел намерение изобразить жизнь нашей Руси, но всегда был останавливаем мыслью: труд не по моим силам. Эта мысль, действительно справедливая, отнимала у меня всякую надежду приступить когда-нибудь; но рассуждая, что и слабое ознакомление, по возможности точное, не должно быть порицаемо, я решился начертить его в «*Быте русского народа*». Не без робости представляю его моим соотечественникам.

Если они найдут его достойным своего внимания, то буду радоваться с ними. Признаюсь, занимаясь с любовью изложением «Быта русского народа», я укреплялся еще надеждою, что даровитые люди разовьют со временем это сочинение, которое, по скудости собранных сведений, разделено на VII частей, и в них помещено:

В *части I*: I. Народность. II. Жилища. III. Домоводство. IV. Наряд. V. Образ жизни. VI. Музыка.

В *части II*: Свадьбы.

В *части III*: I. Времячисление. II. Крещение. III. Похороны. IV. Поминки. V. Дмитриевская суббота.

В *части IV*: Забавы: I. Игры. II. Хороводы.

В *части V*: Простонародные обряды: I. Первое марта. II. Встреча весны. III. Красная горка. IV. Радуница. V. Запашка. VI. Кукушка. VII. Купало. VIII. Ярило. IX. Обжинки. X. Бабье лето. XI. Братчины.

В *части VI*: I. Обрядные праздники. II. Неделя ваий. III. Пасха. IV. Русальная неделя. V. Семик. VI. Троицын день. VII. Первое апреля. VIII. Первое мая.

В *части VII*: I. Святки. II. Масленица.

Некоторые из отечественных писателей занимались исследованиями русской жизни, обычаев и забав и в начале первых своих трудов обещали многое; потом, встретив трудности, охладели в своем усердии. Вскоре заняли их места два ревностных писателя: г. Снегирев и г. Сахаров. Первый, издав «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» в четырех выпусках, остановился. Второй, представив скромно «Сказания русского народа», расширил их впоследствии дополнениями и новыми сведениями. Его сказания, одно из отрадных явлений в нашей словесности, обратили на себя справедливое внимание любителей народного быта, но, к сожалению, в них есть недостаток, и в этом не г. Сахаров виноват, но постоянные препятствия в собирании сведений; трудность в изложении по чрезмерной разнообразности об одном и том же предмете; местные изменения и переименования одного и того же обряда или забавы не только по всей России,

но в одной даже губернии, – мало этого, в одном и том же уезде, так что делается в одном селении, то в другом, того же уезда, или уже изгнано, или совсем отправляется противоположно. При этом еще неизбежная борьба с суеверными людьми, которые никак не соглашаются пересказывать свои обычаи, и не всегда можно положиться на верность передаваемых ими известий, не говорю уже об игре или о песне, которая переменяется ими быстро, как хамелеон. Песнь, только что пересказанная вам и записанная вами, – и вы радуетесь, думая, что она полная, – станете же выслушивать ее от другого, выходит разница не в одних словах, но в расстановке стихов и в порядке самого содержания, так что если бы вздумалось кому-либо исправлять одну какую-нибудь песнь через пересказы многих певцов, то не было бы конца поправкам и исправлениям. Сколько неприятны и не тяжелы подобного рода источники, столько они важны: ими только можно убедиться, что народ наш сочиняет непрерывно песни, не воображая; что он живет своей жизнью и своей поэзией; что народ наш высказывает в них самого себя, не гоняясь ни за честью – чтоб быть стихотворцем, ни за славою – чтобы слышать рукоплескания в большом свете. Он передает себя живо и часто восторженно: что чувствует неиспорченное сердце его и что мыслит доморощенный его ум.

Изложить быт народа, сколько можно с должной верно-стью, нет возможности одному человеку: это труд многих. Я старался представить его, сколько мог по моим силам, и отнюдь не думаю, чтобы мой труд не был изменен даже в самое короткое время, и надобно желать, чтобы любители отечественного дополнили его новыми, еще <более> богатыми источниками. Если бы местные жители собирали туземные сведения и делали их доступными, то можно бы достигнуть общего описания русского быта. Только при содействии местных собирателей в состоянии объясниться наш народ. Иначе все излагаемое о нем останется в одних очерках, в каковых и я представляю здесь. Кто же лучше может знать и должен знать свой край, как не тот, кто родился в нем и живет в нем?

Ему известны все уловки и изгибы своего земляка, а этот земляк и важен в своей самобытности.

При собирании мною сведений я встречал бесчисленные противоречия и постоянные исправления, особенно в песнях. Оттого многие из них неполные, сбивчивые или уже сходные с напечатанными, но много достоинства утрачено в наших песнях еще тем, что они напечатаны без объяснения обрядных наших действий. Находятся десятки песенников под названием: полных, новых и полнейших, которые большей частью лишены пояснений: при каких случаях поются помещенные в них песни? Какое их назначение, их дух, сила и какой их обряд? Все наши песни слагались по случаю какого-либо печального или радостного события, которое гремело в разгуле веселия, на свадьбе, в игре, забаве и хороводах. Ни одна из них не составлена произвольно, без причины. Песни без изъяснения обрядных их действий скучны и утомительны. Правда, они любопытны, занимательны и поучительны, зато потеряно навсегда действительное их значение. Можно догадываться и выводить о них заключения, но можно ошибаться и выводить ложные заключения. Этими примерами служат все сборники песен. Конечно, они – дорогой запас, должно радоваться и благодарить любителей за собиране, но нельзя не сознаться, что этот дорогой запас подобен алмазам, не имеющим блеска и не могущим получить своего сияния без руки художника. Если в настоящее время не объяснятся песни обрядными своими назначениями, то и в будущем останутся необъясненными: примером тому собрание древних стихотворений Кириши Данилова и других.

Я боролся еще с напуганностью простолюдинов и их предрассудками. Случалось, что если кто пересказывал свой обряд или передавал свою песню, то вскоре пробуждалось в нем раскаяние, робость и его страшали, что за то, что пересказал, отдадут его под суд! Наш народ так боится судов, что одно их имя заставляет трепетать его. Случалось, что когда записывал песню и потом станешь исправлять ее, тогда рассказчик бледнел и произносил жалобно-просительным голосом:

– Батюшка! не пиши.

– Отчего?

– Почитай, пишешь меня: коли узнает городничий аль земский, беда мне!

Некоторые даже думают, что пересказывать песни стыдно и грех, и эта мысль до того поселилась в голове многих простолюдинов, что никак не разуверишь их в противном и слышишь одни отговорки: да, мне стыдно и грех. Когда я была молода, тогда я была неразумная и пела по глупости своей, а теперь, говорят старые люди, петь грешно.

– Отчего же грешно?

– Да так, грешно.

– Да отчего же так?

– Добрые люди говорят. Вишь, намедни пригрозил мне пономарь: Марфушка! Не пой. – Да отчего же, батюшка? – спросила я его, а он мне в ответ: ты согласишься не своим голосом.

Случалось еще слышать, что кто пересказывает песню, тот пересказывает ее по дьявольскому наущению. Поверяя однажды песню одного рассказчика с другим, один из них начал смотреть пристально на мою бумагу, потом спросил:

– Скажи, батюшка, кто у нас теперь царь? Не пишешь ли ты по антихристову велению?

В народе есть мнение, что со списыванием песен явится антихрист, которого веления исполняет списывающий, невольно и противу своего ведения, и что это уже верный признак наступлению преставления света.

В изложении быта нашего народа я пользовался устными рассказами и сам был свидетелем многих обрядов и забав. Многие доставили мне, что обещали, а обещали золотые горы. Многие и очень многие не исполнили своего обещания, быть может, по их легкомыслию, а другие, как мне известно, пренебрегли важностью предмета, думая: ну что хорошего – описывать быт нашего мужика. И выйдет все мужицкое! (Да простит Бог таковых *мыслителей*.) Из необещавших, но исполнивших больше обещания, я могу поименовать только г. Френева и благодарю его от души. Этот молодой человек делился со мною радушно своими источниками.

І. НАРОДНОСТЬ

*Народность есть выражение
любви к Отечеству.*

СВОЙСТВА ЛЮДЕЙ

Все обитатели земного шара, согреваемые одним солнцем, живущие под одним всемирным небом, представляют в своих наклонностях и действиях большое разнообразие. Климат, резко выказывающийся во всем существующем в природе, отпечатлевается равномерно в умственных и физических свойствах человека: в его способностях и деятельности, росте и силе. Жители жаркого пояса, расслабляемые нестерпимым зноем, нечувствительно предаются неге и беспечности. С воображением пламенным, с начинаниями решительными, они весьма скоро охлаждаются в случае неудач к своим предприятиям. Рассудок их постоянно заглушается страстями. Мстительность и отчаяние, лукавство и малодушие – вот главные качества этих племен, не выдерживающих в себе высокого достоинства и благородной цели в общественной жизни. Поэтому народы, живущие под экватором, ничего доселе не создали величественного и исторического. Обитатели умеренных поясов, в коих сосредоточивается вся Малая Азия и большая часть Европы, ознаменовали себя поучительными событиями: науки и искусства, изобретения и утонченность вкуса проистекли отсюда. С крепкою и благоразумною волей, с чувством возвышенным и благородным, с сознанием заблуждений и с исправлением их они шли вперед, дружно стремились к усовершенствованиям и соперничали друг перед другом в утверждении общественного благосостояния. Аравитяне, персы и армяне были водимы по большей части огненными страстями; зато гибельные последствия их действий остались спасительными уроками для других народов: европейцы воспользовались ими и основали на их ошибках свое величие. Люди северных поя-

сов, испытывая все ужасы холода, находились во всегдашнем движении, посему деятельность, бодрость и мужество суть отличительные их качества. Крепкие и неутомимые, хладнокровные и расчетливые, любознательные и легко все перенимающие, они твердо идут вперед и достигают своей цели.

РАЗДЕЛЕНИЕ ЛЮДЕЙ ПО ОЧЕРКУ ЛИЦА И ОБРАЗОВАНИЮ ТЕЛА

Самая наружность людей выказывает умственные и телесные силы, которые легко распознаются по очерку лица и образованию тела. Поэтому безошибочно, кажется, можно разделить их на пять пород: 1) монгольскую, 2) малайскую, 3) негрскую, 4) американскую и 5) кавказскую. 1) Монгольская занимает всю восточную и северную часть Азии: ее порода цветом желто-черная и оливково-темная; волосы черные, редкие и жесткие; лицо приплюснутое, под скулами широкое, подбородок узкий; глаза маленькие, нос небольшой, уши большие и отвислые, голова четырехугольная и челюсть выдававшаяся. 2) Малайская заселяет все острова Восточной Индии, Великого Океана и часть Океании. Здесь порода цветом черная, волосы вьющиеся, лоб возвышенный, нос короткий и расплоснутый, рот очень большой, челюсть несколько выдававшаяся; росту среднего, талия правильная. 3) Негрская обитает собственно в Африке и большей части Океании. Наружность сажевидная, волосы смолистые, лоснящиеся и курчавые как войлок, лоб узкий и сжатый, глаза круглые и влажные, нос курносый и как бы отрубленный, губы одутловатые. 4) Американская, принадлежность собственно Америки, исключая эскимосов и некоторых <племен> северо-восточной ее части, отличается флегматическим характером; жители рослые, крепкие и гибкие. Наружностью весьма приятные, цвет лица сходствует с красною медью, нос орлиный, рот средний, губы европейские, глаза большие и черные, волосы черные, лоснящиеся и жесткие. 5) Кавказская расселена по всей Европе, за исключением самоедов, финнов, лапландцев, маджаров и венгерцев. Она занимает большую часть западной

Азии и северные берега Африки, отличается от всех прочих белизною тела, лбом возвышенным, лицом круглообразным, носом продолговатым под углом от 80 до 90°, ртом умеренным, губами небольшими и приятными, глазами открытыми, светлыми, большими и голубоватыми, волосами тонкими, мягкими и длинными, ростом высоким, поступью гордою, талиею привлекательною, силою и умом гибким.

СЛАВЯНЕ, КОРЕННЫЕ ЕВРОПЕЙЦЫ

К этой породе принадлежат наши предки, славяне. Ошибочно мнение тех из наших писателей, которые выводят их из глубины Азии. Наружность славян противоречит догадочному выводу. Из истории мы видим, что в то же самое время, когда в Малой Азии и Африке славились политическим устройством своим многочисленные республики и монархии (за 2000 лет до Р. Х.), тогда Италия, вся Германия до Дуная и Крым имели уже свои цветущие города: следовательно, народы жили здесь уже давно, и если они не возвышались до мудрости малоазийской и египетской, то причиною тому был недостаток сообщения между тогдашними народами. Однако мудрость Миносов, критских царей, столь была известна, что жрецы и философы Малой Азии и Египта приходили в Крит изучать ее. А это было весьма в отдаленной древности, именно за 1300 лет до Р. Х. Конечно, мы ничего не можем сказать в пользу наших предков, как они жили тогда или чтобы славились уже своими делами, но то должно быть достоверно, что они издревле заселяли Европу и поэтому суть коренные европейцы. Здесь не надобно даже ссылаться на сочинения многих писателей, подтверждающих эту истину; довольно сказать, что славяне наружностью и умом ни в чем не уступают прославленным коренным европейцам – германам и франкам; что они очерком лица, белизною тела, станом и душевными силами суть настоящие европейцы; что они в первые столетия своей известности бедствовали, лили кровь за свою свободу, гибли от раздоров иноземных, но и среди лютых испытаний и переворотов не па-

дали духом – были тверды и непоколебимы, как скала среди бурного моря, и что они своими вековыми несчастьями положили путь к будущему величию их потомков.

СВОЙСТВА СЛАВЯН

Славяне, живя первоначально рассеянно по всей Европе и в приморских местах Анатолии, презирали зной и холод, привыкали ко всякой нужде и ко всем лишениям. Дикая пища казалась им вкусною, сырая земля была обыкновенным их ложем. Они гордились крепостью сил и нимало не заботились о наружности: часто в грязи и пыли теснились толпами на сборных местах и рассуждали не об украшениях и богатых одеждах, но о том, что все достоинство человека состоит в силе, мужестве и быстроте, с помощью коих взлетали они на крутые вершины скал, бросались во рвы и переплывали глубочайшие реки. Загорая от лучей солнца, они были смуглы и волосы имели по большей части русые, подобно европейцам. Искусно бились в ущельях, скрывались в траве и изумляли неприятелей неожиданным нападением; таились еще в реках и дышали в них свободно посредством сквозных тростей, торчавших из воды; жили в норах и лесах и ужасали соседей по Дунаю своими набегами; попадаясь неприятелям в руки, переносили истязания без воплей и стоны; умирали в муках, не открывая врагу ни своих жилищ, ни своей силы¹. Византийские писатели, которые знали их еще в VI в.², удивлялись их геройской неустрашимости, превозносили их стройность, высокий рост и мужество. Оставляя кровавые битвы, они возвращались домой с редким добродушием; снимая с себя смертоносное оружие, они забывали своих неприятелей. Кротость и гостеприимство снова водворялись в их уютных жилищах. Славяне дышали простотой, не знали ни злословия, ни коварства. Пленных не тяготили вечной неволею, подобно германам и франкам, но определяли сроки для их свободы, которую они могли выкупать и потом возвращаться на свою родину или

¹ *Stritter*. *Memor. popul.*, т. II, с. 59.

² Прокопий и Маврикий: см. *Memor. popul.*, ч. I, с. 29, у Стриттера.

оставаться между ними, пользуясь всеми правами дружбы. Балтийские славяне были мирны, избегали войн и любили музыку. Они наслаждались тишиною, когда гунны громили Европу, а германы блуждали по лесам. Чехи и дунайские славяне попеременно воевали с неприязненными им немцами и аварами. Подпав под власть последних (в VII в.), они терпели всевозможные насилия угнетателей, которые впрягали самих жен в телеги вместо волов и коней. Но эти варвары *телом великие, умом гордые* исчезли в нашем отечестве от моровой язвы, и гибель их обратилась в пословицу: «*погибоша аки Обри, их же несть ни племени, ни следок*»¹. «Нет ни одного народа, – восклицает один писатель XI в., – честнее и благосклоннее славян»². Путника встречали славяне с чрезвычайною лаской, преклись о его здоровье и с особенною заботливостью передавали его от места к месту. Если же по какому-либо небрежению прохожий подвергался обидам, то соседи мстили за него³. Хозяин, выходя из дому, ставил на стол приготовленную пищу, которою пользовался всякий путник. Бедный человек, не имевший способов угостить неожиданного пришельца, мог унести съестные припасы от зажиточного, чтобы накормить странника. Самое воровство не считалось в этом случае за порок. Удивительная черта гостеприимства! Все славянские племена любили песни и музыку, услаждавшие их в самом горе. Песни воспламеняли сердца мужеством, а музыка смягчала дикость нравов. Сердечное удовольствие отражалось

---

¹ *Нестор* по Кенигсб. сп.: «Аще поехаши бяше Обрину, не даваше впрячи ни коня, ни вола; повеляша впрячи три, или четыре, или пять жен в телегу и повести Обрина». – С. II.

² Ad. Бремен, «ut nulla gens honestior aut benignior potuit inveniri». – Кн. II, гл. 12, изд. Линденб.

³ **Маврикий**: «*Sunt quoque adversas perigrinos benigni maguoque studio servant incolumes salvosque, de uno loco in alium deducunt, quo necesse habent, ut et, si per incuriam ejus, que servare tale debent, accidit, ut damno peregrinus afficiatur, bellum ipsi inferat vicines ejus, pietatem arbitratus, sic ulcisci peregrinum*» <Также они благосклонны к странникам и очень пекутся об их здоровье и целостности, **препровождая их из одного места в другое, смотря по их надобности; если же, по небрежению, охраняемый ими бывает обижен, то, соблюдая благочестивый обычай, воюют против обидевшего его так, чтобы путник бывал отмщен**>.

в плясках и играх, состоявших в борьбе, кулачных боях, конских скачках, в прыганье, топанье ногами и вприсядку: а это не есть ли выражение душевного веселья и крепости телесных сил?

СВОЙСТВА РУССКИХ СЛАВЯН

Наши предки, расселенные по обширной нынешней империи, отличались самостоятельностью и единодушием, не терпели иноземного владычества: пока действовали согласно, до толе не знали ни переворотов, ни междоусобий. Каждое племя славянское имело свой нрав и свои обычаи, и это отличало их между собою. Поляне были стыдливы, тихи и кротки; почитали супружеские связи. Древляне жили зверски и скотообразно: убивали друг друга, ели все нечистое, не соблюдали никакого брака. Радимичи, вятичи и северяне витали в лесах как звери; ели все нечистое, срамословили пред отцами, не знали брака, который заменяли игрищами¹, забавлялись пением и пляскою. Вообще нравы сего времени изображают смесь добродушия с дикостью. Впоследствии свет веры смягчил грубость славян.

ВОИНСТВЕННОСТЬ

От Рюрика до Владимира I² мы видим удалство воинов и постоянное опустошение ими константинопольских пределов. Добыча и корыстолюбие награждали и обогащали и воинов, и великих князей. Отважные Игори и Святославы умели вселить в душу своих сподвижников решимость – почти невероятную. Кто не знает красноречивых слов любимого воинами вождя – князя Святослава, произнесшего их на поле битвы и в коих резко выражено бесстрашие и честь воинственной доблести: «Не посраим земли русские! Ляжем здесь костями: мертвым нет срама! Если победим, то позор нам. Станем крепко!»³ Этот

---

¹ О браках этих племен см.: «Свадьбы», ч. VIII, в статье «Обзор свадебных обрядов».

² От пол. IX до кон. X в.

³ Нестор по Кенигсб. сп., с. 62.

дух поныне живет в русских. Византийские писатели свидетельствуют, что под крепостью Доростелем¹ герои наши оказывали чудеса храбрости, которая доходила до остервенения. Когда не могли противостоять оружию неприятелей, тогда они вонзали сами себе мечи в сердце, думая, что убитый врагом должен служить ему на том свете, а потому хотели сохранить свою вольность и в будущей жизни².

НАБОЖНОСТЬ

Владимир озарил Россию истинной верою. Начали строить церкви и монастыри и укрываться в них от превратностей мирских. Нередко дети знаменитых бояр кончали жизнь в уединенной монастырской келье. Духовенство господствовало над умами народа.

ВЕСЕЛОСТЬ, ГОСТЕПРИИМСТВО И ХРАБРОСТЬ СУТЬ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА РУССКИХ

При всем благочестии наши предки не забывали и веселой жизни. Набожный Владимир пировал по неделям в кругу граждан, и однажды он сказал: *«Веселие русского – питье, без него мы не можем»*³.

За княжескими столами кипел мед, любимое тогдашнее питье. В этих угощениях государь был окружаем своим семейством – народом. Пили мед, но хвалили трезвость как добродетель; любили веселье, игры, забавы, музыку и пляску. Бояре, воеводы, знаменитые сановники и духовенство, забывая свой верховный сан, угощали друг друга; простой гражданин сидел наряду с боярином и пил с ним из одной чаши. Вельможа гор-

---

¹ Нынешняя Силистрия <Болгария>.

² Карамзин. История государства Российского, т. I, с. 186.

³ Нестор по Кенигсб. сп., с. 73: «Руси есть веселие пити, не можем без него быти... свинины не ести, вина не пити» было противно веселию и обычаям русских.

дился не пышным титулом, но братством; сердца всех сливались в одно чувство любви к отечеству и престолу. Ратоборство не усыплялось туком роскоши; воины, поборая за отечество, гремели славою побед. Церковные уставы укрепляли доблестные подвиги: воин перед днем похода освобождался от всякой эпитимии и принимал тайны причащения¹.

ВОЗРАСТАНИЕ КНЯЖЕСКИХ ДЕТЕЙ СРЕДИ БИТВ

Княжеские дети росли на бранном поле, и едва протекали их младенческие лета, они уже с мечом сидели на борзых конях. Святослав I, будучи еще отроком (в 946 г.), метал копьем во врагов – древлян². Десятилетний Георгий и пятилетний Владимир, сыновья в. кн. Всеволода III, были под осадой г. Пронска³.

ЗАМЕНА НАУК ПАСТЫРСКИМ УЧЕНИЕМ

Святители и пастыри Церкви учили народ и государей. Наука считалась тогда сверхъестественным знанием. Честность и благородство души, справедливость и совесть руководили простым, но светлым умом.

– *Да будем золоты, яко золото*, – говорили наши предки вместо клятвы⁴. Митрополит киевский Никифор, славившийся душеспасительными наставлениями, так писал к Владимиру Мономаху: «Ум есть око души. Ты, государь мудрый, управ-

¹ См.: «Впрошение Кирика у Новгород. епископа Нифонта и других» (сочин. XII в.): «а еже человек будет в опитемы, а пойдет на великий путь, молитва раздрешная дати ему, но отдржи заповедь. Аще ли не рать пойдет, или разболиться; то дати причащение».

² *Нестор*, с. 49–50: «И изидоша Древлане противу и снемшись обема полком на сокупь, и суну копьем Святослав на Древлань, и копье лете сквозь уши коневы, и удари в ногу коневы; бебо детек».

³ Рязанской губ., в 1207 г., сент. 22. – *Нест.*, по Кенигсб. сп., с. 280; *Карамзин*. История государства Российского, т. 3, пр. 125.

⁴ *Нестор* по Кенигсб. сп., с. 65: «Аз же (Святослав) и иже со мною и под мною, да имеем клятву от бога, и в него же веруем в Перуна, и в Волоса, скотья бога, да будем золоты яки золото, и своим оружием да изсечены будем».

ляешь своим народом чрез воевод, а душа управляет телом посредством пяти чувств. Твой ум постигает смысл каждого слова: мне ли предписывать тебе законы умеренности? Властитель земли сильной! Твоя десница ко всем простерта. Ты не таишь ни серебра, ни золота; но раздаешь их. Благодать Божия пребывает с тобою. Скажу одно: душа обязана поверять действия своих чувств, а государь своих слуг. Испытай, князь, помыслы об изгнанных, осужденных и презренных неправдами. Вспомни, кто кого оклеветал, и сам суди. Не печалься моей речью и не думай, чтобы кто приходил ко мне печален и просил, чтобы я писал к тебе. Пишу только для воспоминания, ибо твоя власть великая требует великого отчета; пишу как Церковь повелевает пастырям говорить правду князьям. Знаю, что и мы, грешники, покрытые греховными стругами, нуждаемся в исцелении... Человек в лице, а Бог в сердце»¹. Россия вскоре прославила Нифонта, новгородского епископа, запечатлев его имя названием *«поборника всей земли русской»*; ибо он мирил князей и хранил Православие. Когда он помер в Киеве, находясь здесь по делам Церкви, тогда все плакали по нем, и современный летописец Новгорода восклицает: «За грехи наши мы лишились здесь видеть гроб его!»²

ОЖЕСТОЧЕНИЕ ВОИНСТВЕННОСТИ

Воинственный дух наших предков носит уже во время междоусобных браней отпечаток бесчеловечия и зверства. Удельные князья, кипя злобою друг на друга, убивали безоружных, поражали мирных граждан смертоносным оружием;

---

¹ Митрополит Никифор помер в 1120 г. Его место занял Никита, который, управляя Церковью семь лет, не заменил его достоинств.

² Послания митрополита Никифора, наход. в синодальной биб., в книге Мефодия Патерийского, под № 375, с сим заглавием: *«Послание от Никифора митрополита Киевского к Владимиру Князю всея Руси, сыну Всеволожу, сына Ярослава»*. Сочинение Нифонта помеч. в «Кормчей книге» под именем «Впрашение Кириково, еже впраша епископа Нифонта и инех. Часть посланий Никифора и сочинений Нифонта», помещ.: *Карамзин*. История государства Российского, т. 2, пр. 243, 380, изд. 1816 г.

предавали селения мечу и огню и тщеславились опустошением отечества! Таковые события должно приписать ожесточению, мести, необузданности и непросвещению князей, но как должно судить об них потомство? Оно произносит беспристрастный суд над виновниками несчастья. Но не одна отечественная история наша памятна событиями грустными: мы находились еще в полуобразованном состоянии, но лучше ли нас в этом <отношении страны> Европы тех же веков? Грабежи, истребления целых городов, кровавые дела безрассудного рыцарства, постоянное восстание вассалов, кровожадность принцев и королей, безнравственность духовенства и его сластолюбие ознаменовали эти самые времена.

СЛЕДСТВИЯ ОТ МЕЖДОУСОБИЯ КНЯЗЕЙ

Несчастья, происходившие от раздоров наших удельных князей, были естественным следствием всеобщего бедствия: нашествие татар поглотило Россию. Тогда расстроилось гражданское благосостояние и самое человечество унизилось; тогда отечество, обогренное кровью, утешалось еще тем, что оно могло оплакивать бедственное событие Калкской битвы¹. Наши праотцы были осуждены на рабство! Отряд Чингис-ханова войска, остервененный сопротивлением великого князя Киевского, Мстислава Романовича, рубил жителей беспощадно и все обращал в пепел. Этот князь, достойный имени Мстислава, явил на себе пример воинственной гордости. Заслонив берега реки Калки с небольшою дружиной, он решился умереть со своими воинами. Три дня бились с ним лютые враги и не могли одолеть; но, прибегнув к льстивым обещаниям пропустить, если он оставит поле битвы, устремились на отступавших и вероломно изрубили всех в куски; трех князей задушили под досками и пировали на трупах истребленного полчища. Вот чем ознаменовалось первое бедствие; за ним последовало зло гораздо ужаснейшее – это иго!

---

¹ Случившейся в 1224 г. 31 мая в пределах нынешней Екатеринославской губернии, близ Мариуполя.

ВСЕОБЩЕЕ УНЫНИЕ И УНИЖЕНИЕ

Суеверие носило молву, что татары суть предтеча разрушения мира. Народ стонал и с воплем обращался к Богу: «Всевышний! Ты караешь Русь в своем праведном гневе, но откуда же сии страшные пришельцы? Ты один знаешь, великий Боже! Мудрые книжники ведают, но мы не постигаем, кто они? Мы знаем их по нашим страданиям»¹. Страх был повсюдный: все постились. Духовенство день и ночь воссылало молитвы к Тому, который одним мановением сокрушает величие царств. Прощались со здешним миром, готовились к последнему суду. Все думали, что близок час разрушения вселенной! Толпами стекались в мирные кельи, надевали монашеские одежды и верили, что она их спасет. Молились, чтобы Бог пощадил их от мечей татарских, по крайней мере для принесения раскаяния в своих грехах. Этот ужас был подобен тому, какой распространяли норманны в VI веке, когда они свободно опустошали Англию, Шотландию, Францию, Андалузию и Италию. По церквям тогда читали установленную молитву: «Спаси нас, Господи, от ярости норманнов»². Униженные наши праотцы не находили заступников. Головы князей падали в Орде по одному взгляду ханов. Многие из князей запечатлели свою жизнь мученической смертью. Роман, князь Рязанский, неосторожно говоривший в Орде об Алкоране, был потребован к ответу Мангу-Тимуром. Князь смело говорил свое мнение. Озлобленные поклонники Алкорана заткнули ему рот, изрезали его по суставам и, содрав с его головы кожу, воткнули голову на копьё. Русские плакали по своему князю, но славили умершего за православную веру³. Все трепетало пред именем хана; что он ни приказывал, все повиновались раболепно. Только говорили: «Царь велит, царь приказывает, да будет его воля!» Из этих слов произошла древ-

¹ Новгородская лет., с. 99. – «Бог един весть, кто суть и отколе изыдоша. Премудрии мужи ведают я добре, кто книги разумеет, мы же их не ведем, кто суть, но зде вписахом о них, памяти ради русских». – Троицк. летопись.

² *A furore Normannorum libera nos, Domine. Chron. de Gregor. de Tour.*

³ Князь Роман помер от рук мучителей в 1270 г., 19 июля.

няя пословица: «Близ царя, близ смерти». Князья наши ездили в Орду как на Страшный Суд. Представляясь царю, они не ручались за свою жизнь. Ласкаемые и угощаемые ханом, они не были еще уверены, как их отпустит царь. Нередко после милостивого принятия следовала смерть. И тот был счастлив, кто мог возвратиться в отечество с головою! Потому все наши князья, вельможи и сопровождавшие их, отправляясь в Орду, принимали Тайны Св. Причастия, прощались навсегда со всеми родными и знакомыми и писали духовные завещания¹.

Не утомляя внимания читателей изображением тогдашних бедствий, не можем, однако ж, пройти молчанием о том унижении, какое должны были совершать наши князья при приеме послов. Когда хан отправлял посла в Москву, тогда Великий князь встречал его за городскими воротами как самого царя и подносил ему чашу кобыльего молока. Князь наблюдал пред ним величайшее почтение, безотчетную покорность и не смел пред ним садиться. Когда посол садился на коня, тогда князь наклонял пред ним свою спину, а тот, став на нее ногами, взлезал на лошадь². Этот обычай прекратился в конце XV века. София, супруга в. к. Иоанна III, убедила его не встречать ордынских послов³. Никто не избегал угнетения, и никто не был уверен ни в своей собственности, ни в своей жизни. Богачи лишались имений без всякой вины; матери оплакивали честь дочерей: враги

¹ Карамзин. История государства Российского, т. 4, с. 215.

² «A brief treatise of the great Duke of Moscovia, his geneology» <Краткий трактат о Великом Князе Московии, его родословная>; помещ. в собр. Гаклюйта, т. 1, с. 247, изд. 1819 г.

³ Ордынские послы имели обыкновение привозить с собою басму, т. е. болвана, деревянное изображение хана. Князья московские выходили пешком за город навстречу послам; кланялись им, подносили кубок кобыльего молока, подстилали мех соболий под ноги ханского чтеца и слушали чтение грамоты с коленапреклонением. На месте, где происходила эта встреча, София выстроила церковь во имя Спаса, именуемого доселе: Спас-на-Болвановке. Она, не терпев татарских послов, живших в особом доме в Кремле, кои следили за поступками великих князей, послала богатые дары Ахматовой жене и писала лукаво, что она, имев какое-то видение, желает создать храм на ордынском подворье и просит уступить ей. Царица согласилась: дом посольский разломали, и татары, выехав из него, остались без пристанища. – Карамзин. История государства Российского, т. 6, с. 92.

презирали невинность! Часто жены и девицы, защищая свою добродетель, бросались с высоких хором или поражали себя ножами! Часто татары в глазах родителей топтали младенцев конями и смеялись над воплями несчастных; часто в присутствии детей они вырывали внутренность отцов и матерей и сдирали с живых кожу. О, тогда живые завидовали мертвым! Гордые некогда боярыни преклоняли с трепетом свои головы пред повелениями татарских жен; нося прежде золотые ожерелья и шелковые одежды, едва уже прикрывали наготу рубищем; некогда окруженные толпою слуг, они сами сделались рабынями татарок: носили для них воду, мололи хлеб, готовили пищу в дымной избе, в коей закуривали свои нежные, белые лица чернотою неволи; тогда уже никого не различали. Потушали самую честь, которая драгоценна только при благоденствии.

ИЗМЕНЕНИЕ МНОГИХ БЛАГОРОДНЫХ КАЧЕСТВ ОТ УГНЕТЕНИЯ

Наши праотцы, повинуюсь всему, искали облегчения; но варвары следовали другому образу мыслей: они думали, что покоренные не могут быть друзьями победителей; что истребление первых необходимо для успокоения последних. От таковых действий азиатской политики изменился народный дух: угнетение, страх и раболепная покорность унизили благородные свойства. Обман уже не был пороком, клевета не казалась гнусным поступком. Лишение женской свободы, введение холопского состояния, брание взяток, наказывание кнутом на торговых местах, клеймение воров за кражу, вешание преступников и всеобщее невежество достались в удел от поработителей. Самые благороднейшие чувства стыда, чести и совести исчезли: мы пресмыкались и низкими доносами губили единокровных. Разоряли даже собственные свои владения. Мы гибли от самих себя, а татарские мечи довершали наше горе. Победные венки наших предков не пленяли угнетенных. Некогда витязи говорили своей дружине: «Станем за Отечество и смертью искупим его», а ныне и последняя искра любви угасла. «Горе нам, горе!» – восклицают современные летописцы. «Защитники добрые исчезли;

ничто не ратоборствует за нас; кровь льется за хана. Прошли те благословенные годы, когда великие князья не разоряли нас, не грабили единоземных владений. Сокрылись навек от нас покой и гражданское счастье! Баскаки сидят у нас на троне, наши государи преклоняют колена пред ними, а с нами они поступают как с презренными, осужденными на вечное рабство: закладывают, продают и убивают без суда». Понятие о чести и справедливости так изменилось тогда, что князь Липецкий Святослав почитался нами за злодея, потому что отражал насилие татар; а князь Рыльский Олег, вонзивший в его грудь свой меч, был похвален современниками. Самые нравы носили тогда отпечаток азиатской свирепости. Одно великокняжение Василия Темного ознаменовано многими злодействами. Князь Василий Косой отсек руку и ногу Роману, князю Переславскому; в. к. Василий и племянник его Василий Косой ослеплены; кн. Шемяка и кн. Литовский Михаил отравлены. Чернь без всякого суда топила и жгла людей. Кн. Иоанн Можайский, осудив на смерть боярина Андрея Дмитриевича, всенародно сжег его на костре с женою за мнимое волшебство. Верные гибли, гражданское бытие исчезло, порядок и тишина, необходимые средства для возрастания благосостояния, нарушались еще постоянными набегами и внутренними смутами. Дети великих князей спорили о наследстве престола, а племянники с дядьями; вероломство следовало за вероломством, разбой за разбоями, в коих отличился хищный князь Борис Александрович Тверской (1445). Так поступил и Дмитрий Шемяка, нарушавший постоянно спокойствие великого княжения и давно сделавшийся ненавистным народу. Духовенство вступалось за бедствия отечества, напоминало Шемяке, что он не живет в мире, грабит бояр, тайно сносится с врагами. В несчастных временах России православные пастыри являлись ее утешителями. Они укрепляли народ верою и грозили небесною карой губителям благосостояния. Они бестрепетно напоминали князьям их долг и сами свято выполняли свое призвание: говорили истину, не страшась гнева. «Ты ведаешь, – писали наши святители к жестокосердому Шемяке (1449), – сколько трудился твой отец, чтобы присвоить себе великокняжение: лил кровь россиян, сел на престол и должен был оставить его;

выехал из Москвы с пятью слугами и сам звал Василия на Государство; снова похитил престол и долго ли пожил? Едва достиг желаемого и скрылся в могиле, осужденный людьми и Богом; но что случилось с братом твоим? В гордости и высокоумии он резал христиан – благоденствует ли ныне? Вспомни и свои дела! Когда безбожный Махмет стоял у Москвы, ты не хотел помогать государю и был виною пролития христианской крови. – Сколько сожжено храмов, убито людей, поругано девиц и монахинь! Ты, ты будешь ответственать Всевышнему! Великий князь молил тебя идти с ним на врага – но тщетно. Пали верные воины в крепкой битве: им вечная память, а на тебе кровь их! Господь избавил Василия от неволи, но ты, второй Каин и Святополк в братоубийстве, разбоем схватил великого князя, истерзал его: на добро ли себе и людям? Долго ли господствовал, и в тишине ли? Волнуемый беспрестанно страхом, ты не находил покоя днем и не знал ночью сна от страшных сновидений: искал великого княжения и погубил свой удел. Великий князь снова на престоле: данного Богом не отнимет человек! Но ты и ныне не выполняешь клятвенных условий мира: именуешь себя великим князем и требуешь от новгородцев войска, будто бы для изгнания татар, призванных Василием для своей защиты. Они немедленно будут высланы из России, когда докажешь свое миролюбие к государю. Он знает все твои происки. Мы, служители алтарей, молим тебя, господин князь Дмитрий, очисти совесть, удовлетвори праведным требованиям великого князя, готового простить и жаловать тебя из уважения к нашему ходатайству, если обратишься к раскаянию. Когда же в безумной гордости посмеешься над клятвами, тогда не мы, а сам возложишь на себя духовную тягость: будешь чужд Богу, Церкви, Вере и проклят навеки со всеми своими единомышленниками». Эти убеждения не подействовали на Шемяку. Он начал войну и в битве под Галичем потерял свой удел¹. Пастыри духовные проповедовали мир и желали благоденствия народу. Св. Иосиф, основатель Волоколамского монастыря, сильно избличал даже тех из духовных, которые вводили расколы. Так он писал к суздальскому

¹ Карамзин. История государства Российского, т. 5, 1817, с. 324–327.

епископу Нифонту по случаю распространившейся жидовской ереси: «Древние орлы веры, святители наши, возвещали истину в вертограде церкви». В важных случаях, где требовалось приговора решительного, возвышался голос достойных пастырей¹.

МНЕНИЯ ПРЕДКОВ О НЕВОЗМОЖНОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ИЗ-ПОД ИГА

Европейские государства в XIV в., когда мы стенали в оковах собственного плена, стремились к просвещению. Какое же сравнение нашего состояния с европейским? Невежество, грубость и забвение сознания, что мы повелевали некогда обширными и богатыми странами, овладело нашими умами до суеверия. Мы думали, что нельзя восстать противу угнетателей, что одна небесная сила, а не человеческая, могла бороться с врагами веры и народности. Утрата независимости обезоруживала нас, и мы, как низкие поклонники, не смели замышлять о справедливой свободе: деспотизм давил! Народ и государи, смиряясь по необходимости, страдали и безмолвствовали. Казалось, что нельзя уже было надеяться, кто бы напомнил им о прежнем их величии и могуществе, кто бы воспламенил их самоотвержением. Хотя победы невские и раковорские свидетельствовали монголам о силе нашего меча, но мы не восставали противу наших поработителей. Ум Александра Невского блеснул во мраке, а Раковорская битва оставила одни печальные следы воспоминания². Всяк заботился о сохранении своей

---

¹ Жид Схарий прибыл из Киева в Новгород <в> 1470 г.; познакомился здесь со многими знатными сановниками и духовными и хитрым языком оболыстил их своею верой. Иосиф Волоцкий восстал противу его учения. Архиепископ новгородский Геннадий объяснил эту ересь Иоанну III, и собором, созванным в Москве <в> 1490 г., осудили заблудившихся и уничтожили секту.

² Раковорская битва одержана новгородцами (1268 г., 18 февр.) под предводительством кн. Дмитрия, сына Невского, который совершенно разбил магистра немецкого ордена. Сражение было столь жестокое, что «ни отцы, ни деды наши, – говорил летописец, – не видали такой жестокой сечи». Три дня стояли русские на костях, т. е. на месте сражения. Эту кровопролитную битву долго помнили в Новгороде и Риге. – *Карамзин*. История государства Российского, т. 4, 1817, с. 94–96.

жизни; казалось, что никто не хотел слышать, что друг его, его соотечественник, гибнет от руки татарина; что по стогнам льется кровь без наказания; что кинжал дерзкого самоуправителя рассекает с зверской радостью верных поборников отечества; что прекрасные и добродетельные жены преданы поруганию; что свобода мыслей уничтожена, и цепи рабства заглушали повсюду святую любовь к родине, отечеству, своей собственной жизни – в неволе было не до просвещения! От Владимира Равноапостольного до смерти Владимира Мономаха был у нас счастливейший период благосостояния и просвещения. От Мономаха до Донского¹ – горестное воспоминание! – это период наших бедствий: тут мы совершенно загубели от татарского ига. Россия не уцелела бы от совершенного уничтожения, если бы не способствовали ей внутренние раздоры в Орде.

Славяне мужественные, сильные, верные, бестрепетно взиравшие на смерть, думали ли когда-нибудь, что их потомки будут стелеть в рабстве! Отдаленная будущность ничего не предвещала им ужасного. Их будущее мы только знаем, прошедшее изучаем, настоящее нас радует. А что таинственное будущее готовит нашим потомкам?

ВРЕМЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ

Народ объясняется событиями, и если мы в продолжение двухсотлетнего рабства не лишились своей самобытности, то не менее обязаны, кроме раздоров в Золотой Орде, действию Веры: в унижении мы любили Отечество как землю Православия; пресмыкаясь в Орде, мы тихо и медленно подкапывали доверие властелинов. Князья ослепляли ханов золотом, бояре и народ почитали его своим царем. Великие княжества Владимирское на Клязьме и Московское, более всех наученные опытами междоусобия, стремились к государственной целостности. Утвердилось наследственное право, уделы присоединялись к великому княжению. Мы шли вперед постепенно, но верно: так начал

¹ Период благосостояния и просвещения был с 980 по 1125 г., а период бедствий с 1125 по 1362 г.

в. к. Даниил в нач. XIII в., первый Великий князь Московский; сын его Георгий, зять хана Узбека, усыпляя его родством и преданностью, расширял свои владения. Брат его, Иоанн Калита, снискал полную доверенность Узбека (в начале XIV в.); внук его, Димитрий Донской, решился на битву с Мамаем. Наши предки, исчисляя все бедствия, претерпенные от угнетателей, пробудились от глубокого сна и долговременного ужаса. Они сами дивились постыдному терпению своих отцов. Все вспоминали древнюю свою независимость и ревновали сбросить цепи рабства – одни мечом, другие молитвою. Мужики и юноши точили оружие; жены и старцы молились в храмах; богатые раздавали милостыню, бояре и граждане собирали воинство, а народ готовился умереть за Отечество. Наступила Куликовская битва (1380 г., 8 сентября), заря освобождения, и все говорили: «Час суда Божиего наступил; умрем, братия, за Отечество!» Решительная битва увенчала общий порыв. Виновники славы, кн. Владимир Андреевич, внук Калиты, прозванный Храбрым, и Дмитрий Михайлович Волынский, победитель Олега и болгар, воодушевили полки. Хотя эта битва не доставила никаких существенных выгод, кроме славы, однако она произвела благодетельное действие в умах: стали думать, что враги не суть непобедимые, что тиранов истребить можно, что сам Мамай разбит и бежал¹. Наследник Дмитрия, Василий, был уже ласкаем и чтим в Орде: ханы требовали одной только покорности. Народ поздравлял друг друга, что дожил до времен столь счастливых, и считал

¹ От Куликовской битвы прошло 467 лет, но имя Мамаево доселе осталось в памяти народа. Вся Россия его знает, а в заволжской стране, преимущественно Царевском уезде Саратовской губернии, все места именуются мамаевскими. При исследовании Сарая, столицы Золотой Орды, которой остатки донные видны в окрестностях Царева, простой народ говорил, что тут жил Мамай; что в развалинах кроются мамаевские деньги; что в них погребены большие сокровища и клады, которые бережет сам Мамай; что раскапывать их опасно, потому что злой дух Мамаево поселился здесь. Все находимые и отрываемые деньги и вещи называются у них без исключения мамаевскими; отрываемые покойники, кто бы они ни были и сколько бы их ни было, зовутся Мамаем. Однажды нашли в каменной гробнице несколько мужских и женских скелетов, обвитых в парчу, и на вопрос: кто это? – было ответом: «*Мамай с Мамайшею*». Если при раскапывании попадались кости или скелеты, то говорили: «*нашли мамаевские кости*» или «*нашли Мамаево*».

Мамаево побоище выше Альтской и Невской. И действительно, это событие до времен Полтавской битвы (1709 г., 27 июня) есть весьма важное в истории нашей: оно доказывало возрождение сил русских и подкрепило его в несомненном освобождении. Самые добродетели воинские, запечатлеваемые верою, внушали безотчетную преданность к отечеству. Измена наказывалась примерной строгостью ввиду врагов. Наместник смоленский, князь Василий Шуйский, узнав, что злоумышленники государства заманили литовцев под Смоленск, велел схватить заговорщиков, одел их в собольи шубы и бархат; потом, привязав им на шею жалованные королем Сигизмундом серебряные ковши и чары, вывел на городскую стену и повесил на глазах неприятелей! Граждане и воины славил справедливость наместника и доказали свое усердие к отечеству мужественным отражением врагов¹. Дух народной гордости был уважаем даже врагами. Но возвеличение России предназначено было Иоанну III, хотя менее счастливому, однако Великому. Доблестные полководцы его – Холмский, Стрига и Щеня – поражали врагов, а он, сидя дома, утверждал государственное бытие внешней и внутренней политикою, восстанавливал свободу и целостность России; искал орудий для собственных выгод и никогда не служил орудием для других; действовал как великий муж без страстей в политике; имел в виду одно благосостояние и достигал его. От хижины до престола – все спешило к своей независимости: бояре и духовенство, воины и земледельцы славил век Иоанна III, который разительно сходствует с Петром Великим: первый был творец, а второй – преобразователь России. Оба ревностно вводили искусства образованных народов, и оба созидали ее могущество.

НЕОЖИДАННОЕ ПРИРАЩЕНИЕ РОССИИ

Сверх тяжких опытов судьбы, сверх бедствий удельного правления и ига монголов наше отечество должно было испы-

---

¹ Кн. Константин Острожский осаждал Смоленск в 1514 г., и все усилия взять его, даже при содействии злонамеренных людей, были напрасны. Он принужден был отступить с великою потерей, а король искал мира.

тать грозу Иоанна IV; но с любовью к самодержавию оно повиновалось ему. В смиренном великодушном умирали доблестные сыны отечества и мирные граждане; духовенство и жены¹. Все

¹ Заступники беззащитных Сильвестр и Адашев кончили жизнь плачевно; без суда и основательной причины погибли: Даниил, брат Адашева, родственник его Иван Шишкин с женою и детьми, кн. Дмитрий Оболенский-Овчина, кн. Михаил Репнин, кн. Юрий Кашин, кн. Дмитрий Курлятев, кн. Михаил Воротынский, победитель казанцев; бояр. Ив. Шереметев, ужас крымцев; брат его Никита Шереметев; конюший Федоров, муж, украшенный славою и сединою; кн. Ив. Андр. Куракин-Булгаков, кн. Дмитрий Ряполовский, князь Ростовские, кн. Иван Турунтай-Пронский, казначей Хозяин Юрьевич Тютин, кн. Михаил Черкасский, брат царицы; печатник Казарин-Дубровский, митроп. Филипп, проименованный Святым; кн. Василий Пронский, печатник Ив. Мих. Висковатый, казначей Ив. Фуников, думные сов.: Зах. Ив. Овчина-Плещеев, Хабаров-Добрынский, Ив. Воронцов, Вас. Разладин, Кирик Тырков; защитник Лаиса, Андр. Кашкаров; воев. нарвский Мих. Матв. Лыков; воев. Михайловский, Никита Казаринов-Голохастов. Ожидая смерти, он уехал из Москвы и посхимился в монастыре на берегу Оки. Царь прислал за ним опричников, он вышел к ним навстречу и сказал: «Я тот, кого ищите». – Царь велел взорвать его на бочке пороху. Погибло десять Колычевых, кн. Ив. Шаховский, князя Прозоровские, Ушатые, Заболотские, Бутурлины, князя Мещерские, кн. Никит. Ром. Одоевский, бояр. Мих. Яковл. Морозов с сыновьями и супругою, кн. Петр. Анд. Куракин, бояр. Ив. Андр. Бутурлин; Гр. Собакин, дядя царицы Марфы, ее брат Вас. Собакин; кн. Ив. Девтелевич; игумен Псковский Корнилий, его ученик Вассиан Муромец; новгород. архиеп. Леонид; архим. Феодорит, игумен Соловецкой обители, друг Св. Александра Свирского, и убит собственной рукою царя, наследник престола, Иоанн. Здесь представлена тысячная доля таких мужей, которые погибли совершенно без вины, служа отечеству со славою. Угрызаемый беспрестанно совестью и пугаемый тенью убиенных, он для успокоения нечистой души служил по церквям и монастырям синодики, или поминовения. В синодиках поминается об истреблении княжеских, боярских и дворянских родов; о других ни слова.

В сочинении «Памят<ики> москов<ской> древности» г. Снегирева, тетрадь I, с. XXXV, сказано, между прочим, об Александровской слободе: «от слободы его (Иоанна IV), обнесенной каменной оградой, не осталось и следов: в 1582 г. в праздник Рождества Христова она сгорела от молнии». Откуда взято им это невероятное явление в мире? Многие, читающие без разбора и верующие всему печатному безусловно, добродушно примут за истину, и некоторые верят доселе, что слобода сгорела от молнии в день Рождества Христова, среди трескучей зимы!! Тем более этому верят, что в этом событии видят гнев Божий. Некоторые из моих знакомых до того были убеждены, что они согласились лучше верить, нежели подумать, что это дело невозможное. Если бы это действительно случилось, то, как событие необыкновенное, не могло бы сокрыться от наблюдателей природы и непременно сделалось бы предметом исследований; и ученые в Европе не оставили бы без внимания

говорили о долге и чести, и под осадой гор. Вендена (в 1578 г. октября 21, в Лифляндии) это подтвердилось на самом деле: во-еводы кн. Вас. Андр. Сицкий, окольничий Василий Федосеевич

необыкновенное действие как переворот сверхъестественный в природе, несмотря что протекло 265 лет. Но никто из них не думал об этом, считая или вымыслом какого-нибудь легкомысленного, или сказкою, выдуманною для детей. Прошли те времена, когда всему верили; когда многие думали, что есть люди на четырех ногах, с бычачьим хвостом и рогами, с четырьмя глазами: двумя на лбу, а двумя назад; когда были уверены, что на ките держится свет, что живут под землею демоны; что они во время пирушек в преисподней бросают молнию на города и сожигают!! Пусть бы это так, но все следовало бы сказать господину сочинителю, которого почитаю от души за многие полезные его труды: на чем он основал несбыточное событие? В примечании его указано, между прочим, на «Русск. Лет. по Никон. сп.», т. VII. – Я искал и ничего не нашел там. Открывается, что г. сочинитель взял из *Карамзина*. История государства Российского, т. IX, 1821, с. 350. – Странно! Знаменитый историограф, исчисляя несчастные происшествия того времени для России, страшные видения Иоанна IV и поверья народа, упомянул о носившейся молве, что в день Р. Х. громовая стрела зажгла при ясном солнце спальню Иоаннову в Александровской слободе, и заключает: сказка, достойная суеверного века. Следовательно, *Карамзин* не верил; он только указал на легковереье *Одерборна*, который, поверив молве, первый записал в число действительных чудес, а ему никто не верил. Вот самое место из *Одерборна*, – см. *Ioannis Basilidis Magn. Moscoviae ducis vita*, изд. 1585 г., гл. III, л. 4. – *Fulmen deinde subitam secum coeli serenitatem adducens, ipso Christi natalitis slobodam speciosam magnorum Ducum habitationem, cum terribili ingentium structuram et trabium ruina disiecit, rerumque pretiosarum splendidissima supellex, qua ista in munitione asservabatur, de coelo tacta et consumpta est. In elegantiori vero camera cubiculum Basilidis ipsius ubi lectus erat falmen intravit, adeo caute perrerans, ut ipsum simul urnam feriendo dissiicerit, qua captivorum nomima ad libidinem forte principis educabuntur, etc. etc.* <См. «Житие Иоанна Васильевича, Великого князя Московского», изд. 1585 г., гл. III, л. 4. – «Внезапно посреди ясного неба засверкала молния, в день Христова Рождества в слободе, великолепном жилище великих князей, она, ужасно неистовствуя, нарушила балки и стропила, и драгоценнейшие сокровища, хранившиеся в надежном месте, были поглощены небом. В еще более прекрасную спальню самого Иоанна Васильевича, где он лежал, молния влетела, все перевернув и разбив также урну, в которой иной раз, по желанию князя, пожигались имена узников»>. В недавнее время случилось среди зимы воздушное явление с громовым ударом и блеском молнии. В Риге и ее окрестностях замечено было 5 января 1844 г. в 10 часов вечера воздушное явление с громовым ударом и молнию; но этот удар и блеск произошли от пролетевшего по небосклону и лопнувшего в воздухе огненного шара. – Журн. мин. внутр. дел за 1844 г., февр., в «Смеси», с. 355. – Все же не гром и молния – из дождевых туч. И этот гром был следствием лопнувшего огненного шара, а молния только отблеском его.

Воронцов, Дан. Бор. Салтыков, кн. Мих. Вас. Тюфякин не хотели сдаться и нашли смерть под ее стенами; а московские пушкари, тем же одушевленные, повесились на своих орудиях. Эти люди не искали славы, но думали о чести; имена их неизвестны, но их подвиг служит трогательным примером доблести воинской.

Действуя с полной уверенностью в том, что силы возрастали, русские приобрели царства Казанское и Астраханское, и горсть донских и волжских казаков в числе 840 человек под предводительством Ермака Тимофеевича завоевала Сибирь: от березовских пределов до Тобола (1582). «Бог послал нам новое царство», – говорил народ с живейшею радостью и пел молебны благодарственные. Преемники Ермака довершали завоевание дикого и сурового края от каменного пояса до Северной Америки и Восточного Океана. Труды вознаградились богатыми рудниками, дорогими мехами и выгодной торговлею. В то время как толпы Кортца и Пизарра распространяли завоевания в Америке (около 1519 г.), русские вели торговлю по хребтам уральским, укрепляли там свою оседлость мечом, селились спокойно между Камою и Северной Двиною, привлекаемые сюда изобилием, дешевизною, выгодами мены с полудикими народами, доставлявшими во множестве дорогую мягкую рухлядь. Самое жестокое правление царя, казалось, было заглушаемо радостными событиями нашего отечества, приобретающего новые и обширные страны и входившего в тесные связи с иностранными державами, преимущественно с Англиею.

БЕДСТВИЕ ВОЗВЕЛИЧИЛО РУССКИХ

Россия возвеличенная должна была испытать новые удары несчастий в течение 15 лет (1598–1613), со времен Бориса Годунова до восшествия на престол Богом ниспосланных Романовых. Хотя распространение пределов Сибири до Северного океана упрочивало наше могущество, доставляло богатство, славило народный дух и отважные предприятия новых витязей, хотя нагайские и крымские татары страшались русского меча, хотя древняя Иверия (Грузия) увеличивала славу нашу с при-

нятием ее под покровительство наше (1604 г.) и царь грузинский Александр считал нас своими защитниками, однако мы сами нуждались в защите от неожиданных появлений – лжецарей. Возобновилось время бедствий! Цари Годуновы и Шуйские гибли; самозванцы возмущали народ, который сам не знал, кому верить; партии крамольников и губителей пользовались смутами и объявляли царями то из иноземных властителей Польши и Швеции, то попеременно являвшихся Лжедмитриев. Блистательные успехи доблестных мужей: Прокопия и Захария Ляпуновых, победы кн. Скопина-Шуйского, подвиги Истомы Пашкова, Лыкова и кн. Андр. Голицына не могли остановить полчища мятежников; шайки польские и татарские грабили повсюду. Окрестности Москвы кипели бродягами, внутри ее рыскали ватаги буйных Жолкевских, Сапегов, Гонсевских, Хоткевичей и немца Струйса: рубили и все жгли, что им попадалось. Сердце России было разорвано, воины рассеяны, города и селения в пепле, жители в ужасе, правительство в бессилии. Казалось, что народная самобытность исчезла, и к довершению ее разорений – поляки осадили Троицкую Лавру, но это самое спасло Россию! В общем унынии духа еще не все упало. Гетман Сапега, злодей Лисовский, князя Тишкевичи, Вишневецкие и другие начали осаду (1608 г. сент. 23) с 50 000 армией; между тем как в обители смиренной находилась горсть иноков, высоких единственно душою, коими управляли достойные бессмертия кн. Григ. Долгорукий и Алексей Голохвастов. Все целовали им крест, чтобы не выдавать отечества. День и ночь бились, больные и раненые лежали на дожде без присмотра; юноши и дряхлые заступали их места; много падало от зимнего холода, а еще более от голода; но никто не думал о сдаче. Шестнадцать месяцев обороняли иноки Лавру и со славою отстояли. Таковых примеров не много во всемирной истории. Сколько твердости, сколько чувств благородных в народной гордости! Старцы и жены умирали с честью, никто не боялся смерти. Вся Россия была усеяна трупами ее сынов; внутренность ее была изрыта могилами – все гibly, кроме добродетели и чести. Но когда восстала вся Россия на своих врагов, тогда все поклялись ис-

пить смертную чашу. Два мужа, назначенные Провидением для спасения отечества, начали первые: старец патриарх Гермоген и Захарий Ляпунов. Гермоген, не соглашавшийся на возведение на русский престол польского короля, был заточен на Кирилловском подворье. Томимый заключением, он стоял у гроба, но и на пороге вечности ревностно занимался судьбою своего отечества. Пламенная любовь к отечеству подкрепляла дряхлые и горестные дни его жизни. Он молился за спасение России, клял мятежников, убеждал бояр не жертвовать Церковью, – он один среди коварства и обмана не был коварен. Изменники много раз приступали к Святителю, требуя его благословения на избрание нового царя. Сам Гонсевский увещевал его, угрожал ему гневом короля и даже смертью. Ветхий старец, указывая на небо, говорил: «Боюсь Одного, там живущего!»¹ Изнурением голода дума-

¹ Изменник и клевет бояр<ин> Михаил Салтыков, требуя однажды у Гермогена, чтобы он запретил Прокопию Ляпунову ополчаться за Россию, в противном случае грозил резать его. Но видя его твердость и решительную волю, предатель обнажил нож и в бешенстве устремился на него. Патриарх осенил его крестным знамением и сказал: «*Знамение Креста противу ножа твоего, и взыдет вечная клятва на главу твою*». – «Собр. госуд. гр.», т. II, с. 491. – *Латух*. «Степен. кн.»: «...*патриарха скверно лаяше и выняв нож свой, хотел его заклати*», и т. д., см. еще «Ник. лет.». А. С. Шишков, известный отечественными заслугами, говорит о патриархе Гермогене в прекрасном своем рассуждении «О любви к отечеству», будто бы ляхи его били и мучили, о чем никакая отечественная летопись не говорит нам. Правда, ляхи грозили ему смертью, томили заточением, и изменник Салтыков покушался заколоть его ножом. «Неистовые враги угрожают ему (патриарху) смертию, – говорит г. Шишков. – “Тело мое вы можете убить, но душа моя не у вас в руках”. Они в ярости рвут на нем золотые ризы, совлекают священное облачение, налагают на него вериги и оковы: он сожалеет, что из десницы его отнят крест, которым благословлял он народ стоять за отечество. Они повергают его в глубокую, смрадную темницу. Он соболезнует только, что не может более предстать во храме Божиим для воздеяния пред лицом народа рук своих ко Всевышнему. Они изнуряют его голодом и томят жаждою, но ни тяжкие цепи, ни густой мрак, ни страшное мучение алча, ни жестокая тоска иссыхающей гортани не могут победить в нем твердости духа, не могут преклонить его к согласию на порабощение отечества» (Собран. соч. и перев. г. Шишкова, ч. IV, с. 161–162, СПб., 1825). С патриарха никогда не срывали риз, ни платья; не налагали на него ни веревок, ни оков, ни цепей и не держали в глубокой и смрадной темнице. Это все увеличено. Вероятно, г. сочинитель смешал это событие, бывшее с митрополитом Ростовским Филаретом. Когда ляхи взяли Ростов (в 1609 г.), народ и воины бежали; тогда Филарет сказал: «Не бегством, а кровью должно спасать отечество!» – и за-

ли убедить его, но он благословлял народ на защиту отечества, и предсмертный голос его был о спасении России.

Так кончил жизнь свою великий иерарх – лучезарное светило отечества. Смерть его воспламенила сердца всей России; все люди закипели мщением. Опорою бедствовавшей России еще оставался Ляпунов, но злодей Заруцкий оклеветал его пред своими казаками. Они взволновались, провозгласили его изменником, и среди высоких помыслов об освобождении отечества Ляпунов встретил неотвратимый удар – он пал на гроб отечества! Великие тени Гермогена и Ляпунова навсегда пребудут в событиях истории священными¹. Казалось, все погибло со смертью этих великих защитников. Отечество погрузилось в печаль безутешную: все страдало и плакало. Думали, нет надежды на избавление: нигде не видели спасителей. Но на голос о спасении явились Козьма Минич Сухорукий и кн. Дм. Мих. Пожарский, и тогда единодушно объявили своим царем юного Михаила. Враги, однако, подослали злодеев в Ипатьевский монастырь, в коем жил Михаил, чтобы умертвить его. Крестьянин Ив. Сусанин известил избранного на престол об угрожавшей ему смерти и сам умер за него, будучи замучен поляками².

К концу 1612 г. большая часть России очистилась от наших губителей, и это самое время, лютейшее из всех государственных, ознаменовало русских более, нежели когда-либо. Тут вылился весь народный дух, кипевший священным чувством любви к отечеству. Народ познается только в бедствиях. Чувство ключился с немногими усердными воинами и гражданами в соборной церкви. Там все исповедовались, причастились и ждали смерти. Неприятели осадили храм, выломали двери и ринулись с мечами. Верные ростовцы окружили Святителя, защищали его до последнего издыхания; церковь наполнилась мертвыми, и злодеи схватили Филарета: сорвав с него святительские ризы, одели в рубища; потом надели на него простую свиту и повели его босого в татарской шапке в тушинский стан. Великий Филарет терпел унижение долгое время; но его верность к отечеству ничто не поколебало (Никон. лет., с. 103–104; *Авр. Палиц.* Осада Троицк.-Серг. Лавры, с. 44; *Латух.* «Степен. кн.»).

¹ Некоторые из наших писателей сомневаются в патриотических действиях Ляпунова – между тем как он умер за отечество.

² Потомки Сусанина, живущие в Плесском уезде, в деревне Коробове, в 35 вер. от Костромы, освобождены Екатериною II от всех повинностей и сделаны вольными.

благородного самоотвержения восторжествовало, и отечество вышло из пучины смут и крамол светлым, чистым, блестящим как солнце! Всегда, во все века были у нас разительные доказательства самопожертвования. Это не пристрастие, а истина, как Божий свет. Быть молчаливым о славе своего отечества, великих деяниях народа – это обнаруживает одно робкое и неуместное смирение, которое весьма вредно в политике.

НЕИЗМЕННОЕ СВОЙСТВО ВЕСЕЛОСТИ

Предки наши и в самой неволе увлекались забавами и пляскою. Горе их услаждалось тихим и боязливым веселием, которое отразилось в песнях, напоминающих донныне грусть и тоску. Пение нередко сопровождалось музыкаю, которая невольно переходила в печальные звуки сетования. Оттого напев и музыка русского заунывные. Некоторые игры доселе носят отпечаток истомы, олицетворенной в голубе, коршуне, сером волке и пр. Предрассудки и суеверия владели умами; искусства и художества начали распространяться только со времен Иоанна III. Тогда стали уважать плоды гражданского образования, но любили святыню древних нравов и простоту жизни, отдавая справедливость разуму и просвещению; перенимали все, что было хорошее, отнюдь не чуждались иностранцев, приносивших к нам полезное с собою. Древние народные обычаи мало изменялись до конца XVII в. Хотя мы познакомились с винами иноземными, однако русские яства и хлебосольство, радушие и роскошные одежды еще напоминали и тогда старинную самобытность. Все любило свое собственное, им жило и веселилось, и это чувство переходило от потомства к потомству как завет самосохранения.

СОХРАНИВШАЯСЯ НАРОДНОСТЬ В ДРЕВНИХ СОЧИНЕНИЯХ

Науки облагораживают сердце, раскрывают душу и возносят ум; но без истинного просвещения они не согревают, а воспламеняют; не ведут к цели благосостояния, а кружат го-

ловы пылкими затеями и превратными начертаниями, потому знания, жизнь народов должны отсвечиваться в действиях общих, а не гениев. Русские издавна любили науки и постоянно стремились упрочить их своими понятиями и своим образом жизни. В первых веках нашей гражданственности познания тесно сливались с народностью, могуществом, роскошью, изобилием, удалством и силою. Древние песни и сказки славили могучих богатырей, сподвижников Владимира I; великолепие его пиров и ласковое его обхождение¹.

В стольном городе Киеве,
Что у ласкова, сударь, князя Владимира
А и было пированье, почетный пир,
Было столованье, почетный стол,
Много на пиру было князей и бояр,
И русских могучих богатырей.
А и будет день в половину дня,
Княжецкий стол в полу столе...
Владимир князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Черные кудри расчесывает.

Когда пировали, <тогда> богатырь сам наливал чару зелена вина, невелика мера, в полтора ведра, а турий рог меду сладкого вполтретья ведра².

Законы черпаются из обычаев и жизни народов. Правда, русские и церковные уставы носят отпечатки тогдашнего духа и потребности. В начале X в. мы имели уже училище народное, заведенное в Новгороде для 300 детей³. Междоусобия князей

---

¹ Богатыри и сподвижники: Добрыня Никитич, Александр с золотою гривною, Илья Муромец, Алеша Попович, Чурила Пленкович, Соловей Будимирович, богатырь Рогдай, Ян Усмошвец, Дюк Степанович, Иван гостинной сын, Аким Иванович, Отар Годинович, Касьян Михайлович, Поток Михайло Иванович, Василий Игнатьев-Пьяница и Тугарин Змеевич запечатлелись в памяти народа как доблестные витязи Владимира.

² Древн. русск. стихотв., собр. Кириш. Даниловым, 1818, с. X, XI, 5 и 206.

³ Никон. летоп.: «И собрав от старост и пресвитеров детей 300, и повеле учить книгам».

и нашествие татар заглушили первые начатки образования. Словесность и науки нашли убежище в монастырских стенах: там иноки занимались списыванием священных книг, сочинением летописей и поучений. Наставления в. к. Ярослава (1054) к детям его; церковное правило митроп. Иоанна (около 1093 г.), наставника добродетельного и друга несчастных; поучения епископа Луки Жидяты (1059), поучения Владимира Мономаха (1125), сочинения митроп. Никифора (около 1120 г.) – все это ознаменовано сердечным умилением, мольбою к Вседержителю за отечество и народ, который любил добрых князей и пастьрей, как дети своих отцов. «Слово о полку Игореве», древнейший памятник русской поэмы (сочин. в конце XII в.), возглашает славу наших витязей, хвалит доблестный дух народа, который и в несчастьи был велик преданностью беспредельной к своему отечеству. Имя сочинителя неизвестно, но его произведение запечатлено силою выражения языка живописного. Начиная поэтический рассказ о былинах своего времени, он с восторгом восклицает о песнопевце Бояне, *соловье старого времени*, которого *вещие персты*, касаясь *живых струн*, *рокотали славу* нашим витязям. До нас не дошли песни Бояна, но они свидетельствуют, что мы имели еще до XII в. знаменитых стихотворцев, коих творения с древнейшими русскими сказками о делах и богатырях погибли в бедственную эпоху междоусобий и угнетения России. Выпишем замечательнейшие места. Новгород-Северский удельный князь Игорь, исполненный ратного духа, ведет свои храбрые полки в половецкую землю; но, увидев красное солнце, покрытое тьмою, которая распростерлась на его воинов, он воодушевляет их: «Братия и дружина! Лучше нам умереть на поле битвы, нежели достаться в плен. Сядем, братия, на свои быстрые кони и полетим к синему Дону. Я хочу с вами изломить свое копьё на половецких степях; там положить свою голову или шеломом испить Дону! Не буря несет соколей чрез широкие поля; но стадо галок к великому Дону. Лошади ржут за Сулою, звенит слава в Киеве, трубят трубы в Новгороде, развеваются знамена в Путивле, Игорь ждет к себе на помощь милого своего брата Всеволода». Он не замедлил прибыть и говорит

своему брату: «Мои воины метки в стрельянии, под звуками труб повиты, под шеломами взлелеяны, острием копья вскормлены, пути им ведомы, овраги знаемы, луки у них натянуты, колчаны раскрыты, сабли заострены. Мои воины носятся в поле серыми волками, ищут себе чести, а князю славы». Игорь разъезжает по чистому полю, но потемневшее солнце преграждает ему путь; ночь стонет грозно и разбуживает птиц, звери рыщут в пустынях. Игорь ведет своих воинов к Дону. Уже птицы хищные предвещают ему беду, волки бегают по оврагам, орлы своим клек<о>том созывают зверей на кости, лисицы воют на червлёные щиты. Русские уже за Шеломянем. Ночь долго меркнет, и заря утренняя не всходит. Битва началась: неприятели побеждены; в добычу достались нам дорогие ткани, золото и красные девицы. Но с юга налетели черные тучи – новые полки врагов. Русские стали противу них своими щитами. «Всеволод сыплет на неприятелей стрелами, звенит по шлемам булатными мечами. Где сверкнет золотый его шишак, там лежат головы половецкие; раздробляются шлемы неприятельские от саблей каленых. Два дни кипит битва страшная. Летят стрелы каленые, гремят сабли о шелома, трещат копья булатные; земля усеяна костями и облита кровью; но печаль облегла Русскую землю: на третий день к полудню пали знамена Игоря! Недоставало кровавого вина, но храбрые русские кончили свой пир: напоили гостей и сами легли за отечество! Невеселая настала година! Жены русские восплакали: не видать нам своих милых, ни мыслию помыслить, ни думою сдумати. Застонал Киев скорбью, а Чернигов бедами; тоска разлилась по всей России: Игоря ведут в плен, девицы половецкие поют радостные песни на берегах синего моря и звенят русским золотом. в. к. Святослав роняет золотое слово, омоченное слезами, и говорит: «О, племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы подняли мечи на половецкую землю, а себе искать славы. Несчастно бились, но несчастнее пролили кровь поганую. Сердца ваши скованы булатом и закалены мужеством, но что нанесли моей серебряной седине! Много у нас воинов, но и те без щитов. Величаясь прадединой славою, вы говорили: мужайтесь! Славу прадедов исторгнем и ею увенча-

емя! Если сокол летает на добычу, то он нападает свысока». Песнопевец приглашает князей соединиться, чтобы наказать половцев: «В. к. Всеволод! Ты можешь Волгу раскроить веслами, а Дон вычерпать шлемами. О, Рюрик и Давид! Не ваши ли позлащенные шлемы плавают в крови? Не ваша ли храбрая дружина рыскает, как дикие волки, уязвленные калеными саблями? Галицкий Ярослав Осмомысл! Сидя высоко на своем златокованном престоле, ты подпираешь венгерские горы своими железными полками, преграждаешь путь королю, затворяешь ворота Дуная, открываешь путь к Киеву, стреляешь за земли султанские – стреляй в Кончака, нечестивого кощея, за землю Русскую, за раны Игоревы! А вы, Роман и Мстислав, летая высоко отвагой, как сокол на крыльях ветров, под вашими булатными мечами склоняют головы: литва, ятвяги, древляне и половцы. Ингварь и Всеволод и все три Мстиславичи, знаменитого гнезда шестокрыльцы! Заградите поле врагу своими острыми стрелами за землю русскую, за раны Игоревы! Уже Сула не течет серебряными струями, а Двина течет болотом, под грозным кликом поганых. Изяслав, сын Васильков, сразился острыми мечами со щитами литовскими и нашел славу: он пал на кровавой траве, изрубленный литовскими мечами. Дружину твою, князь, приодели птицы крыльями, а кровь ее полизали звери. Ты выронил жемчужную душу из храброго тела. Приуныли голоса, замолчало веселие! Ярослав и все внуки Всеслава! Склоните свои знамена, вложите свои мечи. Вы своими крамолами навели поганых на землю Русскую. На берегах Немана они стелют снопы головами, молотят булатными цепями и веют душу от тела. На кровавых берегах Немана не болот посеян, а посеяны кости русские! О, стены Русская земля, вспоминая про времена первых князей своих!» Супруга Ярослава плачет, говоря: «Полечу незнаемой кукушкой по Дунаю, омочу шелковой (бебрянь) рукав в реке Каяле и утру кровавые раны на изрубленном теле моего друга». Супруга пленного Игоря проливает слезы в Путивле, смотря с городской стены в чистое поле: «О, ветер, ветер! Для чего ты веешь! К чему мечешь ханские стрелы на воинов моего друга? Разве тебе мало везть на горах под облаками, носить ко-

рабли на синем море? К чему мое веселие развеваешь? О, славный Днепр! Ты пробил каменные горы в земле половецкой, носил на себе Святославовы ладии к стану Кобякова; принеси ж ко мне моего милого, чтобы я не посылала к нему в море утренних слез моих. О, светлое и пресветлое солнце! Ты для всех теплое и красное: для чего ж падаешь горячими лучами на воинов моего милого, палишь их в безводной пустыне и угнетаешь печалью?» Игорь освободился из плена: обманув бдительность стражи, он садится на борзого коня и летит соколом; утомив коня, он садится в лодку и плывет в отечество р. Донцом. Река приветствует князя: «Князь Игорь! Не мало тебе величия, Кончаку досады, а русской земле радости». Князь отвечает: «О, Донец! Не мало тебе величия, когда несешь на своих волнах князя, стелешь ему зеленую траву на своих серебряных берегах; одеваешь его теплыми мглами под сенью зеленого дерева; охраняешь его го-голями на воде, чайками на струях, чернетями на ветрах». За Игорем гнались Гзак с Кончаком: «Тогда вороны не крикали, галки замолкли, сороки не трескотали, лазя по деревьям. Дятлы указывали ему путь к реке, а соловьи повешали возвращение князя веселыми песнями». «Хотя тяжело голове без плеч, – говорит песнопевец словами Бояна, – но худо телу без головы, а Русской земле без Игоря. Солнце сияет на небе, Игорь в русской земле! Девицы поют на берегах Дуная; радостные голоса *вьются* чрез море в Киев: Игорь едет по Боричеву во храм Св. Богородицы Пирогощей». Стихотворец заключает: «Да здравствуют князья и дружина, поборовшие за христиан поганые полки. Слава князьям и дружинам!»¹

---

¹ Слог песни о полку Игоря показывает, что она сочинена южным жителем России. Некоторые слова и выражения, встречаемые в этой песне, сохранились доселе в малороссийских думах конца XVI в., и это доказывает, что Малороссия давно имела своих вдохновенных поэтов, еще до создания языка.

Из многих разбиравших песнь о полку Игоря с исторической стороны есть более удовлетворительный – П. Г. Буткова, напечат. в «Вестнике Европы», 1821 г., № 21 и 22, в «Сыне Отечества» и «Север. арх.», 1834 г., № 52. Г-н Бутков подвергся несправедливым замечаниям сочинителя «Сказаний русского народа» г. Сахарова. Уважая вполне полезные труды г. Сахарова, нельзя пропустить без замечания ошибочных его нареканий. Он, между прочим, говорит, – см. его «Сказания русского народа», в ст.: «Русская народ.

Науки были любимы в уединенной келье. Верхуслава, невестка кн. Рюрика, ревностно покровительствовала ученым мужьям: епископу Суздальскому Симону и монаху Киевской лавры Поликарпу (около 1226 г.). Период татарского владычества, мрачный для воспоминания, но утешителен крепкой верою. Святители и пастыри проповедовали христианское смирение и утверждали в уповании на Бога-защитника. Ду-

литература», с. 58–60, изд. 1841 г., и «Песни русского народа», ч. 5, с. 222–228, – «Критические исследования г. Буткова заслуживают особенного внимания. Идя своим путем, он сам разыскивал, не верил чужим толкованиям. Эту самобытность г. Буткова встречаем мы во всех его исследованиях». После этого прибавляет, что он несправедливо толкует древние слова, которые не объяснил и сам г. Сахаров. Он говорит далее: «Мнение г. Буткова о местоположении Тмудоракана замечательно своею новостью изысканий от всех других: он полагает, что его искать должно не в Тамани, но на пути из Киева к Полоцку, на правой стороне Остра, при соединении этой реки с Десною, где теперь село Старогородка, в одной версте ниже города Остра, в 60 верстах от Киева». Г-н Сахаров не так это понял. Г-н Бутков, говоря о побеге Всеслава из Белгорода чрез Киев и Тмудоракань, указывал, что тут разумеется Тмудоракань не Таманская, а тот город Тмудоракань – Остро-реческий, который упоминается в географическом отрезке XIV в. в числе киевских городов. Сахаров говорит еще: «...что же касается до непонятных слов, встречающихся в описании слова о походе Игоря, то г. Бутков почти не обратил на них внимания». Г-н Бутков не брался объяснять непонятные слова; он писал нечто к слову, а не о всем слове, и г. Сахаров упустил из виду, что г. Бутков объяснил отчетливо события Игорева похода. Я не вхожу в дальнейший разбор исследования по этому предмету г. Буткова, которого труды весьма важны для нашей критической истории.

Очень многие покушались объяснить «Слово о полку Игоря», и каждый из них писал по своему мнению. Вот одно только исчисление писателей по предмету, доселе не истолкованному. 1. Граф А. И. Мусин-Пушкин. Он первый открыл в 1795 г. и напечатал в 1800 г. 2. А. С. Шишков напечатал в 1805 г., потом перепечатал в 1826 г., и помещено в полн. собр. его сочинений и переводов. 3. Я. Пожарский в 1819 г. 4. Н. Грамматин объяснял в прозе и стихах, 1823 г. 5. Н. А. Полевой в 1830 г. в 3 т. «Ист. русск. нар.». 6. А. Ф. Вельтман, в 1833 г. 7. М. Максимович, 1837 г. Переводили в стихах: 8. Серяков, 1803 г. 9. Палицын, 1808 г. 10. Язвицкий, 1812 г. 11. Левитский, 1813 г. Иностранные переводчики на немецкий язык: 12. Славянин Юнгман, 1810 г. 13. Миллер и 14. Зедерман. Последний объяснения г. Карамзина и Шишкова назвал перлами. 15. Куприян Гобебский на польский язык. 16. Вацлав Ганка, славянин, на чешский язык. 17. Аджит поместил перевод «Игорева слова» в сербском альманахе «Голубица». 18. Авг. Белевский объяснял «Слово о полку Игореве» на польский язык. 19. Дм. Дубенской представил новые объяснения на «Слово о полку Игореве» – они напечатаны в «Русск. достопамятн.», ч. III, 1844 г.

ховенство, приобретая большое влияние на народ, умело защищать его пред ханами. Так, митрополит Св. Алексей успокаивал свое отечество ходатайством в Орде; архиепископ Ростовский старец Вассиан, Демосфен своего времени, напоминал Иоанну III (в 1480 г.) стоять крепко за отечество и веру. «Наше дело говорить царям истину... – писал он к царю. – Что я прежде изустно сказал тебе, славнейшему из владык земных, о том и ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу. Когда ты поехал из Москвы к воинству с намерением ударить на врага христианского, тогда мы, усердные твои богомольцы, денно и ночью припадали к алтарям Всевышнего, да увенчает тебя Господь победою. Что же слышим? Ахмат приближается, губит Христианство, грозит тебе и отечеству: ты же от него уклоняешься! Государь! Каким советам внимаешь? Помысли! Предать землю Русскую – мечу и огню; людей погибели! Чье сердце каменное не обольется слезами от единой мысли? О, Государь! Кровь вопиет на небо. Мы уповаем на Вседержителя, что ты не оставишь нас и не будешь именоваться предателем отечества. Отложи страх: Господь мертвит и живит. Поревнуй предкам своим: они хранили Русскую землю и покоряли многие страны. Мы все благословляем тебя на Ахмата, не царя, а разбойника и богоборца. Лучше солгать и спасти государство, нежели истинствовать и погубить его»¹.

Этот самый период замечателен духовными сочинениями митрополитов: Киприана (1406), Фотия (1410), Григория Самблака и Макария, которые, конечно, не все в духе народном, зато везде проникнуты священным чувством любви к отечеству. Такой дух господствовал постоянно в нашем дорогом отечестве; такой дух спас Россию и вручил ее венценосным Романовым. Иоанн В. и Борис Годунов вызывали иностранцев и старались поселить науки. Годунов предполагал даже открыть в Москве университет, по крайней мере высшее народное училище. Царствование его, нарушенное смутами лжедмитриев, не дало созреть благим начинаниям – это предоставлено было счастливому веку императрицы Елизаветы.

¹ Карамзин. История государства Российского, т. 6, с. 145–148.

НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ НАРОДА И ЕГО СЛАВА

Наступала новая гражданская жизнь, появлялись новые источники благоустройства; но это совершилось не вдруг, потому что предстояла еще сильная борьба народу: ему надлежало бороться со своими непримиримыми врагами – соседями: поляками, шведами и татарами крымскими. Укрепляемый любовью народа, Михаил принял царский венец (3 марта 1613 г.). Призванный им единодушно, он ревновал о благоденствии и упорчил его, сколько было возможно. Он прекратил споры за московскую корону, уничтожил крамолы внутри отечества и восстановил достояние России; но мы не знаем, кто был во всех сих действиях душою неопытного и юного государя? Когда святитель Филарет томился неволею в Варшаве, кто врачевал тогда раны нашего отечества?¹ Кто указывал ему на благо общественное? Видим блистательных полководцев, но они были сильные на войне, а не в совете; были крепкие мужеством, а не знанием науки государственного управления. Кн. Одоевский, истребитель шайки атамана Заруцкого; кн. Пожарский, спаситель отечества, поражавший еще скопища *лисовщины*²; боярин Лыков, памятный шведам своею доблестью; боярин Шеин, защитник Смоленска, и другие радовали отечество и доказывали его силу³.

¹ Мы знаем, что Филарет по возвращении из девятигодичного плена (14 июня 1619 г.) был возведен в патриаршеское достоинство (22 июня); потом сделался ближайшим советником своего сына. «Нов. Древн. библ.», ч. 6, с. 125, 1788.

² <Лисовский-Янович А.-И. играл заметную роль в событиях Смутного времени, разграбил Коломну, осаждал Троицкий монастырь, долго опустошал разные русские области>.

³ Иностранцы, называя нас варварами, описывали как жителей новооткрытой части света. Но они забыли, что эти варвары были умом сильные и с безграничной любовью к своему отечеству; что эти варвары не дозволили просвещенным народам выбрать из среды их властелина. Народ наш славился и в то время самобытностью и Православием; государские сановники – гибкостью политики и умом дальновидным, ибо уничтожили домогательства Польши и Швеции в избрании их королей в наши цари. Некоторые из наших дворян сражались еще в Тридцатилетней войне и запечатлели

Борьба с теми же неприятелями продолжалась в царствование Алексея Михайловича и была упорнее. Зато принятие Малороссии под покровительство России (8 января 1654 г.) и прекращение войн миролюбивыми и полезными договорами с неприятелями укрепили нас во владении. Великий муж этого времени Аф. Лавр. Ордин-Нащокин много содействовал утверждению Малороссии за Россию. Друг человечества, достойный сын России А. С. Матвеев трудился и умер за честь и пользу. Недоставало исполинского гения, который вдвинул бы Россию в систему европейских государств, ибо русский народ любил пламенно свое отечество, а с такою любовью чего нельзя было предпринять и совершить? Явился великий ум, и слава России озарилась сиянием Петра. Он соединил нас с Европою и показал нам выгоды просвещения. Мы как бы одним взглядом присвоили себе плоды долговременных ее трудов. Великий монарх едва указал воинам, как надобно сражаться, они уже летали от побед к победам. Явились наши полководцы и доказали, как мы умеем бить шведов и поляков. Победные звуки разнеслись по Европе. Прежний порядок управления изменился, преобразовались все сословия людей, появились лучшие законы, правильные судилища. Между многими блестящими подвигами его полководцев не менее поражает меня кн. М. М. Голицын, взявший Шлиссельбург. Взятие этой крепости было ему поручено; осаждаемые были поражаемы со всех сторон; войска гибли, но не отступали. Царь велел прекратить осаду, но Голицын, влезая на крепостные стены, отвечал посланному: «Скажи Государю, я теперь не ему принадлежу, а Богу». Крепость обливалась кровью, и стены ее пали пред Голицыным. Отец народа облобызал с гордостью сына

свои подвиги кровавыми ранами. Олеарий, секретарь шлейзвигголштинского посольства, приезжавший в Москву в 1633 г., говорит, что между Копорьем (Сапурга) и Нотебургом (Шлиссельбургом) русский боярин Базалович угощал посольство вкусными яствами и за столом играла музыка; что Базалович участвовал в Лейпцигской битве в 1631 г. и показывал свои раны, полученные им; что боярин не только храбрый, но обходительный и любезный. — *Олеар*. *Offt begehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise*, с. 9. Изд. Шлейзв., 1647 г., in. f.

отечества¹. Венценосный Петр сам на себе показывал примеры самоотвержения, и между многими: Полтава и Прут.

Великий монарх созидал величие своего отечества на отдаленные грядущие века. Он везде сам судил, сам избирал мужей и не ошибался в выборе своих сотрудников, которые если не стоят наряду с ним, то и не могут быть отделены от него: Головины, Меньшиковы, Голицыны, Головкины, Шафирины, Долгорукие, Остерманы и многие другие.

Примеру своего отца следовала неукоснительно Елизавета; оружие ее воинов: Минихов, Лассиев, Апраксиных, Фермора, Салтыковых – гремело повсюду; хитрые действия политика-канцлера гр. Бестужева-Рюмина дали чувствовать Европе быстро возраставшее могущество русских. Но что можно сравнить с исполинскими делами Екатерины II? – Иоанн III был творец России, Петр I – ее преобразователь, а Екатерина II, мудрая и прозорливая, вознесла ее на верх славы: она – венец народной гордости! Обнимая в уме своем систему европейских государств, она не упускала из виду Швеции, Польши и Турции. Она приобретала земли для пользы России, ее могущества и внешней безопасности. Она знала, что все союзы и дружественные договоры суть только кратковременное перемирие и что единственный способ утвердить их – следовало держать неприятелей в трепете. Европа испытывала это многократно и убедилась, что монархия не разрывала мира без нарушения его другими, и когда меч блистал в руках ее полководцев, тогда было горе супостатам! Проницательный взор ее нашел Румянцевых-Задунайских, генералиссимусов Потемкиных-Таврических, Долгоруковых-Крымских, генералиссимусов

---

¹ Нотебург, переименованный после завоевания в Шлиссельбург, взят 11 окт. 1702 г. (*Голик*. Деян. Петра Великого, ч. II, с. 86.) Приобретение Нотебурга было столь важное, что Петр Великий установил ежегодное торжественное молебствие, которое совершается поныне в день взятия во всех церквях наравне с Кучук-Кайнардж<ий>ским миром и другими победоносными воспоминаниями. Герой Шлиссельбурга кн. Михаил Михайлович Голицын был впоследствии фельдмаршалом. В «Московских ведомостях» за 1843 г., № 89, 27 июля, ошибочно сказано, что он взял Шлиссельбург 12 окт. (См. статью, напечатанную в том номере: «Жизнь кн. М. Голицына».) Он помер 10 дек. 1730 г.; погребен в Москве в Богоявленском монастыре, в Китай-городе.

князей италийских графов Суворовых-Рымникских – бича турок, карателя Польши и грозу французов. Последние извели в Италии весь ужас его штыков. Этот альпийский герой, Аннибал русский, трепет нерешительных австрийцев, летал от побед к победам по одному мановению Великой в империи жены – Екатерины II. Когда он вошел в Италию, тогда казалось, что великие тени Фабрициев, Камиллов, Сципионов, восстав из гробов, смотрели с удивлением на трофеи его. Суворов принадлежит к числу необыкновенных полководцев. Где он ни сражался, везде побеждал. Подобно Цезарю, он ставил себя выше судьбы. Он не шел, а летел к славе, которая встречала его с лавровыми венками. Цезарь, Суворов и Наполеон – вот явления всемирные! Дальновидный взор, изумительная быстрота и верный удар были родные им свойства. Русские не останавливались, шли вперед, думали о пользе и славе, и вскоре молниеносные их орудия осветили Эвксинский Понт. Здесь увековечили себя Орловы-Чесменские, принцы Кобургские ревновали <к> Чесменским; Ферзены текли по следам Рымникского. Умные государственные мужи: Панины, Безбородко, Репнины, Штакельберги, отец и сын, благодетельные Бецкие, вдохновенные Державины – увенчали имя русское. Не здесь исчислять блистательные дела, украшающие по справедливости гордость народную. Довольно, что век Екатерины не разделен с именем русского. Не здесь, а в бытописании царств должно следовать за величием России. В сиянии славы и благоденствии народ рукоплескал уму Екатерины и ее сотрудникам. От берегов Невы до Царьграда, от льдистых стран Северного моря до благословенной Италии, от кавказских хребтов до Пекина – все говорило и завидовало русским.

Наше отечество, наслаждавшееся миром, вскоре было вызвано на новый бой с непобедимым для Европы Наполеоном. Чрезвычайные его победы наводили повсюду ужас; русские точили оружие и встретили, к удивлению его, внутри своих земель. Барклай-де-Толли, Багратионы, Кульневы, Раевские, Коновницыны и Ермоловы бились и изумляли врагов, не веривших самим себе, что они воюют с русскими. Они еще не зна-

ли их! Когда Кутузов принял начальство над войсками¹, тогда открылась народная война. Каждый закипел духом мужества: юноша и старик, земледелец и богач, женщины и духовенство. Все и повсюду ревновало о спасении любезного отчества: несли добровольно груды золота, составляли ополчения, помогали раненым и одушевляли их. Мать не оплакивала павшего сына, но гордилась его смертью; отцы, благословляя детей на брань, напоминали им священный долг – умереть с оружием: да не посрамим земли русской! Дано кровопролитнейшее сражение на бородинских полях, названное *битвою полководцев* (26 авг.). Сто восемь тысяч нашего войска билось с 180 000 неприятельской армией; гром 2000 орудий гремел непрерывно; земля дрожала, кровавые реки лились, и мы ни на шаг не отступали. Наконец, отдали Москву; неприятель вошел сюда, не думая, что вновь раздадутся отсюда молниеносные перуны на его погибель; что Москва сделается гробом для двадцати его союзников. Наполеон предложил здесь мир, говоря: война уже кончилась, но Кутузов-Смоленский отвечал ему: война теперь только начинается. Последовали битвы решительные; ряд полководцев: Витгейнштейны, Милорадовичи, Платовы, Орловы-Денисовы, Баговуты, Бенигсены и другие соперники славы явили образцы бесстрашия и любви к отечеству. А народ и неопытные ратники – партизаны, ища не славы, а справедливого наказания своему врагу, спешили наперерыв вредить ему: отнимали у него жизненные припасы, нападали неожиданно в тыл, делали засады, рубили лес и жгли его или, укрываясь в нем, внезапно бросались на неприятелей с копьями, косами, ножами и топорами; загоняли в болота или озера и топили целыми отрядами; зажигали собственные дома и целые селения, где проходил неприятель; отнимали у него всякое средство для приюта и жизни. Недостаток в жизненном продовольствии, наставший зимний холод, будучи ужасным для самих туземцев, увеличивал еще более опустошение и погибель, и к концу 1812 г. врага уже не стало в России! Этот год, обремененный славою русских, перешел с ними во

---

¹ После взятия Смоленска, 6 авг. 1812 г., см. «Письма русского офицера» Фед. Глинки.

храм бессмертия. 1612-й и 1812-й годы оба были обагрены кровью и увенчаны лаврами. Там и здесь одна народность спасала отечество; там и здесь пожинались лавры на кострах мертвых, и со снежных полей Петербурга русские развернули победные свои знамена на стенах Парижа. Европа невольно воскликнула: велик Бог русской земли – велик и народ ее! Народ, изливая чувства благодарения пред престолом Всевышнего, наименовал Александра, любимого своего монарха, Благословенным, а Кутузова – спасителем; но история с их именами записала в свои бессмертные листы чудесные дела русских.

Там, где более всех лилась чистейшая кровь сынов отечества, там погибли сильные. Сергиевская лавра и Бородинское поле, указывая на доблестные подвиги наших прадедов и отцов, всегда будут наводить усладительную задумчивость и на резвую юность, оживлять пленительной беседою и старцев – на закате дней их жизни. Согбенный летами и воин молодой, вспоминая о славе протекших дней, вздохнут не раз, вздохнут, обливаясь радостными слезами. Воин! По тебе есть память: она живет в родных тебе – всех твоих русских. Путник не раз склонит здесь свою голову и воскликнет в восторге небесном: они здесь узнали бессмертное свое жилище! Сладко умереть за отечество. Учитесь! О, для любящих отечество – не надобно учиться. Кто любит отечество, тот учит других.

По освобождении Европы, обязанной единственно успехам русского оружия, наши воины-орлы недолго отдыхали на лаврах. Раздались в Азии новые громы: Кавказ и Арарат содрогнулись. Князь Варшавский – граф Паскевич-Эриванский, принося на алтарь отечества постоянно лавры и трофеи, доказал персиянам, туркам и Европе, что для русских ни палящий зной солнца, ни смертоносные болезни, ни преграда стремительных рек, необозримых пропастей, непереходимых гор не останавливали, а еще более усиливали их рвение. Чем более встречалось им на пути препятствий, тем более воодушевлялись они мужеством и непоколебимостью – свойство великого народа! Победы нам открыли путь к благоденствию, а слава наша есть право на твердость политическую.

ДЕЙСТВИЕ НАРОДНОСТИ

При всех переворотах гражданственности русский любил богатые одежды и роскошь, гордился своим хлебосольством и негою. Любил травить зверя и не боялся идти на него прямо с одним топором или с рогатиной; тешился плясками и веселил себя песнями. В самом горе он услаждал себя ими: певал почти безумолчно. И теперь он тот же самый: работает ли он, или сидит в праздничный день у ворот своей избы, поет и радуется. Пища, одежда и привычки его страны и родины дороги для его сердца: все сочувствуют с ним, все ему знакомое. Голубое небо, усеянные поля душистыми цветами, нежные плоды южных жителей не производят в душе его столько сладких воспоминаний, как сумрачный день, свист бури и снежные долины: они напоминают ему родное. Воздух морозный, зелень дикая, могилы его предков, гробы его родных – все тут его! Его предки тут родились и уснули – и он здесь успокоится с ними. Конечно, истлевать телу везде равно, но покоиться праху среди родных, на своей родине, усладительно для памяти: она не умирает, переходит по наследству, по чувству бессмертия, и самый прах оживает тогда! И дикие звери, и хищные птицы знают свое рождение, свое гнездо: берегут и защищают его воплем, ревом и стоном. А человек, царь природы, не постоит за свою родину? Это чудовище, а не гражданин, и произведшая его на свет должна проклясть день рождения! Нет в мире ни одной былинки, ни одного насекомого, которое бы не любило свою родину. Пересадите растение в страну, ему не свойственную, оно зачахнет и умрет. Перенесите самое презренное насекомое в область, ему чуждую, оно не перенесет потери своего отечества: и самое презренное любит свою землю! Нет ничего в природе, что бы не дорожило своим собственным, не любило бы и самые странности, но только свои. Они странны для тех, которые рождены с каменным сердцем, чугунным рассудком, ледяным умом. Но и самый лед, перенесенный в теплую страну, тает – он тает от любви к своему северу; разрушается и оставляет слезы. Все плачет, все рыдает по своему родному, по

своей жизни! Магнит устремляется на север и указывает каждому: вот где мое отечество. Не разлучайте меня с ним! Вы не любите своей родины, но не думайте погасить во мне любовь!

Привязанность к своей земле есть общая для всего живущего, для всех людей, потому что в ней скрывается пленительное воспоминание о своей отчизне; но есть другое чувство, высшее, нравственное, которое прославило все народы, – это чувство есть любовь к благу и славе своего отечества. Мы видели тому разительные примеры в нашей истории. Кто же не знает нашего народа! Крепкий и чуждый заразительных болезней – он всегда веселый, живой, разговорчивый, обходительный, ласковый, немстительный, терпеливый и любящий Православную веру. Редкие качества обитателей земного шара! Питается здоровою и часто скудною пищею: хлеб с солью и квасом – он сыт; живет в черной избе и проводит зиму самую лютую почти равнодушно; одевается просто и даже грубо; прикрывает тело в свирепые морозы почти тою же одеждою, какую носит летом: полушубок и лапти; но в его неизнеженном теле, необразованном уме таится великий дух и возвышенные его добродетели. На зов отечества он первый летит, первый проливает за него кровь свою; он первый умирает за него с восторженным чувством. Умереть за веру и отечество – довольно для русского! Согреваемый божественным светом Православия, он всегда стоял за него грудью, не думая о славе. Укрепленное верой гражданское общество есть прочное, а это доказано русскими при всех его невзгодах. Православная вера всегда спасала нас. Променять свою веру на другую; допустить думать, что чужая лучше его, покориться власти иноземной, но другого вероисповедания воспламеняло его до ожесточения. Русский предпочтет лучше умереть, нежели захочет видеть Православие униженным; но допустить ругаться над его храмами и алтарями – это невозможно! Пастыри Церкви, поддерживавшие чувство к Православию, умели соединить с ним спасение отечества. Никогда русский не потерпит, чтобы кто надругался над его святыней. Уже тот непримиримый ему враг, кто посягает на его Православие, – и горе супостату! С Правос-

славием тесно связано отечество. Кто нападает на его веру, тот нападает на его отечество, потому прежде надобно истребить веру, чтобы, не говорю, уничтожить народ, даже завладеть им! Нашествие французов в 1812 г. никогда не могло быть достигнуто цели – цели завоевания России, потому что они были враги Православной веры. Положим даже, что они могли бы иметь торжество над нами и повелевать империию! Но надолго ли? Это торжество обрушилось бы к погибели властелинов. Рано или поздно, но русские не снесли бы иноземного владычества. Скажут, как же татары господствовали над нами более двухсот лет? Как мы терпели это? Татары господствовали над нами потому, что наши князья беспрестанно находились в междоусобных раздорах из личных выгод; но религия была покровительствуема самими угнетателями для того только, чтобы усыпить нас. Когда же укрепилась единодержавная власть, тогда все кончились крамолы. Доколе пребудет единство чувств и согласия, доколе благодетельное самодержавие будет управлять нами – доколе никто не овладеет Россией!

Посмотрите на разнообразие русской жизни, и вы удивитесь, если я скажу, что это разнообразие не мешает народности. Разве можно назвать то народностью, что составляет ее оттенки: нравы и обычаи? Разве народность в том состоит, чтобы носить свои одежды, питаться своей пищей, жить в своих старинных хоромах, поступать по обычаю своей страны? О, тогда бы каждый город – что говорю! – каждый уголок деревни должен искать своей народности. Это не народность, повторяю, а ее туземные обыкновения и привычки, изменяемые местностью, – это быт русской жизни. Что в одном месте принято, то в другом уже смешно; что в одном месте соблюдается со всею строгостью, то в другом почитается причудами; что в одном городе или деревне составляет предмет набожных воспоминаний, то тут же, по соседству, они не допускаются как остатки язычества. Это есть местная потребность, привязанность к своей земле и есть физическая народность, а не нравственная. Кто с материнским молоком всосал любимые привычки, тот не может расстаться с ними – он любит их, но любит от привычки.

Неоспоримо, что любовь к своим привычкам существует, даже должна существовать пристрастная, подобно тому как один пол дышит пристрастием к другому. Разочаруйте слепую его преданность к любимому предмету, раскройте глаза, поверьте недостатки и слабости, сравните с достоинствами другими, более обворожительными, и что произойдет с вашим божественным предметом, без которого вы не могли жить? Раскаяние и, может быть, самое презрение! Ум рассуждает, сердце холодеет, и чем хладнокровнее станете сравнивать богиню вашего блаженства, коей недавно создавали алтари, курили фимиам, тем более будете убеждаться, что ваш ангел небесный, кроткий, как нагорный житель, – имеет недостатки! Рассуждаете более, и вы краснеете, как могли ослепиться! Хранитель вашего сердца, звезда вашего счастья – уже не по вашему сердцу. Сладостные мечты исчезли, потому что пристрастие уничтожено. Такая сила привычек! Но не должно простираť их безусловно, беспредельно, иначе будет не уважение к истине, не признание благородного чувства у других народов.

Пища и одежды, старинное украшение домов, храмов и зданий, конечно, имеют влияние на дух народа. Но в каком смысле? В физическом. Ему нравится одеваться по-своему, ходить в свободных платьях, носить туземные украшения, расписывать дома любимую краской, строить храмы по старинным преданиям, в коих живет его воспоминание, согревает его душу – но не есть ли это действие обычая и, если хотите, той самой привычки? А привычка есть вторая природа. Мы часто смешиваем действие нравов и обыкновений с чувством народности. Неужели никто не согласится, что, живя в пышных палатах новейшего зодчества, нося иностранные одежды, – нельзя не любить свое отечество так же пламенно и страстно, как завещали нам любить его наши праотцы? Посмотрите на расселение нашего народа по трем частям света – и что их соединяет? Что их держит и хранит? Священнейшее чувство любви к отечеству, основанное на Православии и Единодержавии. Все дышат и пламенеют одним чувством, желают счастья и утверждают благосостояние – вот где кроется народность! Вот его сила и опора.

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА НА НАРОД

Нравственная народность выше всякого могущества; она всегда неразлучна с господствующим языком – но у нас им говорят по всем отдаленным концам обширной монархии. И в самое древнее время говорили им при дворах турецкого и египетского султанов: жены, нововерцы и мамелюки¹. Язык сближает всех, пленяя слух и народную гордость, но где говорит сердце или ум, там образцы вкуса и ума; где кипят страсти, там унижается небесный дар слова; где чистый пламень мыслей, там присутствие доброго гения, которого вдохновение все разделяем невольно: оживаем в его дыхании, возносимся в его парении – и чье сердце может быть бесчувственным к трогательным звукам слова? Даже простого, обыкновенного, но давно неслыханного своего родного. Надобно видеть двух единоплеменцев, встретившихся нечаянно на чужой стороне: с каким восторгом они обнимаются и изливают радостные воспоминания на своем языке. Кажется, что все окружающее завидует им; но их восторг неописанный! Они увиделись в первый раз и уже знакомы и дружны. Они росли, воспитывались и жили на одной земле; они говорят одним языком, а это как электрическая искра пробегает по их жилам, пробуждает тысячу воспоминаний о родине, и слезы навертываются на глазах! Полные избытка сладостных мыслей спешат наперерыв передать свои впечатления, перебивают друг друга, говорят и не наговорятся; прислушиваются к отрадным звукам, повторяют их и не верят, что слышат родной язык. О, этой божественной радости никто не поймет, кто не был в чужих землях, кто не любил своего родного! Обогранный кровью воин опускает немедленно свой меч, когда услышит голос о пощаде на родном его языке. Звери узнают друг друга в страшном рыкании и не терзают; птицы приветствуют птиц приятным для них щебетанием; змеи и гады ползут друг к другу на свист и шипение, для нас страшное – но для них сладостное; деревья преклоняют свои ветви: они говорят, перешептываются; цветочек склоняет

¹ *Карамзин. История государства Российского*, т. 7, пр. 406; *Pauli Jovii. De legatio Moscoviae.*

свою головку к другому, вместе с ним родившемуся, и своим колебанием выражают взаимную тихую радость, как бы переговариваясь украдкой между собою. Язык природы разлит повсюду. И чувство его столь пламенное, столь горячее, что оно двигает самими металлами. Одинаковый металл сродняется с однородным. Язык, таинственный узел народности, скрепляет еще более людей между собой: им изъясняют и учат, как надобно любить отечество; на нем произносят священные поучения и совершают моление пред алтарем Всевышнего; им просвещают и указывают гражданину его назначение. Довольно странно мнение тех, которые утверждали, что мир есть всеобщее отечество; что человек может любить столько же чужую землю, сколько свою! Гражданин всего мира не может существовать по причине бесчисленных изменений духа правления и противоречий в действиях к общественному благу. Он не в состоянии любить иноземное, сколько свое; потому что душа его не находит родного отголоска в сочувствии чужеземцев, хотя добрых и просвещенных, и никто не может быть счастливым вне своего отечества, а следовательно, и любить другое и быть гражданином всемирным.

СПОСОБНОСТИ РУССКИХ К ПРОСВЕЩЕНИЮ

В науках мы стоим далеко позади европейцев потому единственно, что менее других занимаемся. Ученое сословие не находится у нас на той ступени, на какой во Франции, Германии, Англии и даже Италии; но оно и не может существовать по причине недоучивания. Наши юноши учатся многому и не научиваются; оканчивают образование скоро и не думают об усовершенствовании себя; более читают, нежели сколько знают. Но доказывает ли это, что мы без способностей? Не можем обрабатывать учености и наук? Посмотрим. Народное просвещение с восшествием на престол благословенного дома Романовых произвело ощутительное благое действие: появилась в Москве Славяно-греко-латинская школа (1643) и академия (1682), а духовная Киевская академия сделалась рассадником просвещения в России. Ученые

малороссияне были учителями и проповедниками, из коих многие оказали великую услугу наукам, и их наставническое влияние продолжалось почти до конца XVIII века. Памва Берында, Епифаний Славенецкий, Св. Димитрий, Гавриил Бужинский, Феофан Прокопович, Георгий Конисский, Иоанн Леванда, Анастасий Братановский, Евгений Болховитинов и многие другие суть тому доказательство. Из духовных великороссиян не менее содействовали: патриарх Никон, Гедеон Крыновский, Дим. Сеченов, Платон Левшин, Михаил Десницкий, Амвросий Протасов. Во всех их сочинениях разлито, правда, более нравственного и назидательного; но зато с каким редким красноречием соединена любовь к отечеству, укрепленная верой.

В начале XVIII ст. открыто народных училищ 51, семинарий 26, училища: артиллерийское, инженерное и морское, Академия наук (29 дек. 1725 г.), сухопутный кадетский корпус, называемый ныне первый кадетский. Тогда изменился слог языка, особенно когда появились: князь Кантемир, Крашенинников, Сем. Климовский, малороссийский казак, сочинявший народные песни. Открытие Московского университета (в 1755 г.) и Академии художеств (в Петербурге в 1758 г.) распространили область наук и изящества, коих покровителем был И. И. Шувалов. Во второй половине XVIII ст. преобразованы военные училища, открыто общество для воспитания благородных и мещанских девиц (в 1764 г., в простонародии Смольный монастырь), учреждено Вольное экономическое общество (1765), основан Горный корпус (1772), открыто хирургическое училище (1783) и распространены повсюду народные училища. В начале XIX ст. учреждено Министерство народного просвещения (1802), коему поручены все светские учебные заведения в России, кроме женских, обязанных благодетельному покровительству императрицы Марии Федоровны – истинной матери несчастных. Преобразованы и открыты университеты: Московский, Дерптский, Санкт-Петербургский, Харьковский, Казанский и Виленский; потом Александровский (в Гельсингфорсе) и Киевский вместо Виленского; высшие училища, лицеи, духовные училища, медико-хирургическая академия (1808), институты, пансионы,

гимназии, уездные приходские и военные училища; общества в пользу языка и наук, одним словом, столько открыто и распространено заведений по всей России, что всякому сословию и званию даны средства к образованию. По одному ведомству народного просвещения считается ныне более 2166 учебных заведений¹. Если примем в соображение число духовных, воен-

¹ Постепенное возрастание учебных заведений, через пять лет:

	1832 г.	1837 г.	1842 г.
Университ.	5	6	6
Глав. педаг. инстит.	1	1	1
Медико-хирург. акад.			1
Лицеев	3	3	3
Гимназий	64	70	76
Благор. пансион. при гимназиях	6	31	46
Училищ: уездных	393	427	445
приходск.	552	839	1067
Част. пансион. и школ	358	462	521
	<hr/> 1 382	<hr/> 1 839	<hr/> 2 166

Сначала было в империи учебных заведений 784, т. е. 1 университет, 1 академия, 12 гимназий, 40 благородных пансионеров, 52 уездных, 515 приходских и 163 частных училища. Тогда же было учащихся и других должностных лиц 4 836, через пять лет 6 208, а в 1842 г. 6 767.

Число учащихся возрастало постепенно:

	1832 г.	1837 г.	1842 г.
в универс., академ. и лицеях	2 153	2 900	3 488
в гимназиях и низших учебных заведениях	69 246	92 666	99 755
	<hr/> 71 399	<hr/> 95 566	<hr/> 103 243

Число учащихся в 1833 г. составляло прибыль около 32 000, но это количество принадлежит одному ведомству Мин. народного просвещения, не включая огромного числа учащихся в военных, духовных и других училищах. Должно присоединить еще Варшавский учебный округ, в коем в 1839 г. было учащихся 64 350; в 1840 г. 62 080; в 1841 г. 80 865, а в 1842 г. 66 708 – всего же учащихся к 1843 г. 169 951. Таким образом, развивавшееся народное просвещение в течение десяти лет представляет следующее:

вновь учрежд. учеб. завед.	784
число учащихся увеличилось	32 000
число учащихся около	2 000
напечатано русских книг	7 000 000 т.
вывезено иностранным кн. до	4 500 000

ных, промышленных, земледельческих и женских заведений, то они, быть может, не уступят числу гражданских. Какое быстрое распространение просвещения! Не свидетельствует ли это <о> больших наклонностях русского к образованию?¹

Создание русской словесности в прямом смысле принадлежит Ломоносову. Творец языка и слога, он первый начал писать чисто и правильно. В торжественных одах Ломоносова, Сумарокова, Кострова и Петрова слог возвысился. Тогда возникла у нас лирическая, эпическая, драматическая и дидактическая поэзия. Здесь прославились Богданович, Хемницер, Фонвизин, Державин, Дмитриев, Княжнин, Капнист, Нелединский-Мелецкий, Бобров, Измайлов, кн. Шаховской, Карамзин, преобразователь языка и знаток изящного слога, Муравьев (Мих. Ник.), Озеров, Шишков, Крылов, народный баснописец, Жуковский, Батюшков, Козлов, Пушкин неподражаемый, Гнедич, Грибоедов, Вос-

---

Совершено 40 ученых экспедиций от Мин. народного просвещения. См. «Взгляд на сравнит. статист. Мин. нар. проsv. в течение последнего десятилетия», напеч. в «Московских ведомостях», 1843 г., № 58.

¹ Правда, у нас не заставляют учиться, не обязывают семейства отдавать детей в училища, как, например, в Саксонии, Баварии, Вюртемберге, Швеции, Голландии, Североамериканских штатах, где законом постановлено взыскивать с самих родителей за небрежение; правда, народное образование развито в других государствах в большей степени, как, например, во Франции считается 1 ученик на 17 обывателей, в Англии и Австрии 1 на 15, в Североамериканских штатах 1 на 11, в Голландии 1 на 9, в Пруссии 1 на 7. Нельзя умолчать, что у нас из 63½ млн народонаселения учащихся 169 951. Это выходит, что из 480 учится только 1. Но давно ли мы стали учиться? И кто учится у нас и как учатся? Дети бедных дворян. Бедные изучают полезные знания и составляют потом украшение отечества, а богатые обращают одно внимание на легкое образование: на языки, музыку, пение и танцы. Первые своими дарованиями и трудолюбием открывают себе путь ко всем почестям; а вторые, поддерживаемые могущественной силою связей и состояния, добиваются одних почестей. Изучение языков сделалось у нас первостепенным, а науки – второстепенным предметом. Явилась многосторонность познаний и смесь понятий об истинном значении наук. Легкое и поверхностное образование, пристрастие к чужеземному и тщеславию в знании иностранных языков невольно напоминает нам простодушное истолкование происхождения россов – от населения нашего племени по всей Европе. Несправедливо было, если бы мы и не видели уклонения образования собственно русского. Нам надобно изучать свое собственное, свою Россию – наше сердце и счастье наше.

токов, Воейков, Веневитинов, Давыдов, бар. Дельвиг, девица Кульман, граф. Ростопчина, кн. Баратынский и др. Греч, Булгарин и Сеньковский дали новое направление языку, очистив его от многих застарелых грамматических форм; Кукольник, Загоскин, Гоголь, Кольцов, Даль, прославившийся народными сказками, – все они представили образцы сочинений в народном духе и жизни русской. Но гораздо сильнее и умильнее излилось чистое русское слово и чувство в сочинении Цыганова. Его народные песни – трогательные и поучительные, увлекательные и восхитительные¹. По части истории много

¹ Цыганов был актер московской труппы, умер в Москве во время холеры на 35 году от рождения. Песни его напечатаны в Москве в 1834 г. под названием «Русские песни». Цыганов не искал ни славы, ни покровительства литературных партий, он жил тихо в своем кругу и пел как соловей, потому что ему хотелось петь; но он пел по внутреннему влечению к своему русскому, потому в его песнях развито народное чувство. Кто не знает его песни «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан». Зато многие, я думаю, не знают многих других прекрасных его песен. Выпишем некоторые из них, напр., **песнь X**:

Не туманами, не мглой
Солнышко затмилось,
Ах! не тучей громовой
Ясное закрылось:
Потушился свет очей –
Раннею могилой!
Мне не видеть красных дней,
Не видать уж милой!
Мне ее не разбудить
Нежными речами.
Ах! ее не воскресить
Горькими слезами!
Оседлаю ж я коня.
Сгину в ратном поле.
И родной мой край меня
Не увидит боле!
И стрелюю он летит
В поле, в грозну сечу;
И быстрее стрелы летит
Смерть ему навстречу!

Песнь XXIV

Лежит в поле дороженька,
Пролегает.

И ельничком, березничком
Зарастает.
Не змейкою – кустарничком
Она вьется;
Не реченькой – желтым песочком
Она льется.
Не торною, не гладкою,
Не убитой:
Лежит тропой заброшенной,
Позабытой. –
В конце пути-дороженьки
Горюч камень;
На камешке сердечушко,
В сердце пламень!
По всем углам у камешка
Растут ели;
По всем углам на елочках
Пташки сели.
И жалобно пернаточки
Распевают:
«Вот так-то спят в сырой земле,
Почивают –
Безродные, бездольные
На чужбине –
Никто по ним не плачется
Не в кручине!
Ни мать, ни отец над камешком
Не рыдают.
Ни друга здесь, ни брата здесь
Не видають!
Лишь раз сюда красавица
Приходила,
Здесь ельничку, березничку
Насадил.
Поплакала над камешком,
Порыдала.
Нам жалобно петь день и ночь
Приказала.
А кто она? где делася? –
Не сказала!»

Песнь XXXVII

Каркнул ворон на березе,
Свистнул воин на коне, –

сделал хорошего и полезного, кроме бессмертного Карамзина, Полевой; как исследователи ее особенно замечательны Каченовский, Арцыбашев, Калайдович, Пав. Строев, П. Г. Бутков и Д. И. Языков; но история никогда не забудет великодушных посольств государственного канцлера гр. Н. П. Румянцева, сына Задунайского. Нынешние разыскания Археографической комиссии в пользу отечественной истории бесспорно принадлежат министру народного просвещения графу С. С. Уварову.

Из очерка о распространении просвещения мы видим сильное рвение русских к наукам. Правда, науки у нас еще не заняли должного места; легкие сочинения и поэзия господствуют пред нами, но так начинал свою умственную жизнь каждый юный народ, который прежде любит вымыслы, потом гоняется

Погибать тебе, красотке,
В чужедальней стороне!
    Ах, зачем, за кем бежала
Ты за тридевять полей? –
Для чего не размышляла
Ты об участи своей?
    Все покинула, забыла
Прах отца, старушку мать, –
И решалась отчизну
На чужбину променять!
    То ли счастье, чтобы очи
Милым сердцу веселить, –
После ими ж дни и ночи
Безотрадно слезы лить?
    Неужели ты не слыхала
Об измене? – «Никогда!»
Неужели ты полагала
В сердце верность? – «Навсегда!»
    «Было некому бедняжку
Поучить меня уму, –
И голодной – вольной пташкой
Я попалась в сеть к нему.
    Никого я не спросилась,
Кроме сердца своего, –
Увидала – полюбила, –
И умру любя его!»
    Каркнул ворон на березе,
Свистнул воин на коне –
И красотка погибает
В чужедальней стороне.

за отборными выражениями и набором слов, не установив еще языка; и, наконец, переходит к положительному труду, требующему зрелого ума и терпения в науках. Народ с крепкою силой, пламенною склонностью к любознательности, удобно все перенимающий и усваивающий, чего не обещает в будущем? Народ наш еще не возмужал; пылкий и стремительный ко всему полезному, он достигнет со временем возможной степени просвещения. И кто знает будущее?

СОХРАНЕНИЕ НАРОДНЫХ МЫСЛЕЙ В СТАРИННЫХ ПЕСНЯХ И СКАЗКАХ – И УКЛОНЕНИЕ ОТ САМОБЫТНОСТИ

Весьма жаль, что многие из наших с большими способностями литераторов уклонялись от своей народности; заменяли русские выражения иностранными и подражали слепо чужеземному. Старинные народные и нынешние песни убеждают нас, что можно писать без слепого подражания к другим народам. Какая сила и простота чувствований сохранились во многих наших песнях! Какой в них стройный звук и какая невыразимая приятность в оборотах и мыслях! Потому что все излито из сердца, без вымысла, натяжки и раболепной переимчивости. В них все трогает нас, потому что оно близко к нашим мыслям; потому что все это наше, русское, неподдельное; все проникнуто любовью к родине, отечеству. Народные песни суть драгоценный памятник самобытной поэзии нашей. Это наша слава, без подражания иноземной. Конечно, песни наши не везде стройные, но полные страстей: печаль льется рекою томительных страданий; разочарованная горькая безнадёжность омывает слезами грудь, иссушивает сердце, и оно умирает без утешения; любовь или тонет в море сладостных упоений, или погибает без участия к ней. Отвага, молодечество, радость, веселие и забавы воспеваются без хитрых затей, складываются в простоте лепета и высказываются по вдохновению собственного сердца.

Вот для образца несколько песен древнейших из XVI в.
Описание умирающего витязя подле огня в дикой степи:

Ах! Как далече, далече в чистом поле,
Раскладен там был огонечек малешенек;
Подле огничка разослан шелковый ковер,
На ковричке лежит добрый молодец,
Припекает свои раны кровавые!
В головах стоит животворящий крест,
По праву руку лежит сабля острая,
По леву руку его крепкий лук,
А в ногах стоит его добрый конь. —
Добрый молодец уже кончается,
При смерти добрый молодец сокрушается,
И сам добру коню наказывает:
«Ах ты, конь мой, конь, лошадь добрая!
Ты видишь, что я с белым светом разлучаюсь
И с тобой одним прощаюсь:
Как умру я, мой добрый конь,
Ты зарой мое тело белое
Среди поля, среди чистого, —
Среди раздольища, среди широкого.
Побеги потом во святую Русь,
Поклонись моему отцу и матери,
Благословенье свези малым детушкам;
Да скажи моей молодой вдове,
Что женился я на другой жене:
Во приданое взял я поле чистое;
Свахою была калена стрела,
А спать положила пуля мушкетная.
Тяжки мне рапы палашовые,
Тяжче мне раны свинцовые!
Все друзья, братья меня оставили,
Все товарищи разъехались:
Лишь один ты, мой добрый конь,
Ты служишь мне верно до смерти
И ты видишь, мой добрый конь,
Что удалой добрый молодец кончается».

Убитый воин, коему постелью служит камыш, изголо-
вьем ракитовый куст, а тело его орошается слезами матери,
сестры и молодой жены:

Ах ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое широкое!
Ах ты всем, поле, изукрашено,
И ты травушкой и муравушкой,
Ты цветочками василечками;
Ты одним, поле, обесчещено:
Посреди тебя, поля чистого,
Вырастал тут част ракитов куст,
Что на кусточке, на ракитовом,
Как сидит тут млад сизый орел,
В когтях держит черна ворона,
Он точит кровь на сыру землю.
Как под кустиком, под ракитовым,
Что лежит убит добрый молодец,
Избит, изранен и исколот весь.
Что не ласточки, не касаточки,
Круг тепла гнезда увиваются, –
Увивается тут родная матушка:
Она плачет, как река льется,
А родна сестра плачет, как ручей течет;
Молода жена плачет, что роса падет:
Красно солнышко взойдет, росу высушит.

О другом воине, коему постелею служит то же самое, что
первому, но одеялом – темная, осенняя и холодная ночь:

Как доселева у нас, братцы! через темный лес
Не пропархивал тут, братцы! млад бел кричит,
Не пролетывал, братцы! ни сизый орел.
А как нынече у нас, братцы, через темный лес
Пролегла, лежит, широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженьке
Проезжал туда удалой добрый молодец.
На заре то было, братцы! да на утренней,

На восходе было красного солнышка,
На закате было светлого месяца.
Как убит лежит, удалой добрый молодец.
Что головушка у молодца испроломана,
Ретиво сердце у молодца испрострелено.
Что постелюшка под молодцом камыш трава,
Изголовьице под добрым част ракивов куст,
Одеяличко на молодце темная ночь,
Что темная ночь, холодная, осенняя.
Прилетали к доброму молодцу три ласточки,
Из них первая садилась на буйной его голове,
А другая-то садилась на белой его груди,
Ах! как третья садилась на скорых его ногах.
Ах, как первая-то пташка, родная матушка;
А другая-то пташка, то мила сестра;
Ах, как третья-то пташка, молода жена.
Они взяли мертво тело за белы руки,
Понесли они то тело во высокий терем.
Его матушка плачет, что река льется,
А родная сестра плачет, как ручьи текут,
Молода жена плачет, как роса падет.
Как солнышко взойдет, росу высушит,
Как замуж она пойдет, то забудет его.

О преступнике, освобожденном из темницы полюбовницею его:

Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке!
Добрый молодец сидит в темнице,
Пишет грамотку к отцу, к матери.
Он просит того жавороночка:
Отнеси ты, млад жавороночек,
На мою ли, ах! дальну сторонку
Ты сие письмо к отцу, к матери.
Во письме пишет добрый молодец:
Государь ты мой, родной батюшка,
Государыня моя, родна матушка,

Выкупайте вы добра молодца,
Добра молодца, своего сына,
Своего сына, вам родимого.
Как отец и мать отказались,
И весь род, племя отрекались:
Как у нас в роду воров не было,
Воров не было и разбойников.
Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на прогалинке.
Добрый молодец сидит в темнице,
Пишет грамотку к красной девице.
В другой раз просит жавороночка,
Чтоб отнес письмо к красной девице.
Во письме пишет добрый молодец:
Ты душа ль моя, красна девица,
Моя прежняя полюбовница.
Выкупай, выручай добра молодца,
Свово прежнего полюбовника.
Как возговорит красна девица:
Ах вы, нянюшки, мои мамушки,
Мои сенные верные девушки!
Вы берите мои золоты ключи,
Отмыкайте скорей кованы ларцы,
Вы берите казны сколько надобно;
Выкупайте скорей добра молодца,
Мово прежнего полюбовника!

Взятие Казани

Вы, молоды ребята! послушайте,
Что мы, стары старики, будем сказывать,
Про грозного царя Ивана, про Васильевича,
Как он, наш государь царь, под Казань город ходил;
Под Казанку под реку подкопы подводил,
За Сулой за реку бочки с порохом катал,
А пушки, а снаряды в чистом поле расставлял.
Ой татары по городу похаживают
И всяко грубиянство оказывают,
Они грозному царю насмеваются:

Ай, не быть нашей Казани за белым за царем!
Ах как тут наш государь разгневался,
Что подрыв так долго медлится.
Приказал он за то пушкарей казнить,
Подкопщиков и зажигальщиков.
Как все тут пушкари призадумались,
А один пушкарь поотважился:
Прикажи, государь царь, слово выговорить!
Не успел пушкарь слово вымолвить –
Тогда лишь догорели зажигательные свечи,
И вдруг разрывало бочки с порохом.
Как стены бросать стало за Сулой за реку,
Все татары тут, братцы, устрашились,
Они белому царю покорились.

Опричник Малюта Скуратов клеветет Иоанну IV на старшего сына его царевича Иоанна, будто бы он водится с изменниками царя, вооружается с ними противу него, а между тем пьет и ест с одного блюда, носит с ним одно царское платье. Разгневанный государь велит своим опричникам немедленно предать его смерти; но спасителем невинного царевича явился боярин Никита Романович *Романов*. Послушаем, как говорит старина:

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и грозный царь Иван, сударь, Васильевич.
Как ходил он под Казань город,
Под Казань город и под Астрахань.
Он Казань город мимоходом взял,
Полонил царя и с царицею,
Выводил измену изо Пскова,
Изо Пскова и из Новгорода.
Ах как бы вывести измену из каменной Москвы!
Что возговорит Малюта злодей Скуратович:
Ах ты, гой еси, царь Иван Васильевич!
Не вывести тебе изменушки до веку:
Сидит супротивник супротив тебя,
Он пьет и ест с одного блюда,

Цветное платье носит с одного плеча.
И тут царь догадается,
На царевича злобно осержается.
Что возговорит грозный царь Иван Васильевич:
Ах вы, гой еси, князья и бояре!
Вы берите царевича под белы руки,
Поведите во палату особую;
Вы снимайте с него платье цветное,
Надевайте на него платье черное.
Поведите его на болото жидкое,
На тое ли лужу поганую,
Вы предайте его скорой смерти.

Все бояре испугалися,
Из палаты вон разбежались;
Большой за меньшего хоронятся.
Один остался Малюта злодей,
Он брал царевича за белы руки,
Повел во палату особливую,
Снимал с него платье цветное,
Надевал на него платье черное;
Повел на болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.

Проведал слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакал к Никите Романычу,
Как кричал он громким голосом:
Гой еси, батюшка, Никита Романович!
Ты пьешь и ешь, прохлаждаешься,
Над собой кручинушки не ведаешь:
Упадает звезда поднебесная,
Угасает свеча воску ярого,
Не становится у нас млада царевича. –
Никита Романович испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачет на болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую:
Ударил он Малюту по щеке.
Ты, Малюта, Малюта Скуратович!
Не за свой ты кус принимаешься,

Ты этим кусом подавишься.
Он брал царевича за белы руки
И повел его куда надобно.
Что возговорит грозный царь:
Ах вы, гой еси, князья мои и бояре!
Надевайте на себя платье черное,
Собирайтесь ко заутренней
Слушать по царевичу панихиду. —
Я вас, бояре, всех в котле сварю!
Все бояре испугались,
Надевали они платье черное,
Собирались ко заутренней,
Слушать по царевичу панихиду.
Приехал Никита Романович,
Нарядился во платье цветное,
Привел с собою млада царевича
И поставил за дверьми северны. —
Что возговорит грозный царь:
Ах ты, гой еси, Никита Романович!
Что в глаза ли ты мне насмехаешься?
Как упала звезда поднебесная,
Что угасла свеча воску ярого,
Не стало у меня млада царевича.
Что возговорит Никита Романович:
Ах ты, гой еси, надѣжа православный царь!
Мы не станем петь по царевичу панихиду,
А станем петь молебен заздравный мы.
Он брал царевича за белу руку,
Выводил из-за северных дверей.
Что возговорит грозный царь:
Ты Никита, Никита Романович!
Еще чем мне тебя пожаловать?
Или тебе полцарства дать,
Или тебе златой казны сколько надобно?
Ах ты, гой еси, царь Иван Васильевич!
Не надо мне полцарства, ни золотой казны,
Только дай ты мне злодея Скуратова.
Я сведу на то болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.

Что возговорит царь Иван Васильевич:
Еще вот тебе Малюта злодей,
И делай с ним, что хочешь ты.

Об убиенном царевиче Димитрии наши летописи говорят, что царевич пал от рук злодеев, подсланных Борисом Годуновым; народная песнь, современная этому происшествию, подтверждает вполне несчастное событие.

Не вихрь крутит по долинушке,
Не седой ковыль к земле клонится;
То орел летит по поднебесью,
Зорко смотрит он на Москву реку,
На палатушки белокаменны,
На сады ее зеленые,
На золотой дворец стольна города¹.

Не лютая змея возывалася,
Возывался собака булатный нож,
Упал он ни на воду, ни на землю;
Упал он царевичу на белу грудь,
Да тому ли царевичу Димитрию, —
Убили же царевича Димитрия!
Убили его на Углищи,
На Углищи, на игрищи.

Уж как в том дворце черной ночью
Коршун свил гнездо с коршунятами;
Уж как тот орел, Дмитрий царевич;
Что и коршун тот, Годунов Борис.
Убивши царевича, сам на царство сел;
Царил же он, злодей, ровно семь годов.

Не вихрь крутит по долинушке,
Не седой ковыль к земле клонится;
То идет грозой Божий гнев
За православную Русь!
И погиб коршун на гнезде своем:
Его пух прошел по поднебесью,
Проточилась кровь по Москве реке.

---

¹ По вступлению уже видно, что эта песнь искажена; но, мне сколько известно, она нигде не напечатана в этом роде.

Некоторые песни начала XVII в. и половины того же века не менее запечатлены выразительностью чувств и сердца, как, например, смерть кн. Михаила Скопина, который на пиру отравлен княг. Екатериной Шуйской, женой кн. Дм. Шуйского, брата царя Шуйского. Она была дочь Малюты Скуратова.

У князя было, у Владимира,
Было пированье почетное.
Ой, крестили дитя княженецкое!
Ах! кто кум-то был? кто кума была?
Ай, кум-то был князь Михаила Скопин,
Князь Михаила Скопин, сын Васильевич.
А кума-то была дочь Скуратова.
Они пили, ели, прохлажались,
Пивши, евши, похвалялися,
Выходили на крылечко на красное.
Уж как учили похвалу чинить князья, бояре.
Один скажет: у меня больше красна золота.
Ах, что взговорит князь Михаила Скопин,
Михаила Скопин, сын Васильевич:
Еще что вы, братцы, выхваляетесь,
Я скажу вам не в похвалу себе:
Я очистил царство московское,
Я вывел веру поганскую,
Я стал за веру христианскую.
То слово куме не показалось,
То крестовой не понравилось.
Наливала она чару водки крепкой,
Подносила куму крестовому.
Сам же он не пил, а ее почтил.
Ему мнилось, она выпила;
А она в рукав вылила, –
Наливала еще куму крестовому.
Как выпил князь Михаила Скопин:
Трезвы ноги подломилися,
Белы руки опустилися.
Уж как брали его слуги верные.
Подхватили его под белы руки,
Повезли его домой к себе.

Как встречала его матушка:
Дитя мое, чадо милое!
Сколько ты по пирам не езжал,
А таков еще пьян не бывал! –
Свела меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скуратова.

Отсечение головы Стеньке Разину.

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца.
Не сокол летал по поднебесью,
Есаул гулял по насаднику.
Он гулял, гулял, погуливал;
Добрых молодцев побуживал:
Вы вставайте, добры молодцы!
Пробужайтесь, казаки донски!
Не здорово на Дону у нас,
Помутился славный тихий Дон:
Со вершины до черна моря,
Да черна моря Азовского:
Помешался весь казачий круг,
Атамана больше нет у нас!
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина.
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву.
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову!

Наказание виселицей пойманному разбойнику.

Не шуми, мати, зеленая дубровушка!
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думать.
Что завтра мне, доброму молодцу, в допрос идти,
Перед грозного судью, самого царя.
Еще станет государь царь меня спрашивать:

Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын!
Уж как с кем ты воровал? с кем разбой держал?
Еще много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надежда, православный царь!
Всю правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ, темная ночь;
А второй мой товарищ, булатный нож;
А как третий-то товарищ, то тугой лук;
Что рассыльщики мои-то калены стрелы.
Что возговорит надежда, православный царь:
Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын!
Что умел ты воровать, умел ответ держать.
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими, –
Что двумя ли столбами с перекладиной.

Молодая жена, выданная замуж за разбойника, оплакивает убитых ее родных:

Из-под лесу, лесу темного,
Из-под частого осинничку,
Как бежит тут конь, добра лошадь,
А за ней идет добрый молодец,
Илучи сам говорит ему:
Ты постой, постой, мой добрый конь.
Позабыл я наказать тебе:
Ты не пей воды на Дунай реке,
На Дунае девка мылася
И совсем нарядилася,
Нарядившись, стала плакати,
И заплавав, сама молвила:
Или в людях людей не было!
Уж как отдал меня батюшка,
Что за вора, за разбойника.
Как со вечера они советовались,
Со полуночи на разбой пошли,
Ко белу свету приехали.
Ты встречай, встречай,

Узнавай коня томлёного.
Ах! томлёный конь, конь батюшков,
Окровавлено платье матушкино,
А золот веноч милой сестры,
А золот перстень мила брата.
Как убил он брата милого,
Своего шурина любимого.

Молодая женщина оплакивает свою участь и свою опрометчивость в том, что она выбрала себе не по мыслям друга вековечного.

Возле садику млада хожу,
Возле зелена млада гуляю,
Соловьевых песен слушаю.
Хорошо в саду соловей поет!
Он поет, поет припеваючи,
К моему горю применяючи,
К моему житью ко несчастному!
Не пеняю я, молодёшенька,
Ни на батюшку, ни на матушку,
Ни на братца, на ясного сокола,
Ни на сестрицу, лебедь белую;
Что пеняю я, младешенька,
На свою ли участь горькую,
На свои ли очи ясные!
Ах вы, очи, очи ясные!
Вы глядели, да огляделися;
Вы смотрели, да осмотрелися.
Не по мысли вы друга выбрали,
Не по моему по обычаю.

Слезы верной жены по убитому мужу, который оставил после себя детей, и она, несмотря на советы вступить в новый брак, отрекается из любви к убитому мужу и своим детям.

Как на дубчике два голубчика
Целовались, миловались,

Сизыми крыльями обнимались.
Отколь ни взялся млад ясен сокол,
Он ушиб, убил сизого голубя,
Сизого голубя, мохноногого,
Он кровь пустил по сыру дубу,
Он кидал перья по чисту полю,
Он и пух пустил по поднебесью.
Как растужится, разворкуется
Сизая голубушка по голубю,
О голубушке мохноногоньком.
Как возговорит млад ясен сокол:
Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка!
Сиза голубушка по своем голубчике.
Полечу ли я на сине море,
Пригоню тебе голубей стадо:
Выбирай себе сизого голубя,
Сизого голубя, мохноногого.
Как возговорит сиза голубушка:
Не лети, сокол, на сине море,
Не гони ко мне голубей стадо.
Ведь то мне будет уж другой венец,
Малым голубятушкам не родной отец.

Гибель молодого парня за его страсть к полюбовнице, которую простой народ называет *змейкой-скоропейкой*.

Ты змейка-скоропейка, змея лютая!
Из норы ты, змея, ползешь, озираешься;
По песку ползешь, извиваешься;
По траве ты ползешь, всю траву сушишь.
Исушила в поле всю травушку,
Да всю травушку, всю муравушку,
Все цветочки, все лазоревые.
Ты душа ль, душа, красна девица!
Исушила ты добра молодца,
Как былиночку в чистом поле.
Довела его ты до погибели,
Что до той ли темной темницы.
Что из славного села Преображенского,

Из того приказу государева,
Что вели казнить доброго молодца,
Что казнить его, повесити.
Его белые руки и ноги скованы,
По правую руку идет страшен палач,
По левую идет мать его родная,
Позади идет красная девица,
Его милая поллюбовница,
Что зазноба его ретива сердца,
Погубительница живота его.

Сестра по злости к своему брату решила отравить его; но обман открылся преждевременно, и она была сожжена посреди двора.

Стругал стружки добрый молодец,
Брала стружки красная девица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Все змей пекла, зелье делала:
Сестра брата извести хочет.

Встречала брата посреди двора,
Наливала чару прежде времени,
Подносила ее брату милому.
Ты пей, сестра, наперед меня.
Пила, братец, наливаяючи,
Тебя, братец, поздравляючи.
Как канула капля коню на гриву,
У добра коня грива загорается,
Молодец на коне разнемогается.

Сходил молодец с добра коня,
Вынимал из ножен саблю острую,
Снимал с сестры буйну голову.
Не сестра ты мне родимая!
Что змея ты подколотная.
И он брал с костра дрова,
Он клал дрова посреди двора.
Как сжег ее тело белое,
Что до самого до пепелу,

Он развеял прах по чисту полю,
Заказал всем тужить, плакати;
Что она над ним худо делала.
Ей самой так рок последовал,
От ее злости ненавидныя¹.

Вот где народная поэзия, проникнутая истинным чувством!

В царствование Иоанна IV толпы скоморохов ходили из села в село и пели песни от избытка чувств, раздающиеся поныне в деревнях и городах. Сам набожный царь Федор любил внимать пению: по отслушании вечерни он проводил все остальное время до ужина в забавах, коими тешили его шуты и карлы и услаждали песнями.

Предания старины памятнее для народа: лелея давно прошедшие события, он переносился в глубокую даль времени, украшал ее песнями и передавал потомкам. Кто сочинял эти песни? Имена сочинителей потеряны, но утвердительно сказать можно, что многие песни составлялись в кругу дружеской беседы, как это делали индейские певцы: харуны и бгаты, которые

¹ Эти песни напечатаны в «Нов. и полн. собр. русск. песн.», изд. в 1780 г., в следующем порядке: ч. 1, № 124, 146; ч. 2, № 135; ч. 1, № 136 и 125; ч. 2, № 121; ч. 3, № 159; ч. 1, № 134, 131, 139, 144, 155; ч. 2, № 133; ч. 1, № 140. Так много хорошего рассеяно в 3 частях песенника, что мы затруднились в выборе и боялись еще обременить читателей. Нельзя не заметить, что приведенные здесь песни напечатаны в других песенниках весьма неправильно. Например, в «Новейш. и полн. российск. объяснен. песенн.», изд. Моск. 1810 г., № 239.

При зачине каменной Москвы,
Зачинался тут и грозный царь,
и пр.

Отмеченная у меня под № 121, ч. 2, совсем иначе напечатана. Или:

Не шуми, мати, зеленая дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати.

Несправедливо приписывают ее Ваньке Каину – он только любил ее петь. Каин разбойничал в царствование Елизаветы. Пойманный и сужденный за преступление, он был сослан с клеймом на лбу и двух щеках и с вырыванием ноздрей в каторжную работу в порт Рогервик, ныне балтийский...

славили деяния своих предков¹; ионические рапсоды, гомеровские греки, кельтские барды, скандинавские скальды, германские минезингеры, французские трубадуры, менестрели, сербские гусяры и все воодушевленные песнопевцы, увлекаемые преданиями. Так сочиняли малороссийские кобзари (бандуристы) и казаки, собираясь на вечерницах (вечерних сходбищах) или в кругу пленительной дружбы. Особенная жалость в тех думах, в коих глубоко запали в сердце уныние, тоска и печаль.

Для сравнения с приведенными образцами об убитом воине, лежащем в степи, представляется здесь несколько малороссийских песен, которые древностью и, говоря беспристрастно, красотой, силою и живопроникнутой грустью пре-
вышают русские песни и думы.

1

Витер гуде, трава шумит,
Козак бидный убит лежит!
На купини головою,
Накрыв очи осокою.
Кинь вороний у ноженьках,
Орел сизый в головоньках:
Вин козака доглядае,
На кучери наступав.
Козак до его промолвляе:
Сизый орле! побратаймось.
Як ты, брате орле, станет,
З лобу очи выдирати,
Дай же моей неньци знаты,
Моей неньци старесенький,
Матусеньци риднесенький.
Ой, знай, орле, що казаты,
Як у тебе моя маты
Буде про мене пытаты.
Скажи: служит вин у хана,

---

¹ *James Tod*. Annals and antiquities of Rajast'han or the central and western Rajpoot states of India. Lond., 1829, т. 2, с. 4; *Ritter's* «Erdkunde Asien», ч. IV, от. II, с. 418, 612; ч. I, с. 722; *Malcolm*. Memoir of central Indie, т. II, с. 132–138; *Heber*. Narrative, т. V, с. 433–455.

У пана хана татарина,
У крымского добродия;
Да выслужив королевиньку,
У чистым поли могилоньку.

2

Ой, кинь бежит, трава шумит,
Да вжеж козак убит лежит!
На купини головою,
Прикрыв очи осокою,
Жовтое тило рокитою,
Билы руки хустиною,
Ясне личко китайкою.
В головоньках ворон кряче,
А в ноженьках коник плаче.
Копытом землю выбывае,
Свого пана вин пытае:
Ой, пане ж мий, пане!
Пане копитане!
Ой, кому мене вручае?
Кому коня покидае?
Чи турчину, чи татарину?
Тебе, коню, турчин не пиймае,
А татарин не осидлае.
Ой, бежи, коню, темными лугами,
Бежи, коню, битыми шляхами;
Да пробежи, коню, до двору
Та вдарь копытом в болону.
Ай выйде до тебе ненька старенька,
Козацькая матусенька:
Вона буде тебе за поводы браты,
Буде тобі сина подкладаты,
Буде тобі вивса подсыпаты,
Холоднею водицею наповаты;
И скризь слезы про мене пытаты.
Да не кажи, коню, що я убився,
А скажи, коню, що я оженився:
Та поняв соби паняночку,
У чистом поли земляночку.

Що куды витеер не вие.
Ни сонечко вже не грие.
Без виконец и без дворец,
Там спит козак – молодец.

3

Сидит козак на могилы,
З оружины огонь креше,
Скалки ломит, розкладае,
В свои раны заглядае:
Пострелены – к сердцю пришили;
Порубаны – кровью зийшли.
Закладався орел за конем,
А за тый криниченьки:
Ой, чи скорийш ты добежиш,
Мени крыльця повтинаеш? –
Ой, ты скорийш долетиш,
Мени ноги повтинаеш. –
Ой, кинь бижит, земля дрожит;
Орел летит, перо дзвенит;
Ой, кинь бижит все ярами,
Орел летит все лугами.
Кинь до воды прибигае,
Орла братца выглядае.
Орел летит и не смие.
Коня брата не низнае.
Даруй, коню, крылечками,
А хто ходит нижечками!

Печальные воспоминания казака по оставленной им родине.

Ой кряче, кряче, черненький ворон,
Та на глыбокой долине;
Ой плаче, плаче, молодой козаче
По несчастливой годыне.
Ой кряче, кряче, да черненький ворон
Та у лузи над водою.
Ой плаче, плаче, молодой козаче
По конику по вороному.

Вороний коню! грай ты пидо мною,
Та розбий туту мою!
Розбий, розбий тугу по темному лугу,
Козакови та молодому.

Ой, иде козак дороженькою,
Слизоньками умываеця:
Десь моя пенька, десь моя старенька,
Да за мною убиваеця!
Та в недилоньку рано пораненьку,
Да як сонце не зходило,
Та зезжалася вся моя родына,
Вона мне выпроводила, –
Выпровожаеш, моя родинонько!
Та чи не жаль тобі буде,
Як я пийду на ту украину,
Да меж чужии люди?
Ой, загадай мене, моя стара нене,
Сидаючи обидаты.
Десь моя дитина, на чужой сторони? –
Да никому одвидати!
Ой, згадай мене, моя стара нене,
Як сядеш у вечери исти:
Десь, моя дитина, на чужой сторони? –
Да не мае одной висти.

Могила, розговаривая с ветром, предвещает казаку, оставляющему своего отца, неминуемую смерть:

Ой, у поли могила з витром говорила:
Повий витре на мене, щоб я не чорнила,
Щоб я не чорнила, щоб я не марнила,
Щоб на мени трава росла, да й ще зеленила.
И витер не вие, и сонце не грие,
Тилько в степу при дорози трава зеленне.
Ой у степу ричка, через ричку кладка,
Не покидай, козаченьку, ридненького батька!
Як батька покинет, сам марне згинеш,
Риченькою быстренькою за Дунай заплывнеш.
Бодай тая ричка, рыбы не плодила:

Вона того товарища навики втопыла!
Бодай тая ричка, кошуром заросла:
Вона мого товарища за Дунай занесла!¹

¹ *Максимович*. Украинские народные песни. М., 1834, ч. I, с. 150–153, № 15 и 16; с. 148 и 146, № 11; с. 168. № 34. Придерживаясь правильного выговора малороссиян, я изменил правописание, введенное г. Максимовичем, и писал так, как произносят знатоки своего языка.

Необыкновенная красота и сила малороссийских песен заставляли многих собирать их и печатать; но никто доселе не был столько счастлив в собрании их и ознакомлении с ними нас в такой степени, как трудолюбивый писатель наш, г. Максимович. У него ныне собрано до двух с половиною тысяч разных песен и отрывков. С нетерпением ожидаем выхода в свет. Г-н Киреевский давно собирал русские народные песни и собрал их весьма много. Более десяти лет ожидали появления в свет обещанных им песен и, к сожалению, обещание не выполнено. Постигшая смерть в 1843 г. похитила его у нас; с ним она унесла в могилу нашу надежду. Может быть, кто-нибудь из любителей народности издаст их; а теперь мы лишены возможности сказать о них что-либо. Приведенные малороссийские песни принадлежат, судя по слогу, к концу XVI в. Но вот определенные по своему времени: на взятие Варны и на взятие Львова. Гетман Федор Богданко, опустошив Синоп, Трапезунд и Анатолию, подошел под Царьград (в 1577 г.) и ограбил его предместье; отсюда поплыл с казаками к Варне, которую он взял. По этому случаю сочинили казаки песнь:

Чы я бы вийску не заплатила,
Червонными золотыми
Та биленькими таларами?
Чы я бы вийску не заплатила,
Червонною китайкою
За услуженьку козацкую?
А в недиленьку пораненько,
Збыралася громадонька
До козацкой порадоньки.
Ставили раду, та ставили,
Виткиль Варну мисто достаты:
Ой чы з поля, чы з моря?
Чы з рички невеличкой?
Пыслали писла та под Варну,
Пиймав же посел турчапина,
Старого ворожбина.
Сталы его выпытываты:
Виткиль Варну мисто достаты,
Ой, чы з поля, чы з моря?
Чы з той рички невеличкой?
А в недиленьку пораненько
Бигут, пливут човеньцами,
Поблыскивают весельцами.

Думая, что при звуках пленительной старины никто не может быть равнодушным, я решил привести несколько

Вдарылы разом з самопалыв,
А з гарматы вси козаки.
Воны туркив забиралы,
Сталы, нарекалы:
Була Варна, була Варна,
Славна славна;
Славнийше того козаки,
Що той Варны досталы,
И в ней туркив забралы.

По взятии Львова Богданом Хмельницким (в 1648 г.).

А в чистым поли, близко дороги,
Стоит наметец дуже шовковый;
В тым наметци стоит столичек,
На тым столичку зречны молодец.
Конце вийско збирае, над Львив встае,
Тай пид Львив встае, все шерегуе,
Свое вийско на Львив рихтуе.
Як киньми зернув, аж Львив здвигнувся,
Як шабелькой звив, Львив поклонився.
Ой, вийшлы к нему мищаны
Ой, вси мищаны, вси предмищаны:
Вынеслы йому мысу червонных.
Вин тое бере, тай не дякуе,
А свое вийско на Львив рихтуе.
Ой, вийшлы к нему вси жидове,
Вси жидове, вси кагалове:
Вынеслы йому мысу червонных.
Вин тое бере, тай не дякуе,
А свое вийско на Львив рихтуе.
Ой, вийшли к нему уси Панове,
Уси Панове, вси гетманове:
Вывелы йому конников в сидли,
Конников в сидли, панну в карети.
Вин тое бере, красно дякуе,
А свое вийско та шерегуе.
Як зачав вийско шереговаты,
Ой, бильше Львива не турбоваты.

По летописям видно, что Львов избавился от грабежа казаков выкупом 200 000 червонцев, собранных с жидов и купцов армянских. Не должно думать, чтобы песни на взятие Варны и Львова только и были бы определенные по своему времени – их довольно много. На некоторые из них указано для сравнения только с приведенными русскими.

отрывков из сочинений пол. XVII в. и конца того же века – казака Кирши Данилова и неизвестных.

Завоевание Сибири Ермаком, хранившееся долго в устах простолюдинов, носит отпечаток исторической верности:

И собиралися во единой круг
И думали думушку крепко за едино:
Как бы им приплыть к горе тобольской той!
Сам он, Ермак, пошел устьем верхним.
Самбур Андреевич устьем средним,
Анофрий Степанович устьем нижним,
Которое устье впало против самой горы тобольской.
Татары в них бьют со крутой горы;
Стрелы летят, как часты дожди.
И тому татары дивовалися,
Каковы русские люди крепкие,
Что ни единого убить не могут их.
Каленых стрел в них, как в снопики налеплено,
Только казаки все невредимо стоят.

Описание доспехов Михаила Казарянина:

Выезжал удача, добрый молодец,
Молодой Михайло Казарянин.
А конь под ним – как ясен сокол,
Крепки доспехи на могучих плечах,
Куяк и панцирь чиста серебра,
А кольчуга на нем красна золота.
Шелом на буйной голове замычется,
Копье в руках мурзамецою, как свеча горит;
Ко левой бедре припоясана сабля острая,
В длину сабля сажень печатная,
В ширину сабля осьми вершков;
Еще с ним тугой лук разрывчатой,
Полосы были булатные,
А жилы елены сохатные,
А рога красна золота,
А тетивочка шелковая,

Белого шелку шамаханского,
И колчан с ним каленых стрел.
А конь под ним, как лютый зверь;
Цены коню сметы нет.
Почему коню цены сметы нет?
Потому ему цены сметы нет:
За реку броду не спрашивает,
Скачет конь с берегу на берег,
Котора река шириною пятнадцать верст.

Жалоба русской девицы, плененной татарами:

На беседе сидят три татарина,
Три собаки, наездники.
Пред ними ходит красна девица,
Русская девочка полоняночка,
Молода Марфа Петровична.
Во слезах не может слово молвити,
Добре жалобно причитаючи:
«О, злосчастная моя, буйна голова!
Горе горькое, моя руса коса.
А вечер тебя матушка расчесывала,
Расчесала матушка, заплетала.
Я сама, девица, знаю, ведаю,
Расплетать будет мою русу косу!
Трем татарам, наездникам».
Они те-то речи, татары, договаривают,
А первый татарин проговорит:
«Не плачь, девица, душа красная,
Не скорби, девица, лица белого;
Асдему, татарину, достанешься.
Не продам тебя, девицу, дешево;
Отдам за сына за любимого».

В горе не должно кручиниться, говорили наши прадеды:

А и горе, горе, гореваньице!
А и в горе жить, не кручинну быть;
Нагому быть, не стыдиться;

А и денег нету перед деньгами,
Появилась гривна перед злыми днями.
Не бывать плешатому – кудрявому;
Не бывать гулящему – богатому;
Не отростить дерева суховерхого,
Не откормить коня сухопарого,
Не утешить дитя без матери,
Не скроить атласу без мастера.
А горе, горе, гореваньце!
А и лыком горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны.
А я от горя в темны леса,
А горе прежде век зашел;
А я от горя в почетный пир,
А горе зашел, впереди сидит;
А я от горя на царев кабак,
А горе встречает, уж пиво тащит.
Как я наг-то стал, насмеялся он.

Изведение брата напоем лютых кореньев.

Кабы по горам, горам, по высоким горам,
Кабы по долам, долам, по широким долам,
А и по край было моря синего,
И по тем и по хорошим зеленым лугам.
Тут ходила, гуляла душа красна девица,
А копала она коренья, зелье лютое.
Она мыла те коренья в синем море,
А сушила те коренья в муравленой печи,
Растирала те коренья в серебряном кубце,
Разводила те коренья меды сладкими,
Рассычала коренья белым сахаром
И хотела извести своего недруга;
Невзначает извела своего друга милого,
Она по роду братца родимого.
И расплачется девица над молодцем,
Она плачет, девица, причитаючи:
За^{на}прасно головушка погибнула!

Об удалых с усами молодцах:

Ах! доселева усов и слыхом не слышать;
А слыхом их не слышать, и видом не видать;
А нонеча усы проявились на Руси,
А в новом усольи у Страганова.
Они щепетно по городу похаживают.
Собиралися усы на царев кабак,
А садилися молодцы во единый круг.
Большой усище и всем атаман:
Сам говорит, сам усом шевелит.
А братцы усы, удалые молодцы!
А и лето проходит, зима наступает,
А и надо чем усам голову кормить!
На полатях спать и нам сытым быть.
Ах, нутеж-ко, усы, за свои промыслы!
А мечитесь по кузницам,
А накуйте ножей по три четверти,
Да и сделайте бердыши
И рогатины и готовьтесь все.

Докончим выписку из старинных песен забавной сказкой о дурне. Это характеристика, достойная внимания:

А жил был дурень,
А жил был бабин,
Вздумал он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Отшедши дурень
Версту-другу,
Нашел он, дурень,
Две избы пусты,
В третьей людей нет.
Взглянет в подполье,
В подполье черти
Востроголовы;

Глаза, что часы,
Усы, что вилы;
Руки, что грабли:
В карты играют,
Костью бросают,
Деньги считают,
Груды переводят!
Он им молвил:
«Бог вам в помочь,
Добрым людям».
А черти не любят!
Схватили дурня,
Зачили бити,
Зачили давити.
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Пришедши дурень
Домой-то плачет,
Голосом воет. –
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то так же.
«Ты, глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил:
Будь враг проклят
Именем Господним
Во веки веков, аминь!
Черти б убежали,
Тебе бы, дурню,
Деньги достались,
Вместо кладу». –
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья.
Сестра Чернава. –
Потом я, дурень,
Таков не буду.

* * *

Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидел дурень
Четырех братьев,
Ячмень молотят,
Он им молвил:
«Будь враг проклят,
Именем Господним».
Бросилися к дурню
Четыре брата,
Стали его бити,
Стали его колотити;
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Пришедши дурень
Домой-то плачет,
Голосом воет, –
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то так же.
«А, глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы ты слово,
Не так же бы молвил;
Ты бы молвил
Четырем братьям,
Крестьянским детям:
«Дай вам Боже!
По сту на день,
По тысяче на неделю».
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава.
Потом я, дурень,
Таков не буду.

* * *

Пошел же дурень,
Пошел же бабин,
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидел дурень
Семь братьов:
Мать хоронят,
Отца поминают;
Все тут плачут,
Голосом воют.
Он им молвил:
«Бог вам в помощь,
Семь вас братьев,
Мать хоронити.
Дай Господь Бог вам
По сту на день,
По тысяче на неделю».
Схватили его, дурня,
Семь-то братьов:
Зачали его бити,
По земле таскати,
Валяти.
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Идет-то дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет.
Мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также.
«А, глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил: прости,
Боже благослови!
Дай Боже им
Царство небесное,

В земле упокой,
Пресветлый рай всем.
Тебя бы, дурня,
Блинами накормили,
Кутьей напитали».
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава.
Потом я, дурень,
Таков не буду.

* * *

Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Себя казати,
Людей видати.
Навстречу ему свадьба,
Он им молвил: прости,
Боже благослови!
Дай вам Господь Бог
Царство небесное,
В земле упокой,
Пресветлой рай всем!
Поехали дружки,
Наехали бояре,
Стали дурня
Плетьми стегати,
По ушам хлестати.
Пошел, заплакал,
Идет да воет. –
Мать его бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также.
«Ты, глупый дурень,
Пошел он, дурень,
Неразумный бабин!
То же бы слово

Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
Дай Господь Бог
Новобрачному князю
Сужено поняти,
Под злат венец стати,
Закон Божий прияти,
Любовно жити,
Детей сводити»,
Потом я дурень,
Таков не буду.

* * *

Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
<На>встречу дурню
Идет старец,
Он ему молвил:
«Дай Господь Бог
Тебе же, старцу,
Сужено поняти,
Под злат венец стати,
Любовно жити,
Детей сводити».
Бросился старец,
Схватил его, дурня,
Стал его бити,
Костылем коверкать.
И костыль изломал весь.
Не жаль старцу дурака-то,
Но жаль ему, старцу, костыля-то.
Идет-то дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воеет,
Матери расскажет.
Мать его бранити,

Жена журити,
Сестра-то также.
«Ты, глупый дурень,
Неразумный бабин!
Так бы ты слово,
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
“Благослови меня, отче,
Святой игумен!”
А сам бы мимо».
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава.
Потом я, дурень,
Впредь таков не буду.

* * *

Пошел наш дурень
На Русь гуляти,
В лесу ходити.
Увидел дурень
Медведя за сосной:
Кочку роет,
Корову коверкает.
Он ему молвил:
«Благослови меня, отче,
Святой игумен!»
«А от тебя дух, дурень».
Схватил его медведь – ать!
Зачал его драти,
И всего ломати,
И смертно коверкати,
Едва его, дурня,
Жива оставил.
Пришедши дурень
Домой-то плачет,
Голосом воет,

Матери расскажет.
Мать его бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также.
«Ты, глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы слово,
Не так же бы молвил.
Ты бы заускал,
Ты бы загайкал,
Ты бы заюлюкал».
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава.
Потом я, дурень,
Таков не буду.

* * *

Пошел же дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати –
Будет дурень
В чистом поле,
<На>встречу дурню
Шишков полковник.
Он заускал,
Он загайкал,
Он заюлюкал.
Наехали на дурня
Солдаты,
Набежали драгуны.
Стали дурня бити,
Стали колотити.
Тут ему, дурню,
Голову сломили,
И под кокору

Бросили;
Тут ему, дурно,
И смерть случилась¹.

Продолжать выписки о старинных народных произведениях было бы здесь излишним. Всяк, кто сколько-нибудь знаком с напечатанными уже песнями, тот согласится, что многие из них так трогательны и сильны изливанием сердца, что они восхищают не только простолюдина, но и знакомого с изящными творениями.

Недавно стали думать, чтобы писать в народном духе, и некоторые в том успевали. Должно желать, чтобы наша словесность, богатая языком и чудесными оборотами, стремилась преимущественно к своему собственному назначению. Не надобно заимствовать не свойственного нам: ни предметов, ни красок, ни оборотов для слова и мысли. У нас всего в избытке. Каких хотите народных предметов? Загляните в отечественную историю – там несчетное число событий величественных и печальных, отрадных и убийственных, поучительных и злодейских. А где краски? Ваша родина, ваше дорогое отечество: дремучие леса и бездонные пропасти, воды и океаны, богатства южных и горячих стран, ужас природы от берегов Ледовитого моря до упоительной роскоши – предметов бесчисленное множество! Человек с пламенной душою, возвышенной мыслью, чистым сердцем, с жаром ко всему прекрасному, изящному и благородному найдет везде себе пищу – ему не надобно указывать. Но можно ли найти для предметов и красок приличные обороты и мысли? Не только приличные, но возвышенные и глубокие. Это зависит от выбора предмета, который часто сам воодушевляет, и от места, поражающего наши чувства, потрясаю-

---

¹ «Древн. российск. стихотв., собр. Кирш. Даниловым», изд. 1818 г. Приведенные здесь в отрывках, как то: завоевание Сибири, доспехи Михаила Казарянина и жалоба пленной девицы суть сочинение, а может быть, переделка самого Кирш. Данилова из древних песен на свой лад; см. с. 116, 117, 203, 204, 209, 210. Следующие же: «А и горе, горе, гореваньице! – Изведение брата напоем лютых кореньев. – Об удалых с усамы молодцах. – Сказка о дурне», помещ. на с. 381, 303, 409, 390, 402, – едва ли сочинение Данилова.

щие душу и вызывающие, так сказать, слова и мысли на простор беспредельных размышлений: тут они стаями явятся, налетят на вашу душу, на ваше благородное сердце, унижат его жемчужными словами и развернутся пред вами бриллиантовой струей, в ослепительном сиянии. Рой звонких выражений и плачевных отголосков отзовется в оледеневшей душе и соплетет с лучезарной светочью мыслей блестящие украшения. Поверьте, можно достигнуть украшений: надобно уметь чувствовать.

Я уклонился от предмета, но он так близок к нашему сердцу, что невольно увлекает.

Не все наши песни и сказки носят древность даже половины XVII века – потому что они забыты или истреблены временем. Большая часть существующих ныне суть первой половины XVIII века, а другие сочинены в конце XVIII века. Многие уже переделаны местною потребностью и вкусом или вновь сочинены – народ их сам производит. Плясовые, свадебные и протяжные часто сокращаются, дополняются новыми или вновь составляются. Замечено, что по прошествии 25 лет самые любимые песни, которые певали прежде повсюду, оставляются: считают их уже старыми и заменяют новыми. Неграмотный народ имеет свою поэзию и своих стихотворцев – а мы их не уважаем и не хотим! Богатый запас народности погиб уже и погибнет от небрежения нашего или, справедливее сказать, от наших мудрований, и <мы> погребаем безжалостно свои сокровища. Если бы дошли до нас все народные стихотворения, даже начала XVII века, то мы, вероятно, получили бы другое направление в области языкознания, но потеря невозвратная! По крайней мере не допустим теперь, будем собирать, изучать и дорожить своими памятниками. Время все истребляет, а люди как бы не думают об этом. Пора уже нам оставить чужеземные восторги, восхищаться одним заморским и слепо думать, что мы не в состоянии создать собственного природного; что наш язык не заменит приторных выражений: *comme c'est beau! quel jolie enfant! Vraiment, c'est un ange*¹ и т. п. Оставим это доказывать

---

¹ <Как это прекрасно! Какой милый ребенок! Действительно, настоящий ангел...>

прекрасному полу, и кто смеет спорить с ним? Кто будет столь невежлив, чтобы осмелился сказать: сударыня! вы ошибаетесь, вы судите ложно!!! Мужчины не одарены нежным свойством судить ложно, и не все они так пристрастны, как римский император Карл V, который утверждал, что на испанском языке говорят с Богом, на французском с друзьями, на немецком с неприятелями, а на итальянском с женским полом. Мы знаем, что наш язык сладкозвучен и чувствителен, громок и живописен, силен и богат. Иностранцы этого не знают – и какая надобность знать им? Они любят свое и ожидают только похвал от нас своему собственному – а мы? Мы точно их хвалим, ничего не надеясь от них в нашу пользу, потому русским надобно внимание русских. Какого хотите от нас внимания? Разве мы не читаем русских повестей, рассказов? И помилуйте, Бог знает что говорите! Требуете нашего внимания! А посмотрите, есть ли у нас язык? Где он? По каким примерам станем изучать его? Говорят, что его надобно изучать в высшем обществе; говорят, что там он господствует во всей чистоте и правильности. Подобные замечания мне делали часто. Что я мог отвечать? Молчал – и мое молчание всегда принимали за согласие с ними, что у нас нечему учиться, что наш язык употребляет *mauvais gens!* – чернь! простые люди!! Внимание нужно к русскому языку потому, что он наш отечественный, а кто любит отечество, тот любит свой язык. Повести и рассказы доставляют приятное чтение, читать же их без разбора, без знания языка то же самое, что ходить по золотоносным горам и не видеть золота. Надобно прежде изучать красоту и прелесть слова. Язык не только существует, но он богатейший в мире после аравийского; образцы его оставили нам бессмертные наши писатели: светские и духовные; у них должны изучать, а не в высшем обществе, где часто говорят не по-русски, мешая природные слова с иностранными, даже там многие не оценивают его – это уже доказано¹. Ни московское,

¹ Благоразумные французы сами осуждают пристрастие наше к их языку. Une des qualités les plus remarquables de l'esprit des dames de la Russie, c'est leur facilité à apprendre les langucs étrangers. Il n'est aucun idiome moderne qui les présente des difficultés: elles parlent et écrivent le françois comme si celles étoient nées à Paris, tandis qu'elles peuvent à peine épeler un livre russe. Il n'est pas

étonnant qu'elles négligent leur langue maternelle: on ne daigne guères la parler dans les cercles. La langue russe, ne s'emploie que pour les affaires d'état, les plaidoyers, les procédures et les aetes religieux. <Одно из самых замечательных качеств русских дам – это их легкость в изучении иностранных языков. Для них никакой современный язык не представляет трудностей: они разговаривают и пишут на французском так, как если бы они родились в Париже, хотя в то же время они едва могут разобрать русскую книгу. Нет ничего странного в том, что они не знают родного, отечественного языка: разговаривать в их кругу на нем считается абсолютно неприличным. Русским языком пользуются только для официальных дел, жалоб, различных бюрократических процедур и в церковной службе>. – *Breton. La Russie*, т. I, с. 30–31, пар., 1813. Должно отдать справедливую честь ученым русским и некоторым знаменитым государственным сановникам в том, что они дорожили своим отечественным языком и говорили на иностранном по одной необходимости, а именно: Румянцевы-Задунайские, Потемкины-Таврические, Суворовы-Рымникские-Италийские, Безбородкины, Панины, Разумовские и многие другие. Бессмертный творец оды «Бог» Г. Р. Державин всегда сердился, когда слышал говорящих не по-русски, особенно тех, которые давно поселились в России. Он требовал от всех, чтобы они везде употребляли свой язык, чтобы этим способом заставить иностранцев изучать наш язык. Однажды пришел к нему сапожник с денежным счетом и стал изъясняться по-немецки. Державин сказал с негодованием: «Долго ли ты будешь говорить со мною по-немецки? Более 20 лет, как живешь здесь! Пришел к нам босой и полунагой, а теперь уже имеешь два каменных дома, с коих получаешь несколько тысяч в год доходу. Хотя бы из благодарности к счастливому для тебя Петербургу говорил по-русски».

Весьма странно и даже обидно, что очень многие из наших соотечественников изъясняются на иностранном языке, оставляя свой в пренебрежении. Встретятся ли они с французом, немцем или англичанином – тотчас залепечут на их языке, хотя последние очень хорошо знают наш природный. Войдите в общество, где иностранцы разных племен, русский непременно станет изъясняться на их наречии. Посмотрите же на немцев, французов и англичан, они никогда ни с кем не заговорят, как только на своем языке, даже стараются заставить иноземцев выражаться на их природном. Вам случалось видеть, о, я думаю, весьма часто, что в одном и том же собрании все разговаривает сначала по-русски, но если появятся немцы или французы, то все изменяется: немцы пристают к немцам, французы к французам и т. д., составляют свой круг и говорят на своем языке, в посмеяние русским. Русские это терпят, слушают хладнокровно и отнюдь не заботятся заставить их говорить по-русски – а иноземцы торжествуют! Что это значит? Любовь иностранцев к своему собственному, ревностное стремление распространять повсюду свое отечественное. А мы, русские, в безмолвном благоговении пред говором иностранным учимся ему с горячностью неистощимой; потеем от всего усердия над тем даже, как чисто и правильно произносить, к унижению собственного нашего языка.

Когда мы ознакомились с иноземным духом в XVI в., тогда вошло в поговорку: «Славянскому языку не видать добра от немецкого». См.: «Дела

польские», л. 320 на об. л. и Карамзина «История государства Российского», т. X, с. 101, пр. 166, 1824. – Предки наши под именем немцев разумели всех иностранцев. Предание об истреблении нашего языка весьма нелепое; оно похоже на предсказание – завладение русскими Царьградом. По крайней мере завоевание восточной империи взято из того повода, что Олег повесил щит свой на константинопольских воротах в 906 г. Но эту молву распространил польский летописец Стрийковский (см. его сочин., гл. III).

В X в. была найдена надпись, неизвестно кем написанная под истуканом Беллерофона, который стоял на Таврской площади в Царьграде: «*Русские недавно опустошали Константинополь*», а не предсказание, что русские овладеют Константинополем. – In medio fori (Tami) atrio est statua equestris, quam quidam Iesu Nave, alii Bellerophonis esse volunt. Allata vero fuit ex magna Antiochia. Caeterum basia lapidea quadrilatera equestris illius statuae habet insculptas: *historias russoem, qui novissimis diebus urbem vastaturi sunt.*, cujus rei impedimentum est perquam minimum illud signum, quod vinetum ae genuflexum illic positum visitur. Praeterea quoque pes levus magni equi, quod in eo **inscriptum est, praesignificat.** Similiter est magna columna concava et Xerolophus ultimus urbis casus expugnationes quae representant <Посреди двора – статуя всадника, согласно одним – **Иисуса Навина, другим – Беллерофонта. Она была привезена из великой Антиохии.** На квадратном каменном основании сей статуи высечены слова: «История руссов, которые в новейшие дни грядут опустошать город», а на задней стороне – едва различимое изображение виноградника и в нем <человека>, преклонившего колени. Кроме того, имеет значение левая нога большого коня, вписанная там. Подобным образом <значительны> большая полая колонна и последний ксеролофус <боец-гимназист> города, павший в сражении, там бывшем». – Vanduri Imper. orient., т. I, с. 16, в статье «Anonymi antiquitatum constantinop.» lib. I, см. Nicetas Choniates, с. 412 и 414; *Codinas. De origin. Constant.*, с. 24. Все они трое, жившие около 1100 г., свидетельствуют общее сведение о взятии русскими Царьграда, но никто из них не говорил о предсказании, что русские овладеют Константинополем. Le souvenirs de ces flottes arctiques, qui sembloient descendre du cercle polaire, e'prouvanta longtemps la cite impriale <Воспоминания об этих арктических флотилиях, которые, казалось, опустились с Полярного круга, долго приводили в ужас имперский город>. Далее, когда русские опустошили предместье столицы при Игоре и Святославе, тогда разнесли молву, что они завладеют Царьградом, как обыкновенно происходит, когда угрожает опасность столице. Le vulgaire de tous les rangs assuroit et croyoit, que l'inscription d'une statue esquestre, qu'on voyoit dans la place du Taurus, anoncoit comment les Russes deviendroient un jour maitres de Constantinople <Простые люди самых разных слоев убеждали других и верили сами, что надпись на одной из конных статуй, которую видели на площади Таурис, возвещала, что однажды русские станут хозяевами Константинополя>. – *Gibbon. Hist. de la decad. de l'emp. rom.* Т. 15, гл. LX, та самая глава на английском языке. Иные думают, что медная статуя Беллерофона, привезенная из Антиохии, изображала победителя баснословной Химеры, а другие – Иисуса Навина. Французы, овладев Царьградом в нач. XIII в., сплывали ее. Но откуда взято предание об истреблении нашего языка или о завладении Царьградом?

ни новгородское, ни ярославское наречие, ни другое какое-либо не может сделаться повсюдным. Это только местное наречие, но самое лучшее, правильнейшее и чистейшее, существует между людьми, изучившими свой язык по определенным правилам, которые, однако, не могут быть постоянными, положительными: с просвещением народа язык изменяется – а отсюда следуют изменения и новые правила. Тот бедный язык, который стоит на одной ступени. Французский уже не двинется далее; только вносятся в него преобразованные слова вместо застарелых, а застарелые занимают место новых, так что в нем теперь произошла мена слов. Если бы допустить, что в обществе заговорили бы в одно время на ста местных наречиях, проистекающих из одного общего, родного им языка, то вышло бы странное смешение –

Просто вымысел и, говоря словами Гиббона: an odd dilemma! <древняя загадка>. Было время, когда наши предки преследовали эллинское учение и знание. По переводе с греческого языка на славянский некоторых священных книг греки мало-помалу усилились при дворе, и, наконец, все высшие места по управлению Церковью остались за ними. Почти все митрополиты высылались из Константинополя, и не многие из русских, едва ли более четырех, были посвящены в митрополиты. От этого самого изучение греческих знаний было введено необходимостью; а влияние греков на все дела вооружало наших предков не только против имени грек, но даже против полезного знания: *кляли эллинскую мудрость*, называя ее хитрою, коварною, смешав знание с пронырливым и сребролюбивым духом. Не щадили и тех, кои не из честолюбия, но из общественной пользы преследовали суеверие, злоупотребление, невежество церковнослужителей и исправляли церковные и богослужебные книги. Так безвинно погиб Максим Грек, живший в XVI в., который более 30 лет томился в темнице. Так патриарх Никон не избег нареканий от своих современников за исправление им церковных книг. Суеверы и невежи, приписывая это наушению эллинскому, произвели расколы. Но когда страсть к греческим знаниям уменьшилась с распространением сведений Западной Европы, не ближе к концу XVIII в., тогда стали кричать на немцев и французов и имя немца обратилось в бранное – новая крайность! Не должно переходить от крайности к крайностям. Что полезное, то полезное, а потому ни одно из полезных знаний не может вредить народности. Но унижать чужое, потому что оно хорошее, – это значит унижать достоинство человека; унижать чужое, потому что оно чужое, – это значит быть пристрастным к своему собственному и несправедливым к заслугам чужим. Нам не вредят иноземцы, а мы сами вредим себе: мы хватаемся за все чужое, не разбирая и не рассуждая, что хорошо или дурно. Не должны осуждать иноземного без основания, потому что придется все осуждать иноземное; а когда пересудим все, примемся осуждать свое и дойдем уже до того, что свой язык будем называть варварским, не европейским – а между тем не будем ли сами виновны?

недалеко от вавилонского. Каждый захотел бы отдать преимущество своему туземному выговору, произошли бы споры, а за спорами неуместные доказательства. Мы знаем на опыте, что в образованном обществе говорят наречием правильным и очищенным. Это доказывает, что эти люди изучали его свойство, силу и дух; что они знают, где надобно избегать несвойственных выражений, приличных одному какому-нибудь месту, городу или деревне; что они сами признают тот правильным язык, который освобожден от местных привычек. Смешно было бы, если бы кто стал изъясняться книжными словами. Были примеры, что многие из прекрасного пола говорили целыми статьями из какого-нибудь любимого ими романа или повести, написанной, правда, увлекательно, но это обнаруживает явное незнание языка, слепой вкус и тщеславное желание блеснуть чужими оборотами выражений, которые весьма кстати были сказаны писателями, но изуродованы легкомысленными подражателями¹.

МЕСТНЫЕ ОТЛИЧИЯ И НАКЛОННОСТИ РУССКИХ НЕ МЕШАЮТ НАРОДНОСТИ

Наше отечество, заключающееся в пределах трех частей света, на пространстве 350 000 кв. м., имеет народонаселение до 63¹/₂ млн. На одном этом протяжении рассеяны многочисленные племена, не сходствующие между собой ни нравами, ни образованием: живут язычники, иноверцы, кочевые и полудикие; но число их довольно незначительное. Можно насчитать более 100 племен, совершенно чуждых одно другому; но все сохранили свой язык, веру и предания. Расселение племен можно подвести под 12 родов: 1) славянское, 2) германское,

---

¹ Один именованный купец, любящий говорить высокопарно, всегда начинает свой разговор красноречиво, затвердив наперед тьму украшений, коих не понимает он силы; продолжает разговор с жаром пылкого и даровитого витии. Его слушают и не понимают. Наконец, после утомительного ораторства для него самого он оканчивает свою речь тем, что у него продается лучший табак, или: ради того, чего иного, совокупного – совокупления, приятного приятства, для нашего дружественного кампанства – табак дешево продаю, и самый лучший-с, право-с, да-с.

3) латышское, 4) финское, 5) татарское, 6) кавказское, 7) монгольское, 8) маньчжурское, 9) самоедское, 10) племена американского происхождения, 11) жида, 12) цыгане. Славянское, состоящее из русских, малороссиян, казаков: донских, черноморских, уральских, сибирских, гребенских и пр. и поляков простирается до 54 млн; исповедующих же православную веру до 50 млн. Германцев более 1¹/₂ млн, остальные 8 млн образуют все следующие за ними десять племен. Господствующий народ далеко превышает числом все другие, и нет никакой опасности от разноплеменности обитателей, тем более что самодержавие, вера и просвещение утверждают общественное направление ко всему благому. Владычествующий народ, тесно связанный религиею, преданный своему отечеству, радующийся его благосостоянию, имеющий свое могущественное царство и гордящийся им, упрочивает безопасность нашу. Правители царств всегда смотрят далее своего века, а мудрый монарх бессмертен в делах своего народа. Россия, обязанная своей славою великодушному самодержавию, Россия, любя своих царей, как дети отца, умеет благотворить и своим врагам. Она любит их, как ближних, но еще более любит своих русских.

Несмотря на разнообразные наклонности и свойства природных жителей, у них общее народное: вера и благо отечества. Разнообразие это происходит от местных привычек, а не от духа; оно никому из них не препятствует гордиться общностью и дружеством; оно, раскрывая друг пред другом превосходство в способностях, успехах разума и промышленности, соревнует их друг пред другом, одушевляет к постоянным предприятиям и напоминает каждому гражданину о почетном его назначении.

Пограничные обитатели севера и степей, отличающиеся особою телесной крепостью, занимаются звериною и рыбною ловлями и меновою торговлею: они смелые и отважные. Беспокоиваемые часто хищническими набегами, они непрерывно борются с ними, оттого умом хитрые, изыскательные, воинственные; росту среднего, стану гибкого, цветом лица смуглые, волосы имеют черноватые. Внутренние обитатели северо-

восточной части проникательные; все они с большими наклонностями к познаниям: переимчивы и изобретательны, деятельны и неутомимы. Торговля всеми вещами, приобретаемыми изнутри и вне поверхности земли, промышленность и фабричные произведения, проистекающие отсюда, расходятся по всей империи и вывозятся за границу. Выгоды, получаемые от деятельности и предприимчивости, распространяют изобилие и роскошь – изощряют ум и направляют его к полезному образованию. Внутренние обитатели, одаренные предприимчивостью, устремляются в отдаленные края, чтобы изыскивать средства к постоянному своему улучшению. Наделенные мужеством и самоотвержением, они жертвуют своими частными выгодами общественным; устраивают общеполезные заведения и расширяют область познаний. Более хладнокровные, чем горячие, они прежде рассчитывают, нежели решаются. Гражданственность, услаждающаяся очарованиями преданий и народными рассказами о собственном величии, утверждает прочность обитателей внутренности России – потому-то здесь гораздо более, нежели где-либо, каждый дышит любовью к своей родине. Тут не поэзия, не жажда честолюбия – жить в потомстве, а наука любить отечество. Жители юго-западной части, избалованные расточительной природою, более ленивы, но пламенны. Они роста высокого, гибкие телом, привлекательны собою и по большей части страстные поклонники неги. Белые лицом, с волосами черными и глазами огненными, они страстно любят умственные занятия. Нигде между русским народом не было такой высокой поэзии, как между малороссийскими казаками. Шел ли казак на войну, он одушевлял себя песнями и рассказами об удалстве своих витязей и атаманов. Жил ли он в мире, служил примером доброго и верного гражданина. То же чувство руководит им ныне: он любит Россию с жаром юноши – это им доказано. Излишне было бы приводить примеры, что из его казацкой страны вышли добродетельные святители, великие государственные мужья в политике и на поле брани и знаменитые ученые, которые все служили с такой же беспредельной ревностью, как и собственно русские. Между малороссиянами и русскими

нет никакого различия: один дух и одно благородное желание управляет ими. Если мы видим различие нравов, то это не есть противодействие народности. Мы уже говорили, что народность основывается на общественном стремлении к единству, коего возглас есть: благо и слава народа, поэтому всякий из нас дорожит своей святой Русью, гордится своим именем, отвечает всегда радостно на призыв любимых нами монархов, коим наше отечество вручено самим Провидением. Каждый из нас хранит в сердце своем заветные слова наших предков, что мы должны жертвовать собою за веру, царя и отечество и помнить твердо: с нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любовь к собственному счастью рождает любовь к своему отечеству; благородное честолюбие каждого, народную гордость. Народная гордость не может существовать без сознания собственного достоинства; слава народа не может проявляться без любви к отечеству. Напрасно некоторые говорят, что любовь к отечеству можно внушить умствованиями. Кто не гордится народностью, тот не может питать любви ни к чему родному. Кто не знает, что народность есть истинная любовь, основа к благоденствию царства, тот только может быть всемирным гражданином. Божественный свет религии скрепляет все общественные связи, а народность утверждает в любви к своему отечеству. Религия есть тайный союз человека с Богом; внутреннее, неизглаголанное чувство с Небом: она выше всего земного, выше всех мудрых законов; но народность есть душа отечества, врожденное чувство ее жизни, невидимая связь соотечественников, сближение ею с одними чувствами, с одними мыслями, и она везде действует на земле с самоотвержением, как действовала прежде, – следовательно: народность есть выражение любви к отечеству. Но каким образом можно приобрести народность? Станный вопрос! Как будто бы народное чувство можно купить как сребролюбивое сердце. Но тот, который продает себя, продает себя всем безотчетно. Как же мы можем понять народ-

ность и где можем ее изучать? Вопрос весьма важный, но ответ написан в сердце каждого русского: в воспитании народном¹.

Иноземец никогда не воспламенит сердца нашего к Отечеству нашему – потому что он чужд его. Не согреет наших чувств трогательными примерами из нашей истории, потому что не знает их или увлекается пристрастием. Он всегда уверен в достоинствах своего народа и всегда склонен к мысли о превосходстве своих соотечичей. Он будет указывать на разительные примеры только из своей истории – как будто бы у нас их нет! Как будто бы мы скудны ими! Нам надобно знать свои примеры и любить в них свое возвышенное, свое родное. Как несовместны в природе две любви, так никто не может любить двух отечеств, а потому напрасно увлекаться безотчетным благоговением к одному иноземному. Не пойдем народного духа, когда не станем изучать его. Прилепляясь к чужому, мы не сроднимся с ним и не оценим своего. Мы должны заставить наших клеветников уважать нас – преданностью своею к самодержавию и Православию, к своему величию и Отечеству. Кто думает дурно о своем Отечестве, тот не достоин жить в нем. Если злословы

¹ Нигде общественные узы не были столь крепкие, как между евреями. У них изливалось народное чувство и воспитание из своего общественного духа. В Индии, Египте, Вавилоне, Сирии, Мидии, малоазийской Греции и Финикии утверждалось образование государственными постановлениями, основанными на свойствах своего народа. В Персии само воспитание было общественным занятием. Там дети с младенчества своего принадлежали государству. В Греции и Риме образование детей по своим законам и своим обычаям обратилось в народную гордость. Младенцы с материнским молоком всасывали там нежную любовь к отечеству, как к очаровательному образу, воспламенявшему и сердце, и ум. От этого явились там, исполненные любви образцовой: Мильциады, Фемистоклы, Аристиды, Кимоны, Периклы, Бруты, Сцеволы, Цинцинаты, Камилы, Регулы, Маркелы, Сципионы, Фабриции, Фабии, Катоны, Эмилии, Гракхи, Помпеи, Цезари, Августы, Меценаты, Германники, Веспасианы, Трояны, Марки Аврелии, Антонины, Стиликоны, Велизарии и многие другие бесмертные мужи. В Спарте, где все было напитано духом народным, смотрели на иноземцев с недоверчивостью и не допускали их к важным должностям. То же самое было в Карфагене и почти во всей европейской Греции. Германские племена и франки дали новое направление воспитанию. Соединив религию с семейным воспитанием, они укрепляли его на народной преданности своим нравам, обычаям и своей стране. По основании новых европейских монархий это направление упрочено потребностью общественного образования и соединено крепко с духом народной гордости.

наши стараются видеть у нас все дурное, то могут ли они сказать когда-либо хорошее? Если осуждают нас, то единственно из ненависти к нашей силе. – Кто может противоречить истине? О! Если найдутся люди, то да поклянутся гробами своих родных, чтобы обличить нас. Нет! Не найдется дерзновенного... и если... нет! нет! Творец милосердный! Не допусти их до заблуждения. Русский любит свою землю, свое солнце. Земля – его мать, солнце – его мир ненаглядный: оно согрело его помыслы благородные, озарило величием, пленило сердце славой и той землею, где все мы родились, живем и ляжем подле наших отцов – умрем с ними, любя свою родину, свою землю.

Следуя правилу государственной науки – ограждать свою безопасность и укреплять народное чувство, мы должны стремиться к образованию, свойственному духу спасительного самодержавия. Своими победами мы устранили препятствия, заграждавшие <путь к> успехам образования: теперь мы должны усваивать одно доброе и полезное. Мы живем в России и должны жить для нее. Мечтая о гениальности чужих умов – как будто бы у нас их нет и не было! – не вознесемся чужим умом и не будем счастливы ложным, чужим счастьем. Россия – счастье наше.

II. ЖИЛИЩА

Благословите, братцы, старину сказать –

Как бы старину стародавнюю.

Древ. рус. стих. собр. Кириш. Дан., с. 17.

ПРЕВОСХОДСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО КЛИМАТА ПРЕД ПРОЧИМИ ЧАСТЯМИ СВЕТА

Если станем рассматривать Европу с незапамятных времен, то она представится нам самою бедной страной. За исключением хвойных лесов и незначительных растений, все,

что в ней находится теперь, есть иноземное, перенесенное из других частей света, не говоря уже о просвещении. Нынешним богатством она обязана единственно труду и деятельности человеческой. Хлебные растения: рожь, ячмень, овес, гречиха, пшеница, кукуруза, полба перенесены из Азии; плодоносные деревья, кроме тощих видов груш и яблонь, перешли к нам из Азии. Римляне за несколько лет до Р. Х. перенесли вишню, лимоны, виноград, дыни, финики, персики (из Персии), померанцы (из Китая), розы (из малой Азии). Картофель, табак, разные виды домашнего леса, большое множество полезных и приятных для глаз растений и деревьев: цветы, душистые травы, тополь и пр. перевезены из Америки. Домашние животные по большей части, кроме лошадей, верблюдов и ослов, суть туземные; серна, сайга, дикие козы, овцы и пр. суть переносные; медведь, волк, лисицы, заяц и кролик приписываются Европе. Из птиц павлин вывезен римлянами из Азии, индийский петух и некоторые другие птицы не европейские. Усваивание великого множества растений и животных доказывает бывшую непроизводительность Европы и с тем вместе воспроизводительность ее земли пред прочими частями света, потому что в ней легко принимаются произведения тропических стран и обращаются в туземные. Европа не имеет ни гор, ни рек, ни долин, ни степей, какие в Азии и Америке; ее леса скудные в сравнении с мирозданными Америки; ее животные даже карлики в сравнении с великанами африканскими и азиатскими; зато природа ее восприимчивая, воздух умеренный и здоровый. Ей неизвестны ни опустошительные ураганы, ни мгновенный переход от чрезвычайного жара к оцепеняющему холоду, как в Азии и Америке. Небо не сияет тропическою прелестью, не обвораживает смертного, зато не веют на него заразительные болезни, истребляющие целые города. Азиатская и африканская моровая язва, желтая лихорадка Америки останавливаются на пределах Европы. Холера, зашедшая к нам из восточной Индии, не появляется более. У нас нет тех страшных пустынь, как в Азии и Африке, где они образуют кладбища от внезапно умирающих людей; мы не подвержены нападению бесчислен-

ных роев ядовитых насекомых и высасывающих кровь; мы не терпим хищнических опустошений от свирепых зверей, ни удушливого зноя. Если европеец не отдыхает в прохладной тени величественного пальмового дерева, то он засыпает безбоязненно среди безвредных своих полей и лесов. Его не тревожит неожиданный ужас, быстрое дуновение заразительного ветра или нечаянное нападение лютого животного.

ДРЕВНЕЙШИЕ СВЕДЕНИЯ О РОССИИ

Эту часть света занимали в самой глубокой древности германцы и славяне. Все они жили первоначально в лесах; болота и высокие горы разделяли их друг от друга. От Карпатских гор и устья Вислы до Пиренейских гор и Атлантического океана воздух был суровый и холодный; зима стояла по полугода и дикие звери витали здесь. В X в. по Р. Х. находим эти места измененными: людность смягчила суровость природы; но и тогда еще леса непроходимые, по берегам Дуная и Роны, наводили ужас, и зимы бывали продолжительные. Еще в XV в. германцы носили меха и согревались дома огнем.

Гомер, писавший <в> IX в. до Р. Х. или <в> XXVII в. до нашего времени о южной части России, нынешней Тавриде, передает о ней известия со смесью баснословия: «Там небо подернуто вечными туманами, солнце не показывается на горизонте и глубокая ночь царствует вечно». Эти известия хотя не совсем верные, однако весьма любопытные, даже важные: они подтверждают общее мнение, что часть Европы была мрачная, болотистая и холодная; жители ее были дикие дети природы.

Места от Карпатских гор до Балтийского моря и далее на север до Ледовитого моря вовсе были неизвестны ни римлянам, ни грекам даже до пол. V в. до Р. Х. Они имели о ней самые темные и изуродованные предания. Персидский царь Гистасп Дарий, живший за 500 лет до Р. Х., и македонский царь Александр в первой пол. IV в. до Р. Х., гоняясь за кочующими скифами от Азовского моря до р. Дон, встречали на сем про-

странстве степи и безлюдность. Орды многих племен проходили здесь, вытесняли бездомных обитателей, которые в свою очередь были выгоняемы отсюда другими. Геродот, живший за 445 лет до Р. Х. и сам посещавший греческие поселения в нашей Тавриде, исчисляет уже племена, имевшие гражданскую оседлость. Он говорит, что места между Тавридою и Днепром были необозримые степи и безлесные; что зима стоит 8 месяцев и воздух в это время наполнен летающими перьями (снегом); что Азовское море покрывается льдом, по коему ездят жители на санях и сражаются на нем, ничего не боясь; что некоторые из них питаются человеческим мясом, а другие обращаются ежегодно в волков на несколько месяцев: первое означает свирепость народа, а второе – что зима там была довольно жестокая и люди одевались в волчьи кожи, а, быть может, в бараньи, из коих стали выделывать шубы. О полунощных землях носился один темный слух, что там живут люди, которые спят шесть месяцев в году (в продолжительные ночи на севере). Об отдаленнейшей части севера потеряны известия. Хотя Тацит (писатель первого века по Р. Х.) говорит о балтийских вендах, наших соплеменниках, что они имели дома, жили в кибитках; однако мы ничего не знаем о климате прибалтийских наших мест. Иорнанд, готский писатель VI в., говорит уже о многочисленности наших венедов. Вообще можно сказать, что одни греки и римляне передают нам некоторые сведения о славянах, которые были неверные, сбивчивые и искаженные, именно: что вся полоса земли от балтийских берегов до устья Днепра была покрыта лесами непроходимыми и болотами, которые испугали Бату в начале даже XIII в. идти на Новгород; что почва была необработанная и представляла пустыню, что стаи диких и хищных животных рыскали по пространству необозримому, снега глубокие ужасали туземцев, но реки изобиловали рыбою, а леса – дичью и пушными зверями. Последнее известие согласуется с безлюдностью, потому что это есть принадлежность всех незаселенных и холодных стран. Хлебное растение едва тогда было известно, и оно заменялось кореньями, земляными плодами, мясом дикого животного, молоком и сыром.

ЖИЛИЩА СЛАВЯН

На этих холодных и безлюдных местах селились славяне и жили по природе: в лесах и пещерах¹. Когда они получили гражданскую оседлость, а с тем вместе и выгоды от постоянных жилищ, тогда стали строить хижины; но в местах диких, уединенных и среди непроходимых болот иноземец не мог путешествовать в их земле без вожатого. Ожидая беспрестанно врага, славяне брали еще другую предосторожность: делали в своих жилищах разные выходы, чтобы в случае нападения можно было спастись: скрывали в глубоких ямах драгоценные вещи и хлеб и селились более между болотами и лесами².

С узнанием выгод от скотоводства и земледелия они получали от них все необходимое для поддержания своей жизни: поля и животные снабжали их пищею и одеждою; непроходимые леса охраняли жилища и служили при военных событиях часто оградою. Не страшились уже ни голода, ни свирепых зим, ибо запасались достаточными пособиями, которые находились в их стране.

ЗДАНИЯ ДЕРЕВЯННЫЕ И КАМЕННЫЕ, ХОРОМЫ в. к. ОЛЬГИ

Первоначальные жилища состояли из лесных срубов; ставили их обыкновенно по произволу и удобству хозяйственных

¹ Довольно странно, что шведский историк Далин говорит утвердительно, что вся Россия, представляя в глубокой древности одни острова, была от Новгорода до Киева шведскою провинциею и что около Р. Х. большая часть Швеции скрывалась еще под водою. *Dalin* «Geschichte des Reiches Schweden». Рожер Бакон еще более рассказывает баснословного, что тунгусские татары имеют коров с лошадиными хвостами и доят их при пении песен. «Observations du moins Roger Bacon» <Наблюдения по меньшей мере Рожера Бакона> – в собр. *Бержер*, с. 19, 1735... – Бакон жил в XIII в., ему извинительно, но Далин – в XVII в. и славится своей историею.

² *Strit*. Mem. popul., т. II, с. 29; *Иорнад*. De reb. Gethic, с. 85; *Hi paludes sylvasque pro civitatibus habent* <Они имели в качестве поселений болота и леса>.

Зарывание хлеба в землю господствовало в Малороссии до наших времен. Еще недавно казаки для сохранения зернового хлеба ссыпали его нарочно на зиму в ямы, в коих он оставался невредимым.

помещений. Внутренность их состояла из одной общей комнаты, в смежности с кою находились пристройки для домашнего скота и птиц и для хранения земледельческих вещей, хлеба, сена и пр. Овины или гумно стояли недалеко от избы. Мы не имеем самых древних сведений о наружности и постройке наших домов. Судя о простоте тогдашних нравов, должно думать, что избы и хоромы располагались без украшений, но строились, сколько нам известно, из дерева. Жилые покои стояли внутри двора и обводились деревянными заборами с решеткою и без решетки и частоколом. Конечно, это делали одни богатые; недостаточные и бедные окружали плетнем или оставляли незагороженными, как доселе по многим городам, селениям и деревням. Хоромы в. к. Ольги были уже каменные (в пол. X в.). Стены и башни, окружавшие города, были деревянные и каменные. Владимир I строил церкви и здания при содействии греческих художников, например дубовую церковь Успения Пресв. Богородицы (в 991 г.), и украсил ее иконами и церковными вещами, доставленными из Константинополя. Того же года такая же церковь с тем же именем построена в Ростове, которая стояла 168 лет и сгорела во время пожара¹. В половине XII в. построена каменная церковь в. к. Андреем Юрьевичем во Владимире на Клязьме во имя Успения Богородицы, с одним куполом². Церковные каменные здания предшествовали построению домов.

ЕДИНООБРАЗНОЕ ПОСТРОЕНИЕ И РАСПОЛОЖЕНИЕ КОМНАТ

Нет сомнения, что за исключением Ольгина терема все тогдашние сельские избы не отличались от нынешних: были невысокие, крылись досками и соломою. Горожане строили

¹ Русская лет. с Воскр. сп., ч. 1, с. 154–155. – Церкви назывались у нас *ропатами*. После в. к. Владимира I возвратившиеся с известием о вере болгарской называют их храмы *ропатами* – Лавр. сп., с. 73–74. – Ганзейцы просили дозволения у новгородцев построить ропату; церкви лифляндские именуются в царств. летоп. *ропатами*. См. царств. летоп. под 1563 г.

² Русская лет. с Воскр. сп., ч. II, с. 44–62. – Еще в XIII ст. церковь Св. Богородицы была вымощена (в Суздале) красным мрамором. – Там же, ч. II, с. 192.

высокие дома и жили обыкновенно вверху или в верхнем жилье, это видно из того, когда язычники киевляне хотели принести в жертву идолу Перуна христианина, родом из варяг, тогда подрубили сени и убили его с отцом. Тело умершего Владимира I спустили по веревкам из верхнего жилья, разобрав помост между двумя клетями. Низ дома служил тогда для погребов, называвшихся медушами, потому что в них хранился мед, и для кладовых. Дом делился на клетки (комнаты). Он разделялся пополам сенями, называвшимися иногда помостом. Вдали от дома строились особые почивальни или одрины, коих название чисто славянское показывает, что тут стояли постели и служили не для одного ночного отдохновения, но и послеобедного. Наши предки любили уснуть после обеда, и это называлось у них отдохнуть немножко.

Приемная в великокняжеских покоях еще до Владимира I назывались гридницею. В ней в его время угощались бояре, гридни, сотники, десятские и все нарочитые люди (именитые граждане). Гридни составляли отборную дружину княжескую, которая переименовалась потом в мечников¹. На дворе строили вышки и повалуши для голубей, коих любили наши предки издревле, и назывались еще голубницами². Хоромами назывались у нас высокие деревянные дома, а теремами – покои или комнаты, расположенные в верхнем ярусе.

ОСВЕЩЕНИЕ

Жилые покои освещались свечами и светильнею. В великокняжеских и боярских хоромах горели восковые свечи, потому что воску было у нас в изобилии: его снимали в лесах из диких пчельников и продавали, вероятно, дешево; недостаточные люди жгли обыкновенное масло, наливаемое

¹ Гридни, или гридень, происходит от шведского слова *gred*, меч. Их сравнить можно с придворной стражею.

² Лет. Нестора по Кенигсб. сп., с. 47, 51, 72, 91 и 93. – Повалуша, упоминаемая в значении голубятни, встречается в «Древн. русск. стихотв. Кирш. Данилова», с. 61. Вышка означает в Смолен. губ. верхнюю комнату в жилье, подобно чердаку; она делается без печи и в ней только живут летом.

в глиняные круглые сосуды, как поныне в обыкновении между малороссиянами, у коих такой сосуд называется каганец, а в Великороссии – жирник. Простые или бедные люди жгли лучины сосновые, которые поныне в употреблении. Иностранцы, бывавшие у нас по делам посольским в XVI и XVII вв., говорят единогласно, что путь их в ночное время освещали лучинами, которые горели так светло, как бы самое солнце светило среди дня; что по дорогам зажигали смоляные бочки, пуки соломы и костры дров. Сальные свечи появились у нас не прежде XVII в., их в это время употребляли уже многие¹.

Сальные фабрики появились в царствование Петра I, и тогда они стали входить во всеобщее употребление. Подсвечники появились, конечно, с восковыми свечами, и церковные служили им образцом.

КАМЕННЫЕ ПАЛАТЫ

Строителями домов были природные русские. Наш мужик, от природы сметливый, сам плотник и зодчий; так было и в самой отдаленной древности. В XII в. распространялись у нас ремесла и полезные знания; мы имели живописцев и строителей иноземных, кои преимущественно занимались украшением храмов². Кремлевский дворец был первоначально деревянный, как

¹ *Herb.* «*Rer. Moscov. com.*», с. 89–101; *Francesco da Collo* «*Trattamento di pace tra rè di Polonia e gran principe di Moscovia*», 1518 г., stampato in Padua 1603 г., на обор. 53 л.: «quando ci accoreva far ritorni ad essi nostri alloggiamenti, in tempo di notte, erano disposti e accessi lumi di tiglia, di altezza d'un passo dall'una e dall'altra parte della strade, discosti l'un da l'altro intorno à due passi, i quali rendevano cosi fatto splendore, come se posse il sol da mezzo giorno» <когда нас встречали, зажгли расставленные в строгом порядке и яркие лампы с фитилями, высотой в один шаг по одну и по другую стороны улицы на расстоянии двух шагов друг от друга, которые возвращали дневной свет> – помещ. у *Чулл.* «*Historia delle sollevationi notabili in Polonia*», gli'an. 1606. 1607 и 1608. – *Arsenii.* *Descr. itineris in Moscoviam habita a Jeremia II patriarcha Constantin.* Ч. I. С. 90, помещ. у *Вихмана... Mieke.* *Relations des trois embassages de Carlisle*, с. 340, изд. 1772 г. ...

² Летопис. Нестора, Воскресенская и Новгородская. Замечательно, что соборная церковь в Суздале была выстроена нашими художниками. Тогда же славился в Киеве зодчий Милонег Петр, который построил каменную стену на берегу Днепра, под Выдубецким монастырем, и наши современники говорили о ней как о великом чуде. – Воскр. лет., ч. II, с. 118.

дворцы великих князей в Киеве. В. к. Иоанн Калита, украшая Москву каменными храмами, обвел ее в 1339 г. дубовыми стенами и возобновил сторевающий в его время кремник (кремль)¹.

В его время были построены соборы: Успенский и Архангельский, церковь Св. Иоанна Лествичника и Преображения. До XV в. не было здесь, кроме храмов и городских укреплений, ни одного каменного дома; князья и вельможи строили деревянные по избытку леса и трудной выделке кирпича, который продавался, без сомнения, весьма дорого и, сверх того, требовал искусства в построении.

Новгородский архиепископ жил уже в каменных, с тридцатью дверями хорамах, построенных немецкими зодчими (1433). Его палаты были расписаны и украшены боевыми часами. На великокняжеском дворе, за церковью Благовещения, были выставлены еще в 1404 г. боевые часы, стоившие около 30 ф. серебра².

¹ Карамзин. История государства Российского, т. 4, с. 225, прим. 322.

² Монах Лазарь, пришедший с Афонской горы, родом сербин, снабдил часами церковь Благовещения – в Москве. См. Троицк. лет., в коей сказано, что Лазарь сам их делал: «...мастер же и художник сему беяше... цена же сему беяше вящше полутора ста рублев. Князь Великий замысли часник и постави на своем дворе, за церковью за Св. Благовещением. Сий же часник, наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и расчитая часы ночные и дневные; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвоно и самодвижно, странолепно некако створено есть человеческого хитростью, преизличтано и преухищрено». Каменные здания строились из кирпича, и, конечно, способ обделывания его был известен давно. Некоторые думают, что зодчий болонский Амуроль Аристотель, который научил нас лить пушки, во второй пол. XV в. устроил кирпичный завод и научил делать кирпичи («Летоп. русск.», ч. III, с. 43; «Кратк. церк. росс. истор.», ч. I, с. 330; Успен. «Оп. пов. о древ. русск.», ч. 1, с. 29). Разве до него не строили из кирпича? Нет, скажут некоторые, тогда строили из камня. Но это невозможно! По своей редкости камень был дорог. Тогда в России нигде не знали его и теперь не строят из камня, а из кирпича, называя такие здания каменными. Одна Финляндия доставляет в избытке превосходный гранит, который идет на дворцы, великолепные храмы и палаты богачей. Кроме Петербурга нигде не строят собственно каменных зданий: т. е. из мрамора или гранита. Самые улицы мостят здесь булыжником (овальными кусками гранита); нигде более по ощутительному в нем недостатку. Должно думать, что Аристотель, устроив кирпичный завод, научил русских лучше обделывать его. При построении же деревянных домов знали пилить доски, но собственно пыльные устройства появляются у нас в XVII в. В южной же России, с поселением в ней слободских пришельцев, перенесено искусство пилить бревна и делать для кровель гонт (дощатую крышу). Успен. Оп. повест. о древ. русск., ч. 1, с. 33.

Митрополит Иона построил для себя в Москве каменные палаты с домовым храмом Положения риз (1449).

ПРОСТОТА В ПОСТРОЕНИИ

Среди самой столицы находились тогда рощи и луга, стояли мельницы и сады; дома боярские отличались от простолюдинов высотой и глубокими погребями, наполненными медом¹. Если в это время господствовала в столице городская простота, то нельзя удивляться, что она по городам и деревням была обща. Самые деревни, состоявшие тогда из немногих изб и получившие свое название от построения их среди деревьев или лесов, как селение от села или заселения мест пустопорожних, представляли повсюду единообразие: вокруг сеяли хлеб и косили траву, как и ныне. Дома горожан в XV в. строились почти по-прежнему: с большими сенями, низкими дверями, так что входивший, чтобы не удариться головой о верхний косяк, должен был наклоняться².

УКРАЩЕНИЕ КОМНАТ

Стены комнат были голые, столы и лавки дубовые только у богатых; они стояли вокруг стен, часто покрывались коврами. Тогда не знали ни стульев, ни кресел³. Великие князья при

¹ *Herb. Rer. Moscov. com.; Pauli Jovii. De legatio Moscoviae; Petrejus. Historien und Berichte von dem Grossfürstenthumb Muschkow etc.*, с. 8 и 9., изд. Лейпц., 1620.

² *Herb. Rer. Moscov. com.*

³ Некоторые из наших писателей упоминают о стульях, бывших будто бы еще в 1158 г., а о креслах в 1602 г., но те и другие делаются известными не ранее XVIII в. Быть может, что наши писатели называли стульями и креслами круглые одноместные скамейки, которые у иностранцев именовались без разбора. О стульях см.: *Татищ.* «Ист. Рос.», кн. III, с. 75; о креслах: *Щерб.* «Рос. истор.», т. VII, ч. 1, с. 174; о перемешанных названиях стульев и кресел см.: *Herb. Rer. Moscov. com.; Paul Jovii. De legal. ...; Reutenfeld «De reb. Moschov.»; Tanner. Leg. in Moscov.* От них прочие писатели заимствовали сведения. Египетские стулья делались табуретами, кресла – с высокими ручками без ножек, столы же – из длинной доски, укрепленной на четвероугольном столбе. – *Grohman. Überreste der Ägyptische Bautunst.* – Название стульев встречается в XVI в.; но какая их была форма, неизвестно. Должно думать, что наши стулья были без спинок,

приеме послов садились на возвышенном круглом седалище, заменявшем трон; во время обедов – на обыкновенных лавках, застланных пышными материями, шелком и бархатом. Украшение комнат составляли повсюду изображения св. мучеников и угодников, особенно чудотворца Николая, вставленные в киоты в углу; пред ними теплилась лампада, а в праздник освещали еще образа восковыми свечами; под иконами было почетное место; тут же стоял крытый белою тканью стол.

ПОЯВЛЕНИЕ КАМЕННЫХ ДОМОВ

Зодчество начало распространяться только в XV в. Иностранные художники укрепляли города, строили церкви каменные, и они построили Грановитую палату (1491), которая в течение 320 лет сохраняла прежнюю свою красоту, и дворец Теремный (в нач. XII в.). Знатные люди также начали строить каменные дома. Митр. Зосима поставил на своем дворе три келии каменные с подклетьями. Голова Дм. Вл. Ховрин и Вас. Феод. Образец построили каменные дома (1485)¹. Тогда многие явно чувствовали превосходство европейцев в гражданском искусстве; старались заимствовать от них все полезное, кроме обычаев, коим оставались верными. Нельзя оставить без внимания, что построение и укрепление многих пограничных городов было производимо знанием русских, познакомившихся уже с искусством военным. Правда, стены воздвигались деревянные, зато внутри их была земляная насыпь, смешанная с песком, или крепко сплетались из хвороста стены², огражденные земляным валом.

ЖИЛЫЕ ПОКОИ В XV И XVI ВЕКАХ

В XV в. дома дворян и горожан были по большей части небольшие и крытые соломою; в них ставили хлебные печи,

---

ибо таковые стулья ставили во храме при короновании великих князей и царей и они служили вместо тронов.

¹ Никон. лет., с. 119, 122, 129.

² *Поссеv. Moscov.*

где варили и пекли, отчего покои наполнялись дымом. В тех же избах нередко толпились телята и другие домашние животные, как доселе. По недостатку в стекле для окон обтягивали их говяжьими пузырями или намазанной маслом холстиною, которую заменили впоследствии слюдою¹. В конце XVI ст. столица величалась прочными зданиями: каменными лавками и домами, но нашлись злодеи: кн. Вас. Щепин, дворяне: Вас. Лебедев и два Байковы, отец и сын, которые сговорились зажечь Москву в разных местах; однако умысел их открылся заблаговременно: виновников схватили и казнили (1597)².

ПОСТРОЕНИЕ ВЫСОКИХ ДЕРЕВЯННЫХ ДОМОВ, ИХ ВНУТРЕННОСТЬ И ВАЖНОСТЬ ВЫСОКИХ ХОРОМ

Успехи гражданского образования сколько ни были важны для удобства жизни, но повсюду еще строились дома из соснового леса в два или три жилья с большими крыльцами и дощатыми свислыми кровлями, а на дворах – особо летние спальни и кладовые. Печи делались изразчатые, стены комнат расписывались изображениями из церковной истории. В светлицах были печи с лежанками, на коих любили покоиться ночью или сживали днем в зимнее время. В печных стенках делались печурки, в коих нагревали кушанье и что было надобно для хозяйства или держали домашнюю посуду, и такие печурки заменяли часто шкафы. Петр Великий, построив для себя небольшой деревянный до-

---

¹ *Pauli Jovii. De legatio Moscoviae; Herb. Rer. Moscovit. com.; Certaine letters by Furbeville* <Некоторые письма Фёрбевилля>, пом. в Гаклюйт.; *Успен.* Оп. пов. о древ. русск., ч. I, с. 32 и 33.

² Никон. лет., ч. VIII, с. 29. Враг, вложив мысль в человецы, в князя Вас. Щепина да Вас. Лебедева и в их советников, чтоб зажечь Москву, и пр. Москва, по свидетельству Ченслера, была в его время обширнее Лондона. См.: «Путешеств. Рих. Ченслера в 1553 г.», т. 1, с. 364 и 276, пом. в соб. Гакл., изд. 1809 г. В 1520 г. было 41 500 домов, а жителей, как полагают, за 100 000. – См.: *Карамзин.* История государства Российского, т. VII, с. 210–211; *Franc. da Collo.* Trattamento di race 1518 г., л. 51, говорит: «Москва, состроенная большей частью на болотах, имеет в окружности три мили и судоходную реку Москву». А теперь река Москва!

мик из трех комнат (на Петербургской стороне), имел таковую же печь с печурками, в коих он ставил свой чайный прибор, разные домашние вещи, и там нагревал воду. Его домик, обращенный ныне в часовню, не имеет прежней печи. В холодных местах поныне делают у нас печи с лежанками. Высота дома и обширность двора означала богатство и важность хозяина.

ИЗБЫ И ПРОСТОТА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ В САМОЙ СТОЛИЦЕ

Недостаточные и простолюдины жили даже в столице в дымных избах, часто без труб или с деревянными трубами. По изготовлении кушанья гасили огонь, за чем смотрели нарочные пристава. Картина сельской жизни не изменялась долгое время в Москве: вокруг домов зеленели рощи, луга, огороды и сады; у Кремлевского дворца косили сено, и в нем красовались три больших царских сада; мельницы на реках Яузе и Неглинной довершали деревенские нравы¹.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КАМЕННЫХ ДОМОВ

Борис Годунов, любя пышность, ослепляя богатством народ и чужеземных послов, воздвигал каменные палаты и хотел распространить вкус и изящество, но его желание не исполнилось: оно начало распространяться не ранее царствования императрицы Елизаветы, которая с благополучным своим правлением умела поселить вкус к изящному – с открытием Академии художеств (1758). Вообще должно сказать, что до пол. XVIII в. царствовало однообразное направление в постройках не только в простом сословии, но и в боярском. Ближние люди и бояре жили в деревянных домах без украшений. В пол. XVII в. был уже отведен для царских послов каменный дом².

¹ «Muscov. Reise», пом. в магазине Бишинга, ч. VII, с. 265; *Petrejus. Historien und Berichte von dem Grossfürstenthumb Muschkow*, с. 9, изд. Лейпциг, 1620.

² «Relatio legationis in Moscoviam, Aug. de Meyern et Guil. Calvucci», в 1661–1663 гг., ч. I, с. 218, помещ. в собр. Вихмана.

У знатных людей находились на дворах летние дома и церкви. Дома делались уже просторнее; но в окнах вставляли, вместо стекол, слюду, которую получали из Карелии (нынешней части Финляндии)¹.

Достоверно неизвестно, что вошло прежде в употребление в России: стекло или слюда? Хотя никаких не имеем сведений из нашей старины, однако мы думаем, что стекло, будучи вывозимо из Царьграда, употреблялось богатыми и в княжеских палатах; что недостаточные закрывали окна ставнями или залепляли пузырящей кожей, как это делалось в Германии и Франции в полуобразованном их состоянии; что приобретение слюды и ее доставление, будучи сопряжено с великими трудностями по отдаленности места, сделалось известным у нас не ранее XVI в., и то в северо-восточной России, а в юго-западную не заходила тогда – в ней она поныне составляет предмет редкости.

СТРОЕНИЕ ДОМОВ И ИЗБ В ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Дома поселян и городских жителей не улучшились и в полов. XVII в.; строились, как и прежде, с высокими крышами; не делались ни обширнее, ни красивее, и плотники наши при строении своих изб с маленькими окнами не употребляли других орудий, кроме топора, пилы и скобеля. Дома

---

¹ Кошихин. О России в царств. Алексея Михайловича, гл. XIII, с. 118. «La relat. des trois embassades de Charles II., vers Alexey Michailoviezz, etc. par Miede». Amst., 1762, с. 324; Petrejus. Historien und Berichte von dem Grossfürstenthumb Muschkow, с. 9, изд. Лейпц., 1620. Слюда была небызвестна Мьежу, но он называет ее тальком, что не все равно. Он так описывает: «...du talc, dont les peintres en mignature se servent aussi fort frequement pour mettre devant leurs portraits. On tire cela du rocher, qui se fend de soi – même en plaques minces et unies, de sorte qu'il est pour le moins aussi transparent que le verre., mais il ne se casse point» <«...тальк, коим художники пользуются в миниатюре, облицовывая им портреты. Добывают его из скал, расколовшихся и рассыпавшихся; он прозрачен как стекло, притом что не разбивается»>. Ясно видно, что он говорит о нынешней слюде, но неправильно то, что он смешал ее с тальком, который никак не отделяется пластинами и никакой не имеет прозрачности. Древние приписывали тальку чудесную силу: полученным из него маслом думали возвратить старости молодость.

богачей и знатных особ были обширнее и выше обыкновенных. Расположение комнат было почти повсюду одинаковое. На одной половине находилась большая комната, которая разделялась на две или три части, и вся эта часть называлась светлицею. В ней окна были гораздо большие, нежели в других покоях, и по большей части выкрашенные, отчего они получили название красных окоп, в противоположность волоковым или обыкновенным. Волоковые окна находились в четвероугольных отверстиях, в кои вкладывались рамы со стеклами, или те отверстия задвигались на ночь вделанною в стену доскою – это доселе в употреблении по деревням. В светлицах делывались деревянные трубы, и эти светлицы топилась из сеней. Противу светлицы находилась простая комната, называвшаяся избою; между светлицею и избою были устроены теплые сени, в коих иногда находилась кладовая, именовавшаяся чуланом. В сенях жили горничные девушки, называвшиеся тогда сенными; печи делались из битой глины или муравленные, поды были кирпичные; под жилыми покоем делались подклети. В дальнем расстоянии от хором стояли конюшни, клети, спальни, терема, чердаки и бани.

УКРАШЕНИЕ ПОКОЕВ, САДЫ И РЫБНЫЕ ПРУДЫ

Внутренность каменных покоев обшивали досками в том мнении, что от этого в комнатах воздух здоровее, суше и теплее; стены ничем не окрашивали. У некоторых они были расписаны или обиты голландскою позолоченной кожею. Комнаты царицы Ирины, супруги Феодора, были расписаны великолепно: стены были изукрашены мусиею с изображением на ней Спасителя, Божией Матери, Ангелов, иерархов и мучеников; на потолке лежал прикрепленный к своду лев, который держал в зубах змею с висячими на ней роскошными подсвечниками. Две царские палаты, Большая Грановитая и Золотая Грановитая, были расписаны событиями из священной и русской истории, аллегорическими изображениями добродетели

и порока, времен года и явлений природы¹. Картины, портреты и эстампы появились в это время, и первый стал употреблять бояр. Арт. Серг. Матвеев, украшая ими внутренность своего дворца, который, однако, был деревянный. Почти при каждом доме находился сад, но наилучшее украшение домов составляли рыбные пруды. Двор обводился частоколом или плетнем, называвшимся тыном; ворота были вальщатые, верей дубовые, подворотина из доски или бревна.

ПОЯВЛЕНИЕ ЯГОД, ПЛОДОВ И МАХРОВЫХ РОЗ

До XV в. были у нас овощи сладкие; в XVI в. встречаются во множестве орехи, малина, смородина, яблоки и вишня. Груши, сливы, дыни и арбузы только что разводились. Дыни славились отличным своим вкусом. Многие иностранцы утверждали, что за Самарою, между реками Волгою и Доном, растут дыни удивительные: они наружным видом похожи на ягненка и со всеми членами этого четвероногого животного, потому называются баранцами. Эти барашки по созре<ва>нии перекапываются с места на место в длину своего стебля, выходящего из пупа к корню, и пожирают растущую вокруг них траву. На баранцах образуется курчавая кожа, как на ягненке, из которой можно готовить зимнюю одежду. Олеарий даже пишет, что в Москве ему показывали несколько небольших лоскутков одеяла, сшитого из баранцев: шерсть из них была легкая и курчавая. Иностранцы долго верили, что у нас находятся животные из растительного царства, называемые естествоиспытателями *зоофитом*, пока ученый Кемпфер, живший в XVIII в., не объяснил, что овчины получают не из растений, а из овец².

¹ *Arsenii*. Decrip. itineris in Moscoviam, пом. в собр. Вихмана; *Petrejus*. Histor und Berichte von dem Grossfürstenthumb Musckow; Muskow Reise. 1602 г., пом. в «Башинг. магаз.», ч. VII; *Olear*. Offt beehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise, с. 116, изд. 1647 г.; *Mayerberg*. Voyage en Moscovie, с. 105, 106, изд. Leide, 1688 г.

² *Olear*. Offt beehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise и пр., с. 117, изд. Шлейзв. 1647 г.; *Margeret*. E'tat de l'empire de Russie, на обор. л. 1,

Из яблок особенно славились наливные, потому что они были нежные и прозрачные. В половине XVII в. появились садовые и махровые розы; в начале XVIII в. появились в садах оранжереи; сады и дворы обводились уже дощатыми заборами¹.

К особенной чести наших предков должно сказать, что они были хорошие домохозяева, начиная от селянина до великого князя. Владимир Мономах в духовной к своим детям наставляет их между прочим: «В хозяйстве сами смотрите за всем внимательно, не полагаясь на отроков и тиунов, да гости не осудят ни дому, ни обеда вашего».

ПЫШНОСТЬ ХОРОМ, ПРЕВОЗНОСИМАЯ ПЕСНЯМИ

В старинных песнях начала XVIII в. превозносятся роскошные украшения домов, например, в рассказе о Соловье Будимировиче.

Гой еси вы, мои люди работные!
Берите вы топорики булатные,
Подите к Запаве в зеленой сад,
Постройте мне снаряжен двор,
В вишенью, в орешенье. –
С вечера поздним поздно,
Будто дятлы в дерево прошелкивали,
Работала его дружина хоробрая;
Ко полуночи и двор послел.
Три терема златоверховаты,
Да трой сени косящатые. –
Хорошо в тереме изукрашено:

изд. Париж, 1607 г. *Petrequum. Historien und Berichte von dem Grossfürstenthumb Muschcow*, с. 124–125, изд. Лейпц., 1620 г.; *The voyages of Struys through Moscovia*, с. 180, изд. 1683 г. – Кто первый распространил молву о наших зоофитах? Маржарет. У него первого встречается описание баранцев. – *Witsen. Noosrd en oost Tartaryen eene Beschryving, etc. Amst., 1785, in f., т. I, с. 288*, говорит, что Энгельберт Кемпфер прежде всех объяснил значение баранца.

¹ *Olear.* и *Le-Brun*, см. их «*Voyages*»; *Herberst. Rer. Moscov. com., Korb. Diarium; Lyseck. De legal.*, с. 75 и 76.

На небе солнце, в тереме солнце;
На небе месяц, в тереме месяц;
На небе звезды, в тереме звезды;
На небе заря, в тереме заря. –
И вся красота поднебесная.

Изображение богатого дома новгородского купца Терентьева.

В стольном Новгороде
Было в улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской.
А и жил-был богатый гость,
А по имени Терентьище.
У него двор на целой на версте,
А кругом двора железный тын,
На тынинке по маковке,
А и есть по жемчужинке.
Ворота были вальщатые,
Верей хрустальные.
Подворотина рыбий зуб.
Среди двора гридня стоит,
Покрыша седых бобров,
Потолок черных соболей,
И иматица-то валженная,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная.
А посереде кроватка стоит,
Да кровать слоновых костей;
На кровати перина лежит,
На заголовье молодая жена,
Авдотья Ивановна.

Из удалой жизни Дюка Степановича – его дом.

Ой ты, ой еси, Владимир Князь!¹
В том ты на меня не прогневайся:

---

¹ Это говорится про в. к. Владимира I, а Дюк Степанович – его витязь.

Печки у тебя биты глиняны,
А подики кирпичные,
А помелечко мочальное;
В лохань обмакивают.
А у меня, Дюка Степановича,
А у моей сударыни матушки:
Печки биты муравлены,
А подики медные,
Пометелечко шелковое. –
В сыту медвяную обмакивают,
Калачик съешь, больше хочется.

Описание богатства у Ставра-боярина:

Что это за крепость
У великого князя Владимира?
У меня-де, Ставра боярина,
Широкий двор не хуже города Киева;
А двор у меня на семи верстах,
А гридни, светлицы белодубовы,
Покрыты гридни седым бобром,
Потолок во гриднях черных соболей;
Пол середа одного серебра;
Крюки да пробой по булату злачены.

Богатство Чурилы Пленковича, витязя Владимира I.

Чурила живет не в Киеве,
А живет он пониже малого Киевца.
Двор у него на семи верстах,
Около двора железный тын,
На всякой тынинке по маковке
А и есть по жемчужинке.
Среди двора светлицы стоят,
Гридни белодубовые,
Покрыты седым бобром,
Потолок черных соболей,
Матица-то валженная;
Пол середа одного серебра;

Крюки да пробои по булату злачены.
Первые у него ворота вальщатые,
Другие ворота хрустальные,
Третьи ворота оловянные¹.

Нет сомнения, что прадеды наши завидовали роскошной жизни своих предков, а мы завидуем их простоте.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ДЕРЕВЯННЫХ ДОМОВ ОТ ПОЖАРОВ

Дома, сады и дворовые места огораживались плетнем или досками, а мостовые делались из брусчатого дерева, отчего во время пожаров истреблялись нередко целые города. Приведем замечательные пожары. В 1124 г., 23 и 24 июня, сгорело в Киеве одних церквей около 600; 1185 г., 13 апр., во Владимире на Клязьме 32 церкви; 1192 г., в июне месяце, там же истреблено 14 церквей и более 1000 домов; 1194 г. горели города: Русь, Ладога и Новгород, и жители со дня Всех Святых до Успения Богородицы должны были жить на открытом поле; 1199 г. в июле месяце сгорело во Владимире на Клязьме 16 церквей и около половины города; 1212 г. в Новгороде 25 церквей и 4300 домов, а в 1217 г., в мае месяце, 15 церквей; 1227 г. во Владимире на Клязьме обращено в пепел 27 церквей, в том числе дворец в. к. Константина Всеволодовича с его церковью и редким книгохранилищем; 1231 г. истреблена в Новгороде вся славянская часть; 1267 г. в мае месяце вся неревская часть превращена в груды пепла; 1299 г. та же часть вновь опустошена, и тогда сго-

---

¹ Древн. русск. стихотв., собр. Кирш. Даниловым, изд. 1818 г., с. 6, 13, 27, 424 и 159. Упоминаемые здесь в отрывках богатства витязей, конечно, суть прикрасы стихотворца, но они по крайней мере изображают нравы его времени, смешанные с преданиями старины.

Говоря о витязях Владимира, мы не можем пропустить без внимания, что в. к. Владимир был женат не на сестре греческих императоров: Василия и Константина, но на их племяннице Анне. У них была одна сестра, Феодания, которая была выдана замуж за германского императора Оттона II. *Marq. de Gestelhou. Ess. sur l'hist. anc. et moderne de la nouvelle Russie*, т. I, с. 116. – P., 1820.

рело великое множество домов и 22 церкви; 1340 г. истреблена пожаром большая часть Новгорода; 1355 г. то же случилось с Москвою, причем весь Кремль и 13 церквей обращены в пепел; 1349 г. сильный пожар в Новгороде поглотил множество домов, восемь каменных и две деревянные церкви; 1412 г. сгорели в Твери на Волге крепость Городень с церковью Пресвятыя Богородицы и княжеским дворцом; 1445 г., 14 июля, почти вся Москва превращена в пепел. Не только истреблены тогда пламенем деревянные строения, но и каменные, пали даже городские стены. Множество жителей погибло в огне. Семейство великокняжеское должно было переехать в Ростов до построения дворца. Никогда огонь не свирепствовал так ужасно в Москве, как в 1547 г. – 12 апреля сгорели лавки в Китае с богатыми товарами, гостиные казенные дворы, обитель Богоявленская и множество домов от Ильинских ворот до Кремля и реки Москвы. Высокая башня, где лежал порох, взлетела на воздух с большей частью городской стены и реку запрудило кирпичами; 20 апреля обратились в пепел за Яузою все дома, в коих жили гончары и кожевники; 21 июня вспыхнул пожар за Неглинною в страшную бурю: огонь разлился рекою и вскоре запылал Кремль, Китай и большой посад. Вся Москва представила зрелище необъятного пылающего костра; вверх носились черные тучи густого дыма. Рев бури, треск огня и вопль людей заглушались взрывами пороха, хранившегося в разных частях города. Царские палаты, сокровища, оружие, древние хартии, книги и иконы – все сгорело. Из Успенского собора едва успели вынести образ Св. Марии, писанный Св. Петром-митрополитом, и Правила церковные, привезенные Киприяном из Царьграда. Ни огороды, ни сады не уцелели; деревья обратились в уголь, трава в золу; сгорело 1700 человек, кроме младенцев. В три часа ночи угасло пламя, но развалины дымились несколько дней. Нельзя, по сказанию современников, изобразить этого бедствия. Люди бродили как тени среди ужасов обширного пепелища; искали детей, родителей, остатки имения, не находили и вопили в отчаянии! «Счастлив, – говорит летописец, – кто, смирясь душою, мог смотреть на небо и плакать!»

Утешителей не было. Царь Иоанн IV удалился с вельможами в село Воробьево как бы для того, чтобы не слышать народного вопля. Приближенные объявили царю, что Москва сгорела от чародейной силы злодеев, и через два дня он приехал в Кремль. Собрали граждан на площади и спрашивали: кто жег столицу? Злоумышленники отвечали: «Глинские! – Их родная мать, княгиня Анна, вынимала сердца из мертвых, клала в воду и кропила ею все улицы, разезжая по Москве». Государь с трепетом услышал обвинение на свою бабуку. Он не верил, но, видя ярость черни, спешил укрыться в церкви Успения; народ вломился за ним, убил пред его глазами родного дядю; извлекли тело из Кремля и положили на лобном месте. Никто не унижал! Царь дрожал, добродетельная Анастасия молилась. Тогда явился Сильвестр, и Москва успокоилась¹.

Прекращая сим исчисление опустошительнейших пожаров, нельзя пройти без внимания известия двух иноземцев: Олеария и Таннера. Первый говорит, что в бытность его в Москве редкая неделя проходила без пожаров; иногда ночью загорались дома в двух и трех разных местах, и целые улицы выгорали². Второй говорит, что в его время шесть раз горела Москва, и всякий раз обращалось в пепел более 1000 домов³. Их известия правдоподобны: тогда дома строились близко; дерево было сухое, и пламя, обхватив один дом, распространялось быстро по прочим так, что не было возможности тушить.

Пожары, оставляя по себе следы печальных опустошений, были тогда ужасные. В наше время, когда столько придумано спасительных мер, часто деревни и города делались добычей огня. Но ни в каком году не было столько бедствий

---

¹ О сих пожарах см. отечественные летописи под 1547 годом, а именно: Нестора, Никоновскую, Воскресенскую, царственные книги, и *Карамзина* «Историю государства Российского», т. VIII, о пожаре 1547 г., который описан им живо.

² *Олеарий*. Offt beehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise, с. 116, изд. 1647 г.; *Чилли*. Hist. della sollevationi Notabili in Polonia, gli'anni 1606, 1607 и 1608. – Там описан страшный пожар, опустошивший Вильну, которая сгорела, по его словам, от приготовления в доме вишневого меда и водки.

³ *Lyseck*. Relatio eorum quae circa Sacr. Caesar. Majest. ad Magn. Moscov. Czarum ablegatos de Bottoni et de Gusman, etc. – Лизек был очевидцем пожара.

от огня, как в 1842-м. Во всех пяти частях света происходили тогда неслыханные пожары, поглощавшие многолюдные города. В России также погорело множество селений, деревень и городов; но самый большой пожар, истребивший 1375 домов, был в Казани (августа 29). 1842 год может назваться пожарным годом. В этот бедственный год огненные искры как будто бы вылетали из небесных сводов и зажигали обреченные в жертву города. Народ трепетал и молился.

МЕРЫ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОЖАРОВ

О внутреннем устройстве городов, порядке и безопасности жилищ мы никаких не имеем сведений. Назначение же чиновников, которые надзирали за всеобщим спокойствием обывателей, появляется не ранее XV в. Наместники и воеводы были блюстителями вверенных им городов: они собирали подать, судили и решали спорные дела и наказывали нарушителей спокойствия. Иоанн III первый учредил для безопасности жителей разъезды в Москве, доверяя их знатым людям. В 1504 г. устроены рогатки по улицам; каждая часть города была обведена решетками; никому не позволялось ночью ходить без надобности по городу без огня, и смотрение за внутренней безопасностью возложено было на городскую стражу, избираемую самими жителями¹. В XVII ст. находились по разным местам улиц часовые, которые производили оклик, давали знать о пожаре и били в деревянные доски равномерно о пробитии часа, с которого времени никто не должен был ходить по городу². В пол. XVII ст. издан уже наказ для городского благочиния, который касался одной Москвы. Назначенные тогда для объезда по городу Ив. Новиков и подьячий Викула Панов имели обязанностью прекращать воровство и смотреть за огнем. Во время разъезда они имели при себе пять решеточных приказчиков и с каждых десяти дворов по человеку с рогатинами, топорами и водоливными трубами; наблюдали еще, чтобы в жаркие дни не топили изб и бань, и к ним при-

¹ *Herber. Rer. Moscov. com; Paul Jovii. De legat. Moscov., c. 172.*

² *Olear. Offt begehrte Beschr. d. Neuen Orientalischen Reise, c. 134.*

кладывали печати – и чтобы не сидели поздно с огнем. Для приготовления кушанья и печения хлебов велено делать русские печи в поварнях; у кого не было отдельных, тем приказывалось устраивать на огородах или полых местах вдали от хором и прикрывать их от ветра щитами.

Служители, кои непосредственно наблюдали за городской чистотой и гасили огонь, назывались земскими ярышками и огневицами. Земские ярышки носили в Москве красное и зеленое платье, а в других городах иного цвета; на груди нашивались буквы З. Я., означавшие их звание. При крестных ходах и выезде царя стояло готовых несколько человек с метлами и лопатами, которые, находясь впереди, мели улицу и не допускали тесниться народу. Ссорившихся или дравшихся они брали немедленно и отводили в городскую избу. Огневицы же были пожарные служители.

Заведение собственно полицейского порядка принадлежит Петру I. Он учредил в Петербурге (1718) главную полицию и генерал-адъютанта Девиера назначил генерал-полицмейстером; потом учредил ее в Москве (19 мая 1722 г.), дал полицмейстерскую инструкцию (в том же году 10 дек.) и московского обер-полицмейстера подчинил генерал-полицмейстеру. С утверждением полиции на нее возложено непосредственное попечение о спокойствии и безопасности горожан. Таковые меры распространены впоследствии на все города в России, и полиция, дотоле неизвестная, заняла почетное место в области государственных постановлений. В наше время для содействия городской полиции учрежден еще корпус жандармов.

При появлении где-либо пожара определено было особым градским чинам, а потом стрельцам, давать знать жителям битьем в доски и трещотки и звоном колоколов, приказано разламывать смежные дома или покрывать их мокрыми кожами, поливая беспрестанно водою. В половине XVII в. (в апр. 1649 г.) постановлено в Москве иметь при каждом пяти дворах по одной медной водоливной трубе, а при каждом дворе по одному деревянному ведру. Впоследствии времени (в нач. XVIII в.) заведены со стороны городской стражи пожарные трубы, поста-

новив жителям в обязанность содействовать тушению пожара. По улучшении пожарной стражи возложена на нее обязанность гасить пожар. В начале XIX в. подтверждено, чтобы не только в городах, но в селах и деревнях иметь каждому дому по запасному ведру, а богатым людям – готовую бочку с водою, и чтобы все содействовали прекращению огня. Эта мера принята в таких лишь местах, где не существует пожарная стража.

Ни одна из пожарных страж, быть может во всей Европе, сколько мне не случилось ее там видеть, не поступает с таким самоотвержением, как петербургская. Ужас обнимает, когда смотришь на действующих во время пожара. Сквозь пламень и ад огня пожарный служитель взлетает бесстрашно на крайнюю высоту здания: он горит! Но он не заботится об этом: ему надобно спасать несчастных. Испепеляющий жар, дым столбом, огненное облако искр охватывают его – он погиб! Нет, он спасает: на своих плечах он выносит ребенка или дряхлого старца, передает другому и вновь летит спасать, не думая ни о себе, ни о своем семействе! Товарищи его, обожженные и обгорелые, отуманенные удушливыми облаками дыма и охватываемые огнем, – носят смерть в своей груди, но они ничего не видят, кроме своей обязанности. Иные, держась одной рукою на лестнице и часто вися на воздухе, схватывают другою остатки имущества несчастного; другие, не зная смерти, кроме смерти других, устремляются на огненный костер и вырывают из его вулканических челюстей вопиющих о спасении! Вот уже валятся бревна, рассыпается дом с ужасным громом, ничто не сопротивляется сокрушительной силе. Но один противится русский! Он действует бестрепетно, идет навстречу смерти, и если падает под грудю развалин, то умирает с благороднейшим самопожертвованием, свойственным русскому.

СТРОЕНИЕ ПО ПЛАНУ

Несмотря на предосторожности противу пожаров, сильные огни беспрестанно опустошали города. Это происходило от множества деревянных домов, строенных без плана, почти

кучей; от неправильных, кривых и узких улиц, в коих никому нельзя было действовать с успехом: мгновенно охватывались части города, и все обращалось в пепел. Каменные дома появлялись изредка даже в больших городах. При построении новой столицы, Петербурга, ей стоило великих трудов выстроиться из кирпича – по недостатку в нем. Изобилие леса и удобство в доставлении его предпочиталось <по> прочности каменным зданиям. Москва же до 1812 г. строилась большею частью из дерева – пожар этого года заставил ее строиться по плану и из кирпича, хотя она издревле слыла белокаменною. О других городах нечего говорить – все из дерева. Правда, есть города, как, например, Харьков, Одесса, Тверь, Новгород, Нижний Новгород, Казань, Ярославль, Тула и еще некоторые, где распространяются каменные здания; но они составляют там роскошь, а не потребность. Много раз подтверждалось городским жителям строиться по плану и из кирпича для безопасности от огня; но эти меры не были приводимы в исполнение самими жителями по причине несостояния и нераспланировки города. В конце XVII ст. предписано уже было, чтобы строящимся в Москве выдавать пособие из Приказа Большого Дворца. Указом 23 окт. 1681 г. повелевалось, чтобы все строящиеся крыли дома тесом, а поверх теса засыпали землю и укладывали дерном. Кто не мог этого сделать, тот должен был крыть дранью на подставах, дабы во время пожара легче было снимать кровлю. На палатном дворе воспрещалось строить деревянные хоромы. Жившим на большой улице и погоревшим недавно велено отпустить кирпичу в долг из Приказа Большого Дворца по указной цене: по полтора рубля за тысячу, рассрочив платеж на десять лет¹. Эти меры не изменили образа постройки. Петр I повелел при построении Петербурга всем строиться по плану, и ежели не из камня, то по крайней мере на каменном основании, и чтобы дома ставились окнами на улицу, а конюшни, сараи и другие здания – внутри двора. В 1718 г. указано то же самое в Москве; в 1722 г. поведено крыть дома железом; в селениях же и деревнях обзаводиться чисты-

¹ Такой указ повторен еще в 1685 г. 1 сентября.

ми домиками и запрещены в Москве черные избы без труб и с одними деревянными трубами; подтверждено иметь заливные пожарные и расписано каждому из обывателей: кому с чем являться для тушения пожара. С этого времени несравненно реже случались опустошительные пожары.

УЛУЧШЕНИЕ ДОМОВ СОДЕЙСТВОВАЛО ПЕРЕМЕНЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ

Екатерина II, распространив полезные учреждения, доставила городским и сельским жителям еще большую безопасность. Правительственные меры приводились в исполнение повсюду, и ныне большая часть городов, можно сказать, щеголяет правильностью постройки домов и улиц, чистотою города и вкусом. Даже по отдаленным деревням хоромы отличаются изяществом, убранством и, некоторым образом, роскошью. Жизнь сделалась везде если не блестящею, то расточительною: с нею соединилась прихоть и подражание столичному вкусу. Картины, обои, отборная мебель и фортепиано почти неразлучны в помещичьем быту. Самые избы сельские делаются гораздо чище и содержатся опрятнее. Уже выходит из употребления во многих местах держать в жилых покоях домашних животных; для них делают особые теплые на зиму отделения. В некоторых деревнях, особенно в расположенных по большим проезжим дорогам, встречаются каменные избы, выстроенные по плану, и улицы прямые и широкие или дома с высокими кровлями и широким навесом. Внутренность разделена уже на жилые покои и на приемные для гостей; окна довольно достаточной величины, до $1\frac{1}{2}$ арш.; у других бывают такие же, как у городских жителей. Оконницы и ставни расписаны голубою или зеленою краской с разноцветными изображениями. Богатые и достаточные, познакомившись с выгодами гражданской жизни, живут уже в хороших избах; недостаточные и земледельцы живут вместе с семейством, часто в тесноте – как бывает везде с бедными; пол дощатый, но встречается и земляной. Наши земледельцы в сравнении с прежними годами изменили

устройство самих изб: делают их просторными, с перегородками, палатами, нарами и примостками и заботятся о чистоте.

ИЗБЫ ИЗ СРУБОВ

За всем тем доселе в обыкновении делать хижины из срубов. Это подало повод многим иностранцам, бывшим у нас из любопытства или по делам службы, с XVI по XIX в. писать и разглашать нелепости, что на торгах продают подвижные и перевозные дома, не рассудив о невозможности и не вникнув в сущность самого дела. Читавшие таковые описания, разумеется, верили и, быть может, еще думали, что у нас продают на рынках готовые палаты и дворцы! Делание изб из срубов происходит в лесных и приречных местах в промежутке земледельческих работ. Составляют четвероугольник из четырех бревен и связывают их в концах зарубками, называемыми венцом. Таковых венцов складывают в несколько рядов, плотно друг на друга, пока высота будет соответствовать требуемой ширине и сбору материала для постройки. Сложенный с венцами костер называется срубом, который сплавляют потом на плотках в безлесные места и продают. По перемеченным венцам разбирают сруб и перевозят куда надобно для постройки; его могут поставить четыре человека в неделю; из него делают, кроме изб, хлева, амбары, овины и клетки.

КУРЕНИ

Во всех безлесных и степных местах существовали еще курени (землянки), которые были привольными жилищами украинских казаков, когда удальство и наездничество составляло стихию разгульной их жизни. С устройством бездомных казаков (в XIV в.), живших под особым предводительством атамана или кошевого, они ни в какие не вступали семейственные связи, жили в куренях холостыми, вне селений; служили верными защитниками окрестным городам, славились отчаянной храбростью и постоянной воинственностью.

В земле выкапывались широкие и глубокие ямы, в коих помещались от 5 до 10 человек; внутри обмазывались стены, которые укреплялись на подпорах вместе с кровлею, состоявшею из земляной насыпи, и поверх ее покрывали соломой, очеретом, травой или делали прежде верх из плетеного хвороста, а поверх его насыпали землю; кровля обростала травой, и сама кровля делалась в уровень с землею. Только были видны торчавшие деревянные трубы, а часто одни дыры, чрез кои проходил дым и обкуривал верх, отчего произошло название куреней. В курень входили по земляным ступеням; двери делались довольно крепкие, хотя маленькие; внутри затворялись деревянною задвижкой или просто притворялись; посреди куреня стояла кирпичная печь, а иногда просто раскладывали огонь, который выходил через двери; окна редко бывали, и если бывали, то курень делался повыше земли. Курени занимали пространство многолюдного города и отличались от него своими невидимыми жилищами. Предводители невидимых обитателей именовались куренными атаманами. Малороссийские казаки, будучи преследуемы польским правительством за неприсоединение их к Унии, часто спасались в своих куренях, которые, по описанию иностранцев того времени, трудно было разорить, потому что все находилось в земле, и что неприятелю, нападавшему на них, неминуемо предстояла собственная гибель; ибо, набегая на курени, он проваливался в них и гиб. Другие пишут, что ногайские и крымские татары, враждовав беспрестанно с казаками, гонялись за ними в их земле и не находили их там, потому что они таились в своих зарытых норах, и когда неприятель проходил мимо, тогда они как подземные духи вылетали из куреней, нападали на врага в тыл и истребляли его. Курени, не стоившие никаких расходов для постройки, существовали по селениям еще во время императрицы Екатерины II. В начале XIX в. стали строиться повсюду. В великой России и во всей юго-западной ее части делают поныне землянки; но они без труб и притом это летнее жилище, выкапываемое разными промышленниками, например рыбаками, судовщиками, надзирающими за продажей вина и пр.

Не у одних малороссийских казаков существовали курени, но у волжских, донских, уральских, гребенских – одним словом, у всех тех, которые проводили воинственную жизнь и беспрестанно были подвергаемы неожиданным нападениям враждебных им неприятелей или должны были сами нападать на них: посему если враги, вторгаясь в их куренские селения, истребляли огнем, то они легко выкапывали новые подземные жилища и снова поселялись. Сокровища, скопленные ими на войне или на грабежах, прятались в потаенных ямах и в лесу, и потому в куренях ничего не находили. Скопленное богатство часто прятали на кладбищах, между гробами.

Между куренями возвышались насыпи или курганы, которые не что иное были, как сторожевые: по ним давали знать о движении неприятелей или хищнических набегах, но в их курганах никаких не открывали сокровищ, потому что они служили маяками.

МАЗАНКИ

В юго-западной России строились с самых древних времен мазанки, которые впоследствии переименовались в хаты (избы); но между ними есть различие. Мазанки делались, как и ныне у горских и всех полудиких и степных жителей Кавказа, довольно незатейливо. Предназначенное место для жилья огораживали плетнем; разделив внутренность на части или покои, разгораживали их другим плетнем, который состоял из хвороста или тростника, называемого в Малороссии очеретом. Плетень облепливали землею, смешанной с глиною, или просто одною глиной; потом смазывали наглядко глиною, и от мазания произошло название мазанок. Посреди мазанки ставилась кирпичная печь, которая топилась из сеней очеретом, кизяками (засушенным навозом) или валежником; пол бывал земляной, иногда он укрывался травой или соломою, но более всего он смазывался желтой глиною. Стены внутри и снаружи обеливали или завохривали (красили желтой глиною). Поверх земляной насыпи часто выводили соломенные крыши. В стене

прорезали небольшие окошки; со стороны наружных дверей приделывали по бокам призьбы¹; дом обгораживали тыном (плетнем); во дворе находились устройства для домашних животных и хранения хозяйственных вещей.

ХАТЫ

Хаты строятся, как строились прежде, из леса; обмазываются глиной с обеих сторон; внутреннее расположение удобное и широкое; оно разделяется на две половины: в одной живут и готовят кушанье, а в другой принимают гостей – и это называется свитилкою (светлицею); пол вымазывают глиною; печи белят, а у богатых они делаются из кахли разноцветной (изразцов); окна довольно большие; покои очень светлые, чистые и опрятные; внутренние и наружные стены обеливаются, отчего все избы в малороссийских местах представляют издали белый город; стрехи (кровли) покрываются соломою и очеретом, у богатых же – дранью или тесом; вокруг хаты делаются те же присьбы, как у мазанок; трубы бывали деревянные, ныне большей частью кирпичные. Дворы обводят плетнем или забором; домашние устройства – хлевы, амбары, конюшни и другие службы – делаются мазанками. Хаты и мазанки бывают значительно высокие; зимою они очень теплые, и замечательно, что в них не заводятся тараканы, прусаки и другие нечистые насекомые, оттого что летом и зимою чистят и белят избы. При каждом хорошем дворе находится сад, состоящий из яблонь, груш, слив, вишен, дуль, чернослив, бергамота, черешни, смородины, малины, разных цветов и душистой зелени: руты (резеда), любистка, пижмы, кануфера, божьего дерева, пивонии, мяты, гвоздик, зирок (звездочек), барвинка, васильков, незабудок, нагиток, колокольчиков, бужка (сирени), бузины, калины и пр. За садом обыкновенно огород из поваренных растений, а далее левада (усадьба), засеянная коноплей, огурцами, дынями и арбузами. Если сеются одни огурцы, дыни и арбузы, то это место

¹ Завалины при избе.

называется бахчою и баштаном¹, которые бывают и при нивах на полях. В иных местах левадою называют сенокосный луг и домашнее пастбище для скота и гусей. Места вне города для пастбища лошадей, овец, коров, свиней и пр. называются выгонами. В стороне от дома устроены гумно и ток. Тут же стоят в скирдах хлеб и сено в продолжение всей зимы.

ПОСТРОЕНИЕ БОГАТЫХ ЗДАНИЙ ПОСЕЛИЛО РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ

С половины XVIII в. распространились вкус и изящество не только в построении дворцов, но частных домов. Палаты богачей и вельмож изумляли иностранцев уже в царствование императрицы Елизаветы пышностью, великолепием и привлекательностью. Петербург осыпаясь похвалами и в то время от всех иноземцев и, сделавшись ныне единственною столицей в мире по своей красоте, правильности и просторности улиц, щеголеватости и роскоши зданий, обширности и величественности дворцов и по многим памятникам века и искусств, по справедливости может быть назван *красавцем*².

¹ Бахча, от него баштан, происходит от турецкого слова бахче – сад. В новогреческом яз. также употребляется бакче (μωαχτςέ). Татары, может быть, позаимствовали это название от турок, однако у татар бекчаг поныне значит огород, а бег – сад. Мы переняли от татар, и у нас бахча, баштан означают уже места для посева арбузов, дынь и других плодов. Бахчисарай значит, собственно, дворец в саду.

² Нельзя не заметить, что наши каменные здания почти все снаружи обеливаются белой краскою, а это весьма вредно не только для слабых, но и здоровых глаз. При ярком сиянии солнца белизна усиливается и поражает зрение своим блеском. Гибельное действие солнечных лучей еще более проявляется в зимние дни. Солнце, разбрасывая лучи по снегу, ослепляет глаз разнообразно бесчисленными яркими звездочками. Тогда увеличивается белизна стен, от них происходит судорожное трепетание в зрении с постоянным изменением цветов. Глаз от чрезмерно невыносимого света чувствует сначала тяжесть от рассыпающихся искр и, так сказать, вертящихся на его зрачке; потом мало-помалу глаз притупляется и страдает. Весьма было бы полезно, что все здания красились темно-желтыми или дикими цветами, как Зимний дворец и т. п. Во многих государствах строго воспрещено белить дома, например: в Баварии, Саксонии, Франции и пр., под законным взысканием.

Из первых столичных городов в Европе, виденных мною, я могу сказать беспристрастно, что Петербург по своей обширности, правильности и изысканной чистоте – во главе первых городов, за ним Дрезден, Мюнхен, Вена, Москва, Брюссель, Лондон, Париж, потом Берлин, который во многих местах от незакрытия водопроводных каналов довольно смрадный; за ним Варшава, Бреслав, Львов и т. д.

Дома наши стали украшаться со всею изысканностью: богатые персидские ковры, превосходные произведения живописи, зеркальные стены, роскошь в мебели и столовых вещах – сделались теперь необходимостью светской общежительности. Кто только малейше имеет средство блистать, истощается в бесконечно утонченной прихотями жизни.

Едва протекло у нас столетие от распространения каменных домов и ознакомления с общежительной роскошью, как уже, не говорю Петербург, но вся Россия заразилась пышностью и расточительностью: каждый только думает о том, чтобы блистать, а не о том, чтобы жить и думать о будущем. Все живет настоящим, для себя, а как будут жить дети и внуки – нет надобности никому! Непомерное увеличивание роскоши – дурная примета для всякого государственного благосостояния.

О ЧИСЛЕ ДОМОВ ВО ВСЕЙ РОССИИ

Число домов во всех городах европейской и азиатской России составляет 513 370. В том числе: каменных 78 170, деревянных 435 200. Отношение между сими последними, как 1 к $5\frac{1}{2}$. В Санкт-Петербурге каменных домов 3265, деревянных 5096; в Москве каменных 3765, а деревянных 9047. На один дом приходится в городах 9 жителей, но эта пропорция совсем другая по губерниям, а именно: в Петербургской губернии: 45 жителей обоего пола на 1 дом, в Московской 21, Курляндской 19, Виленской 18, Волынской 13, Гродненской, Лифляндской и Эстляндской 12, но самую меньшую про-

порцию составляют: Енисейская, Костромская, Олонецкая, Тверская, Тобольская, Томская, Херсонская, Земля Донского Войска, Кавказская область, Камчатское приморское управление – по 6 жителей на один дом; Грузино-Имеретинская, Пермская и Смоленская губ. и Каспийская область по 5, а Якутская область по 4 души обоого пола¹.

УЛУЧШЕНИЕ ГОРОДОВ

Если в прочих европейских владениях все строится из кирпича, то этому там причиной недостаток в лесе. У нас же пока не будут нуждаться в лесе, дотоле каменное строение не может сделаться повсеместным. Наши города то имеют преимущество пред многими европейскими, что они строятся без стеснения: улицы в них широкие и прямые, площади и рынки вместительные и содержатся в большой чистоте; мостовые хорошие и прочные, устилаются булыжником или другим крепким камнем; освещение находится во всех больших и торговых городах – одним словом, городское благоустройство соединено у нас с полезной деятельностью, и если присоединить промышленную производительность, разлитую во всех состояниях, и фабричные заведения, занимающие многие условия, которые не только питаются от фабрик, но богатеют, то нет сомнения, что города наши скоро улучшаются. Самое число фабрик и заводов заметно распространилось в короткое время, не более в 20 лет, и ныне считается:

	число фабр.	рабочих	на 1 фабрику. раб.
в европейской и азиатской России	7486	117 376	17
в В. к. Финляндском	59	452	16
в Царстве Польском	1675	12 940	77
	<hr/> 9220	<hr/> 130 768	

¹ Статист. табл. о состоян. гор. Рос. имп., и пр., составл. в статист. отд. Сов. мин. внут. д. СПб., 1842 г.

	число лавок	на 1 город	число трактир.	питейных домов
в европ. и азиат. России	80 300	115	2852	11 106
в В. к. Финляндском	518	16	71	165
в Царстве Польском	3068	36	210	2681
	83 886	167	3 133	13 952 ¹

Хотя числа рабочих и фабрик ясно доказывают, что государство наше более земледельческое, нежели промышленное, однако нельзя не согласиться, что Россия весьма в недавнее время стала заниматься фабричными и заводскими устройствами и что едва прошло четверть столетия, как многие города до того изменили сам наружный вид, что их совершенно узнать нельзя: промышленность и торговая деятельность этою причиною. Но что будет по истечении ста лет?

III. ДОМОВОДСТВО

ДРЕВНЕЙШАЯ ПИЦЦА

Предки наши, живя в простоте патриархальной, довольствовались весьма немногим: полусырая пицца, мясо, коренья и шкуры диких и домашних зверей удовлетворяли их нужды. Наши предки долго не знали роскоши. В XI ст. они питались еще просом, гречихою и молоком; потом выучились готовить яства. Для гостей ничего не жалели, обнаруживая к ним свое радушие изобильными кушаньями.

МЕД

За столом кипел мед – любимый напиток всех наших славянских племен, коего введение современно первоначальной

¹ Там же.

истории славян. Северные немцы также употребляли мед, если не прежде наших единоплеменников, то и не позже их, и он в таком был у них изобилии, что в IX в. самые бедные пили мед, а богатые – кобылье молоко¹. Эдда² называет мед божественным питьем. Жители Дании употребляли его в V в. вместо вина³.

Мед был первым нашим напитком, и он делался столь крепким, что от него упивались, как от самой водки⁴. В. к. Ольга, будучи у древлян (945), повелела жителям Искоростеня (ныне Коростень Волынской губ.) приготовить для нее меда, коим она хотела угостить их самих⁵.

Разведением пчел не занимались тогда, они сами водились в лесах. Иностранный писатель XVI в.⁶ пишет, что ему рассказывал в Риме наш посол Дмитрий, что дикого меда было у нас в таком множестве по лесам, что не было возможности проходить от пчел. Однажды, говорит он, мужик отправился в лес и попал нечаянно на борть (улей с медом) и потонул в меде: два дня он сидел там, не могши вылезти. К счастью его, что в ту же борть полез медведь задними ногами; мужик схватил его за хвост и крикнул; медведь испугался, бросился назад и вытащил его с собою. Этот рассказ, конечно, преувеличенный, однако он подтверждает, что у нас долгое время не занимались разведением пчел, которые сами снабжали медом. Другой иноземец, Фран-

¹ Карамзин. История государства Российского, пр. 147; Форстер. Entdeckungen des Nordens, с. 99.

² <Ценнейший художественный и исторический памятник древнеисландского эпоса и мифологии>.

³ Met. popul., ч.1, с. 504. – Мед не есть славянское название, но древнее греческое, на коем означает «опьянение», μεδυνωτις – бахус. В X в. русские вывозили к хазарам мед и вино в великом множестве. – Oriental Geography of Ebn-Naukal, translated by W. Ousely <Восточная география Эбн-Хокаля, в переводе У. Аусли>.

⁴ Контарини, бывший в Москве в к. XV в., говорит, что татары, которые его сопровождали в пути, упивались на ночь особым напитком, делаемым из меда, и что такого напитка никому не позволялось делать без согласия великого князя. – Contareni. Voyage de Perse en 1473, с. 8, 44 и 53, помещ. в собр. Бержер., изд. 1735 г.

⁵ Нест. по Кенигсб. сп. – Это показывает, что мед был в изобилии и варили его во всякое время при первой надобности.

⁶ Pauli Jovii. De legatio Moscoviae.

циск да Колло, уверяет, что он сам видел леса на сто миль, в коих водились пчелы без всякого рачения людей; что только стоило пойти в лес, набрать меду и сварить напиток, который, будучи приготовлен на ягодах, был самый вкуснейший и превосходнейший¹. И ныне во многих лесах сами водятся пчелы.

Искусству приготовления медов, их крепости, многим цветам и названиям удивлялись вообще все иностранцы. Виды медов были: вишневый, смородинный, можжевельный, обарный, приварный, красный, белый, белый паточный, малиновый, черемховый, старый, вешний, мед с гвоздикой, княжий и боярский. Для лучшего вкуса и цвета выжимали из свежих вишен сок и подливали в мед. Все отзывались с великою похвалою о красном и белом меде, но отдавали преимущество красному. В жаркое время хранили в ледниках мед, пиво и брагу. Для охлаждения клали в бокалы лед. Во многих уездах Саратовской губ., особенно в Новоузенском и Царевском, делают арбузный мед, который даже не составляет там лакомства. Берут арбуз,

¹ *Francesco da Collo*. Tratamenle di pace tra rè di Polonia e gran Principe di Moscovia, 1518, л. 53; печ. Padoa 1603 г., пом. у *Чуллу*. Hist. della sollevationi Notabili in Polonia, gli'anni 1606, 1607 и 1608, ed. Pistoria, 1627 г. – *Barbara*. Il viaggio dalla Tana, в 1436 г., пом. в собр. Рамузио; *Contareni*. Voyage de Perse, в 1473 г.; *Francesco da Collo*. Trattam. di pace tra rè di Polon. e. gran Princip. di Moscovia, 1518, л. 52, пом. у *Чуллу*. Hist. della sollevationi Notabili in Polonia, gli'anni 1606, 1607 и 1608; *Paul. Jovii*. De leg. Moscoviae: «Medonem ac birram per aestatem infrigidare, infusa poculis glacie voluptatis gratia solent. Nam ingentia glaciei frusta nobillium in cellis subtareneis singulari studio reconduntur» <Имеют они обычай летом охлаждать мед и пиво, для удовольствия растворяя в кубках лед. При чем огромные куски льда (странным образом) хранятся у знатных людей в подвалах>. *Turini*. Costumi. leggi, riti e usi antichi, e moderni de popoli d'Europa, ed. Veneti, 1656, с. 65: «...bevono costoro acqua, e quella dolce bevanda, che essi chiama mcdo....Usano contra il freddo varie maniere di scalfatori, e di aromati fanno un'acqua ardente, ól solimato di avena, e di mele e ancho di latte, cosi gagliarda, e potente, che spesso ne divengono ebrii, non hanno né vino, né oglio. E vietato loro ogni sorte di bevanda, che inebria, sotto pena della vita» <...пьют они воду и тот сладкий напиток, который они называют медом... Употребляют против холода разные виды горячительного, а на специях делают огненную воду из овса и меда и даже из молока, такую крепкую и сильную, что часто от нее становятся пьяными, не имеют ни вина, ни масла. Запрещены им все сорта напитка, который опьяняет, под страхом смерти>. – *Margeref*. Éstat de l'empire de Russie, на обор. л. 10, изд. Париж, 1607, in 12; *Olearii*. Offt begehrtte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise, с. 123, изд. 1647 г. – Тут же о бпаре, с. 511.

изрезают его на ломти, складывают в чугунный с водою котел и кипятят долго на сильном огне, пока все не раскипит и не превратится в темно-красную жидкость; потом процеживают ее сквозь сито, сливают в посуду и хранят для употребления¹. Узнав выгоды гражданской жизни, мы стали заниматься разведением хлебного зерна и тогда же стали печь хлебы и делать квас. В X ст. это было уже во всеобщем употреблении, и даже обливались квасом в банях². Нифонт, епископ Новгородский, дозволил пить монахам в праздничные дни во время поста квас и мед, а светским людям употреблять, сверх кваса и меда, икру и рыбу³. В пол. XVII ст. иностранцы находили у нас в употреблении яблочный квас⁴. В Олонецкой губ. делают квас из репы, который, как говорят, весьма приятный и вкусный.

Времени введения кваса нам неизвестно. Хлебное зерно росло у нас в изобилии, но почва земли юго-западной России, славящаяся ныне хлебом, не была тогда перевозосима иностранцами. На пространстве от Астрахани до Москвы, говорит Контарини, путешественник конца XV в., мы не находили ни леса, ни дров, чтобы приготовить для себя кушанье, и употребляли вместо дров сухой коровий навоз⁵. В северо-западной России водилось тогда много пушных зверей, особенно бобров⁶.

¹ Арбузный мед имеет вид и вкус нашей патоки. Его продают на вес: за фут платят от $\frac{1}{2}$ до 5 коп. сер. Простой народ употребляет его с хлебом и квасом. Я его отвеживал, и он очень сладок.

² Русск. лет. по Воскр. сп. – «...и обмоются квасом кислым», ч. I, с. 62–63.

³ Вопросение Кирика к еписк. Нифонту и *Гербершт.* *Reg. Moscov. com.*, ed. Antv., 1557, с. 38.

⁴ *Olearii.* *Offt beehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise*, с. 224, изд. 1647 г.

⁵ *Contarini.* *Voyage de Perse*, en. 1473 г., пом. в собр. Бержер., т. 2.; *Paul. Jovii.* *De leg. Moscov.*, с. 170 и 173; *Herber.* *Reg. Moscov. com.*, с. 67, изд. 1571 г. – Турбевиль (*Certaine letters in verse*, пом. в собр. Гаклюйта, т. 1, с. 432) говорит, что квас на вкус терпкий и употребляется простым народом.

⁶ В России находилось тогда в великом множестве хищных и пушных зверей всякого рода. Бобры водились повсюду, и Правдою Русской строго воспрещалось ловить их на чужой земле. С таковых велено взыскивать за ловлю каждого бобра по 12 гривен серебра. Гривна значила в то время полфунта серебра. – Чацкий свидетельствует, что в XIII в. ловили бобров около Ниды и Нарвы. Еще в XVI в. русские ловили их около Северной и Западной Двины по-

ПИВО И ПЕРЕВАР

Пиво называлось прежде *олуй*¹. Оно делалось крепким и было разных названий и цветов и обыкновенно черное и белое. Каждый зажиточный сам приготавливал для себя.

Перевар, древнее русское горячее, упоминается в отечественных известиях в начале XII в. (1128). В. к. Всеволод, пируя с боярами, приказал выставить для народа по улицам вина, меда, перевара, овощей и всякого кушанья². Перевар, то же самое что сбитень, назывался еще *взваром*. Он приготавливался из меда на зверобое, шалфее, лавровом листе, имбире и стручковом перце. Ныне употребляется сбитень между простыми людьми. Продавцы разносят его в саклах (медных чайниках), имеющих форму самовара и обернутых в холст. Другие кипятят его в самоварах, выставленных пред лавочками, или на рынках и продают маленькими стаканами. При кипячении сбитня в сосудах русские выдумали самовар, но время введения его неизвестно.

ИЗОБИЛИЕ В СЪЕСТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

В великокняжение Владимира I не было недостатка ни в плодах, ни во вкусных яствах: рыба, дичь и мясо были в изобилии. Однажды на пиру его находилось триста вар (бочек) меду, и он велел развозить еще по городу в телегах хлеба, мясо, дичь, рыбу, овощи, мед и квас в бочках и угощать всех³. <В> конце X в. мы имели уже в юго-западной России плодородные деревья.

средством сетей и собак, особенно к тому приученных. – Melet. de Russor reli. et ritib., 1581, ed. Spiraе. – Хорошие соболи ценились весьма дорого, и если верить да Колло, то один соболь продавался по 100 черв. – *Fran. da Collo. Trattam. di pace tra re di Pol. e gran principe di Moscovia*, л. 52, помещ. у *Чилли*. *Hist. della sollevationi Notabili in Polonia, gli'anni 1606, 1607 и 1608*, и пр.

¹ Степ. кн., ч. I, с. 134. – Скандинавы, изображая счастливую жизнь на том свете, представляли себе блаженство в кушании жареного вепря и питье из рога пива.

² Царств. лет., кн. 1, с. 25, изд. Спб., 1772.

³ *Нест.* по Кенигсб. сп., с. 88, 89; Русск. лет. с Воскрес. сп., ч. I, с. 156–158.

Пиршества были тогда в обыкновении, и не было праздников для богатых без угощения бедных. Сами великие князья потчевали гостей; ели и пили вместе с ними. Вельможи и знаменитые духовные особы мешались с толпами гостей всякого сословия: дух братства сближал сердца. Это сближение поддерживалось благоразумно нашими государями долгое время – до угнетения России татарами. Азиатская гордость и недоступность испортили древние похвальные наши обычаи.

Нестор и его современники с изумлением говорят о размножении всякого рода дичи и домашних животных.

ПРЯНОСТИ

Перец шел к нам из Царьграда и Болгарии. Оттуда же мы получали миндаль, кориандр, анис, имбирь, корицу, лавровый лист, гвоздику, кардамон и другие пряные корни, которые давно служили приправой нашим кушаньям.

МЕЛЬНИЦЫ

Говоря о печении хлебов, должно сказать, что муку приготавливали на мельницах, которые давно были у нас известны, как видно из устава Ярослава, гораздо прежде XI в. До того же времени мололи хлеб в жерновах руками. Мельницы распространились у нас прежде XVI в.

ПИЦЦА ПРОСТОЛЮДИНОВ

Простой народ питался довольно умеренно: хлеб, квас, соль, чеснок и лук составляли обыкновенную его пищу. Голод и холод он переносил терпеливо¹. Идя на войну, он нес

¹ *Herb. Rer. Moscovit. com: ad haec, si dominus vult lautius epulari, turn addit parvam particulam carnis suillae* <к тому же, если господин хочет насытиться поизысканней, то добавляет кусочек свинины>. Греки древние любили есть лук с медом и ячменной мукою, а козий сыр присыпали одной ячменной мукою. – *Гнед. «Илиад.»* Гомер., п. XI, ст. 630–644, изд. 1839 г. – Египтяне и евреи употребляли издревле лук, чеснок, огурцы и дыни. – Числа. 4 кн. Мои-

в своей сумке сухари и овсяную муку, которую замешивал на воде ложкою и делал толокно. Щи, каша и кисель овсяный готовились повсюду дома. Щи приготавливались с куском свиного сала или говядины. Они были любимым кушаньем и при дворе. Царь Иоанн IV, обедая однажды с кн. Ос. Гвоздевым, рассердился на него за какое-то дело и в гневе своем велел вылить на него мису горячих щей.

Хороший хлеб, рыба свежая и соленая, яйца, огородные овощи: капуста, огурцы соленые, на уксусе и свежие, репа, лук и чеснок считались лучшими кушаньями, и только в XVI в. мы узнали от англичан и голландцев салат, который считали прежде за траву. Масло и творог нехорошо выделявали у нас¹.

В «Русской Правде» говорится о соли, – но мы не знаем, какую тогда употребляли у нас: вываренную или озерную? В Бохнии и Величке копали соль в царствование Казимира Справедливого между 1178 и 1198 гг.² В Червонной России, Волыни и Украине долгое время употреблялась вываренная соль, и она выделявалась формами наподобие сахарных голов, которые называются у поляков *slupkami*, *glówkami* и *gajskami*, а русские называют их гусаками³.

сея, гл. 11, с. 5–6. *Olear*. Offt beehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise, с. 122. 8 изд. 1647 г.; *Maerb*. Voyage en Moscovie, с. 60, изд. Leid., 1688; *Meletii*. De Russor. religione et ritib, ed. 1581 г.; *Relatio Legationis in Moscoviam de Aug. Meyern et Guil. Calvucci*, an. 1661–1663 г., ч. I, с. 350–351, помещ. в собран. Вихм.; Нест. по Кенигсб. сп., с. 92.

¹ *Miege*. La relat. des trois embassades de Carlisle, с. 336, 337, изд. 1772 г.; *Mach*. A relation of three embassies, by Earle of Carill; *Tanner*. Legat Moscoviae, с. 71.

² *Нарушев*. *Histor. narodu Polskiego*, т. IV, с. 282.

³ Накельский in *Miechovia* говорит: *salis nativi vel fossilis, qualem nunc Wieliczka et Bochnia suppedidat, rarus tunc, apud incdlos illius provinciae (cracoviensis) usus fuit*.

Все славянские племена любят кашу, пироги, клецки, горох, кисель, капусту, лапшу, густую кашицу, и на все это сохранились у них причитания. Напр., у венгерских славян.

На кашу

Лала сем му три гроше,
Миле мужу: куп каше!

А он купил табаку,
Сафрамешки гапаку.

На кашу с молоком

Немцем зелина,
Угром сланина;
А словаком
Каша с млеком.

***

А та наша Катаринка,
А та наша Ганка,
Наварыме каши с млеком,
Накрисилы янка.

***

Недобре есть вино детом,
Лепша есть им каша с млеком.

На кашу с медом

Гостя наша, гостя, цо вам предложите
Каши наварыме, медом осладим

На мучную кашу, или хамулю

Шла варити мучницу,
Преврела си повницу,
Мать вареху хытила,
Дёвку варить учыла.

***

Хамулю варила, а гричок забила;
И масло зожрала, на мачку рептала.

На свадебную кашу

Отварайте руку вашу,
Кухарка проси за кашу.

На кашу и куляш
(густую кашицу)

Нехцела каше,
А ни куляше
С олём:

Побрала гандры,
Та шла на вандры
С Ондреем.

На остуживание каши

Ез кашу, не духай,
Под облочком не бухай;
Як же бы сам не бухав,
Кед сом дѣвча занухав.

На кашу с жиром

Научи те жена морес,
Будем глады мрет, яко пес.
Сама буде есть белуше,
А тебе да с лоем каше.
Упражи ее, праженицу,
Ты будешь хлептать жентицу.
Она буде курецину,
Ты даку запаренину.
Собе упече печену,
Тобе да звару смуденю.
Она буде есть пироги,
Ты бухты жебрак убогы.
Она буде пить паленку,
А ты си ходь на студенку.

На кашу с свежим маслом

Мамичка! кде са бола? – Во млыне.
Чос там робила? – Мучку сом млела.
На чо ти е та мука? – Кашичку варити.
Пре кого? – Пре теба.
Чим ю осолить? – Белой осолитьшой.
Чим ю омастити? – Младым масельцом.

На кашицу

В паклину пенызе,
Не бойме се нузе, нии?
Дам грош на кашичку,
Ах, Боже, в покличку ниц?

На неупревшую кашу

Нагневай са стары на свою жену,
Же му дала кашу недоварену.

На упрешую

Рад сей бы си жены кашу доварили.
Яко небозятка девки овравали.

На пироги

Пан патер са дива, чи со дожде нива?
Дожне, ак да женцом пирогов а пива.
Дожне ай повяже ай, ай сносы до крыжов,
Ак слюбы вязаном винечка а слижов.

На маковые галушки

(клецки)

Едла бы я, едла,
Перемажане едла,
Акове, такове,
Галушки макове.
Кебы мы донесли
Хлапцы суседове.

***

Галушка са не гневаю,
Кед их маслом облеваю,
А зузаки небожятка
Лежа в маку, як просятка.

На горох

Не ведала, что ма робит од страху.
Насыпала шошовиче да граху.

На чечевицу и кисель

Яко будем господарить,
Так ти будешь ести варить:
На полудня шошовицу,
А на вечер кыселицу.
Кыселица кысела,
Чтыри роки висела,
А в пяты ю дол зала,
Висецци за ной плакали.

На кисель

На рыбнику заказали,
А бы кисель не варили.

ВВОЗ ВИН И ПЛОДОВ ИЗ ЦАРЬГРАДА

Олег по возвращении его из похода константинопольского (907) привез с собою в Киев золото, ткани, овощи и вина¹; следовательно, мы уже были тогда знакомы с винами греческими. Какие же именно вывозили? Неизвестно. В конце XV ст. упоминается белое и красное. Новгородский архиепископ Феофил при прощании с в. к. Иоанном III (1476) подарил ему три бочки вина белого, две красного и две меду старого². Нет сомнения, что эти вина были известны гораздо прежде.

Лен голушки пытловане,
Пре те дѣвки цифроване.

На капусту

Яздина, яздина, зле са яздовала.
Капуста ти зшила, кець ги не змывала.

На лапшу

На вяносе опеканце, пановы рок локше:
Уж та дѣвча занеховам,
Нех та везме кдо хце.

На репу

Рядком хлопцы, рядком, долу нашим садком,
Там е мила гладка, ако репа сладка.

На печение хлеба

Поведав ми едан хлопец,
Же я не вем хлеба напечь.
Злигав хлопец, ако шелма,
Напечем го ако земля.

Полевые занятия, уборка, молочение хлеба, сенокос, жатва, шитье, пряжа, беление холста — одним словом, все домашние работы имеют свои особые причитания. — *Kollar. Narod. zpiew*, ч. I, с. 313–318.

¹ Нест. по Кенигсб. сп., с. 26: «и прииде Олег к Киеву, неся злато и паволока, и овощи, и вина».

² Русск. лет. по Никонов. сп., ч. VI, с. 67, изд. 1789.

В начале XVI в. мы узнали бургонское, называвшееся романею; его привозили немецкие купцы. Романею, по словам Карамзина, называется еще в питейных домах красная наливка, настоящая на водке с медом, также на чернике и клюкве. Канарское вино, или бастр, и мальвазию¹ пили за столом одни богатые, и этими винами потчевали отличных гостей – особенно мальвазию: ее давали понемногу и принимали вместо лекарства. Красное греческое вино, называемое иначе церковным от употребления при богослужении, также давалось больным вместо лекарства².

ХЛЕБНОЕ ВИНО ИЛИ ВОДКА

Упомянутое вино в начале XII в., которым в. к. Всеволод угощал народ, не было хлебное. Водка есть собственно арабийское произведение; в Европу перешла не ранее конца XIII-го, а к нам в конце XIV в. Раймунд Луллий, находясь на острове Майорке, бывшей тогда в руках аравитян, узнал там от одного ученого мужа способ приготовления водки, именовавшейся жизненной водою (*aqua vitae*), и привез ее в Европу (1290). Весь свет считал эту воду за извлечение из философского камня. Ее предписывали принимать каплями, и она производила целебное действие. Генуэзские купцы, узнав способ приготовления этого напитка от Арнольда де Виллана, который выведал от Луллия, продавали в склянках за дорогую цену как целительный бальзам под именем жизненной воды. Они производили ее посредством взгонки из винных дрожжей, сочных плодов и хлебного зерна. После падения генуэзской торговли в XV в. тайна выделывания сделалась всем известною, за всем тем водка долго еще продавалась в аптеках как лекарство. Весьма вероятно, что по найденнии способа генуэзцами курить вино оно вскоре перешло на юг России, а тогда генуэзцы, владея приморскими местами Тав-

¹ *Olear. Offt beehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise*, с. 251. Изд. 1647 г.

² *Pauli Jovii. De legatio Moscoviae.*

рического полуострова, имели с нами сношение по торговле. Правдоподобнее полагать можно, что водка появилась у нас не ранее 1398 г.: тогда уже генуэзцы доставляли водку в Литву¹ и ознакомили нас с пагубным напитком.

Продажа горячего вина и всех хмельных напитков была у нас сперва вольная, но как излишнее их употребление причиняло бедность и разорение бесчисленным семействам, то это побудило великих князей ограничить неумеренное потребление. в. к. Иоанн III совершенно запретил готовить крепкие напитки. В бытность в Москве посла бар. Герберштейна (нач. XVI в.) позволялось народу пить крепкие напитки только в некоторые праздничные дни. Царь Иоанн IV, построив первый для своей опричины кабак в Москве на Балчуге, дозволил им пить сколько угодно. За всем тем он не любил пьянствующих; он позволил народу веселиться в кабаках только на Святой неделе, Рождество Христово и в Дмитриевскую субботу; во всякое другое время велел сажать в тюрьму².

Царь Федор приказал разломать кабак, но Борис Годунов, думая о доходах, а не о сохранении нравственности, приказал вновь выстроить и отдал все крепкие напитки *на откуп*. В начале XVII в. находились во всех городах и селениях кабаки, называвшиеся *кружечными дворами* от слова *кружка*, коею мерилось и продавалось вино. В Сибири такие же дворы заведены в 1617 г. со стороны казны: но как многие перестали заниматься работами, проводя жизнь в пьянстве и приходя в нищету, то царь Михаил, уничтожив все кабаки, учредил одни питейные дома, в коих продавалось вино только в большом количестве. Царь Алексей отдал опять на откуп и повелел завести кабаки

¹ Успен. Оп. повеств. о древ. русск., ч. I, с. 78.

² В пермско-устюгской грам. 1553 г. сказано: «Пермич пожаловал, дал есми им в году три недели питья варити и пити: неделя великоденная, другая в осень Дмитриевская, третья в зиме рожестве некая, и тем трем неделям вино пити доспета без явки». – «E vietato loro ogni sorte di bevanda, che inebria, sotto pena della vita». <Запрещены им все сорта напитков, которые опьяняют, под страхом смерти>. – *Turrini. Costumi, leggi, riti, etc. popoli d'Europa*, ed. Ven., 1656 г., с. 65.

во всех городах по одному, а в Москве три; впоследствии их размножилось до чрезмерности¹.

Место, в коем ныне производится мелочная продажа водки, называется *питейным домом*, а в Малороссии, Литве и Белоруссии – *шинком*², *корчмою* и *постоялым двором с шинком*, коих содержатели преимущественно жидаы.

Водка делалась у нас прежде, по свидетельству иностранцев, столь крепкою, что подобной ни у какого народа не бывало. Крепость ее усиливали еще посредством различных пряностей, кореньев и трав. Приправленное этим способом вино называлось *настойкою*, *наливкою*, *травником* и *ерофеичем*.

ЕРОФЕИЧ

Последний сделался известным во второй половине XVIII в. Он вошел в употребление около 1768 г., но прежде всего в Петербурге. Граф Алексей Григорьевич Орлов был болен; врачи истощили все знание для его излечения. Тогда славился своим искусством цирюльник Ерофей. Граф прибегнул к его помощи. Посредством настоянных трав на водке, которая проиеновалась впоследствии *ерофеичем*, он совершенно выпользовал его, за что от него и императрицы получил великое награждение. Ерофей не имел никаких познаний в врачевании, но он знал свойства трав, коим изучился, находясь еще в Китае, у тамошнего врача.

СТАРИННЫЕ ПОПОЙКИ

До времен Петра I знатные люди проводили праздное время в пирушках, на коих самые попойки не считались пороком.

¹ Отзывы иностранцев о кабаках см., между прочим: *Флетчер*. Common Wealth, с. 44, пом. в собр. Гакл.; *Sebast Glavinich*. De rebus Moschoram, ч. I, с. 351–352, в собр. Вихмана; *Tanner*. Leg. in Moscov.; *Lyseck*. Relat. Sacr. Caes. Maest. ablegatos de Bottoni et de Guzman etc.; *Korb*. Diar. itineris in Moscov., ed. Vien., in f.; *Match*. A relat. of three embas. etc.; *Meletii*. De russor. religion, ed. Spir. 1581 г.; *Margeret*. Éstat de l'empire de Russie, изд. Париж.

² От нем. *Schente*, означающее *лавочку*, в коей продаются вещи мелочные, или иначе мелочная лавка.

Это было тогда общим по всей Европе. Хозяин, не употчевавший своих гостей, почитался неласковым и с ним не хотели знаться; но чтобы к наполнению головы винными парами иметь благовидную причину, то попойку начинали кубками, сначала за здоровье государя, потом государыни, там за каждое царственное лицо, патриарха, знаменитых сановников, победоносное оружие и, наконец, за каждого из присутствующих. Не опорожнить за здоровье каждого целый кубок значило иметь неуважение к дому, не желать ему добра и тому, за чье здоровье пили. Хозяин начинал первый и неотступной просьбою заставлял выпивать до капли. В половине XVIII в. попойки происходили только в дружеских обществах, на именинах, крестинах и свадьбах, и никогда не расходились не упившись даже первостепенные особы. По деревням и городам не было веселости без вина¹.

Там, съезжаясь друг к другу, проводили время в попойке иногда целые недели и по миновании разгуляя начинали похмеляться столько же времени. Надлежало пить, чтобы не быть в презрении от товарищей. Женский пол нередко хлебал зеленое, а чаще белый крепкий мед. В конце XVIII в. значительно

¹ От неумеренного потребления водки произошли поговорки:

Чару пить, здраву быть;
Вторую пить, пьяну быть;
Третью пить, безумцу быть.

Пить до дна, не видать добра.

Другие, несмотря на поучение, приговаривают, когда пьют:

А ты, чарочка, каток,
В один тоненький глоток:
Лейся прямо в роток,
Чарочка моя, серебряная!

В Малороссии, когда женщины потчуют друг друга варенухою, тогда, подавая чарку, поют протяжно и унывно, и если сходятся хорошие голоса, то производят тоску на сердце:

Выпьем по повний!
Вик наш не довгый!
Не довгый, не довгый, не довгый!

изменилось неотступное потчевание; стали пить умеренно и стыдились беспокоить гостей частыми подносами хмельных напитков. Прекрасный пол изгнал их из своего круга: вкус и утонченность приличий, распространенные Екатериной Великой, совершенно истребили этот порок между ними. Ныне наши дамы образец для мужчин.

Страсть к вину, впрочем, виноградному была в Европе всеобщей. Людовик XI постоянно пил со своими приближенными и тех из них отличал, кои пили и умели веселить его похотливыми рассказами о женском поле. Римлянки и француженки пили наповал. У древних греков это считалось добродетелью (заслугою). Кир между прочими качествами, коими он хвалился, говорил, что он лучше пьет своего брата, царя Артаксеркса, и потому достойнее ему сидеть на престоле. Александр Македонский и Марий померли от пьянства, и многие другие. В Европе все университеты отличались разгульной жизнью. Вновь поступающих в университет товарищи записывали в число пьяниц, обязывая их торжественными обрядами и клятвой во имя Стефана лесного, что они будут пропивать все свои деньги, какие получают от родителей. Если же товарищи замечали, что кто-нибудь из них более слушался ректора, то немедленно сами выгоняли его из училища или приколачивали. Такой обычай долгое время, почти до наших дней, господствовал в разных заведениях – где пили не вино, но водку. Ближе к цели.

ДЕЙСТВИЕ ВОДКИ НА УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ

Между простым народом водка до такой степени в употреблении, что о ней заботятся едва ли не более, нежели о самой пище – даже последнее несут в питейный дом. Есть особо записные пьяницы, которые всю свою жизнь проводят в кабаках. Целовальники нарочно заманивают таковых и поят их ежедневно безденежно. Обязанность записных пьяниц состоит в том, чтобы завлекать сюда всех проходящих и поселять в них

страсть к невоздержной жизни. Получая даром каждодневно четыре чарки водки, они являются поутру, пред обедом, пред полдником и ввечеру и стараются заводить ссору или драку с гуляющими. Целовальник же, пользуясь этим случаем, грозит им полицейским усмирением. Тогда поссорившиеся прибегают к мировой: требуют штоф водки, за этим другой и т. д. Вместо того, чтобы поссорившийся выпил сам две или три чарки, он выпивает уже несколько штофов и поит записного пьяницу, который гуляет в чужом похмелье, а целовальник тогда безжалостно обманывает пьющих: обсчитывает и насчитывает на них. Если записной пьяница не может поссорить кого-либо, то он пьет из десятой чарки. Пьющие, допивая девятую чарку, подносят десятую записному пьянице, который сторожит свою добычу – как серый кот. Если бы пьющие не поднесли ему десятой чарки, то он сам вырывает из их рук.

Удовольствие от опьянения так сильно, что оно губит каждого. Сначала оно приятно возбуждающее, потом производит ослабление тела и, наконец, умственных сил, и пьяница обращается тогда в полусумасшедшего: он пьет донельзя, и рассудок его помрачается. Такой человек или такое пьющее общество на что не может решиться? Благосостояние граждан ему непонятно; он считает их своими врагами, потому что благородные граждане чуждаются его. Чем более пьющих, тем они вреднее, сердце у них черствеет и развращается, совесть не пробуждается. Нет на земле тяготительнее рабства, какое налагает на людей пьянство. Надобно иметь необыкновенную силу собственного убеждения, чтобы вырваться из оков продолжительного безумия, потому что влияние винных спиртов столь же враждебное, сколько злоба адского духа противу счастья смертных¹. Большую часть преступлений должно приписать пьянству. Вред от него неизъяснимый: поля остаются незасеянными, дома в развалинах, семейства с обнаженными детьми: они скитаются по миру, выпрашивают подаяние и пропивают выпрошенное. Если что удерживает их от разбоя, то

---

¹ Предающиеся пьянству не могут быть нравственными, потому Апостол Павел сказал: «...пьяницы... Царства Божия не наследуют» (1 Кор 6:10).

этому причиной чувство религии, которое в них не погасло еще. Мысль, что они будут грабить своих единоземцев, будут лить их кровь – еще ужасает их. Сколько открывали разбойничьих шаяк, в коих русский лил кровь своего собрата в буйном пьянстве? Эта шайка и предводитель ее, бежав из тюрьмы или ссылки, уже грабили не из одной ненависти и мщениия к правосудию, но по иступлению в пьянстве. В то время каждый из них ознаменовывал себя смертоубийством, истреблением городов и резал с восторженной радостью.

Пьянство производит другое еще страшное действие: оно мертвит просвещение и загребает его заживо в могилу – оно подрыв всему обществу. Яд скоро прививается, но исцеление от него необыкновенно медленное и часто бывает невозможное. Против разбоя принимаются открытые меры: поиски и оружие, но против яда застарелого? Могут быть только скрытые и гадательные меры!

В 29 великороссийских губерниях¹ продано в 1836 г. на 140 230 479 р<ублей> ас<сигнациями>; питейных домов находилось 10 525. Если принять в соображение не показанные здесь 36 губ., области, градоначальства и управления, числом 14, и высокие цены винного откупа в 1843 г., то можно полагать, что продажа во всей империи едва ли менее 240 млн руб. ас. Присоединив к этому многочисленные погреба с виноградными винами и иностранными водками, то выходит чрезвычайный итог израсходования горячительных напитков. Губернии, в коих более всего израсходуется водка, это суть: Петербургская, Московская, Орловская, Тульская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Саратовская и Пермская. В Курской губ. находилось питейных домов в 1836 г. 1004; в Орловской 644, Воронежской 641, Тамбовской 553, Московской 458, Пермской 428, а в Петербургской 343.

Нельзя пройти здесь молчанием, что главная причина бедности и неурядиства крестьянского хозяйства и даже равноду-

---

¹ Материалы для статистики Росс. импер., издаваемые с Высочайшего соизволения при статистическ. отделении Сов. мин. внут. дел. СПб., 1841 г. См. отдел. IV, с. 26.

ших крестьян к своему положению – это есть страсть к горячим напиткам. Из достоверных сведений, собранных на месте, видно, что потребление горячих напитков государственными поселянами в питейных заведениях, существующих в казенных селениях, простирается в Курской губ. до 4 руб. 59 коп. ас., а в Харьковской до 28 руб. ас. на душу. Среднее потребление вина во всех губерниях составляет 13 руб. 60 коп. ас. Если принять в расчет, что эти крестьяне пьют еще в питейных домах, находящихся вне казенных селений, то можно положить пропиваемую сумму в год на душу по 15 руб. ас. Взяв за основание, что крестьянин пьет в продолжение 33 лет средней своей жизни и пропивает ежегодно по 15 руб. ас., то если бы он не пил и пускал их в оборот, которые по среднему расчету принесли бы ему по меньшей мере по 10 %, он мог бы получить процентов на эту сумму в первый год 150 коп. – всего 16 руб. 50 коп.; во второй – уже 34 руб. 65 коп.; в третий – 54 руб. 61 коп. и т. д., а в 33 года – 3666 руб. 30 коп. Оценивая еще на деньги время, в которое крестьянин мог бы заработать, но вместо того проводит в пьянстве и опохмелении, выходит, что его потеря простирается до 60 руб. в год, следовательно, вся потеря 75 руб. на душу. Сосчитав с этой суммы проценты, расход каждого крестьянина простирается в 33 года до 18 552 руб. 27 коп. Если помножить это количество на общее число государственных крестьян, то выходит, что одно их поколение в 33 года теряет 25 176 132 328 руб. ас., а со временем, проведенным в пьянстве: 139 019 540 861, всего же 154 186 473 189 руб. Выводя такой расчет для всех прочих классов крестьян, мещан, казаков и военных поселенцев, они израсходуют деньгами и временем в одно поколение 91 569 150 000 руб. Итак, в продолжение существования целого поколения теряется во всем государстве от пьянства деньгами и временем 245 755 623 189 руб. Если бы наш народ не тратил заработанных денег на покупку вина и не губил лучших дней своей жизни на пьянство, то общее благосостояние производительного класса в империи увеличилось бы ежегодно на 188 млн руб., а по миновании поколения в 33 года следующее поколение получило бы в наследие

245 755 000 000 руб. сверх того, что при обыкновенном порядке вещей может поступить от отцов к их детям.

Влияние пьянства на рабочий класс народа и проистекающие отсюда вредные последствия стесняют сердце грустью. Министерство государственных имуществ уже успело в недавнее время своего существования сделать много полезного, улучшив нравственность крестьян, вверенных его попечению. Не говоря о разных полицейских мерах к воздержанию крестьян от излишнего употребления горячих напитков, Министерство госуд. имущ. старается достигнуть этого самым верным и благонадежным путем: оно стремится возвысить благосостояние казенных поселян распространением между ними учебных заведений, чтобы, просветив их, сделать пьянство в собственных их глазах постыдным пороком¹.

БУЗА

При порабощении нас татарами мы позаимствовали от них напиток *бузу*, он делался из проса, и пили его холодным; ныне он не в употреблении².

НЕУПОТРЕБЛЕНИЕ В ПИЩУ НЕКОТОРЫХ ЖИВОТНЫХ, ОСОБЕННО ЗАРЕЗАННЫХ РУКОЮ ЖЕНЩИНЫ

Предки наши с самых древних времен не употребляли телятины, зайцев, голубей, раков и тех животных, которые

---

¹ *Шопен*. «О страсти простого народа в России к горячим напиткам и о влиянии пьянства на хозяйственное и нравственное состояние крестьян». – Помещено в Трудах Императ. Вольного экономического общества за 1842 г., часть вторая.

² *Jos. Borbaro*. *Il viaggio dalla Tana*, 1436. Он говорит о бузе: «...fassi etiandio bossa, che vuol dir cervosa» <выдержанная босса, что означает сорт пива>, – но *cervosa* собственно значит *пиво*. Нынешние татары разумеют под именем бузы брагу, но есть однозначашее ему *буз*, означашее собственно *лед*. Буза есть аравийский напиток. Ксенофонт говорит, что таковой напиток был им найден в Армении в зарытых в земле сосудах. В Армении долгое время зарывали сосуды с бузою. – *Guthrie*. *Sur les antiquites de Russie*, с. 149, ed. S. Petersb.

были закальываемы или зарезываемы руками женщины, почитая оскверненными. Это обыкновение еврейское зашло к нам по преданиям.

За приготовлением кушанья смотрела домашняя прислуга. Но если бы женщине случилось зарезать какую-нибудь птицу для стола и тогда никого бы из мужчин не было в доме, то она выходила за ворота с ножом и просила первого проходящего, чтобы ей зарезали¹.

КУШАНЬЕ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО РЫБНОЕ; БОТВИНЬЯ, ОКРОШКА, БЛИНЫ И ОЛАДЬИ

Вареная и жареная рыба, икра волжская и балык составляли любимое кушанье². К столу подавали уху скоромную и постную, как то: *юрму*, уху с курицею на шафране; уху черную, белую с *умачем* и *манты*, готовленные с курицею; *калью* с лимонами, огурцами и лапшою; уху рыбную с пряными кореньями. Домашнюю птицу и дичь кушали не так охотно³. В летнее время подавали к столу ботвинью, которая приготавливалась на квасе с рыбою и щавелем⁴. Окрошку делали во всякое время из жаркого и огурцов и часто подливали к ней квас или кислые щи. Блины, давно употребляемые при поминовении, готовились по праздникам. Оладьи пеклись с сыром и на яйцах и со-

---

¹ *Herb. Rer. Moscov. com.; Daniel Prinz a Bucliau. De Moscoviae ortu et progressu; Melet. De Russor. relig. et ritib.* – В книгах Ветхого Завета запрещено евреям употреблять в пищу тех четвероногих животных, которые не отгрызают жвачку; из птиц же – грифа, орла, ворону, лебедя, сову, ястреба, воробья и пр. См. подробное исчисление в 3 кн. Моисея, Левит, гл. 11, кн. 5; Второзакония гл. 14. – Телят он не запретил есть, но простолюдины наши не едят потому, что их откармливают для развода, и нет сомнения, что эта самая причина удерживала наших предков.

² Балык – татарское слово и собственно значит рыбу живую. У нас же балык есть копченая рыба, которая в приволжских и других рыбных местах закапчивается или вялится на солнце.

³ *Herb. Rer. Moscov. com.; Melet. De Russor. relig. et ritib.*

⁴ *Maerb. Voyage*, с. 19: «Richter Geschichte der Medicin in Russland», ч. I, с. 57; *Olear. Offt beehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise*, с. 123, изд. 1647 г. – Он же описывает окрошку.

ставляли лакомое кушанье. Были еще оладьи с сахаром, блины красные и тонкие и сырники на яйцах.

Курицы, утки и прочие домашние птицы продавались в XVI ст. по копейке серебряной¹. Простое сословие чаще употребляло: толокно, щи, квас и ржаной хлеб; но все страстно любили приправлять кушанье луком и чесноком. Бедные пили за обедом квас, а богатые – вино и мед.

Один иностранец рассказывает: кто шел в гости, тот непременно носил с собою мед и угощал им, хвалясь превосходством своего приготовления².

ИЗОБИЛИЕ В СЪЕСТНЫХ ПРИПАСАХ

Изобилие во всех родах жизненных припасов и чрезвычайная во всем дешевизна, конечно, весьма много содействовали довольству жизни и гостеприимству. Фазаны, куропатки, дрозды серые и черные, перепелки, жаворонки и бекасы наполняли леса. Журавли, аисты, лебеди, дикие гуси и утки летали беспрепятственно стадами. Зайцев белых и серых встречали повсюду; голубей до того было много, что их ловили руками. Стерлядь, белуга, осетры, белая рыба, семга, форель и пр. наполняли реки. Всего этого было вдоволь и дешево еще в конце XV в. Тогда ягненок продавался по 10 коп., курица по 7 полушек³.

¹ *Paul. Jovii. De legat. Moscov.*, в 1525 г.

² *Melet. De Russor. relig. et ritib.*, изд. 1581 г.

³ *Herber. Rer. Moscov. com.*, *Paul. Jovii. De legat.*; *Franc. da Collo. Trattam. di pace etc.*, л. 52 и 53; *Чилли. Hist. della solevationi Notabili etc.*, с. 99; *Jos. Barbaro. Il viaggio dalla Tana*, в 1436 г.: «la fertilità delle biade e della came, che è in questo luogo, si puo comprender da questo, che non vendono came à peso, ma ne danno tanta ad occhio, che certa se ne ha quatro libre ad marchetto; la galline s'hanno settanta al ducato, l'oclie tre marchetti l'una» <«изобилие зерна и мяса, имеющееся в этой местности, можно понять из того, что мясо не продается на вес, но его выдают с избытком на глаз, так что некто купил себе его четьре фунта за марку; куры покупаются семьдесят за дукат, гуси – три марки за одного»>. *Margeret. Éstat de l'empire de Russie*, etc. л. 2–4, изд. Париж, 1607 г.; *Miege. La relat. des trois embas. de Carlisle*, с. 326, изд. 1762 г.

Хлеба и мяса было также в изобилии; мясо не продавали на вес, но глазомером; 4 ф. мяса можно было купить за один марк (около 15 коп.), 70 куриц – за один червонец, а гуся – за три марка¹.

¹ И ныне во многих местах России всего в таком изобилии, что невольно приходишь в изумление. Доселе в хлебе, жизненных припасах, овощах, домашней птице и скоте нет недостатка. В юго-восточные страны столько прилетает весною дикой птицы и разного рода дичи, что покрывает собою поля и реки. В Саратовской и Астраханской губ. все пространство по течению Волги на расстоянии 400 верст бывает усеяно дикими гусями, утками, куропатками, перепелками, бакланами, бабами, лебедями, журавлями, дрофами, тетер<ева>ми, бекасами, дупелями и другими птицами. Гусей и уток такое налетает множество, что они пожирают хлебные стоги и приводят в крайнее разорение поселян. Там дикие птицы, истребляя запасы, обращаются в хищных. Надобно бы вменить в обязанность, где перелетные птицы делаются зловредными – истреблять их. К счастью обитателей низменной части Волги и луговой ее стороны, что река во время своих разливов потопляет пенцов в камыше и уносит со своим течением миллионы яиц-зародышей. Бакланы, бабы и журавли доставляют здешнему краю по крайней мере ту пользу, что они по сбытии воды пожирают остающихся в речках, протоках, оврагах, озерах и болотистых местах рыбу, лягушек и разных насекомых, которые гниют и заражают зловонием воздух. Без них в этих местах непременно свирепствовала бы зараза, которая и без того бывает, но не так опасна. Воздух в то время бывает пресыщен ядовитой гнилью; появляются перемежающиеся лихорадки и чума, иначе называемая *сибирка*, которая начинается прыщом на теле: сначала делается свербеж, потом опухоль, после открывается чирейная рана, которая обволакивается гноевой пленкой и жжет тело; человек распухает, горит и в два дня умирает. Сибирка обнаруживает все следы анотонова огня, который, при скорых средствах, уничтожается выжиганием раны с помощью раскаленного железа или примочкою всякой кислоты, напр. из выжатого лимона, уксуса и т. п. Суеверы употребляют окуривание из бросаемых на землю кожаных подошв, гниющих остовов и костей и прибегают к совету знахарей, которые своими нашептываниями и заговорами вводят простолудинов в одни заблуждения. Вот заговор от чумы: «Уроки-зволоки! Помолимся наперед Господу Богу и Божией Матери и недильницы святой и пятницы, и Миколаю, и Пресвятой Богородици. Уроки, урочищи! Мужички, жиночки, паробочки, хлопячи, дивчачи. И подумати и погадати: витряны и водяны, пидзорни, пидстретни. Летив ворон з чорными кигтями, з чорными великими кигтями. Изними з раба Божиого Осипа черныя крови, жовтыя кости; раздвои чорныя кигти и чорныя прокигти; понеси по метлам, по очеретам, по болотам; розтаскай, розволочи, – во веки веков, – аминь». Заговор от бишихи (рожи). Ворожея окуривает первоначально большого ремезиновый гнезду, потом читает над ним молитвы: «Царю Небесный», «Пресвятую Троицу» и «Отче наш»; по прочтении этих молитв она давит опухоль крестообразно сред-

Сказания иностранных писателей XV, XVI и XVII вв. о богатстве и изобилии нашей России: хлебом, рыбою, овощами, домашнею птицей и дичью оправдываются ныне только в отдаленных краях нашего отечества; но эти места изобилия дотоле будут малоценны, доколе не проникнет сюда городская жизнь и не распространится потребность вкуса к лучшей пище – между детьми природы. Тогда появятся лакомые кушанья и пропадет охота жить по природе.

СОБЛЮДЕНИЕ ПОСТОВ

Столы наших предков были тогда приготавлиемы сообразно вкусу и состоянию поваренного искусства. Наши предки строго соблюдали посты: по понедельникам, средам,

ним пальцем и произносит: «З нарощеннаго, з молитвеннаго, з крещеннаго Ивана, прогоняю святым крестом бишиху. Пиды ты на пустыя степи, на гаилы колоды, на дикий воды – аминь».

Эти заговоры списаны со слов простолюдинов в г. Цареве Саратовской губ.

При изобилии в естественных произведениях и животных все там обходится дорого проезжому в самых дешевых местах. Отчего бы это? Жители, занимаясь скотоводством и земледелием, заготавливают для одного домашнего своего потребления жизненные запасы и нимало не заботятся для приготовления на продажу. Дичи не стреляют по неупотреблению и отращиванию к ней. Если постороннему предстоит надобность в сельских произведениях, как то: в молоке, масле, твороге, домашней птице или в дичи, то он должен заранее заказать, иначе ничего не получит, хотя бы хотел заплатить то, что с него запросят. Захотелось бы ему иметь кусок говядины, надобно купить целую корову для одного супа. Захотелось бы иметь кусок жаркого из телятины – надобно купить целого теленка. Хотя всего у нас много, однако оно находится в руках таковых людей, которые не понимают выгод от общезительности и, запасаясь грубыми произведениями для своего употребления, полагают, что этим обеспечен уже каждый человек. Что же доставляет природа весной и летом: птицы и овощи разнообразные, то они не считают для себя полезным промышлять ими, потому что занимаются обработыванием одних полей и, снимая хлеб, употребляют его частью для своих надобностей, а частью отвозят на продажу оптом. Оттого не найдете в продаже хорошей даже муки. Надобно для двух или трех фунтов хлеба заготовить пуд муки и приказать спечь, но к этому горю, нет пекарей. Делается женщинами попросту, без всякого внимания к улучшению или к удовлетворению собственной прихотливости и лакомства. Там все довольствуются тем, чтобы только набить желудок.

пятницам и даже субботам. Самые безнадежные больные не смели употреблять мясного. Великие князья и цари не изменяли общепринятых правил¹; нарушавшие их почитались *католиками, погаными и басурманами*².

Несоблюдавших постов не принимали в обществе. В Филипповку, Петров и Великий Пост не только не ели мясного, но и рыбного; последнее допускалось только по воскресеньям. Нарушителей подвергали эпитимии или налагали на них покаяние.

ВРЕМЯ КУШАНЯ И ОТДЫХА

В день ели по несколько раз, но обыкновенно завтракали, обедали, полудничали и ужинали. Все отдыхали после

---

¹ *Herb. Rer. Moscov. com.*, ed. Antv., 1557; *Paul. Jovii. De leg. Moscov.*; *Meletti. De Russor. relig. et ritib.*, ed. 1581 г.; *Whitworth. An account of Russia, as it was in the year 1710*; *Philips. The Russian Catechism, 1723.*

² Басурман, от татарского слова *бесермен*, значит *правоверующий*; но ненависть наших предков к действиям поработителей, угнетавших свободу, благосостояние и христианство, сделала это имя укорительным, которое перешло впоследствии в бранное. Католики же сделались ненавистными с престонородии по причине происков иезуитов, желавших водворить у нас свое вероисповедание, особенно с тех пор, когда родилась Уния. Последовали страшные гонения и мстительное истребление, ожесточившее православыный народ: тому пример малороссийские казаки. Польское католическое духовенство притесняло их до такого изуверства, что накладывало на храмы печати или отдавало церкви на откуп жидам, которые отворяли для самого священнодействия за чрезмерную денежную плату. Крестины, свадьбы и похороны не освобождались от платежа жидам; им же отдавали пасочный сбор, который состоял в том, что они одни имели право печь и продавать пасхальные хлебы к Светлому Воскресенью. Если откупщик находил при освящении хлебов испеченные христианами, то он взыскивал с них тройною ценой. Откупщики требовали еще, чтобы семейство покупало у них хлеба по числу душ в доме, не исключая младенцев. Неслыханные жестокости, совершенные поляками над самими предводителями казаков, защищавших Православие, воспламенили между ними негодование, которое перешло потом в природную ненависть к католикам. Наливайко был сжарен в Варшаве в медном быке (1599); Павлюка сначала мучили, потом содрали с живого кожу (1638); Острилицу с товарищами колесовали живых и многие другие примеры. Враги славились и тогда еще просвещением и кротостью католической веры.

обеда по несколько часов, ибо изобилие трапезы усыпляло за столом. Малое движение рождало тучность, особенно у знатных и богачей. На дородность смотрели с почтением, как на некоторое достоинство. Думали, быть дородным – значило иметь право на уважение¹.

Отдых после обеда есть самое древнее обыкновение. Владимир Мономах, говоря в поучении к своим детям о том, как он проводил жизнь, продолжает: «Потом садились думать с дружиною, или судить народ, или ездили на охоту, а в полдень спали: ибо не только человеку, но и зверям, и птицам Бог присудил отдыхать в час полуденный»². По свидетельству некоторых иностранных писателей, все в городе было пусто после обеда: лавки и дома были заперты; иные спали дома, а другие пред своими лавками не менее трех часов³. Народ наш, осуждая первого самозванца за несоблюдение отечественных обрядов, ставил ему в вину, что он никогда не ложился спать после обеда.

Завтрак бывал поутру рано, обед около полудня, полудничество около четырех или пяти часов, а ужин после захождения солнца; потом, спустя час, молились Богу и ложились спать. Не садились за стол и не вставали из-за него, не помолившись. Один иностранный писатель, бывший у нас в начале XVI в.⁴, говорит, что русские не знают ужинов, но это известие ошибочное. Кн. Василько, шедший воевать поляков (в к. XI века), остановился около Киева с своим войском, чтобы отправиться в монастырь Св. Михаила помолиться Богу и потом по совершении молитвы ужинал с монахами. В к. Святополк обиделся, когда он пригласил Василька к себе на ужин, и тот не был у него.

¹ *Margeret. État de l'empire de Russie*, на об. 15 л., изд. Пар., 1607: «tiennent en honneur ceux qui sont les plus ventrus, les appellans» <«они почитают тех, у кого самый большой живот и называют их»> (*dorotney schalovec* – дородный человек).

² Владимир Мономах великокняжил с 1113 по 1125 г. – См. его поучение.

³ *Herber. Rer. Moscov. com.; Olearii. Offt beehrte Beschr. der Neuen Orient. Reise*, с. 11, изд. 1647 г., там же о дородности, с. 122.

⁴ *Бар. Гербер. Rer. Moscov. com.*

Вообще все вставали у нас до солнечного восхода. Служившие при дворе и состоявшие на жалованьи вставали еще ранее, ибо они отправлялись ежедневно во дворец и сопровождали государя в церковь; после обедни рассуждали бояре с царем о делах. Потом каждый обедал и отдыхал два и <ли> три часа. По вечернему звону колокола сходились снова в церковь и, отслушав с государем вечерню, расходились по своим домам; там ужинали и ложились спать.

СОДЕРЖАНИЕ ПО СЛУЖБЕ

Состоявшие на службе получали от двора содержание, которое определялось степенью должности и ее важностью. Из известий конца XVI в. видно, что члены Думы получали от 500–1200 руб. Самый большой оклад имел один только кн. Феод. Ив. Мстиславский, занимавший всегда первое место. Окольничие получали от 200–400 руб. и земли на посев хлеба от 1000–2000 четвертей; думные дьяки от 100–200 руб. и земли от 800 до 1200 четв., московские дворяне от 20–100 руб. и земли от 500–1000 четв.; выборные дворяне от 8–15 руб.; городовые от 5–12 руб. и земли до 500 четв. Жалованье выдавалось ежегодно, но земли назначались им в потомство с тем, что они обязаны были выставлять по первому требованию с каждых ста четвертей по 2 челов<ека>. Дети и сыновья боярские получали от 4–6 руб. однажды в течение шести и семи лет, но зато их награждали пожизненно землю на посев хлеба от 100–300 четв.¹

ПЕЧЕНИЕ РАЗНОГО ХЛЕБА

Приготовлением съестных припасов занимались хозяйки дома; богатые возлагали попечение на слуг. С печением хлебов соединялось знание домоводства, и та пренебрегалась хозяйка, которая не умела хорошо спечь их: ибо думали, в чьем доме хороший хлеб, в том хорошая хозяйка.

¹ *Margeret. Éstat de Pempire de Russie*, л. 25–26, изд. Париж, 1607.

Хлебы пшеничные и крупитчатые пеклись на сладостях, с разными изображениями¹.

За треугольным серебряным столом в. к. Василия подавали калачи и хлебы наподобие *хомута*².

¹ Ответ монаха Зиновия на послание старца Вассиана в нач. XVI в.: «...не изволи брашна симоновской ясти», т. е. что сам Вассиан не употреблял пищу симоновской братии. «Яде приносимое ему от трапезы великого князя: хлебы пшеничны, крупитчаты, брашна заслажаемо и многостротне застроаемая. Пяше романию, бастр, мушкатель, ренское белое вино. Брашно же (в монастыре) хлеб овейн, не веян, или классы ржаные толчены, и таковые хлебы сухи без соли; питье же вода и варение имеющих капустное листие; преимеющие же в них, аще зелие, имеют свеклу и репу; овощи же им рябина и калина» (Ист. российской иерархии, т. II, с. XXX).

² «...formam helcii equini habentes» <«...в форме изогнутой части конской сбруи»>. – *Herb. Rer. Mosc. com.*, с. 136 и 137, ed. Antv. 1557 г. – Хлебы наподобие хомута, вероятно, позаимствованы от татар, и вид этих хлебов напоминают нам продолжительное порабощение. Paul. Jovius, *leg. Moscov.* <Павел Иовий, посол в Московии>, говорит, что пред в. к. Василием ставили два треугольных серебряно-озолоченных стола, за коими он обедал с родственниками и послами.

Англичанин Берров, искавший пути по Ледовитому морю в Америку, был занесен бурей в Белое море и потому нечаянно прибыл в неизвестную ему страну – Московию – в пол. XVI в. Однако жители неизвестной ему страны, русские, встретили его с почестием, как посла, и поднесли ему в знак дружеского любия: хлеб, шесть калачей, четыре сушеных щуки и меру овсяных круп. – *The navigation and discoverie toward the river of Ob, made by M. St. Burrough,* пом. в собр. *Гакл.*, т. I, с. 308, изд. 1809 г. ...

Крупитчатые и пшеничные хлебы были не что иное, как сайки. Они доселе в славе, и лучшие из них можно иметь в Москве на Красной площади недалеко от царского амвона, у пекаря Румянцева, который здесь продает их, и они слывут *румянцевскими сайками*. Нельзя не подивиться: отчего умеющие печь так превосходно свои хлебы дозволили немцам овладеть булочной частью? Московские сайки, как равно вяземские пряники только могут печься на своем месте. В другом же месте никакое искусство не сделает их вкусными – этому причиной вода и выделка местной муки. Выборгские крендели как ни пекутся хорошо пекарем Ивановым (в Петербурге), но они не могут сравниться с настоящими выборгскими – по той же причине. Превосходные валдайские баранки, малороссийские бублики, калужское тесто, смоленские крендели, московские калачи и прочее давно у нас в употреблении. Нельзя определить времени их появления, но они появляются уже прежде XIII в., исключая калужского теста. – *Дела цесарские в рук. № 1, л. 120–127; Гербер. Rer. Mosc. com.*

В глубокой древности не были известны булочки; тогда довольствовались простою пищею и самые хлебные зерна кушали вместо плодов. По открытию способа делать муку стали ее месить и потом квасить. В глубокой

Пироги пекли с разной начинкой: из яиц, капусты, рыбы, грибов, риса, гороха и пр. Должно думать, что пироги с начинкой были те же *кулебяки* – старинное и любимое русское кушанье, которое превосходнее многих заморских выдумок по пирожной части. Пироги сладкие, приготовлявшиеся на сахаре, с изюмом, вареньем и пряными кореньями заменяли в то время нынешние кондитерские и назывались *левашиниками*. Они имели форму труб. Употребляли еще *пироги подо-вые* с сахаром, мясом, яйцами, сыром, пряженные с сахаром, пряженные с сыром, пряженные кислые с сыром¹. Русские весьма любили пироги, отчего произошла поговорка: «Не красна изба углами, а красна пирогами».

ОБЕДЫ

До нас не дошли сведения о семейных обедах бояр, дворянства и остального сословия. Есть некоторые известия о великокняжеских обедах, которые могут несколько ознакомить нас с тогдашним вкусом. В большой комнате ставились в несколько рядов длинные столы. По подании на стол кушанья объявлялось царю: «Государь! Кушанье подано». Тогда он отправлялся в столовую и садился на возвышенном месте; подле царя садились его братья или митрополит; там вельможи, чиновники и простые воины, отличенные заслугами.

древности пекли к столу лепешки хлебные, заменявшие наш хлеб, и пекли, когда садились обедать. Царь сам закалывал ягненка, а царица занималась кухнею. Авраам приказывал своей Саре, когда он садился обедать, печь хлебы на угольях. Римляне также поступали. Первые булочки появились на востоке. Евреи, греки, капподокляне, лидияне и финикияне завели их; но у римлян появились они за 150 лет до Р. Х. От римлян распространились булочки по Европе. – Dict. des origines, Paris, ed. 1777 г.

¹ Во многих местах северо-восточной России... в Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Астраханской губ., пирогами называют *круглые пшеничные и французские хлебы*, а калачи *пшеничником* или *белым калачом*. Собственно же пироги называются там *пироги с харчем*, т. е. с начинкою из говядины, рыбы, птицы и овощей. Харч в Саратовской губ. значит всякое мясное. В этой губернии простой народ употребляет более полубелый, нежели черный хлеб – по избытку пшеницы.

Во время принятия посла бар. Герберштейна в. к. Василий один сидел на возвышенном месте, окруженный пышным двором. С правой его стороны лежал колпак, а с левой – посох, тут же стоял двухгорловый сосуд с полотенцем. Подавши руку послу, он после мыл ее, думая, что католический закон нечистый. В середине, на высоком столе, блестело множество золотых сосудов, чаш и кубков. Первым блюдом всегда были жареные лебеди. За обедом разносили кубки с мальвазией и другими греческими винами. Государь посылал со стола своего кушанье в знак особой милости отличенному им гостю, который тогда вставал и кланялся ему. Другие также вставали из уважения к милостивому гостю, а он должен был им кланяться¹. Во время обедов вели разговоры без принуждения. Обеды вали серебряными ложками, которые сделались у нас известными в конце X в².

При обедах царских находились: крайчий, чашник и чарошники; каждый из них смотрел за своевременным подаванием кушанья и напитков; но сверх их назначались еще столу особые чиновники, которые должны были «*встолы смотреть и встолы всказывать*». Они подавали за столами ковши или чаши, кому государь приказывал. Поднося знатному боярину ковш с вином, именовали его с прибавлением ста или су, например, если имя его Василий. «*Василий-ста! Великий государь жалует тебя чашею*». Тот, приняв ее, выпивал стоя и кланялся, а подносивший докладывал царю: «*Василий-ста выпил чашу, челом бьет*». Менее знатных именовали *Василий-су*, остальных без всякого прибавочного окончания просто Василий³.

---

¹ *Herb. Rer. Moscov. com.*, с. 137.

² Нестор пишет, что гости Владимира I, быв однажды разгорячены медом (996), возроптали на него, что им давали деревянные ложки, говоря: «Зло есть нашим головам ясти деревянными лжицами». Услышав об этом, Владимир повелел сделать для них серебряные, сказав благоразумно: «Серебром и златом не добудешь дружины, но с нею добуду много серебра и золота».

³ *Margeret. Éstat de l'empire de Russie*, л. 81, 32, изд. Париж, 1607; *Флетчер. Common Wealth.*, пом. в Гакл.; *Olearii. Offt begehrtte Beschr. der Neuen Orientalischen Reise*, изд. 1647 г., с. 162; *Korb Diar. in Moscov.*, ed. Vien, in f., с. 190; «Dum

Иностранцы с изумлением отзывались о пышности царского стола: гости пили и ели из золотых сосудов; слуги во время обедов три раза переменяли свое платье, и обед продолжался до ночи. Обеды Иоанна IV продолжались по шести часов; от 600 до 700 гостей пресыщалось не только изобильными, но дорогими яствами, плодами и винами. Однажды в Кремлевских Палатах обедало 2000 ногайских воинов¹. Борис Годунов давал пиры в Серпухове в продолжение шести недель и каждый раз угощал под шатрами по 10 000 человек. Кушанье подавали на серебряной посуде². Расставаясь с войском, он дал роскошный обед в поле 500 000 гостей, пировавшим на лугах р. Оки. Яства, мед и вино развозили обозами; чиновников дарили бархатами, парчами и камками³. Иностранец Варбоч, посол императора германского⁴, не мог исчислить серебряной и золотой посуды, которая лежала горой в комнате, смежной со столовою. При нем подавали на стол около ста различных блюд.

За торжественными царскими обедами служили по 200 и 300 жильцов в парчовой одежде, с золотыми цепями на груди и в черных лисьих шапках. Государь садился на возвышенном месте; слуги низко кланялись ему и потом, по два в ряд, отправлялись за кушаньем. Между тем подавали водку; на столах тогда ничего не ставилось, кроме хлеба, соли, уксу-

---

mensa Tzaram paratur, nulla tubaram officia aulios vocant ad ministeria, verum unus illorum stentoria voce clamat: "Gosudar! cuschinum; Gosudar, cuschinum" < «Пока готовится царская трапеза, ни одна труба не зовет придворных на службу, но один из них кричит натужным голосом: **Государь! кушать! Государь! кушать!**» >, т. е. «Государь! К кушанью!» – Корб, верно, хотел сказать: «Государь! Кушанье подано!» – Именование сокращенным именем отца было общее у греков древних. Сам Гомер это употребляет. Напр., «*Что ты меня Приамид? – Встретясь с Пелидом, славный Эней Анхизид и Лелид Ахиллес благородный*» – Гнед. «Ил.» Гомер., п. XX, ст. 87, 99, 160 и т. д.

¹ Navigat, пом. в Гакл., с. 349 и 352.

² Marger. *État de l'empire de Russie*, etc. – Все иностранные писатели этого времени с любопытством вели счет гостям и самой посуде.

³ Карамзин. *История государства Российского*, т. XI, с. 18, изд. 1824 г.

⁴ Besch. der Rais in die Muscov so H. Warbotsch gethan, пом. в собр. Вихм., ч. I, с. 165.

са, перца, ножей и ложек; тарелок и салфеток не знали. За одним разом приносили сто блюд и более, отведенные поваром при столынике; после отвеживались крайчим, в глазах царя. Потом царь посылал гостям ломти хлеба, яства, вина, мед и в конце стола раздавал сам сушеные венгерские сливы. Всякий гость отпускался домой с блюдом мяса или пирогов¹. Поныне соблюдается обыкновение, что хозяйка при отпускании гостей от обеда или ужина навязывает им узелки с разными лакомствами: пряниками, орехами, сушеными плодами, пирогами сладкими и пр. Крайнею было бы для нее обидою, если бы не приняли. Хлеб-соль – дар Божий, говорят русские. Не принять хлеба – значит прогневить Бога.

За столом царя Феодора были уже дорогие вина и мальвазия; обеды его продолжались до полуночи².

БОГАТСТВО СЕРЕБРА, ЗОЛОТА И ДРАГОЦЕННОСТЕЙ

Иностранные послы всегда говорили с удивлением о богатстве серебряной и золотой посуды. *Бурхард*, посланник импер. немецкого Генриха IV, увидев блеск двора, сказал: никогда мы не видали столько золота, серебра и богатых одежд. А другой посол императора, *Ламберт*, не верил своим глазам, видя кучи золота и серебра³, и пишет, что столы, покрытые блестящею серебряною посудою, гнулись от ее тяжести. Герберштейн говорит, что на посудном столе лежали одни се-

¹ *Флетчер*. Com. Wealth., пом. в собр. Гакл.; *Margcret*. Éstat de l'empire de Russie.

² «Beschr. der Rais in die Muscow, so H. Warbotsch gethan», 1593, ч. I, с. 159 в собр. Вихм.: «Das Getranck welches der Grobiurst zu diesem Pamkhet, war Mancherlei als Meth, Malvasier undt Wein, undt wehrete dip Pamkhet bip in die Mitternacht» <«Питье, которое великий князь поставил на этот банкет, было более разнообразным, чем медовый напиток: мальвазия и вино, и продолжался этот банкет до полуночи»>.

³ *Lambert, von Aschaffenburg*. De reb. gest. germanor., пом. у Пистория, т. I, с. 301, изд. Ratisb. 1726 г. – Бухард и Ламберт были в России в великокняжение Изяслава I, в 1075 г. – *Контарини*. Voyage de Perse en 1473 г., пом. у Бержерона.

ребряные и золотые сосуды¹, и рассказывает за редкость, что первое блюдо состояло из жареного лебедя; что после обеда подавали разные прохладительные напитки и заедки: сахарные, анисовые и из корицы. Франциск да Колло пишет, что денег, серебра и золота столько у в. к. Василия, что он есть богатейший и могущественнейший из европейских владетелей; что он, сверх богатства, хранящегося в казначействе, собирает ежегодно огромное количество золота и дорогих мехов с разных мест своего царства; что великий князь щедро одарил самого Франциска да Колло серебряно-позолоченными сосудами и другими вещами². Другие видели в кремлевских палатах горы жемчуга, золота и серебра³. Маржерет видел в кладовой литые серебряные бочки, огромные серебряные тазы, кои поднимали за ручки четыре человека. Он видел еще три или четыре вазы с большими серебряными чашами, назначенными для черпания *меда*, которые (т. е. вазы) были столь великие, что надобно было употребить 300 человек, чтобы наполнить каким бы то ни было напитком. Все это сделано руками русских, и все из серебра⁴. Польский посол кн. Гедроцкий и патриарх Иеремия приходили в изумление от великого множества серебра и золота⁵. Принятие датского принца Иоанна, жениха Ксении, дочери Бориса Годунова, ослепило блеском и пышностью глаза иностранцев. Столы трещали от тяжести золота и серебра. Посредине столовой находился четверугольный стол, искусно украшенный серебряными подносами, чашами, блюдами, кубками; многие вещи были из чистого золота. Кресло царское было из одного золота, стол серебряный с позолоченными ножками, который был покрыт вязанной из золота скатертью; комнату украшала тонкой работы люстра с боевыми часами. Посол Лжедмитрия Афанасий Власьев поднес в подарок Марии Мнишек

¹ *Her. Moscov. com.*, ed Antverp.

² *Franc. da Collo*. Trattam di pace, и пр., на обор. л. 51 и л. 52.

³ *Navig.*, пом. у Гакл., с. 349 и 354.

⁴ *Margeret*. État de l'empire de Russie, изд. Пар., 1607, л. 20.

⁵ *Richter*. Gesch. der Medic. in Russe., ч. I, с. 72.

от имени ее жениха рубиновое перо, гиацинтовую чашу, золотой корабль, осыпанный драгоценными камнями; золотого быка, павлина и пеликана; часы с флейтами и трубами, три пуда жемчуга, 640 редких соболей, кипы бархата, парчи, штофа и атласа. Сверх того, многие подарки ее отцу и родственникам, всего на 200 000 червонцев. Иностранцы, описывая блеск Лжедмитриева двора, с изумлением говорят о его престоле, вылитом из чистого золота, обвешанном кистями алмазными и жемчужными, утвержденном внизу на двух серебряных львах и покрытом накрест четырьмя богатыми щитами; над ним блестели: золотой шар и золотой орел. Самозванец имел колесницы и сани, окованные серебром, обитые бархатом и соболями; на его конях узды, седла и стремяна сияли золотом, изумрудами и яхонтами. Он заказывал беспрестанно драгоценные вещи и в три месяца издержал на одну пышность суетную более 7 млн руб. сер. Народ роптал, потому что он не любил расточительности государей, страшась новых налогов. Корб, бывший в Москве в конце XVII в., не мог исчислить богатства царских палат¹.

Герберштейн пишет, что в Калуге весьма искусно делали деревянные стаканы и другие домашние вещи для домашнего употребления, и они продавались в Литве и других местах².

Сосуды, чаши и кубки делались продолговатыми, круглыми, одним словом, кому как хотелось. В X в. пивали из позолоченных рогов³, и это продолжалось до пол. XVIII в. Псковские посадники, встречая (в 1473 г.) невесту в. к. Иоанна III Софию, пили за ее здоровье из *злащенных* рогов⁴. Хан крымский Менглигирей, друг в. к. Василия, просил его письменно, чтобы он прислал ему в подарок между прочими вещами *серебряную чару в два ведра*. В. к. Иоанн III присылал

¹ Petr. Historien und Berichte von dem Grossfürstenthumb Muschkow, с. 281; Гравенбрух, с. 32, Пясецкий, с. 223, Карамзин. История государства Российского, т. XI, с. 242–243; Корб. Diar. itiner. in Mosc., с. 188.

² Herb. Rer. Moscov. com., с. 68.

³ Русск. Правда, с. 31, 34.

⁴ Псков. летоп., под 1473 годом.

ему прежде серебряную чару с серебряным черпалом, но ее взял у него шах Зада, почему он хотел иметь другую, за что, писал он великому князю: «Я бы всегда из нее пил, а тебя, брата своего, поминал».

Столовая посуда знатных особ в средние века была большею частью серебряная и золотая. Серебряные ковши, обложенные жемчугом, весили по три фунта и более; серебряные золоченые кубки бывали в 14 фунтов; чары серебряные и золотые часто по 12 ф.; мисы, кружки серебряные и позолоченные, кубки из строфокамиловых яиц по несколько фунтов. Были чарки сердоликовые, обложенные серебром; рога буйволовые и воловые, оправленные в золото и серебро; делали сосуды из одного серебра наподобие рогов, отчего такие сосуды часто именовали рогами заодно с простыми, оправленными только в золото или серебро¹. Арсений, бывший с патриархом Иеремиею в Москве (1590), удивляясь богатству и разнообразию сосудов, говорит: «Я был поражен неисчислимым сокровищем; необыкновенною пышностью первостепенных сановников, облитых в золото. Я видел серебряные сосуды с золотыми коронами, наполняемые критским вином. Из многих золотых чаш была одна, которую едва 12 человек в состоянии были несть. Чаши изображали львов, медведей, волков, быков, лошадей, зайцев и оленей; были единороги, отлитые с огромными рогами, и разные четвероногие животные; птенцы и павлины золотые и золоченые; журавли, аисты, утки, гуси, пеликаны, страусы большие и малые, фазаны, голуби, куропатки, горлицы – и все это или из золота, или из серебра. Но всего искуснее и естественнее изображен был охотник с силком, который, закидывая свою сеть на добычу, радовался вперед своему успеху. Сверх исчисленных мною чаш и бокалов такое было множество другой посуды, что я не в силах поименовать ее»². Многие из вла-

¹ Кн. Щерб. Рос. ист., т. IV, ч. II, с. 102, 103, 149, 151; Усл. Оп. пов. о др. руск., ч. 1, с. 381.

² *Arsenii. Descript. itineris in Moscoviam habiti a Jeremia II, patriarcha Constantinopolitano*, с. 85–86, пом. у Вихман. «*Sammlung Schriften des Russischen Reichs*», ed. Berl., 1820.

детельных князей, отказывая своим наследникам имущество, именуют разные сосуды столовые, которые в то время были весьма дорогие. В. к. Иоанн Данилович, отправляясь в Орду, разделил свои дорогие вещи между тремя сыновьями и супругою Еленою. Старшему сыну Симеону отдал четыре золотые цепи, три пояса, две чаши, блюдо с жемчугом, и три блюда серебром, и два ковша; Ивану – четыре золотые цепи, два пояса с жемчугом и камнями, третий сердоликовый, два ковша, две круглые чаши и три блюда серебром; Андрею – четыре золотые цепи, пояс фряжский, другой жемчужный с крюком (с застежкой) на красном шелку, третий ханский, два ковша, две чарки и три блюда серебром. Дочери Фетинье: 14 колец, новый *складень* (ожерелье), *чело* (головное украшение) и *гривну*. Большое серебряное блюдо о четырех кольцах в храм Владимирской Богоматери¹. Внук его в. к. Иоанн II завещал (в 1359 г. 13 ноября) детям своим – кн. Димитрию: золотую шапку (корону), бармы, жемчужную серьгу, коробку сердоликовую, золотую саблю и шишак; кн. Иоанну: саблю и шишак, жемчужную серьгу и стакан цареградский, а двум будущим зятям по золотой цепи и поясу². Когда в. к. Иоанн III гостил в Новгороде (1467), тогда его дарили шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, рыбьими зубами, иностранными винами и драгоценными сосудами. Владыка Феофил подарил ему золотой ковш с жемчугом, два рога, окованные серебром, серебряную мису; Вас. Казимер – золотой ковш; Яков Короб – рыбий зуб; знатная вдова Анастасия Ивановна – два рыбьих зуба и пр. По приведении Великого Новгорода «во всю волю» Иоанна (1478) ему поднес в дар на Паозерье один архиепископ Феофил: панагию, обложенную золотом и жемчугом (князья и цари носили их на груди, на золотой цепи); строфокамилово яйцо, окованное серебром, в виде кубка; сердоликовую чарку, кристальную бочку, серебряные мисы, цепи, чары, два ковша золотые и пояс серебряный весом в 31 ф. Если верить сказанию современного польского историка Длугоша, то Иоанн нагрузил тогда 300 возов: сереб-

¹ Собр. госуд. грам. и дог., т. I, с. 31, писано в 1328 или 1331 г.

² Там же, с. 41.

ром, золотом и драгоценными камнями¹. Кн. Иоанн Борисович Волоцкий исчисляет в завещании (1504) 29 серебряных блюд, 5 мис, 1 уксусницу, 1 перечницу, 1 солонку большую, 2 солонки малые гладкие, чарку серебряную, 11 ложек, 7 ковшей, 7 чарок гладких, одну чарку с полкою, 2 чарки больших, 4 чарки малых, три кубка, 1 рог, 3 стакана, ковш большой, сковороду серебряную с венцом, серебряник и посуду каменную.

При домашних столах бояр и дворянства подавали яства и напитки в простой посуде. Принц Бухау пишет² (в пол. XVI в.), что в его время по большей части кушали и пили из деревянной посуды, коей края бывали позолочены, и она делалась монахами. Оловянные блюда и тарелки составляли редкость; но каждый боярин непременно имел серебряный кубок, который подавался гостям для питья за здоровье. Вилки были в редкости.

Тот же Бухау, обедая у царя Иоанна IV, говорит, что он, Бухау, не имел ни тарелки, ни ножа, ни вилки; но пользовался ими, заимствуя от сидевшего подле него боярина. Олеарий, бывший в Москве в нач. XVII в.³, пишет, что у богатых людей редко встречалась оловянная посуда и что за редкость считалось, если серебряная появлялась у бояр. Маерберг, бывший в Москве в пол. XVII в., говорит, что у многих богачей оловянная посуда, ложки, ножи, вилки и тарелки подавались одним знатным или почетным гостям.

ЗВАННЫЕ ОБЕДЫ

Чтобы показать более отличий в царских милостях и польстить суетности вельмож, Борис Годунов первый ввел званые обеды в царствование еще Феодора, который приглашал думных сановников и угощал их в своих чертогах, обнаруживая пред ними всю гостеприимность обыкновенного хозяина⁴.

¹ *Dlug. Hist. Polon.*, кн. XIII, с. 588.

² *Daniel, Printz. von Buchau. De Moscoviae ortu et progressu*, и пр.

³ Олеар., см. его «Voyage», с. 127.

⁴ *Карамзин. История государства Российского*, т. 10, с. 72.

Хлебосольство, известное одним нашим русским, отличалось более всего в частных домах, где вольность в обхождении, соединенная с равенством, ничьего не обижала честолюбия. Хозяин с радостью принимал гостя, не скупился пред ним, ставил все на стол, что имел: яства, мед и водку, чтобы не прослыть негостеприимным. От этого произошла доньше употребляемая поговорка: все на стол мечи, что есть в печи. Самым величайшим упреком было еще, кто скажет: «Ты за был мой хлеб-соль»¹.

Мясные яства приготавливали весьма просто – варили в одном горшке несколько различных мяс. Кроме соли, перца и уксуса находились на столе соленые огурцы, сливы и кислое молоко. Все это употребляли с соусом и жарким, которое приправлялось довольно много луком и чесноком².

МУЗЫКА И ЗВОН ВО ВРЕМЯ ОБЕДА

Пышное угощение, какое оказывали иностранцам, было иногда сопровождаемо музыкою. Контарени пишет, что по дороге к Москве он был великолепно принят наместником Помартшом и им угощаем; что во все время обеда играла музыка – это происходило в кон. XV в.³ Варбоч, обедавший у царя Феодора, говорит, что во все обеденное время звонили в дворцовые колокола, коих звук раздавался по всем комнатам. По отъезде его из дворца в десять часов вечера он проезжал сквозь ряды стрель-

---

¹ Marger. «Estat de l'emp. de Russie», на об. с. 16, изд. Пар., 1607 г.

² Reutenfels. De reb. Moscovit. – «Caeteres cibos sine ullo alio, praeterquam salis condimento valde simplices apponunt et vulgo escas etiam diversas in eadem olla elixunt», – с. 108; *Herb. Rer. Mosc. com.* – Lac praeterea acidum in eundem usam appositum, item cucumeres salsi, haec prana eadem ratione condita, prandii tempore a mense non removentur <Прочие блюда готовят весьма просто, добавляя, помимо соли, пряности и разные приправы во множестве, и варят все в одном горшке. Кроме прочего, подаются кислое молоко, соленые огурцы, сливы и в течение всей трапезы не убираются со стола>.

Последующие иностранные писатели, говоря о кушанье, подтверждают то же самое.

³ Beschreib. der Reis. in die Moskow so H. Warbotsch – gethan., ч. 1, с. 155, 183–185; пом. в собр. Вихмана.

цов, стоявших с ружьем в руках; 6 конных москвичей освещали ему дорогу фонарями, а 16 факелами к самому его дому¹.

СТОЛЫ В XVII ВЕКЕ

Бояре и богатые (XVII в.), обедая у себя дома без гостей, имели стол простой, но сытный; кушанье делалось без приправ, т. е. без ягод, сахара, перца, имбиря; было малосоленое и невкусное. Для гостей приготавливали как можно поболее различных кушаний, от 50 до 100 блюд. Ставили на стол по одному блюду, прочие же держали слуги; где было мало соли, уксуса и перца, там прибавляли сами гости². Борис Годунов по прибытии шведского принца Магнуса, жениха Ксении, посылал ему во дворец от 100 до 200 разных кушаний на одних золотых блюдах и золотых сосудах с толстыми золотыми крышками. Во время угощений подавали на стол не менее 200 кушаний, и все на золотых подносах³. При дворе, когда угощали посланников, подавали от 150 до 200 блюд.

Для оказания большой чести гр. Карлилю, английскому послу, ему отослали после обеда от царского стола одного мясного кушанья сто блюд, которые несли в торжественном порядке по большой улице, с великим множеством меда, вина и водки. Перед послом стояло для пышности на царском столе 12 серебряных позолоченных тарелок; перед окончанием обеда пили по списку за здоровье особ, которые именовал крайчий. За другим обедом, данным для Карлиля, который начался с двух часов пополудни и кончился в десять вечера, подавали не менее 500 блюд. Первым кушаньем были: икра с салатом, потом очень хорошие сладкие супы, разнообразная вареная и жареная рыба; мясного не подавали, потому что тогда был постный день. Из напитков подавали: пиво, мед белый и красный, вина испанские, греческие и водку. За столом не было

---

¹ *Контарени*. Voyage de Perse en 1473 г., пом. в собр. Бержерона.

² *Коших*. О Росс. в царств. Алекс. Мих., гл. XIII, с. 118.

³ *Petrejus*. Historien und Berichte von dem Grossfürstenthumb Muschkow, с. 278–282., изд. Лейпц., 1620.

салфеток; скатерть едва прикрывала стол¹. Царская столовая была освещена. Не забывали пить за здоровье, а пили преимущественно из бокала золотого, который был нарочно сделан в честь короля Карла I, казненного на эшафоте по настоянию Кромвеля, с этой вокруг надписью: «В память преподобного мученика Карла I, претерпевшего великие печали на сем свете. Я не сомневаюсь, что он наслаждается в том мире блаженством». Спустя несколько времени принесли три небольшие дерева, унизанные позолоченными на конце пирожками (пряниками). Одно дерево было для посла, а третье для бояр. Пирожки срывали и кушали вместо десерта, который заключился вином, поданным собственноручно царем.

Между ружьями, пистолетами, сосудами и многими другими вещами, какие Карлиль получил от нашего двора для вручения королю Карлу II, была серебряная вызолоченная чаша, которую несли два человека². При угощении цесарских послов Меерна и Кальвучи царь Алексей целовал их в уста и после лобзания мыл рот и руки; за столом царь сидел на почетнейшем месте, в углу³.

¹ Скатерти давно были у нас в употреблении, гораздо прежде XVI в. По возвращении из ссылки первостепенного боярина, знаменитого кн. Михаила Воротынского (в 1565 г.), он просил у царя Иоанна Грозного, чтобы между прочими вещами, необходимыми для домашнего его употребления, как то: белье, посуду и одежду, которые отобрали у него при заточении, повелел бы снабдить его скатертями. — *Карамзин*. История государства Российского, т. IX, прим. 145. — *Берг* («Жизн. цар. Алексея Михайловича») ошибочно говорит, что скатерти появились в 1665 г.; *Maerberg* («Voyage en Moscovie», с. 60 и 61, изд. Лейп., 1688), бывший в Москве <в> 1661 и 1662 гг., подтверждает, что одна скатерть покрывала стол. Маерберг говорит еще, что тарелки, салфетки, ножи и вилки подавали только знатным особам; что посуда была нечистая и первое кушанье составляло отваренную говядину, потом холодное, приправленное уксусом, сыром и луком; потом супы, жаркое и соусы. Уксусница, перечница, солонка стояли на столе; за столом более употребляли крепкие напитки, нежели вино и пиво. Салфетки вывезены Петром I из Голландии в 1718 г. — См.: *Круга* «Описание монет». — Нет сомнения, что они давно были нам известны; но Петр I мог вывезти лучшей работы.

² *Match*. A relat. Of three embassies of Carlisle, с. 291–294; *Miege*. La relat. de trois embas. de com. de Carlisle, с. 102–111, изд. Amst. 1772 г.

³ Relat. legation in Moscoviam, an. 1661–1663, de Aug. Meyem et Guil. Calvucei, ч. I, с. 223, 228–229 и 231, пом. в собр. Вихм.

Пряники употреблялись исстари, и как некоторые думают, что они были известны еще до принятия христианской веры между северными славянами при их жертвоприношениях. Жрецы приносили богу Святovidу огромной величины хлеб, замешанный на меду и печенный, как нынешние пряники. На нем, вероятно, делали изображения тех животных, которые они, может быть, представляли при жертвоприношениях¹.

О способе приготовления кушанья в старину может послужить примером то кушанье, которое было заготовлено во время бракосочетания царя Алексея с Наталией. Государю подавали в сенник квас в серебряной дошатай братине, лебединый *папорок* с шафранным взваром, *рябь окрошиван под лимоны* и *гусиный потрох*. Государыне подавали из жарких: гуся, поросенка, курицу в калю с лимоном; курицу в лапше и курицу во щах *богатых*. Из хлебного государю и государыне: перепечь крупичатую в *три лопатки* недомерок, четь ситного хлеба, *курник*, осыпанный яйцами, пирог с бараниною, блюдо пирогов с яйцами, блюдо блинов *тонких*, блюдо сырников, блюдо карасей с бараниной; пирог рассольный, блюдо подовых пирогов, каравай на яйцах, кулич недомерок и блюдо *жареных* пирогов².

В старину постные яства употреблялись с разрешения или благословения духовных лиц. Вот пример, который не есть общий, однако он может знакомить нас со старинным обыкновением. Патриарх подносил государю Алексею (1671) из своего домового кушанья в постные дни в трех статьях: 1. Щуку, лещ и стерлядь паровые и спину белой рыбицы. 2. Оладью *тельную* из рыбы, щучью уху, пирог из рыбы и каравай, осыпанный

¹ Усл. Оп. пов. о древ. русск., ч. 1, с. 72 и 73. – Нынешние пряники также носят разные изображения животных и с надписью: вяземский пряник, который своим вкусом превосходит многие чужеземные сладости. Нужно покупать его на месте, в Вязьме, и там отличнейших пряников фунт, в коем не бывает более четырех, продается по полтора рубля серебром. Коврижки и московские пряники также хороши; но последние далеко уступают превосходству петербургских коврижек: душистых и сахарных, однако и петербургские не могут поспорить с вяземскими.

² Новик. Древ. рос. вивл., ч. XIII, с. 210.

рыбою. 3. Щучью голову, несколько осетров свежих, тешку белужью, ренское, романею и бастр. В среду первой недели Великого Поста готовили для патриарха (1667): *четы хлебца*, папошник сладкий, взвар с рисом, ягодами, перцем и шафраном; хрен *греночки*, капусту топаную *холодную*, горошек *зобанец* холодный, кисель клюквенный с медом, кашку тертую с маковым сочком, кубок романеи, кубок мальвазии, хлебец крупитчатый, полосу арбузную, горшочек патоки с имбирем, горшочек мазули с имбирем и три шишки ядер¹.

ЗАКУСКИ ИЛИ ДЕСЕРТ

Какого рода закуски или десерт подавались в кругу бояр и дворян, мы никаких не имеем о том сведений; но закуски давно были известны: их приготавливали на пряностях с разными плодами, на меде и сахаре и в XVII в. уже назывались конфетами. Как назывались прежде? Неизвестно². По случаю рождения Петра I подавали на стол после обеда: коврижку сахарную на корице; сахарную голову, расписанную цветами, весом 2 пуда 20 ф.; большой сахарный орел, литой белый, а другой сахарный большой красный, с державою, весом 1¹/₂ пуда; лебедь сахарную литую в 2 пуда; утку сахарную литую, полпуда; попугая сахарного литого, 10 ф.; голубя сахарного литого, 8 ф.; сахарный кремль с пешими и конными воинами и башнями, из коих над большой и средней парили орлы; город был представлен четверугольным и окружен пушками; две большие трубы из сахара на корице: одна красная, а другая белая, по 15 ф.; два больших сахарных марципана: один на пяти кругах, а другой леденцовый; две спицы леденцовые: белая и красная, весом каждая по 12 ф., 40 блюд сахарных узорьев с изображением

¹ *Новик*. Древ. рос. вивл., ч. VI, с. 301, 320 и 321; *Успен*. Оп. пов. о древ. русск., с. 68, 69. – Тешка не есть собственно кушанье, но название брюшной полости всякой большой рыбы: белуги, осетра, севрюги и пр. Ее готовят свежую и соленую в супах, соусах и студени; приготовленную таким образом тешку подают к столу.

² *Olear*. Offt begehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise, с. 249, 251, изд. 1647 г.

людей пеших и конных и других животных, по пол фунту на блюде; 30 блюд леденцов на разных плодах, весом по фунту без четверти на блюде; 10 блюд зеренчатого сахара с пряностями, по фунту на блюде; смоквы пол-ящика, цуката, лимонов, яблок мускатных и померанцевых, шапталы, имбиря в патоке, арбузы, дыни и другие плоды – всего было на столе 120 блюд.

Закуски, какие ныне подают за несколько часов до обеда, стали входить в употребление в XVIII в.

ДАВНОСТЬ САХАРА

Сахар давно вывозили к нам иноземные купцы, и его употребляли у нас при поминованиях еще до XI в.¹ Но в том

---

¹ О сахаре говорится в вопрошении Кирика к епископу Новгородскому Нифонту. Эти вопрошения помещены также у Герб. «Regum Moscov. com.». Монах Кирик жил в XI в.

Древние писатели греческие и римские ни слова не говорят о сахаре. Теофраст, умерший за три столетия до Р. Х., упоминает о нем слегка. Плиний и Диоскорид, жившие в первом веке после Р. Х., говорят об одном леденце. По словам Павла Эгинского, сахар еще в VII в. мало был употребляем. Отечество сахарного тростника – восточная Азия: он растет в южном Китае, на острове Индийского архипелага и в королевствах Сиамском и Кокхинском. Оттуда, кажется, перешел в Индостан, потом в Аравию и, наконец, к азиатским и африканским берегам Средиземного моря: в Эфиопию, Нубию и пр. До перенесения этого растения сахар, должно быть, отправлялся сначала из Китая в индийские пристани, оттуда в Персидский залив или Черное море посредством караванов до берегов Средиземного моря. По этому чрезмерно трудному и продолжительному пути сахар составлял предмет редкости и любопытства. Аравитяне, завладев в течение IX ст. Родосом, Кипром, Кандиею и Сицилиєю, перенесли туда сахарный тростник. Около XII столетия венецианские торговцы закупили сахар в Сицилии. Крепостные походы, породившие деятельную торговлю венециан и других итальянских городов, распространили вкус и требование на сахар по всей Западной Европе. В начале XV столетия испанцы и португальцы привезли ростки сахарного тростника на острова Канарские и остров Мадеру. Полагают, что сахарный тростник отсюда перешел в Новый свет, несмотря на уверения некоторых историков, будто бы он сам по себе рос в некоторых местах Америки. Мадерский сахар пользовался своей известностью. К концу XV в. венециане придумали способ вываривания и очищения сахара, который в наше время доведен до усовершенствования. Маленький остров св. Фомы под экватором, принадлежащий Португалии, имел в начале XVI в. много сахарных заводов (около 1520 г.). Сахарный тростник, привезенный

в то же время в Гаити испанцами, сделал там быстрые успехи. Благоприятствуемый климатом и почвою, он давал втрое и четверо более, нежели в самой Испании, и 28 прессов были заняты под сахар. Возделывание сахарного тростника, распространившееся по Америке, сделалось особенно важным в Бразилии. Здесь-то португальцы удержали за собою монополию снабжения Европы сахаром в конце XVI и начале XVII в., и этому самому Лиссабон обязан был своим богатством, как ныне Англия индийской торговле. Англичане, завладев Ямайкою в 1606 г., одним из Антильских островов, нашли там только три сахарных завода, а через 30 лет торговля этого острова заняла деятельность 400 кораблей, поднимавших до 60 000 тонн; но как вся торговля Антильских островов переходила в руки голландцев, которые с невероятной деятельностью поспевали всюду, где только можно было получить какую-либо выгоду, а английская морская сила приходила в упадок, то парламент утвердил билль «Навигационного акта» в 1651 г. 1 декабря, служащий поныне краеугольным камнем английской торговли. Этот билль, направленный против Голландии, открыл войну; но протектор Кромвель, окончив неприязненные действия, оставил во всей силе навигационный акт, по коему дозволено англичанам свободный ввоз в Англию всех товаров из трех частей света: Азии, Африки и Америки и английских колоний, а произведения европейской промышленности могли быть доставляемы в колонии только на английских кораблях или на кораблях туземных, построенных самими переселенцами. – Во Франции постановлениями с начала XVII в. (25 нояб. 1634 г.) до пол. XVIII в. были отстранены все сношения колониальных туземцев от торговли с другими островами даже до того, что воспрещено было учреждать новые заводы для рафинирования сахара. По мере того как острова Мадеры и св. Фомы подорвали сахарное производство в Сицилии, Египте и Аравии, потом Терры-Ферры и Мексики уменьшили эту отрасль промышленности в Андалузии, в это время Бразилия, находившаяся под португальским владычеством, сделалась центром сахарного производства и до пол. XVII в. снабжала все европейские рынки. Развившиеся новые колонии в начале XVIII в. уменьшали закуп сахара в Бразилии. За сто лет пред сим обращавшийся сахар в европейской торговле получался из Бразилии 100 000 000 ф., с английских островов 100 000 000 ф., из Голландии 620 000 000 ф., из французских островов 50 000 000 ф. <...> Французская революция и борьба европейских народов до 1815 г. доставили англичанам случай завладеть теми сахарными колониями, которые не были под их владычеством, и по мере того, как неудачи Наполеона все ближе и ближе подвигали к Франции войска государств, державшихся колониальной системы, цены быстро поднялись. Но мир 1815 г. понизил их чрезмерно быстро. В настоящее время производимость сахара обнимает в географическом отношении две системы: западную и восточную. В первую входят острова и материк Америки, равно острова Маврикия и Бурбона, а во вторую – от Аравии вдоль Индийского моря и Тихого океана до западных берегов Америки. По западной системе доставлено сахара с 1833–1834 гг. из английских колоний 575 млн ф., ос. Кубы 275 млн ф., из французских колоний 200 млн ф., Бразилии 187 млн ф., Луизианы 150 млн ф., голланд-

ских колоний 80 млн ф., Пуэрто-Рико 62 млн ф., шведских и датских колоний 25 млн ф., всего 1 554 000 000 ф. По восточной системе: из Явы 100 млн ф., Бенгала 50 млн ф., Манилы 32 млн ф., Китая 25 млн ф., Конхинхины, Сиам и островов Индийского архипелага 7 млн ф., всего 214 000 000 ф. Замечательно, что отечество сахарного тростника: южный Китай, королевства Сиамское и Конхинхинское и острова Индийского архипелага доставили в наименьшем количестве: этому причиною стеснительная система торговли сих государств. Из двух систем – восточной и западной – получено сахара: 1 768 000 000 ф., из этого количества употреблено для Англии 500 млн ф., Соединенных штатов 250 млн ф., Франции 158 млн ф., России 75 млн ф., всего 983 млн ф., для четырех государств только, а прочие 686 млн ф. идут для Голландии, Бельгии, Германии, Дании, Швеции, Италии, Греции, Турции, Египта, Северной Америки, Испании и Португалии. Колонии французские, возвращенные во время Реставрации своей метрополии, подчинились прежнему ее управлению, существовавшему до революции; но они устремили все свои усилия о воспреещении ввоза во Францию иностранного сахара. Цены возвысились на сахар, и проистекли большие злоупотребления. Это самое повело к открытию нового предмета, который теперь весьма много занимает не только французских земледельцев, но касается до существования колоний, распространения торговли и важной отрасли государственного дохода – этот предмет – свекловичный сахар. Это открытие, возбуждавшее сначала столько насмешек, после исследований 1828 г. распространилось под влиянием мер, принятых для покровительства колониального сахара. Во Франции возникло гонение на свекловичный сахар, который не мог бы выдержать борьбу с колониальным ввозом, если бы свекловично-сахарное производство не стало бы развиваться в Германии, особенно в черте, ограничиваемой прусским таможенным союзом. В 1836 г. считалось в Пруссии 50 заводов, а в других государствах 25 заводов; в 1840 г. было уже в Пруссии 91 завод, а в других государствах 50 заводов, из коих добыто около 750 000 пуд. сахара. В России первый учредил свекловичный завод в Тульской губ. генерал Бланкенагель в 1800 г., но Отечественная война остановила это предприятие; потом Бланкенагель умер, завод перешел в руки Герарда: он и Мальцев не переставали убеждать своим примером в пользу этого учреждения. До 1824 г. уже изредка говорили об этом предмете. Когда русские помещики Бахметьев, Давыдов, Нейдгарт и др. увидели во Франции успехи свекловичной промышленности, тогда они по возвращении в свое отечество учредили у себя свекловичные заводы. Помещики стали отдавать учеников на завод Герарда и Мальцева. В 1840 г. считалось уже 164 завода, а именно в Тульской губ. 28, Харьковской 15, Воронежской 13, Калужской и Орловской по 12; Рязанской и Курской по 11; Черниговской, Киевской и Пензенской по 8; Тамбовской 7; Нижегородской 5; Симбирской, Саратовской и Минской по 4, Подольской 3, Московской и Витебской по 2; в Тверской, Ярославской, Екатеринбургской, Херсонской, Бессарабской и Гродненской по 1. Привозной сахар, белый гаванский, продавался в Петербурге в 1840 г. в январе <по> 8 и 14 сер. пуд. Эти высокие цены на сахар сделаны в пользу свекловичного

виде, как ныне, сделался он повсюдным и прежде ознакомления нашего с кофеем и чаем. Мы знаем, что и до этого времени приготавливали вареные и другие сладости на сахаре; что первоначально мы получали его из Константинополя, потом чрез Тавриду от генуэзцев в XV в., после из Германии чрез Польшу и Литву в продолжение XVI и XVII вв. и, наконец, в XVIII столетии через петербургский порт из всех концов Европы, Азии и Африки. Выделывание сахара началось у нас еще в XVII в. Мы тогда уже имели сахарные фабрики, однако не запрещалось ввозить иностранный сахар, отчего наши фабрики не могли прийти в хорошее состояние. Петр I запре-

сахара, без этого покровительства он не мог бы выдержать соперничества с колониальным по той причине, что по химическому разложению содержится в сахарном тростнике более сахарных частиц, нежели в свекле:

в сахарном тростнике

воды	74,8	до	69,2
сахара	14,0		18,0
волокон	8,0		9,0
разных органических веществ	1,8		2,0
кремнезему и солей	1,8		1,8
			100,0
		до	110,0

в свекле

воды	88	}	до
	82		
сахару	8	}	10
	12		
древесины			2
белковины и азотного веществ			1,5
других разных кислот и веществ	2,5		
			100,0

В настоящее время мы извлекаем половину сахара, заключающегося в свекловице, и когда искусство достигнет того, что можно будет получать весь сахар, тогда, без сомнения, разовьется эта отрасль важной промышленности. Но свекловично-сахарное производство без покровительства тарифа никогда не подорвет колониальный сахар, и мысль тех, что настанет время, когда Россия будет снабжать Европу своим сахаром, мечта! – Журн. Мин. госуд. им. за 1842 г., № 4. Ст. о сахаре колониальном и свекловично-сахарном производстве в России, с. 209–244.

тил указом 14 марта 1718 г. и 28 апреля 1721 г. ввоз сахара кроме сахарного песка.

В самое древнее время предки наши считали сахар скоромным кушаньем, потому не употребляли его в постные дни. Набожные приверженцы постов то же самое делают поныне, думая, что сахар делается на крови.

ПОРЯДОК ПОДАВАНИЯ КУШАНЯ

В XVII в. столы при дворе начинались с жаркого и преимущественно с жареных лебедей¹. Если же их не бывало за столом у богатых, то это считалось обидою для гостей². В XVII в. начинали обед студнем из говяжьих ног или икрою; потом подавали суп, вареное и жаркое³. В XVIII в. при дворах и домах вельмож угощали наперед окороками, колбасами, солеными и холодными мясными кушаньями, приготовленными на деревянном масле, луке и чесноке; после подавали теплые похлебки, жаркое и другие кушанья, наконец, закуски из свежих и варенных в сахаре плодов, дыни и арбузы астраханские.

В наше время почти то же самое: за несколько времени до обеда подают закуску, состоящую из водки, наливки, настоек и ликеров; рыбы копченой, балыка, икры, масла, сыра, ветчины и пр. Обед начинают супом и оканчивают пирожным; после обеда разносят кофе, а там, спустя несколько времени, варенья, виноград, конфеты, дыни, арбузы, разные ягоды и сладкие плоды.

Прежнее поваренное искусство всегда не нравилось иностранным послам, которые из великого множества присылаемых им кушаний от царя почти ничего не могли есть. Наиболее им посылали рыбное, и волжская рыба была дороже дичи и мяса. Чем более было рыбы и огромной еще величины, тем почетнее было для гостя. Один иностранец уверяет, что, обедая за царским столом, давали такие большие рыбы, что

¹ *Herb. Ref. Moscov. com.*; Printz v. Buchau, с. 192; *Petreus*, с. 562.

² *Petreus*, с. 597.

³ *Maerberg. Voyage, etc.*

едва три человека могли поднять половину рыбы. Искусство поваров превращало рыб в петухов, кур, гусей, уток и пр., придавая им вид этих животных¹.

Причиною невкусных яств были, по уверению иноземцев, нечистота в приготовлении, сильный луковый и чесночный запах, горький вкус от конопляного и коровьего масла, на коем готовилось кушанье, пироги и жареная рыба. Коровье масло приготавливалось тогда в печах и не солилось, отчего оно получало горечь и портилось. Неудивительно, что иностранцы не были довольны нашими яствами. В начале XVIII в. стали готовить хорошее коровье масло по иностранному способу, тогда многие вельможи и дворяне начали вводить чужеземные кушанья и усваивать их. В половине того же столетия уже появились немецкие и французские повара, которые вытеснили поварих. Ныне порядочный помещик имеет прекрасного повара. В конце XVIII в. была даже страсть у многих знатных вельмож выписывать из Парижа пироги, хлеба и сладкие кушанья, которые доставлялись в Петербург в шесть дней. Другие нарочно ездили туда, чтобы попить и поесть всего вдоволь; теперь за этим не отправляются туда: искусство поваренное стоит у нас на высшей степени усовершенствования.

РАЗВЕДЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПЛОДОВ И ОВОЩЕЙ

Прежде долго не знали других плодов, кроме огородных: капусты, чеснока, лука, гороха, моркови, репы, бураков и редьки. В XV в. мы имели хорошие вишни, орехи и полевые яблоки; сеяли огурцы и дыни², коим, по особой приятности и вкусу, удивлялись иностранцы. В XVII в. находились большие сады с яблоками, вишнями, сливами, смородиной,

¹ *Tanner. Leg. in Moscov.*, с. 57.

² *Jos. Barbaro. Il viaggio dalla Tana в 1436 г.; Contareni. Voyage de Perse en 1473 г.*, с. 52, 53, пом. в собр. Бержер.; *Herb. Rer. Moscov. com.* — «*Melones autem singularem cura ac industria seminant. <О дынях же заботились с особым усердием>.* — *Franc. da Collo. Trat. di pace, etc.*, л. 53.

малиной, клубникой, особенно с поваренными растениями. Из этих плодов превосходнее всех были наливные яблоки, которые, когда созревали, светились насквозь¹. Салат долго не сеяли и, видя употреблявших его, говорили, что они едят траву, как животные, и уговаривали других не есть, чтобы они не превратились в скотов². Олеарий, бывший в Москве в пол. XVII в., пишет, что русские привыкали уже к салату; в конце XVIII в. он сделался в большом употреблении только в столице; еще в нач. XIX в. многие не могли есть его по предубеждению к немцам. Простой народ и многие из купеческого сословия доселе не научились есть его.

В 1660 г. 11 ноября указано разводить арбузы в Чугуеве (Харьковского уезда) и, когда они поспеют, присылать ко двору³. В начале XVIII в. появились: саллеры, спаржа и артишоки;

¹ *Olear. Offt begehrt. Beschrt. der Neuen Oriental. Reise*, с. 117, изд. 1647 г.

² *Tanner. Leg. Mosc. ...*

³ Самые лучшие и единственнейшие арбузы – это быковские, балыклейские и пролейские Царевского уезда Саратовской губ. Быков, Балыклей и Пролейки суть хутора, заселенные государственными крестьянами; находятся в недалеком расстоянии от Камышина, и, как до образования Царевского уезда (1835 г.), все эти хутора находились в Камышинском уезде, потому эти арбузы доньше слывут камышинскими. В Быкове, Балыклее и Пролейках занимаются разведением мужики; почва здесь песчаная, потому самая удобная для произрастания арбузов, коим благоприятствует еще солнечный зной с перепадаящими дождями. Арбузы бывают в окружности в $1\frac{1}{2}$ арш., а весом более пуда; семена маленькие и не в большом количестве; тот самый лучший арбуз, которого кора зелено-беловатая, и когда его разрезают, тогда он как будто бы крошится от чрезмерного множества сахаристых веществ; вкус очень сладкий, а запах имеет душистого ананаса. Сотня арбузов стоит на месте от 35 коп. до 75 коп. сер., и эта цена есть уже самая высшая. На большом возу, запряженном волами, не может поместиться более 150 арбузов. Их доставляют по подряду в ближайшие губернии и Москву, в которую вывозят каждое лето до 15 000 арбузов. В предмосковных местах продают арбуз по самой высшей цене 62 коп. сер., а в самой Москве от 1 до 3 руб. сер. Из всех этих арбузов самые лучшие суть быковские. В урожайные годы такое бывает их множество, что не успевают снимать с бакшей (арбузных полей) и оставляют гнить на месте или пускают скот и свиней, которые пожирают и топчут ногами. У нас в Петербурге лучшими арбузами слывут астраханские, но это ошибочно. Астрахань похитила не принадлежащую ей честь у хуторов Быкова, Балыклей и Пролеек, которые по старому размежеванию уездов находились в составе Астраханской губ. до конца XVIII в. В Астрахани никогда не бывало превосходных арбузов, как быковские, балыклейские

последние привезены из Голландии в Петербург в 1715 г. Виноградные вина мы давно получали из Царьграда, но разведение виноградных лоз началось не прежде XVII в. Они в первый раз посажены в Астрахани (1613) одним немцем, который был монахом из тамошних монастырей, а он получил в подарок от проезжих персидских купцов. В пол. XVII в. уже были многие виноградные сады, из коих доставлялось ко двору ежегодно по 200 бочек вина. В XVIII в. вошли в обыкновение венгерские вина, коими угощали почетных людей. Петр I, заботясь о разведении винограда по разным местам России, поручил особый присмотр за астраханскими виноградниками французскому садовнику¹. Со ввозом иностранных овощей, вин и пряностей мы познакомились с пуншем, кофе, чаем и табаком.

ВЗВАРЕЦ И ПУНШ

В старину вместо пунша пивали ковшами взвар; он приготавливался из пива, меда и вина на пряных кореньях. В Малороссии он известен под именем варенухи. Пунш узнали в начале XVII в.; около половины того же века мы употребляли кофе и чай.

КОФЕ

Семена кофе перенесены в Европу голландцами из Мексики, но свойство их дознано было настоятелем монахов, Фаус-
и пролейские. Пробовали сеять быковские семена в Астрахани, но арбузы не выростали там прекрасные, как на родной почве. С разведением арбузов появились тыквы, которые в восточной России именуется *дураками*, в Малороссии *гарбузами*, а арбузы *кавунами*. Причина названия «дураки» неизвестна. В Оренбургской губернии такое множество родится дураков, что ими откармливают свиней, и если верить рассказам, то иные бывают до 1½ пуда весом. Астрахань славится дынями, кои, кроме ароматного запаха, отличаются полнотою мяса или тела, которое срезается до корки; во внутренности мало семян, и дыни эти лежат свободно, без всякой порчи, до октября месяца. Превосходнейшие дыни растут в Дубовском Посаде Царицынского уезда на берегу Волги, и по этому посаду они усвоили название дубовок.

¹ Усл. Оп. пов. о древ. русск., ч. I, с. 74 и 75.

том Нейроном, коему пастухи рассказывали, что когда овцы и козы наедались кофейных зерен, тогда они прыгали всю ночь. Другие писатели говорят, что некто, живший в городе Адене, в пол. IX в. эджиры, или XV в., путешествуя по Персии, нашел там при устье Красного моря кофе, привез с собою на свою родину и развел; отсюда он распространился по Сирии, Мекке и Египту¹. Но это известие несправедливое, потому что настоящая его родина есть Йемен в счастливой Аравии. Он растет на горах и называется там буйна. Турки, персияне, армяне и другие азиатские народы до ознакомления их с кофе делали напиток из растения коуш, имевший вкус кофе². Сначала кофе употребляли вместо лекарства; на востоке пили и теперь пьют одну гущу и без сахара, а в Европе вываренную жидкость с сахаром и сливками. Мы узнали кофе едва ли не прежде чая, потому что голландцы, имея с нами еще в конце XVI в. непосредственные торговые сношения, без сомнения, между многими плодами и произведениями роскоши привозили кофе.

За границей менее его пьют, нежели у нас, и напрасно думают, что немки страстные охотницы. Я видел, что они пьют мало и некрепкий по причине пламенных воодушевлений к нежностям³.

ЧАЙ

Соотечественник наш Василий Старков первый упоминает о чае. Будучи отправлен послом к хану Алтыну в 1636 г., он

¹ Diction. des origines.

² Жюлье. Recueil de l'academie des sciences, изд. 1713 г.

³ Известно, что многие пряные коренья: гвоздика, корица, имбирь, перец, кардамон, особенно ваниль, производят сильное стремление к чувственности; но питье крепкого кофе без привычки и в большом количестве производит сильное волнение крови. Частое его употребление и большими приемами ослабляет органы: делает их нечувствительными; потому у таких людей всегда рождается лень, бездеятельность и слабость тела; цвет лица мертвец и белые зубы, краса девиц, обращаются в уголь. Это дознано многими наблюдениями. Здесь говорится только о тех, которые много употребляют кофе; но пить одну чашку, как средство для ускорения пищеварения, весьма полезно.

там увидел чай и говорит как о вещи, доселе неслыханной, и не знает: считать ли за дерево или за траву? Он только знает, что чай варят в воде, прибавляют к нему молока и пьют горячий¹.

¹ Употребление чая в Китае и Японии незапамятно. Индо-голландская компания, учрежденная в 1602 г., в первый раз вывезла чай в Европу в нач. XVII в. Голландцы, зная по слухам, что китайцы и японцы извлекали питье из какого-то деревца, растущего в их странах, отправили к ним некоторое количество шалфея, за один фунт коего выменяли три фунта чая. Салернская школа предлагала тогда шалфей как специфическое средство против многих болезней. Привезенный чай в Париж был продан от 30–100 фр. за фунт. Шалфей не имел успеха в Китае. Употребление чая быстро распространилось в Европе, так что уже в 1655 г. он был в чрезвычайном употреблении в высшем кругу парижского общества.

Как скоро чай распространился в Европе, он сделался предметом преследования науки. Голландский врач Николай Тюльпиус описал в 1640 г. медицинские свойства чая; потом вскоре за ним два врача французские – Марине и Жонке – сделали то же; последний назвал чай божественной травой и сравнил его с амброзией. Наконец, в 1678 г. голландец Корнелий Бентоке написал прекрасное сочинение о чае, имевшее такой успех, что после трех изданий, раскупленных тотчас по напечатании, оно было переведено на все языки: это сочинение окончательно утвердило успех чая.

Вскоре Англия начала соперничать в ввозе чая: первый груз чая ост-индской компании пришел в Европу <в> 1669 г. Директора компании поднесли 22 ф. чая английской королеве, супруге Карла II, в день ее рождения. Исчислено, что <с> 1652 г. по 1700 г. количество ввоза чая не превышало 90 000 килограммов; в настоящее время Англия употребляет 18 млн килограммов в год.

Гуссей рассказывает о бесполезных попытках всех мореплавателей пересадить это деревцо в Америку и Европу и заключает неутешительную истину, что мы, европейцы, можем его разводить не иначе, как в теплицах. – *La monographic du the par Houssaye, Par. un vol. in 8.*

Чай играет столь важную роль в торговых сношениях и внутреннем потреблении многих государств, что невольно изумляешься недостаточности химических исследований над составом этого произведения. Анализы, сделанные Франком, Брандом, Мейльдером и Штейнгузом, суть единственные, но недостаточные, посему доктор Пелиго охотно воспользовался предложением просвещенного негоциата Гуссея, доставившего ему различные образцы черного и зеленого чаев. В записке о чае, читанной им в Парижской академии наук (17 июля н. с. 1843 г.), он нашел в чае следующие вещества: 1) дубильное начало (tannin), 2) летучее масло, от которого зависит аромат чая, 3) вещество, содержащее в себе много азота – чаин (theine), которое встречается в кофе и лекарственном веществе гуагана, дорого ценимого бразильцами. Пелиго нашел, что в листьях чая содержится азота от 6,15 до 6,62 на 100. Ни в одном растении не найдено столь богатого содержания азота. Это начало в чае, соединенное с другими началами, составляют

У нас первоначально употребляли его вместо лекарства, как предохранительное средство от простуд, влияний на здоровье воздуха и дурных последствий от пьянства. Ввоз его в полов. XVII в. был уже столь велик, что иностранец Кальбургер в бытность его в Москве (1674) покупал по 30 коп. фунт. В 1702 г. открыт первый кофейный дом в Петербурге. С пол. XVIII в. кофе и чай вошли во всеобщее употребление и об-

азотистые вещества – таких веществ содержится от 20–30 на 100. Если листья настоять в теплом и слабом растворе поташа, то получится буроватая жидкость, и потом если прилить какой-либо кислоты, то получится осадок, содержащий в себе азот. Пелиго считает этот осадок тождественным с творожиною молока (caseine). Зная, что чай содержит много азота и что в нем есть творожина, нельзя сомневаться, что он есть питательное вещество. В Индии готовят чай с молоком, маслом, поваренной солью и с какой-то щелочной солью, горькою на вкус. Точно таким образом готовят киргизы, калмыки и многие жители Сибири, прибавляя иногда сало или масло и луку. Этот чай известен в торговле под именем кирпичного. В Канавере готовят его другим образом: листья кипятят час или два, потом воду сливают и листья готовят с маслом, мукою и мелко изрубленным козлиным мясом. Очевидно, что в первом случае употребление горькой соли имеет целью растворение творожины в жидкость, а во втором творожина остается в листьях и с ними вместе потребляется. У образованных народов чай употребляется иначе. Следует ли допустить, что настой из малого количества чая и большого количества воды действует возбуждительно на нервную систему, а тем как бы заменяет пищу? Или: имеет ли он такие же питательные свойства, как молоко и бульон? Не разрешая положительно этих вопросов, Пелиго определяет только вес и свойство начал, входящих в состав чайного настоя, обыкновенно у нас приготовляемого для питья. В таком случае листья чая, с которого несколько раз сливался настой, все еще содержат в себе около $\frac{1}{6}$ части растворенных веществ. Желательно, чтобы физиологическими опытами было исследовано: какую силу воспроизводит чай в питании, особенно в соединении с сахаром? Вообще, если чай, рассматриваемый как вещество питательное, содержит азота более, нежели всякое другое растение, то его возделывание представляет чрезвычайные выгоды, потому что большая часть азота заимствуется не из удобрения, а из атмосферы. Пелиго заключает, что во Франции нельзя желать чрезвычайного распространения чая, ибо тогда должно уменьшиться потребление виноградного вина, к ущербу французского винодела. Если это может быть справедливо для Франции, то для государств, где собственно виноделие никогда не может быть значительной отраслью государства, напр. у нас, в России, должно желать возможно большего потребления чая с одной стороны для уменьшения хлебного вина, а с другой для распространения сахара, с чем тесно сопряжена единственная надежда к улучшению земледелия. – Журн. Мин. гос. им., 1843 г., № 5 в Смес., с. 89–92.

разовали двухполый напиток: женский пол пристрастился к кофе, а мужской к чаю. Но что пьют более: кофе или чай? Кофе, утвердительно кофе! Нет дома, который бы не пил его; нет женщины, которая бы отказалась от кофе. Особенно пьют много купеческие жены, прислуга и кухарки, по несколько раз в день, и в Петербурге совершенная кофемания. Горничная девушка, кухарка или другая женщина, поступающая в услужение, выговаривает себе ежемесячно по фунту кофе сверх того, который отпускается им от господ. Этого мало, переваривают остающуюся кофейную гущу и пьют его снова, находя ее лучше самого кофе. Недаром говорит пословица: остатки сладки. К чаю в особенности охотники купцы и все рабочее сословие; им как-то бывает невесело или чего-то недостает им, если не напьются чаю. Нет трактира, в котором бы не пили чай. На севере России он заменяет приятное препровождение времени: там, сидя за чаем, разговаривают и пьют вприкуску с таким искусством, что небольшой кусочек сахара достает для полдюжины стаканов. С мужика льется пот градом: он пьет, не переводя духу; оботрется полой и снова за чашечку. Еще существует обыкновение во многих местах, что, кто бы ни пришел в гости и в котором бы часу ни было: в полдень ли, или до полудня, или после обеда, непременно угостят чаем, а там закуской или обедом. Хотя бы сами хозяева недавно пили чай, но пришел гость, для него настаивают и сами пьют с ним. Случается, что несколько раз в день ставят самовар, а у зажиточных, особенно в праздники, не сходит со стола самовар. Точно так поступают с кофе женщины, угощая им друг друга, и пьют так много, что от неумеренного употребления сгущается у них кровь: они получают головные припадки и лишаются сна. Другие же получают удары, лишаются зубов еще в молодости, которые преждевременно чернеют и крошатся. Весьма неприятно видеть хорошеньких с черными зубами, коих уже никак нельзя вычистить, а этому причиной кофе.

В Сибири пьют чай вприкуску, и там нет деревни, где бы не было самовара. Между отдаленными ее обитателями чай весьма дорог, и сюда привозят, как, например, в Якутск или

Охотск, кирпичный. Его приготавливают в формах и столь жестким и плотным, что своим цветом похож на кирпич, отчего получил название кирпичного. Разбив на куски, кладут в горшок и варят как кушанье, с жиром, салом, преимущественно с ворванным салом, и потом, когда уварится, пьют его с хлебом без сахара. Самовидцы рассказывали, что это есть одно из лакомых напитков якута, который сверх того пьет с особой жадностью растопленное масло или жир. Нет для него пищи, усладительнее этой. О вкусе и цвете нельзя спорить.

Однако есть места в России, где кофе, чай, картофель и табак доселе не употребляются. Это между староверами и раскольниками. Во многих уездах Астраханской губ. простолюдины думают: кто пьет чай, тот не внидет в Царствие Небесное; кто пьет кофе, того Бог не допустит на Страшный Суд. Картофель, как они думают, есть дьявольское порождение табака, поэтому есть его великий грех, а табак, треклятая трава, выросла на могиле блудной девицы, и кто его курит, тот дышит блудным грехом.

ТАБАК

Наши предки причисляли табак к вредным напиткам по причине производимого опьянения¹. Древним народам он не был известен и привезен испанцами из Америки в XVI в. Об отечестве табака спорят донныне Китай и Япония, как о родине Гомера. Утверждают, что Китай и Япония употребляли с незапамятных времен дамбагу. Гернандез, спутник Колумба, первый узнал (в 1496 г.) употребление табака на острове Сан-Доминго и назвал его *табакко*, от области Табаго, где он рос; но там он назывался *панацей*, пициельт; у бразильцев *петум*, у островитян Испаньолы *перебеценук*². По другим известиям,

¹ Уложение, гл. XXV, ст. 11–26.

² *Epistolae et judicia Claris, aliquot medicorum de tabacco*, ed. Ultraject. 1644 г., с. 150; *De herba panacea*, Everato, ed. Ultraject. 1644 г. См. его статью «*De tabacco herba commentariolus*», с. 12–15. Некоторые туземцы Испаньолы называют еще *козоба*. – Neandri tabacologia, с. 68, изд. Ultrajecti, 1644.

табак найден на одном из Антильских островов Табаго, находящемся близ области Каракас. Европейцы, однако, скоро выучились употреблять его, ибо миссионер Роман Ган, отправленный Колумбом во вторую его поездку в Америку на остров Сан-Доминго для распространения христианства, уже нашел там (1496) европейцев, употреблявших табак. Отец Роман вывез отсюда семена табака в Испанию, и они быстро принялись. От этих семян развелся табак в лиссабонском саду (1550), потом распространился с невероятной быстротою по Европе и сделался страстью.

Посол французский при португальском дворе, Ив. Никоциан де Вильмен, привез табак в Париж в 1560 г., где он стал известен под его именем, т. е. *никоцианы*, и вскоре вошел в большое употребление при дворе Марии Медичи. Королева Мария до того пристрастилась к нему, что его прозвали в честь ее королевским порошком (*poudre à la reine*), королевской травой (*herbe à la reine*). В Англию около этого самого времени завезли моряки знаменитого мореплавателя Драка. При дворе он введен в употребление щеголем Ралейгом¹. Сначала он курил потихоньку, запершись в своей комнате, но человек его, вошедши к нему неожиданно, подумал, что внутренность барина загорелась, и начал от всего усердия обливать его водою. В Италию привез табак кардинал Санта-Круче, бывший в Испании нунцием. Здесь табак был принят с восторгом. В скором времени он распространился в Азии. В Индию привезен в начале XVII в. под именем святой травы; в Африку – в 1610 г. Сначала употребляли его вместо лекарства и называли *святою божественной травой* и *травой противу всех немочей*².

¹ Ралейг (Raleigh) был близкий любимец английской королевы Елизаветы. Курение табака введено прежде всех в Лондоне и составляло принадлежность человека светского и с тоном. Дикари Виргинии, приписывая тысячу достоинств табаку, относили растение это к *высшему дару небес, ниспосланному для утешения человечества*. – Roberts. Hist. of Americ., кн. IX, с. 286–287, изд. 1829 г.

² *Herba divina sancta, Heilekraut, heiliges Wundkraut, herbe propre a tous les maux*. Для любопытных указываем статьи «*Neandri tabacologia*», изд. Ultraject., 1644 г., с. 65–70, где встречаются названия: *herba legati, herba reginae, Catharinaria ac Mediccae, Uppowos, herba magni prioris, Tornabonam*, от имени

При Людовике XIII моряки являлись с трубками даже в народные собрания. Трубка богатая щеголя Жан-Бара была предметом общих разговоров более, нежели его платье из серебряной парчи. Французское правительство раздало около этого времени своим солдатам табак, заставляя каждого иметь свою трубку и огниво. Этого еще мало: правительство вздумало, чтобы вместо выдачи по 6 унций хлеба на человека в день отпускать по 3 унции хлеба и 3 унции табака. Министр Лувуа во время войны голландской увеличил солдатам отпуск табака более противу хлеба на том основании, что табак отнимает аппетит. Распространившееся курение и нюхание навлекло на табак гонение. Медицинский факультет в Париже первый восстал против него. Людовик XIV дозволил произносить в церквах проклятия против курения и нюхания. Доктор его, знаменитый Фагон, утверждая повсюду о смертоносном действии табака на здоровье, до того забывался, что в жару красноречивых своих доводов беспрестанно нюхал. Папа Иннокентий торжественно проклял табачников в 1690 г. Папа Урбан VIII грозил нюхающим отлучением от церкви.

посла при французском дворе; herba St. Cruci от имени папского легата и др. В честь табака написана похвала в двух книгах и в стихах, см. Raph. Thori «Nemnus tabaci ed. Ultrajecti», 1644 г. и начинается:

Innocuos calices et amicam vatibus herbam,
 Vimque datam folio: et lacti miracula fumi
 Aggredior. Tuqui censu decoratus equestri,
 Virtutem titulis, titulos virtutibus ornas,
 Antiquum et Phaebi nato promitis honorem. etc. etc.

<Кубки невинные и траву – подругу пророков,
 Силу, данную листьям: чудо млечного дыма
 Я созерцаю. Ты же всадника украшаешь,
 Доблесть его и честь восполняя чином и званьем,
 Древнюю обещаешь славу рожденному Фебом>.

При всех похвалах, расточаемых табаку от излечения застарелых болезней, грудных и даже заразительных (см. любопытные средства, которые составлялись из табака против этих болезней, «De herba rapasea» – «Панацея из травы», – с. 20–58, ed Ultrajecti, 1644), однако в то же самое время Неандер (см. его «Tabacologia», с. 82 и след.) указал, что табак действует отравительно.

Английская королева Елизавета строго воспретила курение табака, а король Иаков I убеждал своих подданных оставить дурную привычку курить, говоря, что «эта привычка, отвратительная для глаз и обоняния, вредна для груди и опасна для мозга. Запах от курящего исходит заразительный и смертоносный, и кажется, что он исходит из ада». В Швейцарии стали наказывать курителей и нюхателей как за прелюбодеяние и убийство. В 1675 г. учреждена была там особая судебная палата для преследования и осуждения табачников. В Венгрии запрещено было в 1670 г. курить под взысканием денежной пени до 200 сер. Мусульмане преследовали с фанатизмом, между тем как ныне табак заменяет там нередко самую пищу. Султан Амурат IV водил табачников по улице с петлею на шее, выставлял отрубленные головы пред народом с трубкою во рту. Персидский шах Аббас жег курителей вместе с трубками и табаком.

Что же было причиною проклятий и гонений на табак? Нововведение, которое всякий раз пугает старое поколение; предрассудки и фанатизм, кои представляли курящего дьяволом, который, сидя в аду на огне, испускает изо рта дым – охает и ревет. Удивительно еще, как инквизиция, которая по малейшим доносам сжигала невинных на костре, терпела курение и нюхание табака – никого не сожгла и даже не преследовала.

В России весьма рано появился табак; не протекло полстолетия от первого ввоза в Европу, как англичане привезли его к нам в 1553 г. через архангельский порт: они привезли вместе с солью, вином и французской бумагою. Иоанн Грозный не воспрещал, а русские охотно меняли за табак свои товары. Ни правительство, ни духовенство не обращали на него внимания до царя Михаила Федоровича, при коем последовало гонение и жестокие наказания. Отсюда начинается ряд многочисленных указов – о воспрещении употреблять *зелие табачище*: «А кто русские люди и иноземцы табак учнут держати, или табаком учнут торговати, и тех людей, и торговцев, и купцов велено имати и присылати в новую четверть, и за то тем людям чинити наказанье большое, под смертною казнью, и дворы их,

и животы их имая, продавати». Табачников, или у кого находили табак, секли, пытали и наказывали смертью: «А которые стрельцы и гуляющие и всякие люди, с табаком будут в приводе дважды, или трижды, и тех людей пытать и неодинаково бить кнутом на козле или по торгам; а за многие приводы у такиховых людей пороти ноздри и носы резати»¹.

Нюхательный табак вошел в употребление под именем табачного порошка. Вероятно, нюхание не скоро бы распространилось, если бы не последовали запрещения и преследования. Запрещение последовало по суеверному преданию, принесенному в Россию некоторыми греческими монахами, что табак есть адское зелье и кто его употребляет, тот знаетса с нечистой силою. Есть даже книга под заглавием «Мир с Богом», в коей между прочим сказано, что употребляющий табак лишается благословения Божиего. Это растение там названо проклятым и богомерзким. Раскольники, следуя суеверным преданиям, поныне гнушаются табака и в подпору своего мнения приводят слова из Послания к евреям Апостола Павла, гл. XII, с. 15: «Да некий горести корень выспръ прозябаяй, пакость сотворит и тем осквернятся мнози». Пустосвяты не поняли, что Апостол говорит не о табаке, который в его время был неизвестен, но о горьком корне. Происхождение табака приписывают еще раскольники сверхъестественному действию: на могиле одной распутнейшей женщины, какая только была в мире, выросла чертова трава, табак, а потому все нюхающие и курящие суть товарищи распутнейшей женщины. По невежеству времени верили прежде всем бредням. Патриарх запретил нюхание табака, и это утверждено указом (в 1634 г.) и потом самим Уложением: кто будет нюхать табак, продавать или держать в своем доме, тех велено бить кнутом, рвать ноздри, резать носы и посылать в дальние города на поселение, – таким считали важным преступлением вложить в нос щепотку истертой травы. Петр Великий, истребляя суеверия и пустосвятство, позволил иностранцам ввозить табак вместе с чубуками, трубками, коробочками и другими вещами, принадлежащими к курению,

¹ Улож., гл. XXV, пом. в «Полн. соб. законов».

и все это продавать свободно. С того времени распространилось нюхание и курение. При императрице Елизавете запрещалось только нюхать в церквях, а в придворной церкви приказывалось лакеям и гайдукам, если увидят в руках табакерку, взять ее, несмотря ни на какую особу, ни на ценность вещи¹. Теперь нюхают табак в церквях – время изменяет мнения, но справедливо ли? Для нюхательного табака делают драгоценные табакерки, осыпаемые бриллиантами и с изображениями знаменитых государственных людей или владетельных особ.

Мы вполне разделяем мнение, что курение и нюхание табака имеет вредное влияние на здоровье, особенно на умственные способности. Рассмотрим. Табак принадлежит к породе вонючих трав и производит отравительное действие, подобно опиуму, красавице, дурману, белене и мандрагору. При приготовлении табака подвергают его многим изменениям, чтобы очистить от неприятного и едкого запаха. Работники лишаются аппетита, страдают головной болью, тошнотой, часто рвотою и беспрестанным чиханием, потому что при приготовлении поднимается тонкая, едкая пыль. Соседи фабрик страдают от нее. Лошади, употребляемые при верчении жерновов, кивают головами, задыхаются и одуряют<ся>². Упорные поборники табака скажут, что работники со временем привыкают к вредным испарениям и едкой пыли и что потом все оканчивается благополучно. Но это не значит еще, что они наслаждаются здоровьем; что удушливый запах не тяготит еще их; что сам зараженный воздух не действовал бы на мозговые органы. Нет ни одного яда, который, будучи принимаем в малых приемах, производил бы мгновенное поражение. Одно последствие оказывает губительное действие – точно так и табак. Степень едкости его очень значительная. По химическому разложению доказано, что табак содержит в себе большое количество белкового вещества, которое весьма ядовитое; зеленую камедь, начало древесное, уксусную кислоту, селитроокислую соль,

---

¹ *Болтин*. Примеч. на истор. Леклерка, ч. I, с. 476, 507–510; *Усл*. Оп. пов. о древ. русск., ч. I, с. 85. *Татищ.*, его «История».

² *Ramasini*. *Maladies des artisans*. trad. de Fourcroy, с 189.

окись железа, кремнезем и множество других веществ¹. При перегонке листьев табака отделяется масло, которое такую имеет остроту, что капля его, положенная на язык собаки, производит в ней судороги и наносит смерть. Табак, причисляемый к одуряющему свойству, причиняет сильное головокружение – до обмороков, опьянение, тошноту, рвоту и, наконец, повреждение зрения. Настойка, порошок, декохт и извлечение табачного сока действуют отравительным способом. В этом случае делали опыты над собаками, кроликами и кошками, и всякий раз оканчивалось для них смертью². Что же до повреждения зрения, то это подтвердилось и подтверждается многими несчастными свидетельствами. Из многих тысяч один мой знакомый, куривший более 25 лет, до того пристрастился к табаку, что он заменял ему часто пищу; но одно было его горе: ослабел глазами и даже со временем не стал хорошо видеть предметы. Принимали средства, чтобы помочь, и все было напрасным. Между тем никому не приходило в голову спросить: не ослабело ли зрение от сильного курения сигар? Сам больной-страдалец забыл об этом и только вспомнил, когда ему случилось пожить более полгода в степи, где не было ему возможности достать сигар. Это случайное лишение было его спасением. Он почувствовал, что зрение его несколько укрепилось, и когда вовсе бросил курить, тогда удостоверился, что всему зло табак и сигары. Теперь он не страдает глазами, но в них остались следы боли: дрожание глаз, тупозрение, слабость и поражение зрачков, которые часто приходят в содрогание от ярких цветов, сильного света и солнечных лучей.

Табачный дым портит вкус, наводит сон, притупляет чувства, затемняет память, расслабляет легкие, сушит грудь и возрождает сухотку. Вскрытием трупов удостоверено, что табачный дым наносит язвы в легкие и мозг, от этого неред-

¹ Annal. de Chim., т. LXXI, с. 139.

² *Orphila*. Loxologie generate, т. II, с. 246, I edition. За два столетия до Орфилы уже доказал отравительное действие табака Неандер, см. его сочин. «Tabacologia, edit. Ultrajecti», 1644 г., с. 89–139. Он рассказывает, что каннибалы намазывали стрелы свои соком табачным; что этим соком испытывали над животными – и всегда была следствием смерть.

ко случаются смертные апоплексические удары. Злодеи часто давали табачный яд для совершения своих преступлений. Так был отравлен знаменитый поэт Сантель, коему подали табак в вине¹. Одно семейство умерло, когда по злому умыслу положили в сосуд, в коем варился чернослив, несколько табаку². Было бы излишне приводить примеры многочисленные, одним словом, беспристрастные наблюдения врачей вполне подтверждают губительное действие табака, обнаруживаемое по смерти воспалением в желудке и кишках.

Нюхательный табак хотя не отравляет в такой степени, как курительный, однако он весьма вреден: лишает обоняния, вредит вкусу, производит раздражение в волосяных сосудах, образует носовое течение, умножает отделение слизи и причиняет частые насморки. От неумеренного нюхания приходит в воспаление мокротная перепонка, и она покрывается язвами, которые часто превращаются в рак. Если бы охотники нюхательного табака знали, что лицо скорее покрывается морщинами, губы иссушиваются, нос и верхняя губа пухнут и самая жизненная деятельность мертвеет, то, конечно, отказались бы от нюхания. Нет досаднее смотреть, как женщины предаются нюханию, особенно если видишь красавицу, окруженную роем поклонников и созданную для одних поцелуев. Буало хорошо выразился на этот счет:

Et fait à ses amants, trop faibles d'estomac,
Redouter ses baisers, plein d'ail et de tabac.

<И заставляет своего возлюбленного, слишком слабого желудком, опасаться ее поцелуев, пышущих чесноком и табаком>.

Нет неприятнее смотреть на пожилую женщину, когда ноздри ее покрыты табаком; но нет отвратительнее видеть старика, когда он поминутно набивает свой нос, пачкает вокруг себя и самого себя: свою одежду, свой рот и к довершению течет из носа по губам в рот, часто капает еще. Один этот гнус-

¹ *Merat. Diet. des sciences medic.*

² *Merat. Ephemerides d'Allemagne, 2 dec., arm. 8, obs. 106.*

ный вид не убеждает ли, что это происходит от расстроенных уже нервов, поэтому нюхать табак не вредно ли?

В повсеместном употреблении всякого рода табак, но сигары, вошедшие в употребление в начале XIX в., вытесняют курительный. Доселе щеголяют драгоценными табакерками, серебряно-пеньковыми и золочеными трубками, черешневыми, бисерными чубуками – длиною в два с половиной аршина, с бархатным подчубушником, усеянным золотыми и серебряными блестками, яхонтами, изумрудами, алмазами, жемчугом, аметистами, – и с янтарным пером. Есть такие охотники до курения, что скорее лишат себя пищи, нежели табака. Эта страсть господствует между молодыми людьми, расходующими почти все свое жалованье на один табак. Сигары курят с неменьшею страстью; в столицах пристрастились к ним даже извозчики и кучера.

Названий табака и сигар великое множество; простой табак, делаемый в Малороссии, Крыму и других частях юго-западной России, весьма крепкий и называется тютюн, махорка, корешок, венгерка. Почетный составляют: Жуковский, турецкий и вакштаб. Сигары и табак выделяются у нас и носят только иностранные названия. Из сигар лучшие суть: манильские, королевские, гаванские, с короной – коих сотня продается до 25 руб. сер. Замечательно, что продажа табака и водки сделались гораздо прибыльнее для торговли, нежели полезные произведения, особенно ума.

Разведение табака появилось первоначально в Малороссии, в бытность ее под игом Польши. Кроме Малороссии, табак шел к нам из разных концов пограничных мест, несмотря на строгие указы и наказания. В отдаленной Сибири уже занимались около 1690 г. засевом табачным. Петр I, запрещавший первоначально употребление табака, по возвращении своем из-за границы уничтожил преследование, и табак сделался свободным в продаже и употреблении с 1697 г. На табак, разводимый внутри государства, была наложена десятинная пошлина, доставлявшая казне $\frac{1}{10}$ часть произведений. Граф Пемброк в бытность государя в Голландии просил его

дозволения ввозить табак в Россию, предлагая за то значительную сумму, а лорд Кармартен возобновил это предложение в 1698 г. Кармартен обязался платить 200 000 ф. ст. за право ввоза табака и дал задаток 12 000 ф. ст. Это казалось государю выгодным, и на эти деньги он накопил в Лондоне разных припасов, редкостей, инструментов и нанял в службу русскую многих иностранцев: математика Фергера, инженера Перри, мастера Джона Дина и пр. Хотя большое количество денег, в коих нуждался царь, было с первого раза выгодным, однако сам договор не был выгоден, потому уполномоченные: генерал-адмирал Лефорт и военный кригс-комиссар Головкин ограничили ввоз на 7 лет, по 16 000 бочек ежегодно, в каждой по 500 ф. табаку. За две бочки, которые Кармартен обязался доставлять собственно в казну, дозволено ему привозить трубки, табакерки и прочие вещи табачные. Впоследствии и этот договор оказался невыгодным, потому что пошлина была слишком ничтожная в сравнении с тою, которую казна могла получить за провоз из других государств, потому договор соблюдался не строго, контрабанда производилась с дозволения правительства. По истечении семилетнего договора учреждена была торговля табаком с откупа.

Между тем разведение табака в Малороссии из американских семян обещало большие выгоды, и мануфактур-коллегия, получив листья малороссийского табака, объявила, что он далеко превосходит черкасский – в Черкасске также разводили его, потому государь употреблял все средства для поощрения этого промысла: выписывал семена и мастеров, строил мельницы по образцу голландскому: для крошения, толчения и витья.

Первая табачная фабрика заведена в Ахтырке (Харьковской губ.) около 1714 г., но со смертью царя она рушилась и до времен Екатерины II не было другой.

Доход с продажи табака был весьма незначителен. При императрице Елизавете купец Матвеев взял табак на откуп с 1 января 1749 г. с обязательством платить по 42 891 руб. 60 коп.; по окончании срока новый откупщик давал по 63 662; потом,

в 1753 г., откуп взял Санкт-Петербургский купец Гордылев за 70 000 руб. сроком на 6 лет, но последний откуп снят генерал-фельдмаршалом графом Шуваловым, по 70 000 руб. ежегодно, на 20 лет. Участие вельможи в делах торговли едва не истребило табачный промысел. Шувалов не заботился о том, чтобы сделать табак лучшим, и еще примешивал к нему посторонние вещества для придания тяжести. Русский табак не стали покупать не только иностранцы для вывоза за границу, но сами русские; цена на него так упала, что перестали заниматься разведением и довольствовались ввозом заграничным. С восшествием на престол Екатерины II уничтожен откуп в 1762 г. – и с этого времени началась новая эпоха табачной промышленности. Действительному статскому советнику Теплому поручено было (11 февр. 1763 г.) заняться усовершенствованием табака, и новые плантации начались в Малороссии. В Романах (Полтавской губ.) была учреждена главная контора; табак произрастал здесь самый лучший, славный поныне. Через несколько лет доброта русского табака доведена была до того, что фунт продавали по 2 руб. наравне с получаемым французским и что сами французы, предубежденные против нашего табака, остались довольными нашею выделкой. С 1763 г. было дозволено свободно торговать китайским табаком, называвшимся *мар*, поэтому составились две компании: одна в Петербурге, а другая в Ромнах. Для лучшей отделки выписывали мастеров из-за границы и посылали их в Ромны. В 1768 г. явилась в Петербурге первая табачная фабрика, и с того времени число этих фабрик возрастало значительно. Раздача земель в южном крае России (в 1803 г.) для разведения красильных и торговых растений принесла большую пользу табачной промышленности. Год от году появлялись новые плантации, и в течение пяти лет учетверилось число фабрик. До 1812 г. было шесть, а в 1816 г. уже 24. Крым, Кавказ, Бессарабия, Новороссийский край и Саратовская губ. покрылись ныне обширными посевами табака, который получали первоначально из одной Малороссии. Крым до 1820 г. получал чрезмерное количество из Турции, а теперь он из своих табачных заведений удовлетворяет не только свой

край, но снабжает с избытком соседние губернии. С основанием Императорского московского общества сельского хозяйства (в 1819 г.) табачная промышленность еще более усилилась. Сильное участие этого общества распространением познаний, раздачею лучших семян, наград и поощрений подняло в короткое время наше табаководство до весьма хорошего состояния и размножило фабрики: доказательством этого служит, что с 1840 г. продажа табака обложена акцизом. Если еще доселе привозится иностранный табак в листах, то он уже обдывается на наших фабриках, и есть надежда, что искусство возделывать и обрабатывать табак сравнится с голландским; что русский лист сравнится достоинством с иностранным и большое количество его, вывозимое из-за границы, без сомнения, значительно уменьшится¹.

Лучшие фабрики считаются в Петербурге: Жукова, Колобова, Тулинова, Головкина, Фалера и Гишара.

КАРТОФЕЛЬ

К числу полезнейших произведений должно причислить картофель. Родина его есть Перу, и здесь он называется *пapas*. Из Перу перевезли его в соседние страны Южной Америки. Спустя 50 лет после открытия Америки он был вывезен в Европу первоначально из Сантафе (Южной Америки) в Ирландию, 1565 г. Английский адмирал Франц Драке познакомил Виргинию с картофелем в 1585 г., а потом – Англию в 1586 г. Это обстоятельство заставило думать, что родина картофеля есть

---

¹ Привоз всего иностранного табака ценится на 3 943 663 руб.; всего более ввозится в Петербург: на 2 970 657 руб. Самое большое число фабрик в Москве, потом в Петербурге, но зато здесь производство втрое более против Москвы. В Московской губ. считается 42 фабрик, на них выделяется курительного до 24 800 пуд., нюхательного 10 248 пуд., сигар 496 пуд., всего на 950 127 руб. В Петербургской губ. выделяется курительного 43 773 пуд., нюхательного 6 585 пуд., сигар 5 000 ящ., всего на 3 266 875 руб. На петербургских фабриках обдывается большей частью русский табак. В прочих губерниях считается 36 фабрик. Число табачных и табакерочных фабрик значительно увеличивается: в 1812 г. было 6, в 1816 г. 24, в 1825 г. 35, в 1840 г. 103 – «Отеч. зап.», 1843 г., № 6. «Табач. пром. в России», с. 40–43.

Виргиния. Драке снабдил английского знаменитого ботаника Иона Горарда несколькими семенами шишек, которые он посадил в своем саду. Растение вскоре возшло, отцвело и принесло много зеленых семенных яблочек. Ботаник, принимая их за самый плод, сорвал и отведал; но, найдя неприятным, бросил с досадою и сказал: все мои труды пропали! Потом он принес несколько яблочек адмиралу Драке и сказал с насмешкой: «Это-то хваленый драгоценный плод из Америки!» Адмирал отвечал: «Если это растение негодное, то выдерни его сейчас вместе с корнем и истреби». Садовник, приводя в исполнение замечание адмирала, нашел, к удивлению своему, под каждым кустом много картофелин, какие он посадил весною. Между тем по приказанию адмирала сварили вырванные картофелины и дали отведать садовнику. «Нет! – сказал он с изумлением. – Такое драгоценное растение нельзя истребить».

В 1589 г. появился картофель у нидерландского ботаника Клузиуса, который развел его в Бургундии и Голландии, и здесь картофель сделался известным под именем *prodromus*. В Ирландии снова появился картофель, который был уже вывезен из Виргинии адмиралом Ралейгом (между 1616 и 1625 г.). В Париже подавали на королевском столе в 1616 г. как редкость. В Германии узнали в 1650 г. Но из многих известий видно, что картофель проник в разные места Германии в Тридцатилетнюю войну. Его разводили в садах. В Вюртемберг вывезен <в> 1710 г., в Саксонию <в> 1717 г. Сюда привез генерал-лейтенант Милькау как единственный трофей от пагубной Брабантской войны. В Пруссию доставлен <в> 1720 г.

Картофель хвалили многие, но боялись употреблять его: думали, что он для здоровья очень вреден. Его причисляли к роду *псиунка* (*solanum*), который почитали ядовитым, и полагали еще, что картофель причиняет одурь. Семилетняя война истребила этот предрассудок; тогда начали готовить его разными способами и к удивлению наши, что он ко многому способен и заменяет хлеб. Во всех периодических сочинениях стали объявлять, как делать из картофеля суп, клёцки, оладьи и другие кушанья. В семидесятых годах

прошлого столетия узнали важность картофеля, без коего погибла бы половина Германии от голода, и это было эпохой славы драгоценного плода. Предрассудки тогда уничтожились, и стали разводить картофель повсюду.

Туземное название картофеля – *nanas* – потеряло свое имя. В Виргинии проименовали его *операнк*, англичане – *potatoes*, французы – *pomme de terre*, итальянцы – *tartaffoli*, голландцы – *ardappeln*, но более всего пострадал папас в Германии. Здесь его прозвали *Grüblings* от находящихся ямочек на картофеле, *helianthus tuberosus*, *Erdapfel*, земляными яблоками; *Erdbirnen*, земляными грушами, по австрийскому наречию *Grundbirnen*, по швабскому *Grumbirnen*. Иные называли *Toffeln* <простаки>, *Toffelchen* <простачок>, *Urtoffeln* <пестик>, *Erduffeln* <земляной простец>, *Kartoffeln*, *Kartuffeln*. В некоторых странах называют еще *Knollen* <клубень> и *Rudeln* <масса>, и оба эти слова соединили в *Knollnudeln*. Многие называли *pataten* и *bataaten* <сладкий картофель>. Этим именем, собственно, называется в Индии растение колокольчик. Изю всех названий сделалось общим картофель, коего пород считается 46, из них 23 летнего, а 23 озимого. По происхождению суть: перуанский, американский, суринамский, английский, ирландский, доннерсборгский и гейсбергский. По внутреннему свойству: сухой, водяной, мучистый, тестоватый, крепкий, мягкий, беломясистый, беломясной с пурпуровым кругом, беломясной с красными пятнами, беломясной с синими пятнами. Самый лучший картофель – это сахарный, который не бывает величиною более греческого ореха, иногда с вишню, и только в мокрое время бывает величиною с куриное яйцо. Вкус его приятный миндальный. Его употребляют вместо каштанов: с капустою, сорочинским пшеном и в разных супах. За ним боредорфский, который величиною с яблочко; бывает с голубиное яйцо, пулю и орех. Потом весьма замечателен голландский, имеющий отличие сахарного.

Кроме питательного свойства, картофель с пользою действует против цынги. Мореходцы берут его с собою в дальний путь. Нигде не было столько предрассудков против картофеля, как в Германии, и теперь нет там ни одного места, ни одного

дома, где бы он не составлял пищу. Есть там целые области, которые более употребляют картофель, нежели хлеб. Между немцами варят с раннего утра картофель и им кормят детей и слугителей; с нетерпением ожидают, когда подастся лакомая пища, и не могут дождаться, когда еще созреет картофель!

Картофель весьма много поправляет землю, и нет ни одного плода, который делал бы ее столь рыхлою, так умножал бы глубину чернозема и хорошо приготавливал бы к последующему урожаю. Картофелем откармливают не только домашних животных и птицу, но даже рыбу. Из картофеля приготавливают: масло, сыр, крахмал, муку, крупу, сало, уксус, пиво, водку, патоку и сахар. Немецкие прачки употребляют картофельный состав вместо мыла; медники удачно лудят жечь. Из картофельной кожи можно делать бумагу, столь же прозрачную, как японцы делают для своих искусственных цветов. Семенные картофельные яблочки с великой выгодой употребляются у ткачей вместо клея¹.

Наши предки долго не знали картофель, и он перенесен в Россию в конце XVIII в. Это перуанское произведение удобно усвоилось с нашим климатом. Но простой народ не везде охотно употребляет в пищу, считая чертовым яблоком. Есть уезды в восточной части России, где крестьяне даже боятся садить его, думая навлечь на свои поля неблагоприятие Божие. Они уверены еще, что картофель предназначен для потребления одной нечистой силы; что картофель родится с головою и глазами, наподобие человека, а потому кто ест картофель, тот ест души человеческие. Старообрядцы утверждают, что картофель есть тот запрещенный плод, который вкусили первые два человека, поэтому кто ест его, тот не слушается Бога, нарушает Его святые заповеди и никогда не наследует Царствия Небесного. Были примеры, что правительственные меры не могли убедить земледельцев к разведению картофеля, и это-

---

¹ *Путш.* Описание картофеля, изд. С.-Петерб., 1821 г. in 4, с. 1–3, 7, 16, 13, 14–15, 27, 53, 126, 128 и 138–181, 182 и 183. Советуем домохозяевам записаться прекрасным сочинением Путша, который очень умно излагает разные породы картофеля, способы его разведения и употребления в хозяйстве.

му причиной раскольники и суеверы, поселившие в них отвращение и страх. Время – лучший учитель, и поэтому нет сомнения, что предубеждение к полезнейшему произведению, заменяющему хлеб, истребится само собою.

IV. НАРЯДЫ

ДРЕВНЕЙШАЯ ОДЕЖДА СЛАВЯН

Славяне прибалтийские, по свидетельству Тацита, не отличались одеждою от германских народов – они едва закрывали наготу свою. Славяне дунайские сражались еще в VI в. почти полунагие, прикрывая только нижнюю часть тела spodним платьем; шкуры зверей лесных и домашних согревали их в холодное время. Женщины носили длинные одежды, украшались бисером и металлами, отнятыми на войне или выменянными у иностранных купцов¹.

ДРЕВНЯЯ ОДЕЖДА РУССКИХ

Аравийский посол Ахмет, будучи у волжских болгар в начале X в., видел многих славян и описывает их наряд довольно грубым. «Мужчины, – пишет он, – не носят ни кафтанов, ни камзолов, но набрасывают на себя сбоку толстую одежду, оставляя другую руку всегда свободною». Они никогда не ходят без оружия; у каждого большой нож, меч и топор, и всякая женщина носит нож, а на шее цепи золотые и серебряные; главное же их украшение – зеленый бисер². При описании погребения одного из старшин он говорит, что покойник был одет в два spodних платья, сапоги, куртку, кафтан из золотой парчи с золотыми пуговицами и парчовую шапку, опушенную соболем.

¹ *Stritter. Mem. popul.*, т. II, с. 29.

² Этот посол был отправлен багдадским калифом Муктедиром к королю болгар в 922 г. – *Liber Fopians und anderer Uraber Berichte Über die Russen alterer Zeit*, СПб., 1823; перев. акад. Френем, с. 5.

Счастливые войны и торговые сношения русских с Константинополем и болгарами в продолжение двух столетий изменили образ жизни: поселили изобилие и роскошь. Великие князья, сановники и воины, ознакомившись с пышностью царьградской, стали носить длинные, широкие по восточному вкусу платья; от них перенимало все прочее сословие, потому все одежды наши были подражательные греческим. Нередко послы наши требовали от греческих императоров именем своих князей и царской одежды, и венца. Императоры отговаривались от них тем, что порфира и короны деланы руками ангелов и должны быть хранимы в Софийской церкви.

Женщины, одеваясь в длинные платья, убирали грудь монистами, ожерельями и золотыми цепями, пальцы кольцами и перстнями; волосы заплетали в косу, а головной наряд блистал жемчугом и золотом¹.

Богатые люди носили шелковое платье, драгоценные пояса и сафьянные сапоги². В XI и даже в XVI в. мы встреча-

¹ Египтяне почитаются изобретателями колец; они не носили их на пальцах, но на хребте ладони, почему делались широкими обручами. Евреи давно носили их. Моисей по возвращении из горы Синайской нашел золотого тельца, вылитого из колец, перстней и серег. Лакедемоняне, следуя ликурговым законам, носили железные. Римляне украшали пальцы статуи: Нумы Помпилия и Сервия Туллия. В Риме был обычай, что жених посылал невесте железное кольцо. Кай Марий первый надел золотое кольцо. Север дозволил простым воинам носить кольца, а Август – отпущенным на волю. После этого стали носить все без разбора, отчего Тиберий запретил особым законом. Карфагеняне награждали кольцами воинские заслуги, подобно нынешним крестам; впоследствии римляне стали отличать всадников и заслуженных воинов особыми кольцами. Евреи ввели обручальное кольцо, которое от них позаимствовано христианами для утверждения брачных союзов. Ожерелья и серьги ввели египтяне, от них же распространились по прочим частям света. – Diction/ des engines. Par., 1777.

² Mem. popul., т. II, с. 1008; т. III, с. 986 именует *ωγαυδία* род поясов; *Баер*. Com. acad., т. X, с. 410. – Карамзин пишет (История государства Российского, т. I, с. 246), что сафьяны употреблялись на одну обувь. Какую же? Историкограф объясняет впоследствии, что этой обувью были сапоги. В древности не одни мужчины, но и женщины носили их. Этому доказательством малороссиянки, которые доселе носят по праздникам из красного или желтого сафьяна. В будние дни надевают они смазанные сапоги, которые встречаются и между великороссиянками по деревням и городам.

ем сапоги с загнутыми кверху носами; подошвы подбивались гвоздями; голенища были до икр круглые. В XIV в. голенища шились под самые колена и здесь стягивали их ремнем и тесьмою. Знатные люди и великие князья носили по большей части голенища короткие, унизывали их золотыми и серебряными прошвами, галунами, жемчугом и камнями. Впрочем, таковая роскошь появилась, как кажется, не раньше XVI в., что увидим в своем месте.

Споднее платье называлось *портами* или *порты*; они шились из полотна¹.

Рубашки, называвшиеся *сорочками*, а по-славянски *срачицами*, шились из холста длинными до колен, с разрезным наперед воротом и подпоясывались шнурком поверх споднего платья. По завладении России татарами изменились многие наши одежды. Самые сорочки и споднее платье приняли другой покрой, и едва ли не тогда вошли в употребление штаны и шаровары. Сорочки и тогда шились не длиннее колен; ворот разрезали на левой стороне. Для украшения же делали на груди и спине подогыек, вышитый красными нитками и шелком. Под пазухою нашивали красные и синие ластовки, или ластовицы. Воротник и края рукавов вышивали красными нитками, шелком, серебром и золотом, смотря по состоянию и званию. Воротник застегивали металлической пуговицею. Споднее платье шилось весьма просторным: из холста, бумажной и шелковой материй и подвязывали на шнур под рубашкою; концы споднего платья засовывали в сапоги. Богатые и знатные носили шелковые и парчовые штаны, которые были холодные и теплые.

В. к. Святослав I, гроза восточной империи, ничем не отличался одеждою от простого ратника – тогда воины и мирные

---

¹ В некоторых случаях порты принимаются нашими летописцами за одежду без обозначения: верхняя ли это была, или нижняя? В. к. Ростислав велел после смерти дяди своего (1155) «снести пред ся порты и злато и серебро, и все, что ни есь». – Русск. лет. с Воскр. сп., т. II, с. 33, изд. 1793 г.

Можно полагать, что от *порты* произошло название *портной*. А порты? От толстого посконного холста, называемого в проспонародии *порт*, из коего они шьют споднее себе платье.

граждане одевались одинаково. Когда он увиделся с Иоанном Цимискием на берегу Дуная под Доростелем (Силистриею), тогда греки смотрели на него с изумлением. Император, окруженный облитыми в золото всадниками, сидел на коне, а Святослав в лодке – в простой белой одежде, с длинными усами, реденькой бородой и с клоком волос на голове; в ухе его висела золотая серьга, украшенная жемчужиной и рубинами¹.

Ношение серег между мужчинами было во всеобщем употреблении до начала XV в. В завещании в. к. Иоанна, отца Дмитрия Донского, видно, что он отказал сыновьям своим по жемчужной серьге². По известию иностранных писателей XVI и начала XVII в., они видели многих бояр, купцов и престолюдинов с серьгами. И ныне некоторые из простого сословия носят их.

БОРОДЫ

Должно думать, что киевские славяне издревле брили головы, оставляя на голове один клочок волос; но впоследствии, когда мы узнали греческие наряды, тогда стали ходить по-восточному: с длинными волосами на голове и длинной боро-

---

¹ Малороссийские казаки долго носили и теперь некоторые носят длинный клочок волос на голове, называемый *хохол*, а чумаки (извозчики, занимающиеся перевозкою тяжестей, соли и рыбы) носят *чуприны* – то же самое. Клок волос, выходя из тем<ени> головы, обвивался за правое ухо, и висевший его конец назывался *оселедцем* (сельдею), потому что он был похож на сельдь. Русские, насмехаясь над клоком волос, прозвали малороссиян хохлами, и это слово обратилось впоследствии в укорительное. Невежи под именем хохлов разумеют людей грубых и необразованных. Им простительно так думать, но случается слышать, что весьма образованные укоряют хохлом, и эти хохлы весьма благоразумно отвечают им: Пехай соби каже, на то у его язык щоб брехаты. Ношение чубов или хохлов было известно многим древним народам. Сам Тацит, живший в I в. по Р. Х., говорит, что у свевов был обычай закручивать и пучком связывать себе волосы; что самые старики носят страшный чуб и часто завязывают его на самой макушке (*horrentem capillum retro sequuntur ac saepe in ipso solo vertice religant* <приводящее в изумление сооружение из волос сзади, часто завязанных на самой макушке>). – *Tacit. German.*, гл. XXXVIII.

² Собр. госуд. грам. и догов., см. «Духовную грам. в. к. Иоанна», под 1356 г.

дою. Аравийский писатель X в. говорит, что русские не бреют бород¹. В «Русской Правде» определена денежная цена за повреждение бороды и зуба, именно 12 гривен. Гривна означала в то время полфунта серебра. Ношение бород было повсеместным у нас до начала XVIII в., с этих пор все дворянство стало брить, оставив их носить духовенству и простому народу. Староверы думают, что человек с бородою есть только образ и подобие Божие².

О древнейшем нашем одеянии можно сказать только то, что долгое платье считалось почетным и подпоясывали его кушаком, а короткое носило одно простое сословие, как это было во всей Европе до пол. XVII в.; то же самое было с бородами. Генрих IV, король французский, носил еще бороду и длинное платье; императоры германские любили одеваться в пестрые, разноцветно-длинные одежды и гордились бородой – и не ранее пол. XVII в. стали изменять древние обычаи. Об испанских государствах нечего упоминать, потому что они, познакомившись с правами аравитян, позаимствовали их одежду и образ жизни восточной. Колумб знаменитый и весь двор Изабеллы и Фердинанда-католика блистали одеждою шелковой и длиною. Еще Филипп II, Елизавета Английская, Кромвель и другие ходили в азиатских одеждах. Наружный блеск прежних времен составлял общий вкус одеяний.

СЕРЬГИ, ОЖЕРЕЛЬЕ, МОНИСТА, КОЛЬЦА И ПЕРСТНИ

Хотя серьги носили мужчины, однако ожерелья и мониста были собственно украшением женского пола; употреблялись же у нас с самых древних веков, со времен набегов наших предков на восточную империю. Впоследствии серьги, ожере-

---

¹ The oriental geography of Ebn Naukal., с. 191. – Евреям запрещено было брить бороды и остригать голову в кружок. – Лев 19 : 27. – Во время сегований остригали голову и бороду и сидели в храме с непокрытой головою. – Иер 30.

² Чулков. Абев<ега> русск<их> суеверий, см. под словом «борода».

ля и мониста образовали необходимую принадлежность наших красавиц и распространились между всеми сословиями: чем богаче были эти наряды, тем более выказывалась через них знатность рода. В старину судили о знатности по богатству, и ныне встречают по голове, а провожают по одежде. До XIII ст. носили, даже боярские жены, серебряные кольца¹; с этого же времени появляются уже гораздо чаще золотые и перстни с драгоценными камнями. При поработении нас татарами исчезла роскошь; однако великие князья и их двор носили заповедные кольца и перстни в том мнении, что они имели тайную силу противодействовать всякому яду и чародейству. Ханы Золотой Орды употребляли их с той же самой целью. Наши князья, отправляясь в Орду, запасались такими перстнями².

В века общего невежества верили в волшебное действие перстней, точно как в амулеты. Этим мнением был заражен сам Иоанн III, великий государь, – и великие часто платят дань предрассудкам. Хан крымский Менгли-гирей, друг Иоанна III, отправляя к нему однажды подарки, писал: «По-сылаю тебе перстень из рога качерденева, индийского одно-рога. Тайная сила этого перстня уничтожает яд в кушанье и всякое лихое зелие; носи на руке и помни мою дружбу»³. К чести России, у нас не носили ядовитых перстней и колец. В конце XVIII и начале XIX ст. господствовала страсть носить драгоценные перстни и кольца. Купечество и мещанство

---

¹ Воскресен. лет., ч. I, с. 69.

² Один из употреблявшихся перстней против чар и яду я имел случай видеть (1843) в Саратове. Он был найден на царских курганах – на месте бывшей столицы Золотой Орды: величина его с обыкновенный перстень, сделан из чистого арабского золота с камнем наверху и изломанной внизу пружинкою. На нем были видны следы изображения какого-то животного. Другой найденный перстень был также золотой, но без камня, и внизу находилась остроконечная шпилька. Оба они служили отравлением, что нередко случалось при Орде, где, угощая лицемерно, в то же время пожимали руку с злобной улыбкой и сжимали наполненную ядом пружину. Должно сказать, что этот обычай умерщвления изобретен в Италии, и тут он сильно господствовал до конца XVI в.

³ Карамзин. История государства Российского, т. VI, изд. 1817 г., прим. 534. «Дела крымские», хран. в Москов. государ. арх., с. 1029, 1030.

столичных городов щеголяет еще ими, но в благородном сословии почти вышло из обыкновения.

Серьги и мониста, изящное украшение женских прелестей, издавна были во всеобщем употреблении, и их было у нас в таком множестве, что во время государственных несчастий выкупали себя ценностью украшений.

Удельный князь Дорогобужский Владимир Мстиславич, осадив Галич, требовал от жителей серебра. «Если же не дадите, то подниму всех вас на щиты». Они, не зная откуда взять, сняли со своих ушей серьги, а с шей мониста, слили и принесли ему¹.

ЛАПТИ

Живя в простоте нравов, все довольствовались произведениями своей страны, которая в избытке снабжала наших предков дорогими мехами, полотном и шкурами для разных

¹ Русск. лет. с Воскр. сп., ч. 11, с. 8, изд. 1793 г. Мониста называются в Малороссии *намисто* и *краси*; то и другое носят девушки на шеях. Мониста очень сходны с латинским словом *monille*. В «Превращениях», гл. X, говорит Овидий: «...dat digitas gemmas, dat longa monilla collo» <даровались на пальцы перстни с драгоценными камнями, даровались длинные ожерелья на шею>. Надевать на пальцы перстни с драгоценными камнями, а на шею длинные мониста почиталось у римлян отличием. Перстни и кольца давались мужчинам за особенные подвиги – как нынешние орденские знаки. Времена изменяют понятие об отличиях. – О римских отличиях см.: Thesaurus eruditionis scholastica, Frankf., ed. 1652. De omnibus mulierum ornamentis eruditam indicationem, Andr. Tiraquelli, in expositione: «Legum connubialium». <Хранилище познаний о риторике, изд. Франкф. в 1652 г. Об искусстве ношения всяческих женских украшений в изложении Андр. Тираквелли «Брачные права»> Серьги носили с незапамятных времен оба пола. Египтяне, евреи и все восточные народы делали золотые, серебряные и из драгоценных камней. Греки и римляне украшали еще жемчугом и алмазами. Девы и мальчики носили по одной серьге, а мужчины и женщины по две. У индийцев мужчины и женщины делали уши нарочно длинными и привешивали широкие дощечки, усыпанные драгоценностями. Калькутские царицы и придворные дамы тщеславились ушами, висевшими на грудях и униженными бисером, – это почиталось особой красотой. Европейские дамы не доходили до этой утонченности. Но кто знает будущее? Многие восточные обычаи начинают возобновляться, недалеко примеры: длинные женские платья, тянущиеся по земле.

одежд; но, однако, простой народ предпочитал сапогам лапти по чрезвычайно легкой работе и изобилию материала. Древность их превышает введение сапог. Владимир I, заставив болгар своими победами платить ему дань, возвратился в Киев со многими пленниками (985). Добрыня, осмотрев приведенных, которые были в сапогах, сказал князю: «Сим дани нам не давати, но пойдём искать лапотников»¹. Им не быть нашими данниками, потому что такие люди, доказывая свой избыток, имеют более средств к защищению себя. Лапотники, о коих говорит Добрыня, суть племена северо-восточной России, где народ был беднее².

¹ *Нест.* по Кенигсб. сп., ст. 73.

² Наши лапти весьма похожи на римские *спарган* и греческие *карватины*. Те и другие плелись из прозябаемого вещества. Образец таковых лаптей найден в геркуланских развалинах. Плиний говорит, что растение *спарган* (*sparganium*) употреблялось для плетения башмаков, которые от самого растения получили название спарган и спаргам. — *Guthrie. Sur les antiq. de Russ.*, с. III. — От чего произошло название лаптей, кои те же спарган? Неизвестно. Все знают, что лапти — обыкновенная обувь наших поселян, потому что она самая дешевая. Их плетут из липовых лык не только взрослые, но и дети; носят довольно долго и выгодны для земледельческих работ, потому что если рвутся скоро, то потеря нечувствительная; новые делают с чрезвычайной скоростью: по несколько пар в день. Многие доказывают грубость нашего народа тем, что он носит лапти? Поселянин, занятый работами, может ли думать об убранных? Мужик, неусыпной работающий в поле, среди снегов и дождей, в состоянии ли запастись таким количеством сапог, как лаптями? Что ему стоит одна пара сапог, которые он изобьет в короткое время на полевых занятиях; то верно не стоят полсотни лаптей, коих не сносить в четыре или пять лет. Женщины и девушки деревенские не стыдятся носить лапти, следуя благоразумному правилу: чужим умом не будешь умен. Они трудятся, не засыпают ночей от работы и думают не о приличии: носить ли им лапти или нет? — но о том, как бы им покончить скорей работу. Во время трудов все сельское живет посельски; в праздники же надевают мужчины сапоги, а женский пол башмаки. В этом ли грубость наших добрых и трудолюбивых поселян. Некоторые из наших соотечественников, поклонников чужеземщины, удивятся, если я им скажу, что я сам видел в Германии и даже в столичных ее городах, что мужчины, женщины и девушки носят деревянные башмаки: мягче ли это для их ног? В Берлине многие порядочные семейства для сбережения башмаков и сапог носят в комнате деревянные башмаки. Что доказывает это? Грубость или образованность? А наш мужик не знает этой мучительной обуви. Одежда его простая и теплая, обувь дешевая и удобная, весьма естественная с образом его жизни и занятиями постоянными.

Мужик надевает свои лапти на обернутую им онучь или портянку и обматывает потом лыком, веревочкой или ремнями¹.

ОДЕЖДА XI ВЕКА

Памятником одежд XI в. может служить рисунок черниговского князя Святослава с его семейством².

Изображение одежды сына его Глеба изглажено временем; все княжеское семейство представлено в рост. Олег в высокой синей шапке, наподобие колпака, с палевой опушкой; на шее золотой парчи платок с развевающимися концами на груди; кафтан багряный, обложен алою бахромой; подпоясан золотым поясом и в желтых сапогах. Давид и Ро-

¹ Особой торговли лаптями нигде не существует. На Нижегородскую ярмарку привозят по несколько тысяч. Тут покупается сотня около 2 руб. сер., а продается по 3 коп. сер. В Кинешемском уезде Костромской губернии есть казенное село Семеновское, которое с окружающими его деревнями преимущественно занимается выделкою лаптей. Они во множестве вывозятся на тамошние базары, почему и самое это село известно в народе под именем Лапотного. Здесь и в помещицьем селении Молвитине на каждый зимний базар доставляется до 100 000 пар лаптей. Продающиеся в Молвитине считаются самыми лучшими. Женский лапоть отличается от мужского тем, что он делается поменьше. Посредственный работник может изготовлять в день пять пар. Их плетут следующим образом: начинив лыко, делают заплетку, потом надевают лапоть на колодку, оправляют и ковыряют. – См. Журн. Мин. госуд. имущ. за 1841 г. № 3, статья *Келлена* «О мочальном промысле», с. 25. Тверской помещик г. Эгерштром нашел способ делать лапти: соломенные, из болотной травы осоки (*согех uliginosa*) или явора, камышовые и моховые, подковыренные пеньковыми бечевками. Опыт подтвердил удобство и дешевизну этих лаптей, и многие помещики высылали мальчиков к г. Эгерштрому для обучения. Барон Боде предлагал ввести в употребление вместо лыковых пеньковые лапти, а г. Колычев советовал делать из льняного изгребья. – см.: «Землед. газ.», 1838 г., с. 105, 585, 784; 1839 г., с. 448; «Землед. жур.», 1838 г., № 5, 1839 г., № 4, с. 135; «Землед. газ.», 1839 г., с. 81; «Землед. жур.», 1839 г., № 3, с. 486.

² Этот рисунок находится в сборнике Иоанна-дьяка, который собственноручно писал в 1073 г. для черн. кн. Святослава в л. на перг. в два столбца уставом. Изображения рисованы красками, с позолотой; над головами сыновей, супруги и князя позолоченные имена: Глеб, Олег, Давыд, Роман, Ярослав, княгиня, Святослав. Вверху золотая надпись: «Желания сердца моего, Господи, не приими ны вся и помилуй ны». Снимок этого сборника хранится в Румянцевском музее, а подлинник – в Императорской библиотеке.

ман одинаково одеты, только в алых кафтанах. Княгиня в синей высокой шапке, с алым покрывалом; платье красное с золотою бахромой, подпоясано золотым поясом; на рукаве золотое ожерелье, башмаки малиновые, крытые золотом. Она держит за руку юного Ярослава, который представлен в багряном кафтане с золотой бахромой; подпоясан золотым кушаком с бантом, сапоги красные. Кн. Святослав, с усами и бородой, стоит в круглой низенькой желтого цвета шапке с красной опушкой и в синих сапогах; кафтан на нем синий с красною бахромой, поверх кафтана золотая княжеская мантия; в руках его книга, окованная золотом и покрытая малиновым бархатом.

Вся роскошь одежды, как мы видим из этого рисунка, состоит в блеске золота и разноцветной парчи¹.

Великие князья имели частые сношения с Византиею, получали отсюда богатые ткани и узорья; а купцы, производя значительную торговлю с Грецией, вывозили их для богатых и вельмож. Великие князья и бояре отличались пышностью одежд, а заслуженные бояре отличались еще от незаслуженных ношением на груди золотой цепи с золотой гривною. Впоследствии времени тысяцкие новгородские носили золотую цепь на шее – в ознаменование их власти. Великие князья и удельные, цари и патриархи носили на золотых цепях кресты и панагии, осыпанные драгоценными камнями и жемчугом.

Простой народ одевался в толстые одежды: мужчины в *зипуны*, а женщины в *поневы* – это самое древнее одеяние. Мантия называлась в древности *корзнем*, *коцем* и *кочем*. Вероятно, и мантия Святослава была тоже корзно, т. е. верхняя одежда. Кн. Владимир, желая защитить Игоря от убийства

¹ В историческом описании одежд и вооружений российских войск, составленном г. Висковатым, ч. 1, с. 7, сказано, что черниговский кн. Святослав одет в зеленоватое платье вроде подризника с красною по подолу обшивкою, с длинными рукавами и с золотыми зарукавьями; сверху накинута плащ синего цвета, застегнутый на правом плече золотыми петлицами и с красною застежкою или запоном, имеющий красную подкладку и обшитый золотым гасом.

киевлян, соскочил с лошади и покрыл его корзнем¹. В. к. Андрей Боголюбский, женатый на дочери боярина Кучки, был убит приверженцами Кучки, и тело его бросили в огород. Киевлянин Козьма, усердный слуга несчастного государя, стоял над трупом и плакал и потом отнес в церковь, положил в притворе и прикрыл *корзнем*². Черниговский князь Михаил, прибыв в стан Батыея, не хотел поклониться священному огню и кумирам. Ему объявили, что должно исполнить ханскую волю или умереть. «Для вас не погублю своей души», – сказал он, снял с себя *коч* и бросил убийцам. «Возьмите славу этого мира, кочу небесный»³. В. к. Иоанн Калита в завещании своем отказал сыну Симеону, между прочими одеждами, *коч* с бармами⁴. Это доказывает, что корзно, *коч* или *коц* была великокняжеская одежда. Со времен Владимира I или с конца X по XIII в. великокняжеская одежда хранилась в Софийском соборе в Киеве и во храме Божией матери во Владимире на Клязьме. Половцы, опустошив Киев (в 1201 г. 4 янв.), не оставили в церквях ни одного сосуда, ни иконы и похитили драгоценные одежды наших князей, которые вешались во храме на память потомству. Татары, взяв Владимир (в 1238 г.), ворвались в святой храм, сняли все украшения с икон, книг и унесли древние одежды.

Корзно обратилось впоследствии времени в *приволеку*, т. е. короткий плащ, который носили князья, бояре и дворяне до Петра I⁵.

¹ Летоп. Нестора, с. 96 и 204.

² Киевск. летоп. – «Андрей Боголюбский умерщвлен в 1174 г. – И тако положив его в притворе у божницы, и прикрыв его *корзном*, и лежа ту дни и ночь».

³ Воскрес. лет., ч. 11, с. 223. «Съимя с себе *коч* свой». В других летописях употребляется *коц*: «и връже к ним *коц*». <...>

⁴ Собр. госуд. грам. и догов., ч. I, с. 32.

⁵ В сказании о Мамаевом побоище говорится: когда в. к. Дмитрий осматривал свое войско в поле, «утвердив же полки русские и паки приде под свое черное знамение и сниде с коня на иный конь, совлагая с себя *приволеку* царскую и во иную облечеса». В «Древ. рос. вивл.», ч. 8, с. 113, сказано, что при встрече грузинского царя Теймураза стольники и комнатные стольники, стряпчие и московские дворяне были одеты в *приволеку*.

ПОЯСА И КУШАКИ И ВОЙНА ЗА ПОЯС

Пояса золотые, усыпанные камнями, украшали мужской убор и с тем вместе обнаруживали расточительность. Они никогда не складывались, а надевались гладко и ровно. Были пояса шелковые и плетенные золотом с серебром; бархатные и кожаные: их усаживали золотыми и серебряными бляхами, жемчугом и камнями; при поясе висели капторги (застежки), тузлуки и калиты.

За один из поясов возгорелась война. Князья Василий Косой и Дмитрий Шемяка пировали однажды на свадьбе у родного своего дяди, в. к. Василия (в 1433 г.); все были веселы и все изумлялись драгоценному поясу Василия Косого. Между тем наместник ростовский, Петр Константинович, узнал пояс и сказал о том Софии, матери в. к. Василия, которая, обрадовавшись своей находке и забыв пристойность, сняла пояс с Косого. Произошла ссора. Косой и Шемяка оставили дворец с гневом, отправились в Галич, собрали войско и начали неприятельские действия. Этот золотой пояс с цепями, осыпанный драгоценными камнями, первоначально был подарен кн. Суздальским, Дмитрием Константиновичем, нареченному его зятю, кн. Дмитрию, впоследствии Донскому; тысяцкий Василий во время свадьбы этого князя (1367 г.) тайно обменял его на другой, гораздо меньшей цены, и отдал сыну своему Николаю, женившемуся на Марии, старшей дочери князя Суздальского. Переходя из рук в руки, этот пояс достался Василию Косому.

Кушаки складывались в несколько раз: они были шерстяные, шелковые, а иногда переплетались золотом и серебром. Концы кушака висели впереди. За поясами и кушаками висели, по азиатскому обычаю, кинжалы и ножи¹.

НАРЯД В XIII ВЕКЕ

Почти такой же наряд был в XIII в., но здесь встречаем гораздо более описаний о женском одеянии и их уборе. За-

¹ Собр. государ. гр. и догов., ч. I, с. 32.

мужние носили, по словам Карпиния, длинные и широкие платья без застежек наперед; голову покрывали кокошником, придававшим величественность всякой женщине. Девушки лелеяли этот убор, возвышавший их прелесть. Низ кокошника был узкий и оканчивался сверху широким четверугольником, который обводили серебряным или золотым прутиком; весь кокошник обшивали багряной или темно-красной материей. Девушки и молодые женщины из простого сословия одевались совершенно как мужчины, и никто из посторонних, кроме родных, не мог различить их. Оба пола в молодом возрасте носили длинные красные и алые платья, опоясываясь повыше живота одной лентой с левой стороны и тремя с правой, оставляя левый бок открытым. Девушки носили косы до пядей¹.

Рубриквис, другой путешественник того же столетия, рассказывает, что женский пол делал на платьях опушку снизу полы до колена из разных мехов и горностаев. Мужчины носили епанчи, подобно немецким; головы покрывали высокими остроконечными шапками, которые делались из войлока². Рубриквис, говоря о головном наряде женщин, не находит никакого различия в одежде нашей между западными народами, потому что по всей Европе было тогда однообразное платье.

ОТЗЫВЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ О НАРУЖНОСТИ РУССКИХ

Путешественник конца XV в. Контарени хвалит мужчин и женщин. «Они, – говорит он, – весьма красивые»³.

Павел Иовий, писавший в начале XVI в., так отзывался: «Русские вообще среднего роста, статные и как бы чет-

---

¹ Voyage de Carpine en Tartar., 1246 г., помещ. в собр. Бержер., ч. I, с. 28–29, изд. 1735 г.

² Voyage de Rubriquis en Tartar., пом. в собр. Берж., с. 29, изд. 1735. Описанные им войлоковые шапки, вероятно, те самые, какие носят белорусы.

³ Voyage de Contareni, с. 53.

вероугольные, но мускуловатые»¹; «глаза у всех голубые. Нежные шеи женского пола обвиваются самыми тончайшими соболями»².

Олеарий пишет, что русские во всем похожи на немцев, отличаются же от них одной дородностью и крепостью. Бояре весьма спесивые; ходят с большими отвислыми брюхами, означающими важность и знаменитость. Женский пол по большей части стройный, лица их нежные и белые, груди небольшие, но правильные; глаза черные, руки полные и мягкие, пальцы небольшие, но всю свою очаровательность уродуют окрашиванием лица, рук и шеи белою, голубую, красною и черною красками, особенно когда идут в гости или в церковь³.

Маерберг говорит: «Женщины среднего роста, по большей части весьма хорошенькие и сложены правильно, но лица свои, от природы румяные, портят натираниями белил, думая, что без них они некрасивые»⁴.

Меч пишет, что мужчины и женщины носят весьма длинные волосы. После смерти матери дочери срезают с головы покойницы пучок волос и заплетают их в свою косу⁵. Корб говорит, что женщины вообще статные и хорошие, но губы их прелесть; красоту свою безобразят румянами⁶.

¹ Sed quadrata statura et valde torosa. <Но четырехугольный стан и очень мускулистый>.

² Paul. Jovii. Leg. Moscov.

³ Olear. Offt beehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise, с. 137, изд. 1647 г., Petrejus. Historien und Berichte von dem Grossfürstenthumb Muschcow, с. 595.

⁴ Маерб. Voyage en Mosc., с. 149, изд. Leid. – Mach. A relat. of three embassies of Carlisle, с. 39. – О волосах царя Алексея Михайловича он пишет: «...though his hair was so short, that one of our company took occasion to say, he wondored so great a Monarch should want hair to cover his ears» <однако же его волосы были столь коротки, что один из нашей компании воспользовался случаем, чтобы сказать, что ему хотелось бы знать, испытывает ли столь великий монарх необходимость в том, чтобы волосы закрывали его уши>.

⁵ Mach. A relat. of three embas., и т. д.

⁶ Korb. Diar. itiner. in Moscov., edit. Vien., in f., с. 208.

НАРЯДЫ НАЧАЛА XVI ВЕКА

Барон Герберштейн, посол императора Германского Максимилиана, бывший у нас в начале XVI века два раза, есть один из лучших и верных наблюдателей наших нравов того времени. Между многими любопытными сведениями он сохранил в точности названия носимых тогда одежд, а именно: терлика, однорядки, охабня, фerezеи <или фerezи>, кунтуша, доломана и кафтана. Эти одежды давно употреблялись у нас, но мы доселе нигде не встречали им описания. *Терлик* было верхнее широкое платье с рукавами, но без воротника. *Однорядка* – верхнее платье без воротника: длинное, широкое и с опушкой; охабень совершенно похож на однорядку, только что с воротником; *фerezея* – длинное платье с пуговицами сверху донизу. Если делали фerezею с нашивками, то она называлась *кунтушом* и пуговицы ставили на нем до пояса. *Доломаны* и *кафтаны* были короткие платья с пуговицами и прорезами на боках: полукафтаны делались с козырем. Головы накрывали колпаками, которые у дворян были остроконечные и делались из шерсти¹. Все подпоясывались пониже живота, отчего всегда висело брюхо, как у итальянцев, испанцев и немцев. Сапоги почти у всех были из красной кожи. Поверх платья набрасывали еще *епанчу* с капюшоном². Другой иностранец пол. XVI века говорит, что одежды наши во всем сходны с венгерскими, исключая шапки, которые решительно белые³. Такие одежды носили бояре, дворяне и купцы. Богатый отец пере-

¹ Герберштейн ясно говорит о колпаке и ни слова о шапке: *colpack dextra tenentem*.

² *Herber. Rer. Moscov. com.*, с. 49 и 55 и д., edit. Antver., 1557 г.; Alex. Guagnianus тоже говорит, что носили колпаки, называя их «*pileolum*» «круглыми шапочками», см.: «*De Relig. Moscovit. omnium que Ruthenorum*», в ст. «*In tractata de Sarmatia*», с. 228, пом. в собр. «*De Russor. Moscov. Tartar. ritus*», edit. Spir. 1582 г.; *Meletii. De Russor. relig. et ritib.*, edit. 1581 г.

³ *Tiepolo. Relazione di Moscovia, 1560 an. in tutto simile a quelli degli Ungari fuor che nei capelli que da titti si usano bianchie puntali* <*Тьеполо*. Доклад о Московии, 1560 г.: «Во всем похожие на тех венгров, только не волосами, которые у всех принято белить до корней». Это известие рукописное хранится в Румянцевском музее, списано в Риме из библиотек Барберини.

давал свое платье сыну и в праздник давал ему надевать свое. Тогда для всех шили одинаково, и потому, что было прилично матери, то шло и дочери. Рубашки носили разноцветные, воротники были вышитые и с серебряной пуговицею; сапоги из цветного сафьяна, более красные, с железными подковами; волосы остригали в кружок¹. По свидетельству Гванина, строго было запрещено царским указом во второй половине XVI века, чтобы люди без состояния не одевались в пышные одежды. Этим доказывается, что роскошь давно была знакома нашим предкам; что недостаточные часто жертвовали последним из своего имущества для того только, чтобы своим блеском дать почувствовать гордым боярам, что они имеют равное право на уважение народа, преклонявшегося пред дорогими одеждами первостепенных сановников. Общее было тогда мнение, что эти сановники, рожденные в знатности и воспитанные в неге, имели неоспоримое право на почтение, но народ, узнав впоследствии, что уважение приобретается делами, стал их чтить по заслугам. Когда встречали бедного, но пышно одетого, тогда останавливали его и говорили ему с укором: «Ты нарядился паном! Верно, собрался бежать в Литву. Изменник! Откуда ты взял эту одежду? не продал ли себя ляхам?» Так думали тогда, и часто не без причины. Литовские князья, враждуя беспрестанно с Россиею, сыпали золото вероломным, которые, служа орудием для их умыслов, жили богато, роскошно и ходили в блестящих одеждах. Часто видели в этих одеждах бедных людей, почему считали их за изменников.

Одежды: терлик, ферезея, кафтан и колпак – позаимствованы нами частью от востока, а частью из Литвы; доломан и кунтуш собственно венгерские и перешли к нам из Польши.

Тогда же носили *кожухи* и *шубы*, о коих хотя не говорит Герберштейн, однако они весьма старинные одежды и суть русские. Кожухи (от слова кожа, мех) и шубы подбивались дорогими мехами; шубы преимущественно делались из лисьего меха. Употреблялись также бостроги (татарские шубы),

¹ Herber. Rer Moscov. com., с. 36–40 и 56, edit. 1557 г.

крытые цветной материей. Простой народ носил полушубки из бараньих и овечьих мехов, которые доселе во всеобщем между ними употреблении¹.

Мы имеем другие сведения о старинной нашей одежде, которым во многом противоречат сказания очевидца Герберштейна. Жаль, что сочинитель не указал источников: откуда он почерпнул любопытные известия о кафтане, фerezее, однорядке, русской и турецкой шубах, терлике, турецком кафтане, становом кафтане, зипуне, платне, опашене и кожухе. Мы не могли оставить без внимания эти известия, если бы не видели большого разногласия с описанием Герберштейна и не желали бы другим доставить случай поверить, тем более что в наших летописях нет пояснения этим одеждам, кроме названий. Кто имел случай видеть древнейшие рисунки наших одежд, тот, конечно, знает, что других нет источников. Сочинитель² видел самые древние одежды, но трудно предположить, чтобы они уцелели с глубокой древности. Самое военное платье, которое с недавнего времени стало храниться в Москве в Арсенале и Оружейной палате, шилось уже по образу старинному, когда оно портилось.

Вот занимательное описание. Кафтан было узкое платье, с рукавами узкими, длинными и со сборами. Длина его не заходила далее колен; воротник делался высокий и стоячий, закрывавший весь затылок, и назывался козырем. Кафтан шился из легкой и тонкой материи, редко из сукна; полы обивали золотым и серебряным галуном и цветной материей. Наперед

---

¹ Наш народ так привык к нагольным тулупам, что он не желает иметь лучших, потому что они хорошо греют. По этому предмету сохранилась народная поговорка:

Не ради красоты,
А ради теплоты
Овчинную шубу носим,
И лучшей не просим.

² Г. Висковатов. Историческое описание одежды и вооружения русских войск», ч. I, с. 14–20, СПб., 1841 г. Это прекрасное сочинение украшено богатейшими рисунками, каковых еще не бывало при издании наших книг. Описание одежд и вооружений составлено по высочайшему повелению.

застегивался петлями на пуговицах, с длинными кисточками; у запястий связывались рукава тесьмянными, металлическими и ременными зарукавьями. Богатые украшали жемчугом и камнями. Козырь, или стоячий воротник, предмет щегольства и роскоши, делался атласный, бархатный и парчовый: он вышивался серебром, золотом, жемчугом и драгоценными камнями. Выражение, употребляемое доселе: *он ходит козырем, он смотрит козырем*, – означает чванного и тщеславного блеском своей одежды. Из дома не выходили в кафтане, а надевали на него ферезь: длинное платье, почти до лодыжек, с таковыми же длинными рукавами без перехвата и воротника; она застегивалась наперед длинными петлицами с пуговицами; шилась из бумажных материй, сукна, бархата и парчи. Простолюдины надевали ферезь на рубашку и предпочитали белый и синий цвета. На ферезь надевали охабень или охобень: это длинное платье до самых пят, но гораздо шире, с прорехами под рукавами и с откидным четверугольным воротником, который висел почти до половины спины, иногда ниже, и вышивался подобно козырю. Охабни шились из обьяри, атласа и бархата. Однорядки во всем похожи на охабень; были без воротника и шились из сукна, каразеи и других шерстяных материй. В зимнее время носили русские и турецкие шубы на разном меху; их покрывали сукном, камкою, атласом, бархатом и парчою. Русские шубы были похожи на охабень, он с рукавами и отложным меховым воротником. Наперед застегивались пуговицами или завязывались шнурами с длинными висячими кистями. Турецкие шубы имели покрой русский, но широкие и длинные рукава до кистей рук. Иные делали двойные рукава: одни надевались на руки, а другие закидывались сзади для украшения.

Одежды: терлик, турецкий кафтан, становой кафтан, зипун, платно, опашень и кожух – исключительно употреблялись при дворе. Терлик во всем похож на ферезь, но был с перехватом; наперед делались короткие петли; от шеи вдоль обеих пол по подолу и рукавам обшивали серебряным и золотым гасом, унизывали жемчугом и камнями. Рукава шили короче ферези и без сборок. Турецкий кафтан – длинное платье без во-

ротника и петель; правую полу закидывали за левую, застегивали у шеи и на левом боку. Становой кафтан был во всем подобен турецкому, с широкими и недлинными рукавами; сверху застегивали запонкой и полы забирали за полы, шили преимущественно из шелковых материй. Его носили государи поверх зипуна. Такого покроя кафтаны доселе носят купцы с тою разницею, что рукава у них в обхват. Зипун – то же, что кафтан, но с короткими петлями и без козыря. Зипуны подбивались мехом и украшались стоячим ожерельем вокруг шеи, осыпанным жемчугом и камнями. Платно во многом сходствовало с фезью; оно имело короткие рукава и застегивалось короткими петлями; надевали на становой кафтан и носили одни государи, потому шили только из бархата и парчи; вокруг унизывали кружевами из жемчуга и дорогих камней. Опашень, похожий на платно, шился с короткими рукавами. Кожух был то же, что опашень, но подбивался мехом. Становой кафтан, платно, опашень и кожух носили государи и царевичи. Кафтан, зипун и кафтан турецкий подпоясывались кушаками и поясами. Вообще старинные наши одежды имели внизу боковых пол прорези, которые застегивались петлицами.

В старинных наших бумагах встречаются еще названия одежд: *бугай*, *портище*, *ментеня* и *чюга*, и, как видно из некоторых известий, они были дорогие, носились великими князьями и знатными боярами. Бугай подбивался собольим или другим дорогим мехом и имел наплечники, усаженные жемчугом и камнями. Портище, вероятно, носили на плечах, ибо было с бармами, и шили из дорогой материи. Ментеня, верхняя одежда, шилась из бархата и атласа, подбивалась мехом и унизывалась жемчужными кружевами. Чюга шилась из камки, бархата и сукна; подбивалась тафтою и опушку имела атласную или подбивалась соболями и другими мехами; впереди застегивалась на пуговицах; пуговицы были золоченые, петли серебряные, а концы петель затканы золотом¹.

---

¹ О бугае и портище см. Собр. госуд. гр. и дог., ч. 1, с. 34, под 1328 г.; о ментене – Собр. госуд. гр. и догов., ч. 1, с. 417, о чюге – г. Вискват. Истор. описание одежд и вооружений, ч. 1, прим. 43.

РУКАВИЦЫ

Люди всех сословий носили рукавицы, и, смотря по состоянию, они были кожаные, суконные и бархатные, с серебряными и золотыми узорами; делались, однако, холодные, теплые и перчатые. Должно думать, что от последних произошло название перчаток. Рукавицы крестьянские были такой же формы, как нынешние, и так же тисненные по краям. Для зажиточных же купцов, дворян, бояр и великих князей они шились из сукна и бархата, подбивались мехом с собольей опушкой; рукавицы перчатые были атласные, суконные, оленьи, лосиные и вязанные из шелка. Их иногда подбивали мехами и атласом; при них носили дорогие запястья, низанные жемчугом и шитые волоченым золотом с шелками; по краям нашивалась бахрома. Нет сомнения, что женский пол носил щегольские рукавицы и перчатые рукавицы.

Не только драгоценные украшения, золотые и серебряные сосуды, но и одежды завещали великие князья своим детям. В. к. Иоанн Калита пишет в духовной: «Из одежд моих назначаю Симеону червленую шубу с жемчугом и шапку золотую; Ивану обьяринную шубу с жемчугом и коц великий с бармами; Андрею бугай соболый (шубу) с наплечниками; Марии и Феодосьи два кожуха с аламы (наплечники с застежками), унизанные жемчугом»¹.

ИЗВЕСТИЯ О НАРЯДАХ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

По известию англичанина Турбевиля, половины XVI века, русские носили весьма длинные рубашки с отложными воротниками, которые у богатых унизывались жемчугом, а рукава обшивались шелком. Поверх споднего платья надевали полукафтан², а на него однорядку. Одна пара льняно-

---

¹ Собр. госуд. грам. и догов., т. 1, с. 31, писано завещание в 1318 или 1331 г.

² A garment jacket <камзол>.

го платья достаточна была для каждого русского, который носил ее и зимою. Поверх однорядки надевалась меховая шуба, и, смотря по состоянию, она вышивалась шелком и серебром. Бедные носили армяк на бараньем меху, азямы и сермяги. Армяки шились из холста, а азямы и сермяги – из толстого серого сукна, отчего последние получили название сермяг. Азямы и сермяги шились с узкими рукавами в длину до колен, застегивались наперед петлями и пуговицами и подпоясывались поясом¹. Сапоги с заостренными носками делались на подковах, волосы стригли, и тот считался в опале, кто их отращивал.

Было величайшим наказанием для сановников, когда были обязаны носить длинные волосы. По несколько месяцев тужили, что прогневили царя. Такая кара, подкрепляемая общим презрением к опальным, действовала на них сильнее пеней.

Мужчины и женщины наряжались в разноцветные платья.

Бород мужчины не стригли, исключая одного случая, когда в. к. Василий, желая казаться молодежавым для своей супруги Елены, обрил свою бороду (1526) и всегда заботился, чтобы нравиться молодой жене.

СТРАСТЬ К РУМЯНАМ

Женский пол страстно любил румяниться, и тот муж, который не покупал для своей жены белил, значил, что он не любил ее. Женщины красили щеки, губы, подбородок и брови и намазывались до того, что отвратительно было смотреть на них. Гостю позволялось румяниться в присутствии женщины, ибо этим он доказывал к ней свое уважение². Другие белили

¹ В словаре Российской академии так определены азям и сермяга. *Азям* – род одежды, подобной покрою русскому кафтану, употребляемый в некоторых областях простым народом вместо летнего платья. *Сермяга* – толстое и грубое сукно, из которого поселяне шьют себе одежду. Между франками был в употреблении азям: *acesmes, achemes*. – см.: *La Combe. Diction. du vieux langage Francois*, изд. 1762 г.

² *Turbeville. Certaine letters in verse*, – писано им к его другу, пом. в собр. Гаклюйта, т. I, с. 432, изд. 1809 г. *Mach. A relat. of three embas. of Carlisle*, с. 40; окрашивание головных повязок см. *Tanner. Leg. Moscov.*, с. 49; *Olear. Offt*

и румянили дорогие головные повязки (венчики), украшенные золотыми и серебряными звездочками.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИЗВЕСТИЙ О НАРЯДАХ

Сведения англичанина Флетчера, бывшего в Москве в конце XVI в., гораздо полнее. Недостаточные носили зимою поверх овечьих шуб широкие, длинные по икры, из толстого серого или белого сукна зипуны¹. Из такого же сукна делали споднее платье, шапки и рукавицы; бедные носили жупаны или зипуны, приготовленные из коровьей шерсти, а в летнее время довольствовались рубахою с косым воротником и сподним платьем из холстины или пестряди. Богатые отличались всегда роскошью и изысканностью: они носили рубашки с шитыми воротниками, делавшимися около шеи без складок; летом хаживали у себя в доме, когда не было посторонних, в одних рубашках; шеи покрывали унизанным жемчужным козырем или стоячим воротником толщиной в три или четыре пальца; поверх рубашки надевали легкий шелко-

begehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise, с. 137, ed. 1647 г.; *Мартен. Voyage en Moscov.*, с. 149, ed. Leid.

Если румянились мужчины, то это они делали из угождения к прекрасному полу: на все была мода, а мода страшный тиран. Но чем может оправдаться нынешняя молодежь? Пусть это делают кокетки, беззубые воздыхательницы и старые волокиты, а нецветущая молодость всегда пленительна. Шекспир хорошо сказал о пристрастных к румянам: «I have heard of your painting too, well enough. – God has given you one face and you make yourselves another. You jig, you amble and you lisp and nickname God's creatures and make your wantoness your ignorance». – «Hamlet», act III, scen. II <«Слышал я и о вашем малевании вполне достаточно. Бог дал вам одно лицо, а вы себе делаете другое. Вы приплясываете, вы припрыгиваете и щебечете, и даете прозвища божьим созданиям, и хотите, чтобы ваше беспутство принимали за неведение». – «Гамлет», акт III, сцена II>. На многих старинных иконах сохранились надписи, грозящие адским мучением тому, кто колдует, белится, украшает себя богатыми одеждами и делает соблазн. Вот одна надпись: «Женский пол за чары и бесчинное убеление лиц, за прелестное украшение риз и за прочие соблазны, идут в муку вечную».

¹ Между франками употреблялся зипун (gipan), см.: *La Combe. Diction. du vieux langage François*, изд. 1762 г.

вый жупан, который был до колена; сверх жупана надевали узкий парчовый кафтан с персидским кушаком, за который затыкали кинжал и нож; поверх кафтана была шелковая и широкая ферезь, подбитая мехом. Это была самая почетная и торжественная одежда бояр и всех чиновников. Она употреблялась для придворных выходов и шилась по бархату золотом; была и обьяринная.

При приеме иностранных послов переменяли по несколько раз кафтаны. Недостаточные получали из казны золотые, серебряные, парчовые и из персидской ткани одежды и высокие шапки из черного лисьего меха. Это великолепие изумляло иноземцев; они говорили единогласно, что царский двор был облит в золото. Иные представлялись ко двору в цветном платье, шитом из обьяри, камлота или тонкого сукна с золотыми нашивками; голову покрывали черной шапкою.

ПРИДВОРНАЯ ОДЕЖДА

Указом 19 декабря 1680 г. предписывалось являться ко двору в ферезях только одним боярам, окольниковым, думным и ближним людям, стольникам, стряпчим, дворянам и дякам. На ферезь набрасывали охабень, длинное платье с рукавами и воротником. В царствование Федора Алексеевича в конце XVII века не велено никого впускать во дворец, одетого в охабень. Во время выездов надевали поверх охабня однорядку, длинную одежду из сукна или камлота, деланную без воротника; в военное время употребляли корзнь, род епанчи. Сапоги носили сафьянные и часто обшивали жемчугом; нижнее платье было атласное или парчовое. Головы покрывали высокими собольими, горлатными и лисьими шапками¹. Название горлатных шапок произошло от употребления меха от душек, или горла пушистых животных. Они делались вышиною почти в аршин: вверху шире, а к голове уже. К этой

---

¹ Название шапок в первый раз встречаем между иноземцами у Олеария «Offt begehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise», с. 136, ed. Шлезв., 1647 г.

шапке иные прикрепляли пушистое высокое перо на дорогом запоне или застежке, усыпанное камнями. У других шапок верх был парчовый или бархатный, а спод соболий или рысий. Иные унизывали жемчугом и кверху привязывали кисти с дорогими камнями, и таковые шапки назывались мурманками, или мурманкою. Борис Годунов при приеме константинопольского патриарха Иеремии II стоял у трона царя Феодора в *шапке мурманке и золотой одежде на опашку*. Мурманки были высокие, с плоскою тульей и к голове шире; делались без бархата и парчи и вместо мехового околыша имели меховую с отворотами лопасть, которая в двух местах у тульи пристегивалась пуговицами на петлях. К ним прикрепляли иногда дорогое или жемчужное перо.

БОЯРСКАЯ ОДЕЖДА

Обыкновенное же платье бояр, как самое старинное, было черное бархатное, иногда унизанное по краям дорогими камнями и жемчугом, и употреблялось почти до половины XVIII века. Носили еще фюфудии – самая древняя одежда мужчин и женщин, а подпоясывались малиновыми или красными поясами. Волосы стригли, опальные отращивали их весьма длинными, так что они закрывали лицо и лежали разбросанными по плечам¹. Остриженную голову закрывали маленькою скуфьею, плетенною из золотых или серебряных ниток и унизанною жемчугом и дорогими камнями. Поверх скуфьи надевали тафию – высокие шапки из черных лисиц или других мехов, которые не снимали в присутствии самого государя.

При царе Иоанне IV было запрещено собором носить тафии, особенно входить с ними в церковь, вероятно потому, что они были собственно татарские шапки. Несмотря на запрещение, многие носили: царевич Дмитрий носил суконную,

---

¹ Опала, судя по достоинству людей и важности преступлений, была различная: 1. Запрещалось ездить ко двору. 2. Выезжать из своего дома. 3. Повелевалось жить в деревне. 4. Снимали чины и писали в дворяне по городу и 5. Сажали в тюрьму.

которая ныне хранится в ризнице московского Архангельского собора и убрана яхонтами и жемчугом.

Государи и бояре носили еще шубы, называвшиеся бо-строги, кожухи и терлики. Они были по большей части бархатные с золотыми шнурами и кисточками на дорогих собольих или лисьих мехах. Были еще и летние терлики. Сапоги подбивали гвоздями и подковами серебряными; иные унизывали по швам, носкам и каблукам жемчугом, иногда драгоценными камнями. Великокняжеский дом носил боярскую одежду, которая отличалась одним блеском и пышностью.

БОГАТСТВО ЦАРСКОЙ ОДЕЖДЫ

Богатство царской одежды было ослепительное, особенно когда наши государи являлись в торжественные дни к выходу или короновались. Царь Феодор, по сказанию очевидцев, превосходил великолепием все предшествовавшие коронавания. Один скипетр, осыпанный драгоценными камнями, был длиною в $3\frac{1}{2}$ фута и стоил несколько миллионов на наши деньги; одежда царя весила не менее 200 фунтов; шесть князей держали хвост мантии; вельможи сияли бриллиантами, яхонтами и жемчугом удивительной величины, ценимые на миллионы¹.

О наряде царя Михаила, бывшем во время его бракосочетания, сказано, что он был в кожухе золотом аксамитном, на соболях, и в шубе русской собольей, крытой бархатом золотным, замотав полы за плеча.

НАГРАДА ОДЕЖДОЮ ЗА ЗАСЛУГИ

Франциск да Коло пишет, что великие князья жаловали храбрых и любимых воинов одеждами шелковыми, суконными, парчовыми и шубами. Этой одежды всегда лежало в великом множестве в кладовых, занимавших в Москве целую улицу.

---

¹ Горсей. Coronation, в собр. Гакл., с. 527 и 528.

Контарини получил от Иоанна III в подарок 1000 червонцев и богатую кунью шубу и приказал ему, чтобы он, одевшись в нее, явился во дворец¹.

Иоанн IV по покорении Казанского царства жаловал отдельных воинов шубами золотыми и бархатными на собольих мехах; ковшами золотыми и кубками².

По изгнании Кази-Гирея, хана крымского, из пределов Москвы царь Феодор украсил кн. Мстиславского и Бориса Годунова золотыми португальскими червонцами, а прочих воевод корабельниками и венгерскими червонцами; потом надел на Бориса Годунова со своих плеч русскую шубу с золотыми пуговицами и драгоценную цепь, на кн. Мстиславского такую же шубу и подарил ему кубок с золотою чаркой.

НАРЯД БОЯРЫНЬ

Боярские жены, знатные и богатые, покрывали волосы шелковой сеткою, обвязывая голову белой повязкою, или носили тафтяную шапочку, обыкновенно красного цвета, с шелковым белым повойником или шлыком. Для наряда надевали большую парчовую шапку, опушенную мехом и уни-

---

¹ *Frances. da Collo. Trat. di pace tra re di Polon. e gran prenc. di Moscovia*, на обор. 53 л. до 54, пом. у Чилли; *Contarini. Voyag. de Perse en 1473 г.*, с. 55, пом. в собр. Бержер., ed. 1735 г.

Об одежде, хранившейся в великом множестве в царских кладовых, подтверждает сказание Франц. да Колло Гваньин «*Kronika Sarmasusy Eurogskiey*», с. 514, изд. 1611 г. Гваньин, родом итальянец из Вероны, служил в польской службе в конце XVII в. и был комендантом в Витебске. Он пишет, между прочим: «В кладовой великого царя хранится весьма много дорогих одежд, сшитых единственно для торжественных случаев. Когда приезжает посол от короля или цезаря, тогда выдаются одежды дворянам, по приказанию царя, а потом возвращаются в кладовую. Недостаточные из дворян, отправляясь в гости к своим знакомым, или на крестины, или на какое-нибудь празднество, берут займы одежду из царской кладовой, обвязываясь заплатить, по условию, за ношение платья. Если оно запачкается или окажется малейшее на нем пятно, то он должен заплатить, во что оно будет оценено. Если же в другой раз испортит платье, то для напоминания о бережливости наказывают его кнутом.

² Царствен. летоп., кн. 2, с. 329–330, изд. СПб., 1793 г.

занную жемчугом и дорогими камнями; незамужние и бездетные отличались черными лисьими шапочками. Некоторые знатные перестали было украшать шапки жемчугом по той причине, что таковые же стали носить купеческие и подьяческие жены. В уши вдевали золотые серьги с изумрудами и яхонтами длиною иногда в два дюйма; шею покрывали жемчужными монистами, головы повязывали богато вышитыми платками. Платья их были из тонкого красного сукна и разноцветной материи; носили широкие, длинные, с висячими рукавами и застегивались дюжиною золотых пуговиц; другие боярыни носили серебряные парчовые и золотые. Воротники делали откидные до половины спины, и часто собольи. Боярыни и их дочери шили иногда широкое платье, застегнутое спереди, без рукавов, и это называлось фerezея или фerezь, которая во многом сходна с сарафаном. Тогда носили сарафаны не только простые, но и боярские жены, с той разницей, что у недостаточных и простого сословия делались из крашенины, китайки, кумачные и суконные; у знатных и богатых – из дорогой материи. Шили еще телогреи, на которые надевали теплые и холодные душегрейки. Они были совершенно сходны с сарафанами, только гораздо короче, без пуговиц и на груди с выемкой. Поверх фerezи надевали опашень кармазинного цвета, с рукавами до самой земли. Это одеяние суживалось спереди и усаживалось большими золотыми или по крайней мере серебряными позолоченными пуговицами величиною с грецкий орех. Позади привешивался подбитый дорогим мехом капюшон, висевший до половины спины. Рубашки носили длинные, коих рукава были от 6 до 10 локтей, и складки сбирали искусно на руки.

Зимой носили картели (шубы) из собольевых, горностаевых и других дорогих мехов; крыли их бархатом и золотистой материей. Летом надевали летники: атласные платья с рукавами или из другой легкой материи; до локтя обшивали их парчою или делали складки со швами из материи другого цвета. Носили еще кокошники, выдававшиеся вперед, кото-

рые были различного вида и величины. Тулья кокошников делалась из цветной шелковой ткани, парчи и штофа. Передняя сторона вышивалась шелками, унизывалась бисером и жемчугом, а местами цветными камнями. Иные делали их круглыми, шириною в пять или шесть вершков, и довольно низкими. Другие делали высокими, иногда в пол-аршина, с торчащим вверх клином. На рукава платья надевали широкие запястья из золота, усаженные жемчугом и драгоценностями; пальцы украшали кольцами и перстнями; сапожки носили сафьянные: желтые, малиновые и голубые, шитые золотом, жемчугом, но на высоких каблуках. Марина Мнишек в день своей свадьбы (8 мая 1606 г.) была в русском красном бархатном платье с широкими рукавами и в сафьянных сапожках; весь ее наряд был усыпан алмазами, яхонтами и жемчугом; венец на ее голове ослеплял сиянием. Сам высокомерный Лжедмитрий был усыпан с ног до головы алмазами и драгоценными камнями¹.

Женский пол очень любил белиться и румяниться и считал за нарушение приличия, если не следовал общепринятому обычаю². По известию Посевина, богатые и знатные женщины имели обыкновение носить по три платья, надевая одно на другое. Если бы которая оделась в одно, то это приписывали к ее неблагопристойности и бесчестию.

¹ *Petrejus*. Historien und Berichte von dem Grossfürstenthumb Muschcow, et. с. 337–339, изд. 1620 г.

² Сирияне, вавилоняне и арабы красили глаза. Гречанки и римлянки, желая всегда иметь живой цвет лица, придумали румяна, а именно: белила и румяную краску. Римские поэты, восхваляя своих красавиц, говорят, что дочь Юноны, похитив у своей матери ящик с румянами, подарила его дочери Агенора. Искусство белиться и румяниться перешло от гречанок к римлянкам, и покрываться ложными красками отнюдь не было стыдно, потому что сами богини любили краситься – верно, они были дурные! Итальянцы, находившиеся при дворе Екатерины Медичи, ввели во Францию румяна; оттуда они распространились повсюду и к нам зашли не ранее конца XV в. Француженки, натиравшие ресницы сурьюю, еще растягивали их, чтобы глаза были большие. На востоке вообще любили большие и черные глаза – и эта краса перешла в Европу. Донные многие народы Азии, Африки и Америки красятся черною, желтою и красною красками; руки, грудь, щеки, губы и лоб натирают разными красками по наколенному узору.

Описанный женский убор был общим для цариц и царевен, которые распознавались только по особо оказываемому им почтению или чрезвычайному блеску одеяния.

УБОР ЦАРИЦЫ ИРИНЫ

Арсений, приезжавший с патриархом Иеремией в Москву (1590) и видевший блистательные украшения царицы Ирины, говорит: «Нельзя постигнуть разуму человеческому, какими драгоценностями была унижена голова царицы! Чем более я смотрел на ее корону, тем более изумлялся. Корона ее, обведенная двенадцатью столбами, представляющими Иисуса Христа и Его Апостолов, вся составлена из одного жемчуга и весьма искусно усеяна рубинами, алмазами, топазами, аметистами, сапфирами и другими драгоценностями»¹.

ОДЕЖДА ЖЕНСКАЯ, ДУХОВНОГО СОСЛОВИЯ

Женщины и девушки из духовного сословия одевались точно так же, как светские. Замечательно, что между рисунками старинных одежд барона Маерберга представлен священник в фезеи теплой.

НАРЯД ДЕВИЧИЙ

Девичьи заплетали волосы в косу, голову повязывали широкою повязкой, называемой лентою, потому что она была или из одних лент, или широкого позумента; богатые накладывали жемчужные поднизья, оставляя верх головы открытым. Из-под повязки ниспадала по спине коса, к концу коей привешивался косник, который не что иное был, как из картузной бумаги треугольник шириною в два или три вершка: обшитый шелковою тканью, униженный разноцветным бисерным узором или жемчугом и камнями.

¹ *Arsenii. Descriptio itineris in Moscoviam*, с. 99–100, пом. в собр. Вихм., ч. I.

заплетали как можно слабее и пошире, разделив волосы на множество прядей и перевив их золотыми нитками, а богатые переплетали нитки жемчугом.

Заплетание косы составляло большое искусство. Надобно было, чтобы коса закрывала всю шею широкой решеткою, которая постепенно суживалась бы до самого косника. Девушки, отправлявшиеся под венец, не заплетали волосы в косу, но распускали по плечам и в этом положении венчались. По совершении бракосочетания свахи выводили новобрачную в трапезную или на паперть, снимали с головы ее девичий убор и, разделив волосы надвое, заплетали в две косы; потом, обернув ими голову, надевали кокошник, наконец, покрывали фатою и подводили к новобрачному, который все это время ожидал ее на своем месте в церкви¹.

ЕДИНООБРАЗИЕ ОДЕЖДЫ ОБОИХ ПОЛОВ

Платье обоего пола было почти одинаковое; женский пол высшего сословия и богачей распознавался нежностью сложения, но в простом сословии женщины и девушки не могли быть различены от мужчин по причине одинаковой с ними одежды. Десятилетние девушки и мальчики ходили в одних длинных рубашонках; всем им стригли одинаково волосы на

¹ *Флетчер*. Com. wealth; *Jenkinson*. The first voyage from the citee of London toward the land of Russia, begun the 12 of may 1557», с. 351. Также *Флетчера* «The embassage from her Majestie to Theodor the Emperor of Russia» – все это пом. в собр. *Гакл*. «Collection of the early voyage, travels and discoveries of the english nation», ч. I, 1809 г.; *Гваньин*. Kronika Sannacvev Europskiey, изд. 1611 г., с. 514; *Petrejum*. Historien und Berichte von dem Grossfürstenthumb Muschkow, с. 593, 595, 596 и 613; *Maerberg*. Voyage en Moscov., с. 100–101, ed. Leid., 1638 г. В рисунках к путешествию его по России, изд. в 1827 г. за счет государственного канцлера графа Н. П. Румянцева, изображены старинные одежды несколько сбивчиво, за всем тем они во многом согласны с описанной одеждою. См. рисунки XXVII–XXXIX. *Новик*. Древ. рос. вивл., ч. II, с. 222; *Болтин*. Примеч. на истор. Леклерка, т. I, с. 437–441; *Mach*. A relat. of three embass. of Carlisle, с. 42–46. О платьях при приеме послов см.: *Marger*. Éstat da l'emp. de Russie, л. 15, 16 и 19, изд. Париж, 1607 г.; Лет. с Воскрес. сп., ч. I, с. 69, изд. 1793 г.; *Korb*. Diar. itin. in Moscov., ed. Vien, in f., с. 208–209.

голове, оставляя висячими по два локона, и девушек можно было узнать по одним длинным волосам¹.

НОШЕНИЕ ИНОСТРАНЦАМИ РУССКОЙ ОДЕЖДЫ

Все упомянутые наряды и одежда более или менее употреблялись до конца XVII в. Иностранцы, жившие у нас по торговым делам и находившиеся в служении, должны были носить наше платье, если не хотели подвергать себя посмеянию и презрению. Впоследствии им было запрещено носить русскую одежду.

ЗАПРЕЩЕНИЕ ИНОСТРАНЦАМ НОСИТЬ РУССКУЮ ОДЕЖДУ

Во время одного крестного хода патриарх осенял крестом народ, который по своему обычаю делал земные поклоны, но <так> как находившиеся тут иностранцы, одетые по-русски, не следовали нашему обряду, то патриарх за неуважение к святыне прогневался на них и запретил им носить русскую одежду².

ЗАПРЕЩЕНИЕ О ВВЕДЕНИИ ИНОЗЕМНЫХ ОБЫЧАЕВ

Под конец царствования Алексея запрещено было (6 авг. 1675 г.) стольникам, стряпчим, московским дворянам и

¹ Olear. *Offt beehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise*, с. 136 и 137, ed. 1647 г.; там же, с. 15: «...alle so wohl Megden als Jungen mit abgeschnittene Haaren auff beiden seiten hangenden Zocken, und in langen Hembden giengen, dass man die Megden von den Jungen nicht unterschieden kunte. Wolte unser Medicus dessen gleichwol Wissenschaft haben, grieff einen von sechs Jahren nach dem Hembde, troff aber ein Knablein an, dieser sagte lachende: devke niet, net, не девка. <...все, как девочки, так и мальчики, с подстриженными волосами, с висящими по обеим сторонам локонами и в длинных рубахах ходили, так что девочек от мальчиков нельзя было отличить. Когда наш лекарь захотел все же это выяснить, схватил одного шестилетнего за рубаху, обнаружил, однако, мальчонку, который, смеясь, сказал: нет, не девка>».

² Olear. *Voyage en Moscovie*, с. 200.

жильцам перенимать немецкие обычаи, носить их платья, шапки и стричь волосы по-иноземному. Кто же ослушивался, тот подвергался опале, а из высших чинов переписывали в низшие.

ОДЕЖДА В ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА И ПРИСТРАСТИЕ К РУМЯНАМ

В бытность в Москве английского посла Карлиля, во второй половине XVII в., одевались так же, как и прежде: в широкие и длинные платья, коих рукава ниспадали до пятей, но их подбирали в многочисленные складки с большим искусством; носили полукафтаны, длинные по икры, с большими висячими воротниками. Знатные особы одевались в кафтаны до колен, со стоячими воротниками, кои сзади были шире и выше, нежели спереди; их покрывали бархатом и парчовой материей. Споднее платье было узкое. Головы покрывали высокими колпаками с одним отверстием впереди и другим сзади: богатые носили кармазиновые и бархатные и униженные жемчугом; купцы делали суконные, а бедные – войлоковые, кои пестрили разноцветными кусочками сукна. На зиму подбивали мехами. Рубашки, составляя щегольство, вышивались шелком; воротник, нарукавники и грудь блистали золотой вышивкой и жемчугом. Носили полусапоги остроконечные с весьма высокими каблуками; подборы подбивали гвоздями. Большая часть дворянства носила уже тогда башмаки и шелковые чулки или вязаные шерстяные; поселяне и рабочие обрачивали ноги войлоком или толстым сукном; бороды отращивали длинные, а волосы на голове имели короткие. Должно отдать справедливость, говорит Мъжж, что русские, не говоря о прекрасной их наружности и хорошем сложении, гораздо еще важнее в своих длинных одеждах, высоких колпаках, со своими короткими волосами и длинными бородами, нежели большая часть европейцев в их одеяниях. Платье простого народа в отношении покроя было то же, что у знатных, отличавшихся от них бархатами, атласами и парчою; горожане носили суконное: темно-красное, темно-зеленое и фиолетово-

красное, а бедные – из толстого сукна, делаемого ими самими. На зиму подбивали платье, смотря по состоянию и важности, дорогими мехами: собольими, лисьими, горностаевыми, беличьими, заячьими и пр.; простолодины носили овечьи полушубки. Женский наряд отличался от мужского шириной и длинными рукавами. Рукава их рубашек были довольно узкие, но от трех до четырех аршин длины, почему собирали в складки, которые покрывали сгибы самих пальцев. Полушапки носили такие же, какие мужчины. Волосы заплетали девушки в две плетенки, которые ниспадали по спине; женщины подбирали их под чепец. «Надобно заметить, – продолжает Мьеж, – что женщины вообще имеют правильные черты лица и прекрасно сложены, но так преданы белилам, что едва можно их уверить, что они без румян хороши»¹.

Страсть белиться и румяниться продолжалась до наших времен. И теперь многие купеческие жены и мещанки не покидают этой дурной привычки. В этом, однако, нельзя обвинять их одних. Очень многие из другого сословия прибегают к постыдному средству краситься и румяниться, думая привлечь воздыхателей поддельной красотой или обмануть глаза других, натираясь румянами².

Следующая простонародная песня явно показывает, что для того только белятся и сурмятся, чтобы нравиться:

Ах! На что ж было,
Да к чему ж было,
По горам ходить,
По крутым бродить!

---

¹ *Miege*. La relat. de trois embass. de com. Carlisle, с. 329–334, ed. Amsterd., 1672 г.

² Дикари, стараясь казаться красавцами, намазывали тело красками, выводя по нему узоры. При открытии Америки испанцы видели не только женщин, но мужчин, проводивших целый день за уборным украшением, состоявшим в натирании маслом и краскою, – это составляло их одежду. Они не прежде могли выйти к ним, пока не покроют себя мастикою, извиняясь пред ними, что они еще голые (не одетые): «by saying that they cannot appear, because they are naked» <«говоря, что не могут появиться, потому что обнажены»>. – *Roberts*. Hist. of America, кн. 4, с. 120 и с. 348, прим. 78, изд. 1828 г.

Ах! На что ж было,
Да к чему ж было,
Мне, младёшеньке,
Соловья ловить!
У соловушки,
У младенького,
Бедной пташечки,
Одна песенка.
У меня, младой,
У меня, младой,
Один дряхлый муж,
Один дряхлый черт.
Да и тот со мной,
Да и тот с младой
Не в ладу живет
И не любитя.
Не белись мое,
Не белись мое,
Лицо белое,
Лицо полное!
Не румяньтеся,
Не румяньтеся,
Щеки алые,
Щеки алые!
Не сурьмитесь,
Не сурьмитесь,
Брови черные,
Брови черные!
Не носись мое,
Не носись мое,
Платье цветное,
Платье цветное!
Мне на что ж было,
Мне к чему ж было
По горам ходить,
По крутым бродить!
Мне на что ж было,
Мне к чему ж было,

Соловья манить,
Соловья ловить!
У соловушки
У младенькова,
Одна песенка,
Одна песенка.
У меня, молодой,
У меня, молодой,
Один милый друг,
Мил сердешненький.
Да и он со мной,
Да и он со мной,
По любви живет,
Верно любитя.
Ты белись мое,
Ты белись мое,
Лицо белое,
Лицо полное!
Вы румяньтесь,
Вы румяньтесь,
Щеки алые,
Щеки алые.
Вы сурьмитесь,
Вы сурьмитесь,
Брови черные,
Соболиные!
Ты носись мое,
Ты носись мое,
Платье цветное
И нарядное!

ПОСТЕПЕННОЕ ВВЕДЕНИЕ ИНОСТРАННОГО

Иоанн III, дозволив полезным иностранцам селиться в Москве, покровительствовал им и не препятствовал введению иноземных обычаев. Внук его Иоанн Грозный имел намерение

ввести немецкие обычаи и законы¹. Борис Годунов не воспрещал перенимать немецкие обычаи, замышляя совершить преобразование; но преждевременная смерть прекратила его предначертания. Первый самозванец презирал уже наши обычаи и вводил польско-немецкие. Цари Михаил и Алексей постепенно вводили науки, не воспрещали иноземцам жить по своему обычаю, а русским заимствовать от них не одно просвещение, но образ жизни и одежды. Напрасно думают, что Петр Великий первый начал вводить иностранное и что он первый ввел науки: до него уже были посеяны начатки, ему оставалось докончить важное дело преобразования.

При царе Феодоре Алексеевиче уже запрещалось носить драгоценные платья, шитые на татарский покрой, а повелевалось ходить в польском или древнем русском. Боярин Никита Иванович Романов давно носил польские и французские одежды, но только у себя в деревне².

ВВЕДЕНИЕ ИНОСТРАННОЙ ОДЕЖДЫ И ЗАПРЕЩЕНИЕ НОСИТЬ РУССКУЮ

В конце XVII века повелевалось всем (1699), исключая земледельцев и духовенство, носить венгерское платье; потом предписано было (в нач. XVIII ст.), чтобы мужской и женский пол носили определенное для них платье. Мужчинам определялось: верхнее саксонское, камзолы и споднее платье; сапоги и башмаки немецкие. Тогда появились у нас польские шубы без отложного воротника, петлиц и пуговиц; они шились с просторными рукавами и меховой опушкой; сверху застегивались запонкою. Такие точно и поныне носят. Предоставлялось на выбор носить зимою кафтаны саксонские или французские, но летом одно французское. Всем женщинам без исключения предписывалось носить: кунту-

---

¹ Лъвоѳ. Подробная летопись; Карамзин. История государства Российского, т. IX, прим. 34.

² Olear. Voyage en Moscovie, с. 201.; Korb. Diar. itiner. in Moscov., с. 191, ed. Vien., in f.

ши, юбки, немецкие башмаки и немецкие шапки (шляпки). Черкесские кафтаны, русское платье и вообще все русское, как то: тулупы, штаны, сапоги, башмаки – строго запрещалось носить; даже не ездить на русских седлах, не делать и не торговать ими. На ослушников полагалось денежное взыскание: с пешеходцев по 30 алт. и 2 деньги, с конного 2 руб. Портных, башмачников и седельщиков велено подвергать жестокому наказанию за изготовление старинных одежд и вещей¹.

С основания нашего государства до конца XVII века все носили единообразное платье: и мирные граждане, и воины.

С учреждением регулярной армии Петром I в начале XVIII века одежда гражданская совершенно отделилась от военной, и с этих пор старинная наша одежда не только стала изменяться, но терять прежнюю свою важность и величавость, блеск и роскошь, хотя она находила еще приверженцев старины, однако уже была оставлена при дворе, потом дворянами и, наконец, даже стала пренебрегаема. Иноземные обычаи и одежды совсем вытеснили ее из круга русского.

ГРАЖДАНСКАЯ, ВОЕННАЯ И ПРОСТОНАРОДНАЯ ОДЕЖДА

Одежду нашу безошибочно разделить можно: 1) на гражданскую, называемую в простонародии штатскою, 2) военную и 3) простонародную. Первая не имеет и тени русской: в ней смесь иностранных мод. Вторая употребляется в полках, военно-учебных заведениях, между свитскими, инженерами, при разных военных учреждениях, между служащими по военным ведомствам и теми, коим присвоена военная форма. Третья сохранилась в простом народе, и хотя она понесла ощутимые изменения, однако все еще сохраняет наружность русской одежды. Нельзя не заметить, что очень многие между купеческим и мещанским сословием, даже

---

¹ Грамота о ношении немецкого платья, 1705 г., 8 марта и 28 апреля, пом. в собрании записок Туманского «О жизни Петра I», ч. 2, с. 251–252.

между зажиточными простолюдинами, бросают уже свое народное платье. Что будет чрез сто лет?

ВВЕДЕНИЕ НОВЫХ НАРЯДОВ И БЛАГОВОНИЙ

С постепенным распространением иностранной одежды мужчины стали носить галстуки и манжеты, а женщины – кофты, корсеты, шнуровки, локоны, гребенки, башмаки с пряжками, перчатки, кружева, платья длинные и широкие на фижмах, робронах и со шлейфами¹. На белые лица наклеивали черные атласные мушки, затягивались крепко в корсеты, надевали еще предлинные платья: фуру и полонезы, которые шились с косыми полами. Женские наряды приготавливались из крепкого гродентура, тафты, штофа, блестящего атласа и пушистого бархата. Голову убирали огромными со шпильками шиньонами и булавками разной величины и вида. Булавки были топазовые, яхонтовые, жемчужные и бриллиантовые: в виде звездочек, роз, незабудочек, мух и т. п. Пальцы унизывались кольцами и перстнями; без перчаток и веера ни одна дама не смела появиться в гостиную; лица румянили почти все без исключения. Входя в комнату и держа в правой руке надушенный платок, делали реверансы и кникс<ен>ы очень почтительно – присев всем туловищем на колена, а мужчины, шаркая и размахивая платком со всевозможной осторожностью, раскланивались и потом подходили целовать ручку. На рождественские Святки и в Пасху позволялось им целовать дам в губы. Женские башмаки шились с высокими каблуками и на рилах. Мужчины щеголяли во французских кафтанах с медными, стальными и стразовыми пуговицами; жилеты носили глазетовые и шелковые, с кружевными манжетами; нарукавные манжеты были так длинны, что они закрывали пальцы; голову покрывали треугольной шляпой, башмаки

---

¹ Галстуки появились первоначально в Германии, и первые ввели их кроаты в 1636 г., почему таковые платки называют французы доселе *cravates*. – *Diet. des origines*. P., 1777.

были тупоносые с серебряными большими пряжками; а сапоги по икры, лощенные ваксою, с шелковыми кисточками и рилами; в руках носили бамбуковые трости с костяными или металлическими набалдашниками. Такой наряд употреблялся с небольшими изменениями до конца XVIII в., но в царствование императрицы Елизаветы появились букли и тупеи с длинными косами, вкладываемыми в кошелек с большим бантом; голову осыпали душистой и самой лучшей пудрою. Во время Суворова наше войско носило косы и букли, и поэтому он сказал однажды: «букля не пуля, коса не тесак». Екатерина II по открытии наместничеств назначила для гражданских чиновников и дворянства губернские мундиры.

При императрице Анне стали пудриться и делать прическу волос, примазывая розовым маслом, или помадились и напрыскивались духами – все это получали из Германии и Франции¹. Благовонное мыло, зубные порошки и изысканные румяна, не выходившие тогда из употребления, были распространяемы ввозами иностранных торговцев. Парики, круглые шляпы и фуражки заменили старинные колпаки и меховые шапки. Широкие и длинные шинели, долгополые сюртуки, жилеты длинные со светлыми пуговицами, манжетки с манжетами, трости толстые камышовые с дорогими набалдашниками, часы карманные, коих носили по двое, с длинными золотыми цепочками и печатями из дорогих камней, составляли щегольской убор мужчин; но время все это так изменило впоследствии, что ныне только вспоминают и хвалят старину.

Мы теперь по одежде совершенно ничем не отличаемся от иностранцев, и нигде нет такой роскоши на платьях, как у

¹ Розовое масло, вероятно, получали из Румелии, в коей делалось самое лучшее, известное под именем казанликского. Казанлик – город в Румелии, древней Фракии, у подошвы горы Гемус (Балканы); он расположен на живописном месте: обнесен розовыми садами, составляющими главный промысел жителей, и тут выделялось розовое масло, единственное во всем свете. – *Априлов*. Денница новоболгарского образования, прим. 50, с. 113. – Богини любили благовонное масло и духи: богиня Гера «*умаслилась маслом чистейшим, сладким, небесным изящнейшим, всех у нее благовоний*». – *Гнед*. «Илиада» Гомер., песнь XIV, ст. 171–172.

нас. Для уборов и нарядов ничего не жалеют; охотнее согласятся голодать, чем отказать прихотям моды, особенно женский пол, который решительно поглощает состояние своих мужей¹.

Изменение платья не простиралось на духовенство и простой народ. Первое носило и теперь носит греческую одежду: длинные рясы с широкими рукавами, посох в руке и черную круглую шляпу с широкими полями. Народ остался верным старинным армякам, кафтанам, только заменил колпаки круглыми низенькими шляпами с короткими полями и круглыми шапками, подбиваемыми теплою подкладкой. Оба эти сословия удержали свои бороды. Доселе купцы, хотя многие уже из них стригут бороды и носят иностранные платья, величаются окладистой бородою и усами².

СТРИЖЕНИЕ БОРОД И УСОВ

При введении иноземных обычаев многие стали брить бороды. Еще во время владычества татар некоторые брили из подражания им, и это продолжалось почти до Иоанна III. Однако никому не воспрещалось носить их. Псковитяне, по сви-

---

¹ Бессмертные красавицы – богини – не поглощали столько состояния своих мужей – богов, как наши смертные красавицы – богини. Вот описание наряда Геры, державной богини, супруги верховного бога:

«...Умастивши прекрасное тело, власы расчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательных кудрей,
Пышных, небеснодушистых с бессмертной главы ниспустила.
Тою душистой оделася ризой, какую Афина,
Ей соткав, изукрасила множеством дивных узоров.
Ризу златыми застежками выше груди застегнула.
Стан опоясала поясом, тьмою бахром окруженным.
В уши прекрасные серьги, с тройными подвесьями, вдела.
Легким покровом главу осенила державная Гера,
Пышным, новым, который как солнце сиял белизною».

Гнед. «Илиада Гомер.», песнь XIV,
ст. 175–185, изд. 1839 г.

² О приверженности к старинным обычаям см. *Бергия*. De stato eccles. et relig. Moscov., в ст.: «De Russor. relig. et ritib.», 1710, ed. Lubeck.; *Fabri*. Relig. Moscov., edit. Tubing., 1523; *Philips*. The Russian Catechism, compos'd and publis'd by order of the Czar., Lond., 1725; Whitw., ed. 1710.

детельству Герберштейна, стригли волосы и тем отличались от прочих русских. В. к. Василий, желая казаться молодым для своей супруги Елены, обстриг свою бороду, и во время одного обеда, данного им для цесарских послов, он, подозревая к себе барона Герберштейна, спросил у него, бреет ли он бороду? «Брею», – отвечал посол. «Это по-нашему», – сказал великий князь, улыбнувшись с самодовольствием¹. Стоглавом воспрещалось брить бороды, подстригать усы и носить иноземные одежды. Царь Борис Годунов, вводя чужеземные одежды, приказал, между прочим, брить бороды. Поборники старины упрекали его в порче нравственности, ставили ему в вину сами смуты; однако благоразумные люди стриглись и моложавились². Преждевременная кончина его была причиной, что намерение его не исполнилось, чтобы истребить некоторые старинные странные обычаи. Петр I почел за нужное изменить застарелые понятия о платьях и бороде: он начал с себя. Его пример долженствовал бы произвести перемену между знатными и всеми гражданами, однако почти все упорствовали. Это побудило его указать (1699) о повсеместном стрижении бород, исключая духовенство. Упорство снова оказалось между многими столь сильное, что государь оставил принуждение, потому что оно произвело разные расколы, а недовольные его нововведениями волновали умы; но по прошествии шести лет он повелел новым указом (25 июля 1705 г.) брить бороды и усы; не желающих же брить обложил пошлиною. С царедворцев, дворцовых, городских жителей, служащих и приказных велено взysкивать ежегодно по 60 руб.; с гостей и гостиной сотни первой статьи – по 100 руб.; средней и меньшей статьи, торговых и посадских, – по 60 руб.; с посадских, боярских людей, ямщиков, извозчиков, кроме духовенства, – по 30 руб. и всем им выдавать из приказа медные знаки вместо квитанций, которые должны были носить на себе. С крестьян же велено взымать пошлины

---

¹ *Herber. Rer. Moscov. com.*, с. 89–101.

² Келарь *Аврам Палицын*. *Истор. Троицк. лавр.*, с. 17; *Карамзин*. *История государства Российского*, т. XI, с. 110.

по две деньги всякий раз, как только они отправятся в город и за город по своим делам, и без этих знаков не пропускать их¹. Собираение пошлины с бород и усов отмечалось на медном кружке величиною с обыкновенную медную копейку и с надписью: деньги взяты; под этими словами висел нос с губами, длинными усами и бородой; на другой стороне изображалась кружка и государственный герб с означением под ним года.

Должно заметить, что усы составляли отличительную черту жителей Малороссии и всех казаков. Малороссияне и казаки малороссийские не носили бород, но зато величались длинными усами. Донские и волжские казаки до того величались ими, что отращивать самые большие усы мог один только их атаман, и в песнях он прославлялся «усищем».

Собирались усы на царев кабак,
А садились молодцы во единый круг.
Большой усище и всем атаман,
Сам говорит, сам усом шевелит:
А, братцы усы, удалые молодцы!
А и лето проходит, зима настает,
А и надо чем усам голову кормить,
На полатах спать и нам сытым быть.
Ах! Нутеж-ко, усы, за свои промыслы!

Впоследствии, кто носил большие усы, тот в общем мнении был храбрый человек. Ежели о ком говорили: «Вот усатый», то это значило: «Вот храбрец!» В старинные годы борода у испанцев занимала почетное место, как в прежние годы у наших предков: длинная, окладистая и чернолознящаяся борода, и на нее смотрели с особым уважением. Если говорили: он с длинной бородою, то под этим разумели – он умный человек. Испанцы говорили: «Es hombre de barba» – «Вот бородатый муж», это значило: «Вот умный!»²

¹ Указ 1705 г. 25 июля, помещенный в собрании записок Туманского о жизни Петра Великого, ч. II, с. 282–286. Там же указ 12 июня 1705 г. – о флагах на торговых судах.

² Diction. des origines. P., 1777, см. под слов. barbe.

В половине XVIII века усы обозначали мужество и удальство военных, а ныне – щегольство.

Носили ли в самой глубокой древности бороды и усы? Все народы не только носили, но отпускали еще предлинные бороды и усы. Языческие боги были изображаемы с бородами и усами; философы, мудрецы, государи и весь народ, просвещенный и непросвещенный, носили бороды и усы. Александр Македонский повелел всем своим воинам пред Арбельским сражением (332 г. до Р. Х.) остричь бороды, чтобы во время сражения не хватали друг друга за бороды. Персидские цари переплетали бороду золотыми нитками; французские короли, перевязав ее золотом, застегивали. Испанцы долго смотрели на бороду с почтением, приписывая ей особое достоинство мужества и ума, и выражались об умном человеке: *«Вот бородатый муж»*. Усы же у них означали символ *свободы и братства*. Происхождение этому значению следующее: когда мавры завоевали Испанию в половине VII века, тогда христиане так сходствовали с ними по однообразному ношению платья и волос, что трудно было отличить магометан от католиков. Надобно было придумать какой-нибудь знак, по коему христиане могли бы узнавать и немедленно подавать друг другу помощь, потому начали отпускать под носом горизонтальную линию волос, а под нижней губою перпендикулярный клочок волос. По этому самому усы сделались символом свободы и братства, и этот знак вскоре усвоили другие народы в том же значении, но ныне, как мы уже сказали, они выражают отличительный знак военнослужащих.

Все азиатские народы чрезмерно любят бороды и усы, и должно сказать, что древний бородато-усатый мир уже не противен новому европейскому.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКОЙ ВЫДЕЛКИ С САМЫХ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН

Предметы, охранявшие здоровье от влияния непогод, были нам известны еще в отдаленные времена. Составляв-

шие же собственно утонченную и роскошную работу мы приобретали по торговле, вывозя их сначала из восточной империи, потом из Западной Европы. Холст, толстое сукно и пестрядь вырабатывали мы сами. В первой половине XV века уже были устроены в Москве суконные фабрики. В 1364 г. заведены в Пскове соловарни; вскоре явилась в продаже селитра, но где в первый раз она выделялась – неизвестно. Железные, стальные и медные вещи, из коих иные служили для домашнего употребления, ножи, топоры, всяческие замки, мечи, секиры, дротики, копья и ружья давно выделялись у нас; улучшением же обязаны распространению художеств, что не прежде начала XVIII века.

В конце XIV столетия нам были известны пушки, ибо в 1420 г. уже лили их в Москве. Пушки привезены к нам немцами еще в 1389 г. В. к. литовский Витовт, подступив под Порхов (1428), встретил здесь *стрельницу русскую* (пушку), и сам Витовт шел сюда с пушками, *тюфяками* и пищальями. Одна пушка его, по имени «галка», была везена в день тремя сменами: с утра до обеда на 40 лошадях, с обеда до полудня на других 40 лошадях, а с полудня до вечера на третьих 40 лошадях. Галка во время осады была направлена на церковь Св. Николая, которая за одним выстрелом оторвала переднюю и заднюю стену в алтаре¹. Тульский оружейный завод уже славился в половине XVII века. Аравитяне изобрели карабин, итальянцы – пистолет, французы – ружье в XV веке, русские – самопал, род пищали (старинное ружье, которое зажигалось фитилем), а голландцы – духовое ружье в начале XVII века. Копья, дротики, лук и меч принадлежат восточным народам; в Европе их улучшили и ввели еще в употребление шпаги.

Греки и римляне запрещали ходить в мирное время при шпагах и с оружием, ибо они думали, что таковые люди могут нарушить спокойствие. Многие европейские государи тоже запрещали, и они никому не позволяли входить в церковь с мечом, считая противным святости².

¹ Царств. лет., ч. I, с. 162.

² Diction. des origines., P., 1777. См. статьи под словами «меч» и «шпага».

Обработка рукояток для кинжалов и украшение их серебряной чернью не уступали в превосходстве восточным народам, и иностранцы всегда смотрели на эти изделия с изумлением. В XVI веке добивались англичане в Вологде открыть эту тайну. Иоанн III и Борис Годунов, заботившиеся особенно об улучшении многих полезных изделий, приглашали искусных иностранцев. Некоторые из них тогда же завели в Москве, Вологде и Устюге полотняные и шелковые фабрики и обучали русских, которые довольно хорошо выделявали сукно, порох и металлические вещи¹. Посредством менового сбыта и продажи своих туземных произведений, как то: икры, рыбы соленой и копченой всех родов, балыков², рыбьего клея, ворвани, смолы,

---

¹ *Reutenfels*. De reb. Moscovit.; он был в Москве в XVII в.

² Хотя рыбные произведения доставлялись из северных мест России, преобладающей тогда богатством рыб лучших пород, однако южные части ее, находившиеся во владении кочующих и крымских орд, еще более изобиловали рыбной промышленностью. За двадцать три с половиной века до нашего времени устья Днепра, Дона и Буга славились рыбными промыслами, и греки вывозили отсюда осетры (*accipenser slurio*), стерляди (*accipenser cyclostomes*) и сельди, называвшиеся у них *маландрион*: они употреблялись соленые, с уксусом, маслом и луком. Сельди были в такой славе в Риме, что Катон горько жаловался на расточительность соотечественников, плативших за глиняную кадочку сельдей 300 драхм (270 руб.). Эти кадочки назывались у греков *амфорами*, и их поныне находят в Ольвийском городище. Ольвийские осетры так ценились в Греции и Риме, что их подавали к столу увенчанные цветами невольники на украшенных цветами блюдах и при звуке флейты. Древние гастрономы употребляли свежую и просоленную рыбу, доставляемую преимущественно из устьев Дона, Ейского и Агуевского лиманов, находящихся на землях черноморского войска. Никифор Григорас, византийский летописец половины XIV в., говорит, что в Константинополе не только в древности, но и в его время вывозили из устьев Азова целые грузы хлеба и соленой рыбы и что медленное их доставление производило иногда голод в столице. На Таврическом полуострове Пантикапея (Керчь), столица и главный порт Босфорского царства, славились рыболовными промыслами, особенно балыками. Знаменитые эллиские поэты: Гесиод, Антифан и Аристарх, говоря, что Пантикапея была славна своими осетрами, описывали, что их ловили зимою в прорубях, сделанных на льду. Афиняне и римляне не верили им и считали это за сказку, потому что не имели понятия ни о зиме, ни о льдах. Демосфен в одной из своих красноречивых филиппик описывает с восторгом о нагруженной на корабле соленой рыбе в Пантикапее. Эллинская Феодосия, на развалинах коей генуэзцы основали в XIII в. знаменитую Кафу, была известна торговлею рыбы. Тилигульский

дегтя, поташа, сала, мыла, циновок, сырых и выделанных кож, войлоков, особенно выгодного сбыта богатых и дорогих мехов мы получали тонкие изделия сукон, парчи, бархата и атласа.

Выделка кож была у нас известна еще в первые века политического бытия нашего отечества, и кожевники назывались тогда *усмарями*.

Бумагу и стекло ввозили иноземные купцы. Бумага появилась у нас при в. к. Симеоне около половины XVI века. До этого времени у нас писали на пергамене, но доселе не доказано: в Италии ли, или в Германии изобретена бумага? Известно только, что она появилась не ранее XIII века¹. В начале XVIII столетия была заведена в Москве игольная фабрика (в 1718 г.). Около половины XVII века итальянец Миньет первый завел в селе Измайлове близ Москвы стеклянный на казенном иждивении завод, на коем приготавливались весьма чистые стекла. Несколько лет спустя был устроен Юлием Ко-

---

лиман (Одесского уезда), одно из больших здешних озер, был известен грекам и римлянам своей рыбной торговлею. Рыба, ловимая древними промышленниками для соления и приобретения икры, вязиги и балыков, была почти тех же родов, как и ныне, а именно: осетр, стерлядь, кефаль (*mulgar cephalus*), составлявшая особую роскошь у римских гастрономов, скумбрия (*scumbrus*), бычок (*gobius*), сельди, анчоусы и сардели. Переходя от столь глубокой древности к позднейшим временам, мы находим частые упоминания о наших рыболовных промыслах у многих писателей с XIII–XVI вв. При владычестве генуэзцев на берегах Черного и Азовского морей в XIV в. они продавали рыбу не только по всей Тавриде и нынешнему Новороссийскому краю, но в Польше и Литве и в эти страны доставляли чрез Киев. По занятии русскими нынешних мест Новороссийского края и Таврического полуострова занялись рыбным промыслом степные жители, донские казаки и переселенцы малороссияне, а потом нахлынули сюда толпы разных торговцев. — *Скальковский А. А.* Древнее и нынешнее рыболовство в Новороссийском крае, помещ. в журн. Мин. вн. дел, 1846 г., № 9, с. 412–426. *Tagiços ou recherche sur l'histoire et les antiquités des pecheries de la Russie méridionale*, par Kochler, помещ. в «Memoir, de Pacadcm. imper. des sciences de St. Petersburg», 1832 г., vol. IV–V. <Tagiços или ищи в истории и древних сведениях о рыбных промыслах южной Руси Кёлера, помещ. в «Записках Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге», 1832 г., тома IV–V>. Из древних писателей см. *Геродота*, кн. IV, гл. III, *Страбона*, кн. I, гл. IV, *Поллибия* «Histor.», reip. LXXXI, с. 24, *Никифора Григораса* «Hist. Byzant.», кн. IX, гл. V, *Арриана* «Перипл Понта Эвксинского», пер. Фабрия.

¹ «Essai sur l'origine de la gravure», т. I, с. 332...

жетом другой стеклянный завод в Духанине, в 40 вер. от Москвы, на собственном его иждивении. Материалы для стекла он получал из Германии, пока не открыл их в России. С его фабрики доставлялось в Москву ежегодно стеклянной посуды и бутылок от 80 до 90 000 штук¹.

Кристалльная посуда в прежние времена была столь редкая, что завещали ее после смерти. В. к. Василий отказал сыну своему Василию (1455) кристалльный кубок, который ему подарил польский король. Английский посол представил от своего короля Иакова в 1604 г. царю Борису Годунову кристалльный сосуд, обделанный золотом². Фаянсовая посуда получалась еще в XVII в. от китайцев, но первая частная фаянсовая фабрика заведена в Москве <в> 1724 г.; потом первая казенная в 1756 г., в восьми верстах от Петербурга³; другая в 1765 г. близ гор. Дмитрова (Московской губ.) английским купцом Гарнером⁴.

Украшение внутренности покоев зеркалами долго не было известно нашим предкам; но нет сомнения, что женский пол давно употреблял их. Если не ставили их в покоях, то этому было причиной суеверное мнение, будто бы зеркала изобретены дьяволом и что зеркала представляют образ человека двуличным⁵. Суеверы не знали, что двуличных всегда много и без зеркал.

¹ Шторх. Historisch-statistische Gemaelde des russischen Reichs am Ende des 18 Jahrhunderts, ч. III, с. 290.

² Нов. Древ. рос. вивл., ч. I, с. 15; кн. Щербатов. Рос. ист., ч. VII, с. 183, 194. – Посол, приезжавший к Борису Годунову, был англичанин Шмид.

³ Ныне эта фабрика за Шлиссельбургской заставой, где доселе делают стеклянные и кристалльные произведения отлично превосходной и высокой работы.

⁴ Шторх. Historisch-statistische Gemaelde des russischen Reichs am Ende des 18 Jahrhunderts, ч. IV, с. 344.

⁵ На востоке первоначально употребляли металлические зеркала из меди, стали и серебра. Пред ними убирались и наряжались. В храме, построенном Вездесущему Соломоном, стены были украшены стальными зеркалами. Богатые римлянки употребляли серебряные зеркала, которые были не что иное, как плоские выполированные доски, вставленные в рамы. Изобретение стекла приписывают финикиянам, но делание зеркальных стекол принадлежит венецианцам.

Предубеждение к зеркалам начало искореняться мало-помалу заведением зеркальной фабрики, которую первый учредил кн. Меншиков около Петербурга в 1716 г.

Говорят, что в древности стояло на Александрийской башне зеркало, которое отражало свет по плоскости морской на 500 миль, и плившие корабли из Греции и западных частей света были предостерегаемы от подводных камней зеркальным освещением¹. После смерти Александра Македонского неприятели его разбили.

Разработка металлов началась у нас в конце XV века, когда Иоанн III послал двух иностранцев на реку Печору для отыскания серебряных руд; они открыли в 1491 г.² Золото, серебро и драгоценные камни мы получали до открытия руд через торговлю³. К нам доставляли из Европы серебро в слитках, сученое золото, ножи, иглы; из Азии шелковые ткани, парчи, ковры, жемчуг и драгоценные камни. Взамен шли от нас лучшие печорские меха: за соболь нам платили от 20–30 золотых флоринов, за черную лисицу – 15 зол. флор., за горностаи – от 3–4 зол. флор., а за белку – 2 деньги⁴.

В половине XVI века заключено было условие с англичанами (1569) о дозволении им отыскивать и плавить железные руды, но с тем, чтобы они обучали русских добывать этот металл и при вывозе его из России платили бы по одной деньге

¹ Voyage de Benjamin, путешествовавший в 1193 г., помещ. в собр. Бержер., ed. 1735, in f., с. 61.

² Шеделий, летописец половины XV в., говорит, что Новгород наполнен серебром, что немецкие купцы преимущественно ведут с ним торг и что вечевою колокол управляет им. ... <Альда – большой город нового типа, туда тевтонский торговый люд в большом числе ездил по делам. Альда большая, в ней много серебра, и ценности навалом покупались и продавались, так что серебро употреблялось на вес и нечekanенное. Альда среди торговых рынков есть краеугольный камень, который может подняться над ему подобными и не быть низвергнутым, который завоевывает господство городу>. *Gartman Schedelii. Alter Welt oder Cluonick anno 1493*, ed. Niimberg, in f. в с. «Von Russen Land», л. CCLXXIX.

³ *Pauli Jovii. De legatio Moscoviae.*

⁴ *Herber. Rer. Moscov. com.*, с. 42–59; *Korb. Diar. itiner. in Moscov.*, ed Vien., in f., с. 191.

с фунта. До открытия у нас благородных металлов мастера золотых и серебряных дел занимались не только деланием посуды столовой, но женских украшений: ожерелий, серег, колец и пр.

При всем сильном изменении старинных одежд и нарядов поселяне и жители небольших городов доселе готовят сами для себя одежду и деревянную посуду, которая окрашивается желтой и красной краской или испещряется по произволу. Для изготовления кушанья употребляют глиняные сосуды.

ЕДИНООБРАЗИЕ В ЖИЗНИ, ПЛАТЬЕ И ОДЕЖДЕ МЕЖДУ ПРОСТОЛЮДИНАМИ

Покрой платья простолюдинов едва ли не тот самый, что был за несколько столетий, исключая древние названия, которые почти все исчезли. Употребительный всеобщий наряд: белая рубашка поверх споднего платья и кафтан синий, шапка круглая низенькая с маленькими полями, пряжкой и пером. Зажиточные носят красные рубашки с цветным бумажным платком на шее; широкое споднее платье из черного плиса или бархата: оно подбирается в сапоги, которые бывают лоснящиеся или хорошо смазанные; кафтан из хорошего сукна, более синего; шапка пуховая и с блестящей пряжкой. Развевающееся павлинье перо или любимый цветок по какому-нибудь воспоминанию украшают шапку. Образ жизни несравненно улучшился: здоровая пища, красивая и даже щегольская одежда, просторная и опрятная изба составляют ныне потребность каждого хорошего хозяина-поселянина.

V. ОБРАЗ ЖИЗНИ

ПОХВАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА СЛАВЯН

Племя славян издревле отличалось почитанием старших себя. Глава семейства был отец и его начальник; все прочие: жена, дети, родственники и слуги – повиновались ему беспре-

кословно. Славяне, добрые сердцем, мужественные и гостеприимные, были восхваляемы самими врагами, всегда находившими у них приют. Отказать гостю-неприятелю защиту в своем доме или в хлебе-соли было осуждаемо самими соотечественниками. Обиженный в их земле иноземец или заблудившийся путник был отомщаем соседями. Русские славяне были кроткие и тихие, их стыдливость украшала брачную жизнь, спокойствие и целомудрие господствовали в домах семейных. Мужья ценили супружескую верность, жены повиновались им раболепно. Мать, воспитывая детей, вселяла в них любовь к отечеству, и часто народная любовь превращалась в неумолимую месть к врагам¹. Дети, следуя древнему обычаю уважать старших, славились особым почтением к родителям и заботились об успокоении их на старости лет².

Наши предки были трезвые и умеренные, довольствуясь тем, что производила природа; наслаждались долговечностью, были крепкие и веселые, любили пляски, музыку, хороводы и песни; не знали никаких заразительных болезней, переносили холод и зной в равной степени; легкие одежды простого сословия, будучи единообразными, в чем поныне служит живым примером наш народ, носились без украшений: они искали прочности и теплоты в одеждах. Неутомимые в трудах и привязанные к земледельчеству, они были вознаграждаемы собиранием обильной жатвы, молока и шкур, которые в домашней жизни служили покровом от непогод. Доброта сердца, обнаруживавшаяся повсеместным гостеприимством, была отличительною чертою наших предков, и самое отдаленное потомство не изменило их умиленных чувств хлебосольтва.

ХЛЕБОСОЛЬСТВО

Доныне между поселянами, живущими в отдалении от столиц и больших городов, существует обычай, чтобы про-

¹ *Unton. Versuch.*, с. 54.

² *Helmold. Chron. Slavor.*, с. 202.

езжего или прохожего пригласить к себе в дом, накормить и успокоить его по возможности. Хозяин и хозяйка встречаются и провожают такого гостя с радостным лицом, поклонами и приветствием; подают на стол, что имеют, и не берут никакой с него платы, думая, что брать с прохожего деньги за хлеб-соль есть великий грех. В Малороссии преимущественно господствует это добродушие. Там считают еще за великую обиду, если приглашенный путник на хлеб-соль откажется посетить дом. Хлеб, говорят малороссияне, есть дар Божий; не принять его – значит прогневить Бога. Почти во всей России еще владевает гостеприимство, особенно между простым сословием и помещиками, которые ничего не щадят для угощения званых и незваных гостей, и хозяева были бы обиженными, если бы их гости мало пили и ели. Таковых обыкновенно просят неотступно и часто заставляют пить и есть противу сил. Сначала просит хозяин, потом хозяйка. Если пирует у них какой-нибудь почетный гость, то употребляют всевозможные попечения, чтобы потчевать его непрерывно, – и это сплошь ведется между поселянами, мещанами и купцами, и, к чести помещиков, еще сохранилась между нами эта прекрасная прадедовская черта. Когда почетный гость уже не в состоянии не только есть, но и пить, тогда хозяин со своей женой и детьми становится пред ним на колени и умоляет его: еще хоть немножко! чего-нибудь! И дотоле все стоят на коленях и кланяются ему в ноги, пока упроят.

НАБОЖНОСТЬ

В древние времена вставали до восхождения солнца, молились тотчас Богу, испрашивая Его святой помощи на все добрые дела, и, не помолясь, никакого не начинали дела. Отправлялись ли в дорогу, строили ли дом, засевали ли поле, ходили прежде в церковь помолиться. В опасных же предприятях исповедовались и причащались. Выступая в поход или осаждая приступом город, все воины исповедовались и

принимали Святые Тайны, и тогда они шли бесстрашно на смерть. Сражаясь за отечество, охотно умирали мучениками, будучи убеждены, что их души примут ангелы и отнесут в царство вечного блаженства. Такое действие веры укрепляло наш народ среди величайших его невзгод. Эти достохвальные свойства благочестия не истребились: они доселе украшают простолюдинов, и поныне наши воины с чистой молитвой отправляются на доблести геройские. Перед выступлением в поход никакой полк не двинется вперед, не отслужив молебна и не будучи окроплен освященной водой.

Садился ли кто за стол или вставал из-за него, осенял свое чело крестным знаменем¹.

Спать ложились после солнечного захождения, оттого были крепкие и жили по столетию. Здоровая пища, скажут многие, весьма много содействовала их долголетию. Правда, но не более ли правильная жизнь? Могут ли быть те здоровыми, которые превращают ночь в день, а день в ночь? Посмотрите на столичную жизнь, и вы убедитесь. Едва расцветшие девицы уже чахлые и бесцветные, а усыпляемые роскошью дамы отживают в 30 лет свой век: они делаются дряхлыми и безжизненными. Сами мужчины, изнуряемые светскостью, сохнут и в 40 лет старики.

Владимир Мономах прекрасно изобразил в своем поучении набожные свойства, которые руководили им всю жизнь, и желал, чтобы все подражали примеру благочестивых мужей. Это доказывает, что в его время было общею принадлежностью отличиться христианским благочестием. Слезы у него текли из глаз, когда он молился Вседержителю за отечество и народ, ему любезный. Мономах был еще редкий сын: он никогда и ни в чем не ослушивался своего отца. «Приближаясь ко гробу, – пишет он, – благодарю Всевышнего за умножение

---

¹ На востоке было во всеобщем обыкновении не сидеть за столом, а возлегать, т. е. находиться в полулежачем состоянии. Когда же истребилось в Европе обыкновение возлегать за столом? На это нет достоверных сведений. Знатные римляне держались восточного обычая почти до падения своей империи, до 480 г., и этот обычай доселе между азиатами. Наши предки не следовали восточному образу жизни.

дней моих! Кто будет читать это писание, наблюдайте в нем правила. Когда же сердце ваше не одобрит их, не осуждайте моего намерения, но скажите: старец уже ослабел разумом. О, дети мои! Хвалите Бога и любите человечество. Ни пост, ни уединение, ни монашество не спасут вас, но благодеяния. Не забывайте бедных, кормите их и мыслите, что всякое достояние есть Божие. Не скрывайте богатства в недрах земли: это противно христианству. Не призывайте всуе имени Бога; утвердив же клятву целованием, не нарушайте. Не оставляйте больных, не имейте гордости ни в уме, ни в сердце, и думайте: мы тленны, ныне живы, а завтра в гробе. Бойтесь всякой лжи, пьянства, любострастия; чтите старых людей, как отцов; любите юных, как братьев. В хозяйстве сами прилежно смотрите за всем, да гости не осудят ни дому, ни обеда вашего. Всего более чтите гостя и знаменитого, и простого, и купца, и посла; если не можете одарить его, то удовольствуйтесь брашном и питием: ибо гости распускают в чужих землях и добрую, и худую славу. Приветствуйте всякого человека, когда идете мимо. Любите жен своих, но не давайте им власти над собою. Все хорошее помните; чего не знаете, тому учитесь. Отец мой, сидя дома, говорил пятью языками: за это хвалят нас чужестранцы. Лениность есть мать пороков: берегитесь ее. Вместо суетных мыслей читайте молитву, хотя самую краткую, но лучшую: “Господи, помилуй!” Не засыпайте никогда без земного поклона. Когда чувствуете себя нездоровым – поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на ложе! Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю: так делал мой отец; так делали все добрые мужи. Когда озаряло их солнце, они славил Господа с радостью: “Просветил еси, очи мои – Христе Боже! и дал ми еси свет твой красный”»¹. Мелеций, писатель XVI века, говорит, что все спешили во храм прежде помолиться Богу, а потом принимались за работу². Никто не садился за стол, не совершив молитвы, и никто не вставал из-за обеда, не принеся благода-

¹ Карамзин. История государства Российского, т. 2, с. 152–156.

² Meletij. De Russor. relig. et ritib., ed. 1581 г.; Philips. The Russian Cathechism.

рения Богу. Лжедмитрий не думал следовать нашим древним обычаям, и, желая быть во всем ляхом и немцем, он не хотел креститься пред иконами, не велел благословлять царской трапезы, садился за обед не с молитвою, а с музыкою, за что народ сначала осуждал его, но, не видя в нем исправления, восстал противу него.

Праздники отправляли в старину, как и ныне, с благоговейными обрядами, потому что русские всегда отличались при встрече священных дней истинной набожностью, умиленными обычаями, простосердечной, нелицемерной и братской радостью. Во время празднеств все забывали свои вражды и составляли одно общество¹.

¹ Для лучшего объяснения о встрече празднества приводим для образца Рождество Христово. Накануне Рождества Христова государь выходил утром в столовую избу или Золотую палату к царским часам в сопровождении бояр, окольных, думных, ближних, приказных, стольников и стряпчих. Во время службы благовещенский дьякон *кликал* многолетие государю и всему царскому семейству. По отходе часов протопоп благовещенский, царский духовник, *здоровствовал государю* (поздравлял). Потом царь принимал поздравление от бояр: первенствующий из них подходил к нему и от лица всех говорил титул (речь). Вечером в тот же день приходили к государю *славить*: соборные протопопы и попы; *певчие дьяки и подьяки* царские, патриаршие, митрополичьи и других духовных властей. Государь принимал всех их в столовой избе или передней палате и жаловал им по ковшу белого и красного меду. Отславив у государя, они ходили славить к царице и патриарху. Кроме того, государевы певчие дьяки пользовались в течение всего праздника тем преимуществом, что они имели право славить у всех дворовых и служилых людей. Когда некоторые из них не пустили к себе этих певчих (в 1677 г.), тогда велено сказать им от имени государя: что они-то учинили дуростью своею не гораздо, и такого бесстрашия никогда не бывало. За это бесстрашие дьяки в свою очередь лишились по указу царя всяких светлых и даже темных доходов, т. е. поминок и взяток, соединенных со службою в приказе.

В праздник Рождества Христова после заутрени во втором часу дня патриарх в предшествии соборных ключарей, несших крест на мисе и святую воду, и в сопровождении митрополитов, епископов, архимандритов и игуменов приходил к государю в золотую палату: славить Христа и здоровствовать государя с праздником. Потом патриарх и власти ходили славить к царице и ко всему царскому семейству. По совершении славления государь торжественно выходил в Успенский собор к обедне. Всем сановникам, приезжавшим ко двору, указано было (19 дек. 1680 г.) являться в золотых фереях, потому можно вообразить себе, каким блеском сопровождался царский выход. Праздничный стол у государя был в столовой избе или Золотой па-

Зная, что проклятие совершается, наши предки верили, что благословение и доброе слово сбываются. Всякий чело-

лате и начинался обыкновенно в последнем часу дня (в сумерки). У стола были по приглашению: патриарх, власти духовные, несколько бояр и окольничих; но чтобы звать к себе хлеба есть, то государь посылал к патриарху окольничего, а к властям и боярам дьяков. Иногда сам государь приглашал их в соборе после обедни.

Приглашение к царскому столу бояр и окольничих основывалось на их родословном старшинстве, а иногда на их родстве с государем. Люди неродословные приглашались ими по особенному к ним благоволению государя или когда он хотел наградить их за службу: обыкновенно все награды объявлялись тогда после царского стола. К столу выходил государь всегда в предшестве стряпчего, который нес царский скипетр.

Если по какому-либо случаю не готовился стол для патриарха, духовных властей и бояр, то посылали к патриарху целый обед под надзором ближнего человека или окольничего. После стола дарили патриарха кубком, камкою и другими предметами. Митрополиту Дионисию было подарено (в 1584 г., 26 дек.) *Государева жалованья 10 арш. камки венедицкой багровой, цена по 10 алтын аршин и того шесть руб.*, и кубок индийского ореха (кокоса), окованный серебром, но вместо кубка было выдано ему девять рублей. Точно так дарили патриархов, из них самые богатые дары получал один Никон. В числе первых подарков всегда был кубок из индийского ореха, окованный серебром. Из рук митрополита и патриарха он переходил снова в царскую казну, из которой выдавали за него неизменные девять рублей. От стола царского посылались еще *подачи* боярам, думным и ближним людям. Если подача не доходила по назначению, то этим наносилось оскорбление тому лицу, которому было послано. Крайчий кн. П. С. Урусов разослал однажды боярам, окольничим, думным дворянам, думным дьякам и ближним людям по две подачи с кубка, т. е. с винами, и сверх того отдельно боярам корки (род пирожного).

В день Рождества Христова (как и в другие большие праздники) цари не садились за стол, не накормив прежде *тюремных сидельцев*. Так, в 1663 г. было кормлено на большом тюремном дворе 964 тюремных сидельца.

Независимо от всех церемоний, происходивших в царских палатах, приносилась дань обычаям того времени в отделении дворца царицы. Окруженная дворовыми боярынями, она принимала в своей золотой палате духовенство, приходившее к ней славить Христа, и *приезжих боярынь*, которые являлись к ней с поздравлениями и по особому приглашению обедали за ее столом. Каждая приезжая боярыня подносила царице и царевне по тридцати перепечей. Царице Марье Ильиничне и царевнам поднесли 14 приезжих боярынь (в 1663 г.) 426 перепечей. После обедни царица посылала патриарху от себя и каждой царевны по 5 перепечей. *Ив. Забелин*. Некоторые придворн. обряды и обычаи царей московских в праздник Рождества Христова, см. «Ведом. С.-Петербург. городск. полиции» 1847 г., № 5.

век, встретившийся со знакомым или проходивший мимо незнакомого, но чем-нибудь отличаемого, приветствовал его снятием своей шапки и наклоном головы. Это делается поныне в отдаленных местах. Как прежде соблюдались, так и ныне соблюдают усладительные обряды набожности и чистосердечия. Посторонний человек, вошедший в избу или в пышные палаты, обращал впервые свои глаза на икону и молился; потом кланялся и приветствовал: «*Будьте здоровы*» или «*Здравствуйте*». Когда посторонний входил во время обеда, тогда он, помолясь Богу, говорил: «*Хлеб-соль*». Хозяин отвечал: «*Добро пожаловать хлеба-соли кушать*». Проходивший мимо работающего говорил: «*Бог в помочь!*». Тот отвечал: «*Спасибо*», выражая этим: спаси тебя Бог за доброе твое желание. При провожании кого-либо в дорогу говорили: «*Счастливый путь*»; при встрече со знакомым: «*Здорово, брат*» или «*Здравствуй, брат*», желая ему, чтобы он был здоров. Расставаясь друг с другом, говорили: «*Прощай*» или «*Прости, брат*», т. е.: в чем я тебя оскорбил или какое я тебе сделал неудовольствие, забудь ныне все и не вспоминай лихом даже заочно; не кляни, не благослови. Проходя мимо церкви или увидя издали крест, всякий снимал шапку и молился¹. Ныне только делают купцы, мещане и простолюдины. Многие при звуке колокола вечернего или во время благовеста делают крестное знамение. Другие, когда зевают, осеняют свой рот крестным знаком не менее трех раз, – над этим простодушным обрядом издеваются некоторые. Когда кто чихнет, тогда считают невежеством, если не пожелают исполнения желания или не скажут: «*На здоровье*», «*Мое почтение*» или: «*Встать и поклониться*»². Иные думают, кто чихнет при разговоре, тот подтверждает истину сказанного. Другие замечают еще: чихнуть в воскресенье – значит быть в гостях; в понедельник – будет прибыль в этот день; во втор-

¹ Herber. Rer. Moscov. com., Marger. Éstat de l'emp. de Russie; Petrejus. Historien und Berichte von dem Grossfürstenthumb Muschkow, с. 618–669.

² В Архангельске делают приветствие чихнувшему: «*Салфет вашей милости!*» Чихнувший благодарит: «*Красота вашей честности*».

ник – будут ходить за долгами; в среду – будут хвалить; в четверг – рассердит кто-нибудь; в пятницу – получатся письма или будет неожиданная встреча; в субботу – придет весть о покойнике. Есть на свете люди, для коих обычаи, освященные временем, кажутся невежеством¹.

ОТЗЫВЫ ИНОСТРАНЦЕВ О СВОЙСТВЕ РУССКИХ

Наши свойства казались наблюдателям худыми и добрыми, а обычаи – любопытными и странными. Контарени пишет, что москвитяне толпятся с утра до обеда на площадях и рынках: глазают и шумят, а день заключают в медовых домах². Герберштейн говорит с удивлением, что он видел работающих в будние дни, что им запрещалось тогда пить, что одни иноземные воины, служившие за деньги, имели право быть невоздержанными в употреблении хмельных напитков, для чего слобода за рекою Москвою, где они жили, называлась *Наливайкою*, от слова «наливай». В. к. Василий, опасаясь худого примера от иностранцев и дурных от них последствий, запрещал русским жить вместе с ними. У всякой рогатки на улице стояли часовые; никто не смел ходить ночью без надобности и фонаря. Тишина царствовала в городе. Русские не злы, не сварливы, но москвичи склонны к обманам. Славил честность новгородцев и псковитян. Пословица «*Товар лицом продать*» оправдывала тогдашние времена³. Произнесенные слова «*Да будет мне стыдно*» – заменяли клятву. Имя Божие не смели призывать напрасно, боясь Его праведного гнева.

¹ Папа Григорий I имел привычку креститься, когда зевал. Тертулиан научает, чтобы мы при всех наших движениях, при входе и выходе из дома и умывании, равномерно когда садимся за стол или встаем из-за него, когда ложимся и просыпаемся, должны креститься. Ориген говорит, что крестное знамение прогоняет чародейство. Император Юлиан, беседуя с магом, который являл ему духов, всегда крестился при их появлениях, чтобы не пристала к нему вызываемая нечистая сила. Diction. des origines., P., 1777.

² *Contareni. Voyage*, с. 53, пом. в собр. Бержер.

³ *Herber. Rer. Moscov. com.*

Клялись пред св. Крестом и Евангелием, но с трепетом, зная, что за нарушение клятвы душа погаснет, как свеча. Не божились по произволу, зная заповедь: не произноси напрасно имени Господа Бога Твоего! Эти достохвальные свойства изменились от угнетения татарского, почему неудивительно, если иностранцы осуждали наших предков прямодушных, клявшихся и в язычестве: «*Да будем золоты, яко золото, и да будем иссечены своим оружием*», не дерзая призывать во свидетели даже своего идола Перуна. Флетчер укоряет тогдашние нравы. Москвитяне не верят чужим словам, говорит он, ибо никто не верит их слову. Воровство и грабеж, весьма частые от множества бродяг и нищих, которые, требуя неотступно милостыни, говорят: дай мне или убей меня! Днем просят, ночью воруют, а вечером нельзя выходить из дома. Несмотря на это, он сознается, что искренняя набожность царствует между русскими¹. Петрей говорит, что русские крепкие, сильные и не страдают никакими зловредными болезнями; но московитяне лукавые и обманчивые. Меч пишет, что русские одарены сметливостью, изобретательностью и остротой ума. Корб, восхваляя добродушие, говорит: «Достоинно удивления, что в Московии никогда не было восстания». Капитан Шлейссинг, бывший несколько лет в службе царей: Алексея, Феодора, Иоанна, Петра I и правительницы Софии, отзывается с особенной похвалою о верности русских: «Я никогда не слышал и никогда не читал, – пишет он, – чтобы русские восставали когда-нибудь противу своих государей, разве только противу самозванцев».

Иностранцы с удивлением описывают еще строгость постов наших предков и говорят все единодушно, что в самых отчаянных болезнях не решались употреблять мясного; что все посты встречали с набожными чувствами, ознамено-

¹ Флетчер. *Com. Wealth.*, пом. в собр. Гакл., с. 116; *Mach. Relat. of three embas. of Carlisle*, с. 43; *Korb. Diar itin. in Moscov.*, ed. Vien, in f., с. 189; <...> Флеминг написал стихами слово похвальное, которое во многих местах довольно грязное для имени русского. Его сочинение напечатано <...> в путешествии *Олеария: Offt beehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise*, с. 199, ed. 1647 г.

вывали их добрыми делами, чистосердечным раскаянием и братским угощением¹.

¹ При дворе наших царей встречали первую неделю Великого поста с особыми обрядами. В субботу, а иногда во вторник, приезжали к государю после обедни из 35 монастырей стряпчие и подносили ему и каждому члену царского семейства от каждого монастыря: по хлебу, блюду капусты и кружке квасу. Приняв эту обычную дань, царь жаловал монастырских стряпчих *погребом*, т. е. приказывал их поить вином, пивом и медами своего погреба. Вот исчисление особ, кому подносили, и названия тех монастырей, откуда приезжали монастырские стряпчие. В 1665 г. в неделю Православия в субботу подносили по хлебу, блюду капусты и кружке квасу на каменной лестнице у мастерской палаты: царице Марье Ильиничне, царевнам Ирине и Анне Михайловнам, Евдокии, Марфе, Софии, Екатерине, Марье и Феодосии Алексеевнам. Названия монастырей, от коих подносили, это суть: 1. Из Троицко-Сергиева монастыря. 2. Владимира Рождественского. 3. Чудова. 4. Спасского, что на новом. 5. Спасского. 6. Спасского Андроньева. 7. Из Звенигорода Сторожевского. 8. Из Костромы Ипат<сьев>ского. 9. Из Переславля-Залесского Горицкого. 10. Нового девичьего. 11. Вознесенского девичьего. 12. Из Суздаля Покровского девичьего. 13. Из Можайска Лужецкого. 14. Из Ростова Богоявленского. 15. Из Костромы Богоявленского. 16. Из-за торгу Богоявленского. 17. Знаменского, что на старом дворе у Государя. 18. Из Ярославля Спасского. 19. Из Боровска Пафнутьева. 20. Из Волоколамского Иосифом. 21. Из Суздаля Спаса Ефимьева. 22. Из Переславля-Залесского Данилова. 23. Из Ростова с устья Борисоглебского. 24. Из Никольского Угрешского. 25. Из Кашина Колязина. 26. Из Переславля-Залесского Никитского. 27. Из монастыря Пречистой Богородицы Донского. 28. Данилова. 29. Новинского. 30. Златоустовского. 31. Из Переславля-Залесского Феодоровского. 32. Из Серпухова Владычина. 33. Из Серпухова Высоцкого. 34. Из Бежецкого вверху Никольского Антоньева и 35. Из Дмитрова Никольского Пастышского. Впоследствии подносили еще из Воскресенского, что на Истре.

От тех же самых монастырей подносили хлебы, капусту и квас: патриарху, боярам, окольным, думным и ближним людям, думным дьякам, крайнему, стряпчему с ключом и всем приказным людям.

Может быть, обычай собираться из монастырей в Москву и собирать монастырскую великопостную дань присвоил и первому воскресенью Великого Поста наименование *Сборного воскресенья*.

Монастыри тогда славились, и ныне славятся, искусным печением хлебов и отличным приготовлением капусты и квасов. При царе Михаиле Феодоровиче славился своими квасами монастырь Антония Сийского (Архангельской губ., Холмогорского уезда), так что государь посылал туда для *ученья квасного варенья* своих хлебников и пивоваров.

В субботу первой недели или в Сборное воскресенье, а иногда в другой какой-либо день после обедни, сам государь раздавал в столовой избе *укрухи* боярам и другим чинам. К патриарху же посылал их с боярином. В среду первой недели поста (1667 г.) была отправлена к патриарху *укруха*

ЗАНЯТИЕ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Женский пол в семейном быту всегда был кроток и послушен. Муж обрабатывал землю, плотничал и строил; жена пряла, ткала, шила, и каждое семейство подчинялось старшему в доме, который разделял между ними работы и занятия¹.

У нас женщины сами шили для себя одежды и отличались искусным вышиванием разными шелками, серебром и золотом. Знатные боярыни и девицы преимущественно занимались этою работою и щеголяли ею. Анна, супруга в. к. Рюрика II, живя в монастыре св. Андрея в Киеве (в исходе XII в.), обучала детей шить золотом и серебром.

Введение вышивания золотом приписывают фригийцам. Во время Моисея (за 1500 лет до Р. Х.) отличались египтяне шитьем по золоту и тканьем разноцветных материй; женщины сидонские славились вышиваньем. Греки

с стольником кн. Петр Ив. Прозоровским, и она состояла: из кубка романеи ренского, мальвазии, хлеба *кругличатого*, полосы арбузной, горшочка патоки с имбирем, горшочка мазули с шафраном, горшочка мазули с имбирем и трех шишек ядер.

На первой же неделе Великого Поста, в пятницу, в Успенском соборе патриарх молитвословил над коливом (кутьюю), которую раскладывал на серебряные блюда и с соборным протопопом посылал к царю и ко всему его семейству. – См. ст. Ив. Забелина «Некоторые придворные обряды и обычаи царей московских», помещ. в «Московск. вед.», потом перепечатано во «Владимирских губернских ведомостях» в 1847 году, № 7.

¹ Орудия, коими шили платья, состояли прежде из заостренных костей рыбьих и деревянных игл. Сами одежды выделявались, разумея во время дикости народов, из тонкой коры, листьев и кож; нитки употреблялись очень простые и грубые: сушеные тонкие ремешки, жилы и конопляные витые суровые нитки. Гренландцы шили кишками, выделяемыми из морских собак; эскимосы, самоеды, американцы, африканцы употребляли жилы животных. Гесиод говорит, что так же поступали греки, пока не получили гражданскую образованность.

Египтян научила прясть Изис, но китайцы отдают эту честь Яо, жене императора; лидяне – Арахне, греки – Минерве, перуанцы – Маме – оелле, жене Монко-Капака, первого их государя. Прядение, ткачество и шитье приписывают изобретением женскому полу, потому что это свойственно образу его занятий. Усовершенствование игл приписывают грекам и римлянам. Пряслица изобретена брауншвейгским мещанином Юргеном в 1530 г. – «Dict. des orig.», P., 1777.

знали оба эти искусства еще до Троянской войны. Елена, по описанию Гомера, прекрасно изобразила на большой ткани кровопролитные битвы греков и троянцев; Андромаха вышила разными цветами несчастную смерть Гектора¹. Многие из наших боярынь славились искусством вышиванья. Жена Волынского, обергегателя посольского приказа, славилась вышиваньем.

УДОВОЛЬСТВИЕ В ПЕНИИ

Пение составляло особое удовольствие наших предков, как и поныне между народом. Песни свадебные, хороводные, святочные, плясовые и церковные стихи услаждали их во всякое время. Правильность пения образовалась не ранее как около половины XI века, когда выехали к нам греческие певцы в великокняжение Ярослава. Они первые научили русских демственному пению на восемь голосов, чтобы и слух молящихся находил не одно удовольствие, но услаждение². Княжна Янка или Анна, как называет Татищев дочь в. к. Всеволода, будучи монахиней в монастыре св. Андрея в Киеве, учила молодых девиц грамоте, пению и шитью³. Весьма

¹ «Diction, des origines», Par., 1777 г.

В терем вошла, где Елена ткань великую ткала,
Светлый, двускладный покров, образуя на оном сраженья,
Подвиги конных Троян и медянодоспешных Данаев.

Ткала одежду она (Андромаха) в отдаленнейшем тереме дома,
Яркую ткань, и цветные по ней рассыпала узоры.

Гнед. «Илиада» Гомера,
песн. III, ст. 125–127, песн. XXII, ст. 440–441.

² Название демственное есть испорченное греческое, и оно происходит от слова *δωρεσις*, уставщик, потому что он первый начинал и указывал на правильное пение, см. Du Cange: «Glossar. med. aev.». В «Никон. лет.», ч. I, с. 142, сказано, что в 1051 г. приехали из Греции в Киев три певца со своими семействами, см. *Карамзин. История государства Российского*, т. 1, пр. 57.

³ Она померла в 1103 г. и в том монастыре похоронена. – Воскр. лет., ч. I, с. 27; *Татищев. Рос. ист.*, кн. II, с. 158; *Карамзин. История государства Российского*, т. 2, прим. 156.

справедливое замечание одного иностранца¹, что россиянок XVII века главнейшее увеселение состояло в пении, коим они прогоняли свою скуку, ибо тогда женский пол, проводя всю свою жизнь в затворничестве, не мог участвовать в собраниях с мужчинами. Одна забава считалась им позволенною – качели, однако и ее осуждали невежы и суеверы, называя *дьявольскою сетью*². Музыкаю не занимался женский пол³.

УЕДИНЕННАЯ ЖИЗНЬ

Женщины и девушки, будучи совершенными затворницами, не смели показываться чужим людям, даже не ходили в церковь с открытым лицом. Ни старики, ни родственники, ни братья не могли их видеть без особого позволения отца семейства или мужа, ибо, по тогдашнему мнению, те женщины были нечестные, которые сами показывались, а особенно когда не сиживали дома. В праздники и в летнее время мужья бывали к ним снисходительнее. Жены и молодые девушки выходили гулять на луг. Там пели и качались на качелях, а матери между тем гадали дочерям в фортунку⁴.

¹ *Reutenfel.* De reb. Moscov.: «Mulierculae canticulus fastidia otii pellant» <«Скучный досуг бабы прогоняют пением»>.

² *Herberst.* Rer. Moscov. com. Об осуждении качелей см. «Синописис» Гизеля.

³ *Успен.* (Оп. повесть о древ. русск., ч. I, с. 93), увлекшись исследованиями *Татищ.* («Рос. ист.», т. III, с. 84) и кн. Щербатова (там же, с. 199), говорит, что когда в. к. Изяслав возвратился в Киев, в 1151 г., и вновь занял великокняжеский престол при помощи венгров, тогда он делал великий пир, на коем играли венгерские музыканты, а киевляне слушали с удивлением. Тогда же *Угры на фарех и скоках играху на Ярославле дворе*. Фарями назывались арабские кони, см. *Дюканжа* «Gloss. med. aevi.». В старинной русской сказке, названной: «*Деяние и житие Девгениево Акрита*», сочиненной, как можно судить по слогу, в XII или XIII в., сказано: «*Кто сему не дивится, како дръзость яви уноша (юноша), како нагопи бръже (скорее) фаря бръзого*». В другом месте: «*Како фарь под ним скакаше, а он гораздно на нем играет*». Скокы значат скакуны. Венгерцы увеселяли пирующих и народ искусною скачкою на лошадях. Об этом см.: *Карамзин.* История государства Российского, т. 2, с. 233, изд. 1816 г.

⁴ *Herber.* Rer. Moscov. com., ed. Antv., с. 51; *Petrijus.* Historien und Berichte von dem Grossfürstenthumb Muschkow, с. 609; *Olear.* Offt beehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise, с. 141 и 143. Качели в это время были круглые, быть может как ныне. *Maerb.* Voyage en Moscov., с. 148, изд. Лейден; *Mach.* A relat. of three embass. to the great Duke of Moscov. in the years 1663 and 1664, с. 52–54.

Если женам и дочерям позволяли навещать родственников или проезживаться, то не иначе как под покрывалами или в закрытых возках. Сами царицы подвергались такому же порядку. Когда супруга царя Алексея была нездоровою и к ней пригласили врача, тогда ему дозволили ощупать ее пульс через тонкое тканье, коей была покрыта ее рука¹. От сидячей жизни наш женский пол страдал тогда многочисленными болезнями. А ныне еще жалуются на сидячую жизнь!

ПОСТЕЛЬ

Нега, принадлежность женского пола, усыпляла его на мягком и теплом ложе. Перины и пуховые подушки, употреблявшиеся издревле, составляли роскошь знатных боярынь и великих княгинь. Постели их застилались шерстяными, шелковыми или льняными одеялами; покрывала вышивались золотом и серебром и украшали богатую постель; кровати были подвижные, ставились к стене под пышным занавесом, называвшимся *пологом*. У недостаточных и бедных делались вместо кроватей *примости*, укрепляемые досками на подставах между двумя стенами. Доныне простой народ спит на примостах и на печи. Полати делались из досок, выше примостов, в уровень с печью. Часто спали не раздеваясь даже на самих печках.

СУПРУЖЕСКАЯ ВЕРНОСТЬ

Летописцы иностранные хвалят непорочность и верность россиянок. Агнеса, супруга императора германского

---

¹ Маерб. «Voyage», с. 88. У греков и богини ходили под покрывалом.

Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь.
Мать увидала...
Рвет седые власы, дорогое с себя покрывало
Мечет далеко.....

Гнедич. «Илиада» Гомера,
песнь XVIII, ст. 385; песнь XXII, ст. 405–407.

Генриха IV, дочь в. к. Всеволода I, была однажды подвергнута им испытанию в верности, для этого он велел одному из своих баронов, влюбившихся в нее, искать ее любви. Она презирала его страстные изъяснения, но, выведенная из терпения, назначила ему место и время для тайного с нею свидания; но вместо барона явился ночью сам император, который был встречен переодетыми в женское платье слугами. Они, исполняя приказание императрицы, поступили с ним, как с оскорбителем ее чести. Узнав же в мнимом бароне своего мужа, Агнеса сказала ему: «Для чего же ты шел к жене под видом обольстителя?» Генрих, раздраженный оклеветанием барона, казнил его, а целомудренную Агнесу поносил грубыми и дерзкими словами¹.

Россиянки всегда славились непорочностью в семействе и служили удивлением для иноземцев. Скромность и невинность составляли неразлучную добродетель жен: этим гордились мужья и дорожили самые знатные люди². Однако были примеры неверности, но эти примеры не могут быть доказательством безнравственности, в особенности прекрасного нашего пола. Первый разнес молву невыгодную барон

¹ Chronic. Th. Engelhusen, в Лейбниц. «Script. Brunsv. 11»; *Геггарди*. Eri-
auterung der Eur Kanserl. und Konigl. Hauser, см. табл. 9, где приведены
свидетельства разных немецких летописцев. – Агнеса чрез три года раз-
велась с Генрихом. – Любопытные сведения об Агнесе см. еще: *Карам-
зин*. История государства Российского, т. 2, с. 97, прим. 157. Она вышла
замуж за Генриха IV в 1089 г. Император Генрих IV замечателен в истории
средних веков сильными распрями его с папою Григорием VII Гильде-
брандом за инвеституру. В Западной Европе было тогда обыкновение,
что государи, возводя духовных особ в высшее достоинство и отдавая
им в пастырское управление земли, вручали жезл и перстень в знак их
зависимости от государя; но папа Григорий VII, отнимая это право у го-
сударей под опасением отлучения их от Церкви, объявил, что эта власть
принадлежит римским первосвященникам. Всем известно несчастное
унижение Генриха IV, которое должно приписать невежественному веку и
владычеству духовенства, хотевшему быть властителями и судьями. Но
благодаря просвещению папская власть, во многом пагубная не только
для монархов, но и государств, совершенно ослабела ныне или, лучше
сказать, сделалась ничтожною.

² *Pauli Jovii*. De legatio Moscoviae.

Герберштейн¹. Не принимая и не веря его замечаниям, мы можем согласиться с ним в том только, что мужья, занятые службою, редко бывали дома и что самое супружество зависело от воли родителей. Не жених выбирал себе невесту, но отец, и он назначал ее для своего сына. Когда жених домогался видеть свою невесту, тогда родители отвечали ему: спроси об ней у добрых людей. По наступлении только дня свадьбы засватанные видели друг друга пред венцом.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ ЧРЕЗ ПОБОИ

Мужья весьма любят своих жен, говорит барон Герберштейн, но без частых побоев мужа каждая жена сомневается

¹ *Herber. Rer. Moscov. com. – Pauli Jovii (De legatio Moscoviae)* говорит (он писал в 1525 г.), что в Москве были дома публичных женщин, которые принимали к себе посетителей за весьма умеренную награду: «...ad venerem omne vulgus foeminarum facile pollicitur». «Всякое могут пообещать ради любви падшие жещчины». Должно думать, что введение таких домов современно многоженству. Французская болезнь была нам известна в конце XV в. по одному слуху. Она с американским золотом вывезена в Европу в 1493 г. Сначала именовалась неаполитанскою, и до того она была опустошительною, что казалась гневом Божиим, ниспосланным за грехи. – *Robertson. Hist. of America*, кн. 4, с. 99 и с. 342, прим. 50, изд. 1828 г. – Одна женщина занесла ее из Рима в Краков: эта болезнь вдруг заразила там многих; от нее вскоре помер кардинал Фридерик. – Стрыйков. летоп., кн. XXI, гл. 1. – Слух об этой болезни дошел до Москвы в 1499 г. В. к. Иоанн III, посылая в Литву боярского сына Ив. Мамонова, велел ему разведать в Вильне: «...есть ли еще та болезнь или нет, что болячки мечются (покрывают тело), а слово французска». – Дела польского двора, № 1, с. 684. – В договоре смоленского кн. Мстисла Давидовича с городом Ригою, заключенном в 1228 г., сказано между прочим, что за бесчестие женщины платить 10 гривен серебра, пока она не была обесславлена, – ст. 13, см.: «Собр. госуд. грамот». Это доказывает, что общественные женщины давно существовали. Мелетий, писатель половины XVI в., говорит: «Те из них, кои грешат со всеми, изгоняются из общества и называются *общими*», т. е. общественными. «Eos quoque, quod publice peccant, communicatione persequuntur, quod eorum lingua obsca vocant.» – *De Russor. relig. et ritib.*, ed. 1581 г. <...> – В Малороссии венерическая болезнь называется *гостец* (гостинец, подарок). Она занесена сюда проходящими войсками вроде подарка и, должно думать, не ранее половины XVIII в., когда войска останавливались здесь гостить постоем. В некоторых местах России эта болезнь известна под именем *скорби*. О зараженном ею говорят: «У него большая скорбь в носу, в ногах и он весь в скорбях».

в его любви. Один немец, женатый на русской, рассказывал ему, что жена часто докучала ему своими замечаниями, что будто бы он не любит ее, и постоянно спрашивала: отчего ты не любишь меня?

– Напротив, я тебя очень люблю, – отвечал он ей.

– Не верю, докажи.

– Какого же ты хочешь от меня доказательства?

– Ты никогда не бил меня.

Тогда муж исполнил ее желание и, по его словам, чересчур¹.

Обыкновение бить жен позаимствовано от татар, и это может быть объяснено только грубостью тогдашних времен. Любовь через побои существовала еще лет пятьдесят тому назад, как рассказывали мне². В одной песне женщина, выражая чувствования своей любви, напоминает нам старый обычай доказывать любовь хворостиной и кнутом:

Мимо пройдет, да не взглянет,

Как морозом подерёт!

Ай люли, ай люли,

Нигде места не найду!

---

¹ *Herber. Rer. Moscov. com.*, с. 51, ed. Antv.; *Petrijus. Histor. und Bericht. von dem Grossfürstenthumb Muschkow*, с. 632–634, изд. Лейпц., 1620 г.; *Olear. Offt beehrte Beschr. der Neuen Oriental. Reise*, с. 143.

² Я однажды слышал жаловавшуюся жену на своего мужа, что он не любит ее. Когда я спросил ее, отчего она так думает? – тогда она отвечала мне, что он ее ни разу не бил. – Да разве в этом любовь?

«Э, батюшка, жена не ведает любви мужней без битья. Чем крепче и почаще побивает муженек, тем-то жена боится мужа и холит его. Бабий волос длинен, а ум короток. Не потрепли ее косыньки, не оставь синева на плечиках и щечках румяных, и что за любовь!» Случилось еще видеть, что муж бил свою жену, и весьма жестоко. Когда я заметил, что он поступает с ней бесчеловечно, тогда он отвечал мне: «Нет, батюшка, это уж такая наша поведенция. Не бей же, она ругается: ты меня не любишь. Если любишь, то бей меня!» Во время сердечных побоев жена не плачет и не кричит, она переносит терпеливо и этим еще гордится между своими приятельницами. В России все изменяется так скоро, что можно думать, что любовь чрез побои не существует уже. В <английской> Индии доселе в обычае доказывать любовь побоями. Привязывают жену к дереву и бьют прутьями до бесчеловечия, пока она не скажет: довольно, доказал любовь! Или пока сам муж не устанет, но это бесчестие для мужа. Правительство английское несколько раз предпринимало меры к истреблению варварского обычая, но сами жены восставали против этого.

Вдоль спины перепояшет,
Хворостиной аль кнутом,
Ай люли, ай люли,
Нигде места не найду!
Мне-то за честь и не больно,
Хоть малиной не корми!
Ай люли, ай люли,
Нигде места не найду!¹

Еще в другой песне:

Ах, что это за муж,
Молоду жену не бьет!
Бей жену к обеду,
К ужину снова, да опять,
Чтобы щи были горячи,
Каша масляная.

Каждый народ имеет свой особый дух и такие качества, которые только ему одному свойственны. Женский пол отличается во всем свете чувствительностью и нежностью сердца, но при этом он обнаруживает свои наклонности. Немки – хорошие хозяйки, голландки – постоянные, англичанки – верные, испанки – пламенные, португалки – страстные, швейцарки – патриотки, француженки – любезные, итальянки – ревнивые, польки – увлекательные собеседницы, а русские – нежные матери. Мужчины же в своих страстях так изменились, что все они более или менее на один лад непостоянные, но этот недостаток они вознаграждают твердостью воли, глубокомыслием и проницательностью.

---

¹ Новейш. полн. всеобщ. песен., ч. 3, № 297, изд. Москов., 1822 г. Эта песнь начинается так:

Мне моркотно молоденьке,
Нигде места не найду!
Ай люли, ай люли,
Нигде места не найду, и проч.

ОБРАЩЕНИЕ В ОБЩЕЖИТИИ

Дворяне и богатые были спесивые к бедным, но между собою гостеприимны и вежливы. Гостя встречали с объятиями и просили садиться, но гость, войдя в комнату, искал глазами святые иконы, подходил к ним, крестился и клал сначала три земных поклона, произнося вслух несколько раз: «*Господи, помилуй, Господи, помилуй!*» Потом обращался к хозяину с приветствием: «Дай, Господи, тебе здоровья». Подавши друг другу руку, они целовались, кланялись по несколько раз, и чем ниже, тем считалось почтительнее; переставали кланяться и снова кланялись, наконец, садились и беседовали¹. Гость садился лицом к святым образам. Тут его потчевали медом, пивом, вишневою, а дорогих гостей – греческими винами и мальвазией. По окончании разговоров гость, взяв свою шапку, подходил к образам, крестился, делал те же поклоны и прощался с хозяином, желая ему быть здоровым. Хозяин отвечал ему взаимным желанием и провожал его без шапки до крыльца; любимого провожал до самых ворот, а почетного далее, за несколько шагов от ворот.

Путешественник Ле-Брен, будучи представлен кн. Меншиковым государыне Екатерине в селе Измайлове, говорит, что после нескольких разговоров князя с царицей она велела наполнить чашу водкою и подала из своих рук князю, который, выпив, передал одной из фрейлин. Эта фрейлина вновь наполнила чашу, а государыня подала Ле-Брену. После подавали пить вино и наконец пиво, но князь и он, от-

¹ В разговорах употребляли «*батюшка*», «*милостивец*». *Батюшка* есть очень древнее употребление, и оно встречается уже в XIII в.; означало отца-покровителя. Ныне же оно произносится без всякого значения, по одному укоренившемуся обычаю. У мексиканских народов существовало обыкновение величать старших себя с прибавлением слога к каждому слову: *цин* и *ацин*, напр.: *татл*, *батюшка*, *татцин*, *батенька*. Монтесума величался Монтесумацин и т. п. Все это indicating respect, silavas reverentiales y de cortesia <выказывая уважение, проявляя любезность>. – *Roberts. Hist. of America*, кн. 7, с. 226, прим. 146, изд. 1828 г. – Эта самая вежливость похожа на наш странный обычай, чтобы придавать к каждому слову «се», и нет сомнения, что это позаимствовано от лакеев.

ведав немного пива, отдали фрейлине, ибо пить пиво считалось неприличием.

Русские не любили придираяться к словам, в обхождении были весьма просты и всякому говорили «ты»¹. Если разговаривали о чем-нибудь сомнительном или слышали говорящих несправедливо, то вместо учтивых выражений: «это ваше мнение», «извините», отвечали прямо: «ты врешь»².

Так говорил и слуга своему господину. Сам царь Иоанн IV не сердился за это, но эта простота в обхождении стала уже изменяться в конце XVI века³. Самый почтенный и знатный боярин не обижался, если поселянин называл его «ты». Великих князей и государей величали «ты»; так называл мужик своего барина, а дети своих родителей. Поньше еще называют «ты»; но, к сожалению, эта простота нравов исчезает. Греки, римляне и все народы древнего и нового мира говорили «ты» из особого уважения, а не «вы». В слове «ты» выражается почтение к одной особе, а в «вы» – ко многим; последнее, приписывая одному лицу многие несвойственные ему достоинства, льстит его страстям, а люди крайне любят это⁴.

¹ *Le-Brun. Voyage par la Moscovie en Perse et aux Indes orientales*, т. 1, с. 30 и 34, изд. Амстерд., 1718 г.

² У греков отвечали бранью и даже бились не одни смертные, но бессмертные. Богиня Гера, державная супруга Юпитера:

Словами жестокими так Артемиду язвила:
Как, бесстыдная псица, и мне уже ныне ты смеешь?
Лишь сказала (Гера) и руки богини своею рукою
Левой хватает, а правую, лук за плечами сорвавши,
Луком, с усмешкою горькою, бьет вокруг ушей Артемиду.

Гнедич. «Илиада» Гомера,
песн. XXI, ст. 480 и 490, изд. 1839 г.

³ *Marger. État de l'emp. de Russie*, л. 38, изд. Париж, 1607 г.

⁴ Уважение к господам и вообще к старшим себя распространено в большей степени между простым сословием. Если приходите к чиновнику, барину и т. п. и спрашиваете у горничной или у лакея: «Дома ли барин?», то всегда отвечают: «Нет их дома», и никогда не скажут: «Нет его дома». Случается слышать часто подобные ответы от самих чиновников, наприм., спрашиваете: «У себя ли его превосходительство?» Отвечают: «У себя, но они заняты». Такая вежливость, противная свойству языка, употребляется постоянно в семейном кругу. Спросите у детей, даже взрослых: «У себя ли

При подавании просьбы или какой-нибудь жалобы обыкновенно писались уменьшительными именами. Духовные подписывались: «*богомалец твой*» или «*богомоллица твоя*». Знатные особы: «*холоп твой*» или «*раб твой*». Слово «холоп» употреблялось до XVII века, а «раб» – до половины XVIII века. Императрица Екатерина II заменила слово раб «верноподданным». Крестьяне доныне употребляют «раб» в письмах к своим господам. Купцы и мещане подписывались: «*мужик твой*», оставшиеся сиротами: «*сирота твоя*»; женский пол: «*раба твоя*» или «*рабица твоя*»; крестьяне: «*крестьянин твой*»; слуги: «*человек твой*». Еще до второй половины XVII века многие подписывались сокращенными именами, наприм.: «*Ивашка*», «*Андрюшка*», «*Федюшка*» и т. д. Преступников и простой народ долго именовали, едва ли не до конца XVIII века, сокращенными именами, напр.: Гришка Отрепьев, Стенька Разин, Пугач и т. п. Было особым знаком уважения и почести, если боярина величали полным именем, напр.: *боярин князь Василий Андреевич*. Окончание «*вич*» составляло принадлежность княжеского достоинства и знатных особ, но и последние не смели именоваться им без соизволения великих князей, которые прикладывали это в ознаменование заслуг или особого достоинства. В начале XVII века уже стали именовать на *вич* не только знатных, но всех дворян; в XVIII ст. назывались полным именем чиновные и служащие, а в наше время вошло в употребление всеобщее даже между простым сословием, в коем ныне услышите прибавочное еще название: *господа*. Если соберется несколько из простолюдинов и толкуют о чем-нибудь, а один кто-нибудь из них не соглашается с общим мнением, то он говорит: «Господа! Вы не так рядите. Подумайте лучше, господа», и т. п.

маменька?» – «У себя, – отвечают вам, – но оне не здоровы». – «А папенька?» – «Оне только что вышли». Подобные выражения можно допустить одной нежности детей, особенно чувствительным девушкам, боящимся оскорбить самый слух; но никак нельзя извинить в этом знающих язык. Величие Божие нимало не оскорбляется, когда говорят о Нем: «Он могуществен», «Его воля святая», а не: «Они могущественны», «Их воля святая». Из уст прекрасного пола истекают более всех несправедливые слова.

Простой народ назывался почти до конца XVIII века *подлыми людьми*¹.

Простой народ, особенно деревенские мужики, объясняясь со старшим, говорят простодушно и непринужденно. Перед началом своей речи он сначала потупит глаза в землю и думает; потом, почесав затылок, вступает в разговор. Почесывание затылка повторяется едва ли не за каждым разговором, как бы давая этим знать, что все умное вытекает из головы.

ВЫСОКОМЕРИЕ ДВОРЯН

Дворяне, как бы ни были недостаточные, вменяли себе за бесчестье приобретать хлеб трудами своих рук и в самой бедности были недоступны, а бояре еще более: к последним никто не смел въехать на двор; вставал с лошади у ворот и шел пешком. Благородные не имели знакомства с мещанами; любили сидячую жизнь и дивились, как можно, стоя или ходя, заниматься разговорами и вести дела. Они имели круг своих знакомых, рады были гостю, но крайне не любили, если гость не сидя разговаривал. Сажали на почетное место того, у кого было значительное брюхо и сам был дородный². Доныне осталась между русскими старинная привычка не считать того за

---

¹ Не привыкшему читать сочинения, в коих встречается слово «подлый», покажется с первого раза не только странным, но непонятным или просто примут в собственном его значении. Вот, например, выражение того времени: «Многие судьи бедных, а особливо подлых людей, хотя бы они и крайнюю имели нужду, редко пред свои очи допускали». — Истор. о Ваньке Каине, с. 56, изд. Моск., 1788 г. — Между тем нарицание *подлый человек, подлые люди* дано крестьянам потому, что они жили подле своих господ, то же самое что дворовый человек, дворовые люди, и как они от вольных людей отличались большею несправедливостью, хитростями, неправдами и бедностью, то местное прозвание обращено было на всех тех, кои поступали подобно им. Унижение и нищета, конечно, были этому причиной, как прозвание крестьян, данное нам татарами, потому что мы были христиане, но угнетенные ими.

² *Herber. Rer. Moscov. com.; Marger. État de l'emp. de Russie; Флетчер. Com. Wealth; Turbeville. Certaine letters in verse*, помещ. в собр. Гакл., т. 1, с. 432; *Muscov. Reise*, помещ. в мараз. Бишинг., ч. VII, с. 271; *Petreus. Historien und Berichte von dem Grossfürstenthumb Muschkow*, с. 619, изд. 1620 г.

гостя или порядочного человека, который не сидя разговаривает. Если он встает, то просят его присесть; вошедшего же в комнату, но не садящегося, просят немедленно сесть, говоря: «*Будьте гостем, просим покорно присесть*».

ВЕРХОВАЯ ЕЗДА

Всякий дворянин, даже немного достаточный, ездил в гости верхом, хотя бы расстояние к дому знакомого было в несколько шагов. Ходить пешком считалось за стыд, исключая случаев, когда являлись ко двору и отправлялись в церковь. Не ездили зимой, потому что лошади не были подкованы. Женщины не ходили далее ворот: они ездили верхом, садясь на седла, сделанные наподобие шотландских стульев, которые делались гладкими из березового дерева; узды не блистали роскошью. Муж редко ездил со своей женой, разве в церковь или в день свадьбы. В конце XVI столетия верховая езда была любимым гуляньем женского пола. Когда царица Ирина, супруга царя Феодора, выезжала из Кремля, тогда все знатные дамы провожали ее верхом: в белых поярковых шляпах, похожих на епископские клобуки, и обшитых тафтою телесного цвета, с лентами вокруг; в фрезях с золотыми пуговицами и длинными висячими до плеч кистями¹.

ЗВЕРИНАЯ И ПТИЧЬЯ ОХОТА

Самым лучшим увеселением не только дворян и бояр, но великих князей была звериная и птичья охота. Звериная ловля приучала юношей к перенесению голода, зноя и холода, подвергала их трудностям, опасностям и часто смерти. Владимир Мономах сам говорит о себе: «Любя охоту, мы ловили зверей. Я вязал своими руками в густых лесах диких коней, вдруг по несколько. Два раза буйвол метал меня рогами, олень

---

¹ *Marger. État de l'emp. de Russie*, на об. л. 15. изд. Пар., 1607 г.; *Herber. Rer. Moscov. com.*; *Petreus. Historien und Berichte von dem Grossfürstenthumb Muschkow*, с. 619, изд. 1620 г.

бодал, лось топтал ногами; вепрь сорвал меч с моего бедра, медведь прокусил седло; лютый зверь однажды бросился и сбил с ног коня подо мною; несколько раз я падал с лошади, два раза разбил себе голову, повреждал руки и ноги. Я сам все то делал, что мог приказать другим: смотрел за конюшнею, охотою, ястребами и соколами»¹.

Андроник Комнин, император греческий, перенимал многие русские обычаи: он любил нашу звериную ловлю и бегание взапуски². Ловля зверей была у нас любимым занятием в самой еще древности. Великие князья с удовольствием проводили праздное и скучное время в охоте, из них в. к. Василий даже был пристрастен к звериной травле. Увидев государя в поле, говорит Герберштейн, мы оставили своих лошадей и подошли к нему. Он сидел на гордом коне в терлике парчовом, в колпаке высоком, осыпанном драгоценностями и украшенном золотыми листьями, которые развевались как перья; на бедре его висели кинжал и два ножа; за спиною, ниже пояса, кистень. С правой его стороны находился казанский царь Шиг-Алей, вооруженный луком и стрелами, а с левой – двое молодых князей: один из них держал секиру, другой – булаву или шестопер; вокруг них находилось более 300 всадников. Сначала охотились ловлею зайцев в лесу, неподалеку от Москвы. Государь предоставил первую честь спустить собак важным сановникам и послам: императорскому Герберштейну и польским Кишке и Богушу. На каждого зайца нападало по четыре собаки. Государь был весел и хвалил ловцов. В короткое время поймали более 300 зайцев. Потом последовала соколиная охота. Для этого пускали кречетов: бить лебедей, журавлей и других птиц. Кречеты по тонкому своему чутью открывали, где летали ловимые ими птицы. Пускали ястребов и соколов из породы

---

¹ Духовное его завещание, напечатан. в пушкинском харатейном списке Нестора и еще напечатано особенно в 1793 г. – Владимир Мономах княжил в 1113–1125 гг.

² Карамзин. История государства Российского, т. 2, с. 307. – Андроник царствовал в 1159–1167 гг.

орлов и тетеревов, которые были замечательны тем, что они по крику узнавали фазанов и преследовали их с быстротой. Они черные, величиною с гуся, и брови у них красные. Затем вызывали охотников бить медведей. Отважные ловцы бросались на зверя с деревянной рогатиною. Если медведь его ранил, то он являлся к государю и, показывая ему свои раны, говорил смело: «Государь! Я ранен». «Я тебя награжу», – отвечал великий князь. Он приказывал его вылечить и щедро одаривал платьем. Вечером мы все сходили с коней и для нас разбивали шатры на лугу. Государь, переменяв свою одежду, разговаривал весело с боярами в своей палатке об удачной и неудачной ловле того дня. Слуги разносили кориандр, миндаль, орехи и сахар; все преклонялись пред государем и брали; потом пили за его здоровье мед и вино¹. Любимой забавой царя Феодора был медвежий бой. Диких медведей, ловимых тенетами или в ямах, держали в клетках. В назначенный день для забавы собирался двор и множество народа к тому месту, где предстоял бой. Место обводилось глубоким рвом для безопасности зрителей и чтобы ни зверь, ни охотник не могли уйти друг от друга. Являлся отважный боец с рогатиной, и тотчас выпускали медведя, который, увидя своего врага, становился на задние лапы, ревел и с отверзтою пастью бросался на него. Охотник стоял неподвижно: он наблюдал его движения и одним сильным размахом вонзал рогатину в зверя, а другой конец ее прижимал ногою к земле, чтобы разъяренный медведь не ринулся на него. Яростный зверь лез грудью на железо, которое орошал своею кровью и пеною, грыз, и если не одолевал, то падал на бок со страшным стоном и обливался кровью. Народ провозглашал радостными восклицаниями имя победителя; его представляли царю и потом поили вином из царских погребов. Каждый охотник бил зверя в грудь; в случае промаха он бы<ва>л им изуродован, и это случалось часто. Счастливцев был доволен тем, что оставался

¹ *Herber. Rer. Moscov. com.*; *Paul. Jovii. De leg. Moscov.*, с. 177. – Историограф Карамзин замечает, что в. к. Василий едва ли не первый завел псовую охоту, ибо в старину считали собак животными нечистыми и гнушались ими.

в живых, и не получал никакого награждения, кроме того, что его поили. Раненым выдавалось награждение, а жены и дети растерзанных содержались на царском иждивении¹.

Пристрастие русских к охоте считалось благородным занятием, и потому оно сделалось всеобщей потребностью. В половине XVII века было сочинено даже особое наставление для охотников сокольничьего пути².

Были особые чиновники, которые смотрели за охотой, а именно ловчие и сокольничие. Ловчие разделялись на ловчих рязанского и московского пути; последнему были подчинены городовые. Ловчий равнялся нынешнему егермейстеру. Сокольничий смотрел за кречетниками, ястребами и другими охотниками; его звание равнялось обер-егермейстеру.

Бояре много раз силились отклонить Петра I от воинских забав, коими он занимался с любовью еще в малолетстве. Выходя на псовую и птичью охоту, они хотели его прирастить к ней. Малолетний государь не любил этой забавы, но в угодность им согласился однажды поохотиться. В назначенный день собрались любители охоты. Государь благодарил их за усердие к нему и сказал, что он желает поохотиться с ними одними, но для этого они должны отпустить своих слуг, с коими неприлично им разделять удовольствие. Бояре одобрили. Государь, повелев отдать собак своим господам, приказал прислуге удалиться с поля. Вельможи, приняв собак, пришли в крайнее расстройство; собаки, коими они не умели управлять, подбегали под ноги лошадей и их пугали. Испуганные лошади носили всадников по полю, других сбивали, а иных, державших на своре собак, сбрасывали с себя. Позабавившись, государь возвратился в село Преображенское. На другой день он назначил птичью охоту, для этого пригласил прежних охотников; но некоторые из них были изувечены и лежали в постели, а

---

¹ *Флетчер*. *Com. Wealth.*, с. 109, помещ. в собр. Гакл.

² *Миллер*. Книга, глаголемая урядник, или Новое уложение и устройство чина сокольничьего пути, — помещено Новиковым в «Древн. вивл.», ч. III, изд. 1788 г., с. 430–463. Тут описаны обряды возведения и пожалования из рядовых в начальные сокольники.

другие не явились. Царь спросил у явившихся: не хотят ли они еще поохотиться с ним? Они все отказались. Тогда государь сказал им: «Не лучше ли нам быть воинами, нежели псовыми охотниками? Я царь, а слава царя в благоденствии народа; охота же есть слава псарей»¹. Хотя Петр I искоренял эти забавы, отнимавшие полезное время от занятий, однако вельможи не отставали от охоты. Петр II был с намерением увлекаем к псовой охоте. Гр. Остерман, его наставник, бывший потом государственным вице-канцлером, много раз жаловался на князей Долгоруковых, что они поселили в государе страсть к псовой забаве, отвлекали его от государственных дел, чтобы только самим управлять. После смерти Петра II навсегда исчезла охота в царственном доме: она осталась между любителями-помещиками, которые, живя в деревне, занимаются ею от нечего делать. Там охотники, отправляясь на ловлю зверей, поют с неизъяснимой радостью любимую ими песнь, которую помещаем здесь по ее приятному голосу и плавному звуку:

По колким дубравам
Охотники рыщут;
Набегом удалым
Волков, лисиц ищут.
    Ту его, ту его, ту его, ту его, ту его!
Их шапки краснеют,
Кафтаны желтеют;
Рога серебрятся,
Ножи золотятся.
    Ту его, ту его, ту его, ту его, ту его!
Вот стая помкнула, –
Чу! голос слышать.
Лисица мелькнула –
Прошу не зевать!
    Ту его, ту его, ту его, ту его, ту его!
Охотник помчался,
И степь затопилась.
Чай, там зверь прокрался,

---

¹ Деян. Петр. Великого, с. 175.

Но чу! – затравил.
Ту его, ту его, ту его, ту его!
Ого, го, го, го, го, го.

Есть охотники по обязанности, например, в Сибири и других лесных местах, где бьют пушных зверей и вредных диких: медведей, волков и пр. Но это доставляет пользу промышленникам: от них мы получаем меха для одежд. Существовавшая же прежняя охота убивала время и отклоняла от образования. Соколиная охота исчезла еще в конце XVII века.

ШУТЫ

Не менее любимую забаву богачей, вельмож и царей составляли еще игры и пение скоморохов. Царь Феодор тешился ими в свободные часы: после обеденного отдыха и пред ужином. При дворе нашем соделались впоследствии шуты необходимыми. Из великих наших венценосцев Петр I и Екатерина II держали их, но по другой причине: они многое узнавали от них, чего не могли услышать от приближенных. Вельможи держали для собственного удовольствия шутов, которые забавляли их во время обедов смешными рассказами и часто кололи и намекали на своих господ не в бровь, а прямо в глаз. В старинные годы даже думали, что обеденная пища скорее переваривается, если вдоволь насмешат записные шуты. Ныне это уже не в обыкновении; их места заняли карлики, которые ходят со своими патронами рука об руку или носят за ними зонтики. Карлики заменили род собачек: они то забегают вперед, то отстают сзади.

Шуты не только у нас были в почести, но во всей Европе до половины XVIII века – тогда была на них мода.

ЖИЗНЬ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО ДОМА

Великокняжеское семейство следовало общему древнему обыкновению: сидеть дома и заниматься домашними

делами, потому оно проводило всю свою жизнь во дворце. Царицы и царевны выезжали в закрытых колымагах или каптанах; их никто не мог видеть, кроме прислуги и определенных особ. Для вскормления царевичей и царевен выбирали кормилицу честную, добрую и молоком здоровую, которая целый год жила вверху у царицы. По истечении года жаловали ее мужа, если он из дворян, в городские воеводы или дарили вотчиной; мужьям же из другого сословия назначали жалованье и освобождали их от оброка. Потом приставляли к детям мамку из честных боярынь или из старых вдов благородных, а из другого сословия назначали няньку и прислужниц. По достижении царевича пяти лет определяли к нему боярина знаменитого, умного и тихого; в товарищи ему назначали окольного или думного, а в слуги и стольники набирали однолетних с царевичем; в учителя избирали тихих и нравственных. Наследник престола показывался народу, являясь со своим родителем только в церковь или на игры, и то не прежде пятнадцатилетнего его возраста. Тогда нарочно приезжали из дальних городов, чтобы его увидеть. Государевых сыновей обучали чтению, письму, исчислению, шахматной игре, истории, географии и закону Божию. Впоследствии стали учить греческому, латинскому и немецкому языкам. Многие из великих князей славились еще в отдаленное время знанием языков. Всеволод I (живший в конце XI в.) говорил на пяти языках. В. к. Михаил I знал совершенно греческий и латинский языки и говорил как на природном. Он любил чтение книг и ученых мужей. В. к. Константин I окружал себя учеными, собирал книги и покровительствовал просвещению. В столице своей Владимире-на-Клязьме он основал училище, подарил для него свой дворец и снабжал всеми пособиями. В. к. Михаил Юрьевич говорил на греческом и латинском языках; князя Ярослав Галицкий, Роман Смоленский, Святополк Новгородский и другие служили примером образованности и учености. Кн. Владимир Волынский за особую его ученость прозван философом. Он собственноручно списал «Апостол», «Пролог» в 12 месяцах, «Четью-минуею»

в 12 месяцах, «Триод», «Октоих» и «Служебник св. Георгию»¹. Иоанн IV превосходно знал всеобщую историю и богословие, и в споре с хитрым иезуитом Поссевином о правилах Церкви он пристыдил его при многочисленном собрании.

Дети царя Алексея получили уже воспитание европейское, и по совету врачей стали их учить верховой езде, стрельбам из лука и занимать телесными упражнениями. Зимой они катались на салазках с ледяных гор, устроенных внутри дворца. Со времени Петра I совершенно переменялся образ воспитания.

Женский пол вел скучную, единообразную и сидячую жизнь, которую разнообразили сальные девушки своим пением и играми. Кроме свойственных женскому полу занятий, их ничему не учили; но они любили заниматься приготовлением притиранья; ежедневно посещали церковь, скрываясь от народа. Цари и царицы проводили все время своей жизни в благочестивых обрядах. Набожный Феодор едва успевал одеться, как являлся к нему священник с крестом в руках: он сперва благословлял его, потом прикладывал крест ко лбу, щекам и наконец давал ему самому приложиться. После приносили для наступившего дня образ святого, и его ставили вместе с прочими иконами, коими были обставлены все стены внутренних покоев. Царь начинал креститься и клал земные поклоны пред всеми образами. По окончании этого обряда священник окроплял иконы, а потом царя освященной водою. После утреннего моления государь навещал супругу и шел с нею в придворную церковь, отсюда в приемную залу, а потом в девять часов в другую церковь для слушания обедни, которая продолжалась около двух часов. После обеда он ходил к вечерне и, ложась спать, молился. Каждую неделю он ходил в монастырь.

Никто не мог похвалиться, говорит Маерберг, чтобы кто видел царицу или царскую дочь, ибо они не оставляли комнат

---

¹ Кн. Владимир Волынский помер в Любомле в 1289 г. и погребен во Владимире-на-Клязьме, в церкв. Св. Богоматери. Он был любитель правды, кроток и милостив. — *Карамзин*. История государства Российского, т. IV, с. 138 и 140, прим. 175, с. 375; см. еще «Волынскую лет.».

до самой своей смерти; редко обедали вместе царь с царицей, придворные служители не смели приближаться к государыне. Если царственные особы кушали вместе, то лишь вечером, когда не было придворных. Дочери царские оставались безбрачными; им запрещалось выходить замуж за неправославного, потому они поступали в монашеское звание, в коем умирали. Никого из посторонних не пускали во дворец, кроме родственников, доверенных особ и прислуги; внутри и вне дворца стояла многочисленная стража.

ПОЦЕЛУЙНЫЙ ОБРЯД

Было великим праздником для женского пола, когда мужья из уважения к почетным гостям позволяли своим женам приходить после обеда в столовую и подносить каждому гостю по чарке вина, за что от каждого они получали поцелуй¹. Когда же выходило несколько жен к гостям еще до обеда, тогда гости становились у дверей: жены приветствовали их небольшим наклоном головы (это называлось малым обычаем), а гости кланялись им в землю (большим обычаем). Хозяин, кланяясь в землю гостям, бил им челом, чтобы они изволили целовать его жену, но гости просили его, чтобы он целовал прежде. Потом гости один за другим, кланяясь женам до земли, подходили и целовали каждую в губы; поцеловав же, отступали на несколько шагов назад и опять кланялись в землю; поцелованная благодарила каждого наклоном головы. Затем жена хозяина подносила гостям по чарке двойного или тройного зеленчика; чарка бывала мерою в четверть кварты. Хозяин между тем упрашивал гостей, чтоб они изволили пить вино из рук его жены, но по прошению гостей хозяин приказывал выкушать жене, после пил сам, и наконец подносили гостям. Пред питьем и

¹ У скандинавов женщина считалась первой особою в обществе, и она была полной хозяйкою в доме. Для гостя не было лучшей чести, как рог меда, поднесенного ему хозяйкою или ее дочерью. Обидевшие женщину метились кровью; обольщенную вешали над костром обольстителю и сжигали их вместе.

после питья каждый гость, отдавая чарку, кланялся в землю. Кто не пил водки, тому подносили кубок романей или ренского. Обнесши кругом, хозяйка раскланивалась и шла в покои своих гостей. Женский пол никогда не обедал вместе с мужским, исключая близких родственников и свадеб. За обедом пили после каждого кушанья по чарке водки, романей, ренского, пива поддельного, простого и разных медов. Когда подавали на стол круглые пироги, тогда выходили невестки и замужние дочери или жены ближайших родственников; гости же, встав из-за стола, становились у дверей и кланялись им; мужья жен кланялись и просили гостей, чтобы они целовали их и приняли вино из их рук. Поцеловав жен и выпив вино, гости садились за стол, а жены отправлялись в свои покои. Дочери не выходили к гостям, и их никому не показывали; они жили в особых дальних покоях. После обеда хозяин и гости пили за здоровье друг друга и потом расходились по домам. Таким точно образом обедали жены, угощая взаимно напитками; за их столом находились девицы, но никого из мужского пола¹.

Олеарий и Корб говорят, что наибольшая честь, какую оказывал хозяин гостю, состояла в том, когда его жена подносила чарку водки. Бар. Маерберг пишет, что в его время (1661) женщины стали показываться мужчинам чаще, и всякий раз по окончании стола выходила хозяйка к гостям в сопровождении двух горничных в наилучшем одеянии. Хозяйка, вошедши в столовую, подносила сначала чарку водки одному из почтенных гостей прикоснувшись к чарке своими губами. Потом она уходила в свою комнату, переодевалась в новое платье, пока гость пил, и снова выходила подносить другому гостю, и до тех пор уходила и выходила всякий раз в другом платье, пока всем не поднесет. По окончании потчевания она становилась подле стены, потупив глаза в землю,

¹ *Олеар.* Offt beehrte Beschreibung der Neuen Orientalischen Reise, с. 9, изд. 1647 г.; *Маерб.* Voyag. en Mosc., с. 63, ed. Leid.; *Кошихин.* О России в царст. Алек. Мих., с. 119; Корб и Маерберг говорят об этом обряде с некоторыми ошибками и упущениями.

и каждый из гостей подходил к ней поочередно и целовал в губы. Таннер добавляет к этому известию, что жены выходили только по сильной просьбе гостей, в богатом наряде и, заложив руки назад, становились у печи. Тогда гости подходили целовать и за это получали от них по чарке водки. Во время Таннера были уже примеры, что жены беседовали с мужчинами в отсутствии своих мужей¹. Знатные люди дозволяли выходить дочерям, и они подносили водку в серебряной чарке. Отец просил своих гостей целовать их в знак дружбы к нему. Красавицы стояли неподвижно, гости подходили один за другим, кланялись и целовали не в губы, а в щеку². В начале XVIII столетия мужчины стали подходить к руке дам и девиц, кои целовали их в щеку. Это доньше в обыкновении, и многие из них считают даже за великое себе оскорбление, если гость не подойдет к руке. Польки подают целовать свою руку через перчатку. В некоторых местах провинции пришедший в гости должен целовать сначала руку хозяйки, потом всех дам и девиц, знакомых и незнакомых, и, выходя, должен повторить то же самое. Мужчины приветствуют друг друга жатием руки, поклонившись наперед; некоторые же целуются, следуя польскому *звычайю* (обычаю). Между духовенством нашим поныне мужчины и женщины целуются в губы; то же самое соблюдается в светском сословии между родственниками. В высшем обществе вывелось из обыкновения подходить к руке; вошедший в комнату приветствует хозяина и хозяйку поклоном, не обязывая себя кланяться посторонним, исключая знакомых. Хорошо знакомые дамы жмут дружески руку у мужчин, и так поступают, при нынешних приветствиях, дамы с дамами и девицы с девицами. Идя к обеденному столу, мужчины предлагают руку дамам и отправляются все попарно в столовую, и каждый мужчина, доведя свою даму к стулу, раскланивается здесь. В первой паре идет обыкновенно хозяйка, за нею гости, соблюдая строго первенство в подавании руки; дамы садятся

¹ *Tanner. Leg. Mosc.*, с. 96 и 97.

² *Reutenfels*, гл. 3, с. 190.

по одну сторону, а мужчины по другую; но хозяин и хозяйка напротив. После обеда почти все уходят не простившись, за исключением дам, а на вечерах и балах являются с обыкновенным приветствием и потом уходят без прощания.

Обычай целования царственной руки не должно смешивать с общежительным. В первом случае он выражает торжественное величие монарха, а во втором – действие приличия и уважение к женскому полу. Иоанн III первый установил обряд целования царской руки (в конце XV в.). Иноземные послы, представлявшиеся ему, строго соблюдали это обыкновение, которое тесно было связано со знаком особой милости. Такое обыкновение продолжалось до времен Петра Великого, который просто стал принимать их в своих аудиенциях, подавая им руку. Подавание руки употреблялось уже Иоанном III, и едва ли не он первый ввел это. В царствование императриц Екатерины I, Анны, Елизаветы и Екатерины II возобновилось целование руки: в тезоименитные дни и годовые праздники. Этой честью пользовались не одни иностранные министры, но все наши сановники, генералитет и придворные дамы. С восшествием на престол императора Павла Петровича оно сделалось почестью венценосной монархини и составляет ныне торжественную пышность двора.

На востоке приветствовали в древности солнце, месяц и звезды целованием руки, означавшим обожание. Бедные между греками, будучи не в состоянии приносить жертву богам, делали пред ними знаки лобзания своей руки. В религии целуют изображения святых в ознаменование чествования. Соломон говорит, что льстецы его времени лобзали руки своих патронов дотоле, пока не получали от них, чего просили. Приам целовал руку и обнимал колена Ахиллеса, умоляя его возратить ему труп сына его Гектора. Целование руки господствовало повсюду, но оно не столь древнее, как в уста и щеку, ибо первый поцелуй в уста запечатлен пламенной любовью, потом утверждён супругами и, наконец, родителями. В средние века при возведении кого-либо в епи-

скопское звание или при дарении вассала землями государь целовал его в чело в знак подтверждения его прав и власти¹.

ПОЯВЛЕНИЕ СВОБОДЫ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Частое посещение иностранцев и введение ими многих обрядов изменяли постепенно строгость уединенной жизни. Когда царица Наталия выехала однажды в полуоткрытой колымаге, тогда народ роптал на нее. По прибытии в Москву цесарских послов фон-Боттони и фон-Гуцмана (в 1675 г.), царица Наталия упросила царя дать им аудиенцию в Коломенском селе, чтобы все происходившее могла сама видеть. В смежности с приемной залой находился покой с дверьми, в коих были сделаны небольшие отверстия, и чрез них она смотрела; но малолетний сын ее Петр открыл по своей резвости дверь в приемной прежде выхода особ и этим обнаружил потаенное ее убежище.

Спустя несколько времени царь совершал с нею набожное путешествие в Троицко-Сергиевский монастырь: она тогда ехала в открытой колымаге, чтобы все ее видели; но народ, пораженный этим поездом, потупил глаза в землю и не смел смотреть на нее². При въезде польских послов в Москву (1678) были зрителями уже многие посторонние девицы. Эти примеры дали повод царевне Софии обходиться с мужчинами вольно: не закрывая лица и не скрываясь от людей. Она не только разговаривала открыто с сановниками, но назначала аудиенции иностранным послам, выходила к народу и стрельцам, принимала лично челобитни и сама судила. Быстрый переход от затворничества к светскости не нравился закоренелым старообычникам, но они сами нечувствительно перенимали нововведения, а народ постепенно привыкал к ним. Во время въезда цесарских уполномоченных (1698) уже никому не казалось

¹ Dict. des orig., P., 1777 г.

² Relat eorum quae circa Sacr. caes. Majest. ad magnum Cezarum Moscov. ablegatos, etc. с. 55, 82 и 83.

странным, что царица и царевны, стоя у растворенных окон, смотрели на пышный посольский въезд. Петр I, спустя после этого несколько месяцев, угощал многих иностранных министров в доме своего любимца Лефорта и заключил угощение великолепным балом. В то время царевна Наталия и многие придворные дамы находились возле танцевальной залы и смотрели сквозь полуоткрытый занавес¹.

СВОБОДНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Петр Великий, зная, что женский пол еще стыдится являться в мужские собрания, повелел в 1700 году, чтобы обоим полам иметь совершенную свободу в обращении и чтобы замужние девицы ходили не закрываясь; но чтобы усилить это действие, завел при дворе ассамблеи (собрания), обеденные столы, балы, танцы и маскарады; заставил бояр и все дворянство приглашать на пирушки, вечерние собрания и другие увеселения замужних женщин и девиц, русских и иностранных. Придворные ассамблеи делились на летние и зимние. Первые давались в царском и царицыном саду (в нынешнем Летнем; царицын же сад не существует, но он находился на Царицыном лугу); последние сначала в *австерию* – царской гостинице, которая находилась у канала Петропавловской крепости, недалеко от Троицкого собора; потом в Сенате, бывшем на Петербургской стороне или на Почтовом дворе (на месте нынешнего Мраморного дворца). Гостей сзывали барабанным боем или афишками, иногда после обедни в Троицком соборе или выбрасывали желтый флаг с изображением двуглавого орла, который держал в когтях четыре моря: Белое, Балтийское, Черное и Каспийское и развевался на одном из бастионов Петропавловской крепости. Пушечные выстрелы возвещали жителям, что после обеда должно собираться в сад. Чиновники, дворяне, канцелярские служители и корабельные мастера имели право приходить сюда с женами и детьми. В пять часов пополудни являлся государь со сво-

¹ *Korb. Diar. itiner in Moscov.*, с. 143 и далее.

им семейством. Государыня и великие княжны, занимавшие места хозяек, подносили знатым гостям по чарке водки или по кружке вина. Государь, черпая вино большим деревянным ковшом из ушатов, которые носили за ним два гренадера, угощал гвардейские полки: Преображенский и Семеновский. Прочим полкам предоставлено было угощать самих себя: пивом, вином и водкою, которые стояли в стороне от главной аллеи. В продолжение собрания иные гуляли в саду, другие курили за круглыми столами, рассуждали и угощали себя. С наступлением вечера освещался сад и начинались танцы, которые заключались *огненной потехою* (фейерверком), зажигаемой на судах по Неве. Тут горели прозрачные картины с приличными изображениями празднеству. Во все празднество были заперты ворота сада, и никто не смел выйти из него без позволения государя.

– Вечерние собрания, – говорил Петр Великий, – служат для увеселения, рассуждения и дружеских разговоров. Друзья могут видаться в собраниях (ассамблеях) и рассуждать о своих делах; осведомляться о домашних и чужестранных и препровождать таким образом с приятностью время.

У кого приготовлялось вечернее собрание, тот делал на своих воротах надпись большими буквами, что в доме его собрание. Оно не могло начаться прежде четырех или пяти часов пополудни и не могло продолжаться далее десяти часов вечера. Приглашавшие на вечер не были обязаны ни встречать, ни провожать своих гостей, но должны были освещать комнаты, иметь мебель и напитки и стараться о доставлении игр и забав. Никому не воспрещалось, когда приехать и когда уехать домой, – довольно, ежели кто посетит и на несколько минут. Всякий мог садиться, вставать, прохаживаться и играть, и кто помешал бы ему в чем-нибудь или лишил бы его удовольствия, тот обязан был в наказание опорожнить «большой орел» (кружка с водкою, величиною с четверть ведра). В собрание входили дворяне, гражданские чиновники, офицеры, почетные купцы, известные художники, *мастеровые* и *плотники корабельные*, и все они со своими женами и детьми. В одной зале танцевали,

а в другой играли в карты на *малые деньги*, в дамки и шашки; в отдельной же комнате курили табак и говорили наедине о своих делах. Еще в особой комнате собирались дамы, которые там забавлялись загадыванием и другими играми¹. Музыка в собраниях была духовая. Сначала Петр Великий ввел тарелки, литавры и фагот; потом прибавил трубы, валторны и гобои. Он выписал из Германии капельмейстеров с тем, чтобы они обучали молодых солдат, которые всякий день пред полуднем с 11–12 часов играли на адмиралтейской башне. Государь особенно любил польский рожок; постоянно держал при себе музыканта, который во время занятий царя играл ему на рожке малороссийские и польские песни.

Изгоняя старинные предрассудки, Петр Великий учредил театры, в кои приглашались безденежно не только женский пол из дворян, но купечество и мещанство: дам и девиц угощали во время междудействий рюмкой сладкого вина² и разными лакомствами. С тех пор появление женщин в кругу мужчин перестали считать за стыд и бесчестие; с тех пор завелись благородные дружеские собрания и танцевальные вечера, на коих женщины составляли уже украшение. Вежливость, обходительность и вкус изгнали ложное неприличие и стыд: дамы не только стали уважаемы, но сделались распространителями изящества, образования, всего милого и прекрасного. Появление нежного пола в обществе истребило невежество, смягчило грубость нравов и оживило уединенную жизнь – через введение им многочисленных увеселений, забав и удовольствий. Обращение мужчин с дамами и девицами дало им живость, ловкость, веселость, приличие и уважение, и незаметно распространились вкус и образованность. Прежде вменялось девице в бесчестие видеть мужчину, говорить с ним; но после стали почитать оскорблением и нарушением всякой благопристойности, если девица скрывалась, боялась говорить или отказывалась танцевать на бале даже с незнакомым. Это было такое уже оскорбление, что само общество не извиняло.

¹ Дух Петра Великого, с. 176.

² Голик. Деян. Петра Великого, ч. II, с. 11–12.

ВВЕДЕНИЕ БАЛОВ И ТАНЦЕВ

Балы даваемы были еще первым Лжедмитрием по случаю его свадьбы с Мариною Мнишек (в начале XVII в.), на коих участвовали не одни поляки, но и русские. Тогда музыка и танцы были польские, из коих польская, краковяк и мазурка, остались доселе в употреблении. Со смертью Лжедмитрия исчезли было танцы навсегда. Петр I снова ввел их. Тогда же появились немецкие и французские танцы: вальсы, кадрили, галопад, пурпури; плясали русскую и казачка; завелись танцевальные общества; музыка употреблялась духовая, потом заменили ее скрипками. На вечера и балы позволялось приезжать наряженным в шутовские одежды, в масках или личинах. В то же самое время устраивались маскарады (вечера наряженных) и балы маскарадные¹. На них не иначе могли бывать, как только замаскированными. Впоследствии было допущено являться без масок, в одном домино, но наконец было дозволено приезжать на маскарадные вечера без домино и масок всем тем, кои даже не желали маскироваться.

КАРРУСЕЛЬ

Наши дамы, давно любившие верховую езду, гордились ловкою скачкой на лошади и умением управлять одноколкой. Потом появились у нас каррусели, которые состояли в скачке и бегании и в искусной езде на лошади².

¹ Маскарад происходит от аравийского слова *москара*, значит *шутка*, которое изменено в итальянское *mascarata*. Гранаци, воспитанник Микель-анджело, умер. 1543 г., первый ввел на сцену среди маскарадных забав героические подвиги воинов с их одеждами и вооружениями.

² Каррусель – итальянское слово *carra*, от него уменьшительное *carrosseio*, значит *колесница*. Бегание на колесницах появилась в малоазийской Греции еще за несколько столетий до Гомера, за 1500 лет до Р. X. Каррусель был известен древним грекам и римлянам, которые любили отличиться в бегании на колесницах; искусные из них удостоивались на олимпийских играх почетной награды – венка или всеобщего одобрения. Эта забава перешла из древнего мира в новоевропейские государства. Итальянские принцы и немецкие рыцари образовали из карруселя воинственные забавы; во Франции

Каррусель представлен у нас в первый раз в присутствии Екатерины II на площади Зимнего дворца (в 1766 г. 16 июня). Распорядителем карруселя был кн. П. И. Репнин, а церемониймейстером – кн. П. А. Голицын, от коего были розданы билеты всем желавшим видеть рыцарское представление. Каррусель состоял из 4 кадрилией: 1. Славянского, коим предводительствовал гр. И. П. Салтыков; 2. Римского, им предводительствовал генерал-фельдцейхмейстер гр. Г. Г. Орлов; 3. Индийского, под начальством кн. П. И. Репнина и 4. Турецкого, под начальством гр. А. Г. Орлова.

В день представления в два часа пополудни был дан пушечный сигнал с крепости, чтобы дамы и кавалеры, назначенные действовать в кадриле, собирались в назначенные места. Славянский и римский собирались на Царицыном лугу в шатрах, а турецкий и индийский – в Малой морской в своих шатрах. Ничего не щадили для пышности. Две богатые ложи были устроены пред Зимним дворцом на конце цирка: одна для императрицы, а другая для наследника престола. Посреди цирка стоял трон, на коем сидел главный судья бойцов; его окружали 40 офицеров, 2 герольдмейстера и 2 трубача. По четырем углам цирка играли трубачи и музыка. Вокруг амфитеатра были устроены места для зрителей. По прибытии государыни на свое место началось шествие кадрилией. Славянский и римский шли из Царицына луга по Большой Миллионной, а индийский и турецкий – по Малой Морской; каждый кадрилией проходил через свои Триумфальные ворота, сопровождаемый своей музыкою. Стечение зрителей было чрезвычайное. Участвовавшие в каррусели были в пышных одеяниях, покрытых жемчугом и драгоценностями. Дамы ехали на колесницах, коими управляли особые возницы, а кавалеры рисовались на богатых лошадях; все они остановились пред своими судьями, коих было 12, а главным восьмидеся-

---

они составляли одно придворное увеселение. Первый каррусель, данный в Париже, был в 1612 г. по случаю брака Людовика XIII с Анной Австрийскою; Людовик XIV возобновил его в 1662 г. и назвал *тюльри*, по имени дворца Тюильри, в коем давали каррусель. – Dict. des origines, P., 1777.

тилетний старец фельдмаршал гр. Миних. По данному знаку с седалища главного судьи, трубным звуком, начался бег на колесницах, а потом на лошадях. Офицеры, занимавшие места секретарей, записывали по указанию судьи отличившихся. По окончании бега главный судья с прочими 12 судьями и все участвовавшие выступили из амфитеатра и отправились стройными рядами в залу Летнего дворца для разбирания и назначения наград. Императрица встретила их на крыльце. Когда все прибыли в залу, тогда вынесли на золотых подносах награды, а главный судья, став посредине своих судей, произнес: «Знаменитые дамы и кавалеры! Известно вам, что ни один не проходил день, в который бы наша императрица не прилагала материнских попечений о славе своей империи, благоденствии ее всех подданных и возвышении знаменитого дворянства. Беспремерная в истории монархиня избрала этот бессмертный день славы, чтобы отличить и достойно наградить того, кто прославится успехами оружия. Кто не разделит со мною чувство удивления к повелительнице нашей, которая со свойственною ей пронизательностью и нежностью матери назначила каррусель, чтобы видеть в нем отличия знаменитого дворянства. Дамы и кавалеры! С высоким рождением вашим неразлучны возвышенные достоинства: они служат верным залогом ваших побед, милостей нашей императрицы, благосклонности наследника престола и всеобщих похвал». Потом, обратясь к меньшей дочери гр. П. Г. Чернышева, Наталии Петровне, сказал: «Графиня! Императрица уполномочила меня вручить вам первую награду. Позвольте мне поздравить вас с этим высоким отличием и с тем правом, какое предоставлено вам раздавать всем дамам и кавалерам остальные награды. Я, покрытый сединами шестидесятипятилетней службы, старейший воин в Европе, водивший много раз русских героев к победам, я считаю единственной себе наградой, что был свидетелем и судьей ваших блистательных доблестей». После этого приветствия он вручил ей богатые бриллиантовые букли. Она стала по правую его руку и раздавала награды: 1. Фрейлине Ан. Вас. Паниной – золотую

табакерку с бриллиантами. 2. Гр. Ек. Ал. Бутурлиной – бриллиантовый перстень. 3. Кн. Ив. Ан. Шаховскому – бриллиантовую петлицу и бриллиантовую пуговицу на шляпу. 4. Полк. Ребиндери – трость с бриллиантовой головкой. 5. Гр. фон-Штейнбоку – бриллиантовый перстень.

Возницам, за их искусное управление: 1. Поручику конной гвардии фон-Ферзину – золотую записную книжку с финифтью; 2. Секунд-ротмистру конной гвардии Щепотьеву – золотую табакерку с финифтью; 3. Камергеру гр. Дм. М. Матюшкину – золотую готовальню с финифтью.

Потом читан был приговор, подписанный главным и 12 судьями, а именно: 1. Фельдмаршалом гр. Батурлиным; 2. Обер-егермейстером Нарышкиным; 3. Генерал-аншефами: кн. Голицыным. 4. Глебовым. 5. гр. Чернышевым. 6. Паниным. 7. Олицем. 8. Генерал-поручиками: Веймарном. 9. Бергом. 10. Дицем. 11. Бибиковым и 12. Майором конной гвардии кн. Голицыным. Приговор был следующего содержания: «Ничто не может быть так лестно для рожденных от благородной крови, как пред лицом монархини и многочисленных зрителей отличиться искусством в бегании, заслужить всеобщую похвалу и награду. Из истории храбрых народов известно, что они учреждали в мирное время военные забавы, чтобы не развиться праздностью. Эти забавы воспламеняют похвальное стремление к битвам, возвышают душу и укрепляют тело и с тем вместе открывают путь к геройским подвигам. Наша монархиня, возвеличенная во всем свете своим миролюбием, исполнена истинным геройским духом. Она, воодушевляя сердца храбростью, желает заблаговременно приучить самую мысль к воинственным доблестям, чтобы при необходимости ополчения за веру, отечество и престол умели поражать врагов. Каррусель есть школа для воинов: он, соединяя приятное с полезным, доставил ныне дорогой случай к отличиям и прекрасному полу. Мы ожидали, что в этом карруселе примут участие приезжие иноземцы из дальних пределов царств, чтобы показать свое искусство; но они не явились, хотя еще в прошедшем году было об этом объявлено, – не явились, без со-

мнения, потому, что не надеялись восторжествовать над нами. Отличившиеся в беге достойно почтены наградами, и мы поименовали их беспристрастно». За этим следовали имена награжденных подарками. По прочтении приговора императрица угощала участвовавших в карруселе обеденным столом, за коим играла духовая и инструментальная музыка. После обеда начался маскированный бал, который продолжался до пятого часа утра. Этим закончился первый каррусель. Второй, возобновленный через несколько недель, происходил в том же самом порядке, перед Зимним дворцом (11 июля), и первую награду снова получила гр. Нат. Петр. Чернышева, которая раздавала остальные: 1. фрейлинам: Елизав. Ник. Чглоковой, 2. гр. Ан. Петр. Шереметевой, 3. гр. Штейнбоку, 4. Ферзину, 5. подпоручику Жеребцову, 6. камергеру бар. Алек. Ив. Черкасову. Но как между братьями Орловыми открылось соперничество, доходившее до явной ссоры, и главный судья не знал, кому из них отдать первенство, а с тем вместе и награду, потому положено было решить соперничество взаимным ратоборством. На другой день явились графы Орловы в броне и с прежним пышным шествием кадрилей. По данному знаку трубою они оба начали бег с такой стремительностью, искусством и ловкостью, что долго не знали, кого предпочесть. Однако главный судья отдал преимущество Григ. Григор. Орлову, поднес присужденную ему награду и другую, тайно заготовленную по собственному его распоряжению, лавровую ветвь. Это всех изумило. Дамы подносили ему букеты цветов, поздравляли его с победою и потом с торжеством проводили его в театр, в котором давали тогда оперу «Дидона». Государыня и весь двор, быв свидетелем торжества Орлова, присутствовали в театре. Тут встретило его рукоплескание, и оно раздавалось беспрерывно. Гр. Алексея Григорьевича почтили одними лестными адресами¹.

С тех пор не возобновлялся каррусель, и теперь он совершенно забыт.

---

¹ *Castera. Hist. de Catherine II, т. 2, с. 27–36; «С.-Петербургск. вед.», 1766 г., № 51 и 58, в прибавлениях.*

ТЕАТРЫ

В наше время лучшее удовольствие, кроме танцев, доставляют театры, которые были уже известны в царствование государя Алексея. Бояр. Арт. Серг. Матвеев, будучи любителем театра, первый выписал труппу комедиантов, которые играли в Преображенском и Кремлевском дворцах комедии и трагедии и сверх этого увеселяли танцами и балетами. Из иггранных в то время комедий известны: 1. «Притча о блудном сыне». 2. «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцах, в пещи сожженных». 3. «Навуходоносор, Мемухан, Моав, Амон, Нееман, Корей, Лapid, четыре протазанщика, четыре спальника». 4. «Артаксеркс и Аман». 5. «Олоферн и Иудиф»¹. В «Разрядных записках» 1676 года сказано о комических играх: «Тешили великого государя иноземцы, как Алаферна царица царю голову отсекала, и на органах играли немцы, да люди дворовые боярина Артамона Сергеевича Матвеева», далее: «Как Артаксеркс велел повесить Амана, и в органы играли, и на фиолах, и на инструменты и танцевали», далее: «Тешили великого государя на заговенье немцы и люди Артамона Сергеевича на органах и фиолах и на инструментах, и танцевали, и всякими потехами разными»². Народ смотрел на это с изумлением. Он долго никак не мог верить, чтобы все это делалось людьми: он думал, что нечистый дух вселялся в них и забавлялся зрителями. Многие из простолудинов боялись говорить с актерами, полагая, что в них поселился дьявол; не смели есть из одной с ними чаши, почитая оскверненным; хлеб, одежду и деньги не иначе принимали от них, как по прочтении молитвы; избегали всякого сообщества с играющими на театре, даже чуждались самих зрителей; душу актеров считали погибшею. Такое мнение в народе господствовало долго, до начала XIX века. Тела актеров часто не предавали

¹ Древ. рос. вивл., ч. VIII, с. 34, 58, 187 и др.

² Успенский. Опыт повеств. о древност. русских, ч. 1, с. 98.

погребению, считая их за богохульников и за людей, живущих в дружбе с чертями¹.

Царевна София, искореняя старинные причуды, сама играла с благородными девицами комедию Мольера *«Врач противу воли»*. Петр I, вводя иностранные обычаи, открыл театральные представления в Москве и Петербурге (1700); в царствование Елизаветы учрежден в Петербурге (1756) театр, со всеми правилами вкуса и дирижирован^{ия}; директором его назначили Сумарокова. По прошествии трех лет был открыт театр в Москве (1759). При Екатерине II проявилось желание посещать театры во всех сословиях; в начале XIX века оно распространилось по многим городам, где уже устроились свои театры; завелись переходные труппы актеров, которые стали появляться на значительных ярмарках и в большие праздники в больших городах. Труппы балаганщиков, фигляров, комедиантов и фокусников разъезжают ныне повсюду и показывают народу свои *возвышенные представления*. Они обыкновенно разбивают на площади или рынке преобладающую палатку и, устроив в ней места для зрителей на подмостках, представляют *неслыханные и никогда никем не виданные игры*. До представления объявляют афишками. Вот образец из невиданных комедий: *«Как жена надевает мужу золотые рога»*, *«Как жена сидит подле мужа и целует своего дружка»*, *«Как девушка-душка нечаянно зашла к ненаглядному молодцу»*, и пр. Как ни странны таковые представления, но они заставляют почтенную публику хорошенько подумать: как вырастают рога? как жена целует дружка? и т. п.

Странствование трупп по городам еще в большем употреблении в Европе, нежели у нас.

Театры в Петербурге, в коем ныне три: Александрьевский, Большой и Михайловский, особенно отличаются водевилями и операми и не уступают лучшим иностранным; но музыкой и балетами они превосходят все иноземные. Все

¹ Шестым вселенским собором, состоявшимся в Трулле, определено: отлучать от Церкви и тех, которые занимаются плясками, зрелищами и звериной ловлею. — *Иннокентий*. Начерт. церков. истории, ч. 1, с. 377, изд. 1838 г.

наши театры (с 1842 г.) находятся ныне в ведомстве директора Петербургских театров с названием «директора Императорских российских театров». Наши театры поддерживаются правительством, иностранные держатся содержателем, который из вырученных им денег за представление платит актерам и имеет еще свою прибыль.

В старину проводили время в разного рода забавах и увеселениях: в катании с ледяных гор по льду на коньках, санках, качелях, гадании и хороводных забавах. Другие занимались шахматами, шашками, зернами или костями; забавлялись беганием взапуски, борьбою, скачкою и т. п.¹

ТЕЛЕГИ И САНИ

У нас в самой древности предпочитали экипажам верховую езду. Такое обыкновение было общее всем восточным народам, пока роскошь не выдумала удобных и покойных экипажей. Телеги и сани появляются у нас с основанием нашего государства. Барон Герберштейн, бывший у нас в начале XVI века, пишет², что в проезд его через Новгород он слышал от жителей, что в Пскове еще хранятся сани в. к. Ольги. Нестор пишет, что в его время в конце XI века еще стояли сани в. к. Ольги³. Купцы новгородские упросили Герберштейна, чтобы он оставил им в память свою повозку⁴. При отъезде его из Москвы он получил от великого князя в подарок сани с белым медвежьим мехом, прекрасную лошадь, чепрак, копченую белугу, осетра и стерлядь; а в другой раз: 42 соболя, 300 горностаев и 1500 куниц. Франциск да Колло пишет, что в отдаленных странах России, где ловят соболей – тогда ловили их и около Печоры, – впрягают в сани

---

¹ О забавах, а именно играх и хороводах, помещено в своем месте, в IV ч. Иностранные писатели: Герберштейн, Маржерет, Олеарий, Меч и другие говорят о некоторых забавах, но списывая друг у друга.

² *Herber. Rer. Moscov. com.*

³ *Нестор. лет. по Кенигсб. сп., с. 52.*

⁴ *Herber. Rer. Moscov. com., с. 79, ed. Antv., 1557 г.*

собак¹. Знатные люди ездили летом в закрытых возках, обитых внутри красным сукном, а зимой обращали их в сани. Жены первостепенных сановников выезжали в пышной одежде; величаясь знатностью, они имели у своих ног горничную; по бокам шло от 30 до 40 слуг. Лошадей убирали лисьими хвостами, как в поезде невесты². Петр, митрополит Сарский и Подонский, живший в половине XVII века, ездил зимою и летом в санях, запряженных в одну лошадь, на коей сидел верхом кучер; посох митрополита несли впереди его. Архимандриты ездили в лубочных санях, сидя на медвежьей полости, и покрывались коврами. Царица Наталия являлась к народу с особой пышностью: ее сани, обитые красной материею, были украшены вызолоченными двуглавыми орлами и были возимы 12 белыми лошадьми, со страусовыми перьями на головах; позади шли чиновные люди. Царь Алексей ездил в церковь в день своего тезоименитства в обитых красной материей санях, запряженных одной гнедой лошадию; на запятках его стояли бояре: кн. Я. К. Черкасский и И. Д. Милославский, его тесть; напереды стояли два комнатных стольника; впереди саней шли стрельцы, а по сторонам – придворные³.

КАПТАЛЫ, РЫДВАНЫ И КОЛЫМАГИ

Со старых времен ездили в рыдванах, каптанах и колымагах. Каптаны были зимние возки, обитые бархатом или красным сукном; у дверец вставлялись слюдяные окошки с тафтяными занавесками. Рыдваны были длинные и без рессор; покрывались сукном. Колымаги, как рыдваны, делались на четырех колесах и отличались от простой телеги тем, что внутри обивались сукном; в них входили по лестнице. Колымаги и каптаны делались о двух оглоблях, без дышел; за-

¹ *Franc. da Collo. Il Trattamento*, и пр., пом. у Чилли.

² *Олеар. Offt beehrte Beschreibung der Neuen Orientalischen Reise*, с. 142.

³ Рисунки к путешествию барона Маерберга, С.-Петер., 1827 г., см. рисунки XLVI–XLIX, изданные на счет государственного канцлера графа Н. П. Румянцева.

прягались в одну лошадь, а другие были столь просторные, что в них свободно помещали постель, подушки, тюфяки и теплые одеяла¹.

КАРЕТЫ И КОЛЯСКИ

Возок, который послал в подарок царь Борис Годунов датскому принцу Иоанну, жениху Ксении, был похож на карету. Его везли шесть серых лошадей, убранных в красные шлеи; все железо было посеребренное; верх обтянут лазоревым сафьяном, внутренность покрыта пестрою камкой; подушки лазоревые и темно-красные; по сторонам расписано золотом и красками, колеса и дышло крашенные.

Во всей Европе долгое время ходили пешком, по неимению экипажей. Только принцев носили на помочах, а вельможи и сановники ездили на мулах. Первые французы выдумали кареты в половине XV столетия. При Франциске I, короле французском, жившем в XVI веке, находились в Париже две кареты: одна королевы, а другая Дианы, дочери Генриха II. Но придворные дамы не заботились о каретах, и только в начале XVII века кареты начали входить в употребление. Говорят, что первый из придворных ездить начал Иоанн де Боа-дофин, и то по причине чрезвычайной его тучности, препятствовавшей ездить верхом. В кареты запрягали лошадей, но в Испании еще долгое время употребляли мулов².

Борис Годунов в числе многих подарков, полученных им от королевы Елизаветы, получил еще от нее карету, обитую бархатом. Карета Марии Мнишек была обита снаружи алым сукном, внутри красным бархатом; подушки были парчовые, унизанные жемчугом; ее запрягали в двенадцать лошадей. С появлением карет вошли в употребление коляски, и они запрягались в шесть лошадей.

---

¹ Кошихин. О Росс. в царствован. Алексея Михайловича, с. 14; *Miege*. La relat. des trois embas. de Carlisse, с. 49, ed. 1672 г.

² Diction. des origines., P., 1777, ч. I, с. 317, in 8. Французское *carrosse* обращено нами в карету.

Распространившееся тщеславие на богатую упряжь заставило царя Феодора ограничить ее: он указал, чтобы впредь с 1682 года бояре, окольные и думные впрягали в кареты и сани по две лошади, в праздничные дни – по четыре, для сговоров и свадеб – в шесть лошадей. Стольникам,стряпчим и дворянам велено ездить летом верхом, а зимой на санях в одну лошадь. Кареты стоили весьма дорого, и потому в начале еще XVIII века они были очень редкие. В Петербурге находилась при Петре I одна наемная, которую употребляли для иностранцев; прочие ездили в одноколках или верхами. В половине XVIII столетия размножились кареты и коляски. Парадные кареты запрягались цугом в шесть и четыре лошади; впереди ехали вершники, одетые по-гусарски или по-казацки; иногда шли по бокам скороходы и гайдуки – последние были одеты по-гусарски или по-казацки и исполняли обязанность лакеев. Тогда же появились брички, дормезы, фэтоны с кожаными фартуками и дрожки; последний экипаж есть собственно русский, и его иностранцы не знают¹. В конце XVIII века стали ездить при дворе на линейках, при коем они поныне остались в употреблении. Во внутренности России долго не знали ни колясок, ни карет, которые стали появляться там в конце XVIII века как диковинка. Между многими тому примерами это земля донских казаков. Там в первый раз появился тяжелый рыдван в половине XVII столетия при атамане Данииле Ефремове. Когда атаманша ездил в рыдване, тогда все жители Черкаска выбегали на улицу и кричали: «Сама едет!» У этой атаманши был зимний возок, расписанный яркими красками и обитый войлоком, цветной шелковой материею

---

¹ Хотя по всей России употребляют единообразные экипажи, однако в Саратовской губернии и смежных с нею есть совершенно отменные от прочих – это дроги. Своим видом они похожи на повозки ломовых извозчиков с тою разницею, что по обоим бокам приделывают крылья и кузов без рессор, а иногда делают без крыльев и кузова; места для сидения застилают ковром и садятся по обеим сторонам, часто на голой доске. Запрягают парой и в одну лошадь. На этих дорогах помещаются до 10 душ, мужчины и дамы вместе; тряска во время езды нестерпимая.

и бархатом; дверцы были со стеклами и внутри стояла *посредине жаровня*¹.

Русские повозки, сани и телеги служат доселе с пользой; но сани делаются ныне с изысканной роскошью в одной только России и именно в Петербурге. Ямские почтовые повозки славятся своей прочностью и удобством, а валдайские колокольчики – серебристым звоном и крепостью. Упряжь наша отличается от европейской дугами и всей збруей; наш кучер правит с большой ловкостью и самодовольствием. Ямщики отличаются быстрой ездой; во время дороги они свистят, поют, прикрикивая на свою тройку: «Эй! Соколики мои». За границей, даже в Царстве Польском и Литве, впрягают лошадей цугом и без форейтора; один кучер правит и поминутно хлопает бичом, который несносно поражает непривычный слух. В сани, которые испещряют разноцветной краскою, запрягают лошадей гуськом и привешивают на шею колокольчики, напоминающие своим трезвоном наших маймистов, называемых в простонародье чухонцами. В Берлине даже щеголяют трезвоном.

Омнибусы и дилижансы заведены у нас в недавнее время для облегчения проезжающих из Петербурга в Москву и обратно, а внутри столицы для отправляющихся в летнее время на гулянье. Весьма жаль, что они не учреждены во всей России, и даже в нашей столице начали употреблять их для вседневной езды недавно, кажется не более трех лет тому назад. В Париже разъезжают несколько тысяч ежедневно и за весьма умеренную цену. Из одного конца столицы в другой там можно проехать не более за 15 коп. сер., и проезжающих всегда полный омнибус.

Коляски и кареты делаются у нас так хорошо, что они своей отделкой не уступают многим иностранным и сверх того отличаются изысканностью до расточительности. При Петре I находилась в Петербурге одна наемная карета, а теперь, по прошествии столетия, уже тысячи; колясок и дрожек еще более. Положением Петра I дозволено всем дворянам и с званием высокоблагородным ездить в карете парой; превос-

¹ *Корнил.* Русск. старина, с. 293 и 294. Изд. СПб., 1825 г.

ходительным в четыре лошади с фореитором, а в шесть высшим придворным чинам. Императорский дом ездит в карете в четыре лошади с фореитором, а во время народных гуляний и торжественных выездов запрягают в шесть и восемь лошадей, и весь блистательный двор сопутствует ему в экипажах придворных. Лакеи одеваются в красное платье, шитое золотом; сбруя лошадей ослепляет глаза сиянием.

Кроме дворянства никакое другое сословие не имеет права ездить в каретах и колясках. Высшее черное духовенство, начиная от епископов до митрополита, пользуется правом ездить четверней, а митрополиты – шестерней. Их кучера и лакеи ходят без бород и одеваются в черное платье. Городской голова в столице, один пользующийся правом являться ко двору в карете, может запрягать ее в четыре лошади. Прочее купечество и мещанство может разъезжать на дрожках и ездить в богатейших санях даже тройкой.

Верховая езда дворян, сановников и женского пола не употребляется более у нас, как это было прежде, и ныне она составляет щегольство одних охотников и амазонок русских. Ее вытеснили экипажи – на все свое время. Но, может быть, скоро наступит то время, когда снова станут ездить верхом, как это ныне в Англии, по причине дороговизны содержания лошадей и экипажей. Напрасно думают, что англичане ввели у нас верховую езду: она давно была у нас известна. Англичане только сделались лучшими конезаводчиками и любят верховую езду потому, что дешевле иметь одну или две лошади, нежели содержать их много, и еще иметь кучеров и несколько экипажей и т. п. Мы не нуждаемся в верховой езде, потому что богаты, – но в самом ли деле богаты? Нет, мы более расточительны, небережливы. Когда проживемся, тогда примемся доказывать, что ходить пешком весьма полезно.

БАНИ

С незапамятных времен употребляли на востоке ванны. В Греции и Риме они нежили прихотливость сибариток. Там жен-

щины проводили все утро в роскошном омовении: прислужницы натирали их благовонными мазями и спрыскивали духами; головные волосы умащивали душистыми веществами, расчесывали, переплетали и убирали; потом одевали изнеженных красавиц в дорогие ткани. Теплые ванны знали малоазиатские греки еще до времен Гомера. В европейской Греции появились бани около половины VIII века до Р. Х. Посреди комнаты была устроена печь, нагревавшая смежные две комнаты, в коих парились. У лакедемонян мужеский и женский пол ходил вместе в одну баню; римляне устраивали отдельные для обоих полов. Они ходили в баню до ужина; богачи натирались благовонными маслами и духами. По солнечном закате возвещали звоном колокола об открытии бань. В Малороссии и во многих местах Великороссии банщик, ходя по улицам, кличет народ: «В баню! В баню!» Во время Помпея, за 70 лет до Р. Х., полицейские чиновники смотрели за порядком и благопристойностью, даже отец не мог быть в бане вместе со своими детьми; но когда разврат изгнал стыд, тогда женщины начали мешаться с мужчинами. Содержатели бань заманивали сюда молодых людей, окружая их красавицами; старики ходили сюда единственно для пресыщения своих любострастных взглядов¹.

В России были известны бани в самой глубокой древности. Наш летописец Нестор относит их к первому веку по Р. Х., когда св. апостол Андрей, проповедуя в Киеве евангельское слово, отправился потом в Новгород, где он увидел чудо – парившихся в бане. В ней, по описанию его, все превращались в цвет сваренных раков. Накалив печь в деревянных банях, говорит Нестор, входили туда нагими и там обливались водой; потом брали розги и начинали сами себя бить, и до того секли, что едва выходили живыми; но потом, окатившись холодной водой, оживали. Так делали ежедневно, и при этом, заключает Нестор, никем не быв мучимы, сами себя мучили и совершали не омовение, а мучение². Некоторые об-

---

¹ Diction. des origines, P., 1777 г.

² Нестор по Кенигсб. сп., с. 8: «И тако творят по вся дни, ни мучимы ни чим же, но сами ся мучат, и тако творят не мытву себе, но мучение».

ливались еще квасом¹. Сам апостол Андрей рассказывал об этом обряде по прибытии его в Рим. Его известие неверное, и оно невольно рождает вопрос: существовал ли тогда Новгород? Даже самый Киев? В первом веке мы никаких не знаем славянских племен, живших на этих местах. Откуда же взялись эти города? Наш летописец, конечно, хотел выставить давность бань, и, несмотря на эту погрешность, его предание уже тем важное, что до него были в употреблении бани. Он между прочим рассказывает за достоверное, что в. к. Ольга, желая наказать древлян, убивших ее мужа Игоря (в 945 г.), повелела сготовить баню для древлянских послов, которые бы, омывшись, представились ей. Во время их омовения зажгли, по приказанию Ольги, баню, в коей сгорели послы².

У нас долго было в обычае, чтобы для гостей топить баню.

Нам не известно, когда появляются торговые бани, но знаем, что они были давно в употреблении. В древности все любили бани. Бенедикт, предводитель венгерского войска, осадив город Галич (1211), схватил в ней беспечно мывшегося кн. Романа Игоревича. В старину строго наблюдали, чтобы жених пред брачным днем мылся в бане, а после первой супружеской ночи ходили бы вместе молодые. Этому обычаю следовали великие князья и цари до начала XVIII века. Лжедмитрий, быв уже не любим народом за неуважение к обычаям, был осуждаем, что он ни однажды не мылся в бане со своею «паганой царицею».

В Греции также было в обыкновении мыться вместе в бане. Гомер, описывая прелестную Поликастию, говорит, что юная дочь Нестора сама провожала Телемака в баню, а невинная Эвриксис находилась в бане с Улиссом.

Некоторые иностранные писатели³ рассказывают еще, что если супруги проводили ночь вместе, то они не смели вой-

¹ Русская летопись с Воскресенского списка: «И облиются квасом кислым», ч. I, с. 62 и 63, изд. 1793 г.

² *Нестор* по Кенигсб. сп., с. 49.

³ *Герберштейн*. Rer. Moscov. com. *Pauli Jovii*. De legatio Moscoviae; *Meletii*. De Russor. relig. et ritib., ed. 1581 г., Олеарий, Корб, Моттли и другие.

ти в церковь, не омывшись прежде. Во время служения они могли стоять за дверьми церковными, но тогда подвергались посмеянию молодых людей.

В баню ходили инокини без разбора. При Екатерине II правительство старалось искоренить общие бани¹, и только в царствование Александра Благословенного они уничтожены навсегда устройением отдельных бань для обоих полов.

Некоторые из наших писателей думали, что переяславский епископ Ефрем, бывший потом митрополитом, первый повелел строить торговые бани при церквях в 1090 г. Епископ, говорит летописец Нестор, заложил *«строение каменное банное»*, чего прежде не было, а церкви воздвигались с банями. Баня на малороссийском языке значит купол, верх церкви, а строение *«каменное банное»* означает крестильницы, которые он учреждал при каждом храме.

Бани в таком ныне употреблении между нашим народом, что всякий зажиточный поселянин в деревне имеет свою собственную². Иностранцы с изумлением пишут в XVI и XVII веках, что поселяне наши, выходя из бани красными, как раки, катались по снегу или кидались в ледяную прорубь; потом вновь парились, не подвергаясь никаким болезням. Эта крепость, свойственная русскому, ныне изменилась. Хотя встречаются эти примеры по деревням, однако они не всегда проходят удачно. Теперь только выходят на холод, чтобы несколько освежиться, и потом тут же окатываются теплой водою.

Бани неизвестны в Европе. В Вене и Париже учреждены русские бани, но они далеко отстоят от настоящих наших: там не знают париться вениками, а только обмываются и потеют; самый пар некрепкий и даже слабый, и за всем тем немцы и французы не могут выдержать его. Они ходят в устроенные наши бани только во время сильной простуды, ревматизма

¹ Устав. Благочиния.

² Многие парятся в бане в самом крепком духе, а другие – даже в раскаленных печах. И это уж истинные любители, которые, кувыркаясь на разостланной соломе, приказывают еще закрыть за собою заслонкою, и так парятся, что вылетает душенька вон. Несмотря на это, русский любит душные бани, и не попариться в субботу как-то ему стыдно и совестно и чего-то недостает ему.

и озноба. В Варшаве учреждены очень хорошие русские бани, и они, как говорят, появились там в настоящем виде с 1832 г.

Бани, как средство потогонное, весьма полезны; но употреблять в такой степени, как у нас, они очень вредны. Тело расслабляется, и мозговые органы тупеют; наружность теряет природную краску, и она скоро покрывается морщинами. Этому примером служат женщины: они стареют ранее своего возраста и вянут; лица их преждевременно бледнеют и часто желтеют. Омывание теплой водой, и в легком паре, весьма здорово. Мыться же холодной несравненно здоровее: такое омовение укрепляет тело и оживляет его; румянец бывает постоянно свежий и естественный; морщины проглядывают не скоро, и, что важно, гораздо реже подвергаться можно простудам и головным болям. Сама привычка к баням с детства не спасает от расслабления и постоянных простуд, особенно во время сырости.

VI. МУЗЫКА

ЛЮБОВЬ СЛАВЯН К МУЗЫКЕ

Музыка, пение и пляска, выражение радости были известны нашим предкам еще задолго до основания политического бытия России. По берегам Балтийского моря жили, по известию византийских историков, мирные и счастливые славяне, коих не мог вооружить противу восточной империи сам Баян, сильный и свирепый аварский хан. Когда греки, воюя с этим ханом (в 590 г.), взяли в плен трех балтийских славян, тогда они нашли у них вместо оружия кифары или гусли и узнали от них, что в их стране нет железа; что они не знают войны, любят музыку и ведут мирную жизнь¹. Нельзя думать, чтобы балтийские славяне не знали войны и оружия, иначе земля их давно была бы разорена; но можно допустить,

¹ Карамзин. История государства Российского, т. I, с. 26–27; *Strit. Memor. popul.*, т. II, с. 53–54. – У Феофилакта, Анастасия и Феофана, под 590 г.

что они предпочитали мир войне; что пленные три славянина с гуслими находились в стане хана, по обычаю восточному одушевляя воинов игрою и пением к битвам. Если бы все прибалтийские славяне занимались музыкой, то кто бы обрабатывал их земли? Предание византийцев может подтверждать только то, что все славяне любили музыку и увеселения: ибо из истории известно, что они в виду многочисленных врагов веселились, пели и забывали опасности. Однажды греки, напав ночью на стан славян, разбили их единственно потому, что, будучи отвлечены песнями, они не приняли никаких предосторожностей¹.

ДРЕВНЕЙШАЯ МУЗЫКА СЛАВЯН

Какие музыкальные инструменты прежде всего были известны нашим предкам? Этого невозможно решить, но, следуя за ходом образования, мы знаем, что все народы употребляли первоначально самые простые музыкальные инструменты, потом изменяли их с постепенным усовершенствованием и наконец дошли до того, что первоначальная музыка или осталась в употреблении между простым сословием, или совсем исчезла. Самая естественная музыка появлялась у всех полудиких одноствольным орудием, сделанным из тростей и рогов животных. Первоначальная игра состояла из подражаний свисту ветров и пению птиц; потом своими особыми звуками они начали выражать горечь и радость. Последовательные переходы, усовершенствуя приятность созвучий и согласие тонов, изобрели многосложные инструменты, требовавшие не одного искусства, но особого изучения.

Древнейшая наша музыка была простая, и, судя по необширному образованию наших предков, полагать можно,

---

¹ Прокопий у Стриттера (*Mem. popul.*, т. II, ст. 61). Прокопий называет их песнями аварскими, ибо аваров и славян он считает за один народ, этому мнению последовал Венелин, см. его: «Болгары» и пр. Явились даже защитники этого мнения, единственно из желания противоречить историографу Карамзину.

что дудка и рожок были у них самые первые инструменты; потом жалейка, рог и свирель; наконец волынка, гудок, бала-лайка, ложки и гусли.

Дудка, похожая на флейту, есть весьма обыкновенный и простой инструмент по своему устройству. Пастухи преимущественно играют на ней, а потому <он> может назваться пастушеским. В России часто ее смешивают со свирелью; в Малороссии она называется сопелкою¹.

Рожок, древний пастушеский инструмент, употребляется поныне. Его звуки в руках искусного музыканта довольно хорошие, и он заменяет заунывный кларнет.

Жалейка, или сиповка, образует двойную дудку; издает голос сиповатый, отчего она получила настоящее название. Она теперь выходит из употребления.

Рог делается из двух деревянных согнутых стволов, похожих на военные трубы; употребляется на охоте. Музыка роговая имела свою эпоху и свою моду. При Екатерине II она была в обыкновении. Особенно любил ее обер-егермейстер Нарышкин, у которого роговая музыка разыгрывала трудные ноты и веселила гостей за изобильными пирами. Со смертью Нарышкина роговая музыка исчезла.

Свирель состоит из семи вместе сложенных дудок или стволов таким образом, что отверстия, по коим пробегает играющий касанием губ, расположены ровно и концы каждого ствола срезаны в соразмерной постепенности в таком отношении, что большой, или первый, ствол превосходит последний вдвое. Это есть древнейший греческий инструмент, коего усовершенствователем почитается бог Пан. Он употреблялся долгое время пастухами в Украине и во всей Малороссии. В России его употребляли в сельских пирушках и хороводных играх.

Волынка делается наподобие раздувательного меха с тою разницей, что кожа, часто сырая, недавно снятая с ба-

---

¹ В храме, построенном царем Соломоном, употреблялись *сопели*, гусли, кимвалы, трубы, органы, свирели, самвики и псалтыри и *всякого рода мусикийска*. – Дан 3 : 5–15; 2 Пар 5 : 12–14; 3 Цар 10 : 12.

рана, как это бывает у финнов, надувается прикрепленную сверху деревянной трубочкою; внизу с двух противоположных сторон прикрепляются две разной величины и разных отверстий деревянные трубки, чрез кои проходя, воздух выжимает басистые голоса, а третья небольшая верхняя дудочка имеет на своем стволе несколько отверстий, которые по воле играющего прижимаются пальцем и открываются, производя этим разные голоса и звуки. Музыка волынки однообразная: она беспрестанно гудит и ревет. Употребляется повсюду в России.

Гудок похож на скрипку: он о трех струнах и со смычком; рукоятка его вверх загнутая, как у баса, с тремя колышками; по струнам водят смычком, который издает одно гудение, от коего он получил свое название. Он употребляется донныне на сельских пирушках и забавах.

Балалайка состоит из длинной рукоятки, на коей сделаны лады, и из круглого корпуса. На нее навязывают две струны, кои настраиваются довольно высоко. Балалайка есть любимейший инструмент русских. Ни один праздник, ни один свободный вечер от работ не упускается охотниками, чтобы не поиграть на ней. Сам игрок и поет, и танцует. Любители веселья, услышав звук балалайки, немедленно сюда сходятся и начинают разгульную пляску.

Ложки. Два деревянных инструмента, похожие на обыкновенные ложки, складываются вместе. Рукоятки их унижают сквозными небольшими шариками, кои бывают металлические, и оставляют их висячими, подобно виноградным кистям. Во время музыки трясут ложками, которые от движения шариков издают многообразные звуки. Тоны их приятнее бубнов.

Гусли. Они имеют вид легкой ручной арфы с медными струнами; строй их свободный: можно поднимать высоко и очень низко; они служат приятным спутником для пения. Это самый древнейший и любимейший инструмент у евреев. Давид прославился игрою на гуслях. Будучи оруженосцем при царе Сауле, он усыплял его гнев кифарами и вос-

певал славу Божию¹. В Малороссии долгое время любили играть на гусях, но ныне и там они исчезают. В России их не употребляют. У сербов доселе гусли занимают первое место. От берегов Савы и Дуная до внутренних владений Черногории везде услышите раздающиеся их звуки, сопровождаемые восхитительнейшим напевом отечественных песен. Нет там уголка в деревне, где бы их не было или, правильнее сказать, нет дома, где бы они не звучали. Бывший владетельный князь Сербии Милош Обренович любил в досужное время от государственных занятий играть на гусях и петь под их сладкозвучный напев доблестные подвиги своих единоплеменников. Любимая песня сербского народа для гуслей – это есть «Свадьба» Максима Черноевича. Имя сочинителя неизвестно, но она красотой и силою чувствований так превосходна, что не уступает во многом простоте Гомера и восторгу Оссиана. Сохранением своим она обязана народной памяти; переходя многие столетия от поколения к поколению, она наконец в XIX веке сделалась известною в печати по изустным преданиям².

Простой народ употреблял в пылу веселия тазы и сковороды, в которые он бил палочками, согласуясь с музыкой.

¹ «Исповедайтесь Господевы в гусях, во псалтири десятиструнном пойте Ему...» (Каф. 5, ст. 2). «Востани слава моя, востапи псалтиру и гусли...» (Каф. 8, ст. 9). «Воспою Тебе в гусях, Святой Израилев» (Каф. 10, ст. 22). «Примите псалом, и дадите тимпан, псалтырь красен с гуслими. Вострубите в повомесячии трубою, во благознаменитый день праздника вашего» (Каф. 11, ст. 3–4). «И во псалмех воскликнем Ему: яко Бог велий Господь, и Царь велий по всей земли» (Каф. 13, ст. 3–4). «Воскликнете Богу вся земля: воспойте и радуйтесь и пойте. Пойте Господевы в гусях, в гусях, и гласе псаломсте, в трубах кованых и гласом трубы рожаны: вострубите пред Царем Господем. Да подвижется море и исполнение Его, вселенная, и вси живущий на ней. Реки воспещут рукою вкупе: горы возрадуются от лица Господня, яко грядет, яко идет судити земли: судити вселенной в правду и людем правостию» (Каф. 13, ст. 4–9). «Да восхвалят имя Его в лице, в тимпане и псалтири да поют Ему» (Каф. 20, ст. 3). «Хвалите Его во гласе трубне, хвалите Его во псалтири и гусях, хвалите Его в тимпане и лице, хвалите Его во струнах и органе, хвалите Его в кимвалех доброгласных, хвалите Его в кимвалех восклицания. Всякое дыхание да хвалит Господа» (Каф. 20, ст. 3–6). – «Псалтырь с толкованием», изд. Киев.-Печер. Лав., 1814 г.

² Об этой песне см. Вука Стефановича: «Народне српске pjesme».

ТРУБНАЯ МУЗЫКА И МНЕНИЕ О МУЗЫКЕ И ПЕНИИ

Ни при дворе великокняжеском, ни в кругу благородного сословия мы не встречаем никакой музыки. Хотя иностранец Контарени говорит, что у наместника Помартина была за обедом музыка, однако мы не знаем, какая это была музыка? При Иоанне IV мы встречаем скоморохов и шутов, которые забавляли его разными играми и музыкой. Во время первого Лжедмитрия раздавалась польская музыка на его пиршествах. Должно думать, что не раньше этого времени стала появляться у нас правильная музыка.

По известию одного иностранца, употребляли для пляски и во время свадьбы между прочими музыкальными инструментами *псалтырь*. Его держали на коленях и пальцами перебирали струны, как на арфе¹ – нынешний торбан. Этот псалтырь есть гусли царя Давида, которые доселе называются в простонародии псалтырем, оттого что вдохновенный песнопевец воспевал славу Божию на своих гуслих по псалмам².

Духовенство строго воспрещало забавляться музыкой³, но, однако, ее употребляли на свадьбах и в веселии.

За обедом царя Михаила Феодоровича, когда он угощал послов голштинских, играли на арфе и скрипке; потом плясали русскую искусные танцоры. Девушки держали в руках пестрые вышитые ширинки, коими они махали при выражении ловких своих движений⁴.

¹ *Olear*. Biel vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschr., ed. 1696 г., in. f., с. 109.

² Псалтырь Давида была десятиструнная. – «Во псалтыри десятиструнном пойте Ему» (Каф. 5, ст. 2). В некоторых местах песнопения Давида гусли и псалтырь показаны как бы отдельными. «Востани слава моя, востани псалтырю и гусли» (Каф. 8, ст. 9 и др.). У него псалтырь разумеется собрание псалмов, песен, следов, его сочинение, а не самый инструмент.

³ *Herber*. Rer. Moscov. com., ed. Antv., 1557 г.

⁴ *Олеар*. Offt begehrte Beschreibung der Neuen Orientalischen Reise, с. 16, ed. 1647 г.

Свадьба царя Алексея Михайловича праздновалась музыкою: на дворе и в передней комнате играли в трубы и суренки и били в литавры.

Еще в половине XII века употреблялись у нас трубы и бубны. При осаде Киева в 1151 г. князьями Георгием Суздальским и Владимиром Галицким, осажденные и осаждаемые трубили в трубы и били в бубны. При собирании войска для новгород-северского князя Игоря (в 1185 г.) трубили в трубы. Во время междоусобия новгородцев с владимирцами (в 1216 г.) первые имели 60, а последние 40 труб и 40 бубнов. Во время похода русских против волжских болгар (в 1220 г.) в нашем стане были трубы, бубны, сурны и сопели¹. В это время были уже известны флейты; в XVI столетии они делаются повсеместными, как видно из песни того же века.

То ляхи в бубны вдаряют,
У свистилки да у трубы выгрывают,
Усе вийско свое до купы у громаду скликают.
Усе хоробрый товарищи запорожцы.
На кониках выгрывают, шабельками блискают,
у бубны ударяют².

В том же столетии появляются набаты, литавры, флейты и сиповки.

Первоначальный вид труб нам неизвестен, но должно думать, что они были прямые, как у древних народов, и состояли из одного колена, и потом, изменяясь в устройстве, они получили настоящий вид, т. е. трехколенные и прямые. К трубам привешивали шнуры с кистями и завесы четверугольные из парчи, камки и тафты, с серебряной и золотой бахромою³. В по-

¹ Киевск. лет.; Слово о полку Игоря; *Карамзин*. История государства Российского, ч. III, пр. 165; Русск. лет. по Никон. сп., ч. II, с. 343; Летоп. с Воскр. сп., ч. II, с. 172.

² *Максим*. Украин. народ. песн., с. 22 и 27, изд. 1834 г.

³ В рисунках к путешествию бар. Маерберга, изд. госуд. канцл. графом Н. П. Румянцевым в 1827 г., показаны трубачи играющими на трубах с завесами.

ходах для предохранения от пыли и сырости надевали суконные чехлы, называвшиеся *нагалищами*, *ольстрами* и *чемоданами*¹.

Бубны – небольшая медная чаша с натянутою наверху ее кожею. Конные прикрепляли их к седлу, а пешие держали левою рукою и били во щагою, плетеной из толстого ремня, наподобие палки с прикрепленным на конце ее ременным шаром. У каждого воеводы был привешен к его седлу *тулумбаз* или *жулумбас*, поменьше бубен, в который он сам бил во время надобности.

Бубны часто принимаются в наших старинных известиях заодно с *накрами*².

Сурны – длинная узкая и прямая труба с загнутым нижним отверстием.

К ратному строю принадлежит еще набат. Это большой величины медный барабан, который укреплялся на деревянном щите <с> помощью цепей: его утверждали на четырех рядом поставленных лошадях. Для удара в него употребляли восемь человек³. Каждый воевода имел свой набат, в который, по его распоряжению, производили тревогу в войске, отсюда произошло выражение «бить в набат»⁴.

Селившиеся у нас немцы вводили постепенно разнообразные инструменты. Духовенство осуждало русских, прилеплявшихся к музыке, и оно запрещало им веселиться ею. Патриарх, говорит Олеарий, запретил все музыкальные инструменты, употреблявшиеся русскими во время пиршеств и увеселений. Четыре или пять лет тому назад он велел обыскать все дома частных людей и найденные инструменты, сложив на пяти больших возах, приказал свезть за реку Москву и сжечь.

¹ Историч. опис. одежд и вооружений, ч. I, с. 106.

² *Карамзин*. История государства Российского, т. X, прим. 101. В словаре Росс. акад. накрыв называют старинными бубнами. Накры, название франконских славян, употребляется доселе между французами. – *La Combe*. Diction. du vicieux langage Francois, изд. 1762 г., см.: *nacaire*.

³ *Флетчер*. The embassy her Maj. to the Theodor of Emper. of Russia, с. 547, помещ. в собран. Гакл., ed. Lond. 1809 г.; *Marger*. État de l'empire de Russie, ed. P., 1607.

⁴ Некоторые думают, что набат перешел к нам от татар, см. «Истор. опис. одежд и вооружений», ч. 1, с. 107.

Одним только немцам дозволялось иметь музыку и веселиться¹. Это, однако ж, не воспрепятствовало многим боярам держать музыку и веселиться ею. Боярин Матвеев был страстный ее любитель, и он не только имел своих музыкантов, но написал еще иностранную труппу актеров, которые представляли комические пьесы и балеты, сопровождавшиеся музыкой. Такое нововведение столь было неприятно всем поклонникам старины, что во время изгнания Матвеева ему ставили в вину между многими несправедливыми на него обвинениями, что он любил музыку и занимался чернокнижием. Тогда это считали преступлением государственным. Боярин Языков, первый министр и любимец царя Феодора, не препятствовал распространению музыки и не обращал внимания на тех, которые считали ее дьявольским увеселением. Царевна София, вопреки невежественному мнению, поддерживала любителей музыки, так что в начале XVIII столетия Петру Великому менее уже стоило трудов ввести музыку, хотя и тогда простой народ и некоторые из бояр смотрели на нее с негодованием и избегали слушать ее, боясь нечистой силы, будто бы кружившейся во время игры. Веселившихся считали погибшими на том свете; раскаявшихся не допускали к причастию без покаяния.

Входившее в обыкновение пение равно было осуждаемо: думали, что разнообразное изменение голоса и по нотам нельзя выполнить человеку без содействия злых духов. Такое мнение, поддерживаемое гонителями доброго и полезного, невольно укрепляло невежество в ложном мнении; за всем тем многие уже любили музыку и пение, и если не смели открыто заниматься ими, то и не упустили случая участвовать во время игр и пения². Петр Великий успел рассеять мрак невежества,

¹ Олеар. *Voyage en Moscovie*, с. 350 и 360.

² *Korb. Diar. itiner. in Moscov.*, с. 205, ed. Vien., in f. – «Ludendi periti externi absunt, quos fovent, dum canunt, concertu enim satis delectatis» «Чужие, в играх сведущие, тоже участвуют, не будучи забыты, так что игры и пение полны согласия и любви».

Гюи-Аретини приписывают соединение музыкальных тонов в одно целое, называемое гаммою. Каждому из звуков он дал приличное название, извлеченное им из гимна св. Иоанна:

успокоить совесть староверов и убедить, что музыка, доставляя веселие невинное, смягчает грубость нравов, возвышает чувство и ведет непосредственно ко всему изящному.

ПОЯВЛЕНИЕ ДРУГИХ ИНСТРУМЕНТОВ

В продолжение XVII столетия вошли уже многие музыкальные инструменты. Барабан, литавры, гобой, тарелки, варган, кларнет и скрипки забавляли уже веселившихся.

Первоначальная наружность барабана была та же самая, какая и ныне. Деревянное лукошко, вызолоченное или выкрашенное, два вокруг его обручи и две натянутые кожи составляли

Ut – queant laxis,
Re – sonare fibris;
Mi – ra gestorum
Fa – muli tuorum!
Sol – ve polluti
La – bit reatum.

О времени введения прибавочного *si* неизвестно. Гюи-Аретин родился в Ареццо, во Флоренции, в 995 г.; помер после 1030 г. Он был бенедиктинский монах. Папа Иоанн XX призвал его к своему двору и поручил ему обрывать певческую с музыкою. Примечательны его сочинения о музыке и пении: 1. *Antiphonarium*. 2. *Micrologus, sev de disciplina artis musicæ*. 3. *Musicæ regulæ rhythmicæ in antiphonarii, sev prologum prolate*. 4. *Regulæ de ignoto cantu identidem in antiphonarii sui prologum prolatae*. 5. *Epistola Guidonis Michaeli monacho, de ignoto cantu directæ*. 6. *Tractatus Guidonis correctorius multorum errorum, qui fiunt in cantu gregoriano in multis locis*. 7. *Quomodo de arithmetica procedit musica* <1. Песенник. 2. Микролог (небольшое слово), или Об изучении искусства музыки. 3. Музыкально-ритмическое руководство к песеннику. 4. Правила пения незнакомых песен. 5. Письмо Гвидо Михаэля монаху о правильном пении незнакомых песен. 6. **Трактат Гвидо об исправлении многих ошибок, которые допускаются в григорианском пении в разных краях.** 7. **Как из арифметики происходит музыка**>. – См.: *Diction. des origin., P., 1777. Korb. Diar. itiner. in Moscov., ed. Vien., in. f., с. 32.* «Circa decimam diei autem Smolenscium pulcherimo ordino ingressi clangentibus tubicum nostrorum tubis ipsa fortaliti moenia intravimus, quæ ante resonare non cessarunt, quam dominus ablegatus ad assignatam sibi habitationem sibi reciperet» <«Около десяти дня стройными рядами вступив в Смоленск, вошли мы в крепость при перекликающихся звуках труб, их и наших, как бы предвещающих, что господин посланник направляется к определенному ему месту жительства»>. Так описывает Корб музыку, сопровождавшую посланника.

все его устройство. В полках носили барабан на широкой тесьме или на кожаном ремне, повешенном через правое плечо; хранили в суконных чехлах, называвшихся нагалищем и чемоданом.

Барабан не был известен грекам; римляне его употребляли для созывания солдат на войну. Иные думают, что введение барабана принадлежит сарацинам. Эдуард III, король английский, при въезде его в Кале в первый раз услышал барабанный звук в 1347 году¹.

Литавры то же самое, что бубны, делались побольше их и притом медные; бывали и серебряные. К ним привешивали для украшения завесы: суконные и камчатные из ярких цветов, с серебряными и золотыми шнурками, кистями и бахромой. В литавры били небольшими палочками с закругленным на конце шариком.

Варган, занесенный к нам из Польши, которая получила его из Германии, есть небольшое металлическое орудие с тонким посредине язычком. Приложив его на зубы и вдыхая в себя воздух, бьют слегка пальцем по язычку, который, по мере изменяемого воздуха, издает довольно приятные звуки. Им забавляются дети и девушки. В Малороссии он употребительнее, нежели в России, и должно думать, что в Малороссию он зашел прежде, потому что она находилась очень долгое время под влиянием Польши, которая изменила сам язык ее.

Орган, от него испорченное слово варган, введен католическим духовенством при богослужении не ранее IV столетия; употребляется ныне почти во всех христианских Церквах, кроме Греко-Российской². Из духовного органа образовались танцевальные и застольные органы, а эти послужили к устройству клавиров или фортепьяно.

---

¹ Diction. des origines, ed. P., 1772 г. – Барабан – древнее название франконских славян: *baraban, bassin de cuivre, sur lequel on frappe pour annoncer quelque chose* <барабан, медный таз, в который ударяют, чтобы возвестить о чем-нибудь>. – *La Combe. Diction. du vieux langage Francois*, изд. 1762 г.

² В песнопении царя Давида встречается название «орган»: «хвалите Его в струнах и органе» (Каф. 20, ст. 4). – Давид жил за 1050 л. до Р. Х., а орган введен в IV столетии по Р. Х. Орган Давида был духовой инструмент совсем другого образования, нежели нынешний, но какой именно? – об нем нет никаких сведений.

Военная и духовая музыка образовались у нас не прежде половины XVIII века. Императрица Елизавета до восшествия своего на престол часто проводила время в кругу любителей музыки; поощряла высоким своим вниманием искусных артистов и вводила музыкальные вечера. В конце XVIII столетия музыка проникла во все сословия граждан; тогда распространились фортепьяно, арфы, гитары и скрипки. Хотя арфа давно употреблялась на пирах, однако она была забыта весьма долгое время и теперь появляется изредка. Изю всех инструментов скрипка господствовала пред всеми: не было ни одного веселья, не проходило ни одной пирушки, где бы она не раздавалась. За всем тем наши прадеды предпочитали духовую музыку многострунной. На балах и свадьбах гремели уже повсюдные оркестры во второй половине XVIII века. *«Гром победы раздавайся»* веселил сердца русских, потому что в нем выражалась слава Екатерины Великой, которую народ любил как свою нежную мать и теперь не может забыть ее. Наша матушка, говорил простолюдин, тешила нас и сама тешилась. То-то была радость! То-то было веселье на Руси! Императрица Екатерина устроила однажды на голос *«Гром победы»* изумительную музыку. Там, где следовало выделять звуки грома струнами и голосом, она заменила их пушечными выстрелами, которые с необыкновенным согласием сопровождали чудный оркестр музыкантов и певчих. Небо и земля, казалось, внимали восторженному грому Великой Монархини.

Фортепьяно и арфа заняли впоследствии почетные места в кругу благородных; стали учиться не только игре, но и пению под звук этих инструментов, и страсть к ним до того распространилась, что женский пол стал было предпочитать музыку умственному образованию. Ныне арфа не в употреблении, но фортепьяно господствует повсюду, так что со знанием фортепьянной музыки тесно слилось образование девушек, для коих говорить по-французски, играть на фортепьяно и танцевать составляют необходимые условия воспитания. Гитара долгое время употреблялась женским и мужским полом как приятный и легкий инструмент для музыки и пения; теперь

она изгнана из высшего круга; ею занимаются одни любители, барские и вольнонаемные слуги: гитара доставляет им приятное услаждение. Многие из слуг играют на ней самоучкой и разыгрывают с такой правильностью, как по нотам; игру свою всегда сопровождают пением из любимых русских песен.

Император Павел I начал устраивать духовую музыку при полках, и по употреблению ее в полках она называется военною. Хотя при Екатерине II существовала кавалергардская музыка, или трубачи, однако она не простиралась далее гвардии. Император Александр повелел завести духовую музыку при всех полках, и ныне она неразлучна с потребностью вкуса: по городам она заменяет оркестры артистов, веселит застольное радушие и оживляет вечерние собрания. С повсюдным распространением музыки не более сорока лет тому назад чрезвычайно изменились нравы и образ жизни: во все сословия проникли вкус и сознание изящного. Императорская гвардия славится военной музыкою, которая часто раздается при царских пиршествах, и она участвует в оркестрах отличных артистов. Приезжающие к нам самые прославленные виртуозы не обходятся без музыки гвардейской.

ПРИРОДНОЕ СВОЙСТВО РУССКИХ К ВЕСЕЛЬЮ

Русские от природы имеют склонность к музыке и пению. По городам и деревням не бывает ни одного веселья без музыки: скрипач, бас и бубны непременно находятся повсюду; они играют по одному слуху. Образовалось даже сословие музыкантов под именем скрипачей, которые всегда известны в своем околотке и приглашаются на вечеринки.

БАНДУРИСТЫ

В Малороссии и юго-западной России страсть к музыке сделалась наследственною, так что она от отца переходит к сыну. Бандуристы малороссийские, отличные песнопевцы

и музыканты, издревле славившиеся, не жили долгое время слух и чувство. Бандуристы, преимущественно из слепцов и стариков, гомеровские певцы, ходили из деревни в деревню, из села в село и своей музыкой и пением отечественных песен приводили в восторг самых знатоков. Они ходили с повешенной на шее бандурой, род арфы, настроенной 12 и даже 28 металлическими струнами; трогали слух богатым согласием звуков и восхищали душу и сердце. Во время восстания Малороссии против угнетения Польши они находились в военном стане казаков и воспаляли их к битвам.

Вот образцы заунывных песен, сопровождавшихся печальным звуком бандуры.

Ой беда, беда,
Чайцы небози,
Що вывела диток
При битой дорози.
Киги! киги! злетивши в гору,
Прийшлось втопыщя у Чорным морю!
Жито поспило,
Прислало дило;
Идут женьцы жаты,
Диток забираты.
Киги! киги! злетивши в гору,
Прийшлось втопыщя у Чорным морю!
Ой дити, дити!
Де вас подиты?
Чи мени втопыщя,
Чи з горя убыщя?
Киги! киги! злетивши в гору,
Прийшлось втопыщя у Чорным морю!
И кулик чайку,
Взяв за чубайку!
Чайка кигиче:
Згинь ты, куличе!
Киги! киги! злетивши в гору,
Прийшлось втопыщя у Чорным морю!

А бугай бугу,
Гне чайку в дугу:
Не кричи чайко,
Бо буде тяжко!
Киги! киги! злетивши в гору,
Прийшлось втопыцца у Чорным морю!
Як не кричаты,
Як не литаты!
Дитки маленьки,
А я их маты!
Киги! киги! злетивши в гору,
Прийшлось втопыцца у Чорным морю!
Маты взпорхнула,
Крыльцем взмахнула!
Женьцы ворожиты.
Гайда! втыкаты. –
Киги! киги! злетивши в гору,
Прийшлось втопыцца у Чорным морю!

Эта песнь поется весьма жалобным голосом, и думают, что она сочинена гетманом Богданом Хмельницким. Чайка или рыболовка изображает здесь плач утесненной Малороссии; ее дети – это казаки; битая дорога – Малороссия, которую окружали со всех сторон татары и поляки; чрез нее они проходили для взаимных опустошений и ее грабили во время своих переходов. Женьцы – ее враги; кулик – польское правительство; бугай – болотная птица (баран), которая, сидя между тростником и речной травой, издает тяжкий голос буту, – означает здесь угнетение, согнувшее Малороссию в дугу.

Ой спав пугач на могили,
Да и крикнув вин: пугу!
Чи не даст Бог козачинькам
Хоть теперь потугу!
Що день, що нич, усе ждемо,
Поживы не маем!
Давно була! – Не раз
Хмельниченька згадаем!

Ой колись ми воевали,
Да бильши не будем!
Того щастья и той доли,
Повик не забудем!
    Давже шабли заржавили,
    Мушкеты без куркив;
    Аще сердце козацьке,
    Не боиця ляхив!¹

Пугач – сыч, представляет здесь казака, уснувшего на могиле своей страны; вдруг он встрепенулся и закричал гробовым голосом по своей родине: «Пугу! Не даст ли Бог хоть теперь отрады казакам!» После смерти Хмельницкого Малороссия была тревожима внутренними смутами честолюбивых своих гетманов, и от них она погибла. Вся эта песнь выражает печаль, и она поется весьма грустно.

Воспоминание о славе козацкой:

Полягла козацька молодецка голова,
Як од витру на степу трава!
Слава не помре, не поляже,
Льцарство козацьке всякому розскаже.

Об уманском полковнике Максиме Жилизняке:

Лита орел, лита сизый
По пид небесами;
Гуля Максим, гуля батько,
Степами, лисамы. –
Лита орел сизокрилый,
А за ним орлята.
Гуля Максим, гуля батько,
А за ним хлопьята.
Запорожцы ти хлопьята,
Сыны его диты.

---

¹ Окончательный стих «Не боиця ляхив» иные поют *туркив*. Первое окончание должно быть справедливее, потому что Богдан Хмельницкий защитил Малороссию от поляков.

Помиркуе, загадае:
Чи быты, чи питы?
Чи таньцоваты? –
Тай ушкварит,
Аж земля трясеця.
Заспивае, заспивае,
Аж лыхо смеиця.
Горилку, мед не чаркою,
Поставцем черкае;
А вороги загодащившись,
Ката не минае.
О такий то наш отаман,
Орел сизокрылый,
И воюе и гарцюе
З усией силы.
Нема в его ни осели,
Ни саду, ни ставу;
Степ и море ... скрызь битый шлях,
Скрызь золото, слава.
Шануйтеса ж вражи ляхи,
Скажени собаки.
Иде Зилизняк чорным шляхом,
За ным гайдамакы¹.

В других местах бандуристы называются слепыми кобзарями². Они укрепляли дух народный среди неволи и томления; оживляли его напоминаниями о доблестных своих мужах и воспевали счастливую свободу. Заунывные звуки бандуры нередко исторгали слезы у казаков, клявшихся умереть за свою родину. С успокоением Малороссии бандуристы сохранили в своих напевах деяния предводителей казаков, коих имена дошли до нас в немногих песнях: в них превосходно изображаются удалство вождей и казаков, даже самый век и поясняются исторические события малороссийского края.

¹ Шевченко. Гайдамаки. СПб., 1841 г., с. 52, 53. – Жилизняк жил около половины XVIII века. Мне не удавалось слышать, что ее пели; но здесь она приведена по особой своей красоте и силе выражений.

² Кобза по малороссийски значит бандура, а кобзарь – бандурист.

ЦИМБАЛЫ ИЛИ КИМВАЛЫ

Другой употребительный инструмент, не менее любимый между малороссиянами, это цимбалы. Они род фортепьяно, с металлическими струнами, без клавишей. На них играют <с> помощью удара по струнам стальною небольшою палочкою или надеванием на пальцы металлических наперстков. Цимбалы или кимвалы сопровождаются духовым инструментом и пением. Звук их громкий и весьма приятный, но он более издает кручину тоскующей души.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИЗВЕСТНОСТЬ ЧЕХОВ

Племена славянские очень любят музыку, из них преимущественно славятся наши единоплеменники чехи, кои среди себя произвели многих превосходных артистов. Знаменитые Моцарты, Бетховены и другие сами отдавали им преимущество. Моцарт не хотел никогда расстаться с Прагой, называя ее столицей музыки. Венский театр состоял и ныне состоит из лучших богемских музыкантов и певцов.

Часть вторая

СВАДЬБЫ

I. ОБЗОР СВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВ

Жизнь каждого народа резко отражается в его забавах, празднованиях и обычаях семейных, заветно передаваемых из род в род и берегомых усердно как святыня. Однако как ни сохраняют эти обычаи, но со степенью образования государств весьма многое в них изменяется. Образованность, гражданская жизнь и светская изысканность хотя имеют сильное на них влияние, за всем тем свадебные обряды еще много удержали старины. Этому служит доказательством отправление их по древнему обычаю, производимому поныне в простонародье.

ОБРЯД ОБРУЧЕНИЯ В ДРЕВНОСТИ

У древних и новых народов ни одна свадьба не начиналась без сопровождения брачных обрядов. Евреи при собрании посторонних людей обручали молодых перстнями в знак неразрывного союза; давали им пить сладкое вино из сосуда, заедая ячменной лепешкою, и клялись в взаимной любви и верности. Потом молодые, бросая на землю несколько глиняных кувшинов, разбивали их и топтали ногами.

У греков и римлян употреблялись венки и обручальные кольца, свечи свадебные, подарки, осыпание новобрачных хмелем, деньгами и хлебными семенами.

У римлян запрещалось совершать браки девиц в праздник, а браки вдов в будни для того, чтобы при венчании первых

могло быть более зрителей, а при венчании последних сколько можно менее: в праздничные дни народ развлекался играми, зрелищами и гуляньем. Супружество девиц славили, а вдов срамили, ибо повторение брака считалось за распутство.

МНОГОЖЕНСТВО И МНОГОМУЖИЕ, И КАМЕННЫЕ СТАТУИ ВМЕСТО ЖЕН

На востоке дозволялось иметь много жен, что доселе в обыкновении между последователями Магомета¹. Египтя-

---

¹ По Алкорану, султаны турецкие обязаны жениться на рабынях, и родившийся от первой сын провозглашался наследником престола; его мать объявлялась женой султана и именовалась матерью правоверных, а все прочие жены почитали ее султаншей и действительной женою. Русская пленница Роксолана первая нарушила этот обычай. Солиман Великодушный, гроза германской империи и ужас Европы, имел первую женою отличной красоты черкешенку; рожденный от нее сын, Мустафа, был объявлен императором; но вторая его жена, Роксолана, успела до того овладеть сердцем султана, что соперница ее потеряла его любовь. Роксолана, имея от него детей, вздумала возвать сына своего на престол и потому внушала султану, что Мустафа и его мать ищут погибели ему самому и ее детям. Чтобы достигнуть своей цели, она настояла выдать одну дочь свою за Руста, великого визиря, бывшего в силе; потом с намерением сделалась покровительницею магометанской веры, к коей Солиман был предан до суеверия, и вознамерилась построить великолепную мечеть, чтобы приобрести расположение народа. По этому предмету она советовалась с Муфти, который совершенно одобрил ее предначертание; но наущенный великим визирем, он напомнил ей, что она, как рабыня, не может этого сделать. Она притворилась печальною, впала в задумчивость, лишила себя всех радостей и наконец возненавидела самую жизнь. Султан, находясь в походе, услышал о ее помешательстве и о причине расстройства ума, объявил ее свободною. Роксолана по-прежнему делалась веселою и начала строить мечеть. По возвращении Солимана в столицу он отправил к ней по обычаю евнуха пригласить ее разделить с ним ложе. Она отвечала евнуху, что ей очень прискорбно, что не может согласиться на волю своего государя; что она всегда готова повиноваться ему, но он нарушит закон пророка и сделает великое преступление, пригласив свободную жену; что ни один султан не делает этого; но если он непременно решился, то она не смеет противиться. Солиман, которого страсти увеличивались при препятствиях, воспламенился еще большею к ней любовью за нежное предостережение и прибегнул к совету Муфти. Этот подтвердил во всем замечания Роксоланы самим Алкораном и, чтобы уничтожить все препятствия, сказал ему, что одно только остается средство: объявить ее законной женою. Страстно влюбленный

не, вавилоняне, ассирияне, мидяне и древние персы считали многоженство необходимостью (за 1800 лет до Р. Х.). Мидянам приписывают введение многоженства и варварский обычай держать в гаремах евнухов. Древние думали, что многоженство способствует к скорому размножению человеческого рода; но это ошибочно. Многоженство истощает преждевременно силы человека; заглушает в нем чистую любовь, обращая ее в одну скотскую потребность. Сколько же раздоров между женами! Из зависти, из предпочтения одной к прочим все посягают на семейное счастье. Тогда самые дети восстают против отца, губят и умерщвляют друг друга с зверским остервенением. Мечь потушает тогда священное родство, и все обагряется кровью. В этом союзе не знают ни добродетели, ни нравственности. Прелесть беспредельного наслаждения чувственностью – вот основание многоженства. Последнее еще вредно тем, что умерщвляет оплодотворение и прекращает размножение человечества.

Между магометанами позволяется вступать в брак на условленное время: на год и пр. Поныне между многими из них в обычае, как между некоторыми дикарями, присылать приезжим или иностранцам своих жен. Ханские жены присылают к ним гаремных девушек. Язычники обеих Индий, Японии и островов южной части Азии вступают в брак по договору и произвольному согласию жениха с невестою.

В России между исповедующими магометанский закон и некоторыми язычниками существует многоженство. У наших коряков, племени камчадалов было прежде в обыкновении иметь вместо жен каменные статуи. Их одевали в платье, клали с собою спать, шутили с ними и забавлялись как бы с существами, чувствующими удовольствие и радость.

монарх ревностно исполнил предположение: он торжественно женился на ней (в 1553 г.). До него ни один из султанов не был женат. Роксолана неограниченно завладела сердцем Солимана, и Мустафа был лишен престола; потом, в глазах отца, закололи его, и сын Роксоланы провозглашен наследником престола. – *The works of Wil. Robertson*, с. 317–319. vol. II. ed. Lond. 1829 г. — Любопытно было бы исследовать: кем и когда взята в плен Роксолана? Кто она родом? Как она попала в сераль? Роксолана не есть имя русское, и оно, конечно, ей дано после плена.

ПОКУПКА ДЕВИЦЫ

Некоторые народы имели обыкновение приобретать жен и девиц покупкою, и купленная считалась настоящей женою. Такое понятие произошло из многоженства. Вавилоняне за 2000 лет до Р. Х. выводили на городскую площадь однажды в год продавать жен и девиц. Сначала продавали красавиц, и кто более всех за нее давал, тот получал ее, и купленная считалась неотъемлемою его собственностью и женою. Затем продавали менее пригожих, наконец некрасивых и безобразных. На последних никогда не бывало охотников; почему продавцы из вырученных денег за красавиц и хороших прикладывали от себя столько денег, чтобы мужчины согласились вступить в брак с некрасивыми или дурными. Добавочные деньги составляли приданое. Покупка и продажа девиц были укреплены гражданским постановлением, и это отнюдь не считалось бесчестьем семейству. Сами брачные обряды совершались у них однажды в год. Во Фракии за 1500 лет до Р. Х. родители выводили взрослых дочерей на торг и продавали. Купивший себе жену, особенно за дорогую цену, отмечал на ее челе, во что она куплена. Доныне в Константинополе, Египте и на многих азиатских базарах производится торг девицами-невольницами, которые покупаются богачами для своих гаремов по несколько вдруг; а когда они им наскучат, тогда отпускают их на волю или дарят чем-нибудь в знак своей милости и благорасположения.

ПРИДАНОЕ

В древности долго не знали приданого. Девицу брали, не спрашивая о ее состоянии. У евреев было постановлено, что жених должен был давать невесте девице на убранство не менее 50, а вдове – 25 сикюлов серебра. Греки покупали невест (1500 лет до Р. Х.); но впоследствии сами невесты стали приобретать женихов, объявляя им о своем приданом. Медея (за 1200 лет до Р. Х.) называла несчастными тех гречанок, которые своим богатством жертвовали за покупку мужей. Спартанский

законодатель Ликург (за 880 лет до Р. Х.) запретил невесте иметь более трех пар платья и постановил обращать главнейшее внимание на нравственность девицы, а не на ее состояние. Афинский законодатель Солон то же самое ввел в своей республике (за 580 лет до Р. Х.). Римляне не воспрещали вступать в брак по взаимному согласию; но у них господствовало общее мнение, что невеста должна приносить приданое своему жениху. Этот обычай римлян распространился по Европе, где не ищут доброй и образованной невесты, но денег. В России также не смотрят на благородные свойства девицы, а на то, сколько при ней душ, хотя бы она была без души, по пословице: *«Приданое на рядке, а урод на руках»*.

О бывшей покупке невест между всеми славянскими племенами при продаже косы и места молодой в свадебных песнях доселе сохранилось воспоминание. В то время, когда молодой хочет садиться подле своей невесты, брат ее или кто другой из родственников не допускает его. Тогда дружка вступает с ним в торг. Сестра умоляет брата не продавать ее, а если продавать, то дорого:

Братец, постарайся,
Братец, поломайся!
Не продавай сестру,
Ни за рубль, ни за золото.

Когда брат продает, то поют:

Братец татарин,
Продал сестру за талер,
Русу косу за полтину.

Или из червонорусской свадьбы:

Ой татар братчык, татар,
Продав сестру за талар,
Русу косу за Шостак,
Быле личько такій так.

По продаже молодой садится, а невеста говорит ему:

Садись, доброй молодец,
Не с гордостью, не со спесью;
Садись с Божьею милостью.

В христианском мире приданое известно под именем *veno*. Между эльбскими и одерскими славянами оно означало плату, которую жених давал за невесту отцу или ее сродникам. <...> Посему языческое вено означало вознаграждение за девическую невинность; следовательно, девиц покупали; но женихов обязывали особыми договорами содержать будущих своих жен прилично до самой смерти и, в случае несогласия или разрыва между ними, наделять их особым содержанием. Государи и владетельные князья давали на собственное содержание жен города и области; вельможи и богачи на тот же предмет отписывали часть имения; недостаточные обязывались вознаградить единовременно¹.

У нас княжеские невесты не приносили приданого. Когда Эфанда, супруга в. к. Рюрика, родила Игоря, то он дал ей в вено город Ижору с окрестностями. Равноапостольный в. к. Владимир I, жениясь на греческой царевне Анне, возвратил ее дядям город Корсунь вместо вено². В. к. Ярослав I отдал супруге своей Ингигерде ижорскую страну вместо вена и проч. Следовательно, вено тогда разумелось уже приданым, определяемым при брачных условиях.

ПОДАТЬ С ЖЕНИХА ПО ЧЕРНОЙ КУНИ

У нас существовало еще обыкновение, что за девственную непорочность брали с жениха вместо подати *по черной*

¹ Магометане покупают невест *калымом*, назначением приданого, которое поступает в ее собственность, как за вознаграждение девства, так и в обеспечение ее вдовства. Чем дороже калым, тем жена почетнее.

² Ошибочно показано в нашей истории, что в. к. Владимир I был женат на родной сестре греческих императоров Василия и Константина, царевне Анне. Она была им племянница, и у них была одна сестра Феофания, которая выдана замуж за германского императора Оттона II. — Marquis de Gastelhaus: Ess. sur l'hist. anc. et. mod. de la nouvelle Russie. 1. с. 116, ed. P., 1820.

куни в пользу князя. Эта подать, положенная в к. Ольгою (в начале X века), освобождала новобрачную проводить первую ночь с князем или с тем, на чьей земле жила она. Ольга, уничтожив это право, возвысила нравственность семейственной жизни. Впоследствии сей сбор обращен в денежный; но он долго, до конца XVIII в., назывался *куничным*. Помещики брали со свадеб деньгами. Теперь получают венечный побор одни священники. При феодальном правлении также было в обыкновении по всей Европе, что владетель земли проводил с новобрачной первую ночь¹.

КРАЖА ДЕВИЦ

В древние времена вменялось молодым людям в особую честь приобретать жен воровством. Молодой человек не прежде мог иметь девицу своею женою, пока не украдет ее. Спартанцев с детства приучали к искусному воровству; посему никто из них не мог вступить в брак, не похитив девицы. После похищения жених объявлял о том своим родителям, которые хлопотали уже о браке. Неудачное похищение наказывалось розгами, и это не считалось пороком: похищенная девушка была всеми признаваема за настоящую жену. В первых веках монархического правления римлян было также в обыкновении похищение девиц. По разрушении Римской империи это обыкновение продолжалось долго между германскими народами и потом перешло к славянским племенам: родимичам, вятичам и северянам. Во время игр и плясок мужчины выбирали невест и уводили их с собою вместо жен. Древляне просто похищали. Обычай похищения девиц продолжался у нас очень долгое время. Венды, алты и дунайские славяне похищали девиц на празднествах, и похищенная делалась женою.

Инженер Боплан, живший в Украине около 17 лет, описывает кражу девиц, совершавшуюся в его время, в половине

¹ *Татищев*. И. Р. кн. II, с. 45, пр. 135; *Успен*. Опыт пов. древ. русских, с. III.

XVII века¹. В Украине во всякое воскресенье и всякий праздник, говорит Боплан, собираются после обеда к корчме казаки с женами и детьми. Мужчины и замужние женщины проводят время в питье, а юноши и девушки забавляются на лугу пляскою под дудку. Сюда приходит помещик с своим семейством, чтобы посмотреть на забавы молодых, иногда и сам он с своим семейством принимает участие в веселостях. Тогда казаки, по старому между ними обыкновению, похищают девиц, даже дочерей помещика. В сем случае необходимы ловкость и проворство. Похититель непременно должен ускользнуть с своею добычею и скрываться в лесу не менее 24 часов. Этим только он спасается, иначе пропала его голова. Открытого в лесу до истечения суток лишали жизни. Если уведенная девушка пожелает выйти за него замуж, то он обязан жениться на ней, в противном случае лишается головы. Если же девица не изъявит желанья выйти за него замуж, то он свободен от смерти. Увезть благородную девицу слишком опасно: надобно иметь быстрые ноги и предварительное согласие самой девушки².

¹ *De Beauplan. Descr. d'Ukraine. Ed. 1660 г. Первое его издание было напечатано в 1650 г., а второе – в 1660 г. Последнее находится в Импер. публич. библиот. и в Румянцовск. музее, в собрании всемирного путешествия, в истории Украины Энгеля и в собрании Тавернье.*

² Карпин, посещавший Золотую орду в XIII ст., говорит о татарах, что мужчины покупали у родителей дочерей, и купленная считалась настоящею женою. – *Voyage de Carpine en Tartarie в 1246 г.; помещено в собр. Бергерона, изд. 1735 г., in 4, с. 28. Татищев.* Ист. Рос., кн. 1, с. 588, рассказывает, что он был свидетелем обряда похищения невесты между татарами, когда он ехал из Кунгур (Перм. губ.) в Сибирь на заводы (в 1721 г.). Богатый башкирец просил его заехать к нему на свадьбу (15 мая). Он согласился и приехал к нему вечером. До его приезда было уже собрано 40 вооруженных татар. Поутру, с рассветом, жених отправился с ним в деревню невесты. Батыр, или предводитель, отправил от себя разведать, где находится невеста. Посланный донес после некоторого времени, что невеста гуляет в поле. Батыр, подъехав к деревне с людьми, скрылся в леске, а жених с тремя человеками отправился искать невесты. Завидя ее, гулявшую с несколькими женщинами, он обскакал их, схватил свою невесту и тотчас, посадив ее на лошадь, ускакал с нею. Женщина начали кричать и плакать. Отец похищенной, узнав о причине их слез, ударил в бубны. Собралось около 30 человек в панцирях и с ружьями и погнались за похитителем. Жених, приехав с своею невестою домой, ввел ее в избу, где мать и прочие жены, числом более 20, сидели на коврах. Невеста со слезами пала пред матерью, которая посадила ее под-

ПРЕДЕЛЫ РОДСТВА В ЯЗЫЧЕСТВЕ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В БРАК

До какой степени родства в язычестве допускалось вступать в брак – на это не совсем можно отвечать удовлетворительно. У египтян дозволялось брату жениться на сестре, исключая жрецов. Азиатские народы: финикийцы, ассирийцы, вавилоняне и мидяне – не запрещали братьям жениться на родных сестрах. Едва ли не то самое было в малоазийских греческих поселениях: ибо из законов Солона видно, а законы он почерпал отсюда, что брату можно было жениться только на сестре по матери, а не по отцу. Вообще, в древности долгое время не разбиралось кровосмешение. Брат мог жениться на вдове своего брата, как это было прежде и осталось донныне у евреев. Спартанские законы умалчивают о близком родстве; там строго воспрещалось выходить девушкам замуж ранее 20 лет, а мужчине 30 лет. По смягчении греческих нравов, в блистательный век Перикла (за 430 лет до Р. Х.), родство было почтено: женились уже в третьем колене, что, однако, не всегда соблюдалось. Римляне сначала допускали брачную свободу, и можно сказать, что это продолжалось до времен Императоров, более 700 лет. Христианская вера положила пределы брачному родству.

ле себя, а служанки тотчас стали раздевать ее. Батыр остановился с своею толпою на конце деревни, приготовясь к бою. Отец похищенной немедленно прискакал сюда с своею дружиною. Вступили с обеих сторон в переговоры. Между тем жениха с невестой, по прочтении над ними молитвы, отвели в особый покой, а тесть прибыл мирно к его дому. У крыльца стояли привязанными бык и лошадь. Тесть, как бы в отмщение за обиду, отсек своею саблею шею у лошади, а шурина – у быка. Животных тотчас стали резать и готовить обед. Кумыс и буза были заготовлены женихом. Зять встретил тестя у крыльца и просил прощения, а тесть замахивался на него саблею. Потом помирились, вошли в избу, где пировали без женщин; женщины же угощались в особой избе, и тем кончился увоз.

Жениху дозволяется, внеся половину или третью часть калыма, ходить к невесте во всякое время и спать с нею. Такое посещение его называется за *лазуху ходить*. Когда же родятся от него дети, тогда жених увольняется от уплаты, а она делается его женою.

Но у татар ныне покупают невест, внося родителям *калым*, договоренную сумму денег, и потом женятся.

У калмыков-язычников не могут сочетаться браком из своего рода, но берут жен из других племен.

РАЗВОД

Древние народы допускали развод при изобличении жены в нарушении верности. Там, где господствовало многоженство, муж произвольно давал развод своей жене, часто по одной прихоти, и никто ему не воспрещал брать другую. Впоследствии времени постановлено законом, что муж, отпуская жену, обязывался обеспечить ее содержанием. Евреи разводились при всякой вине жены¹.

В старину существовал у нас произвольный развод, напминавший остатки язычества. Если супруги, по дальнему расстоянию епископа от их жительства, не могли явиться к нему для испрошения позволения на развод, то они выходили за деревню и, остановившись на перекрестной дороге, развертывали утиральник, который вдвоем держали по концам, а свидетели разрезывали его посредине, и этим оканчивался развод. Тогда муж говорил разведенной: ступай себе, куда хочешь². У донских казаков разводили супругов с согласия круга. Муж являлся в казачий круг с женою и объявлял старшинам, что он не согласен жить с нею. Тогда жена оборачивала своего мужа посреди избы и потом покидала его – этим все и оканчивалось³. Такой обычай, по рассказам стариков, существовал и между днепровскими казаками.

В предосторожность невинного порицания невесты отдавали родителям на их сохранение брачную рубашку невесты. Такой обычай долгое время господствовал по всей Европе. Из истории нашей видно, что Царь Феодор Алексеевич, полюбив Агафью Симеоновну Грушецкую, объявил решительное желание на ней жениться. Мама и дядька хотели женить его на другой, а потому клеветали ее; но царь, призвав после брака ста-

¹ Втор 24; Мф 19.

² *Гван<ьин>*. In tractatu de Sarmatia, nom. inter scriptores Rer. Moscov. С. 154.

³ *Korb. Diar. itineris in Moscoviam*, ed. Vien, in f. С. 209.

рых бояр и клеветников, показал им свою молодую в рубашке¹. Петр I строго воспретил сие обыкновение². Магометане разводятся по произволу; но у них редко случается, чтобы жена просила развода, исключая тиранского с нею обхождения. Одна жена просила развода, потому что мужу ее обрезали нос за воровство. Кадии позволили ей вступить в брак с другим.

Разводы происходили и происходят – от неуважения полов одного к другому и от стремления к одному сладострастию; последнее принимают за действительность любви, не понимая настоящего нравственного ее смысла. В юные кипучие годы все, кажется, любят; но все ошибаются: в эти годы только влюбляются; любить же можно при одном здоровом рассудке, и тогда наступает жизнь настоящей любви.

ЗНАЧЕНИЕ ЛЮБВИ И СУПРУЖЕСКОГО СОЮЗА В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

И действительно, жизнь только там, где здравая любовь; потому любовь есть не что иное, как внутренний мир души, отрадное бытие человека. Одни эгоисты никого не могут любить, кроме самих себя, потому что в них задавлено нравственное развитие; но они составляют исключение из всеобщего понятия о действительности мира любви. Сердце и разум не всегда живут в согласии: первое есть одно чувство нежности, а второй – чувство справедливости, и отсюда проистекает естественное понятие о значении человека, его удовольствии и торжественного союза любви, образовавшей брак, который установлен самим гражданским обществом для его собственного благоденствия, если бы даже и не освятила его Христианская Церковь. Пробежим мысленно появление любви как основы брачного союза. Восток, колыбель народов, первый выразил на себе чувство сердца, но сердца пламенного: там все было основано на чувственном стремлении одного пола к другому; все ограничивалось одной заботливостью о страстном наслаж-

¹ *Татищев*. Ист. Рос., кн. 1, с. 594, 595.

² Это обыкновение за всем тем не везде уничтожилось и в наше время.

дени, и потому там люди не были выше животных. Такое развитие Востока, сколь ни противно понятию чистой нравственности, утвердило в нем семейственность; там общества жили отдельными семействами и законы давались для нескольких семейств – вот шаткий камень восточных государств! Восточный житель, глава семейства, считал для себя первой заботой – оставить после себя потомство. Не иметь детей было знаменем небесного гнева. У иудеев бесплодные женщины были побиваемы камнями. Отцы женили своих сыновей еще отроками. Брат должен был жениться на вдове своего брата, чтобы не прекратился род в его семействе¹. Отсюда родилась законная полигамия (многоженство), которая издревле господствовала у мидийских народов, основавших гаремы, которые там же подкреплены были общественным мнением. Те ошибаются, которые считают гаремы исключительной выдумкою исламизма. Восточный житель всегда смотрел и теперь смотрит на женщину как на необходимое условие его удовольствия. От нее он требует одной покорности; для него она вещь, игрушка, очень мило устроенная для его наслаждения. Для Востока не существуют ни идеал красоты, ни идеал женщины: там все понятия сосредоточены в вожделении, в сладострастии, в одной идее вечной воспроизводительности подобных себе существ.

Не таковое чувство любви проявилось в Греции. Там она была идея красоты; там в самих мифах излилась мысль любви, в общей действительности всемирной жизни – в Эроте, – после коего простекло рождение женской красоты – в Афродите. Едва она вышла на берег, родившись из пены морской, то немедленно пристала к ней любовь и желание. Этот сладостный миф красоты объясняет очищенное понятие о прекрасном и изящном. Грек пленился красотой, а красота возвышала понятия до сравнения ее с божеством. Не одна земная прелесть Венеры привязывала пламенного грека к здешней земле: он

---

¹ Кн. 5 Моисея, Втор 24 и 25. Если бы брат не захотел жениться на вдове, то она требовала его к суду и тут снимала сапог с ноги его и, плюнув ему в лицо, говорила: сице да сотворят человеку, иже не созиждет дому брата своего во Израили.

создал еще три любви: небесную, олицетворенную в Урании, обыкновенную – в Пандемосе и предохранительную – в Апострофии. Это нравственное чувство лежало в основе эллинского духа. Поэтому на Эроса греки смотрели как на страшного бога, для которого было забавою губить невинность. Этот маленький крылатый божок вполне оправдывал их мнение: он изображался с коварной улыбкою на устах, с натянутым луком в руке и стрелами в колчане, висевшем за плечом. Сколько легенд оставил после себя лукавый Эрос! Сколько он породил несчастий от страстной любви, оканчивавшейся смертью без достижения взаимного ее участия, как, например, Сафо к Фаону, или же казнью раздраженных богов за преступную связь между братьями и сестрами, дочерьми и отцами, сыновьями и матерями! Но сколько было нежности и неисчерпаемой радости в той любви, которая увенчивалась чистейшею взаимностью! Греки не без причины выразили поэтическую мысль брачного сочетания любви с душою – Эроса с Психеею. Павзаний прекрасно объясняет нежное чувство любви статуей *стыдливости*, которая изображала девушку: голова ее была наклонена и накрыта покрывалом. Но эта статуя стыдливости, представлявшая Пенелопу, взята из самого события. Улисс, женившись на Пенелопе, решился возвратиться в свое царство Итаку. Тогда престарелый царь Лакедемонский Икар, не вынося мысли о разлуке с дочерью, умолял Улисса остаться у него. Улисса ничто не тронуло; он уже готов был сесть на корабль, но царственный старец пал к его ногам. Улисс, обратясь к нему, сказал, чтобы он спросил свою дочь: кого она выберет между ними – отца или мужа? Пенелопа, не говоря ни слова, накрылась покрывалом. Из этого безмолвного и нежно-страстного движения старец понял, что муж для нее дороже отца, но что робость и стыдливость сковали уста ее. В учении Платона любовь возвышена до небесного созерцания. «Наслаждение красотою, – говорит он, – возможно в этом мире по одному воспоминанию о той истинной красоте, которая стремится к первоначальной ее родине – к горней красоте, к божественному источнику всякой красоты. Развратный стремится к красо-

те, не понимая, что он носит ее имя; подобно четвероногому, он ищет одного чувственного наслаждения. Посвященный в таинство нравственности, изображает красоту богоподобным сиянием и радостно трепещет пред ее величием; он, видя в ней одно прекрасное, обожает уже ее; он воздвиг бы ей алтари, если бы не знал, что его назовут безумным!» Вообще женщина для грека была прекрасная, и назначение ее было чувство изящной страсти. Боги и смертные называли троянскую Елену бесстыдной за несохранение стыдливости; но Киприда покровительствовала ей; за нее сражались цари и народы.

Прекрасно выражена стыдливость в антологии Батюшкова:

О радость! Здесь они сей пояс разрешили,
Стыдливости девической оплот.
Вы видите кругом рассеяны небрежно
Одежды пышные надменной красоты,
Покровы легкие из дымки белоснежной,
И обувь стройная, и свежие цветы:
Здесь все развалины роскошного убора,
Свидетели любви и счастья Никогора!

Здесь женщина, наслаждение; а стыдливость, упоение любви! Страсть насытилась, но любовь созидает новые предметы очарования. Грек оставался верным чувству изящного, и в осень дней своей владычицы он смотрел на любовь как на изящное наслаждение.

Ты в красоте не изменилась...
И для любви моей
От времени еще прелестнее явилась,
Ты страсть вдохнешь и в мертвый камень,
И в осень дней твоих не погаснет пламень,
Текущий с жизнью в крови.

Или:

Но мне милей ее потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очах.

Я в сумерки, вчера, одушевленный страстью,
У ног ее любви все клятвы повторял.
Смущенный, я прижал ее к груди моей:
Что сделалось, скажи, что сделалось с тобою?
– Спокойна, ничего, бессмертными клянусь!
Я мыслию была встревожена одною:
Вы все обманчивы, и я... тебя страшусь!

Вот где мука страсти, отторгнувшейся от изящного наслаждения! Это вопль женщины, оплакивающей свое падение; это скорбная память сердца, пораженного минутным упоением!

У греков любовь и совершенство ее, чувство и сочувствие находились в вечной борьбе с земными силами – с страстями; но разумное сознание восторжествовало в образе олимпийских богов, и греки олицетворили чувство любви в сочетании богов с людьми.

В средние века любовь проявилась в вздохательном романтизме. Это произошло не от ошибки, но от недостатка просвещения, от невежества. В Греции все боролось с совершенством богов, а в Европе в средние века все созидалось безрассудной фантазией, потому что все носило на себе печать противоречия и бессмыслицы, и тогда снова разлилось туманное понятие востока об истинной любви и красоте. Движение чувств было сердечное и страстное; но оно не совершалось во имя рассудка. Рыцарская верность была высшей мудростью, а смерть была жизнь, которая развивалась в словах будущей таинственности: *там мы будем неразлучны!* Все жило надеждой без действительности, желанием без достижения цели. Чувствования были тревожные, а жизнь беспокойною. На тело смотрели как на темницу для души, не думая о том, что в здоровом теле обитает здоровая душа. Дикие противоречия шли рука об руку: злодейство и преступление прикрывались приговорным покаянием; набожность и святотатство – обрядными молениями; честь и справедливость заключались в форме, а не в самом деле. Рыцарь считал бесчестьем отказываться от вызова на поединок, а между тем не стыдился грабить по до-

рогам. Любовь не была действительная жизнь, но ароматным обаянием, между тем как женщина была царицею! Умереть за один ласковый взгляд ее было наградой! Доказывать, что владычица его души добродетельнее и очаровательнее всех богинь-красавиц в мире, было обыкновенным делом: меч был судьбою, а наградой – нежное словцо: *мой рыцарь!* Это значило – мой защитник. Каждый рыцарь смотрел на избранную свою красавицу как на существо бесплотное: имя ее призывал в битвах и умирал с ее именем! Но это благоговейное чувство нисколько не мешало ему жениться на другой или быть в связи постыдной со многими женщинами. Вступить в брак с владычицею своего сердца значило осквернить безотчетно святейшие к ней верования, унижить ее до простой женщины, и увидеть в ней обыкновенное земное существо. Если молодой юноша, влюбившийся в дочь вассала, слышал из уст красавицы привет любви, то он считал себя невыразимо счастливым. Если же, по несчастю, не было ответа на сочувствие, то он умирал с горя: брак был тогда гробом для любви. Но когда царица души делалась женою, тогда поступали с нею со всею необузданностью воли и по праву сильного. Царица была унижена до рабыни: безропотное ее рабство было добродетелью, терпение – утешением в жизни. При малейшем сомнении в неверности ее убивали или зарывали живою в землю. И вот любовь рыцарских времен! У греков красота сосредоточивалась в изящных формах воодушевленного тела, а в средние века – в выражении одежды, глаз, лица и поступи. У первых самые статуи представлялись нагими и полунагими, а у вторых они облекались в покрове неопределенности.

Свет просвещения, разрушив неопределенный мир олимпийских и рыцарских богинь, произвел потребность духовной природы: любовь чистую, нравственную. Нет сомнения, что и ныне сердце есть основа, а любовь – краугольный камень счастья; что и ныне человек без сердца и любви – призрак. Сердце не есть уже игра пламенной фантазии, а любовь уже не поэзия. Но горе тому, кто здание своего блаженства вздумает ныне построить на одном сердце! Если кто захочет жить только серд-

цем и в женщине искать цель и весь смысл жизни, то он непременно дойдет до противоречия о любви, до холодного эгоизма, который только живет для себя; тогда мужчина и женщина должны отказаться от благородного их назначения самой природою. В наше время общество не угнетает человека за возвышенные помыслы сердца, не отрывает его от общественной деятельности. Жизнь и деятельность есть уже необходимость не для одного мужчины, не и для женщины. В наше время женщина есть также деятельный и полезный член общества; ограничить ее деятельность в девическом состоянии одною скромностью и невинностью, а в замужестве спальнею и кухнею – значит лишить ее всех обязанностей человека. Скажут: женщина должна быть только матерью, а должность матери весьма трудна и священна: воспитать своих детей. Но воспитать не значит выкармливать – это делает всякое животное по природному влечению. Воспитать – значит дать благородное направление сердцу и уму, а для этого требуется не одна наука, но основательные сведения или, лучше сказать, самосознание о назначении детей для пользы общества; следовательно, мир знания столько же должен быть открыт женщине, сколько и мужчине; на этом основании жена у мужа и мать, и хозяйка. Странно слышать, что жена только умеет любить мужа и детей своих, а больше ничего и знать не хочет. О, тогда она жалка и недостойна любви! Жалок и недостойн женской любви и тот мужчина, который только способен любить жену и детей. Истинно человеческая любовь состоит в взаимном уважении друг в друге человеческого достоинства, а это производит равенство и свободу в взаимных отношениях. Мужчина тогда уже не властелин, а женщина не раба. Верность делается тогда долгом, ибо она в постоянном сочетании сердца и любви. Человек нашего времени не может уже пленяться одними изящными формами красоты: он хочет видеть в ней возвышенные достоинства, как человека, как гражданина. Идеал женских совершенств существует только в горячей фантазии! Но в чем, по понятию нашего времени, состоят возвышенные качества женщины и блаженства любви? Первые – в нравственном су-

ществовании и простом уразумении даже высоких предметов; а вторые – в сознании дорожить существом, одаренным благородной душой. Наша любовь проще, естественнее, духовнее и нравственнее всех предшествовавших развитий в человечестве. Мы не бросим женщину, как наскучившую нам игрушку, как было на Востоке; не преклоним уже колен пред женщиною за то только, что она прекрасна, как делали греки; не станем драться, чтобы заставить признать любимую нами женщину за идеал красоты и добродетели, как это делали рыцари; не станем утверждать, что женщина – бесплотное существо, как это было в средние века, – мы уважим в женщине действительные ее права. Для нас уже не существует идеал девы неземной; идеал нашего времени не живет в мире мечтаний, а в действительности любви, а потому брачные узы союза проистекли из нравственного назначения человека.

Изложив мнения о любви, основанные на понятиях разных веков, надобно сказать, что брачная любовь есть одно из чистейших нравственных положений; что супружеская любовь должна непременно быть освящена и обществом, и Церковью.

ХРИСТИАНСКИЙ БРАК

Творец, создав первых двух человек, соединил их и благословил. Этим самым Он показал нам, что ни многожурье, ни многоженство не соответствуют природе человека: поэтому единоженство утвердилось во всем христианском мире.

Единоженство водворяет семейное спокойствие, облагораживает и возвышает чувствования человека и укрепляет священный союз любви. Любить многих одновременно нельзя, и в жизни любить можно только однажды. Если любят многих, то это не есть любовь, но страсть, удовлетворяющая одну чувственность. Молодость лет, обворожительная наружность, увлекательная красота возбуждают, говоря обыкновенным языком, всеобщую любовь; но это минутное очарование, произведенное прелестями красавицы. Явится другой предмет, очаровательнее первого, все влюбятся в него и забывают, что

прежде любили. Есть ли это любовь? Настоящая любовь постоянна и неизменна; она может существовать в одном только единоженстве; в многоженстве же она не имеет места. Дети от одного отца, но от многих матерей, восстают против отца и матерей, и семейство обливается кровью.

Апостол Павел определил и священникам иметь по одной жене. Восточная Церковь приняла это за узаконение; младшая же Церковь, основываясь на его словах: *добро есть, аще кто удержится во всем*, запретила священникам вступать в брак, и это ввел папа Григорий VII Гильдебрант в XI в. Протестанты считают брак необходимым для священников.

Восточная Церковь допускает три законные жены. Старше 60 лет воспрещается вступать в брак. Все это принято нами. В язычестве награждали венком тех жен, которые имели одного мужа, признавая повторение брака за распутство. При посвящении в весталки дочь Поллиона была предпочтена дочери Фонция Агриппы, потому что ее мать имела одного мужа. Единоужные жены пользовались еще многими преимуществами, и между прочим тем, что они могли возлагать на голову богини Счастья венец. В надгробных надписях означали: *одномужняя*, — это так много значило, что почитали достойным славы. Либаний, говоря, что мать Иоанна Златоуста, будучи 40 лет, вдовствовала еще 20 лет, произнес с восторгом: «Боже Великий! какие жены в христианстве!» Это служит доказательством, что тогда эти примеры были уже редки и что вдовы проводили жизнь непорочную.

ВЕНЧАНИЕ

Обручение и венчание сопровождаются повсюду чтением молитв и наставлением для сочетающихся, а сам брак в нашей Православной Церкви составляет одно из семи Св. Таинств¹.

¹ Супружество есть начало и конец жизни, потому оно необходимо должно быть освящено постановлениями Церкви. Но как оно соединяет на всю жизнь, то вступающие в брак должны сочетаться по истинной любви друг к другу, почему и брак должен быть неразрывным. В какой степени Церковь наша утвердила важность брака, это можно видеть из обрядных постановлений Церкви.

ВОСПРЕЩЕНИЕ РАЗВОДОВ

В первые века христианства бракосочетание производилось дома или в церкви, без особых свидетелей; но впоследствии, когда стали отказываться от браков и своевольно разводиться, тогда постановлено совершать обряд в церкви, при собрании народа и свидетелях, дабы не могли отречься от вступления в брак. Сам Спаситель воспретил разводы. В нашей Церкви запрещено вступать в брак до седьмого колена, между тем как у протестантов и реформаторов родные братья могут жениться на родных сестрах из другого семейства или брат на двоюродной сестре, с разрешения духовного начальства.

ОБРЯДЫ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН ПРИ БРАКОСОЧЕТАНИИ

Какие обряды совершались между славянскими племенами, – об этом мы знаем весьма мало. Нестор говорит, что поляне были нрава кроткого и тихого; стыд украшал женский пол. Жених не ходил за невестою; но вечером приводили ее к нему, а поутру приносили ее приданое.

Древляне жили в лесах, подобно зверям; в ссорах убивали друг друга и браков не знали, но уводили девиц. Северяне, родимичи и вятичи имели один обычай: жили зверьми в лесах, срамословили пред отцами и женщинами. Браков также не знали. Молодые люди обоюго пола сходились на игры между селеньями, плясали и пели *бесовские песни*, потом уводили с собою невест; жили с ними без совершения обрядов, но по одному согласию – *с нею совещашесь*. Хороводная песнь, которая поныне в употреблении: «А мы просо сеяли, сеяли и т. д.» – напоминает в словах: *нашего поля прибыло, а вашего убыло* – древний обычай похищения жен, и тогда не считалось за бесчестие держать по две, и по три жены, и более. Похищение девиц продолжалось долгое время; но когда именно оно уничтожилось, а равно и несовершенство браков по языческому

обряду – об этом никаких сведений нет. Нет сомнения, что христианская вера действовала на них благотворно, но известно, что она не могла вдруг искоренить и что языческое обыкновение отправлялось долго, долго, пока правительственные меры не прекратили их. Между некоторыми расколами брак не считался действительным, пока жених не похитил девицу с ее согласия. Такое обыкновение было в употреблении еще недавно в некоторых уездах Витебской губернии: Динабургском, Режецком, Люценском и проч. между раскольниками. Там молодые парни и девицы на Масленице собирались в питейный дом на гулянье, называемое *кирмаш*: плясать, пить и веселиться. Отцы и матери знали, к чему клонилось веселье, потому что оно было обрядное. Молодой парень, условившись с девицей, уходил с нею с кирмаша и, посадив на сани, отправлялся с нею в лес к заветному дубу; объезжал его три раза, и тем оканчивалось его венчанье, и она становилась его женой. В Люценском уезде находится огромное озеро, которое у раскольников считается священным; мужчины, похищая девушек, объезжали озеро три раза, – и бракосочетание становилось действительным. Муж жил с похищенною неопределенное время, и мог в один год венчаться много раз. Кроме кирмаша могли жениться и в другое время но не иначе, как через похищение. Жених вместо брачного кольца дарил своей невесте шелковый платок.

Ныне введено между ними церковное бракосочетание, после которого они уже не нарушают брака.

БЫВШЕЕ МНОГОЖЕНСТВО В РОССИИ И У НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН

Великий князь Владимир, будучи язычником, имел многих жен и сверх того содержал 300 наложниц (которых Нестор называет водимыми). Он имел в Вышгороде близ Киева 100 и в селе Берестове 200. Это доказывает, что у нас до введения христианской веры было терпимо многоженство и что совершение браков не было в общем обыкновении. Нестор говорит: «*Имяху бо обычаи свои, и закон отец своих и*

предания». Это значит, что еще в его время, в середине XI в., соблюдали обычаи предков-язычников, но оскорбитель целомудренной жены наказывался как убийца.

Древние богемцы не знали браков; у них все женщины были общими женами. Венды, кроме одной жены, держали по несколько наложниц. Все они поступали со своими женами, как с приобретенной добычей. На них возлагали тяжкие домашние работы, и они спали не на постели, а на голой земле, поэтому матери равнодушно умерщвляли родившихся дочерей, чтобы они не терпели, подобно им.

БРАЧНАЯ ВЕРНОСТЬ И ДЕНЕЖНЫЕ НАКАЗАНИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ЦЕЛОМУДРИЯ

Древние писатели хвалят целомудрие южных славянок. Не одни жены, но и мужья строго наблюдали супружескую верность. Мужья, требуя доказательств девственной непорочности, оставались ей всегда верными. Славянки не переживали мужей и добровольно сжигались с ними на костре. Живая вдова бесчестила семейство. Но при всем этом жены находились в рабстве: они не смели ни в чем противоречить мужу, ни жаловаться и думали, что супруга должна служить мужу и на том свете.

Прелюбодеяние наказывалось жестоко. У польских славян давали виновному выбор: стать евнухом или умереть. *По уставу о церковных судах*, который несправедливо приписан великому князю Ярославу, половины XI в., но, вероятно, сочиненный в XIV в., предоставлено епископам исключительное право судить: оскорбление невинности и уголовного дела, и за всякое преступление определена денежная плата¹.

¹ Если кто уводил девушку или насильничал над ней и она была из знатного боярского рода, то ей платилось за бесчестие 5 гривен золота, и епископу тоже; из незнатных бояр – 1 гривну золота, столько же и епископу; из добрых людей – 5 гривен серебра. За развод боярыни без ее вины платилось жене за бесчестие 5 гривен золота, столько же и епископу; из почетных граждан 3 рубля, и епископу тоже. Кто похитил девушку, а другой стал бы поносить ее бесчестной, то с уведшего взималось 4 гривны серебра. Если муж имел незаконную связь с другой женой, тогда он отдавался суду епископскому, а князь наказывал виновного смертью. Если муж вступал в брак с другой же-

ВЕНЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Около того же самого времени вошли в обыкновение и те письменные свидетельства, которые давались духовными лицами на совершение бракосочетания и назывались венечными или девушкой, не разведясь с первой своей женой, то по суду епископскому муж должен был жить с первой, а вторую выкупали ее родственники от церковного наказания. Мужу не дозволялось разводиться со своей женой, если бы она страдала недугами, слепотой или продолжительной болезнью, и наоборот, по тем же причинам жена не могла просить развода. Если кум имел связь незаконную со своей кумой, то на них налагалась епитимья, а епископу платилась гривна золота. Кто грешил с сестрой, тот с нею подвергался епитимьи, а епископу платилось 100 гривен серебра. Брак в близком родстве разводился, а в пользу епископа вносили 80 гривен. Кто жил с двумя женами, тот должен развестись с последней и жить с первой; но если бы он обходился с нею дурно, то его присуждали к смерти. Кто произвольно разводился с женой, то с него взимали в доход епископа 12 гривен. Если свекор грешил со снохой или черницею, то с него 100 гривен; с двумя сестрами – 30 гривен, с мачехой – 40 гривен; два брата с одной женой – 100 гривен. Если дочь или сын вступали в брак по принуждению родителей, то последних отдавали суду епископскому. Если кто жену из знатных бояр поносил бесчестным именем, то ей платилось 5 гривен золота, столько же и епископу; кто же бесчестил жену княжескую, того казнили. За поношение жен из знатных бояр платилось им по 3 гривны золота, из горожан – 3 гривны серебра, а из простых – одна гривна серебра. Если чернец или черница, поп, или попадья, или проскурница (пекущая просвиры) согрешат с кем-либо, то их отдавали на суд епископу, без участия мирян или власти светской.

В летописи Несторовой и Русской Правде достоинство гривны обозначается ценностью металла, но как самая древняя гривна равнялась весом фунту своего металла, а впоследствии полуфунту, то можно приблизительно определить достоинство гривны по весу настоящего металла, так: фунт золота равен 350 руб. сер., а фунт серебра – 30 руб. сер. В XI в. гривна серебряная весила полфунта серебра, поэтому нынешних серебряных рублей полагать можно десять. В XVI в. рубль в. к. Василия Иоанновича содержал в себе около пяти нынешних серебряных рублей. (Основательное изложение о гривне см. *Карамзин*. Ист. госуд. рос., т. I, прим. 298 и т. II, прим. 79, изд. 1818 г.)

Устав Ярослава подложен и писан самими духовными, но действие его имело силу до XVII в. Владимиров устав (конца X в.) равно подложный и сочиненный не позже XIII в., **отдает на суд духовенству между многими делами распри и неверность супругов и т. д.** – Мелеций: *de Russor. relig. et ritib.* ed. 1581 г., говорит между прочим о прелюбодеянии: *pro adulterio non computant, si vir habens uxorem, cum solita concuberit, excepte uxore alterius. Eos quoque, quod publice pecant, ex communicatione persequuntur, quod eorum lingua obscha vocant.* – См. еще *Гваньина*: *In tractatu de Sarmatiae*, пом. inter scriptores rerum Moscovitarum, с. 154.

памятями. Собираемые за них деньги обращались в епископский доход. Петр I повелел (указ 25 января 1709 г.) обратить этот сбор на больницы.

ЗНАЧЕНИЕ СВАДЬБЫ

Игры между селениями изменяли свадебные обряды. Откуда же произошло название свадьбы? Толкуют различно. Иные думают, что свадьба, сходная с латинским словом «свада», богиня веселья у римлян, обратилась в значение нашей свадьбы¹, другие производят от глагола «сводить», «соединять», основываясь на том, что брак есть соединение двух лиц; другие производят от «святости», утверждаясь на том, что славяне свято чтили брак; другие – от «свата» – свидетеля свадебного сговора; но «свадьба» произошла от древнего слова «свататься», означавшее прежде сговариваться, соглашаться². В подтверждение последнего мы видели примеры между некоторыми славянскими племенами в том, что жених уводил девицу и «с нею совещаешься», – следовательно, брак тогда означал сговаривание и согласие. Выражение же «играть свадьбу» произошло от употребления игр и забав во время свадебного веселья.

В одной нашей летописи употреблено слово *каша* вместо свадьбы. Когда Александр Невский женился (в 1239 г.) в городе Торопце, то он праздновал здесь *кашу*, потом, по возвращении в Новгород, другую – т. е. давал здесь свадебный стол. В некоторых местах Малороссии хранился еще обычай, что молодой после первой ночи разбивал палкой на дворе горшок каши, а дружка добивал его. Это означало торжество супруга над невинностью молодой. Будучи в Германии, я видел, что свахи били горшки или склянки на дороге не только под окнами молодых, но ходя по улицам – знаменуя этим, что завтра или через несколько дней будет свадьба и веселье молодого.

Радость также выражала у нас свадебное веселье и свадьбу, – и это значение было самое древнее; оно встреча-

¹ *Снегир*. Русск. прост. праздн. и пр., вып.1, с. 60.

² *Карамзин*. История государства Российского, т. 1, пр. 136.

ется в XII веке. Как ныне, так и прежде радость сопровождалась песнями.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ СВАДЕБНОГО БЛАГОНРАВИА

Отшельник Иаков, современник Нестора, жаловался митрополиту Иоанну, что свадьбы между простым народом совершаются без благословения и что только венчаются одни бояре и князья. Митрополит Иоанн, наименованный современниками пророком Христа (жив. в конце XI в.), осуждал тогдашнее обыкновение великих князей, выдававших дочерей за государей латинской веры; налагал епитимьи на тех, которые вступали в брак с правнучатами или женились без венчания; отлучал от Церкви священников, благословлявших союз мужа с третьей женой, и установил духовное покаяние для преступников благонравия и целомудрия. Из послания великого князя Владимира Мономаха к князю Олегу (в XII в.) видно, что свадьбы сопровождались песнями.

Митрополит Фотий, живший в XV в., наказывал трехлетней епитимьей мужа и жену, вступивших в брак без церковного благословения, и потом позволял сочетаться им церковным обрядом; велел венчать после обедни, но не в полдень, а вечером и в полночь, позволял третий брак молодым людям, не имевшим детей, и с условием не ходить в церковь пять лет и не давать в течение этого времени причастия; пившим до обеда воспрещал давать хлеба Св. Богородицы и преследовал *лихих баб с узлами, ворожбою, заговорами и зельем*. Из Стоглава видно, что в середине XVI в., во время свадебного веселья, играли *глумотворцы, арганники, смехотворцы, гусельники* и пели бесовские песни. Когда ехали венчаться, тогда священник ожидал их с крестом, и перед ним скакали со всеми бесовскими играми. Не мудрено после этого, что свадебные забавы именовались духовенством бесовскими. Даже невинные увеселения: хороводы и рождественские забавы, сопровождаемые гаданием, переряжива-

нием, колядованьем и проч. – именовались ими же *сотанинскими* и *чревобеснованием*.

Священникам и причетникам запрещалось, по церковным правилам, участвовать в брачных играх.

БРАЧНЫЕ ЗАПИСИ И ПЛАТЕЖ ЗА НЕУСТОЙКУ

Многие обыкновения, употребляемые и ныне в простонародье с некоторыми изменениями, принадлежат глубокой древности. По истории нашей известно, что княжеских невест привозили в великокняжеские палаты и потом совершали обручение в храме. Однако иногда женихи ездили для сговора к невестам и давали записи, по которым назначали день сочтения и самого обряда, определяли платеж за неустойку соразмерно с приданым невесты. Если за нею было 1000 руб., то за неустойку платилось столько же. Это обыкновение господствовало долгое время между боярами и князьями. Иногда женихи делали сговор не видя невесты, отчего происходили несогласия с обеих сторон: потому что приводили к венцу не тех невест, за которых сватались. Этот обычай и записи продолжались до времен Петра I, который указом 1701 года постановил, что если бы жениху не понравилась невеста или она была бы не та, за которую он сватался, то, хотя бы она была в церкви, он может отказаться от нее. Родители же не должны принуждать ни детей, ни слуг своих к бракосочетанию без собственного их согласия.

Родители, опекуны и помещики обязаны были присягой или подтвердить письмом, под страхом суда Божьего, что они не принуждают ко вступлению в брак (указ 5 января 1724 г.). Но это постановление не ограничивало родительского влияния на участь детей, и детям не давалось права поступать без советов, согласия и благословенья их. Дети всегда должны помнить: *благословение бо отчее утверждает дома чад, клятва же матерня искореняет до основания. Проклят безчестяй отца своего или матерь свою; и рекут все людие: буди!*

Невеста, в знак постоянной покорности, обязана была в первую ночь снять сапог с ноги мужа. Жених клал в правый сапог деньги, а в левый – плеть. Когда невеста бралась прежде за левую ногу, тогда жених, вынув плеть, бил ее; когда за правую, тогда отдавал ей деньги. Великий князь Владимир, плененный красотой Рогнеды, дочери полоцкого князя Рогвольда, которая была сговорена за великого князя Ярополка, требовал через послов ее руки (980 г.); но она отвечала ему: *не хочу изути робычича* (не хочу разуть сына рабыни), потому что мать Владимира была ключницей великой княгини Ольги¹. Дядя его, Добрыня, понося надменность Рогнеды, присоветовал ему взять ее силой и жениться.

Барон Герберштейн и Олеарий упоминают в своих записках, что в бытность их в Москве² совершался обычай разувания при княжеских и боярских браках. После брачного стола вводили невесту в опочивальню, где она ожидала своего жениха в спальном платье. Жених садился на кровать, держа в руке плеть. Невеста подходила к нему и снимала с ноги его сапог. Он бил ее три раза по плечам и спине для напоминания, что она, став его женой, должна повиноваться своему мужу. Повиновение жен продолжалось у нас до введения чужеземного воспитания. Великий князь Владимир Мономах (ум. в 1125 г.) в духовном завещании к своим детям говорит между прочим: *«Жену свою любите, но не давайте ей над собою власти»*. Английский посланник Флетчер, бывший в Москве в конце XVI в., говорит, что в числе подарков, которые жених посылал невесте с ящиком, в котором находились иголки, нитки, шелковые и льняные материи, ножницы, винные ягоды, изюм и другие вещи, первое место занимала *плетка*.

Избрание жениха и невесты зависело от воли родителей. Это обыкновение заимствовано от татар. Однако ни жених, ни невеста не могли видеть друг друга до сговора, что соблюдалось не только между простым сословием, но и между

¹ Мать Владимира называлась Малуша. Она была дочь малька, простого жителя города Любеча. Город этот находился недалеко от Чернигова.

² Первый был в нач. XVI в. два раза, а второй – в нач. XVII в.

государями. Когда посол римского императора Фридриха III, отправленный к великому князю Иоанну III (в 1498 г.) для испрошения в супружество одной из его дочерей за своего родственника, прибыл в Москву и объявил причину своего прибытия; тогда он просил, чтобы ему позволили видеть одну какую-нибудь княжну. Ему отвечали, что великий князь не дозволит видеть своих дочерей раньше совершения сватовства; что это было бы противно издавна принятому обычаю, чего князь не намерен нарушить.

ВОЗРАСТ ДЛЯ СУПРУЖЕСТВА

Предки наши имели обыкновение женить своих детей в малолетстве, и это было в обычае не только между простым сословием, но между дворянством и великими князьями. Всеволод Георгиевич, великий князь Владимирский, женил десятилетнего сына своего Константина (в 1195 г.) на внучке умершего князя смоленского, Романа. В брак вступали почти детьми: это видно из послания митрополита Фотия (в 1410 г.) в Новгород архиепископу Иоанну, где он строго воспрещает выходить девицам замуж прежде двенадцати лет. У одного иностранного писателя XVI в. сохранилось известие, что девицы десяти и одиннадцати лет уже бывали женами. При венчании священник спрашивал невесту: будет ли она попечительной матерью и хозяйкой? будет ли она любить мужа, если он потеряет зрение, придет в дряхлость или лишится какого-либо члена? Когда она все это подтверждала, тогда священник клал на ее голову деревянный зеленый венец с надписью вокруг: *растись и множись*.

Еще в недавнее время между поселянами совершалось супружество в юношеских и даже в детских летах, но это ныне не в обыкновении. Петр Великий первый запретил дворянству (указ 23 марта 1714 г.) вступать в брак: мужескому полу ранее 20, а женскому 17 лет. Екатерина II повелела (указ 1775 г.), чтобы обвенчанных мужского пола моложе 15 лет, а женского 13 разводиться; священников же лишать сана. Ныне не дозволено венчать,

если невесте нет 16, а жениху 18 лет; имеющим же более восьмидесяти лет от роду воспрещено вступить в брак.

ПОСТЕЛЬ НОВОБРАЧНЫХ

Новобрачных не клали спать в жилой избе, но в пустой и нетопленной, даже если это было зимой. Некоторые нарочно строили для этого отдельные покои. Постель была из соломы и покрывалась полотном. Один из родственников или знакомых всю ночь ездил верхом около брачной комнаты с голой саблей, и он назывался *дружкой*. Это название произошло от «дружбы», потому что жених избирал в дружки одного из лучших своих друзей.

УГОЩЕНИЕ В БАНЕ И ПИТЬЕ ВОДЫ ПО ОМОВЕНИИ ТЕЛА

После первой ночи молодых водили в баню и потом угощали в постели кашей. При выходе из бани осыпали их хмелем или деньгами. Осыпание производилось еще после венчания, по выходе из церкви и при входе в дом.

В старину многие жены, заметив нерасположение к ним своих мужей, прибегали к суеверным действиям: омыв свое тело водой, давали ее пить мужьям, веря, что они после этого будут ими любимы. Это обыкновение в XII в. было столь обще, что черноризец Кирик спрашивал разрешения у новгородского епископа (в 1156 г.), чтобы на таковых налагать недельную епитимью.

КАРАВАЙ И МЕСТО МОЛОДЫХ

В свадебной комнате стоял на столе каравай (круглый высокий хлеб с разными изображениями), окруженный другими небольшими караваемы, медовыми пирогами, перепечами и сладкими яствами. Столы были дубовые, скатерти браные, посуда деревянная, меды крепкие. Новобрачные первые

вкушали каравай, который изображал собой брачный союз. Молодых сажали в углу, под иконами, на ржаных снопах, и угощали их медом и пивом.

КОКОШНИК, КИКА, КОСА И ПОВОЙНИК

Надевание на новобрачную кокошника и кики, или кокуя, плетение и разделение косы и покрывание головы повойником ведется исстари. Девиц, отправлявшихся под венец, сопровождали дружки и родственники; волосы на голове не заплетали в косу, а оставляли разбросанными по плечам. По совершении бракосочетания свахи отводили новобрачную в трапезу или на паперть, оставив молодого в церкви на венчальном месте. С головы невесты снимали девичий убор и, разделив волосы надвое, заплетали две косы и, обернув последние вокруг головы, надевали кокошник; потом покрывали фатой и подводили к новобрачному. На другой день совершали обрезание косы, которое сопровождалось рыданием молодой. Обрезание производилось в ознаменование перехода из девического в замужнее состояние.

ВСКРЫВАНИЕ МОЛОДЫХ

Было еще обыкновение вскрывать молодых. Это заимствовано, как должно думать, от восточных народов, у которых оно совершалось до XVII в.

ОСОБЫЕ НАЗВАНИЯ ПРИ СВАДЬБАХ

При свадебных радостях и поездках давали особые названия молодым: жених назывался *князем*, а невеста – *княгиней*. У всех славянских племен *солнце* именуется князем, а *луна* – княгиней, <...> – и это название употребительнее у дунайских славян. У нас народ по-прежнему величает солнце князем, а луну княгиней. Древняя Церковь обручала жениха золотым кольцом как знаменем солнца, а невесту серебряным кольцом

как знаменем месяца и в предъявление подчиненности последней первому. В довершение вечного союза возлагали на них венцы, отчего вошло в поговорку: венец всему делу конец¹.

Нашей Церковью также положено, чтобы при обручении молодых вручать жениху золотой перстень, а невесте серебряный. Приятели жениха, участвовавшие в поезде, назывались *боярами*, а распоряжавшиеся весельем – *дружками*. Те же самые лица со стороны невесты были боярыни и дружки. Тысяцкие занимали почетное место у князя, а сваты окружали его с боярами, обслуживали и принимали гостей. Еще до свадьбы сват преимущественно заботился о выборе невесты, сговоре и приданом. Невеста и жених обязывались письменно или при свидетелях объявить приданое, какого бы рода оно ни было. Все это переписывалось. В случае развода имущество отдавалось жене и, сверх этого, муж должен был наградить ее. Из самых древних великокняжеских браков мы знаем, что польский король Казимир, выдавая дочь свою (1046 г.) за великого князя Ярослава, прислал ему в вено 800 человек; когда же сам Казимир женился на Марии, сестре великого князя, то получил за нею великое множество серебряных и золотых сосудов и иных драгоценных украшений. Свадебный пир у молодых назывался *княженецким* и *княжим столом*.

ПОРЧА МОЛОДЫХ

Думали, что счастьем молодых мешают волшебство и колдовство, что одни кудесники могут отвратить от чар и порчи, а потому сами свадьбы были неразлучны с суеверными приметами. Приглашали знахарей, которые одни были в состоянии предохранить новобрачных от неминуемой беды. Даже великие князья разводились со своими женами по этому суеверному предубеждению. Великий князь Симеон Гордый отослал супругу свою Евпраксию (в 1345 г.) к ее отцу за то,

---

¹ У древних греков и римлян кольцо вообще означало дружбу и любовь. Брачное кольцо украшалось маленьким ключиком в знак того, что муж поручал своей жене все домашнее хозяйство.

что она на свадьбе была испорчена и всякую ночь казалась ему мертвецом; но несмотря на то, она вышла во второй раз замуж за князя фоминского Феодора Красного, а Симеон женился в третий раз, на княжне тверской Марии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сначала происходило обручение. После обручения следовало торжественное венчание¹ при свидетелях; на молодых возлагали венцы, на пальцы надевали кольца, молодые держали в руках зажженные свечи. Читали молитвы, водили около наоя, давали пить вино или мед из чаши. Молодые топтали ногами сосуд, из которого пили. Женщины разбрасывали хмель и лен по церкви с произношением слов: *о, святые защитники наши! отвратите от новобрачных зло и наставьте их всему доброму*. Но люди с предрассудками наблюдали тут все движения молодых и по ним выводили счастливые и несчастливые предзнаменования для их будущей жизни. Даже до поезда в церковь всякую встречу и поступь судили по-своему: если при выходе из дома встречался кому-либо из молодых заяц, старуха или кто из молодых вступал в церковь левой ногой, то предвещало несчастье.

II. СВАДЬБЫ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЕ

СКУДНОСТЬ ПРЕДАНИЙ О СТАРИННЫХ СВАДЬБАХ

Мы совершенно лишены сведений о старинных свадьбах, отправлявшихся в простом и дворянском сословиях. Кое-где говорится о них иностранными писателями не ранее XVII в.,

¹ Прежде было в обыкновении, что молодые, за несколько дней до брака, постились, исповедовались и принимали Святые Тайны. Такое обыкновение соблюдается и сейчас между армянами: оно и должно быть так, потому что брак есть Таинство. Поэтому вступающие в новую жизнь должны прежде очистить себя от всех грехов; потом скрепить перед Церковью свой обет в неизменной любви и непорочности.

и то с большими пропусками и ошибками. Что сказал один, то повторялось всеми, с прибавлениями или с извращением смысла. Никто из иностранцев не передал нам ни одной свадебной песни, ни одного причитания. В сочинениях их говорится только о некоторых обрядах и преимущественно об одних странностях, ими же измышляемых или осмеивавших то, что было принято и освящено обычаем и временем, не думая, что обрядные действия их страны для других не менее смешны и странны. Описание свадеб появляется у нас самих только с середины XVIII в., и то с большими недостатками.

1. СВАДЬБА ФЕОДОСИИ, ДОЧЕРИ в. к. ИОАННА III

В начале XIX в. стали думать о собирании сведений о народных обычаях. В начале XVI в. мы находим описание одних великокняжеских свадеб и, что замечательно, венчание совершалось весьма часто митрополитами. Великий князь Иоанн III, любя меньшую дочь свою, Феодосию, не хотел расстаться с нею и потому не искал женихов ей вне Отечества. К этому побуждало его и горестное супружество первой дочери его, Елены, бывшей за великим князем литовским Александром¹. Он избрал для нее князя Василия Холмского, сына знаменитого Даниила, прославившегося победами под Казанью, и сочетал их (в 1500 г.). В поезде с женихом находилось более ста князей и много детей боярских из знатного рода. Князь Даниил Александрович Пенько-Ярославский был в тысяцких, а князь Петр Васильевич Нагой-Оболенский – в дружках, при котором был *поддатник-дружской* окольник Иван Васильевич Чебет, и три

¹ При отправлении Елены к ее жениху Александру в 1495 г. был дан тайный наказ князю Ряполовскому, чтобы ее венчали в греческой церкви, в русской одежде, и на вопрос епископа о любви ее к Александру, отвечала бы: «Люб ми и не оставити ми его до живота, ни коея ради болезни, кроме закона; держать мне греческой, а ему не нудить меня к римскому» (Рос. вивл., т. XIV, с. 1–21). При обручении княжны в Москве литовский посол Станислав Гастольд занимал место жениха, потому что старшему послу, воеводе Петру, имевшему вторую жену, не дозволили быть действующим лицом в этом обряде.

рассыльщика: Иван, Никон и Петр Осокины. Дьяки назначали свечников, каравайников и фонарников. Одни чиновники стояли у изголовья местного, а другие несли подушки в церковь; под ноги жениха и невесты стлали камки. Ковер княжий держал Николай Ангелов, переменяясь с Иваном Бартовым. У саней великих княгинь Софии и Елены шли бояре. Митрополит венчал молодых в храме Успения. Поп Афанасий стоял с крестом у постели. Веселились и пировали во дворце до ночи. Конюший Гридя Афанасьев, окруженный 15 детьми боярскими, ездил на жеребце около новобрачной опочивальни¹.

II. СВАДЬБА В. К. ВАСИЛИЯ

Наши великие князья вступали первоначально в брачные союзы и с иностранными принцессами, но разделение России на удельные княжества, увеличение числа удельных князей, порабощение нашего отечества татарами вынудили их вступать в родство, смотря по политическим обстоятельствам, то со своими единоплеменниками, то с татарскими властителями. Некоторые из великих князей высматривали для себя невест внутри своего государства и преимущественно выбирали красавиц, нимало не уважая знатности, и это продолжалось включительно до начала XVIII столетия, до времен Петра I. Тогда нарочные ездили смотреть невест по всей Московии; искусные и опытные бабки осматривали тайные их прелести; счастливейшая из девиц-невест наименовывалась в тот же день нареченной невестой и провозглашалась по церквям. Когда великий князь Василий вступал в первый брак, тогда было собрано ко дворцу 1500 девиц; из числа их он избрал Соломонию Юрьевну Сабурову, но после двадцатилетнего с ней супружества он развелся с нею из-за ее бесплодия. По избрании невест прочие девицы или наделялись подарками, или они отдавались за молодых придворных.

Великий князь Василий, женившись (21 янв. 1526 г.) на княжне Елене Глинской, праздновал свадьбу великолепно,

¹ Древн. рос. вивл., изд. 1790 г., с. 1–5, и Бекетова «Разряд».

а двор его блистал пышностью. Нарядясь в одежду жениха, он сидел со всем своим поездом в брусняной столовой избе. Невеста его Елена шла из своего дома в среднюю палату: с женой тысяцкого, двумя свахами, боярынями и многими знатными людьми. Перед нею несли две брачные свечи в фонарях, два каравай и серебряные деньги. В палате были приготовлены два места, покрытые бархатом и камками; на них лежали два изголовья и два сорока черных соболей, а третий сорок был приготовлен для опаживанья жениха и невесты. На столе, покрытом скатертью, стояло блюдо с калачами и солью. Из хором средней палаты вышла Елена в сопровождении жены тысяцкого, свах, боярынь и бояр. Перед княжной несли свечи и караваи, а на каравай лежали по девяти пенязей больших серебряных, с одной стороны золоченые и чеканенные, а с другой – белые и гладкие. Елена села на своем месте, сестра ее Анастасия – на жениховом; жена тысяцкого и свахи находились по своим местам около княжны; с левой стороны свах держали свечи и караваи; боярыни стояли вокруг стола. Василий прислал туда брата своего, князя Юрия, который, заняв большое место, велел звать жениха. Посланные сказали: *«Князь великий государь! Князь Юрий Иванович велел тебе говорить: время тебе, государю, идти к своему делу»*. Великий князь вошел с тысяцким и со всеми чиновниками, поклонился иконам, свел Анастасию со своего места и сам сел. За этим читали молитву. Жена тысяцкого чесала гребнем головы Василию и Елене. Свечами богоявленскими, которые горели в навечерие Богоявления Христова, при освящении воды, зажгли брачные, обогнутые соболями и вдетые в кольца. Невесте подали кикю и фату. На золотом блюде лежали по трем углам: хмель, 27 соболей, 27 одноцветных платков: бархатных, атласных, камчатных, мерою каждый в длину аршин с четвертью, а в ширину аршин с вершком, и пенязи числом по девяти в каждом углу, величиной в червонец или меньше. Жена тысяцкого осыпала хмелем великого князя и Елену, а потом опаживала соболями. Дружка государев, благословясь, изрезал перепечь и сыры для всего поезда; Еленин дружка раздавал шинки. По встании великого князя и княж-

ны, положили на их места по 40 соболей, – и потом они отправились в церковь Успения: государь с братьями и вельможами, а Елена в снях с женой тысяцкого и двумя большими свахами; за нею шли бояре и чиновники, а перед нею несли караваи и свечи. Княжна Анастасия отправилась с боярынями в хоромы великой княгини. Жених стоял в церкви на правой стороне у столба, невеста – на левой, где находились зажженные свечи и лежали караваи; у другого столба налево поставили скамью с застланным ковром и двумя красными изголовьями. Они шли к венчанию по разостланным камкам и соболям: знатнейшая боярыня держала кувшин с фряжским вином; митрополит подал его государю и государыне: оба пили из одного кувшина. Государь, когда выпил за другим разом вино, бросил кувшин на землю и сам растоптал его ногой¹.

Когда совершился священный обряд, тогда новобрачные сели на двух красных изголовьях. Митрополит, князья и бояре поздравляли их; певчие пели многолетие. Государь отправился потом во дворец прежним ходом, а государыня одна поехала на своих снях прямо в свои хоромы; за ней тысяцкая и обе свахи. По приезде во дворец сел на ее сани ясельничий и поехал на конюшню. Свечи с караваемы отнесли в спальню, называемую сенник, который внутри был обтянут запонами, и поставили в кадь пшеничную. Колец со свечей не снимали три дня, потом, по обычаю, велено хранить их в церкви. В четырех углах сенника были воткнуты стрелы, и там лежали на столиках калачи с соболями; у кровати лежало два изголовья, две шапки, одеяло кунье и шуба, покрытая простыней; на лавках стояли оловянные с медом; в головах кровати были иконы: Рождества Христова, Богоматери и крест воздвизальный; на стенах висела икона Богоматери, державшей на руках младенца Иисуса Христа; над дверью, окнами, внутри и снаружи опочивальни, находились кресты. Постель стлали на 27 ржаных снопах.

¹ Склянница значит стеклянный сосуд. Олеарий в бытность его в России пишет, что в его время употреблялись позолоченные кубки, с которыми так же и поступали, как со склянницами, именно: новобрачный, бросив кубок на землю и попирая его ногами, говорил: «Да будут так попораны те, которые имеют намерение посеять между нами несогласие и вражду!» <...>

Великий князь завтракал с людьми ближними; потом он ездил верхом по монастырям и обедал со всем своим двором. Князь Юрий опять сидел на большом месте, а великий князь Василий рядом с Еленой. Перед ними поставили жареного петуха, но дружка, взяв его, обвернул верхней скатертью и отнес с калачом и солонкой в спальню, куда вскоре повели молодых. Знатнейший боярин выдавал в дверях великую княгиню и говорил речь. Жена тысяцкого, надев две собольи шубы, из которых одну навыворот, вторично осыпала новобрачных хмелем, а дружки и свахи кормили их курицей. Во весь обеденный стол и во всю ночь конюший государев ездил на жеребце под окнами спальни, держа в руках обнаженный меч. На другой день ходили новобрачные в баню и там ели кашу на постели. Во время свадебного веселья, называвшегося еще *радостью*, играли на сурнах, трубах и били в накромы (бубны); во весь день и ночь пели песни, а иногда псалмы. Небогатые люди не имели музыки, но веселили себя песнями, и потому свадьбы тогда уже были *с трубами и без труб*, т. е. с музыкой и без музыки.

Царь Алексей, празднуя свое бракосочетание с Наталией, велел, чтобы вместо труб, органов и свадебных потех пели его певчие попеременно стихи духовного содержания, как выражено в современном известии: *драгия вещи со всяким благочинием*¹. Употреблявшиеся и ныне употребляемые при свадебных обрядах хлебные растения и другие вещи имеют особый свой смысл. Хмель означает любовь, ржанные снопы и пшеница – чадородие; соболя и деньги – богатство; брачные свечи, зажженные богоявленскими, – предохранение от порчи и волшебства; топтание склянки ногами – попираание врагов семейного счастья; иконы – благословение.

III. СВАДЬБА в. к. ИОАННА IV

Великий князь Иоанн IV, по восшествии своем на престол (в 1547 г.), немедленно разослал знатных сановников по всей России, чтобы они смотрели всех девиц благородных

¹ *Новик*. Древ. рос. вивл., ч. XIII, с. 5–10.

и лучших из них представили бы ко двору. В Новгород был послан окольный И. Д. Шеин, а в Вязьму князь И. С. Мезецкий и дворцовый дьяк Гаврило Щенок с грамотами: «велел есми (Царь) смотрити у вас дочерей девок, нам невесты... а которой дочь девку у себя утаит и тому быть в великой опале и в казни». Жители Вязьмы и Дорогобужа не хотели отпустить своих дочерей, потому было повторено им: «Вы дочерей своих не везете, а наших грамот не слушаете, и вы то чините не гораздо». Из представленных невест царь избрал Анастасию Романовну, дочь вдовы Захарьиной. При вступлении его в третий брак было привезено в Александровскую слободу 2000 невест, из которых он избрал Марфу Васильевну Собакину, дочь новгородского купца, и в то же время (1571 г.) избрал невесту для старшего своего царевича, Евдокию Богдановну Сабурову.

III. СВАДЬБЫ ЦАРСКИЕ

I. СВАДЬБА ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА (5 февраля 1626 г.)

Наречение невесты

За три дня до свадьбы царя Михаила ввели в государевы хоромы невесту его Евдокию Лукьяновну Стрешневу и нарекли царевною. Потом объявили, кому быть на радости в свадебных обязанностях, со строгим подтверждением, чтобы никто не считался местничеством и чтобы никто не укорял друг друга ни в чем.

Речь жениху и благословение его родителями

Поутру в воскресенье, в день свадьбы, государь слушал раннюю обедню, потом благословлялся у своего отца, Святей-

шего Патриарха и говорил ему речь: «Великий государь, отец наш, Филарет Никитич, Святейший Патриарх Московский и всея России! По воле Всеблагого и соизволению вашему и матери нашей, иноки великой государыни Марфы Ивановны, назначено быть нашей свадьбе, а сего дня моя радости. Святейший Патриарх! благослови своего сына». Патриарх, благословляя сына, говорил: «Всемогущий и неизреченный в милости, вознесший тебя на царский престол за благочестие, Тот и благословляет тебя. Да подаст Он тебе и супруге твоей долгоденствие и размножение роду. Да узришь на престоле сыны сынов твоих и дщери дочерей твоих, и да защитит Он всех вас от врагов, распространит могущество ваше от моря до моря, и от рек до концов вселенных». Потом патриарх благословил его образом Св. Богородицы.

*Одежда жениха, свадебных чинов
и украшение Грановитой палаты*

После этого государь ходил молиться в монастыри и церкви и наконец испрашивал благословения у своей матери, которая благословила его образом Св. Богородицы Одигитрии. Государь, приготовившись к свадьбе, отправился в золотую среднюю палату, будучи одет в золотный аксамитный кожух на соболях и в русскую соболью шубу, крытую золотным бархатом, полы которой заметал назад за плечи; пояс его был из кованого золота. Перед женихом шли поезжаные: стольники, дворяне, бояре, князья и дружки, все они в золотых одеждах, ожерельях и черных шапках. Дружками с его стороны были: боярин князь Д. М. Черкасский и боярин князь Д. М. Пожарский, а со стороны невесты – боярин М. Б. Шеин и сын князя Пожарского Роман. Государя вел под руку тысяцкий, боярин князь И. Б. Черкасский. По прибытии в палату жених поклонился образам и сел на лавке, застланной персидским бархатом. Тысяцкий и дружки сели на большой лавке, а поезжаные – на другой.

Чертожное место (царское) было приготовлено заранее для молодых в Грановитой палате: оно было обито червча-

тым бархатом и покрыто двумя бархатными изголовьями, шитыми золотом; на нем лежали по сороку соболей, а третьи сорок, назначенные для опахивания, держал дяк Андрей Подлесов. Перед чертожным местом находился стол, покрытый тремя скатертями; на них лежали перепечь, ширинки, сыр и стояла пустая солонка; на столе, подле перепечи, была солонка с солью. Грановитая палата была украшена образами, а лавки застланы поволошниками и суконными коврами с изображением на них львов.

*Ожидание невесты в своих хоромех
и свадебные принадлежности*

Невесту нарядили в дорогое платье, и на голову ее надели золотой венец с городами, осыпанный дорогими камнями и жемчугом. Тогда она сидела в своих хоромех со своими свахами и боярами. Свахами со стороны жениха были: боярыни – княгини Елена Алексеевна Черкасская и Прасковья Варфоломеевна Пожарская, а со стороны невесты: боярыня Мария Михайловна Шеина и княгиня Авдотья Андреевна Пожарская. На столе лежали караваи, обшитые червчатым бархатом. Государев каравай был обшит золотым турецким бархатом, а государыни – золотым участковым атласом; наверху караваев были нашиты по 27 серебряных золоченых пенязей: с одной стороны золоченые чеканенные, а с другой – белые гладкие. Тут стояли две свечи, обернутые в обручи, широко чеканенные и золоченные по краям, из которых свечи жениха весили в три пуда, а невесты – в два пуда. У свечей и фонарей находились особые свечники, а у караваев – каравайники: свечники и фонарники были из стольников.

*Шествие молодых
в Грановитую палату*

Венценосный жених отправил по невесту ее дружков. Она шла из своих хором через палату; впереди ее шли свеч-

ники. Фонарники и каравайники, одетые в золотые на соболе терлики, в черных лисьих шапках. Обручальные и богоявленские свечи несли стряпчие; за ним нес осыпало на золотом блюде думный дьяк. На блюде лежали по трем углам хмель, 27 соболей, 27 беличьих мехов, 27 золотых участковых платков, каждый длиною один аршин пять вершков, шириною половина аршина; 18 золоченых пенязей и 9 венгерских червонцев. Потом шли дружки, и они берегли путь, чтобы никто не переходил его; за ними шел благовещенский поп Иван Наседка, который кропил путь святой водой. Государыню вели под руку старшие свахи, за нею шли боярыни; жена постельничего несла кикю, прочие боярыни несли убрусцы и ширинки.

По прибытии в Грановитую палату благовещенский поп окропил чертожное место святой водой, потом посадили невесту, а на место жениха посадили с нею князя Я. К. Черкасского. Свахи стояли у стола, боярыни сидели на большой лавке, за другим столом; на правой стороне стояли со свечами, а с левой – с караваем и фонарями. Место посаженного отца и матери занимали: боярин Иван Никитич и жена его Ульяна Феодоровна Романовы. Посажённый отец, посидев немного, послал за женихом князя Даниила Ивановича Мезецкого, который говорил ему: «Боярин Иван Никитич велел тебе говорить, прося у Бога милости: время тебе государю идти к своему делу».

Государь, помолвившись образам и приняв крестное благословение от благовещенского протопопа, отправился со всеми своими поезжаными и дружками. Его вел под руку тысяцкий, впереди шел благовещенский иерей и кропил путь святой водой; за царем шел, с колпаком в руке, князь Татев. Свадебным порядком распоряжались два дьяка.

Войдя в Грановитую палату, протоиерей провозгласил «Достойно есть» и благословил царя крестом. Старший дружка свел с места князя Я. Черкасского, а царь сел на его место, подле своей невесты. Все прочие, сидевшие на своих местах, остались в прежнем порядке.

Совершение обрядов
в Грановитой палате

Спустя некоторое время протоиерей читал молитву покровению головы, после того сваха чесала гребнем головы молодым, омакивая гребень в медовую чару, а думный дяк держал блюдо с осыпалом. В то время зажгли обручальные свечи богоявленскими вечерними. По зачесании волос надели на голову невесты кикю и закрыли фатой, которую покрыли убрусом, унизанным жемчугом с золотом. Потом сваха осыпала их хмелем. Старший дружка царя резал перепечь и сыр, а старший дружка невесты поднес жениху от имени невесты унизанный жемчугом тафтяный убрусец, ширинку и каравай, а патриарху и инокине Марфе Ивановне – убрусы, ширинки, перепечь и сыр. Меньший дружка невесты, князь Роман Пожарский, разносил каравай, сыр и ширинки посаженным родителям, тысяцкому, сидячим боярыням и поезжаным. Постельным боярам и боярыням, бывшим у постели молодой, он разносил одни ширинки. Царице Дарье, бывшей супруге Иоанна IV, отправили с нарочным в Тихвин: убрусец, ширинку, каравай и сыр¹. Дорогу молодых устилали камками червчатыми, а у лестницы дворцовой приготовили аргмака. Государь, сев на лошадь, ехал по площади; впереди его ехали поезжанные, более 40 человек, за ними дружки, а сбоку жениха

---

¹ Дарья Ивановна Колтовская, происходившая из простого рода, была шестой женой Иоанна Грозного. Царь не рассудил требовать святительского разрешения на этот брак, который совершился в 1573 г., но совесть заставила его просить епископов об утверждении сего брака. Созванный собор по этому случаю *проливал слезы*, болезнью о кающемся, как сказано в деянии этого собора, и положил утвердить брак *ради теплого покаяния*, но царь развелся впоследствии с нею: ее постригли в монахини в Веденском Тихвинском монастыре, и тут она была погребена схимницей в 1627 г. В «Истории» Карамзина (т. IX, с. 193, изд. 1821 г.) сказано, что четвертая жена Иоанна была Анна Алексеевна Колтовская. Следует полагать, что имя Анны написано им по ошибке, потому что в описании свадьбы царя Михаила она названа Дарьею. Царь Михаил, вступая в брак два раза, в 1621 г. и 1626 г., посылал свадебные подарки не Анне, а Дарье, которую признавали за вдовствующую царицу.

тысяцкий; около лошади молодого шел пешком боярин князь Лыков. Невеста ехала за поездом жениха в больших санях *инаалцовских*, обитых золотым атласом; напротив нее сидели четыре свахи; за санями шли: окольниковый, дьяк, 23 дворянина, большей частью из княжеского рода, и 20 боярских детей. Последние берегли путь, чтобы никто не переходил его. Потом молодые отправились в Успенский собор.

В это время первую скатерть, на которой резали каравай и сыр, сняли и отдали ключнику на сохранение, а две остались на столе. Изголовье жениха, на котором он сидел, положили на изголовье молодой, а поверх него два сорока соболей.

Совершение обрядов в церкви

С молодыми вошли в церковь: дружка, сваха и тысяцкий. Невесту ввели под руки старшие свахи, а меньшие шли позади. Свечи, фонари и каравай внесли впереди всех. Поезжаные ездили в то время на своих конях: на аргамаке конюший князь Лыков, а в санях окольниковый князь Волконский. Боярские дети берегли путь.

Молодые стояли напротив царских дверей; со свечами стояли с правой стороны, а с караваем – с левой, близ клироса. У левого столба стояла скамейка, застланная кизыльбаским (красным) золотым ковром; на нем лежали два бархатных золотистых изголовья, покрытые сукном. Скамья стояла на двух колодках (столбах), обитых золотым участком. Свив вдвое червчатую камку куфтер, длиною в три аршина, стлали ее под ноги молодым, а поверх камки положили 40 соболей.

Благовещенский протоиерей Максим венчал их; и он три раза подавал им пить фряжское вино из кувшина, который держал боярин Василий Морозов. Этот кувшин тогда же отдал государь в алтарь, чтобы там хранили ее. После венчания сели новобрачные у столба, на приготовленном изголовье: молодой по правую, а молодая по левую сторону. Протоиерей поучал их, а потом поздравлял; за ним приносили поздравления тысяцкий и дружки; певчие пели многолетие *большим демеством*.

*Возвращение молодых
в Грановитую палату и угощение*

Государь, взяв новобрачную за руку, вышел с нею из церкви; потом он сел на аргамака, а новобрачная в сани, с двумя свахами. По прибытии к Грановитой палате государь опять взял за руку свою молодую и ввел ее во дворец; путь им устилали червчатыми камками. В то время сел на аргамака конюший и отправился к сеннику; он ездил около него до утра, держа в руках обнаженный меч. Сани отвез ясельничий, а свечи и каравай поставили на прежних местах. В Грановитой палате сели новобрачные на прежних местах, а за ними сели, на своих, боярыни и поезжаные. Потом принесли кушанья и фряжские вина и поставили их перед повенчанными. После третьего кушанья подали им верченого цыпленка. Старший дружка молодого, обвернув перепечь и солонку с блюдом другой скатертью, отнес в сенник.

Выдача невесты и сенник

Тогда молодой, встав из-за стола и взяв за руку молодую, отправился с нею в сенник. Боярин Иван Никитич Романов проводил их до дверей палаты, идя впереди; потом он выдавал невесту у дверей и говорил: «По воле Всемогущего, благословенью твоих родителей, ты сочетался праведным браком. И ты свою царицу, а нашу государыню, люби, как предписано Богом». Потом он им поклонился. Прочие бояре и сидячие боярыни провожали их до сенника; тут боярыня Ульяна Феодоровна, посаженная мать, встретила их в собольей шубе навыворот и осыпала хмелем.

Свечи и караваи поставили в сеннике: одну в пшеничной кадке, а другую у постели; сенник был точно так же убран, как описано в свадьбе великого князя Василия, только что поверх 27 ржаных снопов было постлано семь перин и *бумажники*; изголовья (подушки) бархатные, камчатные и атласные были покрыты одеялом. В ногах лежали: ковер,

одеяло и две собольи шубы; над дверьми у сенника были золотые кресты с мощами.

Проводя новобрачных в спальню, бояре сели за большой стол по правую сторону, поезжанные и дворяне – по левую; мать посаженная отправилась с боярынями в хоромы царицыны.

Спустя некоторое время государь потребовал к себе бояр, посаженных родителей, тысяцкого, дружек, свах, ближних и постельных боярынь. Посажённые родители и ближние бояре кормили государя в сенях перед сенником, а государыню в сеннике ее свахи и боярыни.

Кормление молодых, музыка, обеды и подарки

На другой день, в понедельник, государь ходил в баню и тут кушал; потом он угощал ближних бояр и окольных разными яствами и романеей в кубках. После кушанья новобрачные были в сеннике; с ними находились посаженные родители, тысяцкий, ближние боярыни и свахи. Посажённый отец, подняв покров стрелою, вскрывал царицу. Царь между тем принимал в сеннике: бояр, окольных и думных людей. Затем молодых кормили кашей из двух фарфоровых горшочков, поставленных на одном блюде и обернутых двумя парами соболей. Кашу государя держал старший его дружка, а кашу государыни – старшая сваха. Весь день играли во дворце в сурмы и трубы и били в накры (род бубна). В тот же самый день был обед у государя в Грановитой палате; молодые сидели вместе за золотым столом, близ стены; свахи стояли подле них и потчевали гостей. Посажённые отец и мать, тысяцкий и сидячие бояре сидели за большим столом; на некотором расстоянии от них сидели за отдельными столами все поезжанные и участвовавшие в свадьбе. На другой день был обеденный стол в хорах новобрачной; такое же угощение возобновилось и на третий день, по прежнему обряду. В четвертый день, в среду, государь известил своего отца патриарха о благополучном совершении свадьбы и ожидал его в малой золотой палате. Отец был встречен сыном в сенях. После *Достойно есть* патриарх осенил его крестом,

окропил святой водой, поздравил его и благословил образом Пречистой Богородицы. Потом государь и патриарх сели на золотых подушках. Князь Львов подносил царю дары от имени патриарха; потом митрополит Крутицкий, епископ, архимандриты и игумены подносили от себя: серебряные кубки, стопы, золотые атласы и соболя; за ними дарили бояре и думные сановники, после приходили с подарками торговые люди, но государь не принимал от них подарков. Затем царь отправился с отцом в хоромы своей царицы, в сопровождении знаменитого духовенства и бояр. Патриарх встретил государыню с воздвижительным крестом, окропил ее святой водой, поздравлял и благословлял образом и золотым крестом. Духовные лица и бояре приносили ей поздравление и дары. В этот день обедал патриарх у царя со всем своим духовенством в Грановитой палате. Кушанье, взвары и овощи ставили на стол по свадебному обряду. Этим угощением закончилось свадебное торжество¹.

II. СВАДЬБА ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА (16 января 1643 г.)

Выбор невесты

Царь Алексей Михайлович вскоре после своего коронавания (28 сентября 1646 г.) советовался с патриархом, духовными чинами, боярами и думными людьми о вступлении его в брак. Патриарх и духовные чины благословили, а бояре одобрили.

---

¹ *Новик*. Древн. вивл., ч. XVI, с. 144–177. – Царь Михаил Феодорович праздновал второй свой брак гораздо пышнее, нежели первый, потому я избрал здесь для описания вторичное его бракосочетание. В первый раз он был женат на Марии Владимировне, дочери кн. Влад. Тимоф. Долгорукого (19 сент. 1625 г.), но она в том же году померла, 7 янв. (по старому исчислению), и погребена в Воскресенском девичьем монастыре. Замечательно, что в обе его свадьбы были посажеными родителями бояр. Иван Никитич Романов со своей женой, святейший патриарх Филарет не участвовал в брачном обряде, но напутствовал своего сына торжественно во храм и не поздравил его во время первой свадьбы.

Царь, узнав, что у одного из приближенных его была дочь, отличная умом и красотою, сердцем добрая и поступью величавая, приказал взять ее к себе во дворец и ее поручил попечению своих сестер царевен, с оказанием ей царской почести. Бояре и ближние люди, у которых были дочери, но о которых царь не думал, равно отцы и матери тех девиц, которые жили у царевен, стали завидовать счастью невесты и замыслили погубить ее, потому опоили зельем, думая, что после этого царь возьмет за себя дочь знатного боярина или приближенного. Скоропостижной смертью нареченной государь весьма опечалился: несколько дней он не принимал пищи и не думал о знатных девицах. По прошествии многого времени случилось ему быть в церкви, и здесь он увидел двух дочерей дворянина Ильи Милославского. Одна из них, Мария Ильинична, так ему понравилась, что он тотчас поручил придворным девицам взять ее к себе в верх и после обедни посетил ее: смотрел и полюбил. Тогда он отдал ее на попечение своим сестрам и богобоязливым боярыням, нарек ее царевною и облек в царские одежды. Однако свадьба не скоро совершилась: не ранее двадцати месяцев (16 января 1648 г.) от смерти первой невесты.

Свадебные чины

Государь избрал в свадебные чины людей не по родам и не по местам, а как ему вздумалось. Думные дьяки представили ему роспись за скрепою с означением обязанности каждого и с наказом: чтобы все были готовы к известному дню, в том чине, в каком кому написано. Кто же из бояр, окольных, думных и ближних людей станет считаться породой, местами, чином и делать смуту и помешку, за то казнить их смертью, без всякой пощады; поместья и вотчины отписать на царя. После свадьбы никому никого не поносить, кто кого был в чине ниже; не величаться, кто кого был выше; в противном случае виновный подвергнется великой опале и наказанию.

Свадебный чин со стороны государя был устроен в следующем порядке: в первом чине сидели посаженные родители, во

втором поезжанные, протопоп с крестом и тысяцкий, потом царь и восемь бояр. Поезжанные, присутствовавшие при венчании и за столом, сидели выше всех. В третьем чине находились по 12 *сидячих бояр* и 12 *сидячих боярынь*, которые сидели гостями за столом, с посаженными родителями, и в церковь не отправлялись. В четвертом чине был дворецкий со своими обрядными товарищами; он смотрел за кушаньем и питьем. Со стороны царицы в первом чине: родные ее отец и мать, во втором – сидячие бояре и боярыни; в третьем – дружка, свахи, дружковы жены, свечник и каравайники. Свадебные чины, которые распоряджались *радостью*, были следующие: дружки, подружье, свахи, свечник, каравайники и конюший. Дружка и подружье созывали гостей на свадьбу, говорили речи от имени тысяцкого и царя и разносили подарки; свахи и дружковы жены укручивали царицу (одевали), наряжали и снимали с нее платье; свечу держал свечник, перед укручиванием царицы; каравайники носили караваи в церковь и из церкви на носилках, обитых бархатом золотым и закрытых шитым покрывалом и соболями; конюший разъезжал со своими товарищами на конях.

Обед накануне свадьбы

Накануне *радости* был обед у царя для бояр, боярынь и родителей невесты. Государь сидел с нареченной государыней за своим столом, а бояре и боярыни за другим. Царский духовник благословлял крестом царя и царицу перед трапезой и требовал, чтобы они поцеловались. Тогда бояре и боярыни поздравляли их с обручением.

Слушание молебна перед свадьбой

Поутру в день свадьбы царь был в соборной церкви Успения и слушал молебен. После молебна патриарх благословлял его крестом, окроплял св. водой и благословил его на вступление в брак. Государь прикладывался здесь к образам и мощам угодников; потом ходил в другую соборную церковь

(Архангельский собор), где погребены прежние цари; служил по ним за упокой, испрашивал у их гробов прощения и потом отправился к себе во дворец.

Украшение дворцовой палаты

Во дворце убрали одну палату бархатом, полы застлали турецкими и персидскими коврами. Царское место устроили перед столом и поставили еще особые столы, за которыми сидели бояре и боярыни. На столах, застланных скатертью, положили хлеб-соль.

Платье молодых и свадебных

Государь нарядился в царские одежды, как перед коронаванием; царевну одели в царские украшения, за исключением короны, и вместо венца убрали голову венком. Бояре, свадебные чины, стольники, стряпчие, московские дворяне, дьяки, полковники, головы и гости блистали золотыми одеждами.

Прибытие в палату и благословение

Когда все было готово, тогда навестили царя, который приказал всем идти в дворцовую палату вместе с царевною и ее родителями и ожидать его пришествия. По приходе в палату царевну посадили на устроенное место, а потом сами сели на своих местах, по росписи. Царю доложили, что все уже заняли свои места. Тогда он объявил своему духовнику, что час ему идти. Духовник читал молитву, а государь со свадебным чином молился св. образам. После молитвы духовник благословлял его и всех с ним. Дружки и свадебный чин просили благословения на поезд к невесте у посаженных родителей; потом сам царь просил у них благословения; они же, благословляя его, говорили: «Благослови, Боже», и все уже отправились. Перед государем несли каравай и хлеб. В палату прежде всех вошел духовник, за ним свадебный чин и потом царь; тогда

все встали. Читали молитву, и все молились. Потом дружки и подружья испрашивали благословенья у родителей невесты, чтобы садиться молодым на свои места. Они благословили их, говоря: «*Благослови, Боже*». Молодые сели на одной подушке, а потом и все расселись по своим местам за особыми столами.

Угощение

Стольники начали разносить кушанье, которое прежде всех ставили перед новобрачными, по одному блюду, а перед свадебным чином по пять блюд одного кушанья, потому что они сидели друг от друга далеко. Перед началом праздника духовник читал «Отче наш». Дружки и подружья просили благословения у родителей невесты чесать косу, а духовник и весь поезд стали есть и пить, для одного обряда. Перед молодым только ставили кушанье и немедленно снимали со стола, потому что он ничего не должен быть есть. По расчесании косы дружка и подружья испрашивали благословения у родителей невесты *крутить* ее (одевать).

Чесание косы, окручивание и подарки

При чесании косы и окручивании закрыли молодых покрывалом, с вышитым на нем крестом; покрывало держали свечники; свахи расчесывали косу и одевали. Перед царем тогда же поставили, на большом блюде, хлеб и сыр, которые разрезали на куски; клали на тарелки, поверх хлеба и сыра, подарки со стороны невесты – ширинки (платки), которые бывали белые тафтяные, шитые вокруг золотом и серебром, и с таковыми же кистями, и их разносили по расписанию: прежде духовнику, родителям невесты, тысяцкому, а потом царю, поезжанам, сидячим боярам, боярыням, дружкам, свахам, конюшему и дворецкому с окружающими его. Дружка невесты разносил также подарки: посаженным родителям, царевнам и прочим назначенным по росписи; патриарху постлали белое полотно. По окручивании покрыли молодых прежним покрывалом и тогда сняли

венки с головы невесты и отдали на сохранение. Духовник при третьем кушанье читал послеобеденную молитву.

Дружки обратились тогда к посаженным родителям и просили их благословения на поезд к венцу. Молодых благословили окладными в золото образами, покрытыми жемчугом и драгоценными камнями. Отец и мать невесты, взяв ее за руку, отдали царю и простились с нею. Духовник благословил всех крестом, и все отправились в царскую домовую церковь. Молодой вел свою невесту за правую руку, и во время шествия звонили в колокола по всем церквям; перед дверями церкви духовник благословил молодых крестом, и всех с ним. Молодые стали посередине церкви, против алтаря, на золотной обьяри. Царя держал под руку дружка, а царевну – сваха. При совершении венчания сняли покрывало с царевны; протоиерей возложил брачные венцы и сам снимал их, когда подносил им пить красное *французское* вино. Потом на царя была возложена корона вместо венца.

*Наставление протоиерея
и возвращение молодых в палату*

По окончании обряда протоиерей поучал их жить в миролюбии: не сердиться друг на друга, и подтвердил жене быть в повиновении у мужа, который, в случае ее вины, может *поучить ее слегка жезлом*; чтобы они жили в *чистоте и богобоязни*, постились бы в понедельник, среду и пятницу; соблюдали бы праздники и в эти дни *греха не сотворили* бы; посещали церковь, давали подаяния, советовались бы с отцом духовным, *той бо на вся благая научит*. После поучений он взял царицу за руку, передал ее государю и требовал, чтобы они поцеловались; потом покрыли царицу, и все поздравили молодых с венчанием. Во время венчания посаженные родители, сидячие бояре и боярыни ожидали молодых в прежней дворцовой палате, а протоиерей, когда он совершил венчание, разоблачился и вышел из церкви со всеми присутствовавшими, чтобы встретить молодых у дверей палаты, и тут благословлял их кре-

стом. При шествии новобрачных звонили в колокола повсюду, а тысяцкий послал дружку к посаженным родителям, сидячим боярам и боярыням сказать, что царь и царица венчались в *добром здравье* и идут к ним. Они отвечали, что их ожидают. Посажены родители благословили их образами и поздравили с венчанием; за ними бояре и боярыни.

Угощение, увод новобрачных в спальню и конюший

Новобрачные сели за свой стол, а все прочие – за свои столы, а потом разносили кушанье и напитки; все пили и ели до принесения жареного лебедя. В то время дружка испрашивал благословенья у родителей и тысяцкого, чтобы вести новобрачных опочивать, на что они отвечали: «*Благослови, Боже*». Их провожали до спальни: отец, мать, немногие бояре и боярыни, и потом все они возвратились к своему столу, за которым ожидали известия от царя о его *добром здравье*. Всю ночь до рассвета ездил конюший верхом около спальни с обнаженным мечом.

Спрашивание о добром здравье

Спустя час после ухода молодых в опочивальную, родители и тысяцкий посылали дружку к новобрачным спросить об их здравье. И когда царь объявил, что все в *добром здравье*, тогда явились к нему родители и весь свадебный чин.

Поздравившие молодых с добрым здравьем получили от них в подарок кубки и ковши; потом новобрачным дали поесть самого легкого кушанья, ибо они постились во весь тот день. После кушанья царь отпустил домой всех свадебных и приказывал им съезжаться на другой день к обеду, называемому княжим столом, а сам лег спать с царицей.

Хождение в баню и подарки

Поутру готовили для них баню, в которой были только царь, дружка и постельничий; после бани надели на него

белую рубашку и новое платье, а прежнюю рубашку отдали на сохранение постельничего; после он слушал заутреню, пока царица находилась в бане. С молодой были мать, сваха и близкие знакомые, и ее одели по выходе из бани. Когда она была одета, тогда дали знать о том царю, который со всем своим поездом отправился к ней. Она была уже во всем царском одеянии и с царским венцом на голове. Молодых поздравили, а царица одаривала *мыльными подарками*, начиная от царя до последнего гостя свадебного. Она дарила рубашками и исподним платьем, которые были полотняные и тафтяные, шитые золотом и серебром. Потом царь отправился на благословение к патриарху; от него в разные церкви, где слушал молебствие.

Княжий и княгинин стол с музыкой

По наступлении времени *княжего стола*, царь и царица обедали в прежней палате за своим столом – *на маестатех* (на троне); а прочие гости – за своими столами. После обеда подавали сахар, ягоды и разные овощи, которые раздавали гостям, и последние принимали их стоя. Посаженные родители царицы, сидячие бояре и боярыни и тысяцкий благословили их окладными образами, а потом дарили бархатом, атласом, камками, золотыми и серебряными объярами, соболями и серебряными кубками; пили за их здоровье и потом разъехались. На третий день был дан от царицы обед, называемый *княгинин*, с таким же обрядом, как *княжий*.

На царском дворе и в передней играли во время обеда в трубы и суренки и били в литавры, а на дворе жгли дрова всю ночь по разным местам вместо освещения.

Обед для духовных светских людей и одаривание их

В четвертый день обедали у государя: патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены

и келари; после обеда все духовенство благословляло молодых образами и дарило. Царь и царица подносили им кубки и ковши с напитком, а священники, выпив за их здоровье, разъехались. Потом новобрачные посылали им на дом подарки, состоявшие из денег, полотна, кушаний и напитков. Иереев, дьяконов и весь причт церковный угощали на царском дворе несколько дней сряду; иным посылали даже на дом кушанья и напитки; дарили деньгами по десяти и пяти рублей и не меньше полтины, чтобы они молились за их здоровье; рассылали стольников, стряпчих и жильцов по церквям и монастырям всей России с денежными подарками, полотном и платками, которые раздавались духовенству, чтобы оно молебствовало о царском здоровье. Привезших подарки духовные благословляли образами и дарили, чем могли. В следующие дни давались обеды для стольников, стряпчих, московских дворян, гостей сотенных, старост, городских, выборных и посадских. Они подносили молодым подарки, которые принимал один царь.

Милостыня и выпущение преступников

После свадьбы царь с царицею посещал монастыри, где совершались молебны; там они кормили монахов и раздавали каждому из них подарки денежные, от 20 до 2 рублей, по два платка и полотенцу. Монахи благословляли их окладными образами и хлебом. Потом молодые ходили по богадельням и тюрьмам, раздавали милостыню, наделяли нищих и убогих, давая каждому не менее полтины. По всем городам России выпускали из темниц преступников, исключая убийц¹.

---

¹ Кошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, гл. 1, с. 4–12; Новик. Древ. вивл., ч. XIII, ст. 174–233.

Царь Алексей Михайлович женился на дочери Ильи Даниловича Милославского. Этот боярин до того возгордился впоследствии, что сделался неспособным самому царю, который нередко собственноручно смирял его надменность. Немецкий посланник бар. Маерберг, бывший в Москве в 1661, 1662 гг., говорит, что царь и царица называли своего отца просто *Илья*, но никогда *батюшкой*. – Маерберг. Voyage en Mosc., с. 297–299, ed. Leid., 1688.

III. СВАДЬБА ЦАРЕВНЫ АННЫ ПЕТРОВНЫ

(21 мая 1725 г.)

Изменение старинных обрядов

С наступлением XVIII столетия русские свадьбы стали изменяться в высшем сословии и дворянстве. Иноземные обычаи, которые во многом не соответствовали тогдашнему времени, быстро потрясли в самом основании древние обряды. Старинные свадьбы часто осмеивались уже с намерением: тогда думали, что со введением новизны распространятся науки, поселится вкус и образованность, которая водворялась в Европе постепенно, в течение многих веков. Преобразования нельзя вводить насильно: они растут по мере счастливых успехов гражданственности. Благоразумное споспешествование и поощрение есть необходимые условия для усиления народного образования, а не поспешное во всем изменение и подражание. От таковых действий народ делается подражательным и теряет свою самобытность. Время и потребность века – вот истинные путеводители благоразумных развитий, и при этом всегда следует дорожить отечественным. Прадедовские обряды и преданья старины не умирают в народе: они живут в нем и оживляют его душу пленительным воспоминанием.

Я сказал, что в начале XVIII в. свадьбы изменились, и это видим в совершении свадьбы царевны Анны, дочери Петра Великого, которая праздновалась императрицей Екатериной I. С этого уже века дочери наших государей начали вступать в брачные союзы с иностранными владетелями. Вечное осуждение царевен оставаться в девушках и постригаться в монахини тогда же закончилось. Простой народ, крепко любящий отеческие нравы и обычаи, сохранил их, если не во всей силе, то по крайней мере дорожит ими.

Свадебное устройство и свадебные чины

Царевна Анна при жизни своего отца, Петра Великого, была просватана им за шлезвиг-голштейн-готторпского герцо-

га Карла, а свадьба совершилась после уже смерти императора. В Летнем дворце, находящемся поныне в Летнем саду, был построен великолепный зал длиною 20, а шириною 7 сажен, и в нем поставлены два балдахина. Светлейший князь Меншиков занимался этим устройством. Зал украсили богатыми обоями; балдахин невесты был украшен гербом и короной Российской Империи, а балдахин жениха, поставленный напротив невестиного, был украшен герцогским гербом. Вместо тысяцких были уже маршалы, которыми были князь Меншиков и генерал-прокурор Ягужинский, а вместо дружек было 24 шафера. Посажеными отцами были: генерал-адмирал граф Апраксин и государственный кавалер граф Головкин; посаженными матерями: цесаревна и герцогиня Мекленбургская Екатерина, дочь Иоанна I, и светлейшая княгиня Меншикова. Места братьев занимали: генерал-фельдцейхмейстер граф Брюс и подполковник гвардии Бутурлин. Места сестер: канцлерша графиня Головкина и Бутурлина. В ближних девицах, заменивших дружек, были: цесаревна Елизавета, великая княжна Наталья, а кравчий был князь Гессен-Гомбургский.

*Извещение о свадьбе
и совершение бракосочетания*

18 мая разъезжали по городу особые офицеры с трубами и литаврщиками, возвещая жителей о предстоявшем бракосочетании; 21 мая, в пятницу, в день самой свадьбы собирались в новопостроенную залу, в седьмом часу утра, приглашенные маршалы, шаферы, сенаторы, генералитет, знатные сановники и чужестранные министры, а дамы собирались в одиннадцатом часу. В полдень отправились маршалы в сопровождении особых чиновников в семи каретах во дворец жениха; впереди их ехали трубачи и литаврщики в богатых одеждах. Пробыв полчаса во дворце, они отправились в Летний дворец императрицы в прежнем порядке; за ними уже ехали: прапорщик, два гоф-фурьера и несколько гренадеров; потом шел штат герцога, за ним ехал верхом двора его

обер-камергер и гоф-маршал, после ехал в карете сам жених; по сторонам его кареты шли его кавалеры; за ними ехали его министры в особых каретах; между каретами шли лакеи, а возле карет пажи. В первом часу пополудни все прибыли в Летний дворец; тут встретили жениха посаженные родители и братья. Его отвели в комнаты императрицы. Отсюда герцог отправился с цесаревной в Троицкий собор в уборной цветной барже (крытой линейке), в которой сидели: цесаревна Елизавета, герцогиня Екатерина и великая княжна Наталья. В прочих баржах ехали: маршалы, родители посаженные, братья и дамы в цветном богатом платье. Невеста была в императорской короне, украшенной бриллиантами и дорогими камнями, и в порфире из пурпурового бархата, подбитой горностаями. По приближении к церкви зазвонили в колокола. Государыня вскоре поехала за ними в печальной барже, одетая в траурное платье; впереди ее несли штандарт. Псковский архиепископ Феофан, окруженный епископами Тверским и Белгородским, архимандритами и многочисленным духовенством, совершил венчание. По окончании брачного обряда императрица надела на новобрачную орден Св. Екатерины с красным бантом и поздравила новобрачных, которые после принимали поздравление от всего двора. Потом все отправились, в 4 часу пополудни, в Летний дворец, при пушечных выстрелах из Петропавловской крепости, адмиралтейской пристани и яхты.

Молодые прибыли в большую залу и сели кушать под устроенными балдахинами. Под первым балдахином сидела невеста с великими княжнами: Елизаветой, Екатериной, Натальей, княгиней Меншиковой, графиней Головкиной и Бутурлиной. Под вторым, устроенным напротив невесты, сидел жених с графом Апраксиным, графами Головкиным и Бутурлиным. За прочими столами сидело до 400 званных гостей в богатых цветных одеждах. В продолжение обеда стреляли из яхты и играли на трубах с литаврным боем. В 7 часу императрица вышла на луг (ныне Царский луг) к стоявшей в строю гвардии. Тогда открыли два фонтана, которые заструились красным и белым вином. Императрица остановилась посередине

луга; гвардия приветствовала ее беглым огнем из ружей. После стрельбы поили солдат вином, струившимся из фонтанов, угощали кушаньями, жареными быками и баранами, нарочно здесь расставленными на столах.

В 9 часу императрица отпустила молодых, которые поехали в свой дворец в императорской карете в прежнем порядке. Потом разъехались все гости. На другой день, в субботу, новобрачные прибыли в 4 часу пополудни в Летний дворец и обедали у императрицы. Молодые сидели уже вместе за одним столом. Их встречали маршалы. За обедом присутствовали придворные особы; в продолжение обеденного стола стреляли из пушек. После обеда все гуляли в саду. На третий день был обед у герцога. Императрица сидела за особым столом, окруженная молодыми, великими князьями, великим князем Петром и герцогиней Мекленбургской; за прочими отдельными столами сидели знатные сановники, иностранные министры и придворные дамы. Во время обеда не было музыки; играли только на трубах и стреляли из пушек. Герцогским обедом заключилось трехдневное торжество¹.

IV. СВАДЬБА БЛАГОРОДНЫХ И ПРОСТОЛЮДИНОВ ПО ИЗВЕСТИЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКА НАШЕГО КОШИХИНА, ЖИВШЕГО В XVII ВЕКЕ

Старинные свадьбы совершались единообразно во всех сословиях и отличались только богатством, ибо везде были одноименные свадебные чины: и у княжеских, и у простых

¹ *Новик. Древ. вивл., ч. XIII, с. 235–247.* – В первый день свадьбы многие получили первостепенные орденовые знаки и повышены чинами. Родившийся от брака цесаревны Анны Карл Фридрих Ульрих 10 февр. 1728 г., а по иным 3 мая, вызван был впоследствии родной его теткой императрицей Елизаветой в Россию и объявлен императором под именем Петра III. Он помер 6 июля 1762 г. в Ровше.

родов; тогда господствовала простота, и нарушить свадебный порядок считалось великим грехом. Небольшое отступление от невыполнения некоторых обыкновений было уже предметом осуждения и нарекания. Вот почему все наши древние свадьбы, до начала XVIII в., были общие, народные. До нас дошли известия о дворянских и простонародных свадьбах соотечественника нашего Кошихина, однако не ранее XVII в. Из его описаний видно, что они совершались единообразно, быть может, как было еще до него за триста лет или более.

СВАТОВСТВО

Боярин или дворянин, намеревавшийся вступить в брак, проводывал сначала невесту, и если она ему нравилась, по одному даже слуху, то он посылал к ее родителям кого-либо из своих друзей, из мужчин или женщин, сватать за него и потом порасспросить: есть ли какое за нею приданое? и в чем оно состоит: в платье ли, деньгах, вотчинах или дворовых людях? Если предложение или сватовство не отвергалось, то отец отвечал, что он рад выдать свою дочь замуж, только подумает о том со своей женой, родственниками и, подумав, давал решительный ответ. Когда же он не соглашался на выдачу своей дочери, тогда прекращалось сватовство.

ПРИДАНОЕ

По совещании между собою родственников и родителей о выдаче дочери замуж составлялась роспись приданому, заключавшемуся в деньгах, серебряной посуде, платье, вотчинах и дворовых людях, и посылалась эта опись к жениху через доверенных от него. Невесте ничего не говорили об этом до самого замужества. Когда жениху нравилась невеста по приданому, то он просил дозволения видеть ее; но родители всегда отвечали, что они охотно ее покажут, только не ему, а ближним его родственникам: отцу, матери, сестре или сродственнице, и отправлявшаяся смотреть невесту называлась смотрельщицей.

СМОТРЕЛЬЩИЦА

Невесту наряжали в лучшее платье и сажали за стол; гостей собирали из сродственников. Смотрельщицу принимали с почестью и сажали подле невесты, которую она занимала различными разговорами, чтобы испытать ее ум; всматривалась в лицо и глаза, чтобы пересказать потом жениху все, что заметила. Если девушка была хромая, косноязычная, лицом дурная, на глаз недобрая или не нравилась смотрельщице почему-либо, тогда она доносила обо всем жениху и отсоветовывала ему жениться. Невеста добрая, красивая и умная приходилась всегда по сердцу; тогда жених объявлял, что он полюбил ее и посылал прежних доверенных к ее родителям для совершения сговора и записи.

ЗАПИСЬ

Отец и мать невесты приглашали тогда жениха к себе с немногими его доверенными. Он наряжался в самую лучшую одежду и отправлялся к ним с отцом и родственниками. Их принимали у дверей с почестью; вводили в хоромы и сажали по чину. Посидев немного, отец или родственник жениха объявлял, что они приехали сюда для доброго дела. Отец невесты отвечал, что он весьма рад их приезду и готов приступить к сговору. Тогда условливались с обеих сторон о приданом и времени свадьбы; делали запись, в которой имя невесты стояло в третьих; в случае неустойки кого-либо против условий взыскивали *за ряд* на виновном 1000, 5000 и 10 000 рублей, сколько между ними было соглашено. В продолжение сговора угощали кушаньем и напитками; но ни жених, ни невеста не видели друг друга. В то же время мать невесты, замужняя сестра или жена родственника дарила жениха ширинкою от имени невесты.

Когда жених после сговора отказывался от невесты или невеста от жениха, узнав друг про друга что-либо дурное, тогда родители били челом патриарху на виновного за на-

несенное им бесчестие и просили удовлетворения. Патриарх приказывал исследовать, и с виновного взыскивалось, сколько было положено по записи за неустойку, в пользу правого жениха или оправданной невесты, и каждому из них не запрещалось потом вступать в брак.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Жених приглашал на свадьбу родственников и знакомых, из которых составлялись поезжаные, точно такие же, как при царской свадьбе. То же самое было со стороны невесты. В день радости готовили стол в доме молодых. Жених отправлялся за невестой по тому порядку, как происходило на царской свадьбе; наперед несли каравай на носилках, после ехали поезжаные верхом, если это было летом, а зимою в санях; священник держал в руках крест, потом ехали бояре, тысяцкий и жених. По приезде на двор невесты все входили в хоромы по чину; отец невесты и гости встречали их почестью. Перед поездом к венчанию дружка испрашивал у родителей невесты благословения для новобрачных. Их благословляли образами, говоря: «Благослови, Боже», и, взяв за руку дочь, вручали ее молодому. Весь свадебный чин, поп и молодой, который шел со своей невестой под руку, выходили из хором в сопровождении родителей. Молодой сажал невесту в колымагу или каптан, с нею садились две свахи со стороны новобрачных, а жених ехал верхом или в санях со своим поездом. Отец невесты и гости возвращались в свои покои, где пили и веселились до получения вести о благополучном совершении венчания; таковая же весть посылалась и отцу новобрачного. После венчания весь поезд отправлялся в дом молодого. По прибытии на двор родители, родственники и гости встречали новобрачных: жениха и невесту благословляли образами, подносили хлеб-соль и сажали их за стол. Потом угощали их и всех гостей и тогда только открывали лицо молодой. За третьим кушаньем дружка испрашивал благословения у посаженных родителей, чтобы вести новобрачных в опо-

чивальную. Тут дружки снимали платье с жениха, а свахи с невесты. Уложив их спать, они возвращались к пирующим гостям, а посаженные родители и тысяцкий, спустя час, посылали дружку к жениху, чтобы спросить его о добром здоровье. Когда молодой отвечал, что все в добром здоровье, тогда боярыни отправлялись в опочивальную, поздравляли молодых и пили заздравные кубки, а тысяцкий посылал дружку к родителям невесты сказать, что новобрачные в добром здоровье. Они, за доставление радостной вести, потчевали его и дарили ширинкою, и потом все гости разъезжались. Молодых же оставляли почивать. Конюший ездил до рассвета верхом около спальни с обнаженным мечом.

ХОЖДЕНИЕ МОЛОДЫХ В БАНЮ И ОБДАРИВАНИЕ ИХ

Поутру новобрачные ходили в баню, сначала один молодой, а потом молодая: молодой мылся с дружкою, а молодая со свахой и близкими ее знакомыми. После бани надевали на молодых новое белье и платье. Новобрачная одаривала поезжаных мыльными подарками: рубашками и исподней одеждой. Потом молодой с дружкою ездил просить гостей на обед. Родителей же своей жены он благодарил за то, что они вскормили, вспоили и выдали за него в добром здоровье свою дочь. Если же она оказывалась лишенной добродетели, то он укорял их втихомолку. По съезде гостей новобрачная подносила поезжаным подарки. До обеда ездил новобрачный со всем поездом бить челом царю. Все они кланялись государю в землю, который сидел, не снимая шапки, и спрашивал про его здоровье и его жены. Царь поздравлял его с супружеством; после молодой кланялся в землю; царь благословлял его, а молодую заочно, окладными образами; назначал ему жалованья по сорока соболей, дарил бархатом, атласом, золотною объярью, камкой, тафтой, серебряной посудой; подносил тысяцкому, молодому и всему поезду по кубку романей (греческое вино) и ковшу вишневого меда; потом они отправлялись к обеду.

Молодая посылала от себя подарки царице и царевнам, как-то: убрусы (полотенца) тафтяные, шитые золотом, серебром и жемчугом. Они принимали и посылали от себя спрашивать о ее здоровье.

Молодой не ездил с поклоном к царю, когда его молодая не сохранила девственности, потому что государю доносили обо всем до его приезда, и ему воспрещалось являться перед царские очи.

За обедом пили и ели вдоволь; после обеда родители и гости благословляли новобрачных образами и дарили, кто чем мог, и наконец разъезжались по домам. На третий день новобрачные и гости съезжались на обед к родителям молодой, где после обеда снова благословляли образами и одаривали их. Этим оканчивали веселье, к которому не приглашали девиц, и на нем не бывало музыки. Играли только на трубах и били в литавры. Такой точно совершался обычай при сочетании вдовых.

ПРАВИЛА К ВСТУПЛЕНИЮ В БРАК

Священник венчал с разрешения патриарха или другой духовной власти, и не иначе, как получив письменное свидетельство с печатью. Ему поставлялось в обязанность исследовать в точности, чтобы жених и невеста не были между собой в кумовстве, сватовстве, крестном братстве, свойстве по шестому и седьмому колену и чтобы муж и жена не были четвертого брака. Если он все это не узнал и венчал, то лишали его священнического сана; если же он сделал с намерением, то не только лишали его звания, но налагали на него большую пеню и сажали на год на покаяние. Новобрачных разводили и им, кроме греха, ничего не вменяли и даже дозволялось им вступать в новый брак, исключая, если они были уже трехбрачные.

ВЕНЧАНИЕ ВТОРОБРАЧНЫХ И ТРОЕБРАЧНЫХ

При венчании второбрачного вдовца с девицей клали ему венец на правое плечо; троебрачному вдовцу на левое

плечо, — девице же на голову. То же самое совершали со вдовою, выходявшей во второй и третий раз замуж. Свадьбу же праздновали по обыкновению. Вступившие в брак вдовец со вдовою не венчались, но читали над ними молитву и свадебный обряд отменялся.

ОДНООБРАЗИЕ В СОВЕРШЕНИИ СВАДЕБ

Сговоры и свадьбы совершались одинаковым образом у стольников, стряпчих и дворян, только что они не ездили к царю бить челом, ибо этой милостью пользовались думные люди, спальники, их дети и знатные роды. Между купеческим сословием, свободными людьми и крестьянами тот же совершался свадебный обряд, отличались же они одеждой и угощением.

ОБМАНЫ ПРИ ВЫДАЧИ НЕВЕСТ И НАКАЗАНИЯ

Случалось, что родители во время сватовства показывали смотрельщице дочь-красавицу, а выдавали замуж увечную, безобразную и не ту, которую показывали. Женившийся на такой не мог вдруг ее рассмотреть, потому что при совершении свадьбы она закрывалась. Хромую же водили свахи под руки. Муж жаловался тогда патриарху или другой духовной власти, назначалось следствие, и если оказывалось, что дочь выдана обманом и против записи, то их разводили и с виновного взыскивали пеню. Иногда отца невесты наказывали кнутом. Если жених говорил про невесту, что она увечная или безобразная и таковой он ее видел при сватовстве, то ему повелевалось жить с нею, чтобы он знал, на ком женился. Иногда вместо настоящей невесты наряжали горничную девушку или красивую вдову и выводили к смотрельщице. Малорослых и коротконогих ставили на подставки так искусно, что ничего не было заметно. Обман открывался только на другой день после веселья. В таких случаях муж советовал своей жене постричься

в монахини; если она не соглашалась, то он бил ее, мучил и не спал с нею, пока она не пострижется. Родственники мучимой жены, когда она не хотела идти в монастырь, жаловались на мужа патриарху или другой духовной власти. Тогда наряжался повальный обыск, и если оказывалась жалоба справедливой, то мужа ссылали в монастырь на год и полгода, и потом приказывалось ему жить в любви с женой. Когда же он не жил в согласии, тогда их разводили; имение делили между ними пополам, и до семи лет воспрещалось обоим вступать в новый брак. Бывало, что муж, когда его женили на увечной или безобразной, сам постригался с горя в монахи, а иные мужья и жены опаивали друг друга отравками. Старых и уродливых девиц сами родители отдавали в монастырь.

Жених, который сам смотрел невесту, потом говорил о ней дурно, бесчестил и отбивал от нее других женихов, обязывался по духовному приговору жениться на ней. Если же он до приговора успел жениться на другой, то платил за бесчестье первой невесте. Имение умершей от родов, но оставившей после себя детей, доставалось ее детям; умершей же без детей отбиралось имение от мужа и отдавалось назад, кому принадлежало¹.

V. СВАДЬБА НАЧАЛА XVII ВЕКА ПО ИЗВЕСТИЮ ПЕТРЕЯ

Об обрядных действиях свадеб сохранились еще сказания двух иностранцев-самовидцев: Петрея и Олеария. Первый был в начале XVII в., а второй – в половине того же века.

СВАТОВСТВО

Молодой человек, желавший жениться, объявлял о том своему отцу. Это соблюдалось весьма строго не только

¹ Кошихин: о Рос. в царствование Алексея Михайловича, гл. XIII, с. 119–126. <...>

между простолюдинами, но вельможами и всякого сословия людьми. Ни жених, ни невеста не могли сами делать предложения – это было дело отца. Родитель невесты, осведомленный о сватовстве, советовался с своими приятелями и отправлялся с сватом к родителям жениха, где узнавал о его богатстве, роде, уме и достоинствах и, рассмотрев его внимательно, говорил ему, если он нравился ему: мой милой! Твои родители – мои добрые друзья, а ты мне по сердцу: честен, добр, любезен и можешь быть любимым всеми, потому я хочу отдать за тебя свою дочь, если она понравится тебе. Я награжу ее приданым и всякого рода украшениями: серьгами, платьем, серебром, золотом, скотом, лошадьми, прислугою и домашними вещами. По согласию с обеих сторон, сват отвечал за жениха: тебе угодно выдать за меня дочь, а меня иметь своим сыном, – я подумаю прежде. Об остальном расспроси моих родителей и друзей, и что ими будет сделано и утверждено, тем я буду доволен. Если сватовство с обеих сторон не встретило препятствий и самое приданое обоюдно утверждено, то назначали день свадьбы.

СМОТР НЕВЕСТЫ И ЖЕНИХА

Отец и друзья жениха просили тогда показать невесту, но ее отец отвечал: этого нельзя; о ней осведомиться можно от посторонних. Вы знаете, кто она такова, и этим можете быть довольны; об остальном узнаете по совершении свадьбы. Тогда отец и сват говорили ему: если нельзя видеть жениху, то позволь нам, чтобы удостовериться в ее недостатках и свойствах. Отец, мать и две ближние родственницы отправлялись к невесте. Если она зажиточная и богатая, в доме много покоев и светлиц, то она сидела в своей светлице, убранная и наряженная. Если без состояния и бедная, в доме нет ни одной светлицы, то она сидела в углу избы за занавесом, без всякого наряда. Мать жениха, подойдя к ней, просила выйти и, взяв ее за руку, ходила с нею, рассматривая со вниманием: не слепая ли она, или хромоногая, или нет других каких-либо

недостатков. Если ничего не было найдено, то она садилась с веселым лицом за стол. После того мать невесты отправлялась к жениху и рассматривала его подобным образом, и, не найдя в нем никаких телесных недостатков, приступали обоюдно к письменному условию в том, что если кто не сдержит своего слова, тот должен заплатить по записи определенную сумму денег. Несмотря на это, продолжались с обеих сторон частые осматривания молодых, дабы не ошибиться и чтобы потом не исполнилась пословица: понравилась сатана лучше ясного сокола¹. Были примеры, что, не рассмотрев молодых, они оказывали впоследствии друг к другу холодность, отчего происходили семейные раздоры. Девицы высшего сословия всегда находились в затворничестве, и их не прежде могли видеть, как только в день свадьбы.

ВЕНЧАНИЕ

По наступлении свадебного дня, для которого готовили в изобилии кушанья и напитки, и в этот день все пили, отправлялся в церковь весь свадебный причет и с ним родители молодых. Лицо невесты покрывалось фатой. Священнику подносили прежде пироги; он тогда благословлял молодых и пел из псалма 127: «Блаженни вси боящиеся Господа, ходящие в путех его. Труды плодов твоих снеси» и т. д.²; потом, подступив к молодому, клал на его голову свою руку и говорил: ты берешь молодую и милую; будешь ли ее любить в радостях и бедности? Не будешь ли издеваться над нею и поступать с нею грубо? Если она состарится, делается немощною или больною, то не покинешь ли ее? Жених отвечал: *нет*. Тогда он обращался к невесте и говорил: ты еще молодая и неопытная, будешь ли жить с мужем в согласии, как сле-

---

¹ Quisquis comat ranam, ranam putat esse Dianam.

² У Петрея ошибочно приведен 128 псалом вместо 127, ибо псалом 128 начинается так: «Множицею брашася со мною от юности моя, да речет убо Израиль: множицею брашася со мною от юности моя, ибо не премогаша мя. На хребте моем делаша грешницы: продолжиша беззаконие свое» и т. д.

дует доброй жене? Будешь ли смотреть за хозяйством? Пребудешь ли ему верною, когда он состарится и ослабеет? Она отвечала: *да!* После этого священник брал венцы, клал на их головы и говорил: *раститесь и множитесь*. Читал потом молитву, благословлял их три раза крестом и произносил: что Бог соединяет, того не расторгнуть человеку. Затем все зажигали восковые небольшие свечи. После священник подавал новобрачным позолоченную чашу с медом, из которой они пили, и наконец поздравлял их со вступлением в брак. Потом молодые бросали на землю чашу, топтали ее ногами, приговаривая: да будет так поправаны наши враги, которые захотят поселить между нами ненависть и раздор.

ПОСЫПАНИЕ МОЛОДЫХ И ВЕСЕЛЬЕ

При выходе новобрачных из церкви женщины осыпали их конопляным семенем, желая им здоровья и долговечной жизни. Потом все возвращались домой, где веселились и пили во всю ночь. На другой день отводили молодых в тот дом, где они должны жить, с великим плачем и воем.

ПЛЕТЬ

Молодой, ложась спать, бил плетью свою молодую и потом вешал ту же плеть на стене в ознаменование его любви, ибо жены думали, что если мужья бьют их часто, то этим они доказывают к ним свою любовь, в противном случае они жаловались на своих мужей, говоря всем, что мужья разлюбили их.

ДАРЕНИЕ

В продолжение свадебного пиროвания дарили молодых, каждый соразмерно своему состоянию, разными вещами, которые укладывали потом в сундуки, и это составляло их приданое.

Русские матери чрезвычайно любят своих детей, говорит Петрей, а отцы более любят сыновей, нежели самых жен своих¹.

VI. СВАДЬБЫ ОКОЛО ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА ПО ИЗВЕСТИЮ ОЛЕАРИЯ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТЕПЕНИ РОДСТВА ДЛЯ ВСТУПАЮЩИХ В БРАК

Русские весьма строги в брачных союзах; всякому позволяется жениться на одной; вдовцу дозволялось жениться в другой и третий раз, но в четвертый никому не позволялось. Священник, венчавший кого-либо в четвертый раз, лишался своего сана. При вступлении в брак наблюдались родственные степени: два брата не могли жениться на одних сестрах, равно и на тех, с коими принимали детей от купели.

СВАДЬБА БЛАГОРОДНЫХ И СВАТОВСТВО

До совершения брака происходило сначала сватовство. Ни молодой человек, ни девушка не имели возможности видеться преждевременно, а тем более соглашаться о вступлении в брак – это было дело родителей. Отец взрослой дочери отправлялся в дом, где жених по его мыслям. Он говорил с ним, его родителями или его друзьями о своей невесте; хвалил ее и возбуждал в нем желание жениться на ней. Если предложение было принято, то желали наперед видеть в доме, его. Он сначала

¹ *Petrejus. Historien und Berichte von dem Grossfürstenthumb Muschcow*, с. 627–637, edit. Лейпциг, 1620. Петрей находился в России четыре года, в самые смутные ее времена, когда самозванцы, соседние враги и искатели русской короны терзали ее войнами. Он был сюда послан шведским королем Карлом IX вместе с предводителем войск Якобом Делагарди и участвовал в переговорах и политических делах со стороны своего правительства.

ла уклонялся, потом позволял посмотреть только матери и ее знакомым. Если не находили недостатки: не была слепая, или хромоногая, – то договаривались о приданом.

Люди, сколько-нибудь значительные, воспитывали своих дочерей в запертых теремах и скрывали их от людей, потому жених мог видеть свою невесту, когда он принимал ее в своей спальне. По этой причине часто происходили обманы: вместо пригожей давали дурную или уродливую; вместо дочери боярской – какую-нибудь девку. Такие примеры бывали и между знатными людьми, посему неудивительно, что мужья жили с женами, как кошка с собакой, и их крепко били.

При княжеских и боярских свадьбах наблюдали следующие обряды: со стороны жениха и невесты назначались по одной свахе, которые всем распоряжались в том доме, где игралась свадьба. Сваха невесты отправлялась в день свадьбы в дом жениха и приготавливала там брачную постель; за свахой несли на головах около ста лакеев, одетых в кафтаны, все те вещи, которые принадлежали к постели и украшению спальни. Постель слали на 40 ржаных снопах, заранее приготовленных женихом; возле постели ставили кадь с пшеницей, ячменем и овсом.

ЧЕСАНИЕ ГОЛОВ МОЛОДЫМ И ОБМЕН КОЛЕЦ

По окончании всех приготовлений жених отправлялся вечером с своими дружками в доме невесты; с ним ехал священник, который должен был венчать. Дружки невесты принимали жениха с его дружками весьма ласково; старших или ближайших дружек сажали за стол, на коем ставили три кушанья, но их, однако, никто не трогал. На первом месте сидел мальчик; подле него жених, который, постояв несколько минут, советовался с своими дружками о занятии им своего места; потом он сводил его учтиво с места и сам садился. После приводили невесту, закутанную в дорогое платье, сажали ее подле жениха; но чтобы никто из них не видел друг друга,

то два мальчика держали между ними красную тафту. Сваха расчесывала волосы невесты, распускала их по плечам; потом плела в две косы, надевала на голову венок (должно быть, кичу) и открывала лицо. Венок делался из плющеного золота или серебра и подбивался материей; по краям его висели, близ ушей, четыре, шесть и более жемчужных ниток, которые ниспадали на грудь. Платье невесты и рукава ее рубашки, которые бывали около трех аршин шириною, и воротник вышивались жемчугом. Такое платье стоило более одной тысячи талеров¹. Башмаки делались с подборами, вышиною около четверти локтя, что едва можно было ходить; иные носили сапоги. Другая сваха чесала голову жениху, между тем прочие женщины, став на скамьи, пели веселые песни. После приходило двое молодых подружьев (?efellen), одетых весьма хорошо, и приносили на подносе: соболи, сыр и хлеб; последний назывался караваем. Священник благословлял сыр и каравай, который несли потом в церковь. На стол ставили серебряное блюдо, на коем лежали атлас, тафта, гладкие четверугольные деньги, хмель, ячмень и овес. Сваха закрывала невесту и осыпала бояр и всех гостей теми вещами, какие были положены на блюде; они подбирали с земли атлас и деньги, если хотели, между тем в то же самое время пелись песни. Родители молодых, встав с своих мест, разменивали кольца у молодых.

После сих обрядов сваха сажала невесту в сани, покрывала ее фатой и ехала с невестой в церковь. Запряженную лошадь в сани и хомут обшивали лисьими хвостами. Жених с своими дружками и священником ехал за невестою верхом; подле саней шли дружки и прислуга, и все пели веселье песни.

ВЕНЧАНИЕ

То место в церкви, на коем совершалось венчание, застилалось красной тафтою, а под ноги молодых слали особую ткань. Пред венчанием подносили священнику пироги и пере-

¹ Талер по нынешнему курсу около 94 коп. сер.

печь, а над головами молодых держали большие иконы. Священник, благословив их, брал жениха за правую руку, а невесту за левую и спрашивал у них по три раза: любят ли они друг друга и будут ли взаимно уважать? После троекратного «да», он водил их вокруг наложия и пел: Исаия, ликуй... Потом клал им на головы венцы <...> и говорил: *раститесь и множитесь*; затем соединял их и произносил: что «Бог соединяет, того человеку не расторгнуть». Присутствующие зажигали в церкви небольшие восковые свечи; священнику подавали деревянную позолоченную чашу или стеклянный бокал с красным вином: он пил за здоровье новобрачных, которые в свою очередь пили три раза. Потом жених бросал на землю сосуд и топтал его с невестой, говоря: так должны погибнуть те, которые захотят поселить между нами раздор и несогласие. Женщины обсыпали новобрачных льняным и конопляным семенем и желали им счастья. Некоторые дергали невесту за платье, показывая вид, будто они хотят увести ее, но молодые держались друг за друга. После жених, проводив свою невесту до саней, сел на свою лошадь; возле саней несли шесть восковых светильников, а поезжаные пели всякие песни.

ПИРОВАНИЕ И ОТПРАВЛЕНИЕ МОЛОДОГО В СЕННИК

По прибытии в дом жениха, гости сели с молодым за стол: тут они ели, пили и веселились, а невесту между тем раздевали и клали в постель. Лишь только молодой начал есть, тотчас требовали его к невесте. Путь ему освещали впереди шесть или восемь мальчиков зажженными факелами. Молодая, услышав о его приближении, вставала и, накинув на себе соборную шубу, приветствовала дорогого гостя наклоном головы. Мальчики втыкали горящие факелы в кадь с пшеницей и ячменем и получали за то в подарок по паре соборей и уходили. Жених сел с невестой за накрытый стол, которую только теперь он мог видеть в лицо. Им подавали кушанье и между прочим жареного петуха; моло-

дой разрывал его на части, брал крыло или ногу, бросал через себя и потом ел. После непродолжительного ужина молодые ложились в постель; за дверьми оставался только старый служитель, который расхаживал взад и вперед. Между тем родители и знакомые обеих сторон гадали и ворожили о счастье молодых. Служитель спустя несколько времени спрашивал: свершилось ли дело? Молодой отвечал: уже. Тотчас раздавались трубы и литавры, и все предавались радости.

МЫЛЬНЯ НОВОБРАЧНЫХ

Вскоре после этого молодые отправлялись в отдельные мыльни; тут их мыли водой, смешанной с медом и вином. После бани юная жена дарила своего молодого мыльной сорочкою, коей воротник бывал унизан жемчугом, и новым дорогим платьем.

ВЕСЕЛЬЕ

Следующие два дня проводили в роскошных угощениях; тут играла музыка, танцевали и веселились, как только можно. На сих-то пирах, когда мужа порядочно подгуливали, жены находили случай позабавиться с посторонними мужчинами...

СВАДЬБА ПРОСТОГО СОСЛОВИЯ И ГОРОЖАН

Во время свадьбы простого сословия или горожан жених посылал невесте за день до ее свадьбы: новое платье, шапку, пару сапог, ящичек с румянами, гребень и зеркало. В день свадьбы приходил священник с серебряным крестом; два мальчика освещали ему путь восковыми свечами. Он благословлял сначала мальчиков, потом гостей; молодые садились за стол, и между ними держали красную ткань. Когда сваха убирала невесту, тогда молодая и молодой смотрели в зеркало, и оба любовались собою. Потом сваха осыпала их и гостей

хмелем. Затем все отправлялись в церковь, где совершалось венчание прежним порядком.

По вступлении в брак, жены содержались взаперти: они никакие не посещали общества, никого не принимали к себе из своих знакомых и сами их не посещали¹.

VII. ИЗМЕНЕНИЕ СВАДЕБ

ВЫШЕДШИЕ ИЗ ОБЫЧАЯ МНОГИЕ ОБРЯДЫ

Обряд свадеб боярских, дворян и простого звания был весьма долгое время единообразно общий и отличался только пышностью поезда и *княженецким пиром*; свадебное же веселье заключалось более в одних угощениях, ибо ни танцев, ни музыки тогда не знали еще. Не ранее половины XVII века появились музыкальные забавы, и то при дворе. Правда, в

¹ *Олеар*. Offt begehrte Beschreibung der Neuen Orientalischen Reise, с. 137–141. ed. Лейпц., 1647.

Позаимствованные свадьбы из Петрея и Олеария наполнены во многих местах странностями, которые, конечно, должно приписать неверности взгляда самых самовидцев; но во всяком случае их описание любопытное. Никто не должен осуждать нравы предков, ибо что в их время было приличным, то теперь оно смешно и даже может быть неблагопристойным. На все свое время. Если мы удивляемся многим странностям, описанным Петреем и Олеарием, а этому прошло более 200 лет, то что скажут о наших нравах по истечении стольких же лет? Вероятно, многое будет осуждено, и то, что мы считали утонченным, светскостью и изысканностью, не будет ли предметом посмеяния? Потомки наши будут удивляться: как мы не могли видеть своих слабостей и недостатков и не могли исправить их! Так и мы судим о своих предках. Мы могли увлекаться некоторыми вещами, предаваться многим постыдным увеселениям и забавам, и между ними преимущественно картежной игре! Нет сомнения, что последняя забава будет более всего осмеяна, а с нею и мы! Неужели наш век осужден на изучение одних карт? Неужели самое образование сосредоточилось в картах? На самом деле, это так. От ученого до школьника, от знатного до очаровательной невинности – все погружено в изыскание картежной премудрости. Горе нам! Но еще больше горя, что доселе не подумаем, в какие мы впали ошибки и какие истекают отсюда пороки, например: страсть к игре, которая сокращает нашу жизнь, потому что она вся проходит в картах.

половине XVI века встречаются гусельники и гудочники; но они веселили простой народ по праздникам. Когда Петр I ввел почти во все забавы музыку, тогда она появилась на свадьбах. В царствование Елисаветы изменились свадьбы еще более, а ныне дворянство и простое сословие отправляет их совершенно отдельно. Дворянство, особенно живущее в столицах и больших городах, заимствуя иностранные обыкновения, отчуждалось от своих отечественных, и тогда уже названия дружек, сватов, свах, князя и княгини уже исчезли. Вместо дружек ввелись шаферы. Венчание сопровождается пышным поездом, а свадьба заменяется нередко бальной музыкою и роскошным вечерним угощением. Тут все пирующие пьют шампанское за здоровье молодых с провозглашением им счастья на многие лета. Музыка отвечает на поздравительное провозглашение тушем, и после угощения разъезжаются гости. Все роды танцев втеснились в брачное веселье. Польский занял первое место. Каравай, перепечь, жареный петух уже считаются простонародными. Каравай заменяли сахарными хлебами, украшаемыми цветами и плодами. Варенья, конфеты и шоколад вытеснили медовые напитки. Хожение молодых в баню и кушанье каши в постели совсем изгнаны из употребления. Благословение молодых иконою и хлебом-солью посаженным отцом и матерью еще в употреблении. Посыпание хмелем и деньгами, опаживание собоями, спанье в холодной комнате на ржаных снопах, оберегание новобрачной спальни дружкою, который целую ночь ездил верхом на лошади с обнаженной саблею, забыто во многих местах. Раздевание молодой в спальне в присутствии посаженной матери и некоторых подруг еще продолжается. В наше время уже считается неприличным, чтобы давать и свадебные пиры, называя это *купеческим разгулом*. По торжественном венчании съезжаются гости, как говорится, на одну чашку чая и потом разъезжаются. Это, однако, введено в недавнее только время. В хорошем обществе избегают утомительных свадебных веселий, и уже от воли молодых, чтобы взамен свадебного пира дать бал или обеденный

стол спустя несколько дней после свадьбы. Девичник, расплетание и заплетание косы, сопровождаемые пением песен, еще в употреблении в простом сословии. Надевание кики с фатою заменено между дворянами убираием головы цветами и венками и особым подвенечным покрывалом, а вместо цветного платья, в которое произвольно одевали молодую, ныне наряжают в белое, и весь наряд белый, от головы до ног. Подруги молодой одеваются тоже в белое платье, а голове украшают цветами. Жених, если он военный, бывает в своей форме; гражданские же одеваются по общепринятому обыкновению. Самое заплетание косы и уборка головы производится парикмахером за несколько часов до свадьбы, которая теперь по большей части происходит вечером. Венчание днем бывает весьма редко даже между купеческим сословием. В Петербурге обеды и пиры свадебные часто готовят по заказам.

Вообще, едва остались следы прежних свадеб между дворянством, и должно сказать к чести купеческого сословия, особенно простого, что оно бережет еще предания старины.

ВЫРАЖЕНИЕ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН

Простонародные свадьбы и свадебные песни, проникнутые сердечными излияниями чувств, выражают действие семейной радости или печальной разлуки. Тут каждое действие запечатлено особыми припевами и причитаниями. Сговор, девичник, расплетание косы, одевание и пр. напоминают каждой девушке будущую обязанность жены и хозяйки, счастливую и несчастливую ее жизнь, горесть и радость – одним словом, ей напоминают в жалобных песнях потерю счастливой ее состояния, когда она, бывало, лелеялась под крылом нежной матери; оставление ею родимого дома, отъезда в дальнюю сторону, которая в наших песнях называется *чужою*, ибо в старину оставить родительский дом значило жить на чужой стороне, – все это было для невесты не свое, не родное. Самый жених, который в свадебных и хороводных

песнях величается *соболем*, а невеста – *черною кунью* или *куницею*, был для нее *сужденый* или *суженый*, потому что он назначался родителями. Тогда же вошло в поговорку: *суженного конем не объедеши*, ибо кого избирали родители, тот был для нее уже не одним суженым, но и назначенным судьбою, и невеста не могла думать иначе, говоря: *такова моя судьба!* Самый обряд венчания назывался в старину *Божьим судом*. Это видно из самых свадебных песен: например:

Иванов конь резов (резвый),
 Машеньку везет,
 Ко Божьему суду,
 Ко золотому венцу.

Или:

Я возьму тебя по праву руку,
 Поведу тебя к суду Божьему,
 К суду Божьему, к золотому венцу,
 От злата венца к себе на двор.

Иные думают, что *куничное* и *куница*, употребляемые в старинных свадебных песнях, происходит от норманнского слова *копа* или *кипа*, означающее женщину. Но почему куничное или куница обращено в символическое значение женщины – не объяснено словопроизводителями. Им хотелось только показать, что они знают норманнское слово *копа*, не имеющего никакого смысла с куничным. У литовцев и даже во всей Европе было долгое время известно *cupagium*, и оно означало окуп за девицу. Последнее значение более всего ближе к той истине, что за невест платили прежде, а это значило, что их приобретали покупкою. У нас было в обычае еще в начале X века, что каждый молодой вносил подать за свою невесту *по черной куни*, и это делалось им для того, чтобы освободить новобрачную проводить первую ночь с своим господином, следовательно, куничное или куница означало окуп за невесту. В Литве и Малороссии был обычай наказывать девиц, нарушивших

целомудрие: их сажали при дверях приходской церкви на железной цепи. Эти цепи в Литве назывались *куницами* и *кунами*, а в Малороссии – *кандалами*, но и этот обряд с значением куничным никакого не имеет сходства.

Самые древние свадебные песни, какие дошли до нас, суть не ранее XVII века, по крайней мере, древнее их не знаем. Упоминаемые в них *ладо*, *тур* и *лели*, обращенные потом в *люли*, суть припевы, а не имена языческих славянских божеств, как многие об этом думали и доселе утверждают некоторые приверженцы старинных припевов.

ОБРЯД ПРОСТОНАРОДНОЙ СВАДЬБЫ ДО КОНЦА XVIII ВЕКА

Простонародные свадьбы совершались до конца XVIII века, почти как в старину¹. Накануне венчания приглашался в дом жениха семи- или шестилетний мальчик для укладки вещей в ларчик, купленных для невесты, и в тот же вечер жених отвозил ей подарок, который состоял из башмаков, серег, опахала, пряжки, белил, румян, перчаток, иголок, ниток и ножниц. В тот самый день готовили баню для жениха и невесты: они ходили отдельно с своими знакомыми, последние разглашали о предстоящей свадьбе. От хождения молодых в баню вошло в поговорку: *по рукам да в баню*. При праздновании девичника садился жених с невестой на мохнатой шубе для изгнания чар и порчи. На другой день пред поездом в церковь тот же мальчик или брат с невестинной стороны обувал невесту в башмаки и продавал ее косу за гривну золотую. Чем дороже она продавалась, тем более было чести для невесты. Косу хранили родные, а иногда сама невеста, которая при виде своей косы всегда вспоминала о девической своей радости с горькими слезами. Расстаться девушке с ко-
сою значило расстаться с своей свободой.

¹ Это подтверждается, кроме приведенных примеров из Кошихина, Петрея и Олеария, еще иностранными самовидцами XVIII в.: *Philips*. The Russian catechism, изд. 1725 г.; *King*. The rite and ceremonies of the greek church in Russia, с. 228–252.

Перед поездом в церковь садился жених с невестой рядом на какой-либо мех; свахи чесали им головы, обмакивая гребень в мед или в вино, которое держал нарочный в ковше. Потом осыпали их осыпалом, т. е. деньгами, хмелем и зернистым хлебом; тут бывали брачные свечи, весом иногда по пуду; их зажигали богоявленской свечью. В церковь возили с собою вино в склянице, которое священник давал пить жениху и невесте; за третьим разом жених разбивал скляницу об пол и топтал ее ногою. В церкви во время венчания подстилали молодым под ноги камку или ковер, а поверх их соболи, куницы или другой какой-либо мех. После венчания молодой должен был взять за руку свою молодую и весть ее к иконам, не отпуская ее руки, иначе вечное будет между ними несогласие. Если при венчании не надевали венца на голову невесты по причине ее головного убора или кто-либо из дружек только держал венец над ее головою, то замечали, что тот брак будет несчастлив и жена непременно будет иметь многих мужей и любовников. Кто же из молодых первым ступал на ковер, подстилаемый под ноги, тот будет иметь власть во всем доме. По этому предрассудку каждый из молодых старался стать прежде на ковер, и без ссоры выходила ссора.

При входе невесты в дом жениха ее встречали тесть и теща с благословением и хлебом-солью. Она же с своим молодым падала им в ноги три раза; их столько же раз поднимали и потом сажали на почетное место и угощали. Гости пели радостные песни, величали князем и княгинею. После шумной веселости раздавались иногда нескромные песни.

Город Торопец (Псковской губ.) кажется отличался особым нарушением приличия. Там жених и все его домашние нарочно приглашали девок, чтобы встретить невесту, когда она входила в дом жениха, таким образом: девки, стоя на крыльце, приветствовали ее: *нам чил бы Василисчишка, во трех шубах! Ажно она беременна. Ты несешь ли люлечку? Ты ведешь ли нянечку? Оглянись-ка ты назад, полюбовники стоят, да по грамотке держат*¹.

¹ Чулков. Абевега русск. суевер., с. 46, изд. 1786 г.

Новобрачных вводили в свадебную комнату при пении; их сажали под образами за дубовым столом, покрытым браными скатертями¹, после потчевали их медом и перепечью; гости предавались во весь день веселостям и угощались дружкою и свахою. Потом открывали обеденный стол, на коем между многими хлебами, калачами, перепечью, медовыми и слоеными пирогами стоял богатый каравай. Когда подавали на стол жаркое, тогда дружка, обернув блюдо с жарким, калачом и солонкою верхней скатертью, относил в сенник и ставил на столе у постели. По разрезывании каравая подносили первый кусок молодым с чаркою вина и потом уводили их в холодный сенник. Пирующие оставались в свадебной комнате и продолжали петь и плясать под звук труб и бубен, а иногда органов и волынки, до самого рассвета.

В головах постели ставили брачные свечи, воткнув их в кадь с пшеницею, которую не снимали в продолжение всего года. Сенник приготавлился с особыми обрядами: по всем четырем стенам покоя вешали образа, а в головах постели, над окнами и дверьми, ставили по *воздвизальному* кресту; по четырем углам втыкали по стреле, на ней по соболю или кунице; недостаточные же вешали простые меха и втыкали по калачу; на лавках расставляли по углам оловянки с медом.

Отец посаженный сдавал новобрачную в дверях сенника нареченному ее мужу и говорил: *иди на дело благословенное*.

Молодой садился на постель, а молодая снимала с него сапог; в то время он бил ее три раза по спине плетью. Тысяцкая, надев на себя две шубы, одну как должно, а другую навыворот, осыпала молодых осыпалом и кормила их жарким на постели. Во всю ночь ездил дружка на коне около сенника с обнаженной саблею. Поутру приходили свахи, тысяцкая и дружка, чтобы разбудить молодых, и поднимали одеяло стрелю. В случае нецеломудрия невесты тогда подносили ее матери стакан со скважиною, наполненный пивом или медом.

---

¹ *Браными* значило хорошо убранными или украшенными искусной работою, которыми застилались столы в большие праздники и радостные дни (свадьбы).

Когда мать брала стакан в руки, тогда питье текло через скважину, которую сваха, прижав пальцем, скрывала от всех... Благополучных молодых водили в мыльню; после их кормили в постели кашею; молодая дарила своих гостей платочками, лентами, полотенцами и плодами. Когда молодой находился с своею женою в мыльне, тогда теща присылала ему новое платье в подарок. Родные новобрачных делали от их имени обед для знакомых, которые взаимно угощали их, и таким образом протекала вся неделя на *радостях*. Первый месяц новобрачных именовался *медовым*, и это название произошло от того, что молодых потчевали одним медом, угощали и веселили их. В наше время первый месяц молодых принят в превратном смысле, а потому любят поговорить на их счет.

VIII. ОЧЕРК НЫНЕШНИХ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВ

РАЗНООБРАЗИЕ СВАДЕБ

Невозможно начертить однообразного отправления простонародных свадеб, потому что они не только чрезмерно различны, но переменчивые, и это зависит от местных привычек и образа жизни. Сами песни, употребляемые при сватанье, сговорах, выходе замуж, женитьбе, осыпанию невест, подарках, прощании с родителями и т. п., не везде поются одинаково, но повсюду есть главные действующие лица: свахи, сваты и дружка. Ими затевается *доброе дело*, и ими оно оканчивается. Без них нельзя обойтись ни невесте, ни жениху.

Чтобы познакомить читателя с общим духом *радостей*, я счел не излишним слить их в представляемом здесь образце, который отнюдь не касается отдельной какой-либо местности или какого-нибудь края, но выражает общую мысль нынешних отправлений. Такое предварительное ознакомление казалось мне тем более необходимым, что я видел повсюду

разнообразие. Без общего взгляда нельзя объять вдруг много-различных свадеб, хотя в сущности и значении одинаковых, однако при совершении не сходных.

Лучшая пора для свадеб бывает осенью, после снятия хлеба, и зимой. Тогда в деревнях и городах веселье. Молодые обоего пола забавляются не одними играми и не в одних играх ищут своей радости, но в сердечных признаниях. Они как бы не любили друг друга, но без согласия родителей не могут приступить к важному делу. Родители, заметив взаимно любящих, долгое время ничего не говорят им, будто бы ничего не знают: они ожидают или их признания, или обрядных действий, особенно в тех случаях, когда со стороны кого-либо предвидится затруднение.

СВАТАНЬЕ

Сват или сваха берут на себя покончить дело. Если сваха отправляется за *добрым делом*, так называется сватанье, то обыкновенно со стороны девушки. Нарядившись как можно получше, она является в дом жениха с поклоном. Став на пороге, она молится образам, потом кланяется хозяину, хозяйке и ее сыну и, наконец, во все четыре стороны. Они давно знают, зачем пришла сваха, потому просят ее садиться и расспрашивают ее: откуда идет? издалека ли? – «Издалека, – отвечает она, – родимые мои; дороженька трудная, и я крепко поустанала. Зная наперед, что вы добрые люди, зашла к вам обогреться. Не прогневайтесь, без дела мне бы не идти. Я шла одинешенька, по черному лесу; тут бежал соболь и мне дороженьку перебежал и по той тропинке к вашей избушке довел меня. Иду со сторонунки дальней, не родной; но от родимых красной девицы. Изнывает ее сердечушко по добром молодце; она сохнет в одиночестве, будто травка на горячем песке. Полюбила красная душа-девица детинушку: и не мил ей Божий свет! Хоть жалей, сударь, не жалей, ответ-то надобно держать». Жених краснеет, на него посматривает сваха и продолжает: «Кормилец мой, батюшка! не кидается девица на цветное платье, ки-

дается девица на ясного сокола. Ты охоч, умная головушка, девушек сманивать; скажи, охоч ли девицу дарить, не рублем, не полтиною, а своим дорогим словцом? Ты скажи, на что прельстился? с кем тебе век вековать? Я порадуюсь радостью подле суженого, подле суженого, подле ряженого, с родимую матушкою, с родимым батюшкою». Если жених не отвечает, то мать его говорит: «Дитя мое, дитятко, дитя милое! не напрасно ты расчесывал свои кудри черные перед зеркальцем хрустальным! Не напрасно умывался ранешенько ключевой холодной водицей! Станет ли их завивати красная девица, аль нет, совет да любовь надобен тебе. Развиваются кудри от тоски и от кручинушки, от веселья и от радости. Тебе с суженою не час часовати, ни год годовати, тебе красную девицу не вспоминати, а век с нею вековати; вековати с женою». Сын отвечает: «Уж про то благословение Божие, да ваше, батюшка и матушка, чтобы венцы золотые положить».

После простодушных с обеих сторон разговоров подносят свахе чарочку зеленого, с честью и любовью, пьют за здоровье друг друга, и когда сойдутся между собою в условиях на бракосочетание и приданое, тогда отец и мать избирают со своей стороны свата для окончательных переговоров с родителями невесты.

Сват одевается в новый армяк, подпоясывается красным поясом, надевает на голову щегольскую шляпу с кистью или пером павлиньим; шею обвязывает пестрым, преимущественно красным платком. Этот наряд больше горожан и жителей деревенских. Он отправляется в дом с посольством, сначала один. У дверей принимают его как незнакомого; он кланяется святым образам, потом хозяевам и, наконец, во все четыре стороны. «Здравствуй, хозяин с хозяйкой, – начинает он говорить первый, – с твоими детьми и твоей красною девицею. Ехал и заплутался: ночь темная и не месячная; тут засветился у вас во тереме огонек». «Родимый, – отвечает хозяин, – для добрых людей наша избушка, добро жаловать. Но кто ты, батюшка? Господин барин аль купец? Товары али какие везешь, и, знать, далече». Сват, поглаживая бороду и посма-

тривая на сторону, говорит: «Мы товары развозим, батюшка родимый, для праздников радостных, для девиц суженых. К тебе мы едем не гостить, не праздновать; но пиры подымати. Мы слышали, а про то нам сказывали добрые люди, у тебя, во высоком терему, живет красная пригожая. Она-то нам надобна. На то ль цветы растут, чтобы вянуть. На то ль во пиру ряжена, чтобы сердце кручинить?» Невеста не смеет поднять глаз, мать молчит. Обе в недоумении; не знают, что отвечать. Красная девица думает думу со своей родной матушкой. Смелый сват, угадывая их робкое молчание, продолжает: «Ростом он тонок и высок, лицом бел и румян; кудри русые по плечам лежат; брови дугой любовной свились; глаза ясные, соколиные; губы сахарные, поцелуйные, жениться велят. Не одиночествовать девушке – с милым дружкой ей жить». Мать отвечает: «О, сват мой, сватушка! весна цветет и расцветает по обычаю своему; и красе не всегда цвести, а отцвет ее наступает; не все матушке жити с дочкою, не все ее лелеяти: нам написана с нею разлука, и мне уже ею не любоватися и не красоватися: ею красоватися доброму молодцу. Девушка всему хорошо выучена: цветики сажать, яблоньки поливать, ткать, прясть и золотом узорика вышивать; давно лежат для нее в больших сундуках: атласы, бархаты, сарафаны самоцветные с пуговицами золотными, каменья, жемчуги и крупные зарукавица; полотна тонкие и дорогие, белы скатерти камчатны; пуховая постель, кисейное изголовьице со алыми бантиками; одеялицо соболиное и всякого разного цвета уборы запасные». «Не надобно нам, матушка сударыня, – отвечает сват, – ни каменьев дорогих, ни самоцветных платьев; надобно нам сговор величати». Хозяин в это время не принимает участия в их разговоре; он только слушает, но, видя, что жена соглашается на выдачу дочери замуж, велит подать на стол калачи, хлеб-соль и подносит первую рюмку свату, который, выпивая за здоровье всех их, желает невесте счастья и *богатства*. Потом, поговорив о сговоре, назначают время бракосочетания. Девица-невеста сидит и ничего не говорит; она уже знает своего суженого, или если не знает, то должна повиноваться воле

родителей, которые сами избирают ей мужа. Однако ныне и в деревнях девушки сами избирают себе женихов.

СГОВОР

После взаимных соглашений к свадебному приготовлению молодые обсылают друг друга подарками. Невеста посылает своему жениху шитую шелковыми узорами ширинку, а жених – ларчик с лентами, иглками и нитками, иногда с сурьмой (румянами), белилами и пр. Или жених в сопровождении свата, дружки и других своих знакомых, едет к невесте и сам дарит свою суженую и ее родителей золотой парчой: эти подарки по их сердцу, и тогда теща ласковая и тесть покладистый, ибо суженая-ряженая запоручена за поруки крепкие, вековые. Родные жениха съезжаются в дом невесты, и поруки довершаются сговором полюбовным. Свахи и сваты, участвующие здесь, усаживают всех за дубовые столы, крытые белым полотном; ставят на столы яства медовые, пряженые, перепечи, калачи, хлебы пшеничные, пироги с начинкой; сыту, мед, вино разноцветное: зеленое, травяное с кардамоном, шафраном, гвоздикой, с перцем, корицей, и пряники медовые, и орехи каленые. Гостеприимство увеличивает общую радость. Жених с невестой сидят рядом. Чарка круговая ухаживает гостей, а молодые посматривают друг на друга.

Сговор часто превращается в свадебное веселье. Там сваха и сваты хвалят богатое приданое и поют песни сговорные в честь молодых и родителей. При пении произносят имена тех, кому поют.

Не тесан терем, не тесан,
Только хорошо украшен,
Разными красками расщечен.
Не учен Лука, не учен Иванович,
Только хорошо снаряжен.
Снаряжала его матушка,
Отпустила в гости к тещеньке.

Зелен сосенка желтый цвет!
Почто тебя, Лука, дома нет?
Почто тебя, Иванович, дома нет?
Ждала я тебя день, ждала другой,
Не бывал! – Писала бы письмо, не умею.
Послала б посла, не смею.
Сама б я пошла, стыжуся;
Роднова батюшки боюся,
И родной матушки.

Ты зоря ль моя, зорюшка,
Ты душа ль моя, Прасковьюшка,
Ты душа ль моя, Андреевна,
Городом пришла зарею,
Ко двору пришла тучею,
Вдарила в ворота бурею,
Пустила по двору сильный дождь;
Сама поплыла уткую,
На крыльцо взошла павою,
Во новы сени лебедем,
Садилась за столом с молодцом,
Махнула платком во терем.

Вы раздайтеся, бояре,
Расступитеся, дворяне!
Чем меня батюшка жалует?
Не большим даром – теремом.
Чем меня матушка жалует?
Ведь большим – женихом.
Вековым дружкой Лукой,
Вековым дружкой Ивановичем.

Пение сговорных песен сопровождается иногда пирующими гостями. Воспевая любовь двух молодых, касаются часто, как сначала полюбились молодые.

Не ходить было Прасковьюшке,
Не ходить было Андреевне,

На широкий двор гулять,
В хороводы играть.
Не смотреть было Прасковьюшке,
Не смотреть было Андреевне
На молодых молодцов,
На молодых изнаряженных.
Приглянулся Прасковьюшке,
Приглянулся душе Андреевне,
Молодой молодец,
Молодой изнаряженной
Лука сударь Иванович,
Не хочет с ним расстаться,
Но хочет нас оставить, –
Позабывши батюшку и матушку.

Жених боится, чтобы не вывели его любовных похождения, обыкновенно превращаемых в иносказания.

Летал соловьюшка
По зеленому по кустарничку,
По чистому по березничку;
Залетал соловьюшка
На веточку, не ведаючи.
Уж та ль веточка приманчивая,
Уж та ль зеленая прилюбчивая,
Соловью показалася,
Громкому понравилася,
Не хочет с ней и расстаться.

Гулял Лука господин,
Лука сударь Иванович
По чистому полю, по зеленому,
По зеленому, по широкому.
Загулял, господин Лука,
Лука сударь Иванович,
К Ефиму в дом не знаючи,
К Гавриловичу не прошучи.
Смотрел на девицу красную

Прасковьюшку душу Андреевну.
Уж она ль, свет Андреевна,
Хороша, пригожа уродилася,
Не может с ней расстатися,
А хочет с ней обвенчатися.

Хваля прелести, красоту и доброту невесты, не забывают напомнить ее отцу, что гости недаром к нему собрались: гости ряженые, в бархатных кафтанах и золоченых сарафанах, с поездом большим и конями многими.

У Андрея Петровича
Новые сени разрешетилися,
Новые крылечки повесилися.
Что из тех ли, из новых сеней
Вылетала пташечка, перепелочка,
Перепелочка, свет Прасковьюшка,
Златокрылая Андреевна.
Как навстречу ей идет
Батюшка родимой,
Андрей Петрович;
Идет, сам приговаривает:
Ты зачем рано вон вылетаешь?
Вон вылетаешь из высокого терема,
Из высокого терема, из косящета окошечка!

Ответ держит Прасковьюшка,
Свет Андреевна:

Не сама я вылетаю,
Не своюю я охотою:
Выдает меня, сударь батюшка,
Снаряжает родна матушка,
К чужому отцу, к матери,
К чужому роду, племени.

Всякий сговор есть начало свадьбы. После него молодые имеют право видаться между собою чаще. На сговоре, или, как в

других местах называют, на помолвке, надобно всем веселиться, чтобы не приключились несчастья молодым, а потому сваха и сваты не жалеют ни яств, ни кушанья: то и дело что потчевают.

ПОЕЗЖАНЕ

Когда сговор закончился весело и благополучно, тогда составляются *поезжаные* и разезды. Сваха и сват со своими дружками ездят по соседям просить их на *радость великую*, и редкий дом, который выпустит их не угостивши. Чаще случается, что сам жених в сопровождении дружки, тысяцкого и бояр ездит просить на свадьбу. Он обыкновенно бывает одет в новое платье; шапка его перевивается разноцветной лентой, а у прочих на шапке ленточный цветочек или прикалывают просто ленты, которые раздаются со стороны жениха. Также поступает невеста: она со своими дружками, тысяцкой и боярынями разезжает по знакомым в нарядной одежде и просит их на празднество: ее дарят, кто чем богат, и угощают медом и водочкой. Они ездят на повозках, которые бывают разрисованы разными красками: зеленой, голубой, синей и красной; сбруя лошадей вычищенная или новая. Сопутствующие в поезде невесты и жениха называются *поезжаными*. В дружки избираются лучшие друзья и приятели жениха; тысяцкие и бояре составляют свиту молодых: чем она многочисленнее, тем более чести и уважения для молодых. Хотя вся деревня или город знают про свадьбу, но никто не явится на нее без приглашения: так заведено испокон века. К празднеству приглашают, смотря по состоянию, гудочников, скрипача, литаврщиков с бубнами и басом. О, тогда веселье неумолкаемое: скачут и пляшут до упаду, кто как горазд.

По приглашении соседей готовится со стороны жениха свадебный пир, а со стороны невесты готовят приданое. Подруги собираются к невесте, чтобы укладывать в сундуки ее приданое, и поют:

Яблочко в саду растет,
Наливное на веточке.

А кто ж у нас яблочко?
А кто ж у нас наливное?

Ой ляли, ляли,
Наливное яблочко!

Яблочко Прасковьюшка,
Ой свет Андреевна!
Как за Прасковьюшкой батюшка
Дает приданого:
Гусака чубарого,
Да и гусыню серую,
Да и коня с конюшни,
Да и село с поместьями.
Государь ты, мой батюшка!
Как гусак еда моя,
Как конь гульба моя,

Ой ляли, ляли
Село со поместьями!

ДЕВИЧНИК

Нередко в тот самый день бывает девичник, который всегда совершается вечером, накануне свадьбы. Как при свадебных обрядах, так и на девичнике поются особые песни и причитания, выражающие расставание невесты со своей свободой. Девушки собираются в избу невесты в нарядных платьях. После взаимных приветствий нечувствительно завязывается разговор о предстоящем празднестве. Если замечают, что невеста печальна или уже в слезах, то стараются утешить ее: уговаривают и ласкают. Потом рассматривают ее уборы, примеряют к ней и хвалят их. Когда смеркнется, тогда зажигают несколько свечей и ставят их на столе, покрытом браною скатертью; после приносят хлеб-соль и каравай. Хлебом-солью напоминают, что отец и мать давно ее благословили на *доброе дело*, а караваем – что свадьба уже готова. Невесту сажают на

возвышенное место; подруги делают около нее круг; одна из них, избранная в *причитальщицы*, для произношения припевов, покрывает голову невесты фатою и причитаньями своими напоминает всем, что *Парасковьюшка* оставляет веселый их круг и навсегда расстается с ними и с девической радостью. Невеста и подруга плачут. Нет правил для девичника: иногда все девушки поют причитальную песнь, а иногда одна причитальщица, и тогда ей отвечают за невесту. Некоторые из песен на девичнике весьма трогательны. Причитальщица поет:

Свет ты, моя волюшка,
Свет ты, моя негушка,
У родимой матушки!
Куда-то свою волюшку
Мне пустить будет?
Пущу я мою волюшку
Во чистое поле,
Во темной лес.
Во темном лесе она заплутается.
Нет, пущу я мою волюшку
По милым подруженькам.
Покрасуйтесь, подруженьки,
Покрасуйтесь, любезные,
Поколь вы у батюшки!
Поколь вы у матушки!
А я горькая, горемычная,
Я уже открасовалась,
Отшутила я с вами
Все шутки шуточные.

На слова причитальщицы отвечают:

Не кличь, не кличь, лебедушка,
Не кличь во поле белая!
Не плачь, не тужи, Парасковьюшка,
Не плачь, не грусти, душа Андреевна!
По батюшке и по матушке,
По громком соловью во саду!

Как свекор ли батюшка
К тебе будет милостив,
Как свекровь ли матушка,
К тебе будет милостива.
Лука сударь Иванович
У тебя соловей во саду,
Во высоком терему,
Во высоком изукрашенном.
Денечек он кричит,
И всю ноченьку поет.
Тебя ли, Прасковьюшку,
Тебя ли, свет Андреевну,
Забавляет, утешает,
Спать долго не мешает,
К обедням разбужает.

РАСЧЕСЫВАНИЕ КОСЫ

По снятии фаты расчесывают волосы гребнем; потом одна из девушек, расплетая косу, поет:

Коса моя, косынька;
Коса дорогая, русая, золотая!

Девушка, помогающая расплетанию, отвечает:

Рано тебя расплетати,
И в дальний путь,
В дальний снаряжати!

Когда расчешут голову и приступят к заплетанию косы, тогда невеста поет протяжно и с плачем:

Не жаль мне золота,
Не жаль чистого серебра,
Жаль одного:
Девичьей красы русой косы.

Ей отвечает одна из подруг:

Не плачь, не плачь, душа Прасковьюшка,
Красных девушек не кручини!
Не слези лице белое,
Рученок не ломай!
Не век нам девовати,
И волюшку распевати.

Расплетание косы всегда сопровождается горестными воспоминаниями. Когда заплетают косу, тогда поют:

Свет ты, коса моя, русая;
Свет ты, мой шелковой косник!
Плети ты, моя невестушка,
Плети косу мелко-намелко,
Вяжи узлы крепко-накрепко!

Заплетание косы происходит с изысканностью: волосок подбирают к волоску; переплетают и перевязывают осторожно черными шнурочками, потом плетут в один ряд. В то время приезжает со стороны жениха брат, сваха или кто другой, чтобы купить косу.

Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан.
Не входи, родимушка,
Попусту в изьян!
Рано мою косыньку
На две расплетать.
Прикажи мне русую
В ленту убирать!
Пушай непокрытая
Шелковой фатой
Очи молодецкие
Веселит собой!
То ли житье девичье,
Чтоб его менять,

Торопиться замужем,
Охоть да вздыхать?
Золотая волюшка
Мне милей всего!
Не хочу я с волюшкой
В свете ничего!

«Дитя мое дитятко!
Дочка милая!
Головка победная,
Неразумная!
Не век тебе пташечкой
Звонкой распевать.
Легкокрылой бабочкой
По цветам порхать!
Поблекнут на щеченьках
Маковы цветы...
Прискучат забавушки.
Стоскуешься ты!
А мы – и при старости
Себя веселим:
Младость вспоминаючи,
На детей глядим:
И я молодешенька,
Была такова;
И мне те же в девушках
Пелися слова!»

Эта самая песнь поется часто на девичниках в самом лучшем круге. Тогда невеста не на шутку припоминает себе, что она навсегда расстается с девической свободой и со всеми заманчивыми ее прелестями.

Брат невесты, которого место заступает часто девушка, торгуется с ним за косу. На покупку косы поют:

Не трубушка трубила рано на заре,
Свет девица плакала по русой косе:
Вечер мою косыньку перевили,

И жемчугом косыньку унизали,
Как Бог суди Луку Ивановича,
Прислал ко мне сваху немилостиву,
Учала мою косыньку рвать, порывати,
И золото с косыньки обрывати,
И жемчуг с русья рассыпати.

Покупающий косу стоит у двери и кланяется; он уже идет за косою, но девушки останавливают его; невеста плачет и рыдает. Она обращается к своему брату, умоляет его защитить ее и не продавать ее косы, а если продать, то уже продать дорого. Девушки поют:

Братец, постарайся,
Братец, поломайся,
Не продавай сестру
Ни за рубль, ни за золото.

Брат поет один:

Брату мила сестра,
А золото милей.

Все девушки:

Братец Татарин,
Продав сестру за талер,
Русу косу за полтину.

В червонной России поют:

Ой Татар братчик,
Татар, продав сестру за талар,
Русу косу за шостак,
Быле лычко за такой так.
Видсунся брате вид сестры,
Сяде ближнийший нижлы ты.

ВЫДАЧА НЕВЕСТЫ

Купивший косу подходит к невесте, берет ее за косу, а в знак того, что она уже продана, кладет деньги на стол, а брат выдает свою сестру.

Как вечер канарейка
Да громко щекотала.
По утру рано
Не слышать ее стало,
Щекотать перестала.
Знать, что к нашей канарейке
Соколы прилетали
И с собой ее взяли,
Соколу в руки дали,
Молодому вручали:
Ты владей, владей, сокол,
Нашей канареечкой;
Не давай ее в обиду
Ты ни ласточкам, ни касаточкам,
Ни молоденьким пташечкам.
Да вечер, свет Прасковьюшка,
Да громко говорила;
Поутру ли рано,
Не слышать ее стало,
Говорить перестала.
Знать, что к нашей Прасковьюшке
Да бояре приезжали
И с собой ее взяли,
Молодцу в руки дали,
Молодому вручали:
Ты владей, владей, Лука,
Еще нашей Прасковьюшкой
Андреевной душою,
Не давай ее в обиду
Ты ни свекору, ни свекрови,
Ни деверям, ни золовушкам;
Ты давай выспаться ей
До девятого часу.

Выносят наряды невесты и ими любят. Потом сажают ее за дубовый стол и поют каравайную:

Уж как каравай
Для всей семьи годен!
Молодой княгине
Завтра кушать,
Молодому князю
Да княгиню любить.

В иных местах есть предубеждение, что если невеста накануне свадьбы отведаст каравай, то муж не будет любить ее. После каравайной песни поют еще многие другие, сообщаясь с духом невесты: веселая ли она или печальная? Мать невесты угощает девушек, и после угощения они расходятся по домам и на следующий день собираются поутру убирать невесту к венцу.

ОДЕВАНИЕ ПЕРЕД ВЕНЦОМ

Предвенечный убор сопровождается пением песен. Платье молодой обыкновенно бывает новое: сарафан парчовый, из-под которого нарочно выказывают рукава белой рубашки; башмаки цветные: красные или голубые; на груди монисто из кораллов красных или бисера разноцветного; в ушах серьги длинные с камнями, на пальцах кольца золотые; шелкова душегрейка поверх сарафана, и цветной пестрый платок; голова бывает перевита цветами. При поезде к венцу покрывают голову платком. Горожане из мещан и купцов заменили сарафаны цветными и длинными платьями, которые вовсе им не идут. Наш сарафан с кокошником и фатою – прелестный, восхитительный наряд!

Невесту сажают перед зеркалом на почетное место и одевают ее. Сколько тогда новых слез! Она сидит пригорюнившись, а подруги утешают. Вот она уже одета; она крепко задумалась и спрашивает своего брата: куда ее снаряжают?

Братец мой, братец,
Куда меня снаряжают?
    В дальнюю сторонушку:
    К чужому отцу, к чужой матери.
Мать моя матушка,
Как мне жить на чужой стороне?
    Дитя мое, дитяtko!
    Надо жить
    Умеючи,
    Разумеючи.

ПОЯВЛЕНИЕ ДРУЖКИ

Уже приехал дружка объявить, что пора ехать к венцу; но невеста в недоумении спрашивает свою родимую: что значит, что в поле пыльно, а на дворе поезжанные?

Матушка, что во поле пыльно?
Сударыня, что во поле пыльно?
    Дитяtko, кони разыгрались,
    Свет мое милое, кони разыгрались.
Матушка, на двор гости едут,
Сударыня, на двор гости едут.
    Дитяtko, не бойся, не выдам,
    Свет мой милое, не бойся, не выдам.
Матушка, на крылечко гости идут,
Сударыня, на крылечко гости идут.
    Дитяtko, не бойся, не выдам,
    Свет мое милое, не бойся, не выдам.
Матушка, в нову горницу идут,
Сударыня, в нову горницу идут.
    Дитяtko, не бойся, не выдам,
    Свет мое милое, не бойся, не выдам.
Матушка, за дубовый стол садятся,
Сударыня, за дубовый стол садятся.
    Дитяtko, не бойся, не выдам,
    Свет мое милое, не бойся, не выдам.

Матушка, образ со стены снимают,
Сударыня, образ со стены снимают.
Дитятко, не бойся, не выдам,
Свет мое милое, не бойся, не выдам.
Матушка, меня благословляют,
Сударыня, меня благословляют.
Дитятко! Господь Бог с тобою,
Свет мое милое, Господь Бог с тобою.

Брат ее берет образ, подает матери, которая благословляет свою дочь. Подруженьки провожают ее в церковь, а мать прощается:

– Прощай, родимо дитятко! Я поила, кормила, лелеяла свою душку, а на старость, на хворость ты покинула меня, бедную, горемычную, оставила сиротой.

Мать горько плачет, как будто зарывает дочь в могилу, и слезы с обеих сторон не притворные! С нею плачут и ее подруги. Надобно видеть, с каким сердечным соболезованием расстаются родные со своей дочерью, а девушки со своей подругой, несмотря, что все уверены в добром зяте. Семейная привязанность у них сильнее, нежели в другом каком-либо сословии.

ПОЕЗД К ВЕНЦУ И ВЕНЧАНИЕ

Поезд зависит от состояния молодых: чем они богаче, тем поезд пышнее. Достаточные окружают себя толпою услужников. Жениха величают князем, а невесту – *княгиней*. Князь бывает одет в кафтан багрецового сукна: шаровары на нем черные бархатные, рукавицы замшевые, сапоги юхтовые с оторочкой, шляпа с павлиньим пером, шея перевязана красным платочком; волосы подстрижены в кружок. Дружка и тысяцкий стараются одеться как можно пощеголеватее: на них кафтаны новые суконные, шляпы с цветком, часто как у самого жениха; красные отвороты рубашки нарочно выказываются вперед.

Князь и его спутники едут в церковь верхами, что не всегда случается; более отправляются на телегах или санях¹.

По прибытии в церковь посылают за невестой, которая немедленно приезжает со своими дружками и прочими спутницами.

Дружки подводят их к аналою, священник начинает обряд венчания. Над головами молодых дружки держат венцы. Считают неблагоприятным для супружества, если венцы держать над головами. Надобно, чтобы они лежали на головах. Если венец, для облегчения невесты, не накладывают на ее голову, то народ не считает такой брак действительным и предсказывает беду. Если над голову уронят венец, то верное несчастье. Под ноги молодых не подстилают ковра, но белое полотно, которое обращается потом в собственность попа.

Делают замечания по тем свечам, которые держат молодые: горят ли они ровно или с треском? плавут ли или нет? Если ровно, то жизнь будет спокойная; с треском – раздорная; плавут ли – одно горе; не плавут – муж будет тихий и верный. При благословении на супружество священник надевает им кольца и потом, связав руки белым полотном, водит около аналая. По совершении этого обряда он дает пить красное вино три раза; за последним разом жених иногда бросает на землю кубок (рюмку) и топчет его ногой. После венчания священник заставляя молодых целоваться в присутствии всего народа. Случалось видеть это и в столице, на купеческих свадьбах.

Родственники, друзья и знакомые поздравляют молодых и желают им счастья. Всякое движение их по выходе из церкви замечают и толкуют по-своему старухи и знахарки. Простодушные родители даже прибегают к их советам, прося, чтобы они так сделали, чтобы молодые вечно миловались и целовались. За самое лучшее и надежнейшее средство для супружеского согласия почитают замки, посему старухи кладут под порог дверей и в то время, как молодые переступят порог, тотчас поднимают замки и замыкают: ключ бросают в реку

---

¹ Если поезд молодых сопровождается небольшим дождем или только их смочит: то это к счастью, как вообще дождь означает благодать.

или колодец, чтобы муж и жена жили в любви. Жених возвращается с молодой в свой дом; там у дверей встречает сваха и осыпает зерновым хлебом и хмелем. По входе в избу благословляют их посаженные родители иконою и хлебом-солью. Молодые падают им в ноги три раза. В посаженные отцы избирают преимущественно известных высокой нравственностью и пользующихся всеобщим уважением.

УГОЩЕНИЕ

После благословения сажают молодых на первое место за стол, на котором давно лежат приготовленные пироги, калачи, сайки, ватрушки и пряные коврижки; вино, мед и пиво стоят в больших склянках. Молодых потчуют прежде, а там гостей, в числе которых бывает священник со своим причтом. Дружка и сваха заботятся об угощении. Спустя некоторое время открывают обед, который бывает довольно сытный и разнообразный: в числе их холодные, приправленные кореньями, щи и жаркое. Едят деревянными ложками, из муравленных чаш. Оловянные ложки встречаются у одних зажиточных. Жаркое, нарезанное кусками на деревянной тарелке, берут пальцами. При крестьянских столах поныне не употребляют тарелок и вилок, как бы не находя в них надобности. Недавно начали подавать полотенца для вытирания рук, а прежде обтирали их об полу и сапоги. Сидят на лавках вокруг стола, едят и пьют досыта, и та свадьба славная, где всего было вдоволь. В конце стола дружка разрезает каравай, и первый кусок подносит молодым, а другую часть несет в холодную спальню молодых и кладет под подушки. Другие оставляют в кадке с зерновым хлебом. Этот каравай едят молодые поутру. Та свадьба считается счастливой, на которой бьют посуду. Иные нарочно бьют тарелки, рюмки, чашки и стаканы¹. После обеда угощают оре-

---

¹ Бить в это время посуду или во время крестин и пирушек – хорошая примета. Это поверье выдуманно, как следует думать, для того, чтобы разбитые вещи не нарушали спокойствия и удовольствия хозяев, а с тем вместе не лишали бы веселости гостей.

хами, пряниками, коврижками, медовыми маковинами, яблоками, изюмом и сахаристыми закусками.

ВЕСЕЛИЕ

Когда гости поразгуляются, тогда появляются лицедеи и музыканты: первые в шутовских одеждах открывают пляску; вторые – музыку. Волынка и бубны раздаются неумолчно; гудок и флейта разносят свой звук по всей окрестности: свистят и пищат невыразимо отчаянно; но громогласное одобрение гуляющих ободряет продолжать свист и писк. Скрипач, который ни от кого не слышит себе похвал, бьет по струнам во все стороны: и пальцами, и руками, и режет смычком напрапалую. Все устают от плясок, но музыканты дерут! Вообще веселое расположение возбуждает во всех охоту к новым пляскам. Молодые и неробкие парни выходят из-за толпы; гости расступаются и дают им простор. Молодец, надев шапку набекрень, выходит на середину, расхаживает спесиво и посматривает на красных девиц. Одна, которая ему давно нравится, составляет предмет его поисков, – он ищет ее, он нашел ее здесь; подходит к ней и, сняв шапку правой рукой с важностью, просит наклоном головы начать с ним русскую. Выходит девица-душа; молодец первый начинает плясать. Подбоченьясь одной рукой, он пламенными телодвижениями выражает любовь свою: то манит к себе, то прижимает свою руку к груди, мысленно обнимает и расстается печально. Но вдруг он изменяется весь: веселится, скачет и забывает ее, – он манит другую красавицу – другую уже полюбил! Его девица-душа выходит вперед медленными шагами и с грустной душой: на ее лице тоска и горе, в движениях безнадежность. Она упрекает его в непостоянстве и, указывая на свое сердце, которое так долго любило неверного, уверяет его, что он и теперь ей дорог, – но он безмолвен! Она рисуется перед ним задумчивой картиной: то поднимает руки вверх, то опускает их со вздохом и, останувшись, подумав немного, складывает руки на груди и плывет с поникшей головою, словно горемычная лебедка, с

тяжелой кручинушкой; посматривает со вздохами и опускает голову. Однажды сердце любит, и она решаетеся это высказать ему: прикладывает еще раз руку к сердцу, показывает, как оно бьется и забилося только для него; напоминает ему, что он может полюбить другую, но не любит и той изменит. Кто раз изменил, тот изменяет всегда! Она закрывает лицо руками, плачет по своей любви и, как одинокая голубка, воркует с одним горем: для нее уже нет милого в свете. Опустив обе руки вдоль сарафана и склонив горемычную головку, она трепещет и доплывает с очаровательной задумчивостью до того места, где стоит ее молодец. Парень потряхивает черные свои кудри, выставляет ногу вперед и потом выходит ей навстречу; он прижимает ее с приветствием любовным; она – в неопишуемой радости! Она отвечает ему любовью, и оба, взявшись за руки, делают круг посередине и раскланиваются друг другу. Общее одобрение раздается повсюду. Вызывают других охотников еще пройти русскую. Невозможно описать этого народного танца: он постоянно изменяется самими пляшущими, которые разнообразят ее до бесконечности, потому что всякий выражает то, что у него на душе. После русской начинается разнородное веселье: скачут и поют, а музыканты играют без усталости. Веселье продолжается до полуночи.

УВОД МОЛОДЫХ В СЕННИК

Во время еще веселья уводят молодых в холодную комнату, а гости остаются пировать, нередко до рассвета. Новобрачных провожают сваха и сват; их кладут на ржаных снопах; в углах постели ставят, однако не повсюду, свечи, которые были на венчании: их ставят в кадки, наполненные пшеницей и рожью. Молодую раздевает сваха и одна из молодых женщин. Во всю ночь ездят дружка верхом на лошади вокруг сенника с обнаженной саблей. На утро приходят к молодым с поздравлениями: сваха, сват и дружка. Сваха, осмотрев белье невесты, объявляет о ее непорочности. После молодые отправляются в баню; потом кормят их кашей и жарким с караваем. В тот же

день молодые ходят на поклоны к своим родителям, которые угощают их по-домашнему. Сюда уже не приглашают посторонних: все свои, родные и родственники.

Верховая езда дружки, хождение в баню и кормление не везде теперь в обыкновении; однако некоторые поныне считают необходимым выполнение старинных обрядов.

СВАДЕБНЫЙ РАСХОД

Совершение свадьбы не только в больших городах, но и в деревнях обходится дорого. Угощение и приготовление веселья обходится не менее 50 рублей серебром, не считая подарков от невесты и жениха новым своим родственникам, друзьям, свахам, боярам и поезжанам, что обходится до 30 рублей серебром. Обыкновенные свадебные расходы не простираются менее 30 рублей серебром, а поселянину это чрезвычайно дорого, и все бы не казалось дорогим, если бы не были чрезмерные поборы священников за венчание.

IX. СВАДЬБА В ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

СВАТОВСТВО

В Псковской губернии, особенно в Торопце, заступают места сватов между зажиточными людьми нередко сами священники. Если жениху понравится девушка, то он объявляет об этом своему отцу, прося женить его. Отец просит священника своего прихода высватать понравившуюся ему девушку. Священник отправляется в дом невесты и заводит разговор: сначала о посторонних предметах, потом намекает отцу невесты, что он приехал посмотреть товар или что у него есть купец на их товар. Родители, понимая его речь, отвечают ему: мы, батюшка, теперь не поисправились или: мы, батюшка, те-

перь не исправны, нам надобно подумать; это дело вечное, а не часовое. Мы поговорим и посоветуемся с нашими родными и спросим согласия нашей дочери. Невеста, как бы ни любила жениха, и самые ее родители, сколько бы ни желали объявить свое согласие с первого раза, но по заведенному исстари обыкновению откладывают дело на несколько дней, чтобы лучше обдумать и не обидеть своих родственников, не спросясь у них, хоть из приличия, их совета. Священника потчуют вином или угощают чашкою кофе и чаю и просят его приехать за ответом в назначенный ими день. Обо всем этом он дает знать родителям жениха. В определенный день приезжает священник в дом невесты, и после обыкновенных приветствий он говорит, что теперь уже ожидает, чтобы они *порешили* его. Если родители и родственники не согласны, то обыкновенно отвечают: нет, батюшка, мы не намерены выдать свою дочь; невеста еще молода, мы еще *неисправны* и не богаты, и нашей невесты годы не уйдут – найдутся женихи. Если родители согласны, то говорят: что же, батюшка, мы согласны выдать свою дочь; она не выходит из нашего повиновения, покорна нашей воле. Тогда священник просит, чтобы ему показали товар, а его нареченную прихожанку. Родители зовут свою дочь, сидящую с девицами в особой комнате. Она выходит, священник благословляет и спрашивает: Елисавета Петровна! Вы согласны выйти замуж за Андрея Григорьевича? – Да, батюшка. – Вы его знаете? – Да, батюшка, – он, кажется, не глупый человек и хороший.

РУКОБИТЬЕ

Тогда священник, надев на себя епитрахиль, обращается к иконе, читает вслух *Достойно есть* и потом дает родителям и невесте целовать крест или образ. Затем невеста уходит в свою комнату, и тогда уже начинается угощение, называемое попойкою. Жених в то время посылает от себя дьячка в дом невесты, чтобы узнать: чем кончилось его дело? Дьячку объявляют, что дело кончилось благополучно, и вызывают невесту, чтобы она сама об этом объявила. Она говорит дьячку: мое

дело кончилось и кланяйтесь моему жениху, называя его по имени; а родители ее прибавляют: и от нас кланяйтесь нашему свату и нашей сватушке, называя по имени родителей жениха. При отправлении дьячка родители невесты дарят его белым или шелковым платком или материей на жилет. Дьячок, прибыв в дом жениха, объявляет его родителю, ему самому и собравшимся родственникам: ну, слава Богу! Дело кончилось хорошо. Тогда все встают с своих мест и молятся Богу; потом начинается у жениха попойка. Все это действие, когда девица изъявила согласие на выход замуж, называется рукобительем (помолвкою), при чем, однако, не присутствует жених. Во время потчевания священника угощают родственников и подруг невесты сухими плодами: изюмом, черносливами, вишнями, ягодами, яблоками, грушами, пряничными орехами, вареньями, конфетами, и все это называется *богомольщиною*. При выходе священника дарят его бархатом, сукном, демикатоном, диверласом (шелковой материей), смотря по состоянию родителей, и навязывают в платок *богомольщину*, которую он отвозит в тот же вечер жениху и его родственникам, ожидающим его с нетерпением. Его тут угощают снова разными напитками. Когда священник выйдет из дома невесты, тогда подружки ее бегут за ворота и поют просватанье. Этим дается знать соседям, что невеста просватана, а жениху, что к нему едет священник. Невеста сидит одна в своей комнате и плачет; девушки, стоящие за воротами, произносят имена просватанных и поют:

Услышь, услышь, великий князь Андрей Григорьевич,
Что играем¹ боярыню, великую княгиню Елисавет Петровну,
Услышь и поскорей к нам приезжай.
Развесели нашу боярыню
Княгиню Елисавет Петровну.

Тем оканчивается. Девушки входят в комнату. Родители выводят свою дочь из плакальной комнаты. Она, помолившись

---

¹ Играем — поем. Во многих местах говорят *играть песнь* вместо петь песнь: *разыгрывать песнь* вместо распевать песнь.

Богу, падает родителям в ноги и плачет. Родители поднимают ее и сажают за стол; она, облокотившись об стол, начинает вновь плакать, а девушки поют; иногда поет сама невеста:

Воля моя и нега моя,
И красота моя девичья!
И косу русу распускают
Что я вам государь, мой батюшка, досадила?
Что я вам, государыня матушка, наскучила?

Обращаясь к братьям, сестрам и подругам:

Любезные братцы! Уговорите своего государя батюшку
И свою государыню матушку,
Что я им досадила, что я им напроскучила!
Любезные сестрицы, подружки и ластушки:
Уговорите государя батюшку,
И государыню матушку,
Что я им досадила, что я им напроскучила!

Таким образом это причитание припевается ко всем родным и родственникам, коих она упрашивает, чтобы они уговорили отца и мать не выдавать за того жениха, который ей не по сердцу. Часто случается, что девица сирота или дочь выдается замуж по принуждению и противу ее воли.

При этом причитании плачет мать, если она любит свою дочь, и нередко сам отец. Во время причитания мать расчесывает косу белым костяным гребнем. Если братья или сестры в отсутствии, то невеста заочно поет причитание:

Любезные братцы! Прилетите на этот часочек,
И уговорите государя батюшку и т. д.

Когда мать расчесывает косу, тогда дочь, обхватив отца руками, оплакивает свою судьбу:

Государь мой батюшка,
Что я тебе досадила,

Что я тебе напроскучила,
Своим глупым разумом.

Отец уговаривает ее и успокаивает:

Что же делать, мое дитяtko!
Не вековати век в девушках.
Он добрый и хороший человек,
А Бог благословит вас на ваше счастье.

Потом дочь и мать, обняв друг друга руками, и вместе плачут горько. Причем дочь говорит:

Государыня моя матушка!
Что я тебе досадила?
Что я тебе напроскучила?
Уговори своего милого друга,
А моего государя батюшку.

Их разнимают, чтобы они не плакали, и уговаривают невесту, которая ко всем подходит и всех оплакивает: родных и подруг. Когда она всех переплачет, тогда все расходятся, и этим оканчивается рукобитье.

За неимением родителей, она оплакивает заступающих место родителей.

Девушки, ложась спать, кладут под головы *богомольщину*, загадывая ею про будущую свою судьбу. Некоторые говорят, что это делает даже невеста, но скрытно.

На другой день жених посещает утром свою невесту и спрашивает у нее: какие надобно подарки для смотрин, назначаемые обыкновенно на третий день от рукобитья, и какие для нее самой? Если девушка не достаточная, то она отвечает: к чему, мой друг, входить в изьян на подарки! Мои родственники и знакомые не взыщут, если я не буду дарить их. Богатый жених, несмотря на отсоветование своей невесты, покупает для нее подарки, кои она раздает после свадьбы: ро-

дителям и родственникам жениха¹. Жених же дарит в смотрины: родителей и родственников невесты. Часто невесты отказываются от подарков жениха – это чудо! – по крайней мере так уверяют, но многие женихи, по свойственной им в то время щедрости, сами навязываются на подарки.

СМОТРИНЫ

Вечеру приходит жених в дом невесты с своим братом, или другим каким-нибудь родственником, или с хорошим своим приятелем, который называется *дружкой смотрин*; самые смотрины называют по большей части *свиданьем*, на котором бывают все родственники, знакомые и подруги невесты. Подруги гостят у невесты до самой свадьбы. Жених одевается в лучшее платье, по тому вкусу, какой ему нравится, а невеста, если бы ходила прежде в немецком платье, то в этот день исключительно одевается в русское платье: в русскую кисейную вышитую рубашку; в ферезь из обьяри или в штофную и шелковую; подпоясывается шелковым цветным поясом с золотыми кистями; на шее бархат, а самая шея унизана жемчугом; в ушах жемчужные серьги, а на голове жемчужный венец, с привязанной широкой лентою, наподобие пояса, в длину всей косы; косу распускают по плечам с переплетами; башмаки черные козловые и сафьяновые, чулки белые узорчатые. Ее подруги в таком же наряде, за исключением, что коса не бывает распущена, а голову прикрывают платком, пришпиленным к венцу. Женщины в кокошниках под платками, а другие бывают в немецком платье, и таковые сидят выше тех, которые одеты по-русски. Невеста садится на первом месте, по правую руку ее подруги, а по левую – мать, пока не придет жених. Если свидание бывает богатое, то многие приходят сюда незваные, из одного любопытства. На столах стоят на 40 и 80 тарелках: варенье, сладкие плоды, пряничные орехи и разных родов орехи – это называется *закускою*. До прихода жениха никого не угощают, но девушки

¹ Свадьбы обыкновенно бывают в воскресенье.

поют в то время песни для жениха и невесты, которые называются *обызранными*. Поют жалобно и протяжно. За пение девиц ничего не дают.

Обручалась боярыня Елисавет Петровна,
С князем со боярином Андреем Григорьевичем.
И все наше миновалося:
Перепутье частое,
Посиделки веселые,
И гости наши любезные,
С подружкой с ластушкой
С белой лебедушкой,
С княгиней Елисавет Петровной.
Ответ держит боярыня,
Княгиня Елисавет Петровна:
Подружки мои ластушки,
Еще белые лебедушки,
Рада бы я с вами хоть век вековать,
А у своего государя год годовать,
И у государыни матушки,
Неделю неделивать,
Пришел же на меня,
Печальный день!
В воскресенье свет,
Расплетут русу косу,
Разлучат меня с отцом, с матерью.
С родом со племенем,
С ближними приятелями,
С подружками, ластушками.

Подружки мои, ластушки,
Еще белые лебедушки!
Мне не век с вами вековать,
Не год годовать, не неделю неделивать,
А все только одну ночь ночевать.

Ни близко, ни далеко,
Молодой соловей гнездо совивает,
Молодой тепло согревает;

Здесь ни низко, ни высоко,
Павлины перья роняют;
Здесь не павушка по двору ходит,
Не павлино сизо-перья роняет;
Здесь около терему по двору ходит,
Около терему около высокого.
Здесь ходила, здесь гуляла,
Свет княгиня боярыня Елисавет Петровна,
Около терему около высокого.
Она ходючи и гуляючи,
Горячи слезы роняючи,
Таковые словеса говорючи:
Мой немецкий замок отомкнися,
Отомкнися, отомкнися;
Полуженная цепь отложися,
Отложися, отложися!
Кипарисная дверь отворися,
Отворися, отворися!
Государь батюшка пробудися,
Государыня матушка проснися.
Мне ведь у вас не год годовать,
Не неделю неделивать;
Мне не с батюшкой,
Думушку думовать;
Мне не с государыней матушкой
Речь говорить,
Мне не с братцем и не с сестрицей
Совет советовать;
Не с подруженьками, голубушками
Мне расставатися;
А с родом-племенем,
И со ближними приятелями
Мне прощатися.

Что у нас свет княгиня, боярыня,
Да княгиня Елисавет Петровна,
Во высоком терему,
Невесело сидит!
Со слезами отца с матерью смотрит.
Подружки мои ластушки,

Еще белые лебедушки!
На что ж мне глядя радоваться?
На что ж мне глядя веселиться?
Полная гостей горница,
Но милого друга нету,
Свет великого князя,
Князя боярина Андрея Григорьевича.
Ты приди, приди поскорей,
Свет великий князь,
Да великий князь Андрей Григорьевич!
Развесели у нас боярыню, княгиню,
Да свет княгиню Елисавет Петровну.
Она очень стосковалась,
Что давно не видалась.

Из-за гор ли, гор высоких,
Из-за лесу, лесу болотеного,
Вылетало стадо гусиное,
А другое лебединое.
Отставала лебедушка,
Что прочь от стада лебединого;
Приставала лебедушка,
Что к стаду ко серым гусям.
Не успела лебедушка,
Не успела белешенька,
К серым гусям пристать;
Начали лебедушку,
Гуси серые щипать,
Белешенькую клевать,
А лебедушка кричать:
Ах вы гуси серые,
Не щипите вы меня!
Не сама я к вам залетела,
Не своей охотою;
Занесло меня великой погодою.
Не умела лебедушка,
По мелким ручьям плавать,
По-лебединому кричать.
Что отставала свет,
Да княгиня да боярыня,

Свет княгиня Елисавет Петровна.
Прочь от родного государя от батюшки,
От родной государыни матушки;
Прочь от роду, от племени,
И от ближних приятелей.
Что приставала лебедушка,
Свет княгиня боярыня,
Княгиня Елисавет Петровна,
Что ко чужому ко роду, ко племени,
Ко чужому свекру государю батюшке,
Ко чужой свекрови государыне матушке.
Не успела свет головушки оправить,
Начал свекор батюшка журить,
А свекровь матушка бранить,
А свет княгиня боярыня плакать,
И родного батюшку кликать:
Что вы меня, свекор батюшка, журите?
И что вы меня, свекровь матушка, браните?
Не сама я к вам залетела,
Не своей неволею,
Но большой несгодою;
Завели меня добры кони,
Добры кони вороны,
Свет великого князя Андрея Григорьевича.
Как удобрился великий князь, да боярин,
Да свет Андрей Григорьевич,
Паче родного отца и матери;
А как улютился,
А как рассердился великий князь,
Да свет Андрей Григорьевич,
Паче лютой змеи.

Когда услышат, что жених подъезжает ко двору невесты,
тогда поют:

Вьюн на воде увивается,
Зять у тещи у ворот убивается:
Теща моя! Теща ласковая!
Отворяй широки ворота,

Давай коню стойло,
Давай коню вороному
Пшена ярого.
Теща из терема выходила,
Речь милому говорила:
Есть у меня, есть у меня,
Про милого зятя.
Про твоего коня стойло;
Есть у меня, есть у меня,
Про твоего коня вороного
Пшена ярого.
Это моему милому зятю,
Ни в честь, ни в жалованье,
Ни в низкие поклоны.
Есть у меня, есть у меня,
Про милого зятя,
Наливное яблочко,
Это ему ни в честь, ни в жалованье,
Ни в низкие поклоны.
Есть у меня, есть у меня,
Скатная жемчужинка,
Это ему ни в честь, ни в жалованье,
Ни в низкие поклоны.
Есть у меня, есть у меня,
Про милого зятя
Его суженая,
Его ряженая,
Свет велика княгиня
Боярыня Елисавет Петровна.
Это ему, это ему
Ни в честь, ни в жалованье,
Ни в низкие поклоны.

По приезде жениха с поезжаными родственники невесты
встречают его за дверьми, а девушки с песнями в самом покое:

Не буйные ветры понавевали,
Не званые гости понаехали!
Обломились сени новые,

Обломились с переходами,
Растоптали, раздавили,
Чару золоту, чару финисову.
Выпугали, выпугали
У саду соловья молодого, залетного.
Как расплакалася свет,
Да растужилась великая княжна,
Боярыня да свет Елисавет Петровна,
О своем высоком тереме:
Кто же то мне, кто же то мне,
Изрубит сени новые?
Кто же то мне, кто же то мне,
Сольет чару золоту?
Кто же то мне, кто же то мне,
Сольет чару финисову?
Кто же в моем, кто же в моем,
Во саду сядет соловьем,
Молодым и залетным?
Кто же меня, кто же меня,
Рано будет будить?
И кто же меня рано будет кликать?
И кто же меня рано будет будить?
Ответ держал великий князь,
Да свет Андрей Григорьевич:
Ты не плачь, не плачь и не тужи,
Великая княгиня, боярыня,
Да свет Елисавет Петровна,
О своем высоком тереме.
Я сам тебе изрублю сени новые,
Я сам тебе изрублю с переходами,
Я сам тебе солью чару золоту,
Я сам тебе солью чару финисову,
Я сам в твоём саду
Сяду соловьем молодым, залетным,
Я сам тебя рано буду свет кликать,
Я сам тебя рано буду будить.

Жених, войдя в комнату, молится сначала образам, потом он целует свою невесту в губы, которая взаимно отве-

чает на его поцелуй; после целуется жених со всеми родными невесты. Отец и мать невесты или сама невеста просит своего жениха садиться подле нее. Тогда начинают угощать: плодами, пряниками, орехами, винами и разными закусками, смотря по состоянию. Когда отец невесты начинает потчевать жениха вином, тогда невеста подносит ему подарки на подносе, которые зависят от состояния. Иная дарит сукном и материей шелковой на жилет; потом она дарит тем же самым его дружек. Жених одаривает невесту материей на фerezь, жемчугом и т. п. Девуцы поют:

Услышь, услышь, великий князь,
Да свет боярин Андрей Григорьевич!
Что играем боярыню и княгиню,
Да свет Елисавет Петровну,
С великим князем да свет
Со боярином Андреем Григорьевичем.
И радуйся и веселись!
Глупое дитя, неразумное,
Великий князь да свет,
Боярин Андрей Григорьевич.
Что даем боярыню, великую княгиню,
Да свет княгиню Елисавет Петровну
Из такого из рода,
Из такого из племени,
Из семьи из веселой.
И в моем счастливом роду:
Все попы, да дьяконы,
Бургомистры и ратманы;
А в твоём бесчестном роду
Свет великий князь боярин,
Да свет Андрей Григорьевич:
Все мужики, да деревенские.
На выгон повыгнанные,
Да на убор повыбранные!
Лягушки ростятся,
В избу просятся.
А его то матушка,

Богу помолилась,
Да и тиболка свалилась!¹
На сговоре тебе даем,
Да свет великий князь, да боярин,
Да свет Андрей Григорьевич:
Великую княгиню боярыню,
Княгиню да свет Елисавет Петровну.
Береги у нас боярыню,
Великую княгиню, да княгиню,
Да свет Елисавет Петровну.
Она у нас чаем и кофеем упоена,
И сдобным кренделем вскормлена.
Не давай толочь и молоть,
Не давай воды носить,
И не давай свет, великий князь,
Да свет боярин Андрей Григорьевич!
И в приданом не давай,
К обедне ходить.
А заставь ее в приданом
Печь топить,
А в своем к обедне ходить.

На горе росла малиненька,
А под горою калиненька.
Сломлю ж я эту малиненьку,
И приложу к калиненьке.
Что не быть калиненьке,
Супротив малиненьки;
И что и не быть велику князю,
Да свет боярину,
Да свет Андрею Григорьевичу,
Супротив великой княгини, да боярыни,
Да свет Елисавет Петровны.

Веселье продолжается до полночи, и тогда уже подают ужин; после ужина все расходятся по домам. Подруги невесты остаются гостить у ней до свадьбы.

---

¹ Головной убор, который называют в насмешку тиболкою.

ОТПРАВЛЕНИЕ ПРИДАНОГО

В продолжение предсвадебного времени девушки помогают невесте шить приданое, а жених посещает ее каждый вечер. За два дня до свадьбы отправляют приданое в дом жениха со свахой или родственницей в сопровождении мальчика, который несет образ; там дарят их. Постель стелет родственница невесты; привезших же приданое угощают чаем, винами и закусками. Пред отправлением приданого просят священника достаточные люди отслужить молебен с водосвятием; потом он благословляет невесту, окропляет все приданое водой и говорит: *с Богом!* Тогда начинают укладывать, а невеста плачет. Сначала она оплакивает отца, мать и всех своих родных, которые присутствуют здесь, с теми же причитаниями, какие произносились на рукобитье. Ее утешивают перестать плакать и увещают, что не век быть ей в девушках, что Богу так угодно. Потом садятся и, посидев немного, молятся Богу, испрашивая Его благословения. После она кланяется в ноги отцу и матери, а они благословляют ее образом и хлебом-солью. Когда все уложат, тогда родители и невеста провожают приданое до ворот. Девуцы выходят на улицу и поют: «Услышь, услышь, великий князь» и т. д. — с тою только разницей, что ее поют уже веселее и громче, чтобы все слышали и знали, что везут приданое. Тогда стекается народ отовсюду, чтобы посмотреть: богатое ли везут приданое? И какое? Между тем невеста отправляет с приданным разные плоды и варенье на 60 и более тарелках, которые оставляют в ее спальне до самой свадьбы. Этим угощает она в своей спальне всех тех, которые ходят из любопытства посмотреть убранство ее спальни и приданое.

БАНЯ

Пред днем свадьбы, по большей части пред воскресеньем, жених и невеста ходят отдельно в баню. Тогда в самой

бане плачет невеста, подружки утешают ее, но пред отходом в баню мать расчесывает ей голову и отправляет ее с подругами, благословив хлебом и солью. После бани угощают чаем и кофеем. Если у невесты нет родителей, то она ездит на их могилы, чтобы просить их благословения. В бане льют на каменку мед, кидают хмель и хлеб зерновой, чтобы молодым жить в меду и богато. После бани жених посылает дружку просить всех приятелей на вечер, который называется *бояры*. Невеста также посылает одну из своих подруг просить всех своих девушек на вечер, который в то время называется *девичником*.

ВЕЧЕР БОЯР И ДЕВИЧНИК

Перед вечером приезжает за женихом священник, который и везет его в церковь с боярами. Отслужив вечерню, он возвращается в его дом со всем своим причетом, где он *здравствует ему*, т. е. служит молебен. Тотчас после молебна подают ужин, а священник отправляется в дом. Такое же здравствование происходит и в доме невесты. После ужина бывает у жениха пляска и пение. У невесты делается ужин для девиц, которые, отужинав с невестой, собираются в другой комнате и садятся за стол, убранный плодами. Тут поют те же самые песни, какие на смотринах, и сверх того, какие вздумают.

Вспомни, мой любезный, в дальней стороне обо мне;
А я про тебя, душа моя, терзаюсь всегда!
Не вижу я в ноченьке покою часа.
Казалась мне ночушка за белой денек,
А вы, мои частые звезды, за белую зорю,
А батюшка светел месяц за красное солнце.
Я лесом шла ко милу дружку, —
Казалось мне, лишь шелкова травушка,
Сплетает мой след; лавровый листок,
Лавровые листочушки в голове шумят.
Ах, не шумите вы, лавровые листочки, в моей голове!
И так мое сердечушко изныло во мне.

С подкамышка с подбелого ручеек бежит,
С подкамышка с подбелого цимбалики бьют.
Вот, знать, мою любезную Елисаветушку к венчанию ведут.
Один ведет за ручечку, а другой за другую,
А третий идет да слезы льет.
Поил, кормил сударушку, да за себя норовил,
Досталась моя любезная иному, да не мне, но брату моему.

Жених приезжает на девичник с своими боярами и своими родными обоого пола. Невеста всех угощает кофеем и чаем; после чая уходят родственники жениха и бояре, а наконец, спустя несколько времени отправляется жених домой. Невеста на девичнике бывает одета в лучшем наряде; коса у ней расплетена, на голове венец, из-под коего выпускается широкая лента.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

В день свадьбы идет жених к поздней обедне, а невеста готовится к венцу. В этот день жених и невеста не едят до самого венца. После обедни бояре провожают жениха домой песнями, а священник приходит сюда служить молебен. Его угощают здесь закускою. После угощения дружка идет с боярами к невесте и подает ей от имени жениха просвиру и просит ее, чтобы она была готова к венцу. Она угощает дружку и бояр, девушки корят их шуточными песнями:

На что же ты, друженька, в дружки ставился,
Да с умом не справился?
Ты и сам на себя не нагляделся,
Что не твой кафтан на тебе надет!
На ноге сапог скрипит,
А в матеревом горшке борщ кипит.

Тузу, тузу – любишь ли козу?
Два года ходила,
А в третий год

В отставку отпустила, —
К яловой козе пристала.

Всех корят:

Приехали вы с чистого,
И все тарелки почистили.
Чтобы вас полопало!
Чтобы вас потрескало!

Когда бояре идут домой:

Скажите великому князю,
Свет боярину великому князю,
Андрею Григорьевичу,
Что не дадим боярыни,
Свет великой княгини,
Елисавет Петровны,
Великому князю,
Свет боярину Андрею Григорьевичу.

По уходе бояр плачет невеста и оплакивает всех своих родных.

Дьякон приходит к жениху с обыском (т. е. с книгою, в коей записывают вступающих в брак), а от жениха он идет к невесте. Родители молодых дарят дьякона платком или материей на подрясник. Свидетели бракосочетания записываются в церкви.

Невесту убирают к венцу ее родные и подружки и обыкновенно одевают ее в кисейную шитую рубашку с широкими рукавами и с манжетами, которые бывают пришиты к рукавам; потом в ферезь, обложенную серебряным и золотым гасом; пояс на ферезе шелковый, плетеный или тканый с золотом; шею убирают жемчугом, уши жемчужными серьгами, а на голове парчовый венец с жемчужной рясою; башмаки цветные. Жених бывает одет по-русски. Священник приезжает к жениху и благословляет его ехать к венцу, что называ-

ется *делать отпуск*. Тогда жених отправляется в церковь с родными и дружкой. Между тем священник едет к невесте, если она его прихода, в противном случае бывает у нее тот священник, которого она прихода, и он отслуживает молебен. После *достойного* он благословляет ее крестом и делает отпуск; тогда уже благословляют ее родные. Но до приезда священника коса у невесты бывает заплетена, а на голове ее находится венец; она сидит в особой комнате с своей матерью и девушками. Потом, когда приедет священник, ее выводят к нему: она облокачивается об стол и плачет; одна из ее подруг снимает венец с ее головы, а *молодец*¹ берет ее за обе руки, коими она держит свою косу, и *отнимает* у нее: невеста долго не дает, но ее уговаривают. Когда она отдаст, тогда тот же молодец расчесывает косу и надевает на голову жемчужный венец. Иногда венчают и с расчесанной косою. Потом угощают священника и гостей пивом и водкою, а наконец все приседают; посидев немного, молятся Богу. Отец и мать благословляют дочь двумя иконами и хлебом-солью. С нею едут в церковь *приданные*, т. е. поезжаные из мужского и женского пола. Старшая подруга невесты, называемая подневестницею, занимает первое место подле невесты во время поезда и в церкви, и она стелет в церкви под ноги молодых платок или шелковую материю. Потом совершается венчание, и после венчания *повивают* ее, т. е. надевают кокошник и повязывают платком, а косу заплетают надвое и прячут ее под кокошник. С жениховой стороны приходит родственница, покрывает новобрачную *латом*², а потом дарит. После все отправляются в дом молодого. Их принимают у дверей отец и мать: хлебом, солью и образом, и сажают на первые места. Родные и гости невесты занимают первые места подле невесты, а жениховы – вторые.

Потом угощают кофеем, а там подают обед. После ужина набирается десертный стол. В то время невеста ходит с приданными *смотреть* свою постель и угощает их здесь плода-

¹ Брат или кто-либо из родных, но из холостых.

² Платком, который в иных местах называется *фатою*.

ми. Тогда же начинается музыка, и все веселятся за полночь. Когда все гости разведутся, тогда дружка вводит молодых в спальню. Мать, посаженная со стороны жениха, приходит за дружкой и благословляет молодых.

На другой день посылают *стряпуху* к родителям молодой со здоровьем, т. е. с возвещением о благополучии молодой. Стряпуха поздравляет их двумя графинами вина или наливки, полно налитыми и обвязанными розовыми лентами. Родители принимают ее радостно и потчуют. В неблагоприятном случае доставляется вино неполное в графинах, чем обнаруживается поношение дому родителей.

Счастливый молодой посещает с своею молодою ее родителей. Тут потчуют их молочными блинами и разными закусками. Затем они отправляются к себе в дом, куда приезжают с обеих сторон родственники в гости. У молодого в первые три дня: понедельник, вторник и среду – бывает обед для всех родственников и знакомых. Родственники молодого посылают новобрачной поутру в первые три дня: живых и битых гусей, а в следующие три дня: четверг, пятницу и субботу – родители молодой дают обеды для знакомых и родственников. В субботу дается преимущественно обед для девушек молодой. В продолжение недели молодые посещают: родственников, знакомых и тех, с коими желают быть знакомы. По вечерам бывают танцы и пляска; последняя сопровождается разыгрыванием песен; иногда самая пляска совершается под напев плясовой песни.

Х. СВАДЬБА В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

СВАТОВСТВО

Парень, имеющий на примете девушку, обращается к своим родителям, говоря: батюшка и матушка, благословите

жениться. Я спознал девушку, она мне по сердцу. Если родители знают ее, то говорят: хорошо, но дай времечко на раздумье, и тогда да благословит тебя Христос и Божья Матерь. Если не знают ее, то говорят: порасспросим добрых соседей и подумаем. Дело важное жениться, век вековать. Родители спрашивают соседей и советуются с своими родственниками. Когда нет никакого порока за девушкой, тогда дают сыну позволение снарядить с посольством сватов, избираемых из родных; но самое деятельное участие принимают здесь свахи. Они знают всю подноготную в семейном быту, а потому заранее заботятся уладить дело.

По приходе сватов в дом невесты они молятся образам и кланяются отцу и матери невесты. Здравствуй, батюшка Антипович и матушка Степановна, говорят они. Мы послы, не даром зашли. Хлеб-соль ешь, а правду режь. Мы люди из ближнего селения и идем к вам на запоручение (для сватовства); наше слово впереди, а вашего жди. Кланяетесь им. Вот вам хлеб-соль, – прикажите положить на стол. Предваренные родители о их посольстве давно уже советовались между своими родственниками: выдавать ли дочь или нет? В первом случае охотно принимают хлеб-соль, а во втором не весьма охотно, и, принимая, говорят: хлеб-соль берем и запореченье на суд людям отдаем. Согласные же родители отвечают: хлеб-соль берем и вас пировать зовем. Обрадованные сваты таким ответом вступают с ними в условие о времени сговора и о том вспоможении, какое будет ими оказано для обзаведения молодых. Это делается тогда, если жених без родителей, но если у него родители в живых, то оставляют покончить это дело им самим. Свахи угощаются водкою и закускою. Водку подносит мать невесты.

СГОВОР

Наутро или в другой какой-либо день, но уже определенный, приходит жених в дом невесты с сватами и своими родителями. Их принимают ласково, сажают на почетном месте за

стол, который покрывается белой скатертью, а пред божницею уже затеплена свеча; они молятся прежде Богу, а потом садятся. Посидев немного, родители жениха заводят речь о сватовстве. Родители невесты вызывают ее и говорят: «Ну, дочь наша, хочешь ли замуж? Вот жених. Ты не выходила из нашего послушания, и мы прилагали радение о тебе». – «Воля ваша, батюшка и матушка, коли он вам по душе». – «Так что же теперь остается нам делать, сват и свашенька?» – говорят родители невесты родителям жениха. – «Аль по рукам, аль нет?» – «Вестимо, по рукам», – отвечают они. Отцы обеих сторон берутся за полы платья и бьют по рукам, а в то время велят молодым поцеловаться. Когда они поцелуются, тогда укрепляется засватанье. После взаимного угощения приступают к сговору, который совершается в присутствии знакомых и обоюдных родственников. Тут возобновляется угощение, сопровождаемое питьем водки, а девушки поют песни на расставанье с помолвленной. Когда все развеселятся, тогда раздаются песни среди пожилых мужчин и женщин. Здесь поют до самой ночи, и поют по большей части веселые, шуточные и протяжные песни. Такое же угощение бывает и в следующий день в доме родителей жениха. Если сговоренные из зажиточных людей, то угощение продолжается по несколько дней.

После сговора собираются к невесте ее подружки и гостят у нее до самой свадьбы. Во время угощения они готовят платье и наряды. Девушки же, не бывшие в дружбе с невестою, посещают ее только для своего развлечения.

Отец между тем отправляется в город для покупок вещей свадебных и возвращается с подарками, часто от имени жениха. Невеста, завидев возвращающегося своего отца, поет ему навстречу жалобным голосом:

Кормилец мой батюшка,
Уж долго ты гулял!
Не на меня ли красну девицу?
Не на мою ли девью красоту?
Не на русу ли косу ленту алюю,

Запоручал меня, родимый,
За поруки крепкие?
Запоручал меня горькую,
Батюшка-то родной!
Ты торгом торговал,
Моей волнистой косой.
Не прогневайся, родимый,
Что я не встретила тебя,
Среди двора широкого;
Дверей не растворяла,
Поклоном не встречала,
Супротив креста не стояла.
Не за спесью, не за гордостью,
За великим горем:
За кручинушкой бедовой,
За порукой вековой!
Запоручал меня сударь,
Батюшка-то родной.

Отец раскладывает пред нею свои покупки и подарки от жениха. Она говорит:

Не надо мне даров дорогих,
Ни золота, ни серебра;
Подари мне, батюшка,
Волюшкой золотой!

Девушки утешают ее:

Не тужи, свет Аннушка,
Не плачь Михайловна!
Сударь родной батюшка,
Сударыня матушка,
Не волей ли уж выдают?
Выдают за соколика,
Доброго молодца.
Он бил челом батюшке,
Кланялся матушке:
Все до тебя доступаючи,

Все тебя выпрошаючи.
Как звезды частые,
Ярко на небе горят,
Так очи ясные,
У Ивана твоего;
Кудри золотые
По плечам его лежат!
Серебром приувиты,
Жемчугом приунизаны.
Но кто ж к ним приляжет?
Приляжет, приляжется,
Свет наша Аннушка,
Девица Михайловна!

КАЛЫМ, ЛАПША И БАНЯ

В некоторых местах, особенно в городе Нерехте, покупают невесту за деньги. Не только бедные, но богатые поселяне почитают себе за бесчестие отдать дочь безденежно. Чем выше цена, тем более чести для невесты, о чем провозглашается немедленно по деревне. Продажная цена называется *калымом*, и нет сомнения, что этот обряд позаимствован от татар во время их господствования над нашими предками.

Жених посещает свою невесту почти ежедневно и редко приезжает к ней без подарков. Сопутствующим ему молодцам он дает по штофу вина и ведру пива; а невеста угощает женщин и детей лапшою. Во время Масленицы он непременно должен особо угостить парней и подруг своей жены, а невеста должна кататься с ними в санях, одетая как можно богаче, с блестящим кокошником, который надевается на нее однажды после венчания. Ношение кокошника выходит здесь из употребления.

За двое суток до венчания крошат лапшу, как это бывает в некоторых местах Малороссии, и пекут пироги на яйцах. Родственницы жениха также крошат лапшу и посылают невесте в подарок три короба на блюде¹. Невеста с своими под-

---

¹ Пресное тесто, замешанное на молоке и масле.

ругами принимает колоб, рассучивает его и, искрошив в лапшу, отправляет обратно на том же блюде к своему жениху, но с подарками для его родственников и родственниц, как то: с лентами, башмаками, платками и мелкими деньгами. По обручении молодых кормят их на крутильном столе, на коем резали лапшу, и преимущественно той лапшюю, которая была искрошена от трех колобов, в том предубеждении, что сердца молодых *соплетутся вековечной любовью*.

За день до венчания невеста прощается с родителями; если она сирота, то ходит на кладбище и испрашивает у них благословение: *родимы мои, батюшка и матушка! Не надо мне ни золота, ни серебра, я испрашиваю родительского благословения*. То же самое делает жених. Накануне свадьбы дружка топит баню для молодых. При отправлении невесты в баню с своими подругами родители благословляют ее хлебом-солью и иконою. После благословения она потчует своих сродников, а в бане своих подруг рюмкою вина; потом все дарят ее. Дружка поддает пар пивом или медом, думая сделать чрез то брачную жизнь сладкою. Другие поддают пар водкою, в том мнении, что этим можно скрепить супружеские сердца нежной дружбою. Потом дружка подносит от себя всем моющимся по рюмке водки. Некоторые девушки, выходя из бани, бьют в заслон и сковороды, давая этим знать, что невеста парится. После подносят ей закуску, состоящую из пряников и толстых блинов на дрожжах, называемых *опекуши*. Она возвращается домой при пении, и когда приведут в избу, сажают ее за обеденный стол, накрытый для нее и ее подруг. Родные и родственники, когда она находится в бане, обедают отдельно. Отец, разломив благословенный хлеб, подает ей, а она делит его между своими подругами. Некоторые из них завязывают в узелки кусочки хлеба с солью и хранят его, думая, пока он будет сохранен, дотоле будет продолжаться мир и согласие между мужем и женою. После обеда угощают невесту пряниками, орехами и сушеными плодами. Жених ходит в баню в тот же самый день с своими молодцами, и всегда после невесты, часто в ту же самую баню. Его

дружка поддает пар водкою и угощает водкою всех парящихся. Его одаривают, кто чем хочет. Жених же дарит дружку пестрым шейным платком или красным кушаком. На закуску подают блины, и потом идут обедать к жениху. Послеобеденное время проводят в пении веселых песен, а под вечер собираются на девичник.

ПРОДАЖА КОСЫ

Девушки сидят наряженными, ожидая гостей. Дружка появляется прежде всех; он приносит невесте подарок от жениха: зеркало, покрытое полотном, и ящик с гребенками, лентами, белилами, чулками, башмаками, наперстком, иголками и платочком. В это зеркало не смотрится невеста, пока не позовут ее к венцу. За спиною невесты сидит девочка, называемая *заседащицею*. Дружка покупает у нее косу, кланяется низко и ласкает красными словцами; она не продает. Невеста обращается к девочке, которая заменяет место брата, и говорит напевом:

Ты послушай, милый братец,
О чем тебя просить я буду,
Не сдавайся, милый братец,
На слова на ласковы,
На поклоны низкие,
На гостинцы дорогие,
На казну и на золото.
Ни с золотом мне жити,
Мне жити и любити
Друга одного моего.
Нахвалили мне молодца:
Белее он снегу белого,
Румянее цвету алого,
Но молодец-то не мой!
Чернее он соболя,
Хитрее хитрой лисы,
С морозами со лютыми
Зазябнут речи во сердце.

Дружка подносит ей стакан меду, и когда она возьмется пить или выпьет, тогда он кладет на поднос деньги, говоря: *просим место опорожнить*. Он садится подле невесты, и это означает, что коса продана. Невеста говорит ему со слезами:

Уж ты добрый молодец!
Не садись возле меня,
Не твое это местечко,
Уж как твое местечко,
С парнями за воротами;
А мое местечко
С матушкой сидеть,
И с нею песни петь.

Сваха встает и кланяется гостям; потом подходит к невесте и говорит: дитя, дитяtko ненаглядное! Мы не товар принесли, а сами за товаром пришли. Она приступает расплетать проданную косу. Тогда девицы поют:

Коса моя, косонька
Русая коса!
Вечор тебя, косонька,
Матушка плела.
Золотом, серебром увивала,
Скатным жемчугом низала,
Поутру раненько,
Приехала сваха,
Зачала мою косу,
Невежливо рвати.
Все рвала, оборвала,
И крупный жемчуг рассыпала,
И надвое косоньку расплела.

Во время пения сваха нарочно рвет косу, снимает с нее алую ленту и показывает вид, что она разрывает ее. Этим самым уничтожается девическая свобода. Невеста тогда в слезах, ее утешают.

ДЕВИЧНИК

У простолюдинов происходят свадьбы по большей части в воскресенье, поэтому в субботу, в день девичника, посылает жених своей невесте гостинцы, состоящие из пряников, колобов, орехов, сушеных плодов и яиц, а невеста посылает ему взамен почти то же самое или красный платок на шею. Впрочем, это зависит от выбора невесты.

В то самое время собираются гости, которые состоят преимущественно из родственников молодых: тещи, теток, тестя, братьев и сестер, а в том числе друзей, свах и тысяцкого. Когда родственник жениха вынимает гостинцы, тогда поют подруги:

Уж что я сию, думаю?
Уж что я сию, гадаю?
У меня ли не чуткое?
У меня ли горя круты горы?
Аль слезы реки полные?
Все поля слезами политы.
Все сады горем исажены.
Не дали мне горемычной,
Во девушках насидетися;
Не дали мне молоденькой,
С подругами наигратися;
Не дали разуму созрети,
Лицу белому расцвести.
Русу косу расплели,
Алу ленту сорвали.

Это напоминание делают девушки к тому, что сваха безвозвратно лишила их подругу золотой волюшки. Приходит жених и кланяется: сначала образам, потом гостям, а наконец самой невесте. Постояв немного, он подходит к своей молодой и садится подле нее. Невеста говорит ему:

Садись, добрый молодец,
Не с гордостью, не со спесью,

Садись с Божьею милостью.
Бери, чтоб не каяться,
Жить в любви не маяться.

Он подает ей ключи на тарелке или на подносе в ознаменовании, что на нее возлагаются все домашние заботы по хозяйству.

Родственники поздравляют ее, а жених, посидев немного, уходит домой. За ним идут вскоре его отец, мать, а потом все родственники. Есть еще обыкновение, что когда жених едет с родственниками, тогда стараются держать в доме затворенными ворота, и чтобы в то время было на дворе тихо. Сват или дружка едет впереди и отворяет ворота, в которые въезжает поезд. Все, кроме невесты, выходят на крыльцо встретить жениха. Лошадей у поезда отбирают и stanовят в конюшне, считая бесчестным оставлять их на улице.

Невеста, сколько ни старается быть веселою в это время, но воспоминание о предстоящей для нее жизни переносит ее воображение к печальным мыслям. Она обращается за советами к своей родственнице, по большей части к тетке, и просит научить ее: как жить в чужих людях?

Тетушка, тетушка,
Тетка дорогая!
Ты пойдн, научн,
И горе-то смягчн.
Я думаю думушку,
Думушку крепкую,
Скажн мне безо лжн:
Как жнтн в людях чужих?

Тетка отвечает:

Ты послушай, мое племечко,
Я скажу тебе потайности:
В чужих людях живучн,
Много нужды напрннимаешь!
День денной на работе,

А ноченьки не доспишь:
И холоду и голоду!
А пуще бойся тещи.
Носи платье, не снашивай;
Терпи горе, не сказывай!
Надо быть покорчиву,
Головке поклончивой,
Ко всем людям приветливой,
И на всяко дело сметливой.

Перед уходом гостей дарят их не одинаково, смотря по состоянию: платками, лентами, башмаками, чулками и другими вещами. Тогда уже расходятся. Случается, что невеста до их ухода прощается с своими родственниками и прежде всех оставляет их.

Обрядные действия часто требуют, чтобы невеста спрашивала у своих родителей совета: как ей жить в чужих людях? Или просила бы их, чтобы они позабыли ее:

Родимый мой батюшка,
Пой гостей до пьяна;
Чтобы гости позапили,
И меня позабыли.
Родимый мой братец,
Бери коня удалого,
Поезжай в темный бор,
Сруби березоньку,
Завали им путь дороженьку.
Родимая родная,
Дари гостей не по ряду;
Не дари-тко двух гостей:
Друженьку-разлученьку
И свашеньку косу-режку.

ЗАМЕЧАНИЕ О СНЕ НЕВЕСТЫ

Невеста ложится спать под иконами, за покрытым скатертью столом. На нем лежит хлеб-соль и стоит стакан пива или

квасу. Этим хлебом-солью благословляют впоследствии молодых, и им встречают после венца. Точно так же спит и жених. Первый сон замечают и толкуют ворожеи. Невесту разбудивает поутру мать или подруга молодой. Хорошее предзнаменование, если она спала долго, – это означает спокойную жизнь. Вставание без разбудивания предвещает прекрасную жизнь. После вставания обращается невеста к своим родителям:

Болезный ты мой батюшка,
И радельщица мой матушка!
Ты скажи-тко мой батюшка,
Со приятушкой, со матушкой:
Что спалась ли вам темна ноченька?
Что спалась ли, не спалась,
А мне-то горемычной
Головке моей бедной,
Не спалось во всю ноченьку.
Не хорош мне сон привиделся,
Уж что привиделось-то мне;
Что вставали вихри буйные,
Уносились то мою постелюшку
В незнаему сторонушку,
К чужому отцу матери,
К незнаему роду племени.

ОБРЯДЫ ПРЕДВЕНЕЧНЫЕ

В этот же день обсыпают невесту и жениха: хлебом-солью, калачами и водкою; а жених иногда вновь посылает своей невесте какие-нибудь подарки с хлебом и солью. Последнее часто хранится в семействе как залог согласия и богатства. Все утро проводится в уборке молодой и жениха. С обеих сторон занимаются особенно, чтобы провести это время как можно веселее и радостнее, дабы радоваться во всю жизнь. Избегают всяких неблагоприятных встреч и стараются быть ко всем ласковыми и снисходительными. Жених в знак памяти о себе дарит своих близких, родных и друзей,

чем может; а невеста своих подруг: белилами и румянами, известными в простонародье под именем *мазилей*; или она делит между ними гостинцы своего жениха.

Когда же приближается время поезда к венцу, тогда начинают убирать невесту. Одна из подруг расплетает косу; при этом случае не только сама невеста, но и подруги плачут с нею. Невеста спрашивает у них жалобно:

Скажите, подруженьки,
Куда меня собираете?
Куда наряжаете?
Не гулять ли на ярмарке?
Не во луга ли зеленые?
Не во леса ли темные?
Не собираете ли горемычную,
К Божьей церкви?
Уж как наденут венец,
Всем радостям конец.

Молодые не употребляют пищи до самого венца. То же самое делают родственники. Отец и мать пред поездом молодых в церковь благословляют их иконами. За невестой приезжает иногда жених, но большей частью дружка, который едет тогда верхом, позади своего поезда; он кланяется встречным и говорит: милости просим к нашему князю и к нашей княгине хлеба-соли откушать. Молодой называется в то время князем, а молодая – княгиней. Если поезд бывает вечером, то жгут на дорогах солому для предохранения молодых от нечистой силы. Девушки невесты, завидев едущего дружку, поют:

Не леса ли преклоняются,
Не воды ли разливаются,
У батюшки широкого двора,
У матушки новой горенки?
Не гуси ли заговорили?
Заговорили добрые люди,

Сватушки приезжие,
Мои-то разлучники.
Не вершина в избу клонится,
Клонится друженька, Богу молится,
Всем людям поклоняется:
Батюшке с матушкой покоряется.
Я не знаю друженька,
Ни имя твоего, ни отчества;
Не бери меня, друженька,
За праву за рученьку;
Не веди меня, друженька,
К венцу золотому;
Не сажай меня, друженька,
За столы дубовые,
За скатерти браные.

Последние три стиха поются, по большей части, когда невеста сидит с женихом за столом. Дружка, прибыв в избу, молится сначала иконам, а потом кланяется на все четыре стороны. Двери избы запирают: все садятся и, посидев несколько минут, молятся, а невесту благословляют. Она говорит с плачем:

Не прошу я, батюшка,
Ни злата, ни серебра;
Прошу я, батюшка,
Благословенья твоего.
    Уж я ли горькая,
    Слезы лью горючие?
    И меня ли кто утешит,
    На житье вековечное!
Не прошу я, матушка,
Ни злата, ни серебра;
Прошу я, матушка,
Благословенья твоего.
    Уж я ль думала, гадала,
    Во чужих живати?
    Стонучи и плачучи,
    К венцу поезжати!

ОБРЯДЫ ПОСЛЕ ВЕНЧАНИЯ

По отправлении молодых к венцу готовят обеденный стол, который застилают чистым полотном. На нем занимают первое место благословенный хлеб и каравай. После венчания надевают на молодую в притворе сначала кокошник, в котором она сидит за свадебным столом, а потом сваха накидывает на ее голову наметку, и в этом уборе везут ее с женихом домой. Тут в дверях встречает их сваха в шубе, надетой наизусть, и старается испугать молодую, чтобы она была боязливая и почтительная. Отец или мать бросает в лицо соль, чтобы предохранить новобрачных от раздора; или отец слегка бьет плетью по спине новобрачной три раза, чтобы она забыла прежних женихов и любила одного мужа. Молодые кланяются в ноги своим родителям, а после сваха берет невесту за руку и окручивает ее с обрядными действиями, совершаемыми следующим образом: сваха прилепливает к стене венчальные зажженные свечи и сажает новобрачных под свечами на разостланном бараньем меху или вообще на овчине. После две свахи: одна со стороны невесты, а другая со стороны жениха – расплетают косу молодой и плетут вниз под руку. По заплетении волос в две косы накидывают на молодую повойник, и с тех пор она не может ходить простоволосою даже при родных, и ходить без повойника считают за великий грех. Потом одна из свех бьет в стену бревном, чтобы отбить сердце у молодой, т. е. чтобы молодая была добрая и не сердитая, – такое действие называется кручением.

Когда усадят молодых и гостей, тогда потчуют всех: но прежде новобрачных, а потом гостей. Затем набирают обед на крутильном столе. За обедом подают благословенный хлеб, который называется крутильным. Во время стола потчуют водкою и пивом. После обеда начинается уже пир, и тогда почитается невежливостью для молодых и вновь сговоренных есть что-либо, исключая каравая. Молодым готовится особый ужин. На пир привозят два пирога: от невесты и жениха; пирог

последнего кладется наверх пирога невесты в ознаменование власти мужа над женою. Пирог начинается мясом и яйцами. Кушанье и пирог разрезывает тысяцкий, какое звание носит крестный отец жениха. Сидящий дружка подле тысяцкого раздает гостям резанный на куски пирог. В продолжение пира поют свадебные песни и пляшут; бьют с намерением посуду, чашки и тарелки, и чем более бьют, тем супружество счастливее.

Ночью уводят молодых спать в подклеть или сенник. Молодая разувает своего мужа, и когда она снимает сапог, в коем лежат деньги, тогда он бьет ее слегка плетью по плечам. Это обыкновение, однако, не везде уже выполняется. Около подклета ходит ночью сваха или вооруженный дружка, чтобы колдуны не испортили молодых. На другой день провозглашают молодую. Если на нее не падает бесчестное имя, то молодой благодарит ее отца и мать; в противном случае он не ходит к ним на поклон.

Дружка заранее приготовляет баню и приглашает париться: сначала молодых, а потом их родственников. Новобрачная дарит дружку полотенцем, которое она нарочно приносит с собою и оставляет развернутым на кадке. После бани угощают новобрачных блинами, а за обедом как их, так и родственников разными кушаньями и напитками, приготовленными в доме молодой. Тут она дарит свекра и свекровь рубашками, а прочих – платками. Богатые свекровь и свекор одаривают ее взаимно: полотном, мукою и пивом. Вечером отправляется новобрачный с своей молодою на ужин к своему тестю и теще. На стол между прочими кушаньями подают приготовленные на яйцах блины, коих концы с намерением перепутаны и скрыты, а жених, не разрезывая блина, должен распутать их. Тогда он признается удалою головою, непроводчивым, а жена уже не проведет его.

ДОПОЛНЕНИЕ

В уголках дальних селений и деревень господствует простота и в образе жизни, и в излиянии сердечных мыс-

лей. Там сельские празднества и удовольствия выражаются непринужденно. Поет ли поселянин или гуляет – он действует, как чувствует его сердце. Раздается ли свадебное веселье – он празднует его с непритворной душою. Вот образец простоты той сельской радости, которая совершается в Борщевском селении Нерехтовского уезда Костромской губернии¹.

Самое деятельное участие в свадьбе принимают здесь: свахи, сваты и дружки, – последний распоряжается еще пиром и весельем. Когда уже окончен сговор, тогда он ездит просить соседей: откусать хлеба-соли и попить. Приглашая на веселье от имени жениха, невесты и их родителей, он просит каждое семейство с поклоном, говоря:

Бьют челом бачка Андреевич,
Бьют челом мачка Ивановна,
К новобрачному князю,
К молодой княгине
Хлеба кушати.

По приглашении гостей в дом невесты он заботится о порядке их приема: приветствует каждого приличными словами, встречает и провожает. При появлении отца и матери жениха он именует их сватушкой и свахонькой и просит сначала у них благословения, потом у родственников молодых, а там у всех гостей.

Еста сватушка коренной и свахонька коренная!

Вы сродников созывали,
Храбрый поезд собирали,
Новобрачного князя снаряжали,
В цветно платье одевали,
За столы дубовые сажали.

---

¹ Описание этой свадьбы помещено г. Снегиревым в его прекрасном сочинении «Русск. и простонар. праздн. и суевер. обряды», вып. IV, с. 132–142. Из этого сочинения извлечены одни только свадебные песни.

За столами за дубовыми
Сидят гости собранные.
Поют, прохлаждаются,
Храбрым поступком похваляются:
У тебя-де, сватушка, на дворах на широких
Стоят кони снаряженные,
Во дороженьку припасенные;
Стоят кони, поминаются,
С широкого двора порываются,
Новобрачного князя ожидают.
Новобрачный князь собирается,
Во цветно платье одевается,
Стоит на резвых ногах,
Просит родительского благословенья.
Благословите, сватушка, свое дитя,
Из места встать,
Святым помолиться,
    Благословите!
Из-за столов идти из-за дубовых,
Из-за скатертей из-за браных,
Из-за ествицев из-за сахарных
Из-за питьецев из-за медьяных,
По горенке идти по новой,
Через порог переступить.
По мосту по калинову,
По лесенке по брусчатовой,
Широким двором идти,
Ко добру коню придти,
На добра коня садиться,
С широка двора съезжать,
Гладкой улицей проезжать,
В чистое поле выезжать,
По лугам ехать по зеленым,
По цветам по лазоревым.
Цветки расцветали,
Поднебесные пташки распевали,
Новобрачного князя увеселяли.
Едет-де наш новобрачный князь,

По свою новобрачну княгиню,
Сужену взять, сужену взять,
По Божьему повеленью,
По царскому уложению,
По господскому приказанью,
По мирскому приговору,
Благословите!

Потом обращается к гостям:

Еста, добрые люди,
Гости полюбовные
Званые и незваные,
Усатые и бородатые,
Холостые и не женатые,
У ворот приворотнички,
У дверей притворнички.
По полу ходючи,
По середе стоячи,
Из кута по лавке,
По кривой по скамейке,
Благословите!

Молодые женщины, одетые в нарядные шубы или платья, сидят на лавках в чинном порядке. Дружка обращается к ним и говорит:

Молоды молодки!
Хорошие находки,
Куньи шубы,
Соболиные пухи,
С поволоками глаза,
С помахи голова,
Золоты кокошники,
Серебряны сережки,
Дочери отецки,
Жены молодецки,
Благословите!

Девушки, наряженные в яркие с пестрыми цветами одежды, с зачесанными волосами и перевитыми косами, сидят рядом молчаливо. Дружка кланяется им вежливо и говорит:

Красные девицы!
Пирожные мастерицы,
Чесанные головы,
Круглые голени
Сметанку снимали,
Кокурку месили,
Под застречь хоронили,
Молодцев дарили,
Благословите!

Дружка приветствует потом детей и наконец отправляется с своим поездом к жениху, который едет с ним в то селение, где его невеста. Не доезжая до села, дружка оставляет жениха в поле со всеми поезжаными и едет с одним дружкою к свату, который встречает их с пивом на дворе. Дружка, приняв пиво, говорит:

Еста, сватушка коренной!
Я иду сам третей с ковшом,
Резвы ноги с подходом,
Белы руки с подносом,
Ковшик с питьем,
Голова с челобитьем:
Ковшик тебе принять да пить,
После того здорову быть:
В ручки, в ножки,
В буйну голову,
В ретиво сердечко.
Ковшик приими да выкушай,
А меня там в горнице,
Выслушай!

Идут втроем в избу, кланяются сначала образам, потом на все четыре стороны и садятся, а дружка говорит:

Еста сватушка и свахонька коренные!
Наш сват и сваха приказали про вас расспросить,
Про свое рассказать:
Наш сват и сваха и добры и здоровы,
По сяков день и по сяков час,
Как вас Бог несет?

Сват просит их сесть. Дружка садится за стол: их потчуют пивом и водкою. Дружка напоминает свату, что пора показать невесту, и, увидев ее, просит снарядить в благословенный путь. Отец соглашается, дружка берет ее за руку и сажает за стол; подносит свату кружку пива, убеждает отца посадить подле ее стражу, чтобы она не ушла. Случалось, что невеста, не дождавшись жениха, уходила из-за стола, потому сажали подле нее стражу из подружков, которые берегли ее до прибытия жениха. Отец соглашается приставить стражу, дружка накрепко наказывает смотреть за быстроногою, советует не слушать ее словец и беречь княгиню молодую. Посидев немного за столом, встает и говорит, что ему теперь надобно ехать в чистое поле, в котором за темными лесами, за зелеными лугами и быстрыми реками ожидает храбрый его князь; что молодой князь под шатром полотняным гуляет с своею дружиною: пьет из чаши медяной и похваляется своим тестем.

Обычай оставлять жениха в поле с поездом позаимствован от татар, и он удержан здесь поныне.

Поклонившись свату, дружка выходит из избы, но, не дойдя до дверей, говорит:

Еста сватушка, и дружка с подружьем
Приехал к тебе на широкий двор.
Широки двory осматривал,
Новые стойлицы опрастывал,
Добра коня в путь поворачивал
За точеные столбы привязывал.
Ваша милость встречали,
В нову горницу звали.
Я ходил в нову горницу,

Богу помолился;
С вашей милостью поклонился.
Ваша милость встречали,
За дубовые столы сажали.
Посидел, погостил,
Что надо, себе получил,
Новобрачну княгиню за стол посадил.
Не так просто уезжал,
А сторожа оставлял.
Богу помолился,
С вашей милостью прощался,
Из новы горницы выходил,
На новый двор выступал,
К доброму коню приходил,
На добра коня садился,
С широка двора съезжал,
Широкие улицы проезжал,
В чисто поле выезжал,
Храбрый свой поезд искал.
Мой храбрый поезд
Стоит в чистом поле, далече:
За темными лесами,
За зелеными лугами,
За черными грязями,
За быстрыми реками
Под ходячими облаками,
Под чистыми звездами,
Под красным солнышком,
Под светлым месяцем,
Под лебединым крылышком,
Под полотняным шатерком:
Пьют, едят из чаши медьяной,
И хваля, про свата спрашивают:
Есть ли-ста двory широкие,
На дворах столбы точеные,
Кольца золоченые,
Ясли крашеные,
Ковры шелковые?
Ну, сватушка, у меня едет велик поезд:

Сто вершников,
Пятьдесят тележников —
А рюмочку поднесешь, так и убавлю;
А другую поднесешь, так половину убавлю;
А третью поднесешь, так сам о себе приеду.

Дружке подносят чарку вина, а сват изъявляет согласие, что он рад принять весь его поезд. Дружка отправляется за женихом, который в сопровождении его и своих вершников въезжает на двор. Ворота, дотоле затворенные, растворяются самим хозяином; у крыльца же встречает жениха сват, который вводит его за руку в избу и сажает подле невесты. Все садятся по своим места; потом потчуют их пивом, а дружка, встав с своего места, напоминает гостям и свату, что пора ехать молодым к венцу и принять закон Божий по мирскому приговору.

Еста, сватушка коренной,
И свахонька коренная!
Благословляйте новобрачного князя
С новобрачной княгиней
Из места встать,
Богу помолиться,
Добрым людям поклониться,
У отца и матери благословиться.
Из-за столов идти из-за дубовых,
Из-за скатертей из-за бранных,
Из-за ествицев из-за сахарных,
Из-за питьицев медяных.
По горенке идти по новой,
Через порог переступить,
По мосту по калинову,
По лесенке по брусчатой,
Широким двором идти,
К добрым коням придти.
На добрый коней садиться,
С широка двора съезжать,
Гладкой улицей проезжать,
Ехать по чистым полям,

По зеленым по лугам,
По лазоревым цветам,
Цветы расцветали,
Поднебесные пташки распевали,
Новобрачных увеселяли.
Едет новобрачный князь
С новобрачной княгиною
    Ко венчанию.
Под венец стоять,
Закон Божий принять,
Суженую взять,
Ряженую взять,
По Божьему повелению,
По царскому уложению,
По господскому приказанью,
По мирскому приговору.
    Благословляйте!

Все встают с своих мест; жених берет за руку невесту, и, обратившись к образам, он молится с нею; за ними молятся все присутствующие. Потом обращаются молодые к родителям, падают им в ноги и просят у них благословения. Их благословляют сначала иконами, которые кладут им на голову, а после благословляют хлебом-солью.

Мальчик – брат невесты, а если нет брата, то кто-нибудь другой – берет в руки икону, выходит прежде всех из избы и провожает молодых в церковь. Хлеб-соль относится в подклеть молодых. Подклеть бывает холодная, постель стелется на ржаных снопах и покрывается одеялом и шубами.

Когда князь с княгиней выйдут из избы, тогда дружка снова обращается к гостям с теми же приговорами, какие проносил прежде. Жених и невеста отправляются в церковь. При совершении венчания замечают, кто ступит прежде на ковер или кто станет прежде по правую руку, – тому господствовать в доме. Новобрачных встречают с радостными припевами и поздравляют их. Угощение начинается водкою, и потом все садятся за стол. После обеда бывают пляски и поются веселые

песни. По наступлении времени увода молодых в почивальную клеть, дружка сопровождает их, но говорит сначала:

Еста сватушка коренной,
И свахонька коренная!
Благословляйте своих детей, —
На подклеть идти,
Под шубой спать,
Под куньей спать;
Кунью шубу к ногам топтать,
Здоровенько спать,
Веселенько вставать.

На другой день ходят молодые в баню, и ее топят дружка. Потом родные и родственники собираются на обед к молодым. Этим оканчивается сельская свадьба. В течение почти целой недели приглашаются новобрачные на обеды и пирушки, которые даются их родственниками. Тут уже одаривают их, кто чем богат.

ХІ. СВАДЬБА В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

СВАТОВСТВО

Главное действующее лицо в продолжение всей свадьбы есть старший сват. Он по желанию жениха или его родителей отправляется сватать невесту преимущественно между знакомыми ему девушками. Сват, войдя в избу, молится сначала святым иконам, потом кланяется на все четыре стороны и спрашивает хозяина. Этот выходит и спрашивает: «Откуда Бог несет?» — «Из дальней сторонюшки, дорогой мой соседка, — отвечает он, — мы нарочно сюда прибыли и вестимо не без дела». — «Просим милости», — отвечает хозяин, указывая ему место на лавке. — «Благодарствуем, — говорит он, — мы

прибыли сюда по делу, вестимо по делу, соседушка. *Слахать*, есть у вас продажный товарец – дай вам Господь милосердный здоровья, а мы найдем на него купца». Иногда говорят: «Я слышал, что у тебя есть товар, а у меня есть купец; твой товар, я слышал, дорогой, хороший и нележалый, а у меня есть купец: богатый, хороший и неженатый». Хозяин, смекнув, в чем дело, говорит: «Дай Бог в добрый час». Он просит свата садиться, не чинясь, и, узнавши, от кого наряжен по делу, расспрашивает о здоровье стариков¹. «Старики-то и живы и здоровы, семейке твоей низко кланяются, себе сынка вырастили, а меня ему невесту искать выпросили». После этого сват спрашивает позволения приехать *с поглядками*, приговаривая: ведь у нас сторонушка православная, не басурманская; в ней не венчают молодых без погляду. Отец, изъявив согласие, угощает свата, и это называется *малый пропой*. К следующему утру все готово в доме невесты, чтобы принять жениха, его родителей, родню свою и знакомых. Убранная девушка, как можно лучше, сидит в заднем углу. Дверь в избе запирают крепко-накрепко. Сват, приехавши с женихом, подходит к избе, не заметив, что дверь заперта, начинает стучать. «Кто там?» – спрашивают из избы. «Проезжие добрые люди». – «Что надо?» – «Впустите обогреться, сбился с дороги». – «А откуда проезжие?» Здесь пускается сват в сказки и присказки, по коим судят о достоинстве свата, а потому избирают для этого случая опытного балагура. Во время рассказов отворяется дверь. «Проезжие, чай, передрогли с холоду-то», – говорит отворяющий дверь и подносит полный стакан водки. Сват входит в избу, выпивает и говорит: водка водкою, а старички твердят: пей да ума не пропей и дело разумеи. Потом он осматривает избу и, обойдя около лавок три раза, начинает осматривать невесту. После осмотра вступает он в переговоры, при которых выхваляет достоинства жениха, увеличивая их сколько можно более, и спрашивает позволения у невесты весть жениха в избу. Получив на то позволение, он берет го-

¹ Когда отец не согласен выдать свою дочь замуж, тогда он отвечает ему прямо: товар не по купцам, или: товар еще не готов.

лик (истертый веник) и прометает дорогу от дверей до невесты; потом отворяет дверь, протягивает руку жениху и ведет его по прометенной дорожке к невесте.

СГОВОР

Жених и невеста, насмотревшись друг на друга, изъявляют согласие вступить в брак. Отец невесты благодарит жениха, что он не побрезговал его дочерью, снимает со стены святые иконы и вместе с своей женой, а если ее нет, то со старушкой, близкой родственницей, образуют (благословляют) жениха и невесту. После образования целуются молодые. Сват вынимает из-за пазухи водку и потчует всех гостей, бывших при образовании, – это называется *большой пропой*. В этот самый день, а иногда на другой, совершают обручение в присутствии священника или без него. Молодых ставят на разостланном овчинном платье, вывороченном шерстью вверх, и обручают их.

ДЕВИЧНИК

На девичник приезжает жених с подженишником, сватом и дядькою¹ и привозят из дома обед, который состоит: из вареной и жареной говядины, баранины, поросенка, ветчины, птиц, хлебного печенья, водки, наливки, пива, меду и браги; ставят все это на стол до приезда родни невесты. По собрании всех гостей садятся за стол. Жених и невеста не обедают за общим столом, а сидят порознь в углу избы. После обеда выходят в сени жених с дядькою. Сваха и младший сват (так называют свата со стороны невесты) покрывают рядом (холстом) всех девушек, сколько бы их ни было на девичнике. Вслед за этим является жених, который непременно должен узнать между прикрытыми девицами свою нареченную, – для этого он обходит несколько раз всех поочередно. Узнав невесту, сбрасывает с нее рядом и целует,

¹ Обязанность дядьки: одевать жениха и прислуживать ему во всех прихотях.

по приговору певиц, *во уста сахарные*. Тогда садятся молодые за стол, а девицы поют:

Черна, черна былка
На горе стояла,
Главу преклоняла.
Гора ль моя, горка!
Скажи мне всю правду:
Скоро ль зима станет,
И какая будет?
Лютые ль морозы?
Глубокие ль снега?
Буйные ли ветры?
Грозные ли тучи?

Эту песнь поют еще:

Былка чернобылка,
На горе стояла
    Лели, лели, лели, лели!
К горе припадала,
Горушку пытала,
    Лели, лели, лели, лели!
Ты скажи, скажи, горушка,
Какова зима будет?
    Лели, лели, лели, лели!
Какова зима будет?
Морозы лютые,
    Лели, лели, лели, лели!
Морозы лютые,
Снеги глубокие?
    Лели, лели, лели, лели!
Катеринушка плачет,
К столу припадает!
    Лели, лели, лели, лели!
К столу припадает,
Матушку пытает.
    Лели, лели, лели, лели!

Ты скажи, скажи матушка:
Какова доля будет?
Лели, лели, лели, лели!
Житье золотое.
Каков Иван будет?
Лели, лели, лели, лели!
Умом и разумом?

Да не жарко горит лучина,
Да не жалко плачет (такая-то)
Не разжалобит никого:
Ни своего батюшки родного,
Ни сударыни матушки родненькой.
Да когда захочу, разжалю:
Выплету уплеты с русых кос,
Повешу уплеты на приклеть,
Куда моей матушки в клеть ходить;
В клеть идучи, заглянет,
Из клетки идучи, заплачет:
Это моей дочушки уплеты,
Она эти уплеты носила,
Подворье мое красила.
Моей дочушки не стало,
Мое подворье завяло.
Растопная ты банюшка,
Разгорная ты каменка!
Ты рассыпья, белый жемчуг,
Да по черному ли по бархату,
По серебряну ли по блюдечку.
Ты расплячься ли, Марьюшка,
Ты расплячься ли, Степановна:
Пред батюшкой стоючи,
Утренними, вечерними зорями,
Все своими горячими слезами.

Ах ты ель, ты елушечка,
Золотая ель, макушечка!
Похились ты ель, туда, сюда.
Аль все ли твои ветийки?

Ах все ли да мои ветийки?
Только нет да верхушечки,
Золотой моей макушечки.
Молодая свет Катеринушка
Оглянись ли туда, сюда,
Посмотри ты во все стороны.
Ах! весь ли тут твой род, племя?
Ах! весь ли тут мой род, племя?
Только нету мойво батюшки,
Только нету мойво родного.
Мой батюшка у Господа Бога
Просился, на сыру землю,
Посмотреть свое рожденьице:
Хорошо ли оно да снаряжено,
Да на месте ли посажено?
Снаряжено, как лебедушка;
Посажено, как сиротушка.

Через поле полешко,
Через сине морешко,
Там лежала досточка,
Досточка дубовая.
Да никто по досточке,
Да никто не хаживал;
Никого за рученьку,
Никого не важивал.
Перешел Иванушка
Перешел Евграфович;
Перевел Катеринушку,
Перевел Степановну;
Перевезши, целуются,
Целуются, милуются.

В полюшке лебедушка вскрикнула,
Во тереме Катеринушка всплакнула,
Жалостно на матушку пеняла:
Бог тебе судья, родимая матушка!
Молоду в чужие люди отдаешь,
Останется зеленый сад без меня,

Поблекнут все цветники во саду:
Аленький, мой миленький цветочек.
Вставай моя матушка, раненько,
Поливай мои цветики частенько.

ПРОДАЖА НЕВЕСТЫ

Пирушка длится за полночь. Дружка прекращает ее приглашением гостей на свадьбу.

Утром готовится поезд к венцу. Жених с сватом, дружкой, подженишником, дядькой, посаженным отцом и матерью везут в дом невесты три стравы (кушанья). Поезжаные, войдя в двор, поют:

Уж как выпал снежок,
Чуть виден следок;
А мы по следочку.
Кони притомились,
Сами приморились.
Здесь коней накормим,
Здесь сами отдохнем.

Сенная дверь, затворенная до тех пор, открывается по-маленьку. «По какому виду? По какому следочку приехали сюда?» – спрашивает брат или родственник невесты, который стоит возле нее, в углу сеней, и держит в руках скалку или ухват. «Себя показать, а вас посмотреть», – кричат поезжаные. Выходит сват и говорит: «Мы слышали, что у тебя есть товар продажный, покажи его нам: коли полюбится, мы купим его». – «Мы дорого просим», – отвечает родственник. «А мы дорого дадим, никому не уступим; оставим за собою, – что возьмешь?» – «Золотую гривну, меди полтину да четыре стакана водки». – «Какой величины стаканы?» Стоящий возле невесты показывает стакан, сват наливает немедленно, раз за разом. «В избе четыре угла да пятый столб», – говорит продавец, когда осушит четыре стакана. Тогда сват наливает пятый.

«Ну вот и товар ваш», – говорит продавец, указывая на косу невесты. Сват бьет его плетью и кричит: «Вон из избы!» Привезенные травы женихом немедленно ставят на стол.

ПОЕЗД МОЛОДЫХ

Закусивши слегка, все едут в церковь. Молодой кладут за пояс: мыло, рябину и сеть рыбу, и это она должна хранить во всю свою жизнь, в том предубеждении, что мыло охраняет непорочность, рябина дает твердость, а сеть будет держать мужа в повиновении. Жених отправляется со сватом вперед, чтобы встретить невесту у паперти церковной. Невеста едет с своими свахами и подругами: она сидит в закрытой повозке, называемой буткою. За ними едут особые телеги, с пирогами и вином. Встретившийся кто-либо с поездом должен своротить с дороги, за что подносят ему водки; в противном случае посыплется побои. Поездка продолжается более пяти часов, как бы ни было близко к церкви, ибо на всяком перекрестке останавливаются, пьют вино и *играют* (поют) песни. При появлении дружки у священника непременно должно поставить ему на стол, по крайней мере, полведра водки и целый обеденный припас.

Когда все готово в путь, тогда поет поезд.

Поезжайте, бояре,
Снимайте собольи шапки.

Снимают шапки.

Вы хватайте, бояре,
Хмелиные перья.

При этом обсыпают шапки зерновым хлебом; попавшие зерна в шапку берегут для посева. Этот обряд называется *обсыпанье хмелем*. Когда двинется поезд, тогда запевают поезжаные:

Повозник кудрявый!
Приударь коня больно,
Чтобы конь бежал бодро.
Чтобы я не слыхала,
Как матушка плачет,
Как матушка плачет,
Родная вздыхает.

Когда отъедет поезд от дома.

Пала, припала, молодая пороша,
На той на пороше слединька лежала;
По той по слединьке кунья пробежала;
За тою кунью охотнички ездят;
Охотнички ездят, гаркают и свищут.
Коней утомили, кунью изловили.

Полетел соколик, полетел.
Только крыльышком засвистел.
Поехал Ванечка, поехал,
Только плеточкой замахал.
Молодые сватьяшки запели,
Золотые подводы зазвенели.

После венчания расплетает молодой князь своей молодой княгине ее косу надвое вне церкви; потом двигается поезд и поет:

Вскрикнули гуси,
Оку переплывши,
Тростники перешедши
И на горку вшедши:
Свет моя волюшка,
Батюшки подворье!

Обращаясь к невесте:

Река ль моя реченька,
Река ль моя быстрая,

Что течешь, не колышешься,
Из бережков не выльешься?
Что сидишь, припечалившись?
Что сидишь, не усмеаешься?
Говоришь не улыбаешься.
Вы сестрицы, подруженьки,
Ах! как же мне веселой быть?
Нет уже у меня родненьких,
Нет ни батюшки, ни матушки.

Подъезжая к дому:

Измешкали темну ночьку,
Прождалась соколица-матушка.
Соколика долго нет:
Его красные девки,
В высок терем завели,
Тертými калачами кормили,
Сытовой водою поили.

ПРИЕМ МОЛОДЫХ

До приезда молодых все в доме выметают, чтобы никогда не было ссоры между молодыми и не испортили их враги, которые, по мнению простолюдинов, часто портят их за то, что не пригласили их на свадьбу, или пригласили, но угостили плохо. Иные думают, что на свадьбу являются скрытно колдуны и портят наговором на воде, соли и курением ладана. Молодых встречают с хлебом-солью и обсыпают хмелем: они падают в ноги родителям, которые благословляют их. Потом заводят их за стол и угощают. Через несколько времени подают обед для гостей, но новобрачные не едят ничего. По окончании обеда девушки катают новобрачного на постели, на коей он должен спать с молодою, в том мнении, что укатанный новобрачный будет во всегдашнем повиновении у своей жены. Постель стелется на ржаных колосьях. Потом свахи уводят молодых в брачную клеть. При раздевании мо-

лодого должна молодая снять с правой ноги его сапог, и положенные в нем деньги она берет себе.

На другой день топят девушки баню, за что молодой дает им деньги на веники. После бани посещают новобрачные всю свою родню и приглашают ее на княжий пир. С ними ездит сват: он стучится каждому в дверь, называет по имени хозяина и говорит: «Коли дома, скажись; коли нет, откажись. Пойди к нашим молодым поближе, они тебе поклонятся пониже. Бьет князь молодой со княгинею буйною головою, винной чарой; чарочку выпивай, молодых подаряй – рублем аль полтиною, либо золотою гривною; а коли твоя честь, так рублевиков шесть; а чушку за ушко, ярочку за поярочку; кобылку за гривку, коровку за головку. Наше дело панове, нам много надобно: на шпильце, на мыльце, на румянцы, на белила». После этого сват просит каждого поломаться, что целовались молодые.

Возвратясь домой, новобрачные застают у себя гостей, приглашенных на княжий стол. Девушки поют:

Иванушка да Григорьевич!
Кто тебе рубашку прял?
Кто прял тебе да кужельную?
Пряла тебе да Катеринушка.
Она тонко пряла,
Часто вышивала;
Бело белила,
С своячиной мыла.
Шила, вышивала,
И блестки сажала.

Полон стол гостей вокруг застолийца,
А во всей избе да снадобного!
Печь полным-полна да съядомого,
Уста Катеринушки да сладимого,
Лицо Ванюшки да красивого,
А привет гостям в лице батюшки,
А порадушка в речах сватушки.

Перед сватом ставят стакан водки и величают его:

У Пахомыча на дворе,
Виноградье расцвело,
И немножко выщвели,
Четыре только ягодки:
Пахомыч ягодка (имя свата)
Филатьевна ягодка (имя жены его)
Климентьюшка ягодка (сына свата)
Феклустушка ягодка (дочери его).

После княжьего пира приглашают молодых к обеду родные и знакомые или дают особые им вечеринки. Пирование продолжается по состоянию.

ХII. СВАДЬБА В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

Свадебные обряды Олонецкого края во многом отличаются от совершаемых внутри России. Парень, соскучившись одиночеством, просит у своих родителей дозволения жениться. «Желанные родители! – говорит он. – Отпустите меня на чужую чужбину: я достану себе молодцу красную девицу». Его отпускают с благословением: «Иди с Богом, дитяtko, – говорят родители, – иди роженье!»

СВАТОВСТВО

Он идет искать невесту вдалеке от своего селения или деревни. Избрав для этого друзей своих и двух сватов, в которые берет из родственников, он отправляется с ними в то место, где у него на примете девица. Они не входят прямо в дом, а стучат в окно, спрашивая, можно ли войти? Им отвечают: «Милости просим». Войдя в избу, они молятся сначала образам, а после кланяются родителями невесты; родители просят гостей са-

диться; они благодарят, говоря: нам некогда сидеть, мы пришли за добрым делом, за сватовством. Гостей упрасивают сесть и начинают потчевать яичницею и пряжеными пирогами. В то время зажигают свечу пред образом, и если невесте не понравится жених, то она гасит свечу. Это отказ. Когда просватают невесту, тогда она плачет. В то время накрывают ее фатою и сватам объявляют приказ, т. е.: когда будет порученье (обручение), а когда свадьба. Приказ сопровождается звоном в колокольчик, рукобитьем и благословением. Сват бьет по рукам со всеми родными невесты, захватив полу своей сибирки.

ПЛАЧ НЕВЕСТЫ ПО ЗАПОРУЧЕНЬИ ИЛИ РУКОБИТЬИ

После совершения рукобитья помолвленная произносит с плачем: «Улетела моя любимая, вольная волюшка! За горушки высокие, за лесушки темные, за озерушки широкие. Обневолили меня желанные родители за чужого чужанина, на чужую сторону. Как-то будет привыкать мне к чужому чужанину, к чужим родителям, к чужой стороне? Мне уж не долго красоваться волюшкой у своих родителей и у братьев ясных соколов. Видно, я им наскучила, видно, была им не работница и не заботница. Видно, приустали мои родители меня поючи, кормючи, узки плечики одеваючи, резвы ножки обуваючи! Выйду я, бедная девушка, в зеленую дубравушку; посмотрю на все четыре стороны: увижу ли я, где летает моя любимая волюшка? Обернусь я, красная девица, к косясчету окошечку; посмотрю на широкую улицу: исполна ли печет красное солнышко, светит светел месяц? Погляжу я, красная девушка, на брусовую гладкую лавочку: исполна ли сидят мои родители на брусовой красной лавочке? Исполна, исполна: лишь нет моей любимой волюшки! Ах, любимые подруженьки! У вас цветут желанные волюшки на буйных головушках; у меня, у бедной горюшницы, распущена косонька, нет моей вольной волюшки! Не держите вы ее по рядовым денечкам, а держите по годовым праздничкам. Поднимись, ручка правая, на

буйную головушку! Опустись, ручка правая, против вздоха тяжелого. Первый поклон положу я за кормилица батюшку, второй поклон за родитель-матушку, третий поклон за крестного батюшку, четвертый поклон за крестную матушку. И еще поднимись, ручка правая, на горемычную головушку. Ты, Покров Богородица! Покрой меня девушку пеленой своей нетленной, иди на чужую сторону! Введенье мать Богородица! Введи меня на чужую сторонушку! Сретенье мать Богородица! Встреть меня на чужой сторонушке!»

Невеста ходит ежедневно рано поутру в дома родных и поет причитанье плачевное. Если нет у нее родителей, то ходит на их могилу и там рыдает. Таковые причитания она распевает до самой свадьбы. Вот для образца.

Плач невесты, выдаваемой замуж против воли.

Скучно мне девушке сиротинушке,
Бесталанной, бедной головушке.
При отце росла я при родимом!
Я у матушки у сударыни,
Сиживала под окошечком,
Почесывала буйну головушку,
Поплетывала трубчату косу.
Теперь батюшка да как чуж чужанин,
Родная матушка хуже мачехи.
До зореньки красные понаелися,
До свету Божьего понапилися —
Пропили меня девушку, сиротинушку,
Пропили головушку бесприютную,
Не глядя на слезы, на желаньце,
Забросили детище в нелюбиму сторону:
Да на горюшко, на кручинушку.
Да на плаканье, да на вечное.

Плач невесты на могиле родных:

Не пила млада и не ела я,
Мне не спалося, не дремала я;

Тошно девушке мне, тошнешенько,
Больно сердечку, и больнешенько.
Расступись ты, мать сыра земля!
Подымись, вскройся гробова доска;
Встань ты, братец мой, встань родименький.
Приюти меня бесприютную;
Приголубь меня, позабытую;
Роду племени я чужой стала.
Отцу матери я покидышем.

Что на коре-то дуб стоит,
Он без ветра мотается,
Без дождя увивается.
Много, много у сыра дуба,
Много ветвей и поветей,
Много листу зеленого.
Только нет у сыра дуба,
Золотой нет вершиночки,
Позолоченной маковки.
Что теперь было надобно,
Что к этому-то времечку,
Что к лету ко красному,
Ко весне ко разливной.

Много, много у девушки.
Много ближних приятелей.
Только нету у девушки,
Нету родителя матушки.
Что теперь было надобно,
Что ко этому ко времечку
Ко благословению великому.
Снарядить младу есть кому,
Благословить младу некому:
Благословляют чужи люди
Чужи люди, посторонние,
Все соседи нарядовые.

Плач невесты утром на крыльце своего дома. Также она плачет и в доме своих родственников.

Грустно сердечку, нудно бедному;
Ах знобить его да невзгодушка:
Отца батюшки приказаньице,
Родной матушки повеленьице.
Куда ни брошусь я, куда ни взгляну я,
Ах! везде тоска не усыпучая,
Везде невзгодушка не минучая.
Оглянуся я на далекий лес:
Во сосновеньком да темнешенько,
А в груди моей и еще темней.
Оглянуся я на широкий двор
Ах! на дворике да грустнехонько,
А на сердце мне и еще грустней.

Все эти припевы время от времени выходят из употребления, и если существуют во всей силе, то в селениях, весьма отдаленных от городов.

Подруги невесты, принимая в ней участие, проводят с нею время до свадьбы и утешают ее. Во все это время они приготавливают ей свадебные уборы и поют с нею песни, по большей части грустные.

Не чаяла меня матушка век сбыти,
Меня век сбыти, со двора изжити.
Изжила меня матушка во единый час.
Во единый час, во минуточку.
Жарко, жарко в тереме свечи горят,
Все горят свечи, воску ярого!
Жалко, жалко плакала красная девица
По своей косе русой...
Унимал ее родной батюшка,
Уговаривала родитель-матушка:
Ты не плачь, наша умная!
Не тужи, душа разумная!
Уж ведь мы тебя не в полон дадим,
Уж ведь мы тебя замуж выдадим.
Отдаем тебя за умного,
Что за умного за разумного.

Уж как мы тебя не одну спустим;
Мы тебе дадим провожатых.
Ты не тешь, не тешь, родной батюшка!
Не уговаривай, родимая матушка!
Провожатые все разведутся;
Я одна молодешенька остануся,
С удалым добрым молодцем.

Желтые кудри за стол пошли,
Русу косу за собою повели;
Желтые кудри добрый молодец,
Русая коса красная девица.
На улице дождик накрапывает,
Добрый молодец у красной девушки выспрашивает:
Ты скажи, скажи, красная девица!
Кто тебе из роду мил?

Мил мне милешенок,
Батюшка родной.
Красная девица моя!
Это неправда твоя, не истинная;
Свое сердце тешишь, а мое гневишь.
На улице дождик накрапывает,
Добрый молодец у красной девушки выспрашивает:
Кто тебе из роду мил?

Мил мне милешенок,
Добрый молодец.
Красная девица душа!
Это правда твоя, истинная:
Свое сердце тешишь, мое веселишь.

Ты скажи-ка, чужой чужбанин!
Уж ты где меня повысмотрел?
Уж ты где меня повыглядел?
На горке катаючись,
О Христовом дне качаючись,
Аль на тихой смирной беседушке?
И тогда у меня молодешенькой
Было туну¹ принабавлено,

---

¹ Полноты.

Было росту принаставлено;
Накладно да лицо белое,
И белым¹ было набеленное,
Алым² да нарумянено.

СВОД ЖЕНИХА И НЕВЕСТЫ

В определенный день приезжает жених со сватами и свахами, которые сводят жениха с невестою. Жениха ставят в большой угол под иконы, а невесту – в малый угол близ печи. По обе стороны жениха стоят две сватьи, а по обе стороны невесты – две брудги³. Невеста держит в руках тарелку, на коей лежит фата, сложенная несколько раз в средину углами. Сватьи бьют в воронец⁴, приговаривая брудге: «Ну, сватьюшка, поворачивайся; давай невесту, жених скучает». Жениха и невесту ведут медленно; брудге говорят: «В нашей пшенице нет торницы (торной, гладкой дороги)». Сватьи жениха отвечают: «В нашем жите хорош росток». Потом, приведя на средину избы, сводят жениха с невестой, т. е. ставят друг подле друга. Жених разгибает углы фаты и при каждом угле, им разогнутом, целует свою невесту. Когда разогнет все углы, тогда накрывают невесту фатою, дают ей в руки поднос с вином, и потом она начинает потчевать всех гостей, из коих каждый кладет на поднос деньги, сколько кто может. Вслед за невестой ходят: проводница и плакальщица; последняя неумолкно оплакивает ее. Обнеся всех, невеста подносит вино жениху, который дарит ей, между прочими вещами, башмаки, но она, взяв их, бросает, а плакальщица поет укоризны. Иногда поют брудги.

Не дари-ка, чужой чужбинин!
Ты нищенскими подарками,

---

¹ Белилами.

² Румянами.

³ Брудги, карельское слово, значит сваха или сватья. Название брудге носят одни свахи со стороны невесты.

⁴ В доску, привешенную к перекладине потолка.

На церковном крыльце вступи.
Уж я жила, молодешенька,
У родимого у батюшки;
Я носила, молодешенька,
По Христовым воскресеньцам
Я башмачки козловые,
Чулочки бумажные;
По годовым по праздничкам —
Я чулочки шелковые,
И башмачки сафьянные.
Ты послушай, чужой чужбинин!
С моим родом спознаться —
Прозакладать все житье бытѣ,
И хоромное строенье.
Как дарить тебе, отдавать?
Мой род племя, великое!
У меня родня, широкая:
Сорок тетюшек, сорок дядюшек,
Шестьдесят желанных дядюшек.
В моем-де роду племени,
Все попы, отцы духовные,
И причетники церковные;
По губерниям губернаторы,
По городам городничие,
По уездам исправники,
По правлениям славны головы,
Да по земским пятисотские.

ДЕВИЧНИК

Обойдя всех с подносом, невеста останавливается у стола: дружки снимают с нее фату концами плети.

После свода или порученья наступает девичник, но накануне его брудги топят баню, в которую водят невесту ее подруги, при пении заунывном. Там ее моют льном, из которого потом делают *гашники*¹ для нового платья жениха.

---

¹ Гашники суть шнуры, продаваемые в исподнее мужское платье.

На девичник собирается со стороны помолвленных вся родня. Жениха и невесту заводят за стол; против невесты садятся ее подружки, а против жениха – его поезжанные и тысяцкий, избираемый из крестных отцов, и заступающий место посаженного отца. Молодых потчуют прежде всех, и в то время, когда подносят невесте вино, она встает и кланяется будущим своим родным; девушки поют:

Сборы, сборы широкие,
Широкие сборы, девичьи!
(имя и отчество невесты)
Сбирала подружек за свой стол,
Садила подружек высоко;
Сама садилась выше всех,
Думала думушку крепче всех:
Как будет придти в чужи люди?
Как будет назвать люта свекра?
Батюшкой назвать не хочется,
Свекром назвать – рассердится.
Убавлю спеси гордости,
Прибавлю ума разума,
Назову свекра батюшкою,
Люту свекровушку матушкою.
С этого я худа не буду,
С белого лица не спаду,
С алых щечек румянцем не сойду.

Молодых заставляют поцеловаться, и после их поцелуя раздается общее одобрение. Жених подносит своей невесте подарки, которая отдаривает его платком и уходит в особую комнату; гости садятся за стол.

Спустя несколько времени выходит покрытая фатой невеста. Она несет поднос и ставит его на стол. Невеста наливает рюмку вина и подносит своему жениху, жених наливает другую рюмку и подносит ей. Каждый из них первым старается влить вино в рюмку друг друга, и кто успеет это сделать прежде, тот будет первенствовать: зрители одобряют радостным

криком. Если жених успеет налить первым, то невеста обращается к нему и поет с покорностью.

Ох ты мне, да ох ты мнешенько,
Хоть мне долго надеватися,
Будет бедной покорится!
Подойти да молодешеньке,
Ко столу, да ко княжескому;
Ко кругу, да молодецкому,
Поклонится да низешенько.
Уж мне снять фату алую.
Не помни, чужой чужбинин!
Ты не лихой моей,
Да не грубой мой грубости.
Ты гляди, чужой чужбинин,
Господин души, отецкий сын!
Мне прямо в бело лицо,
В точь ясны очи.
Я девушка не корыстная!
Тебе брать, чтобы не каяться,
Мне бы жить, чтоб не плакаться
На чуждой дальней сторонущке!..

Тогда поезжаные с жениховой стороны вскакивают из-за стола и кричат: «Покорилась – наша взяла! Наша взяла!» Тут начинается снова потчеванье, а невеста, сопровождаемая девушками и женщинами, собирает *пособь*: она подходит к каждому мужчине и каждой женщине с приличной песней, которую поет со свахами или сведущими женщинами, или только благодарит их причитанием:

Спасибо, добрый молодец,
На приносе, на подносе,
На дорогих твоих подарках.

Причитая то же самое каждой женщине и девушке, она говорит первой: спасибо, добрая тетушка, а второй: спасибо,

моя сестричка, и потом заключает поклоном. Обойдя всех, она обращается к своим родителям и прощается с ними:

Прости, красно мое солнышко,
Желанный кормилец-батюшка,
И родительница моя матушка!
Ох-ти мне, да ох-ти мнешенько,
Дочь кручинная головушка!
По последнему денечку,
Я сидела молодешенька,
Я во светлой своей светлице,
Во высокой новой горнице.
Уж я шила волю золотом,
Обшивала чистым серебром;
Я смотрела, молодешенька,
Из косячета окошечка,
На озеро на Онежское:
Из-за озера за Онежского,
Летят птицы заморские:
Соловей птица свистущая,
Орел птица говорящая:
Орел сел да на окошечко,
Соловей сел под окошечком.
Орел стал да выговаривать,
Соловей стал да высвистывать¹:
Не сиди, наша голубушка,
Под косящетым окошечком.
Ты не трать чиста серебра,
И не порти красна золота.
По сегодняшнему денечку,
Быть саду да полоненному,

---

¹ Вместо этого поют еще:

Соловей стал да выщебетовать.

Если девушка бойкая и не застенчива, то говорят: эка ты моя соловейка-щебетунья! Выражая этим, что она говорит так приятно, как поет соловей. Олонецкие соловьи поют не хорошо, самые напевы их очень редко слышны. Вообще, в северной полосе России трели соловьев перерывистые и не звонкие и далеко отстоят от сладкозвучных Южного края.

Всему роду покоренному;
Волюшки быть в неволюшке,
Девушке быть во заботушке.
Не за долго поры времени,
Проскрипели дубовы сани,
Пробренчала золота узда,
Просвистала шелкова плеть:
Приезжал злодей, большой сват;
Насулил он батюшке
Много пива, много пьяного.
Говорил желанный батюшка:
Мне-ка пить, да не запиваться;
Не променяю любовь дочери,
Я за винную за рюмочку.
Выводил да злодей, большой сват,
Много злата, много серебра,
Много скатного жемчугу.
Говорит родима матушка:
Серебром-то не шлюзы шлюзить,
Золотом-то не тыны тынить,
Жемчугом да не сады садить.
Пропились да промотались,
Желанные мои родители;
Пропили мою головушку,
Не за пивную за кружечку,
Не за винную за рюмочку.
Верно, я да молодешенька,
Надоела да наскучила!
Видно, бедная я, напрокучила
Своим долгим девичеством,
Глупым малым ребячеством!
Я приела, молодешенька,
Все я стоги пятигодные.
Да засеки неисходные!
Проносила, молодешенька,
Все я цветные платъица!
Придержала молодешенька,
Всю бессметную золоту казну!
Как при мне да молодешеньке,

У моих свет у родителей.
Уж как в поле не родилося,
На дворе да не плодилось,
На столе да не спорилось!
Изживают меня, бедную,
Будто ворога из города,
Люта зверя из темна леса.
Погоди, родима матушка!
Схватишься, да догадаешься,
Как не будет меня бедной;
И по бережку находишься,
Камешков наприбираешься,
И к сердцу наприжимаешься.
Рада будешь, красно солнышко!
Через поле в глаза видети,
Через лес да голос слышати,
Через реку речь говорити.
У меня у молодешеньки,
Будет волюшка спрошенная,
Красота да доложенная.
Мне захочется тошнешенько
На родимую сторонушку,
Да отхочется скорешенько:
У меня день пройдет спрашаючи,
Другой день да vzdоложаючи,
Недельку снаряжаючи
На родимую сторонушку.
Осенью да бездорожьце,
А весною да беспольце,
Летом летние работушки,
Зимой зимушка студеная.
И не спустит меня, бедную,
На родимую сторонушку...
Уж мы свидимся, понаплачемся,
Разойдемся, натоскуемся.

За этим возобновляется потчеванье со стороны невесты родителей, и после того дружки жениха приглашают всю род-

ню невесты, жениха и гостей на княжеский стол, который бывает после венчания. За этим угощением все расходятся.

ОБРЯД ПРЕДВЕНЧАЛЬНЫЙ

В день поезда молодых в церковь жених приезжает за невестой с своими дружками и сватями. Его сажают за стол в кутнем углу, под образами: по правую его руку садятся дружки, а по левую – сватьи. В то время девушки одевают в другой избе невесту и кладут ей за пазуху крайчик посоленного хлеба и гашник, сплетенный из того льна, которым она мылась в бане. При одевании поют девушки, а иногда сама невеста:

По последнему денечку
Нанесло тучку черную,
Со громами со трескучими
С молниями со сверкучими,
На батюшков высок терем,
На матушкину горенку.
Приезжал чужой чужбинин,
С храбрым своим поездом,
С поезжаными молодыми.
Где-то есть у молодешеньки
Сокол-братец, братец родименький,
Голубчик златокрыленький;
Запонка да воротовая,
Сердолик, дорогой камень.
Наряжу я молодешенька,
Службицу я не великую,
Да работку не тяжелую:
Ты сходи-ка, братец, сокол мой,
В постоялую конюшенку;
Ты возьми-ка, братец, сокол мой,
Что ни лошадь саму лучшую;
Запряги-ка, братец, сокол мой,
В саночки да в самокаточки;
Поезжай-ка, братец, сокол мой,
В славный город Вытегру,

В лавочки торговые,
Закупи-ка, братец, сокол мой,
Гарнитуру мне черного
И шелков семи разных.
Где-то есть у молодешеньки
Тайны, милые подруженьки,
Дорогие поровеночки (однолетки).
Вы повышейте, голубушки,
Заузорчатую занавесь:
Вы на первом углу вышейте
Вы Литву, да со татарами;
На другом углу вышейте
Вы Москву, да со боярами;
Вы на третьем углу вышейте
Царя да со Царицею;
На четвертом углу вышейте
Короля со королицею.
На середочке же вышейте
Красно солнышко, со месяцем,
Да со частыми звездочками.
Ты повесь-ка, братец, сокол мой!
Заузорчатую занавесь
Ко крыльцу, да ко перильному,
И ко столбику точеному,
Ко колочку золоченому.
Как поедет да чужой чужбинин
В городах он не бывающий,
Мудрости мало ведающий;
Разглядится, да рассмотрится
На узорчатую занавесь,
И оставит молодешеньку
На родимой на сторонущке,
У желанных у родителей.
Глупая я, красна девица,
Неразумная головушка!
Как поедет чужой чужбинин,
Впереди его вожатые,
Позади же провожатые,
На стороне да сбережатые.

В городах они бывалые,
Много мудрости ведалые.
Не отпустят молодешеньку
На родимую сторонушку.
Не пускай-ка, братец, сокол мой,
Без допросу на крытое крыльцо,
Без доклада красной девице.

Когда начнут заплетать косу, тогда стараются заплесть ее как можно крепче: для того перепутывают косу и завязывают ее узлами. Когда невеста совершенно готова, тогда крестный отец, занимающий место посаженного, сажает ее на квашне. Сватья и дружки отправляются за невестою. Дружки получают от невесты в подарок ленточные банты, а сваха начинает расплетать косу. Девушки поют:

Я не знала, не ведала,
Когда сваха приехала,
Спесивая, горделивая.
Она ступить не ступила,
Слова не смолвила;
Хотя ж она ступила,
Хотя ж она смолвила:
Снаряжайся-ка, умная!
Снаряжайся, разумная!
Что в ту ль Божию церковь,
Что к тому ль Божьему суду.
Отойди ж прочь, обманщица!
Отойди, подговорщица!
Мне и так уж тошнехонько
Расставаться со родителями:
Усюда ведь ноги ломит,
Под венцом голова болит.

Расплетши косу, сватья надевает на голову невесты *волю*¹. В то время дарят сваху чем-нибудь. Потом сватья, взяв невесту за руку, подводит к жениху и сажает рядом с ним

¹ Волосник то же, что повойник, только несколько меньше его.

на подушке. Крестный отец невесты расставляет на все четыре стороны иконы: Покров Пресвятой Богородицы. Сретенье Пресвятой Богородицы и благословенную икону, которую везут с невестою в церковь. Жениха и невесту выводят из-за стола и подводят под благословение родителей, которые стоят у стола на разостланной шубе шерстью вверх; возле них стоит крестная мать невесты, держа в руках хлеб с посыпанной на нем солью. Невеста снимает с головы своей *волю* и отдает родной сестре, а если нет сестры, то кому-либо из подруг, и поет плач: «Улетела моя любимая вольная волюшка, за горошки высокие, за лесушки темные, за озерушки широкие! Обневолили меня желанные родители за чужого чужанина, на чужую сторону. Как-то будет привыкать мне к чужому чужанину, к чужим родителям, к чужой стороне? Мне не долго красоваться волюшкой у своих родителей и у братьев, ясных соколов. Видно, я им наскучила, видно, была не работница и не заботница. Приустали, видно, мои родители, меня поючи, кормючи, узки плечики одеваючи, резвы ножки обуваючи! Выйду я, бедная девушка, в зеленую дубравушку; посмотрю на все четыре стороны: не увижу ли я, где летает моя любимая волюшка? Обернусь я, красная девица, к косясчету окошечку; посмотрю на широкую улицу: исполна ли печет красное солнышко? Исполна ли светит светел месяц? Погляжу я, красная девушка, на брусовую гладкую лавочку: исполна ли сидят мои родители на брусовой красной лавочке? Исполна, исполна: лишь нет моей любимой волюшки! Ах, любимые подруженьки! У вас цветут желанные волюшки на буйных головушках, у меня, у бедной горюшницы, распущена косонька, нет моей вольной волюшки! Не держите вы ее по рядовым денечкам, а держите по годовым праздничкам! Поднимись, ручка правая, на буйную головушку! Опустись, ручка правая, против вздоха тяжелого. Первый поклон положу я за кормильца батюшку, второй поклон за родитель-матушку, третий поклон за крестного батюшку, четвертый поклон за крестную матушку. И еще, поднимись, ручка правая, на горемычную головушку! Ты, Покров Богородица! Покрой меня девушку, пеленой

своею нетленною, идти на чужую сторону! Введение мать Богородица! Введи меня на чужую сторонушку! Сретенье мать Богородица! Встреть меня на чужой сторонушке!»

По произнесении причитания иконам она падает в ноги своим родителям; крестный отец снимает со стены каждую икону поочередно, передает крестной матери, та родителям невесты, а они благословляют свою дочь. Потом жених и невеста падают им в ноги, которые благословляют их хлебом-солью и иконою благословенною; потом поднимают и сажают за стол на подушке. Тут один из дружек подает жениху огниво и кремь; другой оборачивает их полотном, а жениха сеткою; сватья покрывает невесту фатой, которая ниспадает по распущенным на плечах волосам¹. Дружка берет за руку жениха, этот невесту, а она сватью; таким образом выходят из-за стола и отправляются в церковь². Невеста отдается на руки жениху и едет с ним вместе³.

При венчании замечают горение брачных свечей: если чья-либо из молодых погаснет неожиданно, тому неминуемо умереть скоро.

По совершении венчания провожают новосочетавшихся в дом жениха. Невесту моют, а иногда белят и румянят, затем переодевают ее в платье молодухи и выводят с покрытой фатою. Тогда сват, ударив три раза накрест по столу новой плетью, чтобы отогнать всякие чары, говорит: какова-то наша добыча? И концом кнутовища сбрасывает с невесты фату. Все кричат: молода и хороша!

Тогда все садятся за княжий стол, прежде молодых, родные обходят три раза вокруг стола.

Один из дружек привозит в дом новобрачного во время обеда все приданое новобрачной. В числе приданого находят-

---

¹ Так отправляется невеста в церковь и так венчается.

² Все лошади, на которых везут молодых, обвешены колокольчиками, а под дугой особый колокольчик.

³ Если у невесты есть сестра-девушка, то она с сватьей берется за стол и тащит его до порога. Иногда сама невеста тащит стол, это для того, чтобы сестрам ее выйти скорее замуж.

ся новые рубашки мужские и женские для подарка мужниной родне. После обеда ставит сват перед молодою тарелку с рюмкою, наливает сюда вина и, поднимая кнутовищем каждую рубаху, выкликает по имени и отчеству родных молодого: они подходят, пьют вино, берут рубаху и кладут на тарелку деньги. По раздаче подарков стелют молодым постель, на которую ложится брудга. Ее должно дарить, чтобы она уступила постель; затем на ту же постель ложится дружка, которого тоже дарят. Это называется откупить постель. Откупив постель, кладут молодых спать постельные проводницы. Во время сна оберегает их от всяких чар клетник, разъезжая ночью вокруг дома.

На другой день поутру рано идут будить молодых постельные проводницы, которые после ведут их в баню, а ее истапливают дружки. Когда ведут молодых в баню, тогда бьют в сковороды, стреляют, пляшут и поют. Пока остаются они в бане, все провожатые пляшут вокруг бани, кидают камни, бьют горшки и кричат. После бани молодая снова дарит мужнину родню и дружек; потом все садятся за стол, приготовленный у молодого. По прошествии несколько времени молодой отправляется с дружкой и сватом к своей теще на яичницу, которую она сама подает ему. Новобрачный вырезывает кусок из середины яичницы, а дружка наливает туда масла; чашку же, в которой было масло, он разбивает. Это тогда делается, когда новобрачная выйдет замуж девицею; в противном случае новобрачный разрезывает яичницу на куски, дружка вколачивает над дверьми гвоздь, на который вешает хомут, отдает матери масло и ведет новобрачную под хомутом в дверь в сопровождении самой матери, несущей масло, и проводит ее до ворот; потом возвращается с нею в избу. Тогда веселье прекращается, и все кричат с негодованием: *водили под югу! под югу!*¹

---

¹ Юга, латинское слово *jugum*, означает *ярмо*, а в переносном смысле *хомут*. В древности римляне означали для своей памяти наступивший год вколачиванием гвоздя в стене храма, и по числу гвоздей они вели счет прошедшим годам. Обычай вбивания гвоздя, переходя от предания к преданию, потерял настоящее свое значение, и оно употребляется теперь в смысле памяти, ибо если муж грозит своей жене, то он говорит ей: «*Эй, жена! Вбей себе гвоздик для памяти*».

Масло, которое несла мать, означает, что она более занималась коровами, нежели нравственностью дочери.

На другой день отец новобрачной делает обед, называемый хлебинами, к коему приглашает всю свою родню. Тут пляшут и поют. По окончании стола молодой приглашает всех к себе гостей на обед, называемый отворотинный стол. На третий день разъезжают молодые по родным и знакомым, которые угощают их закускою и вином, и этим оканчивается свадьба. Между тем каждый из участвовавших в свадьбе дает от себя вечеринку или обед для молодых.

ХIII. СВАДЬБА В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

В городах, а тем более в селениях и деревнях, нет великолепно-утомительных балов – это поприще побед столичной молодежи, зато по праздникам и воскресеньям свои там гулянья и свои заманчивые посиделки. Здесь сходятся молодцы и девицы, и эти сходбища служат основанием свадеб. После каждого праздника молодцы толкуют между собою о красоте и достоинстве девиц, а девицы судят с своими родными о достоинстве парней.

СВАТОВСТВО

Молодец находит по своему сердцу девушку и тайно любит ее. Эту тайну он долго носит в себе самом и ходит задумчиво, но, собравшись с духом, он открывается отцу и матери и просит их благословения. Они если ничего не находят предосудительного в его выборе и избранная девушка так же нравится им, то благословляют сына. После этого он представляет своим родителям свата, коему дается наставление: чего требовать за невестой в приданое, и отпускают его домой, обыкновенно вечером после угощения. Сват отправляет-

ся в волость и по приезде сюда не тотчас принимается за дело: известный всем в селении, он возбуждает во всех догадки и толки. Между тем, чтоб прикрыть свое посещение, он гостит несколько дней у одного из своих знакомых и в то время узнает, что ему надобно. Потом посылает нарочно к родителям невесты извещение о своем посольстве и о желании поговорить с ними. Родители, стараясь скрыть от своей дочери посещение свата, высылают ее из дома на время куда-нибудь за делом или погостить. После первых приветствий сват обращается к отцу невесты с этими словами: «Ну, любезный Афанасьевич, у тебя есть товарец, а я знаю купца на него». – «Милости просим: свой товар мы лицом продадим». – «Так чем же ты наградишь свою любимую дочь?» Тут или подают ему уже готовую роспись, или пишут со слов отца. Сделавши условие о приданом и обо всем, что нужно, сват отправляется к отцу жениха и передает ему обо всем.

СОСВАТОК

В назначенный день отправляются родители с своим сыном и близкими родственниками в то село, где живет невеста, и останавливаются у соседей. В то время наряжают невесту ее подруги; по уборе ее отец и мать приглашают жениха со всеми его родными. Они, входя в избу, молятся Богу; потом кланяются и становятся в переднем углу. «Ну, любезный Афанасьевич, – говорит отец жениха, – мы приехали к тебе за делом: посмотреть твою любимую дочь». Тогда подруги выводят невесту из *кути*¹ на середину избы и сажают ее на скамейку. Жених и родные подходят и осматривают: лицо, шею, уши, руки, и если это бывает вечером, то еще со свечою в руках. Осмотрели, невеста всем нравится. Но еще просят ее пройти по комнате. Когда невеста сядет снова на скамейку, тогда жених показывает ей свою походку. Если родные жениха остались недовольны назначенным приданым невесты, то говорят об этом отцу и просят дополнить. Когда не сходят-

¹ Из угла избы против печи.

ся обе стороны, тогда жених выходит с своими родными на двор, чтобы подумать. Отсюда идут переговоры чрез свата. В этом совете первенствует голос жениха; ему представляют на волю: согласиться или отказаться. Отец и мать только советуют ему, но все решает он сам. После уступок с той и другой стороны посылают с согласия жениха за священником. Между тем накрывают стол. Отцы жениха и невесты, закрыв полою кафтана правую руку, подают ее один другому в присутствии священника в знак верности или, как говорится здесь: бьют по рукам и молятся Богу. По совершении *сосваток* (сговора) поют подруги невесты:

На сегодняшний белый день,
 Выпала роса холодная,
 Ознобила мое сердце ретивое.
 Благослови¹, Боже истинный,
 Божья мать-Богородица,
 Запевать песню новую,
 Новую не певанную.
 Что не ключики брякнули,
 Да не замочки щелкнули,
 По рукам приударили.
 Запоручил сударь-батюшка,
 И родимая матушка,
 Да меня молодешеньку
 На поруки на крепкие,
 Да за наряды великие.

После этого садятся за стол; сперва священник, потом отец и мать жениха, после жених и, наконец, его родственники и сват. Мать или сестра невесты выходят из кути с блюдом, на котором поверх развернутого платка лежит тонкое полотенце. Концы его украшены вышиваньем и кружевами; все это сделано руками невесты. Полотенце подносят жениху как дар невесты. Затем приносят другое, не так хорошо отделанное, и дарят священника. Почти такими же или немного

---

¹ Благослови.

получше дарят родителей и всех родственников жениха. По одаривании ставят на стол кулебяку. Отец невесты подносит жениху рюмку вина, а он обращается с нею к священнику, который благословляет ее. Жених, отведав немного или, как говорится, *надкушав*, зовет из кути невесту и подносит ей рюмку вина. Она выпивает несколько капель и уходит опять в кут. Это не укрывается от зорких глаз ее подруг, и они с упреком поют ей:

Государыня свет-наша,
Ты подружка-голубушка;
Хорошо нам тебя назвать,
Того легче и возвеличать.
Назовем тебя по имени,
Возвеличаем по отечеству.
Ты сказала подруженька,
Ты сказала голубушка:
Я не пью пива пьяного,
И вина-то зеленого.
Уж ты пьяница, пьяница,
Душа красна девица!

Невеста не отвечает им, но упрек подруг сильно трогает, и она со стыдливостью потупляет глаза в землю. Затем угощают других, и когда доходит очередь до свата, тогда поют:

Государь ты мой батюшка,
И родимая матушка,
Уж вы всех потчуйте;
Одного гостя не потчуйте,
Уж вы свата лесливого.
Ходил же лесливый сват,
Не путем, не дороженькой, –
Он по заячьим тропочкам,
По собачьим лазеечкам.
Он полями по запольсцам,
Деревнями по задворьцам.
Истоптал же лесливый сват

Трои лаптя березовы;
 Исподпирал же лесливый сват
 Он три банные ожога¹.
 Высок терем пошатился,
 В другой раз поколотился, —
 Зауголки отпадали;
 В третий раз поколотился, —
 Все оконеньки выпали.
 Принялась-то я молода
 Я у печки *вольтиной*,
 Да у шесточка кирпичного.
 Покатилась у меня
 Моя буйная голова, —
 Опустилися у меня
 Мои белые рученьки;
 Подогнулись у меня
 Мои резвые ноженьки.
 Государь ты мой батюшка,
 Ты возьми свата за ворот,
 Поведи свата за двери,
 Повали его на дровни,
 Да повези его на поле.
 Ты не дай свату борову,
 Чтоб расчесал буйну голову.
 Уж, дай Боже сватушку
 Ему на эту на выслугу!
 На печи бы заблудитесь,
 Сквозь напылнин провалитися,
 Да во шах ему сваритися,
 На поваренке бы свата выняли.
 Киселем бы подавитися,
 Да молоком бы нахлебнутися.
 Еще дай Боже, сватушку,
 Ему на эту на выслугу,
 Ему сорок бы сыновей,
 Да пятьдесят ему дочерей,
 Сыновей бы не женивать,
 Дочерей не выдавывать.

---

¹ Деревянная палка, которая служит вместо кочерги.

Укоры не очень приятны свату, но он не сердится на девиц. Он еще старается задобрить их и рассыпает им ласкомства и лесть. Подруги невесты перестают тогда издеваться над сватом.

По разъезде гостей укладывают в постель невесту ее подруги. Но она невесела; ее голова склонилась к груди: укор подруг не выходит из ее памяти. Не успели раздеть ее, и она с слезами и печальным голосом отвечает на упрек подруг:

Государыни, свет мои,
Вы подружки голубушки!
Мне не хмель в голову вступил,
Да не мороз к ретиву сердцу;
Пошла гроза молодецкая.
Да похвальба княженецкая.

Подруги утешают ее и потом расходятся по домам; на другой день те же подружки, как голубки, собираются ворковать с нею и причитать ей. Это бывает каждый день после сговора и продолжается до вечера.

Сколько подруги ни любят невесту, однако, по обрядному обыкновению, встречают ее с упреками, поэтому поют:

Среди широка двора
Стоит яблонь кужливая.
Под этой под яблонью
Сидит красная девица.
Она собой похваляется,
Она собой поношается:
Из-под этой яблонцы
Никому меня не вываживать,
Ни кумовством и ни сватовством,
И ни крестным братовством.
Похвалился добрый молодец,
Дворянин да отецкий сын:
Уж я вывезу, вывезу
Душу красную девицу,
На своем на добром коне.

Невеста видит теперь, что подруги, которые прежде так любили ее, покидают: ей остается несколько дней, чтобы разделить с своими голубушками свое горе, и она говорит им:

Красуйся, моя красота,
Веселись, буйна голова,
Радуйся, ретиво сердце,
Покамест-то я молода.
В своей воле вольною,
В своей неге нежною,
У родимого батюшки,
Да у родимой матушки,
У голубчиков милых братцев,
Да у сестриц у лебедушек.
Мне недолго посидети,
Да во душах красных девицах;
Мне не год же годовати,
Не зиму-то зимовати,
Не весну красовитую;
Мне не лето-то теплое,
Мне не летние празднички,
Мне гулять красоватися,
С подружками голубушками.

Все время до свадьбы невеста и ее подруги готовят подарки для жениха и родных его, для нее же шьют платье. Невеста грустит и задумывается и печальные думы свои высказывает со слезами:

Уж я что засиделася?
На кого засмотрелася?
Не во саду загулялась,
Не на сад загляделася,
Не на яблонь кужлявую,
Не на грушу зеленую.
Я засиделась молода,
Во высоком во тереме;
Загляделася молода,
На подружек, голубушек;

И на их буйны головы,
И на их девьи красоты.
Как у них буйны головы,
Они гладко учесаны;
Как у них косы русые,
Во узоры выплетены.
По конец косы русые
Алы ленточки вплетены;
А их девьи-то красоты,
Они баско¹ наложены
И поставно поставлены.
Уж как я про ся думаю,
Про свою буйну голову.
Что моя буйна голова,
Одна не гладко учесана;
Как моя коса русая
Не во узоры выплетена,
По конец косы русой
Голуба лента вплетена²;
Моя-то девья красота
Не баско наложена,
Не поставно поставлена;
Она растит себе крыльце,
Посеребрено перьеце;
Она хочет улететь
Далече во чисто поле,
Во раздолье широкое.
Да и сядет девья красота
На березку кужливую.
И пройдет же эта пора,
Это время минуется,
И придет холодная зима.
У зимы-то холодные
Будет весна красовитая;
У весны красовитые
Будет лето-то теплое.

---

¹ Красиво.

² Голуба лента поется, когда у невесты есть отец и мать; если же которого-нибудь из них нет, то говорится черна лента.

И пойдут мои подруженьки
По шелковые веночки,
С топорами со острыми.
Подсекут эту березоньку,
Уронят девью красоту
На траву на шелковую.
Что и тут девье красоте
Ей не место, не местечко,
Да не место красовитое.
И пойдут добры молодцы
Со косами, со винтовками;
И подкосят шелкову траву,
И уронят девью красоту,
Ее на щетку колючую.
Что и тут девье красоте
Ей не место, не местечко
Да не место красовитое.
Она вспорхнет да и улетит
На болота зыбучие.
И сядет девья красота
На скрипучее деревце.
Деревце раскрывается,
Мое сердце растоскуется.
Что и тут девье красоте
Ей не место, не местечко,
Не место красовитое.
Она вспорхнет да и улетит,
И полетит девья красота
Она на славную Сухоню,
И поплывет девья красота
Вниз по славной по Сухоне,
Из славной Сухони,
Во матушку Вологду.
И приплывет девья красота
Ко Насону ко городу¹

---

¹ Так называлась в древности Вологда. Еще и теперь помнят некоторые старожилы находившуюся на столбе надпись в селе Коровничьем: *город Насон*. Название Насона дано было крепости, построенной царем Иоанном IV Грозным в память святого апостола Насона.

Ко девичью монастырю.
Тут и выйдет же старочка
За водою ключевою,
С дубовыми ведрами:
Размахнет да и почерпнет,
И почерпнет девью красоту
Во ведерко дубовое.
И возьмет девью красоту
На свои руки белые,
Она станет выпрашивать:
Уж ты чья девья красота!
Ты которого города?
Ты которой волости?
Ты которой деревни?
Ты которой девицы?
Ты красно красовалася,
У родимого батюшки,
Да у родимой матушки¹,
Да у голубчиков милых братцев,
Да у сестриц у лебедушек.

Хотя она принимается за работу и, кажется, забывает, что готовится для *вековых заповуек*, однако это только кажется: ее мысли тревожные, они переносятся в будущность и развертываются в мрачных картинах.

Что вчера о эту пору,
Поранее малешенько
Мимо батюшкин широкий двор,
Мимо матушкин-то высок терем,
Мимо той темный кутничек²,

---

¹ Так поют, когда у невесты в живых отец и мать. Если же нет кого-нибудь из них, то вместо трех последних стихов поют:

Ты не красно красовалася
Без родимого батюшки
Да без родимой матушки;
Ты темней ночи темной,
Ты черней грязи черной.

² Часть избы, которая от печи до лицевой стороны дома отделяется *воронцом*, загородкою, а иногда занавескою.

Пролетел млад ясен сокол.
Он махнул правым крылышком,
Он чиркнул сизым перышком;
Ты не плачь, не плачь, девица,
Не плачь, дочь отецкая,
На чужой-то на стороне
И повадно и весело,
Все добры да и ласковы
До тебя молодешеньки;
На чужой-то на стороне,
Три поля проса насеяны,
Три горы изначочены,
Зеленым вином поливаны,
Весельем огорожены,
Радостью наподпираны.
И соколу не облетети,
И конному не объехати,
А пешему не подумати.

Что вчера о эту пору,
Поранее малешенько
Мимо батюшкин широкий двор,
Мимо матушкин нов, высок терем,
Мимо мой темный кутничек
Пролетала лебедушка.
Она махнула правым крылышком,
Она чиркнула белым перышком:
Ты поплачь, поплачь, девица,
Поплачь, дочь отецкая!
На чужой-то на стороне,
Не повадно, не весело;
Все не добры и не ласковы
До тебя молодешеньки.
На чужой-то на стороне
Надо жить-то умеючи,
Говорить разумеючи,
Голову держать поклончиву,
Ретиво сердце покорчиво,
Молодому поклониться,

Старому покориться.
На чужой-то на стороне,
Растут леса-то вилявые,
Да живут люди лукавые,
Продадут да и выкупят,
Проведут да и выведут
Они тебя молодешеньку.

Мой-то высок терем
На пути на дороженьке,
На проезжей на улице,
Да близ славной Сухони.
Идут конные тут и пешие,
Чужи люди, незнамые.
И говорят люди добрые,
Что во этом во тереме
Сидит девица просватана;
Что у этой девицы
Нет ни горя, ни кручины,
Нет печали великой.
Уж как я про ее подумаю,
Про свою буйну голову.
Как у меня горя, кручины
Полна буйная голова;
Много печали великой
В моем ретивом сердце.
Как по славной-то Сухоне
Идут суда-то купецкие,
И корабли-то военные.
На родимой на стороне
Кораблям-то припавище,
Молодцам-то пристанище,
Да красным девицам гулянье.

Уж я что сiju, задумавшись,
Чужих басен заслушавшись?
Говорят мои подруженьки,
Говорят мои голубушки

Про шитье, да про браньце,
Про чистое да подельце.
Уж как я про ее подумаю,
Про свою буйну голову.
Мне ничто-то на ум не идет:
Ни шитьеце и ни браньце,
Ни чистое рукодельце.
Дума душу побивает,
Одна дума с ума не идет —
Чужа дальняя сторона,
Да чужой отец с матерью,
Да дородный-то молодец.

Ах ты вспомни-ка, матушка,
Как меня-то поносила,
Ты хлеба-соли лишалася.
Ты еще вспомни-ка, матушка,
Как меня-то породила,
Ты скорой смертью кончалася,
Всем святым обещалася:
Ты расти, расти, дитятко,
Добрым людям на завидость,
Отцу матери в честь, хвалу.
Когда вырастешь, дитятко,
Так заведу тебе, родимое,
Я по плечу платье цветное;
Да под лицо девью красоту
Я подведу пред окошечко.

Зелен сад с виноградьцем,
Да с кужлявою яблонью,
И со сладкими яблоками.
Как теперь, моя матушка,
Ты все законы переступила,
И все заветы переложила.
Хоть завела ты мне, матушка,
И по плечу платье цветное,
И под лицо девью красоту,
Вместо саду зеленого

Подвела под окошечко,
В чужу дальнюю сторону;
Вместо кужлявой яблони
Ты чужого отца с матерью;
Вместо сладких-то яблоков
Ты дородного молодца.

На проходе у нас белый день,
На закате красно солнышко,
На разлете красны соколы,
На разъезде добры молодцы,
Да на расход пошли подруженьки.
Я прошу вас, подруженьки,
Я прошу вас, голубушки,
На роду-то впервые,
Да на веку-то впоследствии.
Посидите, подруженьки,
Посидите, голубушки,
Целый день да до вечера,
С вечера до полуночи.
Уж дам вам провожатого,
Я родимого батюшку;
Буде мало покажется,
Голубочка, мила братца,
И сестрицу лебедушку.
Буде мало покажется,
Так и сама пойду молода.

И пошли мои подруженьки,
Все по высоким по теремам,
Да по отцам, да по матерям.
Мне куда будет деваться?
Мне куда притулится
Да от темной ноченьки?
Уж я стану молиться
Я родимому батюшке,
У резвых ног кататися:
Мы пойдем сударь-батюшка,
Мы на тихие тишины,

Где бы ветры не веяли,
Где бы люди не видели
С чужедальной стороны.

Так проводит невеста и ее подружки каждый день, сидя за шитьем. Отец ее ездит в город для закупки вещей. Он привозит с собою не только съестные припасы, но платки и материи для подарков в день свадьбы.

ДЕВИЧНИК

Наступает последний день девичьей жизни – это девичник. В этот день спит невеста долее обыкновенного, так что подружки чуть не застанут ее в постели; она только что успела умыться и одеться; только, чтоб можно было показаться подругам. После первой встречи она жалуется им на бессонницу и просит их растолковать виденный ею сон:

Государыни свет мои,
Вы, подружки голубушки!
Мне ночесь-то мало спалось,
Да во сне много виделось.
Уж я видела, подруженьки,
Я гору высокую.
Среди горы крутые
Лежит белый горюч камень.
На этом на камешке
Сидит орел птица острая,
Во когтях держит лебедушку.
Под горой под высокою,
Леса растут темные
И шипица колючая,
Да и крапива-то жгучая,
Да и осока резучая.
Во этом темном лесу
Ходит медведь с медведицей.
Рассудите, подруженьки:

Мне к чему сон привиделся?
Буде вы не рассудите,
Так скажу вам, подруженьки,
По словечку единому.
Эта гора-то высокая,
Чужа дальняя сторона;
Белый-то камешек,
Чужой-то высок терем;
А орел, птица острая,
Чужой это чужанин,
Да дородный-то молодец.
Он в когтях держит лебедушку —
Да меня молодешеньку;
А леса-то растут темные, —
Чужи люди, незнамые;
Что медведь с медведицей,
Богоданный-то батюшка,
С богоданною матушкой,
Шипица колючая,
Богоданны милы братцы;
Крапива-то жгучая,
Богоданные сестрицы.

Последний день своей девической жизни невеста хочет провести как можно лучше и веселее, а потому хочет красоваться (прощаться). И в то время, когда она произносит красование (прощальную песнь), осматривает все в доме и прощается с отцовским домом.

Государь ты мой батюшка,
И родимая матушка!
Уж мне дайте благословеньице
Походить, покрасоватися,
Мне по светлой по светлице,
По столовой-то горнице.
Мне в остальные, в последние,
Мне в душах красных девицах,
Мне в девичьей, в честной красоте.

Уж встать было молоде,
На свои резвы ноги,
Мне на чулочки бумажные,
Мне на башмачки сафьянные,
Мне на гвозье полуженое.
Ты не гнись-ка, половочка,
Не ложись, переводинка;
Что не я тяжела иду, —
Тяжело горе – кручина.
Ты красуйся, моя красота,
Веселись, буйна голова,
Унывай, ретиво сердце!
Вы ходите, резвы ноги,
Подо мной, не сгибаючись;
Вы машитесь, белы руки,
Ко сердцу не прижимаючись;
Вы глядите, ясны очи,
Во слезах не мутитесь;
Вы говорите, сахарны уста,
Во речах не мешайтесе.
Ты кагайся, руса коса,
По моей становой спине,
С плечика да на плечико,
С правого да на левое,
С левого посередь спины.
Закатись, коса русая,
Ты на мои груди белые,
Перед мои очи ясные.
Я возьму косу русую
Во свои во белы руки.
Мне к чему косу русую,
Мне к чему приложить будет?
Мне к лицу приложить ее.
Так лицо ознобить будет.
Рассыпайся, руса коса,
По единому волосу.
На всяком на волосе,
По жемчужине скаченной,
По золотой по проталинке.

Да уже сесть было молоде,
Мне во место любимое
Под окошко переднее,
Приотдвинуть мне ставочки,
Приотставить оконеньки.
Я подам свой звучен голос
По деревне, как по городу,
А по избам как по теремам;
По соседям, как по гостям,
По соседкам, как гостейкам,
По подружкам голубушкам.
Собирайтесь, подруженьки,
Ко мне на горе, на кручину!
Государыня, свет моя,
Ты родимая матушка!
Ты пойдя ко мне, подступи,
Как бела лебедь подлети.
Не убойся ты, матушка,
Моего горя кручины.
Как мое горе кручина,
Не огонь да не поломя,
Не ожжет да не опалит
Твоего лица белого,
Твоего платья цветного.
Ты посмотри, моя матушка,
Ко мне всочь во бело лицо¹.
Я бело ли набелилася?
Румяно ли нарумянилася?
Я поставно ли наложила
Честну девичью-то красоту?

Мать отвечает:

Уж ты свет, мое дитятко!
Уж ты свет, мое родимое!
Я берегла тебя, дитятко,
Я от ветру, от вихорю,

---

¹ «Всочь» вместо «очи» значит «прямо в глаза». Это слово употребляется доньше простолюдинами, и нет сомнения, что оно искаженное.

Я от частого дождичка,
И от красного солнышка.
Я не могла тебя уберечи
От чужедальной стороны.

Невеста продолжает:

Государыня, свет моя,
Ты родимая матушка!
Ты заприметь, моя матушка,
Меня на этом на местечке:
Уж что-то тут вырастет?
Буде вырастет, матушка,
Тутто яблонь кужлявая:
Так мне житье будет хорошее.
Буде вырастет, матушка,
Тут береза кужлява:
Мне житье будет по-среднему.
Буде вырастет, матушка,
Тут осина-то горькая:
Мне житье будет последнее.

После красованья она изливает грусть свою в песнях, которые прежде пела с подругами. Заслышав звон колокольчика, она содрогается, потому что это предвестие о женихе, едущем с своими поезжаными.

Потянул холоден ветер
С чужедальной стороны;
Ознобил холоден ветер
Мое сердце ретивое.
Государь ты, мой батюшка,
И родимая матушка!
Ты сади да усаживай,
Уж ты пой да упаивай,
Всех гостей да приезжих,
С чужедальной стороны.

Предчувствие невесты оправдалось: приехал жених с поезжаными и родными. Они вошли уже в избу, молятся Богу и потом раскланиваются на все стороны. Жених идет к своей невесте, сидящей в куте, и целует ее; потом подносит ей подарки: зеркало, гребень, белила, румяна, мыло, алые сафьянные башмаки и пряники. Подруги обращаются с упреком к невесте, целовавшей при всех доброго молодца своего:

Государыня свет наша,
Ты подружка голубушка!
Не хорошо да не пригоже,
Целовать добра молодца,
При отце и при матери,
При всем роде да племени,
При чужих при сторонних,
При подружках, голубушках.

Невеста отвечает им:

Я не корясь, покорилася,
Не клонясь, поклонилася;
Поклонилась у меня
Моя буйная голова;
Покорилось у меня
Мое сердце ретивое.
Я не гостинчики приняла,
Я приняла молодешенька,
На свои на белы руки,
Я грозу молодецкую.

Жених, после взаимных поцелуев, возвращается в передний угол, к своим родным. Отец невесты сажает их за стол, а мать дарит всех их платками или полотенцами. Первую рюмку подносят жениху. Он встает из-за стола и идет с рюмкою к невесте, которая непременно должна выпить хотя несколько капель водки. Подруги поют:

Государыня свет наша,
Ты подружка, голубушка!
Хорошо нам тебя назвать,
Того легче и взвеличать.
Назовем тебя по имени,
Взвеличаем по отечеству.
Ты сказала, подруженька,
Ты сказала, голубушка:
Я не пью пива пьяного,
И вина-то зеленого.
Уж ты пьяница, пьяница!
Душа красная девица.

После угощения все разъезжаются по домам. Жених, поцеловав свою невесту, отправляется также домой с своими родными. Едва он успеет перешагнуть чрез порог избы, невеста отвечает подругам на их укор:

Государыни свет мои,
Вы подружки, голубушки!
Мне не хмель в голову вступил,
Да не мороз к ретиву сердцу;
Пошла гроза молодецкая,
Да похвальба княженецкая.

Она делится гостинцами с своими подругами, которые отправляются потом гулять, распевая песни по деревне. Нагулявшись, они возвращаются в дом невесты при громком пении и во время пения выполняют все то, что выражает песнь. При прощении у невесты, чтобы она наделила их красотой, они кланяются ей низко.

Сметь ли нам подъявитися?
Сметь ли нам подступитися,
Ко Насону, ко городу,
К подружнину терему?
Мы возьмем двери за скобу,

И отворим их на пятау,
Мы на правую на руку.
Нам которой ногой ступить?
Ступим мы ногой правою.
Вы раздайтесь-ка все гости,
Расступитесь-ка гостейки,
Гостеньки по правую руку,
Гостейки по левую руку.
Уж нам дайте путь-дороженьку,
Да единую половочку,
Уж нам дайте дойти, достигнуть,
Нам до темного кутничка,
В забрачную занавесочку —
Уж нам дайте в очи видети,
Нам подружку голубушку.
Государыня свет наша,
Ты подружка, голубушка!
Хорошо нам тебя назвать,
Того легче и взвеличать.
Назовем тебя по имени,
Взвеличаем по отчеству.
Мы о чем те побьем челом,
Мы о чем подокучаем,
На роду-то во первые,
На веку-то в последние:
Ты пожалуй, подруженька,
Честну девичью-то красоту.

Невеста отвечает:

Государыни свет мои,
Вы подружки, голубушки!
Подождите, подруженьки,
До поры да до времени,
Вы до дня-то до срочного,
Да до часу до урочного.
Что взавтра, о эту пору,
Поранее малешенько,
Приедут ко батюшке,

С боем да со грабежом;
Что ограбят же батюшку,
Да полонят мою матушку.
Повезут меня молоду
На чужую на сторонушку –
Первее чужой стороны,
Меня ко церкви божественной,
Ко венцу ко злаченому,
Ко перстню обручальному.
И поставят меня молоду
Перед двери перед царские,
На единый подножничек,
Со дородным со молодцем.
Тут и выйдет священный поп,
С большой книгой – Евангелием.
Он первый-то лист возложит,
Божье слово возговорит:
Вы снимайте со девицы
Вы фату троеклеточку.
Он другой-то лист возложит,
Божье слово возговорит:
Вы снимайте со девицы
Золотую грибаточку,
Да семишелкову ленточку.
Он третий-то листочек возложит,
Божье слово возговорит:
Приведитесь, подруженьки,
Приведитесь, голубушки,
О эту пору, времечко,
За моей становой спиной.
Вы берите, подруженьки,
Честну девичью-то красоту
На свои на белы руки:
Вы носите, берегаючи,
Все меня вспоминаючи.
Вы носите, подруженьки,
Вы носите, голубушки,
Ее в год по три праздничка.
Берегите, подруженьки,

Берегите, голубушки,
Ее от частого дождичка,
И от красного солнышка.
Вы носите, сберегаючи,
Поминайте, подруженьки,
Ежедень да на всякий день.
Буде часто покажется,
В три недельки одинава.
Буде часто покажется
Хоть в годочек одинава.
Мне легошенько икнется,
Да тяжелешенько вздохнется:
Поминают подруженьки
На родной на стороне.

ОКОНЧАНИЕ СВАДЬБЫ

Этим оканчивается девичник¹. Накануне свадьбы топят баню подвенечную. Невесту провожают сюда с песнями. В день свадьбы сходятся девушки к своей подруге, чтобы одеть ее к венцу. Жених с своими поезжаными отправляется в церковь. По совершении бракосочетания все возвращаются пировать в доме жениха. Тут после общего веселья уводят молодых спать; затем совершаются обычные обряды при поднимании новобрачных с постели и после радости пирующих, о благополучии молодой, возобновляют пирование. Отец молодого дает обед родным новобрачной, а там делается обед в доме новобрачного. На другой или на третий день ездят новобрачные с посещениями ко всем своим родным и знакомым, которые угощают их или делают для них особые вечеринки. Тем заключается свадьба.

Считаем излишним поместить здесь две *припевоцьки* и две беседные песни, которые поются в Вологодской губ². Все свадебные песни известны здесь под именем *припевоцек*.

¹ По недоставлению окончательных обрядов мы должны были в заключение ограничиться общими чертами о свадьбе вологодской.

² Эти песни напечатаны в журнале «Москвитянин», 1841 г., № 5.

Припевоцька

Разливалася реченька,
Разливалася быстрая,
По крутым по бережкам,
По лугам по зелеными,
По травам по шелковыми.
Унесло, улелеяло,
Душу красную девицу
На чужу дальню сторону,
На чужу незнакомую.
Провожала ее маменька¹,
Что до быстрой до реченьки;
Говорила ей маменька:
Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое!
Позабыла трои золоты ключи:
Уж как первые ключики
От девичьей от красоты;
А другие-то ключики,
Те от неги у матушки.
Говорило ей дитятко:
Уж я рада воротиться,
У меня воля не своя:
Чуж чуженин мне не велит,
И добры кони не стоят.

Припевоцька деревенская

Що при марте при мисеце,
При дивицьем при вецере,
Отставала лебедь белая
Що от стада лебединога.
Отставала красна девица
Що от сизых-то голубушек,
Що от милых-то подруженек.
Приставала лебедь белая

---

¹ Упоминаемое здесь слово *маменька*, нет сомнения, вставлено в недавнее время; но вся песнь сама по себе старинная.

Що ко стаду ко сирым гусям¹.
Ее стали гуси клевати,
Незнакомы стали щипати.
Вы не клюйте, гуси сирые,
Не щиплите незнакомые:
Не сама я к вам заходила,
Не своей волей, охотою.
Отдавал-то меня батюшка,
Снакруцяла² меня матушка,
Выводили меня братци,
Вывозили що добры кони,
Що добры кони Ивановы,
Що Ивана свет Васильиця –
Тебе биу целом припевоцька
Що Ивану свит Васильицю.

Биседные песни³

Ах вы госьи, вы наши госьюшки,
Дорогие госьи, все любимые!
Погостила в гостях малешенько,
Що малешенько, да смиреншенько.
Нет ни витру жо, нет ни вихорю,
Ни цястово дождя осеннего;
Що от моря жо, моря синего,
Що от моего дружка милого.
Нет ни вистоцьки, нет ни грамотки,
Ни словясного целобитьиця.
Вот в четвэртой, от⁴ год, годицок, от,
Пришла вестоцька, пришла грамотка,
И словясно ее целобитьице.
Я назад пишу ко милу дружку,

---

¹ К серым гусям.

² *Снакруцяла* – снаряжала; *снакруцяць* – снаряжать; *скрути* – наряд.

³ *Биседная*, беседная. Эти песни поются при больших праздниках, называемых *пивными*. *Хозяйка велик целовек в доме*, и никто из гостей не начнет петь, пока хозяйка не пропоет беседной песни. Тогда начинается праздничный разгул.

⁴ *От* – вместо вот.

Ни пером пишу, ни чернилами,
Своим ж пишу горящими слезми.

Воуга река разлиласе,
Выпала снегу пороша.
Где моя мила хороша?
Где мне с милым повидаться?
Сойдимся на пясочик,
Свидимся на денецик,
Сделаим отцю на досаду.
Лук, чеснок пощипала;
Былу капусту заломала,
Тетерева поймала,
Тетерева ощипала. –
Перье его на подушки,
Пушки его на унушки,
Мясо его на закуску.

XIV. СВАДЬБА В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

СВАТОВСТВО, ИЛИ ДОБРОЕ ДЕЛО

Парень, достигший совершеннолетия, ищет в своей деревне невесту; если он не находит ее здесь, то обращается в дальнюю деревню или село, но никак не обходится сватовство его без свахи или свата, хотя бы парень и молодая девушка давно любили друг друга, и как это выражается на их языке, *непротивники друг другу*. О намерении вступить в брак жених сам объявляет своим родителям, которые благословляют его *на добрый путь*. Жених избирает свата из своих родственников или друзей и поверяет ему совершить *доброе дело*. Сват должен быть разговорчив и уметь хорошо говорить, т. е. восхвалять достоинства жениха. Он наряжается как можно получше, подпоясывается щеголеватым поясом

и отправляется в доме невесты. Если она живет далеко, то сват отправляется на красивой лошади с привешенным на ее шее бубенчиком или в щегольской повозке. Если невеста живет близко или в одной с ним деревне, то он идет пешком. В дорогу он запасается повойником, снятым с бабьей головы, который держит у себя скрытно, думая этим скорее обабить невесту. При выходе из его избы молодухи и бабы бросают в него сапогами, башмаками и лаптями и приговаривают: на счастье и на веселье. Он отвечает им: дай Боже и вам тоже. Иной сват, не говоря ни слова, старается уйти поскорее, и когда он бежит, тогда замечают его движение и заключают об успехе и неуспехе сватовства.

Нередко свахи берут на себя обязанность высватать жениха. Таковые свахи выбираются из родственного круга невесты и должны быть сметливые.

Сват, подъезжая ко двору невесты, слезает с коня, если он приехал верхом; подходит осторожно под красное окно избы, стучит в него, говоря: здравствуй, сватушка со свяхонькой, хозяин со хозяйкой и со всеми детушками. Хозяин и хозяйка, понимая из его приветствия, о чем идет дело, и если расположены выдать свою дочь замуж или, по крайней мере, поговорить о женихе, то немедленно приглашают его войти в избу, произнося: милости просим, рады добрым гостям. Сват, вошедши в избу, молится у порога иконам, потом кланяется хозяевам и здоровается с ними, называя их сватом и свахою, хотя бы он никогда не знал их. Если родители невесты не хотят принять свата, зная о нем дурно или о его женихе, или по другим каким-нибудь причинам, то отвечают ему: сватушки и свяхоньки нету-ти дома. По принятии же свата сажают его на лавке в красном углу, подле божницы, и после нескольких разговоров о разных предметах подают на стол хлеб-соль или домашнюю закуску с водкой и просят его выпить с дороги. Выпивая чару вина, сват приговаривает: славное вино! От него зарумянишься, как красная девица, и ведь не вымолвишь ни словечка. Потом наливает другую чару и подносит ее хозяину: ну, выпей же сват, на веселье! Поднося хозяйке: а

ты, свахонька, пей на порученье (сговор). Когда сват замечает, что слова его не противны им, продолжает: у вас есть товар, а у меня купец; товар-то красная девица, а купец удалый молодец: отдайте вашу девицу за моего молодца, – не воскаетесь!¹ Согласные родители выдать свою дочь отвечают: для купца, удалого молодца, наша девица хоть куда; но напередки просим милости посмотреть нам вашего купца: товар-то лицом надобен. Несогласные выдать свою дочь ничего не отвечают ему, или же говорят прямо: спасибо на любви. Тогда сват берет шапку и уходит, не простившись.

ГЛЯДИНЫ

По взаимном соглашении родители дочери отправляются на другой день или в какой-нибудь другой условленный

¹ Пушкин прекрасно выразил сватовство.

У вас товар, у нас купец;
 Собою парень молодец,
 И статной и проворной,
 Не вздорной, не зазорной.
 Богат, умен, ни перед кем
 Не кланяется в пояс,
 А как боярин между тем
 Живет, не беспокоясь;
 А подарит невесте вдруг
 И лисью шубу, и жемчуг,
 И перстни золотые,
 И платья парчевые.

.....
 Не по рукам ли, да со двора,
 Да в церковь с образами?
 Согласен, говорит отец.
 Ступай благополучно,
 Моя Наташа, под венец.
 Одной в светелке скучно.
 Не век девице вековать, —
 Не все козатке распевать.
 Пора гнездо устроить,
 Чтоб детушек покоить.

глядеть жениха, и это называется глядинами. Тут их принимают со всею почестью: отец и мать жениха встречают их на крыльце, кланяются и приветствуют; потом, введя в избу, все молятся Богу, а жених между тем, одетый в лучшее платье, стоит у порога и кланяется им. Родителей невесты сажают в красном углу, разговаривают с ними дружески и весело и спустя несколько времени накрывают стол белым полотном и ставят на него закуску с вином. Во все это время приехавшие на глядины смотрят украдкой на молчаливого жениха и замечают все его движения, по которым гадают о счастливой будущности. Когда жених им покажется, тогда они просят его садиться с ними за стол; он сначала нейдет и кланяется им. По повторении несколько раз приглашения его родители говорят ему: не отказывайся от чести попотчевать гостей. Он подходит к ним и садится, потупив глаза. Отец же его наливает чарку водки и сначала угощает глядельщиков, затем свою жену, а потом себя, произнося: за здоровье добрых гостей! Порассмотрев еще несколько жениха, глядельщики, если им по сердцу жених, просят его к себе в гости и потом уезжают домой. Если жених не по их мыслям, то отказываются от другой чарки водки и уезжают, поблагодаривши за хлеб-соль.

Родители, коим понравился жених, приглашают к себе своих родственников и своих хороших знакомых и объявляют им, что для их дочери нашелся жених или что Бог им послал жениха умного, доброго и повинного (покорного); но как они не совсем его узнали, то просят дать им совет: выдавать ли за него свою дочь? Всякий из них дает свое мнение, и если на советливом сговоре последует одобрение, то решают дело, чтобы выдать. Невеста, подслушивая их разговоры, с волнением ожидает приговора, и когда услышит – выдать, тогда она немедленно отправляется к своим подругам советоваться: выходить ли ей замуж? И не знают ли они что дурное про него? Знающие или слышавшие что-либо дурное про него остерегают ее и не советуют выходить замуж. Тогда начинается суматоха в доме ее родителей: ее уговаривают не слушать и не верить рассказам, и если не убедят, то расходят-

ся до ее воспокаяния (раздумья). В противном случае жених получает отказ. Когда он приходит посмотреть свою невесту, тогда она не выходит к нему. Подруги, одоббившие выбор жениха, отправляются в дом невесты с радостными песнями. Советливое собрание встречает их весело и поздравляет невесту с женихом.

РУКОБИТЬЕ

Радостные подруги уводят невесту в светелку и там наряжают ее в лучшее цветное платье; голову убирают цветами, волосы переплетают лентами красными. Наряженная невеста сидит с своими подругами в комнате, а недостаточная – за занавеской. Топот на дворе от конских ног пробуждает ее внимание: это значит, что приехал жених с своими родителями и дружкой, который избирается из молодых его родственников или друзей. Родители дочери и гости принимают их весело; мать, отец и жених кланяются всем; дружка ведет их к столу и сажает за стол; родители дочери садятся со стороны жениха. После непродолжительного молчания дружка, который должен быть балагур и весельчак, произносит: купец здесь, а товара не видно. Все молчат, но сваха берет жениха за руку и ведет его к невесте. Жених, раскланявшись пред нею, садится подле нее и заводит разговор; потом, взяв ее за одну руку, а сваха за другую, вводят к гостям. Жениха и невесту сажает сваха за стол; молодые разговаривают здесь между собою и рассматривают друг друга. В то время угощают их разными сладостями, а прочих вином; такое угощение называется *пропой невесты*, потому что пьют беспрестанно за ее здоровье, но лишь в том случае, когда замечают, что она нравится жениху. Дружка между тем или сват, поговорив несколько с женихом, объявляет, что пора совершить рукобитье по товару. Жених встает и кланяется родителям невесты. Сват жениха берет руку отца невесты и бьет по ней слегка своею; жених разнимает их руки в означение своего согласия, а сват вынимает из своего кармана

замочек и, замкнув его, кладет к себе в карман: это действие называется рукобительем, а в иных порученье. При совершеннии рукобителья девушки поют:

Как со гор то-ли
Снеги таяли,
Из дворов то-ли
Гости ехали.
Уж все дворы проехали,
Ко Ивану на двор въехали.
Невестушка испугалася,
За девушек хоронилася:
Схороните меня, девушки,
Схороните, свет подруженьки,
От лихого наездника!
Ты, мой родимый батюшка,
Чем тебе я досадила?
Или пол я протоптала?
Или дверочки расхлопала?
Или лавочку присидела?
Вот идет поп с крестом,
Унесет красоту с венцом.
Красота моя девичья,
Куда ты от меня денешься?
И руса коса моя разовьется,
Надвое расплетется;
И сердце девушки забьется
И никогда не уймется.
Мне не ровнюшка муженечек,
Не даст разгуляться;
Хоть отпустит,
Сам вослед за мной пойдет.
Меня молоду за рученьку возьмет
И домой поведет.

Тогда же посылают немедленно за священником, который чтением над ними молитв и благословением скрепляет рукобителье. Весьма часто, что скрепление рукобителья совер-

шается без священника; тогда молодые в присутствии всех гостей должны поцеловаться три раза.

В этот день назначают, когда быть свадьбе, и тогда начинается веселая попойка, которая сопровождается пением разных песней. Повеселившись порядочно, родители жениха уезжают домой с ним и дружкой его.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К СВАДЬБЕ

Подруги помолвленной гостят у нее до свадьбы, занимаясь приготовлением приданого: шитьем платья и белья. Они веселят ее пением радостных песен и не допускают до черной работы. Родители же обоих молодых готовят для свадьбы подарки, покупают пряники, орехи; пекут пироги, варят пиво, запасаются всем съестным вдоволь, не забывая водки, без коей не может быть веселья. Жених, дружка и поезжанные отправляются к знакомым в нарядном платье просить их на свадьбу.

Поезжанные ездят большей частью верхами, впереди их едет жених с дружкой; лошадь жениха более всех украшается: гриву ее переплетают разноцветными лентами, на шею ее привешивают колокольчик, а около ушей – бубенчики. Лошадей выбирают светлой масти; вороных вовсе не берут: их считают дурным предвестием.

Со стороны невесты отправляется просить на свадьбу одна сваха; иногда сама невеста с своими подругами, но по большей части она сама ходит к своей родне и хорошим ее знакомым. Когда невеста ходит с своими подругами, которые одеваются в цветные сарафаны, увивая головы лентами, а невеста украшает свою голову цветочным венком; тогда поют песни. Родственники и знакомые дарят молодую на обзаведение домашними вещами.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ МОЛОДЫХ

По наступлении свадьбы, которая в деревнях совершается, по большей части, в воскресенье, жених отправляется

поутру в церковь слушать заутреню; потом слушает обедню. Между тем дружка и поезжаные приезжают к нему и проводят с ним в последний раз *молодеческую жизнь*, напоминая о ней пением разных песен. В то время невеста убирается подругами в подвенечное платье. Когда все бывает готово к поезду в церковь, тогда каждый из молодых благословляется родителями в своем доме следующим образом: придвигают стол к углу под иконы и покрывают его белым полотном; потом кладут на стол ржаной хлеб с солью, пирог и белый хлеб; затепливают свечи и лампаду под образами; все домашние и родственники молятся с невестой. После отец и мать надевают на себя шубы, вывороченные шерстью вверх, а отец крестный берет правой рукой жениха за одну его руку, держа в правой своей руке вывороченную шубу; за другую руку жениха берет дружка или брат и подводит его к родителям, которые стоят за столом: отец с иконою, а мать с хлебом. Дружка говорит: «Любезный батюшка! Благослови милое чадо злат венец прияти и плод с райского дерева сняти». Он повторяет эти слова три раза, а жених три раза падает в ноги своему отцу на разостланной шубе, которую приготовил сват. Затем отец благословляет его иконою крестообразно, которую целует сначала сам, потом дает целовать ее сыну, а наконец целуют друг друга. Точно таким образом благословляет мать сына; потом отец и мать благословляют его поочередно хлебом-солью и отпускают к венцу.

УГОЩЕНИЕ В ДОМЕ НЕВЕСТЫ

Жених со всем своим поездом отправляется за невестой: впереди едет дружка, за ним жених, а там все поезжаные и гости. Подъезжая к воротам невестиного дома, дружка стучит в ворота, чтобы отпирали. На двор въезжают с шумом, а в избу входят тихо: сначала жених и дружка, потом весь поезд. Входя в избу, жених роняет на пол кольцо; один из родственников невесты поднимает и спрашивает: кто потерял колечко? Все осматриваются, глядят друг на друга; тогда дружка

отвечает: кольцо ищет кольца, а кто его нашел, того счастье. Иные говорят: а где кто нашел, там быть свадьбе. Гости с поезжаными садятся за стол, а жених с дружкой и свахою идут к невесте. Поздоровавшись с своей невестою, жених берет ее за одну руку, а дружка за другую, входят втроем к собравшимся гостям и кланяются им; невеста же здоровается со всеми своими знакомыми, потом садится рядом с женихом за стол на вывороченной шубе. Гостей потчуют вином и разными кушаньями. Брату невесты подносит дружка вино с опущенной копейкою на дне стакана, говоря: «Ну, братец, выпей, да отдай сестрицу нам. Пей-ка, на дне копейка; еще попьем, так и грош найдем». Брат, выпив, отвечает: «Берите ее и себе везите». Молодые ничего не пьют и не едят. За переменою каждого кушанья дружка стучит об стол ложкою: «Ну-ка, свахонька! Давай-ка переменочки; что есть в печи, на стол мечи». В это время сваха жениха разносит подарки: родителей невесты она дарит деньгами, брата ее – бумажным платком, родственников – тоже платками, смотря по состоянию жениха, а прочих – пряниками и орехами. По окончании пира родители благословляют свою дочь образом и хлебом-солью, а гости выходят из избы и садятся в сани или на повозки. Дружка никому не позволяет двинуться с места, пока он не обойдет вокруг поезда три раза с образом благословенным, и читает молитву, по большей части *Отче наш*, чтобы никакого не случилось с ними несчастья на пути. При чтении молитвы все снимают шапки и крестятся, а по совершении молитвы он сажает молодых в одни сани или повозку или молодые едут порознь: невеста с братом, свахою и ближайшими подругами, а жених на лошади, покрытой богатой попоною, или вместе с дружкой на телеге, запряженной тройкою лихих коней, управляемых братом его или лучшим приятелем. Дружка выезжает вперед, держа в руках икону; за ним движется весь поезд. Приехав к церкви, дружка является к священнику и объявляет ему о прибытии молодых. Тогда бьют медленно в колокол три раза, извещая народ о свадьбе; но никто не смеет войти в церковь до прихода священника, и, как скоро отворится церковь, сва-

ха берет жениха и невесту за руки и вводит их. Сваха расплетает косу невесты на церковной паперти или на крыльце, до прихода еще священника, и покрывает ее голову фатою или большим платком. После венчания она заплетает ее волосы в две косы и подбирает их под чепец или, как здесь называется, *убирает по-бабьи* и передает невесту жениху, который, взявши ее за руку, выходит с нею из церкви и отправляется с нею в саних или на повозке в свой дом. Отец его и мать встречают молодых на крыльце с хлебом и квасом, и в то время, когда они падают им в ноги, их осыпают ячменем, пшеницею и хмелем; потом вводят их в избу и сажают за стол на первое место; за ними садятся все гости. Тогда сбегаются из деревни смотреть молодых, но невеста бывает закрыта фатою. Дружка, однако, открывает фату, и общий голос раздается по избе: румяна, как ягодка малинная; хороша, как цветочек; кроткая, как голубка; нечего сказать: что мила, то мила! Эти одобрения раздаются тем чаще, чем чаще потчуют гостей, и после отвозят молодую в дом ее отца на несколько дней, пока жених приготовится запастись всем нужным для принятия гостей. Когда все приготовлено, жених отправляется с своим поездом за молодою, в доме коей он застаёт собравшихся гостей, сидящих уже за столом; но ворота для жениха заперты, он останавливается с поезжаными, дружка стучит в ворота, говоря: «Отворите!» – «Нельзя, – отвечают ему, – не сюда вам дорога; а хотите проехать, заплатите». – «Сколько надобно?» – «А сколько вас людей?» – спрашивает предворотник. «Душ двести», – отвечает дружка. «По рублю с человека, да и то мало, – говорит предворотник, – у нас княгиня молодая, никому не велит ездить чрез ее земли». – «А у нас князь молодой, – говорит дружка, – мы люди сбройные, ворота отобьем и силой въедем». Он начинает стучать покрепче, но предворотник говорит ему: «Не пущу! Разве силой возьмете». Тогда дружка начинает объясняться с ним поласковее: «Эй, любезный друг! нам некогда долго ждать, нам пора ехать. Хочешь ли выпить чару зеленого?» – «Почему же не так», – отвечает предворотник, берет стакан с водкою и выпивает; дружка

дает еще, потом еще и дотоле подает, пока не упоит. Тогда поезжанные сами отворяют ворота и въезжают с шумом на двор. Дружка, войдя в избу с женихом и поезжаными, бьет кнутом по полу и лавкам; гости выходят из-за стола, а поезжанные садятся на их места. Брат или сваха молодой подносит жениху на тарелке платок, вышитый молодою; принимая платок, он кладет на тарелку несколько денег. Затем дружка берет жениха за руку и подводит к его молодой, которая сидит с своими подругами. Молодой одаривает ее подруг, потом берет ее за руку и ведет за стол. Тогда усаживаются все гости; их потчуют вином и приготовленным обедом. За столом поют в честь молодых, восхваляя их щедрость и гостеприимство. Дружка по окончании обеда одаривает гостей пряниками, орехами, ширинками и лентами, а родителей молодой полотном и деньгами. После, при звуке песен, все выходят из избы. В это время поезжанные встречают молодых стрельбою из пистолетов, молодые между тем садятся в свою телегу, а за ними все гости по своим телегам, но никто не трогается с места, пока дружка не обойдет всех с образом прежним порядком, три раза. Выехав на поле, все останавливаются: дружка снова обходит их с иконою и, обошедши, благословляет той же иконою в счастливый путь. Удалые поезжанные снова стреляют на дороге и продолжают стрелять до самого дома жениха. Тут родители встречают молодых с образом и хлебом-солью, просят всех гостей пожаловать в избу и откусать хлеба-соли. Все садятся за стол, покрытый кушаньями: молодые сидят на первом месте на вывороченной шубе, а со стороны их поезжанные и гости. Сват и сваха, прося гостей кушать, подносят им по стаканчику водки, минуя молодых, которых ничего не угощают. Только при питии водки, если кто скажет: горькое вино! или: горько! Больно горько! – молодые должны поцеловаться, чтобы подсластить вино, и, кто ни скажет горько, молодые должны всякий раз целоваться, и только слышны беспрерывные их поцелуи. Дружка, распоряжаясь всем в доме, покрикивает на сваху с самодовольной гордостью: «Ну, свяхонька, поворачивайся! Давай переменочки: что есть в печи,

на стол мечи». При каждой перемене он подносит гостям водку и пиво, а родителей и родных невесты, сверх потчевания, дарит отца ее сапогами, приговаривая: «Мало-то, примите, а большому сроку дайте»; мать – котами (полусапогами), се-стер – платками, произнося пред ними: «Примите и нас полюбите»; братьев – красными рубахами, говоря им: «Берите и нашу невесту не держите». Подгулявшие гости поют:

Как по улице по швецкой
В слободе было немецкой,
Молодой майор гуляет
Сам во скрипочку играет;
За собой он водит девку,
Девку немку иноземку.
Девка немка иноземка
С парнем речи говорила:
Душа сизенький голубчик,
Разудаленький молодчик!
Слыша, милый, хошь жениться.
Ты поедешь мил венчаться,
Заезжай ко мне прощаться:
Поставь коня среди поля,
Среди поля при долине;
Привяжи-ка коня к кусту,
К тому ль кусту к калине.
Сорви ягодку калину,
Ты изволь ее искушать.
Какова горька калина,
Таково мне жить за милым;
Мне за милым не за ровней,
Не за ровней за милым.

Как по улице по швецкой,
В слободе было немецкой;
Молодой майор гуляет,
Сам во скрипочку играет,
За собой он водит девку,
Девку немку иноземку.

Девка немка иноземка
С парнем речи говорила:
Душа сизенький голубчик!
Слышу, милый, хошь жениться,
Ты поедешь мил венчаться,
Заезжай ко мне прощаться;
Поставь коня среди поля,
Среди поля при долине;
Привяжи-ка коня к кусту,
К тому кусту к рябине,
Ты изволь ее откушать.
Какова кисла рябина,
Таково мне жить за старым,
Мне за старым не за ровней,
Не за ровнюшкой за старым.

Как по улице по швецкой
В слободе было немецкой,
Молодой майор гуляет
Сам во скрипочку играет,
За собой он водит девку,
Девку немку иноземку.
Девка немка иноземка
С парнем речи говорила:
Душа сизенький голубчик,
Разудаленький молодчик!
Слышу, милый, хошь жениться.
Ты пойдешь, мил, венчаться,
Заезжай ко мне прощаться;
Поставь коня среди поля,
Среди поля при долине;
Привяжи-ка коня к кусту,
К тому кусту малины,
Сорви ягоду малину,
Ты изволь ее откушать.
Какова сладка малина,
Таково мне жить за ровней,
Мне за ровнюшкой за милым.
Мне за милым веселенько.

При окончании обеда подают молодым большой пряник. Они, положив на него левую руку, ломают правой. Тут замечают, кто из них за одним разом отломит побольше, тот будет *большина* (старшим в доме).

УВОД МОЛОДОЙ В СЕННИК

После этого молодые выходят из-за стола. Отец жениха, поставив молодых посреди избы, дает сыну штоф с водкою, а невесте поднос и рюмку; новобрачный наливает и просит отца и мать выпить рюмку водки из рук его молодой; потом просит братьев, за ними сестер, а наконец, всех гостей. Каждый, осушив рюмку, кладет на поднос несколько денег и целует молодого и молодую в губы, приговаривая: сладко! Потом молодой кладет на свою голову хлеб и уводит свою молодую в сенник, в коей уже приготовлена постель на ржаных снопах. Молодую раздевает сваха, и когда она уложит ее в постель, тогда дает знать дружке, выходявшему с женихом из сенника на время. Тогда этот самый дружка вводит женихи и, пожелав ему *медовой ночи*, запирает дверь накрепко. Гости между тем разъезжаются по домам, за исключением свата и свахи, которые остаются в доме молодого до утра. Дружка же во всю ночь сторожит молодых. Наутро входит в спальню одна сваха и посылает свата к родителям молодой, чтобы поздравить их с благополучием дочери; в противном случае она посылает к ним дырявый сосуд: кувшин или чашу. Тогда бесчестие для родителей дочери; стыд и насмешки распространяются по всей деревне. Однако это обыкновенное уже смягчается ныне: стараются скрыть семейный позор притворной радостью жениха.

ОБДАРИВАНИЕ МОЛОДЫХ

На другой день собираются в дом молодого родители новобрачной и ее родственники; их угощают с большой веселостью. Молодые вновь получают благословение от сво-

их родителей, а молодой падает в ноги своему тестю и теще и благодарит их за воспитание дочери. После угощения, за коим уже едят и пьют новобрачные, дарят их родители и родственники разными вещами для домашнего обзаведения: посудой, полотном, зерновым хлебом, скотом, птицею и пр., смотря по состоянию каждого. В следующие за сим дни новобрачные угощаются родственниками, и такое угощение продолжается почти всю неделю.

Новобрачные носят здесь название *молодожен* (молодых) до субботы Святой недели. В эту субботу собираются рано поутру парни, товарищи молодого, и поют под его окнами *юнец*:

У юнца молодца было три сестрицы:
Большая сестрица на двор выходила,
В конюшню входила, коня обротала;
Вторая сестрица коня обседлала,
Меньшая сестрица на двор выходила,
Юнца посадила, кудеречки расчесала,
Шляпу надевала и юнца спросила:
Куда юнец едешь? –
Он ей ответил:
На царскую службу,
Царю послужити.
Она спросила:
Домой скоро ли будешь? –
Я в те поры буду,
Как коня изъезжу.
Седелечко изотру,
Плеточку изхлещу.

Юница молодая
Новы сенички мела,
Гусельцы нашла;
Юницу молодому отдала.
Он играет, поиграет
В звончатые свои гусли;
Он потешит, потешит
Молоду свою жену:

Ты не плачь-ка, молодая моя жена!
О своей стороне, о своем отце и матери.
Посередь двора юничного
Дубовы столы стоят,
На этих столах
Белы скатерти лежат,
Медвяны питья стоят.
А кому те питья пити?
Кому разносити?
Пить питья окликальщикам,
А разносити питья
Юнцу – молодцу.

По пропетии этой песни молодожены угощают парней пирогами, яйцами и водкой. В других местах ходят девицы петь юнец; их угощают пивом, медом и пирогами, а они дарят бывшую свою подругу мелочными вещами: ленточками, нитками, иголками, крашеными яйцами – кто чем может. Зажиточные дарят полотном, платками, крашениной и пр. С этих пор молодой называется *мужи́ком* (мужем), а молодая – *бабою* (женою).

XV. СВАДЬБА В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

СВАТОВСТВО

Отец, у коего сын выходит из восемнадцатилетнего возраста, по расчислению самого батюшки, отправляется к приходскому священнику для справки о верности годов своего сына. Когда удостоверится, что он не ошибся в своем расчислении, тогда просит священника справиться о годах той невесты, которую он имеет в виду. Если и здесь он получит желаемый ответ, то просит его благословления к начатию доброго дела. Приняв благословение, он отправляется домой

поспешно, с радостной для жены и сына весточкою. И вот надобно посылать потом засватывать. Поэтому отец призывает крестных родителей своего сына, предлагает им сходить к отцу невесты и просить его согласия, чтобы породниться с ним. Крестные родители не отказываются от исполнения поручения, потому что жених – их воспитанник. Они между страхом и надеждою отправляются хлопотать о невесте. Пришедши к отцу, они сначала говорят о чем-нибудь постороннем и обиняками доходят до дела. Тут истощают все свое умение, чтобы уговорить выдать дочь, потому что есть обыкновение, чтобы поломаться в таком случае. Если последует отказ, то уж делать нечего; а если согласие, то засватавшие, помолясь Богу, отправляются к отцу жениха с известием, что Бог помог в начале, что-то будет дальше. Спустя несколько дней сваха идет к невесте с гостинцем. Для этого она печет кулебяку. Сваху принимают с ласкою и уважением; она ведет разговор *почтительно* и доходит до того, что сами родители начинают хвалиться рукоделием своей дочери. Это она делает с тем намерением, чтобы узнать от них: занималась ли чем-нибудь невеста? И может ли одеть своего будущего мужа? Если у невесты есть рукоделие, то она трудящая и не шаталась в девках, а это, как признак нравственности, ценится дорого в быте крестьян.

ВЕЧЕРИНКА У НЕВЕСТЫ

После этого уговариваются *в кладке* (складке); отец невесты получает несколько денег, вина, мяса, масла и других съестных припасов, необходимых для совершения пира. За этим условливаются о дне свадьбы, но на это они испрашивают разрешения у священника, который приглашается сюда со всем своим причетом; не забывают пригласить отца жениха, чтобы *почестить дело*. После угощения всех их жених сзывает своих родных, чтобы идти на вечеринку к невесте. Жених готовится принять родственников следующим образом: одевшись хорошо и положивши три земных поклона,

он садится за стол, ожидая крестных родителей и остальных своих родственников. Каждый из них приносит ему каравай, курицу и небольшое количество денег. Он принимает от них, перекрестясь, и целует каждого.

Невеста пред своей вечеринкой ходит в баню с подругами, которые еще с утра должны отправиться к жениху за мылом. Идя в баню, они поют громко и весело:

Выходила девчоночка
За новые ворота;
Становилась девчоночка
У притворного столба;
Опускала девчоночка
Белы руки во карман.
Из кармана вынимала
Алый розовой платок.
Утирала горьки слезы
Любезному своему,
Как утерши горьки слезы,
На те горы я пошла.
На те горы, на те доли,
Где скончалася любовь.
Любовь наша небольшая,
Жизнь, разлука тяжела,
Разлучает нас неволя,
Чужедальня сторона.
На чуждой ли на сторонке,
Там девчонки хороши.
Взял девчонку за ручонку,
Сказал: милая, прощай!
Зарастут пути-дорожки
Все травой муравой,
И широким лопухом,
И высоким камышом¹.

Когда все соберутся к жениху, тогда, помолясь Богу, про-
износят: дай Бог в добрый час! Отправляются к невесте и не-

¹ При отправлении в баню они поют песни по произволу.

сут ее отцу выговоренную кладку. Их принимают с радушием и сажают за стол по чину, именно: женихова отца вперед, а по сторонам его, с правой: крестного отца, а с левой: самого жениха, возле его родную и крестную матерей; за ними остальных родственников. При входе невесты выводят жениха из-за стола и ставят обоих их среди избы рядом; тут они должны целоваться при всех, и крепко. Избранный дружка угощает после этого вином всех званых гостей, а невеста дарит их своим рукодельем. Выпивший чарку водки и принявший подарок утирается им; потом кладет отдарок, состоящий в деньгах, по состоянию каждого, и затем садится на свое место. При подавании вина молодые кланяются каждому, прося выпить; иной ломается, говоря: горько! Это значит, что они должны поцеловаться три раза. Вскоре подают ужин, за коим отец невесты разносит свое вино, а жена его хлопчет накормить гостей. Отблагодарив сватушку с свахонькою за хлеб, за соль, все идут в дом отца жениха, но последний не уходит, не простившись с своей молодою. Тогда подружки нарочно прячут ее в угол и завешивают платком. Это делается для испытания силы жениха: он вырывает платок из рук невесты и целует ее насильно. Иные пляшут дорогою впрыскаду, а другие поют; но им предстоит еще новая пирушка, от коей отказаться был бы, с их стороны, невежливо, а для отца жениха обидно. Пришедши в дом, все помещаются за столами кое-как, а хозяин расставляет яства и потчует от избытка радости.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

На другой день, назначенный для совершения бракосочетания, дружки должны приготовить три или четыре тройки лошадей, со звонками. На одной из них они отправляются к невесте: с рубашкою, кумачником, котами, чулками и шубою. Вместе с этим привозят хлеб и пирог, с коими главный дружка поступает так: отрезавши от хлеба горбушку, он отдает свой хлеб отцу невесты, а от него берет другой, от которого также отрезывает горбушку, и две горбушки кладет за свою пазуху.

Дружки приезжают к жениху с известием, что невеста готова. Тут начинают наряжать жениха. Наряд его состоит из красной рубахи, полосатых лощеных портков, смазных сапогов и нового кафтана; голова бывает приглажена маслом. После он является к своим родителям: крестным и посаженным – для принятия от них благословения. Родной отец, став среди избы с иконою, заставляет сына положить три земных поклона. Выполнив приказание, он прикладывается к иконе и целует отца со слезами. Потом родная мать, а за нею крестная, напутствуют его благословением на новую жизнь. По окончании благословения сажают жениха за стол и сами обсаживаются вокруг него, справа и слева. Из этого обряда не исключаются все присутствующие, сколько бы их ни было здесь: они должны присесть. Тут выпивают по стакану вина, закусывают хлебом-солью и, помолясь Богу, встают, и когда отец жениха произнесет: «Ну, с Богом!» – тогда крестный отец отправляется с женихом по невесту. Впереди их едет дружка с благословенным образом, а на остальных лошадях поезжаные. Дружка запасается склянкою водки, чтобы отворили ворота, которые бывают заперты. За воротами стоит или брат невесты, или кто из посторонних по приглашению. Дружка поспешно вскакивает с вином и стучит. Стоящий за ними спрашивает: «Кого надо?» – «Отопри!» – кричит дружка. «Не отопру», – отвечает другой. Делать нечего! Он вынимает из пазухи вино и подает в подворотню. Тотчас отворяются ворота, и весь поезд въезжает на двор. Войдя в избу, садятся и ждут, пока выведут невесту; потом ставят ее с женихом посреди избы. Здесь родители обеих сторон благословляют их; после сажают за стол, а потом, с Божьей помощью, отправляют их в церковь. С женихом, коего повязывают платком, как женщину, садится крестный его отец и дружка, а с невестою, покрытой шелковой фатою, – мать крестная. Поддружки, которые называются *полдружье*, перевязываются платком с правого под левое плечо.

Когда готов весь поезд, тогда дружка с благословенным образом, а подружки с хлебом-солью обходят его три раза вокруг и потом едут в церковь. На одной телеге находится брага

и вино для угощения встречных на дороге. В других местах лежит обязанность на полдружье, идущему с хлебом и солью за дружкой, чтобы он при обходе поезда припрыгивал и дрыгал ногою, что, по понятию простолюдинов, значит: отгонять все опасности, могущие случиться с молодыми во время поезда их в церковь и обратно. Напрыгавшись вдоволь, полдружье садится на лошадь и едет вперед; за ним весь поезд. Проехав сажень сто, он должен воротиться назад для выкупа постели; но с тем, чтобы догнать после и даже обогнать поезд. Заплатив сестрам за постель или подругам невесты, он берет с собою постель, укладывает ее в особый ящик и спешит перегнать поезд, чтобы ему быть путеводителем к церкви.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОБРЯД

По совершении венчания священник требует, чтобы молодые поцеловались три раза. Крестная мать отводит невесту в притвор и, перекрестясь, начинает заплетать ей в две косы; потом она надевает волосник или кокошник. Иные из новобрачных приезжают домой в венцах. Родители встречают молодых на крыльце с хлебом-солью и свечою; а одна женщина стоит в сенях за дверью с блюдом овса и хмелем, и когда они идут в избу, тогда она осыпает их, желая им богатства.

Молодые, поцеловав хлеб-соль, входят в избу; здесь сажают их на несколько времени. Отец и мать целуют их и поздравляют со вступлением в новую жизнь. Отец говорит новобрачной: вот тебе одонье ржи, а другой сама нажни. Дав усесться всем, дружка выводит молодых из-за стола в клеть, где приготовлен для них стол и брачное ложе. Здесь он подносит им по стакану вина и вынимает из пазухи те горбушки, которые он резал, когда ездил с нарядом к невесте, и потчует их. После закуски укладывают их в постель с наставлениями, о коих говорить здесь неуместно, и потом отправляются в избу для размещения гостей, приготовившихся пировать за горячим столом. Пока продолжается обед, дружка выбегает к молодым наведываться: не проснулись ли они? Когда про-

снутя новобрачные, тогда он вбегает в избу и берет с собою крестную мать молодой. Поднявши их с постели, одевают и ведут к гостям, которые от радости бьют горшки, стаканы и все, что попадется им на глаза; топают, прыгают и кричат. После этого молодой отправляется на блины к теще. Его молодая посылает с ним гостинцы к своим сестрам или подругам. С приходом его к теще она сажает его за стол и в ту ж минуту затапливает печь и печет блины. Молодой, выпив чарку водки и закусив блинами, возвращается в свой дом, где с его приходом начинается снова пир – ради гостя дорогого, хотя ожидавшие его давно употчивались.

Между тем как продолжается эта пирушка, отец молодой сзывает всех своих родственников и спешит с ними к своему свату с поздравлением. Толпа собравшихся родственников называется тогда *гарною* (избранными). Пришедши с гарными в дом, отец и мать молодой поздравляют свата с окончанием дела, а тот благодарит их за доброе поведение дочери. Тут снова поют.

В таком точно пиршестве проходят два и три дня, в продолжение коих не перестает литься вино и брага. Этим оканчивается пир у отца молодого, но отцу его надобно отплатить свату своим посещением. Поэтому, пригласив к себе несколько ближайших родственников, он вместе с молодыми отправляется на последнее пиршество.

ХVI. СВАДЬБА В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

СВАТОВСТВО

Отец взрослого парня избирает опытного свата из своих родных или хороших приятелей и поручает ему высватать невесту¹. Сын указывает тогда свату на девок или на ту, которая

¹ Сват в Хвалынском уезде называется смутчиком.

ему полюбилась. Во время совещаний о сватовстве угощают свата; после угощений он отправляется в тот же день или на другой в дом невесты. Здесь он выхваляет достоинства жениха, и если получит согласие на выдачу дочери, то извещает об этом родителей жениха.

Сватовство поручается во многих местах этой губернии искусной и опытной свахе¹. Войдя в избу, она старается, не начиная разговора, взглянуть прежде всего на матицу – брус, поддерживающий потолок, и сесть противу него. Это она делает с тем намерением, чтобы дело пошло успешнее. Потом она вступает в разговор о деле, превозносит ум и состояние жениха, отчего называют их хвастуньями. Если родители невесты изъявят согласие выдать свою дочь, то сваха говорит: *ну сватушка, прикажите нам придти с женихом*. При выборе невесты обращают главное внимание на ее нравственность, а не на красоту, о коей так говорят простолюдины: *нам не лизаться лица* (т. е.: не целовать его); *нам нужно, чтобы она слушалась и любила мужа, который бы не ходил без рубах. А ведь от хорошей яблони хорошие плоды*.

СМОТРИНЫ

На другой день родители жениха приглашают к себе человек пять из близких родных, чтобы одеть жениха, которого одевают: в красную рубашку, синее исподнее платье, а если есть, то в плисовые шаровары, синий кафтан или нанковый халат, и отправляются все со свахою в дом невесты. Родители несут с собою гостинец, состоящий из хлеба-соли. Придя в дом, молятся Богу и кланяются на все стороны; потом кладут на стол гостинец и говорят: «Здорово сватушка и свахонька! Можете ли гораздо?» Они отвечают: «Слава Богу! Сватушка и свахонька; садитесь-ка у нас: мы рады добрым людям». Жених садится за стол, подле жениха сваха, которая, посидев несколько минут, говорит отцу невесты: «Ну сватушка! Смотрите наш товар, а свой покажите нам». Тотчас сваха выводит

¹ При описании этой свадьбы выставлена здесь сваха действующим лицом.

невесту из чулана, одетую в самый лучший сарафан с шелковым платком на голове, иногда с одной развязкой, т. е. с непокрытой головою, но с гладкой прическою. Сваха подает невесте рюмку с вином, жених встает с места, а невеста подносит ему. Он берет и, подержав немного в руках, отдает обратно. Тогда сваха вылезает из-за стола, подходит к невесте и спрашивает, улыбаясь: «Скажи, красавица, как тебя звать?» – «Дуняша», – отвечает она. Между тем сваха поднимает ее руки вверх для удостоверения: не выломлены ли у ней руки? Или не безрукая ли она? Ворочает ее туда и сюда, чтобы осмотреть: нет ли за ней какого порока? Затем она выводит жениха из-за стола, берет зажженную лучину или зажженный пучок и подносит его под глаза жениха, чтобы убедить смотрящих, что он не слепой. Потом она заставляет его пройти по избе для доказательства, что он не хромой. После смотря садится жених за стол, а невеста уходит в свой чулан, где она наряжается в другое платье; потом выводят ее по прежнему порядку, и это продолжается до трех раз. При этом смотря не бывает угощения: жених только всматривается в невесту, чтобы оценить ее достоинства. Осмотрев с ног до головы, все поднимаются из-за стола и уходят. На дворе или за домом советуются все между собою, и если невеста понравилась жениху, то он замечает: «Какой еще невесты! Ступай, батюшка, рядись кладкою». Тогда отец с свахою возвращается в избу невесты, а все остальные идут домой с женихом. Если бы невеста не понравилась жениху, то уже не возвращаются, а идут все домой. По приходе в избу сват говорит: «Ну, сватушка, по рукам, да в баню». – «Мы рады, – отвечает он, – породниться с тобою, сватушка». После этого садятся и начинают рядиться о кладке. Отец невесты выпрашивает несколько рублей денег, три сарафана, шубу плисовую, платок шелковый, кашемировый, коты, пояс персидский, рукава миткалевые и касандровские¹, несколько аршин ситца, два ведра вина, пуда три говядины, два пуда солода для приготовления браги и несколько фунтов меда. Если согласятся на кладке, то назна-

¹ Касандрейка – красная пестрядь.

чается родне жениха со стороны невесты: отцу его льняная рубашка, матери его кусок полотна и платок, брату рубаха из сарпинки (сарептской холстинки); жене брата его полотно на рукава рубашки или платок, крестному отцу и крестной матери отдают на волю невесты: чем она хочет, тем и дарит. Если родителям невесты или ей самой не покажется жених, то они выпрашивают при ряде о кладке столько, чтобы отец не был в состоянии дать, и тогда отец с свахой догадываются, что жених не показался, расходятся, и тем оканчивается сватовство. Если выпрашиваемого отцом невесты не согласен дать отец жениха, то он говорит: «Сватушка! Вы просите больно много. Нельзя ли уступить, сватушка, коли хотите быть в родне с нами». Отец невесты говорит: «Нет, сватушка, мне никак уступить нельзя. Вы сами знаете: ведь много выйдет и от нас даров. Коли вы будете *выражать* меньше даров, то я уступлю». Порядившись в кладке, отец невесты угощает их хлебом-солью и водкою. Потом поднимаются домой, причем сваха говорит: «Прикажите нам, сватушка, поблагодарить вас за вашу хлеб-соль и за ваше хорошее угощение. Завтра ожидайте нас к себе с женихом». Он отвечает: «Просим милости, а мы станем готовиться».

Поутру отец невесты собирает своих родных, а невеста – своих подружек. Отец жениха, по собрании своих родных, ставит на стол закуску и водку, при этом он подносит только по одной рюмке вина, и, закусивши, все они отправляются в повозках в дом невесты. Они привозят с собою каравай (ржаной хлеб с солью), штофа два вина, кусок говядины, курицы или гуся и столешник (скатерть). Поздоровавшись между собою, накрывают стол своим столешником, потом ставят вино и после режут для закуски, что привезено. Один из родных жениха наливает чарку вина и обращается с нею: «Сватушка и свяхонька! Подходите к нам поближе, поклонитесь друг дружке пониже». Родные невесты говорят: «Ну, сватушка, благослови!» – «Господи! Во святой час». После этого они садятся за стол, а жених и его родные становятся у дверей. Тут подносят им водку и угощают привезенной закускою; после

угощают их родные невесты. По угощении всех родственников жениха говорит: «Сватушка и свахонька! Не бессудьте (не осудите), какова случилась наша хлеб-соль». Они отвечают: «Слава Богу, сватушка, мы довольны; просим милости садиться». Сами выходят из-за стола, жених садится в переднем углу за стол, повесив голову и опустив глаза; сваха садится с правой стороны жениха, а родные – с левой его стороны. Девушки стоят в чулане, подле невесты; там ее сваха приготовляет дар жениху: шейный платок, который она кладет на деревянное блюдо. Тогда выходят девушки к гостям с невестою и свахою; последняя несет дар, и все кланяются с нею. Затем подходит невеста к столу, берет рюмку, наливает водки и подносит жениху, кланяясь ему низко. Он берет рюмку, держит ее несколько минут в руках и отдает невесте; потом берет из рук свахи платок и утирается им; затем, взяв невесту за уши, целует ее три раза. Тогда девушки запевают песнь, сначала невесте, а потом жениху:

Невесте

Вы цветы ли мои цветочки,
Вы цветы мои лазоревые!
Да вас много было сеяно,
Да немного уродилося.
Вы души мои, красны девицы!
Вас много было в тереме,
Да немножко оставалось, –
У нас не было изменщицы, прелестницы,
А ныне у нас проявилася,
Любимая наша подруженька,
Душа красна девица,
Авдотья Степановна (невеста).
Она прельстилася, влюбилася
В удалого добра молодца,
Александра Яковлевича (жениха).
Она клялась прежде, и божилась,
Замуж не рядилась.

Говорила: в монастырь пойду!
Свет подруженьку манила,
Свет любимую свою подружку,
Душу Аннушку.

Жениху

Как у нас ли во ныншнем году,
Уродился виноград во саду,
И калина со малиною,
Черна ягодка смородина.
Уродился во саду еще розовой цветок.
Ходил, гулял добрый молодец во саду,
Срывал он с розы розовый цветок.
Он и сам цветку дивуется:
Что это за цветочек за такой?
Этот цветок нежен и хорош,
А я молодец теперь холост, не женат.
Был молодец во матушке во Москве,
Не нашел я там невесты по себе;
А теперь нашел в Саратове в городе,
Нашел я себе невесту хорошу,
И хорошу и пригожу,
Свет Дунечку душу.
Нони я по нарядке наряжусь.
Пойду в церковь, Богу помолюсь,
Создал Бог мне невесту хорошу,
И хорошу и пригожу,
Да и школьную, манерную,
К тому же рукодельную.

Во тереме во новом,
Что светло горит?
Горят свечи воску ярого.
Шила дары душа Дуняша,
Сошивши дары,
На стол положила,
Сама она слезно плакала,
В слезах она слово молвила:

Нянюшки, мамушки,
Красны девушки!
Подите-ка, послушайте,
Чем дарят тятеньку?
Дарят его славным городом.
Знать, тятеньке родимому
Город милее меня.

Нянюшки, мамушки,
Красны девушки!
Подите-ка, послушайте,
Чем дарят маменьку?
Дарят ее алым бархатом.
Знать, маменьке родименькой
Бархат милее меня.

Нянюшки, мамушки,
Красны девушки!
Подите-ка, послушайте,
Чем дарят Александра?
Дарят его душой Дуняшей,
Дуняшей черноокой.
Знать, Дуняша, знать, Дуняша
Ему милей всего.

Как вечер-то мы красны девушки
Во пиру были, во беседашке!
Мы не мед-то пили, мы не полниво;
Мы пили, красны девушки,
Сладку водочку.
Пропили мы, красны девушки,
Свою любимую подруженьку
Авдотью Степановну.
Пропили ее не за сто рублей,
Не за тысячу;
За едину винную чарочку,
За доброго молодца
Александра Яковлевича.
За его ли буйну голову,
За ум его, разум, удаль молодецкую.

Жениху и невесте

Повеяли, повеяли, ветры – вихри;
Растворились, растворились ворота новые;
Невзначай, невзначай гости въехали,
Незнакомые, незнакомые, незнакомые;
Полон двор, полон двор все карет-берлин,
Полны стойла, полны стойла вороных коней;
Полны сени, полны сени кучеров, лакей,
Полно зало, полно зало все князей, бояр;
Полон терем, полон терем княженетских жен,
Полна спальня, полна спальня красных девушек.
Подломились, подломились сени новые,
Со частыми, со мелкими переходами.
Раздавали, раздавали золоту чару,
Золоту чару со фенисью;
Выпугали, выпугали соловья из саду;
Выпугали, выпугали молодого из зелена.
Восплакала, восплакала душа Дуняша:
Свет мои, свет мои сени новые,
Свет моя, свет моя золота чара со фенисью,
Кто меня будет, кто меня будет,
Поутру рано будить?
Кто станет, кто станет скоро делу учить?
Возговорит, возговорит-то Александр господин,
Возговорит, возговорит-то Яковлевич дворянин:
Ты не плачь, ты не плачь, душа Дуняша,
Не тужи, не тужи, свет Степановна,
Сострою тебе, сострою тебе сени новые,
Со частыми, со мелкими переходами;
Солью тебе, солью тебе золоту чару,
Золоту чару, золоту чару со фенисью.
Я у тебя, я у тебя соловей во саду,
Я у тебя, я у тебя, молодой во зеленом.
Стану тебя, стану тебя поутру рано будить,
Стану тебя, стану тебя скоро делу учить.

При поднесении водки родителям жениха и его родственникам поют девушки каждому из них отдельно, а невеста, если свадьба богатая, одаривает всех их.

Жениху отцу

Хвалится сватушка
Житьем, бытjem:
Много у меня житья, бытjя,
Чистого серебра сундуки стоят!
Цветна платьeца шесты висят.
Да ты сватушка, догадайся,
Да ты сватушка, надумайся,
В платке серебро распутайся:
Слышишь ли, сватушка?
Тебе песнь поем.
При все честной компанице
Тебя величаем.

Жениховой матери

Как по сеним по сеничкам,
Переходичкам;
Тут гуляла, погуливала,
Молодая боярыня
Марья Васильевна.
Во руках носит блюдечко,
На блюдечке яхонты,
Драгоценные запонки.
Положите вы, малехонько,
Поколь я молодехонька,
Без белил я белехонька,
Без румян румяхонька,
Без сурмил брови черные.

Жениху брату с его женою

Как во саду кровать, люли,
Во зеленом тесовая, люли,
На кровати перина, люли,
На перине одеяло, люли,
Под одеялом лежит, люли,
Свет Николай господин, люли,

Яковлевич дворянин, люли,
Над ним писари стоят, люли,
Офицеры говорят, люли,
Разбудить его хотят, люли,
Да ты Колюшка сударь, встань, люли,
Свет Яковлевич, пробудись, люли,
С чистым серебром ушел, люли,
За Машенькой за душой, люли,
За Гавриловной госпожой, люли.
Или сам ты пойдешь, люли,
Или нас пошлешь, люли.
Уж вы бестолковые бояре, люли,
Неразумны господа, люли!
Да я сам-то пойду, люли,
Да я вас с собой возьму, люли,
Я кораблик перейму, люли,
Да я Машеньку сйму, люли,
Гавриловну госпожу, люли;
Возле себя посажу, люли,
Поцелую, обойму, люли!

Во горенке во новой, во новой,
Стоял столик дубовый, дубовый,
Покрыт тафтой голубой, голубой,
С золотою бахромой, бахромой.
На столике дубовом, дубовом,
Стоял кубчик золотой, золотой,
Полон водки налитой, налитой.
Семенушка господин, господин,
Он по горенке ходил, ходил,
До столика доходил, доходил,
Рюмку водки наливал, наливал,
Хозяюшке подносил, подносил.
Ты хозяйюшка моя, ты моя!
Прийми, выпей, умная, умная,
У доброго молодца, молодца.
Роди да сына сокола, сокола,
Белым лицом во себя, во себя;
А разумом во меня, молодца, молодца,

Будем сына растити, растити,
И грамоте учити, учити,
И грамоту пером писати, писати,
Пером писати, по-французски говорити¹.

Как свяхонька хороша,
А ты свяхонька пригожа!
Изнизали бы тебя на жерелья,
И носили бы тебя в воскресенья.
А ты, свяхонька, надумайся,
В платке золото распутайся.
Слышишь ли, свяхонька?
Тебе песнь поем,
При всей честной компании
Тебя величаем.

Женатым родственникам жениха

Как по сеням, сеням, сеничкам;
По новым сеням решетчатым;
Что ходила, погуливала,
Молодая душа боярыня
То Татьяна Ивановна.
Что будила, побуживала,
Своего ли друга милого,
Да того Осипа Михайловича.
Уж ты встань, пробудись, господин!
Отвязался твой добрый конь.
От столба ли, столба ли точеного,
От колечка позолоченного
Он ушел, он ушел,
Во чисто поле гулять;
Из чиста поля во зеленый сад.
Поломал в саду вишенью,
Со калиной со малинушкою,
Зелену грушу со вишенью.
Как возговорит Осип господин,
Как возговорит Михайлыч дворянин:

---

¹ Народ думает, кто говорит по-французски, тот учен и умен.

Ты не плачь, моя милая!
Не тужи, моя разумная!
То Татьяна Ивановна,
Еще нас Бог помилует,
Государь-Царь пожалует
Тремя славными городами:
Первым городом Саратовом,
Другим городом Симбирском,
Третьим городом Хвалынском.
Во Саратове сами будем жить,
Во Симбирском сына женить,
Во Хвалынском дочь отдавать.

Жениху товарищу

На море на моречке,
На том тихом заводе
Стоит дерево кипарисово;
На том дереве кипарисовом
Сидят пташечки заморские,
Поют песенки ростовские¹.
Да кому у нас быть боярином?
Кому слыть воеводою?
Быть боярином Иванушке,
Воеводою слыть Даниловичу,
Сберегать своего князя молодого,
Нашего гостя дорогого.
Ты слышишь ли, Данилушка?
Тебе песнь поем,
И честно величаем.

Когда передарят всех гостей и обнесут им по рюмке водки, тогда сваха берет невесту за руку и сажает ее за стол рядом с женихом. Спустя немного подают обед, приготовленный со стороны отца невесты. Во время кушанья угощают брагою и водкою. Девушки между тем отправляются разъезжать в по-

---

¹ Песенки ростовские – вероятно, употреблено здесь для рифмы, и должно думать, что надобно сказать песни райские.

возках по улице, на лошадях жениховых, и тогда поют голосовые песни¹. Сваха выводит молодых из-за стола и провожает их в чулан. Тут потчуют жениха нареченная его теща разными кушаньями и водкою. По приезде девушек с катанья гости поднимаются домой; невеста дарит жениху перчатки своей работы, и после все отправляются домой. Этим оканчивается запой. По удалении гостей невеста причитает своим родным. Подойдя к отцу, она обнимает его и поет жалобно.

Отцу

Кормилец ты мой, батюшка!
Что это у нас были за пиры, за беседашки?
За гульба, за прокладушки?
Были гости незваные,
Незваные, неожиданные!
Знать, это вы, батюшка, пропивали
Мою буйну головушку,
Что ты, батюшка, на меня прогневался?
Или я тебе, батюшка,
Была не скорой посол?
Не скорой посол, не работница!
Или я тебя, батюшка,
В грязь лицом ударила?
При добрых людях прибесчестила?

Матери

Родимая ты, моя матушка!
Спалась ли тебе темная ноченька?
А мне, горькой горюшеньке, не спалось,
Во сне мне виделось.
Виделось мне горькой
Темные леса, круты горы.
Темные те леса, чужа семья;
Круты те горы, тяжела работушка.
Привыкать мне к крутым горам,

---

¹ Голосовые песни помещены в конце этой свадьбы.

К темным лесам труднехонько,
Я у вас еще молодехонька.

Брату

Родимый ты мой братец!
Не помни ты моих грубостей,
Как я тебе сгрубляла, досаждала.
Сорядите вы меня, братец,
Со родимым своим батюшкой
Хорошенько.
Не давайте вы меня, братец,
Чужим людям на срам, на позорище.
Чужи люди, чтобы не смеялися,
А вы много не чуждайтесь.

Шабренке¹

Поди-ка ты, любимая моя шабренушка.
Да ты на меня не погневайся,
Что я тебя не встретила.
Ни за спесью, ни за гордостью,
За своим горем великиим!
Запоручили мою буйну головушку
На чужу, дальню сторонущу.
Я спрошу тебя, понадеючи,
А ты мне скажи, жалеючи:
Каково житье в чужих людях?

Шабренка отвечает

В чужих людях надо жить умеючи,
Да все разумеючи.
Поди-ка ты, красна девушка!
На быстру реку.
Спроси гусей серых:
Каково гусям плыть,

---

¹ Шабренка, соседка — татарское слово.

Встречь быстрой реки?
Таково-то жить во чужих людях.
Чужой батюшка свекор
Без вины журит;
Свекровь матушка
Без порядку наряжает.

По окончании причитания прощаются с невестой подружки ее и уходят домой.

ДЕВИЧНИК

Поутру собираются снова к невесте ее подруги. Она отпирает свой сундук, в коем сложено ее приданое: платье и холст; последний отдает девушкам, которые кроят из него рубашки для жениха и невесты и самые рукава на ее сарафан, и тогда же готовят все нужное для свадьбы. Днем занимаются шитьем, а вечером забавляются и продолжают это до самой свадьбы. Все это время называется девичником, который у иных бывает около месяца.

По вечерам приходят сюда родные с женихом, женатые и парни¹; последние играют и поют с девушками песни. За те песни, которые девушки поют парням, женатым и молодым вместе или порознь, получают деньги в награду.

Жениху

В тереме гусли лежали,
Во новом звончатые.
Вот и некому во гусли играти,
Александра Яковлевича дома нету,
Яковлевича не случилось:
У тещюшки он пирует,
У тещеньки он столует.
Теща зятя угощала,
Рюмку водки наливала,

---

¹ Жених со времени обряда запоя посещает свою невесту днем и вечером.

Своему зятюшке подносила,
Любезному говорила:
Ты пей, зятек, не упивайся,
Над Дуняшей не ломайся,
Над Дуняшей не величайся.
Вот и Дуняша дитя нежное:
Не заставляй разувати,
Белы рученьки замарает,
Золоты кольца переломает,
Дорогие камни растеряет.
Как и зять теще отвечает:
Белы рученьки можно вымыть,
Золоты кольца можно спаять,
Дорогие камни можно вставить.

Долина долинушка,
Раздолье широкое!
Ой люли, люшеньки,
Раздолье широкое!
Раздолье широкое
Приволье широкое,
Ой люли, люшеньки,
Приволье веселое!
По той ли равнинушке
Ходил, гулял молодец.
Ой люли, люшеньки,
Ходил, гулял молодец!
Связал свою голову
Тафтою зеленою.
Ой люли, люшеньки,
Тафтою зеленою!
Фатою ж шелковой,
Лентой лиловою,
Ой люли, люшеньки,
Лентой лиловою!
Надел шляпоньку пуховую
С бахромой шелковою.
Ой люли, люшеньки,
С бахромой шелковою!

Увидела матушка
Со высокого терема;
Закричала матушка
Своим громким голосом,
Ой люли, люшеньки,
Своим громким голосом!
Дитя ль мое, дитятко,
Дитя ль мое милое,
Ой люли, люшеньки,
Дитя ль мое милое!
Что ходишь не весело,
Гуляешь не радостно?
Ой люли, люшеньки,
Гуляешь не радостно!
Сударыня матушка,
Чему веселитися?
Ой люли, люшеньки,
Чему веселитися?
Все братцы товарищи
Да все поженилися,
Ой люли, люшеньки,
Да все поженилися!
А я у вас, матушка,
Холост, не женат хожу,
Ой люли, люшеньки,
Холост, не женат хожу!
Женись, женись, дитятко,
Женись, мое милое,
Ой люли, люшеньки,
Женись, мое милое!
Возьми, мое дитятко,
Князью или барышню,
Ой люли, люшеньки,
Князью или барышню!
Енеральскую доченьку,
Хорошу, пригожую.
Ой люли, люшеньки,
Хорошу пригожую!
Енеральская доченька,

Она мне не нравится
Ой люли, люшеньки,
Она мне не нравится!
У соседа девушка
Да мне показалась,
Лицом приглянулася.
Ой люли, люшеньки,
Лицом приглянулася!
Нет лучше барышни,
Авдотья Степановны,
Ой люли, люшеньки,
Авдотья Степановны!
Без белил она белехонька,
Она мне милехонька.
Ой люли, люшеньки,
Она мне милехонька!

Невесте

Во горнице во светлице
Два голубя на шкафе:
Они пьют и льют,
В цимбалы бьют,
Во гусли играют,
Душу Дуняшу, душу Дуняшу
Забавляют,
Всегда потешают.
Александр Яковлевич
По залу гуляет.
Убрана головушка
Разными цветами;
Унизаны белы рученьки
Золотыми перстнями.
Отсвечивают они от Дуняши
Разными лучами.
Душа Дуняша! Душа Дуняша!
Вас тятенька кричит.
Подруженьки любезные!
Скажите, не слыхала.

Душа Дуняша! Душа Дуняша!
Вас маменька кричит.
    Подружки любезные,
    Скажите, не слыхала.
Душа Дуняша! Душа Дуняша!
Вас Александр кричит.
    Подруженьки любезные!
    Скажите, сейчас буду.

Расшаталася грушица,
Расшаталася зеленая
Перед яблонькой садовою.
Расплакалася красная девица,
Растужилася Степановна,
Перед батюшкой стоячи,
Перед матушкой плакавши.
Государь ты, мой батюшка!
Государыня, моя матушка!
Нельзя ли думушку раздумати?
Не можно ли дело бросити?
Свагьям отказать,
Меня в чужи люди не отдавать.
    Уж ты, дитятко!
    Уж ты, мое милое!
У нас дума-то вздумана,
И дело-то сделано.
Быть пиру, быть беседушке.
Собраны красны девушки,
Любимые твои подруженьки,
Изготовили тебе к венцу
Цветно платьеце.

Товарищам жениха

Уж вы соколы,
Залетные пташечки!
Куда вы летали?
Мы летали в зеленый сад,
С куста на куст перелетывали,

Из моря на моречко.
Что вы там видели?
Мы видели там серу утушку,
Среди моря на острове.
Что вы ее не поймали?
Хотя мы ее не поймали,
Серы крылышки ощипали,
Опять в сине море пустили.
Вы бояре Александровы (жениха)
Куда вечер ездили?
Мы ездили, поезживали,
Из города в город
Переезживали.
Что вы там видели?
Мы видели там
Красну девушку,
Авдотьюшку;
Красну девушку в терему.
Что вы ее не взяли?
Хотя мы взять-то
Не взяли,
Русу косу расплели,
В терем опять пустили.

Брату с сестрою

Сладка ягодка малинушка,
Размолоденький детинушка;
Удалой, добрый молодец,
То Василий Иванович.
И еще кто тебя породил молодца?
Породила меня матушка,
Вспоил, вскормил родной батюшка,
Взлелеяли няньки, мамушки
На тесовой кроватушке,
На пуховой на перинушке,
На батистовой подушечке,
Под атласным одеялицем.
И еще кто тебе головушку чесал?

И еще кто тебе русы кудри завивал?
Завивала кудерюшки,
Мне сестрица любезная
Да то Марья Ивановна.
Вила кудри, приговаривала:
И еще, дай Боже! Моему братцу,
Ему счастье хорошо получить,
В магистрате магистрским судьей,
А при думе быть степенным головой,
При своем доме хозяином.
Из рюмочки водка плещется,
По подносу разливается.
По подносу по серебряному,
По узору мелкотравчатому,
Как и брат сестрой хвалится,
Как любезной похваляется:
У меня, братцы, сестрица хороша!
Хороша душа Машенька,
Без белил лицо белое,
Без румян щеки алые,
Без сурмил брови черные.
У ней взоры веселые,
А походка дворянская,
У ней речь деликатная.
Двором идет, словно павушка плывет;
Речь возговорит – лебедушкой.

Холостым

Да кто у нас умен,
Кто у нас разумен?
Андреюшка умен,
Федорыч разумен.
Ой люшеньки, люли,
Федорыч разумен!
Он щепитко¹ ходит,
Манежно ступает.
Ой люшеньки, люли,

---

¹ Ловко.

Манежно ступает.
Сапог не ломает,
Чуллок не марает.
Ой люшеньки, люли,
Чуллок не марает!
На коня садится,
Лишь конь веселится.
Ой люшеньки, люли,
Лишь конь веселится!
К лугам подъезжает,
Луга зеленеют.
Ой люшеньки, люли,
Луга зеленеют!
К садам подъезжает,
Сады зеленеют.
Ой люшеньки, люли,
Сады зеленеют!
Во саду девушки гуляли,
Андрея встречали.
Ой люшеньки, люли,
Андрея встречали!
За руки принимали,
За стол посадили.
Ой люшеньки, люли,
За стол посадили!
Вина чары наливали,
Андрея поили.
Ой люшеньки, люли,
Андрея поили!
Андреюшка, выпей,
Федорыч, искушай.
Ой люшеньки, люли,
Федорыч, искушай!
Не пью вина незеленого,
Я кушаю водку,
И то для охотки.
Ой люшеньки, люли,
И то для охотки.

Душа мята,
Да вся поломага. (2)
Алые цветики,
В саду расцвели. (2)
Да кто у нас холост?
Да кто у нас не женат?
А Васенька холост,
Иванович не женат. (2)
По горнице ходит,
В туалет глядится. (2)
Красоте дивится:
Какой я хороший,
Какой я пригожий! (2)
Хорош уродился,
Модно нарядился. (2)
Жилет надевает,
Галстук оправляет. (2)
Сюртук надевает,
Жилет оправляет. (2)
Шляпу надевает,
На крылечко выходит, (2)
Конь к нему подходит:
На коня садится,
Конь веселится. (2)
Он тросточкой машет,
А конь под ним пляшет. (2)
Он лугами едет,
Луга зеленеют; (2)
Он садами едет,
Розы зацветают, (2)
Пташки распевают.
К дому подъезжает,
Матушка встречает:
Сынок мой милый!
Орел сизокрылый! (2)
Без тебя мне скучно,
И в горнице пусто. (2)
Маменька родимая!

Открывайте окна,
подавайте гусли:
Я стану играти,
И вас забавляти.

Во городе во Саратове,
Во Московской славной улице,
Во палате белокаменной,
Разгуливал добрый молодец.
Он стоял супротив зеркальца хрустального,
Он чесал кудри свои русые,
Чесал кудри, приговаривал:
Вы завейтесь, мои кудерюшки,
Вы завейтесь, мои русые!
По едину русу волосу.
К моему ли лицу белому,
Ко моему ли румянному,
К моим ли бровям черным,
К моим очам веселым.
Стоит Ванюшка
Во Божьей церкви у заутрени.
Как на Ванюшке на Степаныче
Сюртук бархатный,
Жилет розовый,
Галстук шелковый,
Платок в руке батистовый.
Да все люди, да все добрые
В Божью церковь сходилися,
Все бояры со слугами соезжались,
Красоте Ваниной все дивовались.
Да все девушки, да все красные
Засмотрелися.
Они между себя разговаривали,
Ванюшку одабривали:
Как он скромн!
Как вежлив!
Никуда он не оглянется,
Да все Богу молится.

Как на молодце,
Как на добром
Платье цветное.
На головушке, на русых кудрях
Шляпонька пуховая.
Как сюртук на нем
Гармишелевый¹.
А рубашенька канелева²,
Сапоги на нем все козловые.
Он ходил, гулял
По всем улицам;
Во руках держал
Трость серебряну.
Как во тростоньке
Ленточки букетовы.
Да все люди ему дивовалися,
Красоте его удивлялися:
Чье это дитя милое?
Не светел ли месяц
Воспоил, воскормил?
Не часты ли звезды возлелеяли?
Породила его матушка,
Воспоил, воскормил
Сударь батюшка.
Возлелеяли няньки, мамушки,
Сенны девушки.

Как Осипушка щеголеват
Из горницы во горницу перебегает,
Кармазин кафтан надевает,
Во карман руки опускает,
Золоту гривну вынимает.
Нас девушек задаряет,
Нам на белые белила,
На красные румяна.

---

¹ Гармишель — полупшелковая с пестрыми крапинами материя.

² Каннель — гладкая шелковая материя, в коей основа красная, а уток зеленый.

Набелимся, нарумянимся!
Добрый молодцам
Лучше приглянемся.

Во саду, во садике,
Во зеленом виноградном,
Стояла разукрашена беседка.
Разукрашена, принаряжена,
Золотой бахромой убрана.
Во той во беседке
Сидел добрый молодец,
Разудалая головушка,
Расхорошенький Иванушка.
Он играл, поигрывал
Во гуселюшки серебряны.
Припевал песнь новую,
Любимую,
Песенку московскую.
Здравствуй, любушка,
Хорошая моя!
Про тебя у меня,
Много пива и вина.
Сладка водочка анисовая...
Ровно ты, красавица,
Расписанная.
Твоя нежность, красота
Заставила любить тебя.
Взгляд твой
Мне премилый;
Ты ласкаешь меня
Мило-нежно!
Свиданье с тобой веселое,
Расстанье печальное.
Кротка ты душою,
Быстра красотою.
Девушка тяжело вздыхает,
Дружка к сердцу прижимает.
Тебя, мой миленький, извиню,

Совыкались с тобой честью.
Мы друг дружке обещались,
Без слез с тобой не расставались.

Как у сокола,
Как у ясного,
Болят крылышки.
Нельзя соколу,
Нельзя ясному,
По лесам летать.
Как у молодца
Голова болит;
Нельзя молодцу
Во саду гулять.
Не один гулял,
С боярами,
С петербургскими енералами.
Красоте его дивовались,
Еще, чье это за дитяtko?
Что это за милое?
Не зоря ли его воспородила?
Не светел ли месяц
Воспоил, воскормил?
Не часты ли звезды возлелеяли?
Но ответ сказал
Добрый молодец:
Уж вы неразумные,
Господа князья!
Воспородила меня
Родна матушка;
Воспоил, воскормил
Родной батюшка.

Как на дубчиках голубчики сидят,
Промеж себя речь говорят
Про Ивана Степановича.
Ой ли, ой люшеньки, люли!
Как Иванушка богат, богат живет,
Свет Степанович богат живет,

Ой ли, ой люшеньки, люли!
Он из гривеньки на гривеньку ступает,
Со полтинничком по улице гуляет –
Ой люли, ой люшеньки, люли!
Целковиком ворота запирает,
По пяти рублей девушек дарит.
Ой ли, ой люшеньки, люли!
Уж вы девушки, светик,
Белые лебедушки!
Помолитесь обо мне,
Об удалом добром молодце,
Ой ли, ой люшеньки, люли!
Об удалом добром молодце,
Об Иване Степановиче.
Ой ли, ой люшеньки, люли!
Я не охотник города городить,
Не охотник капусту садить.
Ой ли, ой люшеньки, люли!
Во сыром бору погуливати,
Красных девок приаукивати.
Ой ли, ой люшеньки, люли!
А вы, девушки,
А вы, белые лебедушки,
Помолитесь обо мне.
Ой ли, ой люшеньки, люли!
Об удалом добром молодце,
Об Иване Степановиче,
Ой ли, ой люшеньки, люли!

ВЕЧЕРИНКИ

В продолжение девичника жених делает от себя несколько раз вечеринки. Он приезжает сюда с своими родными и приятелями, и всегда с гостинцами для невесты: с орехами, платком, ситцем и т. п. Для гостей привозит: закуску, пиво, водку, пшеник и курник (круглый пирог, начиненный курицей). Со стороны невесты собираются на этот вечер ее родные, знакомые и подруги. Жениха и его родных принимают ласково, сажают

с почестью за стол. Жених идет уже прямо к невесте, в ее чулан, и отдает ей подарки. Здесь он разговаривает с своей невестой, а теща угощает его, говоря: ты, родимый, редко ходишь к нам; невеста скучает по тебе. Ходи к нам почаще. Родных между тем и всех гостей угощают в избе, и в то время катает жених свою невесту и ее подруг на своих лошадях. При катании поют голосовые песни¹. После катанья расходятся гости по домам, за исключением: жениха, его приятелей и девушек, которые просиживают на вечеринках до полночи и играют песни.

Пойду по улице, (2)
Два двора минуючи,
Третий послушаю:
Что люди говорят,
Как батюшку бранят.
Пьяница, пропойца, (2)
Дуняшин батюшка.
Пропил свет Дуняшу
За мед, за горелку.
Дуняшина мати (2)
Не умела гадати,
За кого отдати.
Васенькина мати
Умела гадати,
У кого взяти.
Мела, мела сени,
Да бросила веник.

Теперь мои сени (2)
Подметены будут,
Теперь моя хата,
Теперь моя хата,
Истоплена будет,
Теперь мои дети,
Теперь мои дети,
Накормлены будут².

---

¹ Голосовые песни помещены в конце этой свадьбы.

² Сверх этой песни поют те же самые, которые выше приведены, т. е. те, которые относятся до молодых и холостых.

Проводив время весело, поднимается жених с своими приятелями домой. При выходе он благодарит за угощение тещу и тестя, кланяясь им в ноги с своей невестою; потом целует свою невесту и прощается с нею. Но невеста и девушки провожают жениха с его товарищами до ворот и потом возвращаются в избу.

Невеста, встав поутру прежде всех своих домашних, причитает им снова заунывным голосом:

Родимый мой батюшка!
Кормилица матушка!
Спалось ли вам
Темной ночушкой?
Мне, горькой, мало спалось,
Много во сне виделось:
Будто я злыдарка горькая,
Ходила по крутой горе,
Потеряла свой золотой косник,
С серебряной решеточкой,
Со шелковой косоплеточкой.
Родимый мой батюшка и матушка!
Запоручили вы мою головушку
За поруки крепкие.
Ты бросился, батюшка,
На их слова ласковы.
Они тебя уговорили, –
Поднесли тебе золотую чашу.

На другой вечеринке жениха избираются: дружка, полдружье (поддружки), тысяцкий, посаженный отец и третьяк, который потому так называется, что он составляет третий чин после полдружья¹. Все эти лица здравствуются здесь между собою – это значит, что они потчуют самих себя за здоровье жениха, который с этих пор носит название князя, а невеста – княгини. У богатых людей бывают еще дворяне,

---

¹ Иногда на одном вечере, данном от жениха, собираются свадебные чины, которые, однако, не везде имеют эти названия.

кои набираются для увеличения поезда. Дружка заведует всей свадьбою, полдружье помогает ему в распоряжении, тысяцкий оберегает приданое молодых, а посаженные родители благословляют и провожают в церковь и стоят подле жениха во время венчания. Жених одаривает платками весь свой поезд, который перевязывается через плечо, а сам жених надевает платок на свою шею, по женскому обычаю.

В доме молодого готовится брага, вино, разное кушанье и печется пирог, называемый *люкшин пряка*¹, такой величины, какой только может влезть на печь. Этот люкшин пряка печется для девиц, помогавших невесте в приготовлениях ее к свадьбе. Чтобы он не развалился в печке, обвязывают его лыками, и ими обивают шею той девушки, которой достается последний кусок пирога.

За три дня до свадьбы собираются в дом жениха все его родственники. Подруги невесты ходят к нему за суслон, причем поют песни, какие вздумают. Тут угощают их обеденным столом, потом они идут к невесте, распевая дорожной песни и неся ведро пива от жениха. Этим пивом они потчуют собравшихся здесь гостей. Вскоре за девушками приезжает весь поезд жениха: тут невеста одаривает их. При отъезде же их дружка снимает образа с полки, обходит вокруг поезда три раза и отправляется к жениху. В тот же день или на другой собираются все в дом невесты. Дружка вводит князя в избу, заводит его за стол и сам садится подле жениха. Потом он говорит: суженого прими, а ряженую подай. Это намек, чтобы выводили невесту, которая спряталась. Сваха выводит ее и сажает рядом с женихом; им подносят пиво, и они здравствуются, т. е. пьют за здоровье друг друга; затем подают вино гостям, и начинается пируванье, сопровождаемое пением. Тут одаривают родственников жениха. Когда все сядут обедать и дружка, взяв ложку, станет есть, тогда корят девушки: сватушка прожора, съел кобеля борзого. После обеда все идет к жениху, а девушки провожают их песнею:

---

¹ Это в употреблении между мордвою, в Хвалынском и Кузнецком уездах.

Улю-лю, собаки!
Улю-лю, борзые!
Улю-лю, косые!

Накануне свадьбы топится баня для невесты ее родными или подругами, которые приносят сюда мыло и брагу от жениха. За баню благодарит невеста своего брата и свою невестушку:

Спасибо тебе, родной братец,
На дровах сухих перелетовых,
А тебе, родная невестушка,
На пару, на баньке,
На мягком на веничке.

Вскоре после этого подруги сажают невесту на скамейке и начинают заплетать ей косу. Невеста опускает свою голову и причитает:

Заплетите-ка,
Вы любимые
Мои подруженьки,
Русу косу мелехонька.
Посреди-то русой косы
Заплетите шелков косник,
Алу ленточку;
А по конец-то русой косы
Саблю острую;
Чтоб приезжие свахоньки
Руки перерезали.

Любимая моя подруженька,
Куда мне свою красотушку
Девать будет?
Мне в леса ее пустить?
Она заплутается.
Во луга пустить?
Загуляется.

В быстру реку пустить?
Запутается.
Я пуцу свою красотушку
На любимую подруженьку,
Душу красну девушку,
Оленьку душку.
Тут моя красотушка
Укроется,
Негушка унежится.
Есть у ней родимая матушка
И родимый батюшка,
Есть братцы, ясны соколы,
Лебедушки – невестушки.

Любимые мои подруженьки!
Придет к вам
Весна красная,
Лето теплое.
Пойдете вы гулять
Во чисто поле,
Во зеленые луга:
Все ваши цветочки стоят,
Алым алахоньким.
А мой посох, приплек,
К земле присох.
Сорвите вы
Мой цветок печальный;
Принесите его
К родимой матушке:
Чтобы она, цветочек мой,
Не клала ни в сундук, ни в коробочку;
Поставила бы его
На красное окошечко.

По заплетении косы набирают для девушек обед. Здесь невеста потчует их тем пивом или той брагою, которая приносится от жениха, и изливает пред ними горестные свои чувствования:

Спасибо вам,
Любимые мои подруженьки:
За труды ваши,
За вашу мне службу;
Более того,
За вашу дружбу.
Подруженьки мои, красавицы!
Труды ваши были великие:
Приубрали вы меня,
Приухетали¹,
Цветна платъица,
Мне нашили;
Буйну головушку
Мне причесали.
Во путь, во дороженьку
Меня сорядили.
Во путь, во дороженьку,
На чужу сторонку.
Как во темный лес,
Во чужу семью:
Незнамую, незнакомую.

После обеда собираются к невесте ее родные, которые, приходя к ней, здравствуются и кладут деньги, сколько кто может, в *лакомку* (карман), привешенную с ее боку. Когда все усядутся, тогда подруги, окружив стоящую невесту посреди избы или подле стола, поют:

Шла Дуняша по росе,
Плакала жалко по косе.
Ах свет, ты моя косынька!
Русая коса!
Вечер тебя косынька
Девушки плели,
Поутру ранехонько
Матушка плела,
Золотом серебром увешивала,

---

¹ Приухетать, приубрать.

Мелким жемчугом унизывала.
Бог судья Александру!
Прислал ко мне свашеньку,
Немилостивую!

Без ветра, без вихоря,
Вереюшка пошатнулася;
Воротушки отворилися,
И бояре на двор въехали,
Молодые на крыльцо вошли.
Жених Богу молится,
Всем он низко клонится.
Закидались, забросалися,
Девушки красавицы.
Свет невестушка,
За девушек хоронилась.
Схороните меня, подруженьки,
Прибыл погубитель мой!
Разлучить мою головушку
С отцом с матерью,
С родным племенем.

Когда разъедутся гости, тогда невеста причитает своим
родителям:

Кормилец мой батюшка!
Кинулся ты, мой батюшка,
На золото, на серебро.
Кормилица моя матушка,
Кинулась ты, моя матушка,
На цветно платье,
Запоручили меня горькую
Зеленехоньку.
Ах кормилец ты, мой батюшка!
Ах кормилица ты, моя матушка!
Не принимайте вы винной чарочки.
Не посол вам винна чарочка,
Не посол, не переменушка.

Своего посла вы избываете,
Своего посла вольного,
Слугу верного,
Безответного.

СБОР ВЕЧЕРИНКИ

В других местах, именно в Волгском уезде, бывает вечеринка накануне свадьбы в доме невесты, и эта вечеринка заменяет общеупотребляемый повсюду девичник, который называется здесь *сбор вечеринки*. Отец невесты посылает своего сына или родственника звать всех своих родных и знакомых на сборную вечеринку. Он, приходя в дом, приветствует: «Мир хозяину и дому сему. Батюшка кланяется вам и приказал просить вас на пир, на вечеринку». Хозяин отвечает: «Спасибо, что не забыли нас. Хорошо, мы придем». Каждый приглашенный приносит с собою каравай, кусок свинины, курицы или утку. Отец жениха также собирает всех своих знакомых, и когда все соберутся, тогда он берет штоф вина и подносит стакан водки тому, кого выбирает в дружки и полдружье. Жених падает каждому из них в ноги и дарит избранных им платками. По набрании свадебных чинов все они отправляются в дом невесты, где не начинают пира до прибытия гостей. Отец невесты встречает своих сватов, зятя и весь его поезд и приветствует каждого из них: милости прошу, сватушка, извольте проходить и садиться. Жених садится впереди, сваха подле него с одной стороны, а крестный отец – с другой. Девушки сидят с невестой в особой комнате, где сваха невесты приготовляет дары для жениха, назначенные уже невестою. Когда положат дар на деревянное блюдо, тогда выходит невеста из комнаты в сопровождении свахи и своих подруг. Она кланяется гостям на три стороны, подходит к столу и останавливается напротив жениха. Один из ее родных наливает рюмку водки и подает невесте; она подносит жениху, который берет, но не пьет: подержав немного в ру-

ках, он отдает ей обратно. В то время сваха подносит ему дар: он принимает, утирается им и целует невесту три раза; потом отдаривает деньгами, а девушки поют ему:

Хорошего Александрушку
Матушка породила.
Меж обедни в заутрени
Малиною парила,
Сытою окачивала,
Сама сыну баила:
Да ты дитяtko,
Да ты мое милое!
Как будешь на возростях,
Задумаешь жениться,
Ты поедешь вдоль улицы,
Вдоль улицы Саратова,
Ты въедешь на тетьев двор.
Не пускай коня по двору,
Привяжи коня к столбику,
К колечешку серебряну.
Приставь к коню конюха,
Как большого-то шурина.
Ты взойдешь в новы сеннички,
Не клади плетъ на лавочку,
Подоткни плетъ под стропочку¹.
Ты войдешь в нову горницу,
Ты не долго Богу молися,
Ты не низко тестю кланяйся;
Ты пониже своей тещеньке.
Да ты теща моя, тещенька!
Поназванная матушка!
Ты бери с меня ряжена,
Ты отдай мою ряжену.

После этой песни подходит жених целовать свою невесту; подруги прячут ее за собою и спрашивают у жениха: кого вам надобно, Александр Яковлевич? Мне надобно Ав-

---

¹ Строчочка или матица – все равно: это брус, на коем лежит потолок.

дотью Степановну, мою невесту. Девушки говорят ему: здесь нет ее. Если жених не смелый, то он идет назад; если смелый, то он отвечает: нет, отыщу! Идет вперед, расталкивает девушек, ловит невесту и, схватив ее, берет за уши и целует три раза, а после целует всех девушек и дарит их за песню. Это он делает всякий раз, не только когда поют ему, но и его невесте. Затем обращаются девушки к невесте и поют ей:

Вы, винны речушки,
Сахарные круты бережки,
По сахару вытекли!
На тех крутых бережках
Стояли два белых шатрика,
Стояли два полотняные.
Во первом-то шатрике
Душа красна девица,
Авдотья Степановна.
Поизволила душа Дуняша
Из шатра во шатер пройти,
В золоты гуселюшки играти.
Проиграла та Дуняша
Со головушки ленточку,
Из русой косы кисточку;
Проиграла еще Дуняша
Красоту ли свою девичью,
Своему другу милому
Александру Яковлевичу.
Как расплакалась душа,
Красна девица,
Перед удалым добрым молодцем.
Ты отдай-ка, мой милый друг!
Отдай мое все проигранное!
Мне не дорога, душа девица,
Твоя ленточка,
Из русой косы кисточка;
Да мне дорога, добру молодцу,
Красота твоя девичья.

По пропетии этой песни сваха идет в комнату невесты, складывает подарки на блюдо, а невеста ожидает ее с дарами. Когда она принесет, тогда один из родственников невесты наливает рюмку водки и подает невесте. Она подносит своему свекру, а сваха говорит ему: сватушка! прими рюмочку и прими дарик, а блюдечко осеребри, не рублем, не полтиной, одной золотой гривной. Сват выпивает вино, берет подарок, которым утирается, целует невесту три раза и отдаривает ее деньгами; за пропетую же песнь он равномерно дарит девушек деньгами, которые относят парни, и они целуют тогда всех девушек. Точно так же делают мужья и жены, передавая девушкам деньги через парней. Этим порядком одаривает невеста всю родню жениха, а девушки, при подносе дара, поют песнь каждому одариваемому.

Отцу жениха

Как сватушка хорошо живет,
Яковлевич пригоже слывет.
Он ходил по двору широкому,
Приказывал слугам своим работникам:
Запрягайте-ка слуги мои, работники!
Да мне пару вороных коней,
Поеду я по край города на свои заведеньицы,
На заводы на фабрики.
Посмотреть на фабричных,
Поглядеть на работу их.
Встречают же сватушку
Все молоды приказчики;
Подают же сватушке
Все счета ему, все реестрички.

Матери жениха

Уж свахонька щебетуха,
Васильевна щеголюха!
Она носит платья цветна,

Она всему городу приметна;
Во Божью церковь пешком не ходит,
На колясочках разъезжает.
Под ней кони-то вороные,
Кучера все удалые, молодые.
Слуги у ней дорогие,
Служаночки красны девушки.

Дружке

Дружка мужик богатый,
Федорович тароватый.
Он с гривны на гривну ступает,
Рублем ворота часты запирает,
Полтиною сены двери замыкает,
Он по улице гуляет.
Слышишь ли, Иван?
Тебе песню поем.
Федорович! Тебя величаем.
Не одного, с молодой твоей хозяйшкой,
Прасковьей Ивановной.

Тысяцкому

У тысяцкого у света бородка хороша,
По бородке его Царь любит,
Во большие места его сажает,
Воеводой называет.
Воевода ль ты, воеводушка!
Поезжай-ка ты во чисты поля,
В чисты поля, в лагери.
Осмотри силу войсковую,
Донеси мне о ее здоровьице,
Расскажи мне обо всех начальниках,
Слышишь ли, тысяцкий?
Тебе песню поем.
Петрович! Тебя величаем.
С товаркою со душою

С Марьюшкой со душой,
С молодой твоей женой,
Акимовной госпожой.

Воеводе и боярину

На море, на моречке,
При тихом заводе,
Стоит дерево кипарисово.
На том дереве кипарисовом
Сидят пташечки заморские,
Поют песенки ростовские,
Да кому у нас быть боярином?
Кому слыть воеводою?
Быть, слыть боярином
Иванушке,
Воеводой слыть Данилычу.
Ты слышишь ли, Иванушка?
В чины тебя назначили,
В чины великие, в князьевы бояры.
Ты слышишь ли еще, Иванушка?
Тебе песню поем.

Женатым

Плавала чарочка во сладкиим меду,
Плавала серебряна во сыченном.
Кому чару эту принимать?
Кому будет подносить?
Принимать чару Ивану,
Подносить чару Пелагеюшке душе,
Васильевне госпоже.
Ты выпей, душа Пелагеюшка!
Права, права сударь.
Пить не хочется.
Видит Бог!
Мне не можетя.
Как я молода,

Всю ночь не спала.
Добру коню ковер вышила.
Как добру-то коню
На всю красоту.
И всем боярам
На дивованьце.
Да этот добрый конь,
Моего милого дружка свет,
А вашего господина.
Как на этом он коне
Во беседу отъезжает.
На веселье, на катаньце,
На прокладное гуляньце¹.

Как по сеням по сенничкам,
По частым перерубочкам²,
Тут гуляла, погуливала
Молодая боярыня.
Будила она, побуживала
Молодого боярина.
Ты встань, пробудись,
Милый друг!
Пробудись душа, боярский сын.
Отвязался твой добрый конь,
От столба, столба дубового,
От колечушки серебряного.
Он ушел во чисто поле,
Из чиста поля во зеленые луга;
Из лугов зеленых
Во зеленый сад.
Поломал сады зеленые,
Сад зеленый со вишенью.
Не тужи, моя хозяйюшка!
Наживем сады зеленые,
И калину со малиною.

---

¹ Прокладное гуляньце – разгульное веселье, когда пируют от всей души, отложив все свои работы.

² Перерубочки – приступки или ступени на крыльце.

Как у чарочки у серебряной,
Золотой у ней веночек.
Как у Ванюшки у Васильевича
Дорогой у него обычай;
Где ни ходит, ни гуляет,
Ночевать домой приходит.
Воротички отворяет,
Широкие отворяет.
Он Катеньку вызывает:
Да ты, Катенька, встречай!
Не случай тебя встречати,
Сына милого качаю,
Перемены себе чаю,
Сноху молодую,
Гостью дорогую.
Дочку милую качаю,
Перепутьца желаю,
Зятя молодого,
Гостя дорогого.

Чрез сени, сени новые,
Летали гуси серые.
Налету гуси возгаркнули:
Кому у нас быть воеводою?
Кому слыть воеводшею?
Воеводою быть Герасиму,
Воеводшею слыть Матренушке.
Слышишь ли, Герасимушка?
Тебе песню поем, Николаевич,
Тебя величаем.
Не одного – со Матренушкой
С душой Антоновной, госпожой.

Во матушке, во каменной Москве,
Стоят церкви, золоты кресты.
На них крыши все крашенные.
Чьи это мысли замысли?
Мысли это замысли,

Андреевы утешают
Свою молоду жену,
Степаниду Елизаровну:
Не тужи, моя хозяйюшка!
Не горюй, свет Елизаровна!
Мы выстроим себе палаты
Белокаменны;
Мы будем жить во забавном житье,
Во матушке, во каменной Москве.

Изукрашены все круты горы
Зелеными кустами,
Травами шелковыми,
Цветами лазоревыми.
Изукрашен свет Гаврилушка господин,
Принаряжен свет Филиппьевич.
Нарядила его молода хозяйюшка,
Акулина Герасимовна:
Во рубашечку кисейную,
Во порточки синие ладжинные¹,
ЧAPAN на нем межигороцкий²,
Кушачок красенький суконный.
Он сидит во пиру беседушке,
Во честной большой компаниице.
Похваляется своей молодой женой:
Хороша моя хозяйюшка,
Личиком беленька
Бровями черненька.
Слышишь ли, Гаврилушка?
Чуешь ли, Филиппьевич?
Тебе песню поем,
Не одному поем, со твоей хозяйюшкой,
Со душой Кулинушкой
С госпожой Герасимовной.

---

¹ Ладжина – самодельная полосатая холстина, в ней одна полоса синяя, а другая белая.

² ЧAPAN, армяк, межигороцкий – нижегородский, и для него употребляется преимущественно сукно серое.

Вместе вас величаем,
Подарочка от вас ожидаем.

Жениху

Ты, Александрушка, догадайся,
Яковлевич не улыбайся,
За занавесочку к нам передайся,
С нами, девушками, повидайся.
Нас, девушек, немножко,
Сорок девиц со девицею,
Пятьдесят молодых с молодой.
Сужена твоя дожидается тебя,
С тобой хочет повидаться,
А мы девицы на тебя посмотрим,
С суженой твоей тебя выхваляем.
Слышишь ли, Александрушка?
Тебе песню поем,
Яковлевич! Тебя величаем,
Во скором времени
Тебя ожидаем;
Дорожку тебе прочищаем,
С честью, лестью тебя принимаем.

Невесте

На синем моречке,
На том тихом заводе,
Тут плавали серы утушки,
Они плавали, сами разговаривали,
Да все они дивовалися. —
Не дивуйтесь, утушки!
Не дивуйтесь, серые!
Отстаю я, утушка,
От синя моря;
Отстаю я, серая,
От свежей воды.
Пристаю я ко болотищу,
Ко болотищу ко мутной воде.

Не дивуйтесь, девушки!
Не дивуйтесь, красные!
Отстаю я от отца, от матери,
Пристаю я ко чужим людям,
Ко чужим людям, незнамым,
Незнамым, незнакомым.

По одаривании всех подается обед, который бывает до 10 блюд; за столом угощают беспрестанно пивом и водкою. Мать невесты, потчуж гостей, говорит почти каждому из них: кушайте, сватушка и свахонька; покушайте, родимые, понабирайтесь, чем Бог послал. Они отвечают: спасибо, свахонька, довольны; хлеба-соли в волю. Угощение нередко продолжается за полночь, потом расходятся по домам, благодаря родителей невесты. Отец жениха и его сваха уговариваются с родителями невесты: в какое время приезжать поезду жениха за невестой? Потом идут они домой с своими родственниками и по приходе садятся за стол. Дружка подносит им по чарке водки. Отец жениха наказывает поезду собираться завтра в его дом, как можно пораньше, и после расходятся.

ОБРЯД ОТ НАЧАТИЯ ПОЕЗДА ДО ВСТРЕЧИ МОЛОДЫХ ОТ ВЕНЦА

Поутру сходятся подруги к невесте, чтобы одеть ее к венцу. Тут она прощается с своими родными:

Любезный ты мой батюшка!
Спалось ли тебе, родной мой?
Не спалось мне во всю темну ночь,
Во всю ноченьку я думу думала.
Не темно стало на дворе уже,
Заря занимается –
Мои недруги, разлучники,
Собираются.
Разлучают меня с отцом с матерью,
С моим родным племенем.

Родимый ты мой братец!
Ты поди-ка в темный лес,
Ты сруби, сруби березоньку,
Загради ты путь-дороженьку,
Чтобы моим недругам
Нельзя было ни пройти, ни проехать.

Ты поди-ка, моя подруженька!
Не прогневайся, моя любезная,
Что тебя я не встретила,
Посреди пути-дороженьки,
Посреди двора широкого,
Супротив крыльца высокого.
Не по спеси, не по гордости, —
За своим горем великим.
Вы не будете ко мне ходить,
Звать на улицу широкую.
Зарастет ваша дороженька
Травой муравую;
Западут ваши слединочки
Белым утренним снежком.

Потом она спрашивает совета у опытной женщины:

Ты поди-ка, моя милая,
Я прошу тебя надеючи,
Ты скажи меня жалеючи:
Каково жить во чужих людях?

Она отвечает:

Надо жить во чужих людях,
Умеючи,
Разумеючи. —
Чужи люди,
Равно темный лес,
Словно туча грозная.
Без мороза сердце вызябнет.
Во чужих людях будь:

И покорна,
И пословна (ласковая).

После этого невеста, не обращаясь ни к кому, изливает свои горестные чувствования:

Свет ты, моя волюшка!
Свет ты, моя негушка!
У родимой у матушки,
Куда-то мою волюшку
Мне пустить будет?
Пущу я мою волюшку
Во чисто поле;
Пущу я мою волюшку
Во темный лес.
Во темном лесу она заплутается.
Нет, пущу я мою волюшку
По милым подруженькам.
Покрасуйтея, подруженьки,
Покрасуйтея, любезные,
Поколь вы у батюшки,
Поколь вы у матушки,
А я, горькая горемычная,
Я уже открасовалася;
Отшутила я с вами
Все шутки шутливые.

Сваха расчесывает и заплетает косу. Невеста плачет, а подруги поют:

Свет ты, моя русая коса!
Свет ты, мой шелковый косник!
Плети, моя свашушка,
Плети косу мелко-намелко,
Вяжи узлы крепко-накрепко.

По заплетении косы одевают невесту в сарафан или ку-машник, обложенный мишурными кружевами; голову покрыв-

вают платком, который иногда называется фатою, и потом сажают ее за стол.

Жених одевается в красную или пеструю сорочку, шею повязывает бумажным платком, концы его распускает по груди; надевает порты пестрые, кафтан синий или голубой. Потом дружка ведет князя под благословение; молодой кладет три земных поклона святым иконам, которые держит его отец; после благословляет его отец, сын целует образ; затем он подходит под благословение матери и посаженных родителей. После благословения надевают на него шапку и, нахлобучив ее на глаза, сажают за стол; подле него садятся все поезжанные, пьют вино и закусывают. Через несколько времени встают, молятся Богу и опять садятся; наконец, встав, выходят из избы. При выходе из избы каждый должен переступить чрез порог правой ногою и креститься. На дворе дружка указывает каждому свою лошадь, и каждый садится на нее; потом он произносит громко: *слушай весь честной поезд! Скидайте шапки.* Все снимают, читают молитву и крестятся, потому что в то время дружка ходит вокруг поезда с образом. Обошедши вокруг три раза, он останавливается и говорит:

Мир крещеный!
Народ священный!
Благословите нашего князя,
Ко кресту и ко венцу.

Бог вас благословит, и мы благословляем, отвечают поезжанные; затем обращается дружка к стоящему народу:

И вы, тетки-лебедки,
Молодые молодки,
Куньи шубки,
Собольи опушки,
Золотые сережки,
Сафьяны сапожки,
И вы благословите нашего князя!

Бог благословит вас, и мы благословляем, отвечают они. Тогда дружка отдает образ посаженному отцу и отправляется со всеми к невесте.

Поезд, прибыв к дому, находит ворота запертыми. Дружка, рассерженный этим, слезает с лошади, стучится в ворота и кричит: «Отопри!» Стоящий за воротами отвечает: «Не отопру! Купи место». Дружка спрашивает: «Что оно стоит?» Заворотный говорит: «Чарку вина и золотую гривну». Дружка наливает стакан вина и подает ему с деньгами через подворотню. Тот берет деньги, выпивает и отпирает ворота; поезжаные въезжают на двор. При въезде их поют подруги невесты:

Не пола вода на широкий двор
К моему батюшке взлелеяла,
Взлелеяли мои недруги.
Хотят они разлучить меня
С отцом с матерью,
С родным племенем.
Встречай ты, мой батюшка,
Своих друзей, моих недругов,
Недругов разлучников.
Разлучат они меня
С отцом с матерью,
С родным племенем.

Дружка входит в избу с стаканом вина, подносит его родителям невесты и просит позволения весть жениха, который стоит за дверьми. Дружка, увидев, что брат сидит подле княгини, бьет сердито по столу плетью и кричит на него: «А ты зачем сел не на свое место? Вон из-за стола!» – «Не пойду! – отвечает брат. – Я продаю сестру; купи ее». – «А что тебе надобно?» – «Стакан вина и золотую гривну». Иной говорит: стопу денег и решето вина. Дружка подносит ему вино и деньги. Он выпивает, берет деньги и выходит из-за стола. Тогда вводит дружка князя и сажает его рядом с княгиней. В иных местах брат, продающий сестру, сидит подле нее с лаптем и качадыком (лапотным шилом) или с табашным

горшком и рожком. Дружка покупает у него место, и лишь жених подойдет к невесте, девушки поют:

Щука рыба, ты мечися,
Ты жив в руки не давайся,
Вот идет целовати:
Через три стола дубовые,
Через три скамьи кленовые,
Через скатерти шиты, браные,
Через яствице сахарное,
Через пойлице медовое.

Темно, темно на дворе,
Темнее того в тереме.
Бояре ворота облегли,
Торгуют, торгуют Дуняшу.
Торгуйся, торгуйся, братец,
Не отдавай меня дешево.
Проси за меня сто рублей,
За мою косыньку тысячу,
За мою красоту сметы нет.
Подите, бояре!
Подите, бояре!
Давно мы вас ждали.

По продаже невесты брат и молодой братаются между собою: они становятся рядом и целуются.

Родители благословляют сначала молодую, потом молодого. Затем князь по приказанию отца княгини берет ее за руку и садится с нею за стол; за ними садятся все. Гостей потчуют вином и закуской. Молодые ничего не пьют и не едят. Пред ними лежат свернутые на столе скатерти и ложки, последние положены наоборот и в противоположную сторону.

Прилетели вольные пташечки
Из-за моря, моря синего;
Перепархивают пташечки
По чисту полю, по кустикам:

Все любят по парочке.
Только добрый молодец, Александрушка,
Во свете белом сиротинушка,
Он тоскует, как горькая кукушка,
Горячими слезами заливается,
Бесприютная головушка!
Никто к детинушке бедному,
Никто в свете не пришатнется;
Словом ласковым приветливым.
Никто сиротинушку не радует.
Он пойдет ли во чисто поле,
Чтобы размыкать там кручинушку,
Свое горе и тоску-печаль, –
Тоска, горе безответные!
Он пойдет ли во темные леса,
Не бежит его кручинушка,
Изнывает его сердечушко,
От печали в добром молодце.

Вянет, сохнет в одиночестве,
Будто травка среди поля дикого.
Не мил молодцу и Божий свет!
Одна Дуняша сжалилась
Над бедняжкой, сиротинушкой;
Приласкала, приголубила
Бесприютную головушку.
Полюбила красна девушка
Александрушку детинушку;
Придела фатой шелковой,
Назвала его дружкой миленьким,
И прошла его печаль-кручинушка.

Не было ветра, да повеяло,
Не было гостей, да наехало;
Полон двор золотых карет,
И бояр и князей.

Выпугали, выпугали
Соловья из саду зеленого.
Расплакались девицы,

Растужилися красные
О своем соловушке,
О красе девичьей.
Не плачь, не тужи!
Солью тебе золоту чару,
И поймаю соловья во саду.

Черна ягодка смородина
Прилегала к круту бережку.
Прилегали кудри русые
К лицу белому, румяному.
Русы кудри по плечам лежат,
По плечам Александра Яковлевича;
Брови черны, что у соболя,
Очи ясны, что у сокола,
Слышишь ли, Александр Яковлевич?
Мы тебе песню поем,
По имени называем,
По отчеству величаем.
Станешь дарить,
Станем хвалить;
Не станешь дарить,
Станем корить.

Жених одаривает девушек, а они обращаются с пением к свахе:

Ты хорошая боярыня,
Хорошо наряженная,
В большое место посаженная,
Марья Васильевна!
Слышишь ли? Мы тебе песню поем.
По имени называем,
По отчеству величаем.
Станешь дарить,
Станем хвалить;
Не станешь дарить,
Станем корить.

Потом они поют поезжаным, называя каждого из них по имени:

Ах ты умная головушка,
Ты окладистая бородушка!
Ты охотник по пирам ходить,
Песни слушати;
Ты охочь девиц дарить,
Не рублем дарить, не полтиною,
Не полтиной, золотой гривною,
Слышишь ли? И т. д.

Пропев молодым и свадебным чинам, они обращаются к невесте и поют в честь ее:

Ты камка, камочка моя!
Ты камка мелкотравчатая,
Мелкотравчатая, узорчатая!
Не давайся никому разворачиваться,
Ни князю, ни боярину,
Ни сыну гостиному.
Он волю над тобою взял,
Шелковую фату приподнял,
Он свою невесту выглядел,
Выглядел, повысмотрел.

После этого дружка произносит: пора! Молодые молятся Богу и подходят под благословение; дружка приговаривает:

Благослови, батюшка, матушка,
К Божьей церкви ехати;
Под золотым венком стояти,
Закон Божий примяти.

Невеста, выходя из-за стола, дергает за угол скатерти для того, чтобы подружки ее вышли скорее замуж.

После благословения перевозят в дом жениха постель невесты и ее приданое, уложенное в сундуки. Ключ от сундука остается в руках свахи и вручается уже молодой после венчания. Все выходящие из избы переступают через порог правой ногой. Молодых выводят посаженные родители. Дружка обходит поезд с образом три раза; покрытая фатой невеста садится в телегу или кибитку, в коей часто находится ее приданое, а подарки привешиваются к верху кибитки; молодая плачет, облокотясь. С нею сидят две ближайшие ее родственницы, называемые *урвалятне*¹: они оберегают ее от чар, а дружка стоит позади кибитки с длинным тором², которым он пересекает колдовство. Когда все готово, тогда молодая, став посреди кибитки, кланяется на все стороны, приговаривая: прости мое широкое подворище! Молодой, посаженный отец, тысяцкий и весь поезд едут верхами. Если свадьба происходит зимою, то молодые садятся в сани; отъехав немного от дома, поезжаные останавливаются и смотрят: не скрылась ли княгиня? А дружка и полдружье едут в дом молодой, чтобы выкупить ее постель. Здесь дарит дружка деньгами оставшихся девушек. После выкупа постели едут безостановочно до церкви. На пути угощают встречных вином, чтобы никто не сглазил или не перешел дороги, веря, что это может разладить супружество. У церковного подъезда высаживает молодых дружка; посаженные родители ведут их, а полдружье отправляется за священником: с ведром вина, пирогом, мукою и крупами. Тем самым наделяют церковный причет. При венчании молодая старается стать на подостланный под ноги ковер прежде молодого, чтобы управлять мужем. Замечают здесь, что, если у кого из молодых сгорит скорее свеча, тому умереть прежде. При поезде в церковь и при отъезде из церкви объезжают перекресток, молясь и крестясь, чтобы избавиться от *лихого человека*, который будто бы прячется здесь. По отъезде в церковь дружка приглашает *на гарный*

¹ Слово мордовское, означающее *близких родственников*; этот обряд в употреблении по Хвалынскому уезду.

² *Тор*, слово мордовское, значит *нож*.

стол, или, как говорят другие, *в гарны*¹. Священник по исполнении брачного обряда заставляет молодых поцеловаться три раза. В церковной трапезе переменяют головной убор нобрачной: надевают повойник или кокошник и повязывают фатой, по женскому обычаю.

Жених, посадив невесту в телегу, отправляется с поездом прежним порядком в свой дом. На пути дружка и полдружье кланяются всякому встречному и просят на пир княжий, говоря: милости просим на сыр, на каравай.

Обряд от поезда до встречи молодых совершается еще так. До собрания еще поезда жених бывает уже совершенно приготовлен. Он одевается в красную рубашку, синее исподнее платье, синий чапан или халат (вроде армяка), подпоясывается кушаком красным или шерстяным, или бумажным; голову покрывает поярковой шляпою, если это летом, или шапкой, если это зимой. Верх шапки плисовый, а околыш черный курний². Когда все съедутся, тогда дружка вводит жениха в избу для благословения. Отец берет образ и каравай хлеба. Жених делает два поклона пред образом, а за третьим падает в ноги отцу. Потом прикладывается к образу и хлебу; после уже целует отца. Таким образом благословляет его мать, за нею посаженные его родители. После благословения сажают жениха за стол; подле него садится сваха его, разговорчивая. Между тем дружка и полдружье отправляются в повозке к невесте с повесткой (с извещением), что жених готов; повозкою правит полдружье. Въехавши во двор, дружка входит вперед в избу, за ним полдружье, с заткнутым за кушаком кнутом. Дружка, входя в избу, произносит: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий! помилуй нас». Отец невесты отвечает: «Аминь». Дружка кланяется

¹ *На гарный стол, в гарны* – значит на обеденный пир жениха, то же самое, что княженецкий стол, и нет сомнения, что это испорченное малороссийское слово *гарный* — хороший, прекрасный. Некоторые уезды Саратовской губернии заселены переселенцами-малороссиянами, и русские, живущие между ними, переняли от них многие обычаи и даже говорят со смесью малороссийского наречия.

² *Черный курний*, из черных курчавых барашков; курний – курчавый.

и говорит: «Здорово, сватушка и свахонька! Можете ли вы здорово?» Родители невесты отвечают: «Слава Богу! сватушка». Дружка спрашивает: «Сватушка! Готова ли невеста к венцу?» – «Готова, – говорит отец, – хоть теперь за стол; просим милости с поездом». Дружка возвращается с полдрузьем к жениху, который заводит его за стол в прежнем порядке. Тут подают небольшую закуску и по рюмке водки. Затем крестятся, встают и молятся Богу. Дружка выводит жениха из избы за руку, за ним идет весь поезд, и, переступая через порог избы и сеней, читают молитву: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас». Потом садятся на лошадей и выезжают со двора; но при выезде делают выстрел. Во всю дорогу поют, какие вздумают песни. До прибытия поезда девушки наряжают невесту в ее чулане, который заменяет на ту пору ее уборную. На невесту надевают две рубашки, опоясывая голое тело рыбной сеткою. Потом надевают два сарафана, подпоясывают двумя поясами и насыпают проса в башмаки. Две рубашки надевают в свидетельство ее непорочности, и когда укладывают молодую спать, тогда снимают одну. Опоясывают сеткой для того, чтобы еретики не испортили молодую¹. Одевают в два сарафана для того, чтобы хранить один во всю свою жизнь, и в нем она ходит в церковь и дома только по праздникам, как в заветном, который даже не вешает и не держит между другими платьями. Одетую невесту выводят из чулана в избу, где родители ее ожидают с образами и хлебом-солью, чтобы благословить. Невеста обращается к ним с воплем:

Разодвиньтесь, вы люди добрые,
На все четыре сторонушки!
Допустите вы меня горькую,
До батюшкиных до резвых ног.
Не белая березонька к земле клонится,
А я горькая кланяюсь батюшке
К резвым ногам.

---

¹ Под словом *еретики* разумеются здесь злые духи.

Она упадает в ноги отцу и продолжает рыдать у ног, говоря:

Не злата я у тебя, батюшка, прошу,
 Не злата, не серебра.
 Прошу я у тебя, батюшка, благословенья.
 Благослови-ка ты меня, батюшка,
 Во чужи люди, во незнамые;
 Во незнамые, незнакомые.
 Как-то мне, батюшка,
 Во чужих людях будет жить:
 Как-то мне, родимый,
 Чужим людям будет служить?
 Во чужих людях жить горькохонько,
 Во чужих незнамых,
 Служить тяжелехонько.

По совершении причитания она встает, молится образам и делает два поклона *маховых*¹; третий кладет отцу в ноги. После она целует образа и хлеб-соль. Потом благословляет ее мать, после нее посаженные родители прежним обычаем. Благословив невесту, ее сажают за стол; с одной стороны молодой садится сваха ее, а с другой – брат, с скалкою в руках². В то время входит дружка, молится и кланяется; потом он спрашивает: «Сватушка! Готова ли невеста? Приготовлено ли место?» Ему отвечает сват: «Все готово, сватушка». Дружка, увидев сидящего брата подле невесты со скалкой в руке, подходит к нему: «Кто тебя, братец, посадил сюда?» – «Батенька», – говорит он. Дружка кричит на него грозно: «Вон! Вон!» Брат невесты показывает ему скалку и грозит: «Вот она! Не дюжа греми (не крепко шуми)». Дружка выходит из избы и вводит в нее жениха за руку. Через порог он переступает с прежней молитвою. При вводе жениха в сени девушки поют:

Вянули ветры вдоль улицы,
 Вдоль слободы, вдоль широкой,

¹ Так называют большие поклоны.

² Скалка, деревянная обглаженная палка, кою катают лапшу, тесто и бельё.

Привянули ко Степанову двору (отцу невесты),
Отворились ворота.
Уныло сердце у Васильевны (матери невесты)
Брызнули слезы у Авдотьюшки (невесты);
Бросила Авдотьюшка золоты ключи
На дубовый стол;
Батюшка! Прибери ключи.
Я тебе не ключница,
Я тебе, матушка, не ларишница:
Я ключница буду чужому отцу,
Я ларишница буду чужой матери.

При входе поезда в сени поют:

Наступили бояре во новые сени,
Покачнули сени,
Разломили золотую чару.
Расплакалась душа Дуняша!
Унимали Дуняшу
Все князья, бояре:
Не плачь, не плачь
Ты, Дуняша, душа.
Срубишь сени новые,
Сольешь чару лучше той.
Жених твой добрый,
Человек рабочий,
Мы ему поможем,
Он тебе дороже всего!
Он тобою хвалится,
А нам за то кланяется.

Когда в избу войдет жених со всем поездом, тогда поют:

Прилетели сизы голуби,
Приукрыли нову горницу,
И приухетали.
Прилетел с ними
Млад ясен сокол,
Залетная пташечка!

Добрый молодец
 Садился под окошечком,
 На серебряну причелинку¹.
 Он будил красну девушку,
 Авдотью Степановну.
 Услыхала ее родна матушка,
 Будила ее, побуживала:
 Встань, проснись, мое дитятко!
 Привечай² к себе ясного сокола,
 Залетного доброго молодца, приезжего.
 Ты, родимая моя матушка!
 Я рада бы его привечала,
 Мое сердце не воротится,
 Уста кровью запекаются,
 Глаза слезами заливаются.

Все входят в избу, дружка приветствует вместе с поездом: «Здорово, сватушка и свахонька! Можете ли вы гораздо?» Они отвечают: «Слава Богу!» Дружка, не говоря ни слова, обращается к брату, который сидит с скалкою: «Что ты, друг, сидишь здесь? Вон, вон отсюда!» Полдружье замахивается на него кнутом и бьет по столу. Брат невесты сидит и говорит: «Не боюсь! Вот! (скалка), не дюже прыгайте, упрыгаетесь». Потом дружка начинает говорить ему ласково: «Нам надо сажать жениха». Брат невесты отвечает: «Выкупи сперва место». Дружка спрашивает: «Сколько ты возьмешь?» – «Золотую гривну да пива решето». Дружка и брат невесты спорят, пока не сойдутся в условии. Невеста сидит за столом, повесивши голову, которая бывает накрыта красным платком. Когда брат продаст ее, тогда он поднимает платок, прощается и целует ее. На место его садится жених. Дружка кладет на стол хлеб-соль, которую он привез с собою. Девушки поют:

Щука рыба, мечися!
 Дуняша, берегися;

¹ *Причелинка*, палочка над окошечком. Иногда называют причелинкой подоконки.

² *Привечай* — приласкай.

Хочет тебя Александрюшка целовать:
Через пуговицы золотые,
Через петельки шелковые.
Ты, Дуняша,
Ему в обман не давайся,
К нам опять сюда передайся.
Слышишь ли, Дуняша?
Что мы тебе баим (говорим),
Во век тебя не оставим.

Князю молодому
Три перстня на руку.
Княгине молодой
Под золотым венцом стояти,
Закон Божий принять.
Прощай! Прощай,
Дуняша подруженька.
Мы тебя не увидим,
Голосочку твоего не услышим.

Родные невесты приносят в избу полст, расстилают ее среди комнаты; отец жениха берет икону и хлеб-соль; мать жениха и крестные родители становятся с ним рядом на разостланном войлоке. Молодых выводят из-за стола и ставят их на полсте против отца. Они молятся образам, кланяются в пояс два раза, а за третьим падают отцу в ноги; потом прикладываются к иконе и хлебу-соли. Таким образом благословляют поочередно. После благословения сажают за стол только их вдвоем, а все остальные рассаживаются по лавкам и скамейкам¹. Дружка произносит громко: «Батюшка и матушка! Благословите своего молодого князя и молодую княгиню во путь, во дороженьку, ко Божьей церкви, и там принять золотой венец». Родители жениха отвечают: «Бог благословит, и мы благословляем». Дружка подходит к столу, берет свой

¹ Лавки ставятся прикрепленными вокруг стола, а скамейки стоят около стен неподвижными, или лучше сказать: лавки всегда бывают неподвижные, а скамейки подвижные, которые бывают большие и маленькие, но лавки всегда во всю стену.

хлеб, отрезывает от него часть; потом берет хлеб невестин, отрезывает от него часть и часть от своего хлеба прикладывает к невестиному. Потом берет из своей солонки соль и кладет ее в солонку невестину; после перекладывает соль из невестиной солонки в женихову: это делается для нераздельной их любви. После этого встают все и крестятся. Дружка берет за руку жениха, жених невесту, и молятся все Богу и потом выходят из избы. Переступая через порог, читают с молодыми молитву: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий! помилуй нас». Ее читают громко. Дружка подводит жениха к повозке невестиной, жених сажает свою невесту в повозку, а потом сам садится в свою. Когда усядутся все, дружка берет благословенную икону и произносит громко: «Послушайте, добрые люди! Кто с нами, тот садись с нами, а кто не с нами, тот отшатнись»¹. Он идет с иконою по солнышку, за ним идут его полдружья, и с ними он обходит поезд кругом три раза. Тогда полдружья садятся по своим возкам и съезжаются со двора, стреляя из ружей или пистолетов. Дружка едет впереди и, отъехав сажен двести, оборачивает свою лошадь назад и отправляется в дом невесты с полдружьями; поезд останавливается и дожидается его возвращения. Войдя в избы, он произносит: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий! помилуй нас». Родители невесты, когда повезут ее к венцу, садятся за стол на местах молодых, чтобы согреть их своею любовью, и сидят на них до прибытия дружки, коему они говорят: аминь. Дружка отвечает: спасет Бог за аминь, и потом спрашивает их: «Здорово, сватушка и свахонька?» – «Слава Богу, сватушка»². Потом дружка просит их в гости к жениху, говоря: «Сватушка и свахонька! Пожалуйте к нам в гарны». Они встают из-за стола и отвечают ему: «Хорошо, сватушка, будем; приготовляйтесь». Они прощаются и уезжают к своему поезду, который едет уже безостановочно к церкви. Тут

¹ Этим разгоняет он *злыдарей*, колдунов, которые, по мнению народа, портят молодых.

² С тех пор, как изберется дружка, родители жениха и невесты называют его сватом и сватушкою, а сваху — свахонькой и свашенькой.

жених снимает невесту с повозки, дружка берет жениха за руку, жених невесту за руку, и входят в церковь. Пред венчанием просят священника дружка и полдружье: «Батюшка! Сделай божескую милость! Венчай по солнышку»¹. Под ноги молодых подстилают платок бумажный. По совершении венчания священник заставляет молодых поцеловаться три раза; свашка отводит молодую в церкви к стороне и заплетает косу по женскому обычаю. Дружка выводит жениха за руку, жених невесту, и сажает ее в прежнюю повозку; сам садится в свою повозку, и все отправляются в дом жениха. Когда дружка упросит священника, чтобы он вел молодых домой в венцах, тогда священник идет впереди, за ним новобрачные, за новобрачными все поезжаные. По приходе в избу он служит молебен; после заводит молодых за стол и сам садится со всем своим причетом со стороны жениха, сваха – со стороны невесты. Поезжаные между тем развозят своих лошадей по домам.

Когда новобрачные отправляются домой без венцов, тогда выходят их встречать родители. Один из родственников молодого стоит у ворот и осыпает их хмелем. Иногда родители встречают молодого за воротами с хлебом-солью. Мать его, одетая в вывороченную шубу и малахай², держит в руках сковороду, наполненную хмелем, и осыпает молодую. Другие вносят на руках невесту в избу³, чтобы она была легка (покорливая), как хмель.

В других местах родители встречают молодых с образом и хлебом-солью, а родственница или сваха кладет в них овес, чтобы родился у них хлеб. Новобрачные, помолвив-

---

¹ Это обыкновение есть всеобщее между старообрядцами, от коих позаимствовали живущие между ними. Есть еще странный обычай, позаимствованный тоже от старообрядцев, что многие из крестьян не держат при домах собак, думая, кто держит их, того дом оберегается нечистой силой, переселившуюся в собаку; а кто не держит, того дом охраняет ангел.

² Малахай – овчинная шапка с длинными ушами. В вывороченную шубу и малахай она одевается для того, чтобы невеста боялась ее, как бояться люди медведей.

³ Это обыкновение употребляется преимущественно между мордвою, в Хвалынском уезде.

шись образам, падают три раза в ноги родителям, которые благословляют их, а дружка заводит потом за стол. Есть еще обыкновение¹. Когда невесту вносят в избу, тогда ставят ее в заднем углу избы и держат ее там дотолы, пока не обойдут всех гостей с чаркою вина; потом передают ее родственникам жениха или свахе, которая приводит к разложенному огню в чулане и показывает молодой, как она должна стряпать. После сажают на лавку, ставят на ее ноги горячую сковороду, чтобы изведать: не сердитая ли она? Если она перенесет жар, то означает, что она смиренная и покорная.

Встречают еще иначе. Родители жениха выходят на двор и становятся у сеней: отец с образом, а мать с хлебом – и благословляют молодых по прежнему порядку. Дружка берет молодого за руку, молодой берет за руку свою молодую, и все входят в избу; войдя в избу, дружка произносит: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий! помилуй нас». Ему отвечают: «Аминь». Дружка говорит: «Спасет Бог за аминь. Благословите молодого князя и молодую княгиню завести за стол». Ему отвечают: «Бог благословит». Дружка заводит молодых за стол, а сам выходит из-за стола, обойдя вокруг его. Вскоре за этим подают обед, за которым ничего не едят молодые; по окончании обеда отводят их в клеть. Когда молодая увидит дверь клетки, тогда она останавливается и не хочет идти. Молодой бьет по ее спине плетью три раза, чтобы она не упрямылась вперед. Сваха, передавая молодую, говорит новобрачному: «Волк! На тебе овцу!» Дружка, притворившись за молодыми дверь, затыкает за пояс топор и вносит в избу ягненка и каравай, кладет их в избе на соломе и, став на колена, разрубивает все это на четыре части. Тут молодой дают прозвание по времени года, когда она венчалась, например: женщины-осенницы и т. п.²

Через несколько времени дружка и сваха ведут молодых в клеть, которая бывает заперта; там, на постели молодых, лежат супруги, известные по своей согласной жизни, для того,

¹ Употребляемое между мордвою.

² Весь этот обряд в обыкновении между мордвою.

чтобы обогреть ее своей любовью. Пришедшие с новобрачными стучат в дверь; находящиеся там отворяют и приветствуют их. Здесь подносят молодым вино, сажают за накрытый стол, кормят и поят пивом; наконец, уложив их, запирают за ними дверь. Иногда вводят молодую прямо в клеть, в которой ожидает ее молодой, но больше вводят молодых вместе. По уходе новобрачных угощают в избе поезжан и гостей горячим столом (пиром). Дружка выходит тогда часто из-за стола, прислушивается под дверьми: не проснулись ли молодые? Когда проснутся, тогда он посылает дитя будить новобрачную, которое говорит ей: «Вставай, невестка! Ребенок плачет, корова ревет, овцы блеют, – корму у них нет». Потом дружка и сваха, подняв новобрачных, вводят в избу. Иногда дружка, вбежав в избу, схватывает горшок и бьет его об землю в знак непорочности молодой. Тогда гости соскакивают с мест и начинают бить от радости, что им попадется, и кричат также от радости. Этим воздается честь молодым и родным жениха. Введенные молодые падают сначала родителям в ноги, а после целуются с ними. Дружка и посаженные родители или полдружье, двое из родственников и сваха отправляются к родителям молодой. Войдя в избу, они все говорят: «Здорово, сватушка и свaxonька! Можете ли вы здорово?» Те отвечают: «Слава Богу! сватушка. Садитесь, милости просим; садитесь у нас, родимые». Они садятся, их угощают, приговаривая: «Покушайте, сватушки, покушайте, гостенички дорогие». Между тем пришедшие начинают бить горшки – этим воздается честь родителям, которые от радости сами увеличивают битье. Угощенные ими благодарят за хлеб-соль. Дружка говорит: «Сватушка! Милости просим с своими родными на пир, на веселье, к нам в гарны». Они отвечают: «Хорошо, сватушка, будем, готовьтесь вы, а мы придем». В то время отец невесты посылает собирать своих родных. Когда сойдутся все, тогда садятся за стол; им подносят по чарке вина; после они берут шапки, встают и вновь садятся; тут крестятся, потом встают, молятся, и все идут в дом свата, т. е. отца молодого. Дорогой

поют голосовые песни¹, какие придут на ум. При входе их на двор встречают гостей гарных родные и молодые. На столах давно уже закуска, пиво и водка. Гарные, входя в избу, здороваются и целуются, говоря: «Здорово, сватушка! Как можете? Живете ли здоровы?» Им отвечают: «Слава Богу! сватушка, здоровы и живы, пока Господь терпит по грехам нашим и вашими святыми молитвами. Садитесь-ка у нас, сватушки». Коренного свата (отца невесты) сажают на первом месте, подле него сваху, возле их крестных родителей невесты. Когда все усядутся, тогда дружка распоряжается на переднем столе, а подружье – на заднем. Дружка наливает стакан вина и подносит прежде всех молодым, коих заставляют *почеканиться* (почокаться). Они исполняют общее требование, кланяются гостям и выпивают. После их дружка подносит родителям жениха и невесты, а потом всем гостям. Каждый из них встает с места и поздравляет молодых с бракосочетанием, произнося: «*Здравствуйте с законным браком! Дай Бог вам жити во здравии и во спасении многие лета!*» По выпитии за здоровье новобрачных молодые уходят в свою комнату. Тогда начинается попойка, и пьют до того, что всем море по колено. Тут возобновляют заздравное питье, сначала за здоровье молодых, потом сватов, свях, родственников и, наконец, за каждого из гостей. Начиная пить, провозглашают: «*Здравствывай, сватушка и свахонька! Дай нам Господи жить да хлеб-соль водить*». На такое приветствие отвечают: «Извольте кушать во славу Божью». Дружка дотоле не принимает стакана, пока каждый не выпьет досуха, и в доказательство, что не осталось ни одной капли, всякий должен покатить стакан по столу. Во время здравствований стряпухи собирают на стол. Они расставляют посуду, кладут ложки и хлеб. Дружка кроит хлеб, и когда разложит куски всем гостям, тогда он кричит на стряпух: «Стряпушки-поварушки! Что есть в печи, на стол мечи; чего нет, побожись!» Стряпухи начинают немедленно подавать кушанья, которые зависят от состояния, по большей части подают следующие, в этом порядке: 1. холодное с бара-

¹ Голосовые песни помещены в конце этой свадьбы.

ниной, 2. щи с говядиной, 3. лапшу со свиной, 4. похлебку с курицей, 5. *пашкет*¹, 6. часть баранины жареной, 7. часть свиной жареной, 8. лапшеник, 9. пшеник, 10. *пышашник*², 11. из жарких: поросенок, 12. индейка, 13. утка, 14. гусь; потом ставят свиную голову, которую *обряжают*³ красными лентами. Обряженную голову ставят на одном переднем столе, а на прочих без украшений. В конце всех кушаний подают курник⁴; этим оканчивается гарный стол. При перемене каждого кушанья дружка кричит: «Стряпушка-поварушка! Шевелись, не ленись, поворачивайся! Что есть в печи, на стол мечи; чего нет, побожись». При подавании головы дружка произносит: «Ну-ка, сватушка, выпьем по чарке винца, для свиного рыльца». Он наливает каждому по стакану водки и разносит. Мать молодого, выходя к гостям во время обеда, приговаривает: «Кушайте, сватушка! Кушайте, свахонька! Покушайте, мои родимые!» Ей отвечают: весьма довольны, свахонька, вашим хлебом-солью. При подавании курника все поднимаются из-за стола, молятся Богу и благодарят: «Спасибо, сватушка и свахонька, за хлеб, за соль и за ваше угощение». Они отвечают: *лишь укланялись*⁵, и какова хлеб-соль не лучилась, не судите. Тут дружка спрашивает у отца молодого: «Пора ли кланяться молодым?», и, получив в ответ: «Пора», – он идет к ним и объявляет: «Ну, молодые! Собирайтесь кланяться гостям в ноги». Они выходят вместе с дружкой, который, поставив рюмку на блюдо, подводит их прежде всех к отцу молодой и произносит: «Батюшка! Просит вас новобрачный князь и молодая княгиня: рюмку примите, а блюдечко осеребрите, не рублем, не полтиной, а одной золотой гривной. Помощи

¹ *Пашкет* – паштет. Он делается с подливкой, вроде соуса.

² *Пышашник* – папошник.

³ *Обряжают* – наряжают, украшают.

⁴ Курник – пирог, начиненный яйцами и потрохами из курицы и других птиц. По причине обыкновения начинать этот пирог курицею, он получил название курника.

⁵ *Лишь укланялись*, т. е., прося гостей есть и пить, они устали, кланяясь. Русское гостеприимство, сопровождаемое неотступными просьбами и поклонами.

по силе, рублика с четыре. Они люди-то на нове, им деньги надобны: на мыльца, на шильца, на белила и румяна и на банные венички». Молодые лежат у ног его до тех пор, пока он не выпьет. Тогда встают, целуют отца, а дружка спрашивает: «Ну, чем подаришь молодых?» Отец отвечает: «Даю овцу или телушку». Потом дружка подводит к матери молодой, там к родителям молодого, после ко всем родным и гостям, причитая каждому прежнее и спрашивая, чем кто подарит. Если кто хочет поломаться над новобрачными, то, взявши рюмку водки, говорит: «Горько!» Молодые должны встать, поцеловаться и опять упасть в ноги. Они лежат у ног каждого, и каждый может говорить «горько», сколько захочет. Молодые должны всякий раз встать, поцеловаться и опять упасть в ноги. Когда дойдет очередь до брата молодого, тогда он, взяв рюмку, морщится и произносит: «Ой горько! Ой горько!» Молодые встают, целуются и опять падают в ноги. В то время начинает он рассказывать, как он ездил сватать за молодого, как было тогда морозно, сколько он перенес опасностей, одним словом: рассказывает столько, сколько душе его угодно. Кончив рассказ, молодые встают и целуются. Дружка спрашивает: «Чем же ты подаришь молодых?» Он отвечает: «Поленом дров» – вытаскивает из-под лавки, кладет на блюдо и приговаривает: «Вот тебе, молодая, полено! Истопи *утра* баню и вымой своего мужа». Жена мужа, положившего полено, кладет веник, произнося: «Вот тебе, молодая, веник! Истопи *утра* баню и выпарь своего мужа». Поклоны продолжают почти до рассвета. По окончании их поднимаются домой и благодарят: «Спасибо, сватушка и свахонька! За хлеб, за соль и за ваше угощенье». Им отвечают: «Не прогневайтесь, сватушка и свахонька! Какова хлеб-соль не случилась». Между тем родители молодой приглашают к себе своих сватов на завтра, говоря: «Приходите *утры* к нам на похмелье»¹.

¹ В иных местах дружка разносит свернутые на блюде подарки от имени новобрачных, а полдружье разносит сыр и каравай (изрезанный в куски курник); посаженный отец молодой держит в руках стакан, налитый вином. Полдружье и отец посаженный потчуют гостей; но дружка, вызывая каждого по имени, причитает «Во горнице во светлой, в беседе во честной. Кто есть

Родители молодого, собрав на другой день своих родственников, ставят на стол закуску и похмеляются; потом все отправляются к родителям молодой на званое похмелье. По приходе сюда теща встречает своего зятя ласково. Новобрачные сначала здороваются, а после целуются с своими родителями; теща угощает зятя более прочих гостей пивом и вином. У ней уже напечены блины и приготовлена яичница; этим она потчует всех гостей, но зятя преимущественнее, и называет его по имени и отчеству, подкладывает ложечку, приносит горячие блины, яичницу и просит его неотступно: кушай, кушай. Водку наливает беспрерывно, и когда развеселятся все, тогда запевают похвальную песнь молодым и укоризненную тестю и свахе.

Молодым

Как за тыном, за дубовым,
Я речушку перепружу,
За высоким виноградом перейму.
Загоню я, загоню сизого орла.
Сизый орел, свет Александрушка,
Свет Яковлевич.
Как я сизая орлинушка,
Свет Дуняшинушка,
Молода его хозяйюшка.
Им все люди дивовались:
То-то пара, то-то пара сотачался!¹

Иван Лукич? Изволь повystупить, княжего челобитья повыслушать. Бьет челом князь со княгинею, сыром и караваем. Сыр, каравай примите, а золотую гривну положите. Наше дело на нове, много надобно: на шильце, на мыльце, на красны веретенца. Надо нам коня купить, воду возить; вода-то хоть и близко, а ходить-то склизко». Вызванный берет стакан с вином, пьет с расстановкой и говорит: горько! Молодые должны поцеловаться и, падая в ноги, просят, чтобы выкушал. Гость долго ломается над молодым и повторяет «горько». Когда он опорожнит стакан, тогда берет с блюда подарок, утирается им и кладет несколько денег, а молодые целуются. Вечером приходят родители молодой с своими родными к новым своим сватам, которые принимают их с распростертыми объятьями и угощают.

¹ Сотачаться говорится о парных гусях или лебедях, не разлучающихся друг от друга.

В Божьей церкви совенчалася,
Золотым перстнем переменялась.

Тестю

Зверек сердит у нас тестюшка:
Журит, бранит тещеньку,
Молоду свою хозяйошку.
Ты не роскошно живи,
Гостей к себе не води;
Меньше того своего зятя.
Как и зять любит уход:
Простой водки он не хочет,
Тесть на тещу плетью дробит...

Снохе

Наша хозяйошка да уродливая,
Да уродливая, совсем не догадливая.
Три дни избу не топила,
Полну сору накопила.
Всю неделю не мела,
Под лавочки наклала,
Под лавочки наклала
Под красны окошечки,
Не пойдет в лукошечки.
Приехали гости, вынесли по горсти.
Одна гостья дорогая,
Она плакала, рыдала,
Всему городу рассказала.
Пойду, схожу к батюшке,
 Попрошу лошадушки,
Сору повозити.
Ах невестушка, голубушка!
У нас так не водится,
Сор возом не возится;
У нас так ведется,
Веничком метется.

А сорока за порог,
И веничек под порог.
Я сору отвезу,
К подруженьке схожу.
Сядем покататься,
С милым повидаться.
Мой миленький едет
На вороном коне,
В белом балахоне.
Ты любезная моя!
Не гневайся на меня,
Что вечер не был у тебя.
Уж я был, побывал,
В новом городе гулял,
Подарочки закупал.
Мне не дороги твои подарки,
Дорога твоя любовь.
Любовь мука жестокая!
Живу с милым далеко.
Мне работушка трудна,
Оттого я избу не мела.

Повеселившись довольно, поднимаются домой; за угощение благодарят и просят сватов к себе. Молодой остается на несколько времени, потом обращается к своему тестю и своей теще, просит их: «Батюшка и матушка приказали нам просить вас на похмелье». Они отвечают ему: «Хорошо, придем; будьте готовы». — «Нет, батюшка и матушка приказали нам не ходить без вас; собирайтесь с нами». Тогда отправляются все вместе. Родители молодых встречают своих сватов вместе с гостями: «Милости просим, сватушка и свахонька, просим садиться у нас». Они садятся за стол, их угощают брагою, пивом и водкою. Потом стряпухи начинают набирать обед, а дружка кричит на них: «Ну-ка, стряпушки-поварушки! Шевелитесь, не ленитесь, поворачивайтесь. Что есть в печи, на стол мечи, а чего нет, побожись». Это повторяет он при каждой перемене. По окончании обеда потчу-

ют снова брагою и водкою, а дружку и полдружье начинают дарить новобрачные. В то время молодые падают дружке в ноги, а отец молодых благодарит его за все труды, называя по отчеству: спасибо, что ты управлял за нас, был полным хозяином, не доводил нас ни до каких хлопот и соблюдал наших детей. Тут дарят его платком или чем другим и подносят ему стакан водки. Когда он станет пить, тогда отец останавливает его, а молодые должны лежать у ног дружки, как бы долго ни разговаривал с ним отец. Остановив пить, он говорит ему: «Погоди-ка пить, мы поговорим с тобою». Дружка замечает ему: «Новобрачным-то лежать долго». – «Ну, полежат, – отвечает он, – ты больше хлопотал об них». Это значит, что дружкой довольны и ему честь. Потом таким же порядком дарят полдружьев. По одарении их они садятся за стол на первом месте. Молодой подносит стакан водки дружке, который, начиная пить, произносит: «Ох, какое вино-то горькое!» Новобрачные целуются перед ним, просят низкими поклонами, чтобы он выпил. Тогда молодой обносит водкою полдружьев, которые также поступают; после них он обносит родственников и всех гостей. При потчевании поют голосовые песни, какие вздумают¹. Спевши несколько песен, встают из-за стола, благодарят за угощение, а родители молодой говорят: «Спасибо, сватушка и свахонька, за хлеб, за соль и за ваше угощение. Милости просим жаловать завсегда к нам в гости». Им отвечают: «Мы ваши гости теперича. Коли породнились, то уже будем ходить друг к дружке». Если сваты не богаты, то одним гарным столом оканчивается свадьба; если богатые, то пируют несколько дней. На другой же день отправляются новобрачные собирать подарки, обещанные при поклонах на гарных.

Есть еще обыкновение, что новобрачную учат носить воду, потому на другой день свадьбы приходит сваха молодого в дом его, чтобы поучить молодую. Одна из родственниц молодой несет за нею ведра; по приходе на реку родственница бросает в воду перстень для того, чтобы никто не мог испортить

¹ Голосовые песни помещены в конце этой свадьбы.

молодую; затем набирают воду в ведра и дают несть молодой в ее дом. Сваха скачет и пляшет дорогою в знак того, что новобрачная была прежде приучена к хозяйству и что молодая честная. Сваха часто распевает укоризну на счет жен:

По улице новой
Идет Кирюшка молодой,
Взад, вперед шириует (осматривается),
И идет.
Среди окошечка равняется:
Дома ли матушка?
Дома ли сударушка?
Нету никого –
Ни тетушки, ни дядюшки,
Полезай, Киря, в окно.
Киря ручку протянул,
Иван плетью стеганул:
Что сударь за дворянин,
По ночам гуляешь один?
Не дворянский сударь чести,
По окошкам сударь лезти.
А Кирюшка испугался,
По кармашкам забросался;
Рублевички вынимал,
Солдатушек обделял;
Примите, братцы, рубль,
Помилуйте как-нибудь;
Примите-ка другой,
И меня туда с собой.

ГОЛОСОВЫЕ ПЕСНИ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ ПРИ СВАДЬБАХ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Жители здешней страны составлены из переселенцев разных мест России, потому они носят на себе отпечаток того края, откуда перешли. Самые песни их выражают по-

всюду смесь великороссийских, и в подтверждение этого представляются здесь они в таком виде, как уже переиначены и приурочены ими к новой их оседлости. Многие из этих песен поются не на одних свадьбах, но во всякое время, когда кому вздумается.

* * *

Подуй, подуй, погодушка,
Низовенькая,
Раздуй, раздуй, погодушка,
Калиновый куст;
Калинушка со малинушкой,
Лазоревый цвет.
Веселое гуляньеце,
Где мой милый
Дружок живет.
Он пить не пьет,
Голубчик мой,
За мной молодой шлет.
А я млада младшенька
Замешкалася.
За утками, за гусями,
За лебедями;
За вольной за пташечкой,
За журинькою.
Журавлюшка по бережку похаживает,
Ковыль травку шелковую
Пощипывает.
За реченьку за быструю
Поглядывает.
За реченькой за быструю
Слободка стоит;
Слободушка не малая,
Четыре двора,
Во тех ли то во двориках
Четыре двора.
Вы кумушки, голубушки!
Кумитесь, любитесь,

Любите меня.
Вы пойдете в садок гулять,
Возьмите и меня,
Вы станете веночки вить,
Советы и мне.
Да все дружки
С Москвы пришли.
А мой не бывал;
Да все дружки
Гостинцы шлют,
А мой ничего.

* * *

По лужочку я девушка гуляла,
Злы коренья копала.
Накопавши злых корней,
Белехонько вымыла.
Уж я вымывши злы коренья,
Сладким медом сподоблю.
Сподобивши сладким медом,
Дружка в гости позову.
Я зазвавши дружка милого в гости,
Стакан меду ему поднесу.
Поднеши стакан меду,
Я раздушеньку спрошу:
Ты раздушенька миленький,
Что на сердце есть у тебя?
У меня ли на сердечке
Тяжел камешек лежит.
Ты сумела, злодейка,
Чем поить, кормить меня.
Ты сумей-ка, разбойница!
Мое тело схоронить.
Не клади ты мое тело
На постоялом дворе.
Положи ты мое тело
Промеж трех больших дорог:
Промеж питерской-московской,
Петербуржской широкой.

Ты на правую сторонушку
Поставь коня моего;
А по левую сторонку
Положи острую саблю со копьём,
Со строевым моим ружьём.
В головах ты построи
Чёрный кивер со пером;
Чернильницу со пером
И лист бумаги гербовой.

* * *

Не ясен сокол взвился высоко,
Сокол, сокол взвился высоко.
Белая лебедушка повыше его,
Его, его, повыше его.
Соколик лебедушку стал выпрашивать,
Ивать, ивать, стал выпрашивать.
Скажи-ка, лебедушка, скажи, где была?
Была, была, скажи, где была?
Была я лебедушка на синем море,
Море, море, на синем море.
Что там, лебедушка, что видела?
Дила, дила, что видела?
Видела я лебедушка на море корабль,
Корабль, корабль, на море корабль.
На этом корабличке мурав чердачок,
Чердак, чердак, мурав чердачок.
На этом чердаченке горенка стоит,
Стоит, стоит, горенка стоит.
Во этой во горенке вдовонька живет,
Живет, живет, вдовонька живет.
У этой у вдовоньки дочка хороша,
Хороша ли, хороша, Аннушка душа.
Сидела же Аннушка под красным окном,
Окном, окном, под красным окном.
Глядела же Аннушка на сине море,
Море, море, на сине море.
По синему моречку шляпонька плывет,
Плывет, плывет, шляпонька плывет.

Поймайте шляпоньку, верные слуги,
Принесите эту шляпоньку Аннушке душе,
Душе, душе, Аннушке душе.
Залилася Аннушка горькими слезами:
Знать, моего милого дружка в живи нет.
Нет, нету, дружка в живи нет.
Сронил со кудрей шляпоньку, а сам потонул,
Потонул же, потонул, а сам потонул.
Собралася Аннушка во зелен сад гулять,
Во саду поют пташечки веселенько,
Весело, весело, поют веселенько.
Не пойте, соловушки, громко во саду,
Не давайте зазолушки сердцу моему!¹
Моему, моему, сердцу моему.
Да и так грустненько сердцу моему:
Лишилася милого дружка навсегда!
Навсегда ли, навсегда, дружка навсегда.

* * *

Я вечер то молодец,
Позднихонько загулялся;
Позднихонько загулялся
У чужих-то я у ворот,
У воротушек застоялся,
У ворот застоялся.
Я не один-то стоял,
Со прежней своей сударушкой,
Со прежней сударкой.
Сударушка моя
Давно со мной не видалася,
Давно не видалася.
На шеюшку она,
На шеюшку мне бросалась,
На шеюшку бросалась.
Не ходи-ка ты миленький
Вдоль по улице поздно,
Вдоль по улице поздно.

---

¹ Зазолушка, низолушка — кручинушка.

Не носи-ка ты, дружок, подарочков,
Не носи, дружок, не траться,
Не носи, не траться.
Я и так тебя, миленький,
И так тебя любить стану,
И так тебя любить стану.
Я и в свете же от тебя,
Голубчик мой, не отстану,
Да я не отстану.
Вот хотят тебя, дружок,
Хотят тебя поймати,
Хотят поймати.
Вот кудерюшки твои русы,
Хотят дружек оборвати,
Хотят оборвати.
По черной-то по грязи
Хотят кудри разбросати,
Хотят разбросати.
Во железушки хотят
Во железа хотят сковати,
Во железа сковати.
Во солдатушки хотят тебя,
Во солдаты отдати,
Во солдаты отдати.

* * *

Король молодой сбирался,
Королюшка во ину землю.
Покинул королюшек молодую жену,
Как горькую кукушечку,
В темном лесу;
Как горькую полынушку,
В чистом поле.
Подъехал королюшка к крутой горе,
Пристигла же здесь королюшку
Здесь темная ночь.
Раскинул же королюшка
Бел тонкий шатер.

Ложился королюшка
Вниз белым лицом.
Привиделся королюшке
Чуден, страшен сон:
Из правой его рученьки
Ясен сокол вылетал;
Из левого из белого
Сера утушка.
Знать, моя хозяйюшка
Сынка родила и сама померла;
Знать, мне королюшке,
Воротиться назад.
Подъехал королюшка
К широкому двору.
Широки воротички растворенные,
Косящеты окошечки все повскрытые.
Коней шестерочка заложенная,
Все кучера и фореиторы
Приневеселые!
Сенны девушки все наряженные:
Во черных во платьицах,
Во печальных!
Знать, моя хозяйюшка,
Впереди лежит,
Под черной тафтой.
Взошел королюшка
В нову горенку,
Восплакнулся королюшка
Горючими слезами.
А девушки служанушки
Разговаривают:
Не плачь, не плачь, королюшка,
Не воротишь ее назад!

* * *

От чего мое сердце страдает?
От чего пылает в лице кровь?
Кровь пылает, сердце мое разжигает
Прежня мука, со милым любовь!

Ты любовь, моя злодейка,
Любовь волно всю отняла,
Нагуляться с дружкой не дала.
Гуляй, гуляй, красная девушка!
Поколь волюшка своя,
Не покрыта буйна голова.
Накроют буйную головушку.
Минуется вся волюшка, гульба,
Вся девичья красота.
Никто девушку гулять не уймет,
Никто ее не смеет удержать.
Как ни батюшка, ни матушка ее,
И ни братья, ни сестрицы,
И ни морозы, ни вьюги,
И ни осенние сильные дожди.
Только уймет ее, остановит:
Как придет матушка, красная весна.
Разольется вся полая вода,
Все потопит зеленые луга.

* * *

Вспомни, вспомни, миленький,
Во дорожке, во пути.
Аль ты не думаешь,
Дружок, обо мне?
А я по тебе,
Мой миленький,
Сокрушаюся,
Горячими слезами
Заливаюся.
Наполнила слезами
Долины, луга;
И всех быстрых речек
Круты берега;
Тяжелым воздыханьем
Склонила леса;
Все леса прекрасные
Склонились ко мне.
Шелковая травонька

Сплетает мой след.
Злодеи грозятся
С дружкой разлучить;
Мы будем стараться
Врагов победить;
Победивши врагов,
В любви со дружкой
Будем жить.
Но этой любви
Бывает конец;
А мне, красной девушке,
Знать, счастью венец.
Знать, счастью венец.
Знать, тебе,
Мой размиленький,
Во солдатах быть;
А мне, красной девушке,
Во чужих людях служить,
Во чужих людях, добрых,
На чужой стороне.
Отдал меня батюшка
За Дон за реку.
Приказал мне батюшка
Семь лет в гости не бывать.
Не буду я к батюшке
Ровнехонько десять лет.
На одиннадцатом годочке
Вольной пташкой прилечу,
Пташечкой, кукушечкой.
Сяду я у батюшки
Во зеленым саду;
Печалью, кручиной
Весь сад я подсушу.
Горючими слезами
Весь зеленый потоплю.
Родимой своей матушке
Спокою не дам.
Родимая матушка
Раненько встает;

По новым по сеничкам
Похаживает.
Любимых невестушек
Побуживает:
Вставайте, невестушки!
Что за пташка
У нас в саду?
Отколь эта пташечка?
Не мое ли дитяtko
Из чужой дальней стороны?

* * *

Что на свете за мука
Наша любовь!
Ты покидаешь,
Ты оставляешь
Несчастную меня!
Я вечер во слезах заснула,
Дружка видела во сне;
Лишь проснулась, вздохнула,
Закипела кровь во мне.
Говорила я милому,
Любезному своему:
Взойди, милый, в мою спальню,
Посмотри на мой портрет.
Если я тебе не по нраву,
Сошли меня в мою сторону.
Возьми в руки пистолетик,
Заряди легкий заряд,
Расстрели мою грудь.
Я тем буду довольна,
Сократишь ты жизнь мою.
И я навеки засну
От любви жестокой моей.
Как поедешь, миленький, жениться,
Заезжай на гроб проститься,
И несчастную помяни:
Меня горькую несчастную,
Как любила я тебя.

* * *

Вечер-то добрый молодец
У Любушки был,
У Любушки, у сударушки под окошечком.
Говорила мне Любушка
Не радостную весть,
Не радостную, но печальную.
Печальную весточку:
Отстасть-то мне велят!
Отстань-ка ты, миленький,
Отстань от меня!
Вспомни ты, моя Любушка,
Про прежнюю любовь.
Как мы с тобою, Любушка,
Совыкались.
Совыканьеце было с миленьким
Во темным лесу,
Как во темном во лесике,
Под березою,
А расстаньеце было, с Любушкой, под осиною.
Как под белою березою
Трава выростала;
Трава выростала мелкая,
Трава шелковая.
Как под горькою осиною
Трава не растет,
И цветочки не цветут.
Как под белою березою
Трава выростала,
Выростала трава мелкая,
Трава шелковая.
Как по этой по травеньке
Цвели цветики,
Голубые цветы, все лазоревые.
Как на этих на цветиках
Кукушка сидит;
Сидит горькая кукушечка,
Жалобно поет;

Моему сердцу ретивому
Назоле дает,
Назола, назолушка, грусть великая!

* * *

Что ты, Маша, приуныла,
Воздохнула тяжело?
Воздохнула, вспомянула
Любезного своего!
Я в любезного влюбилась,
На злодеев не гляжу.
Вы злодеи, лиходеи,
Вы злымучители мои!
Жила с миленьким полгода,
А за батюшкой двадцать лет.
Не видала мученья такого,
Как по разлуке с удальцом.
Взвейся, взвейся, сиз голубчик,
Прилети туда ко мне.
Сядь-ка, сядь-ка, раздушенька,
На мое право плечо.
Погляди-ка, раздушенька,
На мое бело лицо.
Мое личко круглоличко,
Завсегда как огонь горит.
Мой миленький
Завсегда журит, бранит.
Не жури, не брани,
Раскрой груди белые!
Ты раскрой груди мои,
Посмотри сердце мое:
Мое сердце все изныло
По тебе, любезный мой!

* * *

Не шум-то шумит, не гром-то гремит,
Молодой-то Турчанин
Во поход пошел.

Во поход-то пошел,
Во ину землю, во не русскую,
Во не русскую, во французскую.
Он забрал-га, забрал
Силы множества;
Он побольше того
Все во плен берет.
Города он берет,
По себе делит:
Кому золото, кому серебро,
Кому платьице разноцветное.
Доставалась зятю тещенька!
Заставил зять тещу
Три дела делать:
Первое ей дело – гусей пасти;
Другое делице – постелю стлать;
Третье делице – дитя качать.
Ты качу, ты баю, дитя милое,
Дитя милое, сын Турчаночок.

* * *

Цвели в поле цветочки,
Цвели да повяли;
Любил парень девушку,
Любил да покинул;
После над красной девушкой,
После насмеялся.
В хороводе мой миленький,
При большом народе,
Снял с красной девушки
Шалевой платочек;
С белой шеюшки,
Жемчужный борочек.

* * *

Как по городу по Саратову
Девушка гуляла;
Гербовой она лист

Бумаженьки закупала.
Молодого-то она писаря
К себе в гости зазывала,
На мила дружка, любезного,
Просьбу составляла.
Молодому она губернатору
Просьбу подавала:
Уж ты батюшка, губернатор!
Рассуди-ка ты по правде.
Ты отдай моего дружка любезного,
Отдай во солдаты.
Уж ты девушка, раскрасавица,
Не зря ли¹ ты просишь?
Не сама ли ты, красна девушка,
Больше виновата?
Не выйти ли тебе, голубушка,
Вон из каменной палаты?

* * *

Я к Машеньке спешу,
Поклон Машеньке несу.
Пред тобою, пред душою,
На коленочки паду.
Ты прости меня, милая,
Виноват я пред тобой;
Я во всех винах тебя прощаю,
Ты не будь дружок мой!
Когда клялся предо мной,
Клялся миленький, божился:
Хотел верен всегда быть.
Не хочу лукавых любить,
Они не могут любви ценить.
Полюби, полюби-ка, красная, меня!
Если полюбишь меня,

---

¹ Необдуманно. *Зря* употребляется повсеместно в Саратовской губернии, например: «зря он сделал» вместо «наугад он сделал»; «зря он бросал», «зря он сказал» и т. п. звучат беспрестанно. Приезжему это выражение покажется странным, но жители, даже благородные, не замечают этой странности.

Будешь счастлива навсегда,
Рассчастливая Машуринька,
Ты талантливая!
Для Машуриньки такой,
Есть у меня особый покой.
Уж и спальню твою
Все цветами уберу;
Я цветами, зеркалами,
Да и разными красами,
И подушечками.
Тесовая кровать
На коврах будет стоять;
Рассчастливая Машура
Будет нежно почивать.
Серебряны самовары
На столах будут кипеть;
Рассчастливая Машура
За столом будет сидеть.

* * *

Я пойду ли молодец
На почтовый двор;
Закричу я молодец
Громким голосом своим:
Кучера ли вы мои!
Слуги верные!
Оседлайте, кучера,
Моего ворона коня;
Уж я по полям поеду,
А другими полями выеду.
Не сон-то клонит мою голову,
Дремотой сон валит.
Я пушу своего коня
Во зеленые луга;
Я раскину молодец
Бел тонкий шатер;
Расстелю я молодец
Свой шелковый ковер;

Не один-то я ляжу,
С красной девушкой душой.
Поутру я встаю,
Нет ни коня, ни седла,
Ни коня-то, ни седла;
Ни девушки, ни шатра.
Я пойду ли молодец,
На дороженьку большу;
Погляжу ли я молодец,
По левую сторону.
Не пыль то пылит,
Не туман с моря валит.
Молодой-то король
Всех гонит коней,
Моего ворона коня
За повод ведет.
Красну девушку
На возу везет.

* * *

Уж ты пей, мой миленький,
Не пропейся;
На меня ли на девчоночку
Не надейся.
У меня ли, у девушки,
Горя много, горя много,
И печалюшка велика.
Я со этого со горяшка
Ноченьку не спала;
У тесовой у кроватушки
Простояла.
Я пуховую перинушку
Перебивала,
С правой руки колечушки
Потеряла.
Я девушка по горенке гуляла.
С того горя, с той печалюшки
Из клеточки соловушки выпускала.

Полети, мой соловушек,
Во чисто поле,
Приузнай, ты, соловушек,
Размилого.
На моем на дружке
Примет много:
Как и первая приметушка,
Лицо белое;
Как другая приметушка,
Брови черные;
Как и третья приметушка,
На головушке кудри русые.
Да еще приметушка,
Походушка частенькая.
На его ли я походушку
Прельстилася,
Ретивое мое сердечушко –
Заразил.
Когда то мой миленький
В любви мне верен был.

* * *

Уж ты глупенький,
Неразумненький,
Дурак соловейка!
Не вей, не вей тепла гнездышка,
Не вей при дорожке,
Да свей ты тепло гнездышко
В лугах при долине,
В лугах при долине,
При долинушке.
Да свей при зеленой,
В широком раздолье.
Никто твое тепло гнездышко
Никто не разорит,
Никто не разорит.
Никто твоих малых детушек,
Никто не разгонит,

Никто не разгонит.
Как во этой во долинушке
Стоит темная темница,
Темная темница.
Как во этой ли во темнице
Ни дверей, ни окошечек,
Ни дверей, ни окошечек.
Одна трубонька,
Труба дымовая,
Труба дымовая!
Как из этой ли со трубоньки
Дымок повевает,
Дымок повевает.
Как во этой ли во темнице
Сидит удалой молодчик,
Удалой молодчик.
Тут ехала, тут проехала
Гостья дорогая,
Гостья дорогая.
Тому молодцу, тому молодцу
Матушка родная,
Матушка родная.
Да ты дитяtko, да ты милое,
С кем отсюда поедешь?

* * *

Как по край то берега,
По край синя моречка,
Камыши высокие.
Как во тех ли во камышиках
Стояли палатушки.
Как во этих во палатушках
Стоят столики камышовы.
Как на этих на столиках камышовых
Скатерти шелковые.
Как за одним то столом
Сидит добрый молодец
С душой красной девушкой.

Как играл-то он
С душой красной девушкой
Во гусли серебряны.
Как проиграл-то он
Душе красной девице,
Проиграл три корабличка,
Да все нагруженные.
Как и первый проиграл корабличек,
Проиграл с чистым серебром;
Как второй проиграл корабличек
С крупным жемчугом,
Третий с цветным платицем.
Как проигравши все три кораблички,
Сам бедный задумался,
Не печалься, добрый молодец!
Возвратятся назад
Три кораблика,
Да все твои нагруженные.
Ты возьми, удал добрый молодец,
Меня замуж за себя.
Мы отправимся с тобой,
Добрый молодец,
Во каменну Москву жити.
Пропадай, пропадай лучше
Мои три кораблика,
Со чистым серебром,
И со всем именьицем.
Не возьму я тебя,
Душа красная девица,
Замуж за себя.
Не согласен я отправиться с тобой,
Раскрасавица,
Во каменну Москву жити,
И тебя женой имети.

* * *

Я вечер в гостях гостила,
Во компаниице была;
Что нет лучше молодчика,

Я в любовь к себе взяла.
Не постыдно с ним водиться,
Можно радостью называть;
Добра молодца
Красавчиком величать.
Хорош, пригож мой миленький,
Дружок уродился,
Со мной красной девицей
Повадился.
От своей сторонушки
Удавился.
Хорош, статен, приубран,
Походочка щенетна,
Тароват на все дела.
Распрекрасным своим взором
Мил сердечко заразил.
Своими лестными словами
Танцевать с собой просил.
Долго, долго танцевали,
Появился жар в лице.
Вышли в сени прохладиться,
Чтобы жар с лица согнать.
И я млада испугалась,
На дворе-та темна ночь!
Знать, мне красной девице,
Должно скрыться отселе прочь.

* * *

Ночной темнотою
Все покрылись небеса!
Люди для покою
Все сомкнули глаза.
Внезапно кто-то постучал
И сон приятный перервал.
Кто же там стучится?
Со гневом я закричала.
Томно кто-то отвечал:

---

¹ Эта песнь переделана народом, потому она представляется здесь без изменений.

Я мальчик бедный заплутался!
Я смелость приняла
И двери отперла.
Согрейте мерзло тело,
Я мальчик, чуть дышу.
Мне жалко очень стало,
Свечу в комнате зажгла.
Я вижу он крылами,
Сильно машет предо мной!
И грудь мою пронзила
Преострая стрела.
Лишь он обогрелся,
Тот час мне объявил:
Враг твой оживился,
Владеть тобой пришел.
Вспомни каменные чертоги,
Где я с тобою обитал.
Грустно девушка сказала:
О несчастная моя судьба!
Чародей мною владеет,
Я пропала навсегда.
Не успела слова молвить,
Как очутилась я у тех палат,
Заиграла музыка
В чародейных домах,
Девушка в памяти очнулась,
Чародей пред ней стоял.

* * *

Солнце красное! Оставляй небеса,
Скорее катись за темные леса.
Месяц ясный! Остаешься за горой,
Небеса! Покройтесь темнотой.
Дайте мне времечко
Укрыться от людей,
И наплакаться по участи своей,
Люди бегают от грусти моей.
Им нужно знать слез причину!
А где милый мой? А где радость? Где дорогой?

Не навеки ли ты простился,
Дружок миленький, со мной?
Нет ни писем, нет ни вестей,
От тебя, моя радость, мой дорогой!
Напиши, милый друг, мне весть,
Что забыл ты уж меня.
Дай отраду поскорее умереть,
Чтобы на свет мне больше не смотреть.
Для того, знать, я уродилась молода,
Чтобы узнать страсть, дружка любя.
Любовь меня терзает
И навек смыкает мои глаза.
Прощай, милый друг, надежда!
Оставляю и я тебя.

* * *

Вы, подруженьки мои!
Вы придите ко мне,
Погорюйте обо мне,
Погорюйте обо мне!
Посидите у меня,
Веселее будет мне,
И магушке родной,
И батюшке моему,
И батюшке моему!
У моего родимого
Есть зелененький садок.
В саду нет погодушки,
Лишь листочки шумят,
Лишь листочки шумят!
Развольные пташечки
Все слухами говорят,
Все слухами говорят.
Летел здесь соловушек,
Летел бравый молодой!
Я спрошу соловушка:
Тужит ли милый по мне?
Тужит ли, горюет ли?
Хоть он тужит –

Малость обо мне,
Хоть он тужит –
Малость обо мне,
Во матушке во Москве,
Во матушке во Москве.
А я по нем, девушка,
Сокрушаюсь завсегда!
Стой, стой, кручинушка,
Пойду во зелен сад гулять;
Пойду во зелен сад гулять.
Со той со досадушки
На сыру землю паду;
На сыру землю паду!
До тех пор лежати буду.
Когда три часа пройдут,
Все минуты изойдут,
Горючи слезы прольют,
Горючи слезы прольют,
Быстры реки пройдут,
Ко мне девушке придут.
Тогда встану я, опомнюся,
В нову горницу взойду,
В нову горницу взойду.
Сяду на лавочке,
Погляжу в окошечко:
Да нейдет ли мой милый?
Да нейдет ли мой милый?
Не летит ли соколик?
Раздушенька светик мой,
Раздушенька светик мой!
Что ты сделал надо мной,
Над девушкой молодой,
Над девушкой молодой,
Над моей русой косой?
До чего мня довел?
До славушки до худой,
До славушки до худой.
Хоть славушка пройдет,
Никто замуж не возьмет.

* * *

Не лъсти, милый, словами,
Не обманывай в глаза!
Ты почувствуй, друг любезный,
Как я люблю тебя!
Через тебя ли, мой любезный,
Много горечи терплю,
Все досады перенесла?
Я со младости лет
Во долинушке выросла,
Я от солнца, я от жару
Лицо бело сберегла;
Сберегла лицо прекрасное
Для несчастной судьбы своей.
Ты судьба моя, судьба!
Судьба горькая моя!
Все злодеи мне грозят,
Разлучить с тобой хотят.
Нас с тобой тогда разлучат,
Когда кончится любовь.
Вы шабры мои ближние¹,
Вы не дайте мне, шабры,
Злою смертью умереть.
Приведите мне, шабры, писаря,
Чтобы он дружку
Письмо написал.
Я письмо то напишу,
И словами расскажу:
Ты поедешь, миленький, жениться,
Заезжай ко мне, дружок,
Хоть проститься.

* * *

Уж степь, ты наша степь!
Степь наша уральская!
Ничегохонько во степи не уродилося,
Ни травоньки, ни муравоньки!

---

¹ Шабры — соседи, шабры ближние — соседи, живущие вблизи. Шабры — слово татарское.

Уродилась во степи
Одна горькая полынушка¹,
Уродилась еще во степи
Белая березонька.
Мимо этой березоньки
Лежала дороженька:
Никто по той дороженьке,
Никто не прохаживал.
Только шли, прошли
Одни извозчички,
Молодые колонисты.
Во пути-то у них
Случилось несчастье большое:
Захворал, занемог
Молодой извозчичек.
Он при смерти лежит,
У своих товарищев молит:
Уж вы братцы, вы мои товарищи!
Не покиньте, вы братцы,
При бедности меня!
Вы возьмите, братцы,
Воронных коней моих.
Вы скажите, братцы,
Матушке и батюшке низкий поклон,
Молодой жене мое почитаньице.
Малым родным моим детушкам
Вечное благословеньице.
Вы скажите, братцы, матушке моей,
Что я остался в дикой степи.
На могилушке моей
Растет ковыль травонька,
В головах растет горькая полынушка,
В резвых ногах стоят звери лютые:

---

¹ Уральская степь, представленная здесь бесплодною, действительно есть такова, сколько мне известно по протяжению Ахтубинской ее долины, находящейся в Царевском уезде. Ахтубинской долиною называется солонцеватое пространство между р. Ахтубой и левым берегом р. Волги, и оно идет до Уральской возвышенности. На Ахтубинской долине часто выгорает трава от солнечного зноя, в начале мая. Вся степь усеяна там азиатской полынью, которая издает прекрасный запах.

Разорвут мое тело белое,
Растаскают мои костоньки
По дикой степи!

* * *

Что это у меня был за миленький!
Мил, прекрасен и хорош.
Носил милый сибирочку,
Шалунову голубу¹;
Носил он жилеточку,
Матеревую хорошую;
Носил друг шароварушки
На лайковых помочах,
На могучих плечах.
На кудрях у него шляпонька,
Распрекрасна, хороша!
Сказали про милого,
Что милый не жив,
Милый без вестей пропал,
В сине море потонул.
Как вечер ли мой размиленький
Вдоль по улице прошел.
Он нову песенку пропел,
На гитаре проиграл,
В терем голос подавал,
Мне красной девушке извещал:
Здорово ли, моя Любушка,
Поживаешь без меня?

* * *

Волга матушка взволновалася,
Ничего в волнах не видно!
Только видно в волнах
Одну красну лодочку.
Красна лодочка плывет, краснеется,
Весельчики на ней зеленеются.

---

¹ Шалун – шелковая материя: она имеет отлив сине-зеленый и красно-зеленый.

Сам хозяин сидит во наряде:
В желтом нанковом кафтане,
В черном бархатном картузе.
На картузе славной козыречек,
Сам он купеческий сыночек.
Заворачивайте, ребята,
К Настасьиному ко подворью.
Настасьюшка сама выходила,
Стакан водки выносила,
Ванюшеньке дружке подносила.
Ты выпей-ка, дружок, искушай!
Ноне не пью, Настасья,
У нас в доме несчастье:
Поголовный набор солдатский!
Хотят меня, молодца,
Отдати во солдаты.
Уж я выйду на сход, поклонюся:
Вы помилуйте, мирские люди!
Я не вор, я не разбойник,
Я до девушек был охотник,
До молодых был приветлив.
Я воров совсем не знал,
Приносил покорность вам,
Всегда был я добр и честен,
К воровству не причестен¹.

* * *

Как ушел-то вор казаченька,
Ушел со тихого Дону.
Как унес с собой вор казаченька,
Унес строевое ружье,
И саблю острую.
Он увел с собой, вор казаченька,
Увел силы множества.
По расчету-то он увел, вор казаченька,
Ровно сорок тысяч, –
Он увел их, добрых молодцев,

---

¹ Вместо непричастен.

Да все казаченков, да все вооруженных.
Как и ушли они, воры казаченьки,
Все путем, глухими дорогами,
Как глухими дорогами, дикими степями;
Как дикими степями, темными лесами.
Как и платьице было, на ворах казаченьках,
Все было шелковое,
Как фураженьки, на ворах казаченьках,
Были сукна дорогого,
Они сшиты были полка полевого.
Под командою они были, воры казаченьки,
Полковника молодого.
Через быструю речушку шли воры казаченьки,
Да все перемочились;
Во черной они во грязи,
Да все перепачкались.

* * *

Пошли девушки, пошли красные,
Они на рынок гулять,
На рынок, на ярмарку Макарьевску,
На славу Александровску¹.
Они гуляли, красны девушки,
Белый день до вечера,
До самой полуночи.
Полуночная звезда высоко взошла,
Звезда за полночь зашла.
Они, красны девицы,
В кучу собирались,
Домой все отправлялись.
Шли они, красны девицы,
Закоулками, переулками,
Ничего они не боялись.
А боялись девушки,
Опасались красные,
Журьбы своих матушек.

---

¹ Почему Макарьевская ярмарка названа здесь *Александровской*, я не мог допроситься.

Родна матушка журит, бранит,
Любить дружка не велит.
Хотя я, девушка,
Гулять поздно не стану,
А любить дружка не перестану.
Милый ласков и хорош,
Он уважать мне во всем готов.
Я страдать буду от матери, от отца,
Не расстанусь с дружкой навеки, до конца.

* * *

Как не белая березка, березка,
Свивалася, ой свивалася!
Как девушка с молодцем, с молодцем,
Совыкалася, ой совыкалася!
Совыканьце у них, у них,
Было тайное, ой было тайное!
Расставаньце у них, у них,
Было слезное, ой было слезное!
Запрягает милый друг, дружок,
Вороных, ой вороных коней!
Соезжает дружок, дружок,
С широка, ой с широка двора.
Он, соехавши со двора, запел
С горя песенку, ой с горя песенку!
Ты прощай, прощай светик,
Моя Любушка, ой моя Любушка!
Наживай себе Любушка
Иного размилого,
Ой дружка милого!
Если лучше меня наживешь,
Позабудешь, ой позабудешь!
Если хуже меня наживешь,
Вспомянешь, ой вспомянешь!
И еще, что это у меня
Был дружок за миленькой,
Был дружок за хорошенькой!
И гулять пойдет дружок,

И меня, ой и меня с собой берет!
Провожала Любушка дружка
Далекохонько, далекохонько,
Распростилась она с миленьким.
Вспоминает она воздыханьем:
Что был за миленький, ой за миленький!

* * *

Вы комарики мои,
Не кусайте, комары,
Мое белое лицо.
Мое белое лицо
Разгорелось горячо;
Ровно аленький цветок,
Во чистом поле цветет.
Там и травка зелена,
Где мой миленький гулял,
Где ласково меня целовал;
Где ласково целовал,
Туго к сердцу прижимал,
Раздушенькой называл,
Раздушенькой называл.
Ты раздушенька моя,
Вечер был я у тебя,
Вечер был я у тебя.
Не узнала ты меня,
Отсылала от себя,
Отсылала от себя,
Тем огорчила дружка.
Вспомни, миленький дружок,
Как ты был у меня,
У крашеного крыльца,
У крашеного крыльца;
Во горницу взошел,
К кровати подошел,
К кровати подошел,
Открыл браный положок,
Взял за рученьку мою,
За золотой перстенок.

* * *

Широкохонько Волгушка разливалась,
Во крутые бережочки не вбиралась,
Со желтым песочком сомывалась.
Вобралась Волгушка во горы,
Во доли и леса зеленые.
Позатопляла Волгушка травы зеленые,
Оставался один чист ракивов куст.
Как на кустике свито гнездышко,
Во гнездышке сидит млад соловушек.
Хорошо он поет, высвистывает,
Выговорушки выговаривает
Голосочком всему городу,
Матушке каменной Москве.
Как отец с матерью всю ночь не спят,
За столом сидят, за столом сидят,
Они думу думают: которого нам сына
Во солдатушки отдать?
Нам большого отдать, детей много;
Нам среднего отдать, жена умна,
Как жена-то умна, на ней дом стоит.
Нам отдать ли, не отдать
Сына милого, не женатого.
Как и малый сын, вор догадлив был,
Во ногах он лежит, просит жребия.
Уж вы дети мои молодые!
Вы подите, дети, на конный двор,
Оседлайте коней, что нет лучших.
Вы ступайте, дети, во чисто поле,
Вы срежьте все по жребью,
Вы бросьте во Волгу матушку.
Как большой бросил жребий,
Вверх воды пошел;
А середний бросил,
Вниз воды пошел;
А холост бросил,
Как тяжел камень-жребий
На дно пошел.
Как пришло нам отдать

Сына малого, не женатого,
Так и заплакался,
Об сыру землю ударился:
Аль я, батюшка вам,
Не кормилец, не работничек был?

* * *

Полно, беленький снежочек,
На талой земле лежать;
Полно, миленький дружочек,
По сторонке тосковать.
Не пора ли, не времечко,
Любезную забывать?
Что это у милого дружочка,
Что за ум, за разум такой,
За обычай за дурной!
Милый не сказывал
Любви никакой.
Если любишь, скажися;
А не любишь, откажися.
Мне ли девушке пора-время?
Не введи в худую славу, не клади.
Хула славушка, бесчестье;
Роду племени укор,
Стыд головушке удалой!
Мне нельзя придти домой,
Сказать матушке родной.

* * *

Как у ключика было,
У текучего у колодезя,
У студеного у лужочка, у зеленого,
Красна девушка платья пряла,
А добрый молодец коня поил,
С красной девушкой, девушкой разговаривал,
Он к себе девушку подговаривал.
Молодая-то жена была догадлива,
Взяла ведра сама за водой пошла.

За водой-то пошла, она воду черпала;
Почерпнувши воды, с девкой поразмолвилась,
Поразмолвившись, стала ей угроживать:
Не быть тебе, девушка,
Не быть на белом свете;
Не любить тебе, девушке,
Моего мужа, своего друга.
Эта девушка испугалась,
И матушке пожаловалась:
Что это, матушка,
У меня голова болит?
Во полночи девушка
Сделалась вся больна,
Ко белой заре
Девушка преставилась.
На восходе солнышка
Стали в колокола звонить,
И девушку хоронить.

* * *

Как у молодца заболела голова,
У хорошего, со зеленого вина.
Велик город Москва,
И матушка-Москва широка.
Никто в Москве не ходит, не гуляет.
Только шел, прошел детинушка молодой,
У детинушки нет заботы никакой.
Только есть одна забота, сухота:
Навязалась не по совести жена.
Журит, бранит своего мужа завсегда!
Муж из горенки во светличку пошел,
В потемочках буйну голову чесал;
При ясном огне кудерюшки завивал,
Завивши кудри, черну шляпу надевал.
Надел шляпоньку, вдоль по улице пошел.
Пошел, пошел, ко сударушке зашел,
На белой заре к молодой жене пришел.
Молодая жена! Растворяй-ка ворота.

Я не вор пришел, не разбойничек денной,
Я пришел к тебе сам хозяин коренной;
Я принес тебе гостинец дорогой!
Шелковую плеть в руках.

* * *

Как по морю синенькому
Плавали, гуляли корабли;
Как на кажнем корабличке
По пятисот молодцов,
Государевых гребцов,
Славных песельников.
Хорошо гребцы гребут,
Весело песни поют,
Разговоры говорят,
Лиходея все бранят:
Ты лиходей, расканалья!
Обобрал кормовые, харчевые,
Третьи денежные.
На эти денежки
Палаты себе склал.
Белокаменны палатушки,
Стены мраморные;
Из хрусталя потолок,
Позолоченный конек.
Как на эти потолки
Москва речушка взошла;
Не сама собой взошла,
Неволошкой взведена,
И жива рыба пущена.
Как во этих палатах
Кроватушка смощена;
На этой на кровати
Сам лиходей почивал,
На живу рыбу смотрел,
Он речи говорил:
Уж ты, рыба, ты белуга!
Ты зачем сюда взошла?
Не сама собой я взошла,

Неволюшка занесла,
Твоя хитрость призвала.

* * *

Веселитесь, подружки,
Весна скоро придет;
Весна скоро придет,
Солнце взойдет.
Сгонит снега и мороз,
Сгонит снега и мороз,
С гор покатится вода
Во зеленые луга.
Во лужках уж травка зеленеет,
И цветочки расцвели,
Расцвели в поле цветочки,
Где ракитовый кусток.
Между этих кусточков
Волга-матушка прошла.
Как над этою, над Волгою,
Куст малинушки стоит;
И в этом ли кусточке
Соловей громко поет.
Не пой, не пой, соловушек!
Во зеленом саду весной.
Возьми горечко с собой,
Унеси горе далеко,
Чтоб не слыхати про него,
Про горечко прошлое.
На воде горе не тонет,
И огнем горе не жжется,
Прочь от девушек нейдет.
А молодца горе берет.
На совет девушка нейдет,
Подарочки не берет.

* * *

Я вечер ли молода,
Во компании пробыла;

Сидела не одна
За убранным столом.
С соколом прохлаждалася,
Пива пьяного напивалася,
Правыми ручками обнимались.
Не по долгий час,
Промолвил молодец словечко:
Сделай радость, сердечко,
Поцелуй меня!
Я такой страх имею,
Целовать тебя не смею.
Боюсь, миленький, тебя,
Опасаясь смеяться будешь надо мной.
Отдавали меня молоду,
На чужу сторону,
Не за ровнюшку.
Не за ровней буду жить:
Буду плакать и тужить,
Тебя ли, миленький, сушить!
За горами, за долами,
За крутыми берегами,
Лужочек там был.
Во лужочке дубочек,
Под дубочком молодчик
В пригорье сидит.
При таком ли пригорье,
При великой кручине,
На свет не глядит.
Скройся, скройся, вольный свет!
Сударушки дома нет.

* * *

Где гуляю, где хожу,
На уме дружка держу.
На уме, на разуме,
На своих крепких мыслях.
Было в руках счастье,
Не сумела содержать.
Любил меня молодчик,

Не могла любовь признать.
Стала любовь признавать,
Стал миленький отставать,
С иной миленькой стал гулять,
Гуляй, гуляй, Машенька!
Гуляй, развеселяя:
Поколь волюшка твоя,
Не покрыта голова.
Покроют головушку,
Наложат заботушку
На красну девушку.
Первая заботушка:
Свекор да свекровушка;
Другая заботушка:
Деверь да золовушка;
Третья заботушка:
Муж, удала голова,
Он гуляет без меня,
По вдовушкам, по вдовам,
По замужним женам.
Как и замужняя жена,
Не лучше меня.

* * *

Шла Машенька из лесочка
Несла в руках по веночку, сама говорит:
Ты пастух мой, пастушочек!
Пастух миленький дружок,
Не покинь меня!
    Не покину сиротину
При широкой долине,
Во лужке одну.
    Туда, сюда пастух бросался,
С стадом управлялся,
Домой поспешал.
Он жене своей речи изъяслял:
Жена моя, женушка!
Жена, верная служанка.
Не жди меня ночевать.

Ты жди меня порою,
Вечернею зарею,
Утренней росой,
Пойду погулять.
Меня звали, позывали
В зелен сад гулять.
Там гулять по садочку,
По ракутову кусточку,
Где Машенька ждет.
    Ждала Маша, поджидала,
За ракивов куст запала.
Пущай мил пройдет!
Машино сердце не стерпело,
Громким голосом вскричала:
Здесь я милый!
Мой миленький взрадовался,
На белую грудь бросался,
Начал целовать.
Он целует и милует,
Туго к сердцу прижимает,
Машей называет.
Ты Машенька черноброва,
Зачем ты любишь иного,
А меня покидаешь?
На то милый осердился,
С Машей не простился,
Толкнул ее в грудь.

* * *

Уж ты сад, мой садик,
Сад зеленый виноград.
Садил тебя Иван
Ой, ой, ошеньки!
А поливал Селиван,
Обгораживала Селиванова жена.
В саду молодец гулял,
Разорили, погубили,
Довели до конца,
Ой, ой, ошеньки!

Да никто по мне
Не кричит, не кричит!
Гляну я на окошечко,
Родной дедушка идет,
Восемьдесят рублей несет.
Ой, ой, ошеньки!
Гляну я, родна бабушка идет,
Льняной холст несет;
Еще гляну я во красное,
Родной батюшка идет,
Благословеньице несет.
Родна матушка
Горячие слезы льет,
Ой, ой, ошеньки!
Еще гляжу я, родной дедушка идет,
Зипун с шубою несет.
Еще гляжу я, родна тетушка идет,
Моток ниточек несет.
Ой, ой, ошеньки!
Родной братец идет, ворона коня ведет;
Родная сестрица идет,
Шириночку несет;
А позади-то всех идет
Молодая жена,
Молодых детушек ведет,
Ровно пчелушка гудет.
Ой, ой, ошеньки!

* * *

Как по стежке, по дорожке,
Шли солдаты молодые,
За собою девку манили.
Пойдем, девка, пойдем, красная!
С нами с молодцами.
У нас жить, девушка,
Привольно и богато.
У нас горы сахарные,
Текут речки медовые,
По лужку травка шелковая.

Старый солдат девку унимал,
Платком слезы утирал:
Не плачь, девка, не плачь, красная!
Не мечись, девка, на балы,
На рекрутские обманы.
У нас горы кременные,
Текут речки кровяные;
В лужку травка редьковая,
Все осочка зеленная.

* * *

Ушел солдат со походу,
Унес с собой строевое ружье,
Саблю острую.
Он пошел вдоль по улице,
Острой саблей подпирается,
Остра сабля согибается.
Он зашел, молодой солдат,
К отцу, к матери.
Пусти, батюшка, пусти, матушка,
Пусти обогретися!
Мать, отец солдатика не угадали,
Квартирушку ему отказали.
Он пошел от окошечка,
Сам бедной заплакал;
Отшедши от окошечка,
Воспел песню новую.
Матушка и батюшка
Его голос угадали:
Поди, дитяtko, поди, милое,
Поди обогрейся!
Взойди, дитяtko,
Взойди по за-дверью.
У нас, дитяtko, у нас, милое,
Шабры люди злые.
Мать, отец солдатика
Напоили, накормили,
Золотой казной наградили.
Ты ступай, мое дитяtko,

Ступай, мое милое,
К своему начальству,
Явись, покорись полковнику.

* * *

Не бела заря занимается,
Не красно солнце из-за гор выкатывается,
Не светел месяц высоко всходит,
Выше леса темного,
Березничка, горькой осинушки.
Не пыль в поле запылывается,
Не туман с поля поднимается:
Летят гуси, лебеди,
За гусьми летит сизый орел.
Постойте, гуси, постойте, лебеди!
Я не бить вас лечу,
Я спросить хочу.
За орлом летит млад ясен сокол,
Постой, постой, сизый орел!
Я не бить тебя лечу,
Я спросить хочу.
Где ты, сизый орел,
Летал, полетывал?
Я летал, полетывал,
По тихой степи, по уральской.
Ты чего, орел, смотрел, высматривал?
Я смотрел, высматривал диво дивное:
Тело мертвое, убитое.

* * *

Как слали к нам указы невеселы,
Нам об наборе говорили,
Нас молодец выбирали в гусары:
Неженатых, холостых.
У нас кони вороные,
Седелица золотые,
В руках поводочки шелковые.
У нас ружья были заряжены,

Мы стояли на приступе,
В неприятелей палили,
Сражались весело.
Сраженьице долго шло,
До белой до зари.
Как зоренька занялась,
Вся силушка собралась,
Стали тела разбирать,
Своих Русских узнавать.
Много силушки побили,
И конями потоптали.
Отдыхали мы день весь,
С предводителем своим здесь;
В глухую полночь
Ушел Француз с силой прочь¹.

* * *

Как французская земля
Много горя приняла
От Платова казака.
Платов казак к Французу в гости
В гости заезжал.
Он без спросу, без доклада,
Во палатушку взошел.
Платов Богу помолился на все стороны,
Челом Французу низенький поклон.
Еще Француз не узнал,
На резвы ноги вставал,
За купчика почитал,
За дубовый стол сажал,
Рюмку водки наливал,
Он Платову подносил:
Выпей, купчик, выпей, любчик,
Ты купеческий сынок!
По России я гулял,
Много Русских людей знал;
Одного я не знал, Платова казака.

---

¹ Эта песнь военная, и на какой случай она сложена, неизвестно. Но из нее, однако, видно, что это намек на одну из битв 1812 г.

Кабы кто мне указал его,
То бы казны денег много дал.
На что казну-деньги терять,
Его можно так видать.
Погляди на меня,
Я похож на Платова казака,
Ровно брат он мне родной,
Как от матери одной.
Прочь Французик отвернулся,
Платов над ним усмехнулся.
Вишь, Платов, Платов! Вот он пошел!
По край крылец взошел.
Громким голосом вскричал:
Кабы были мои верные слуги,
Подвели бы мне коня.
Я бы сел, полетел,
Сам бы песенку запел:
Уж ты, разиня ворона,
Загуменная карга!
Не сумела ворона
Ясного сокола держать.
Выезжай-ка ты, ворона,
Во чисто поле гулять,
Со мной силушки пытаться.

* * *

На печке сижу, заплатки плачу,
Своего мужа заплачиваю,
Журю, пожуриваю.
Продай, муж, кобылушку
Серую.
Купи, муж, шубеичку
Соболевою.
Я наряжусь, на улицу пойду:
Люди глядят: чья такова?
Со барского двора,
Гостина жена.
Я с улицы приду, на печку сяду.
Муж говорит: жена ты моя!

Впрягай сани в лес по дрова,
По дубовые, по здоровые.
Муж заехал в целик¹,
Наклат воз велик.
Под горку еду, посвистываю,
На горку еду, похлыстываю.
Ребятам кричу, покрикиваю:
Ребята, ребятушки! Лошадка хороша,
Воз дров привезла.
Мне не то тошно, что я воз везу;
Мне то тошно, что пес сидит,
Ребятам кричит, позорит меня.

* * *

Заводы мои, заводушки,
Фабричные вы, горемычные!
Скажи, девица: кто заводы заводил?
Заводил заводы сын купеческий Алексеюшка,
Разорила заводы, сама в лес пошла.
Сама в лес пошла, по ягоду,
В лес по черную по смородину.
Не в лесу девица заплуталася,
На рябину девица загляделася,
Ты рябинушка моя, кудрявая!
Когда ты взошла? Когда выросла?
Я весной-то взошла, летом выросла;
По зорям-то цвела,
В полдень цвет опал.

* * *

За речушкой за Волгою,
За другой речкой за переправую,
Не ковыль травка зашаталася,
Загулялся добрый молодец,
Что задушевный друг!
Я не сам зашел,
Занесла меня неволюшка,

---

¹ Целик — лес непочатый, то же самое говорится о непаханой ниве.

Чужа дальняя сторонушка,
Чужа дальняя, нужда крайняя.
У меня жизнь боярская,
Жизнь боярская, служба царская.
Служил Царю белому,
Петру Первому.
Хорошо ли вам, братцы,
Во строю стоять, по ружью держать?
Белы ручки ко ружью придержались,
Резвы ноженьки
К сырой земле пристоялися.
Мы стояли до полуночи.
Полуночная звезда высоко взошла,
Высоко взошла, за полдень зашла.

* * *

Попила-то моя буйная головушка!
Попила, погуляла.
Что за батюшкиной, да за батюшкиной
Большою головою.
Что за братцевой, да за невестиной
Легкой работою.
Как не гребень чешет
Мою буйную головушку;
Не гребень ее чешет,
Чешет пора, время,
Чешет гульба, негушка.
Как почуяла моя буйная головушка
Над собой несчастье,
Что хотят меня, добра молодца,
Поймати у прилуки, у моей сударушки;
У красной девушки, души Аннушки.
Хотят разудалому резвы ноги сковать,
Белы руки связать, во солдаты отдать.
Запрягал-то я, добрый молодец,
Пару вороных коней.
Разъезжал по улицам,
И дорогам столбовым.
Заезжал-то я ко сударушке своей.

Как поймали меня, добра молодца,
У той самой прилуки,
У красной девушки.
Белы рученьки связали,
Резвы ноженьки сковали,
Посадили меня, добра молодца,
На мирски подводы;
Повезли-то меня, разудалого,
Во город во Саратов.
Повели меня, добра молодца,
Повели в приемную,
Становили разудалого под казенну меру.
Посадили меня, доброго молодца,
На выкрашенный стулик.
Как и начали разудалому
Русы кудри брити.
Бреют мои русы кудерюшки,
Бреют, не жалеют;
Бросают мои раскудрявые
По всей по палате.
Как не сизая павлица
В палате гуляла;
Мои русые кудерюшки собирала.
Слезно плакала над ними, вздыхала,
В белый платочек их вязала.
Туго к сердцу своему она прижимала.
Это не сизая павлица, красная девица,
Прежня моя сударушка, Аннушка.

* * *

Мой миленький на песке,
Голубь над водою;
Голубушка сизая
Говорила со мною.
Во первом часу ночи
Прилетал голубчик;
Во втором часу ночи
Приезжал молодчик.
Девчоночка возрадовалась,

К окошечку бросалась.
Подъем поднимала,
Она милого принимала
За белые ручки.
Ты садись, милый, скорее,
Говори смелее.
Пили, ели, рассуждали.
Похвалялась девчоночка
Прежними друзьями.
Мой миленький рассердился,
Пошел, не простился.
Схватил с крюку черну шляпу:
Зеркала упали,
Московские хрустальные,
Надвое раскололись.
Пошел стук, пошел гром
По всей моей спальне.
Услыхала моя мати
Во каменной палате.
Посылает, наряжает
Верную служанку,
Пашку грубиянку.
Что матушка, что барышня,
Над вами случилось?
Черна кошечка блудлива
На шкафчик вскочила,
Зеркала разбила.

* * *

Долго ли в свете одинокой
Мне, скитавшись,
Слезы лить?
Долго ли я тебя, жестокий,
Тщетно буду любить?
Пусть меня свет осуждает,
Что тобою я страстна,
Но любовь-то прямо знает.
А ты жалеть будешь обо мене.
Я вечер в слезах уснула,

Тебя видела во сне;
Я проснулась, вздрогнула,
Закипела кровь во мне.
Ты любя ко мне ласкался,
Нежно к сердцу прижимал;
Сон счастливый миновался,
И с мечтою он пропал.
Сделай ты меня счастливой
В жизни, хоть в последний раз.

* * *

Трусит, трусит лихорадка
Любезного моего.
Уж ты, бабка, ты отгадай-ка,
Ты узнаешь отчего.
Говорили, – простудился
На гулянье в вечеру.
В понедельник он влюбился,
А во вторник пострадал;
В среду прослезился,
В четверг Машеньке сказал:
Что ты, Маша, не веселишься,
Призадумавши сидишь?
Редко уж резвишься
И на посиделки не спешишь.
Но что это за садик,
За зелененький такой?
А что это за милый,
За любитель дорогой?
Пустил он славушку худую,
По всем улицам позор,
Нельзя Маше по улице погулять,
В хороводе поиграть:
Все ее ругают и бранят.

* * *

Простясь с балами, с пирами,
В шумной жизни городской;

Мне наскучило жить с князьями,
Я поеду в угол свой!
Хоть и маленький мой домик,
Не красив, – да как же быть?
С тобой, милый мой дружок,
Без забот можно прожить.
В доме нет больших затей,
Пышностей не сыщешь в нем;
Нет швейцаров и лакеев,
Просто все в углу моем.
Бронза в креслах не сияет,
Из казимиру нет гардин.
Солнце в люстрах не играет,
Для зимы лишь есть камин;
Серебро, сталь не дивит,
Ананасов нет в десерте;
И Француз столом не правит,
Но Руссак сварит обед.
Сотня душ в моем поместье,
И прекрасно будем жить.
Три приятеля в соседстве, –
Время есть с кем разделить.

* * *

Уланы, уланы!
У вас лошади буланы.
Где бы были, побывали?
В Москве городе стояли,
Камень мостик проезжали,
Ко вдовушке заезжали:
Просилися ночевати, постояти.
А вдовушка выходила,
Ночевать их не пускала,
Таки речи говорила:
У меня дворик маленек,
И горенка невеличка.
Силой воры во двор ворвались,
Во горенку вобралися;

Садился все порядком,
Все по лавкам.
Сам хозяин под окошком,
А вдовушка стала у печи;
Поджав свои белые ручки
Ко ретивому сердечку.
Как возговорит хозяин:
Ты вдова ль, моя вдовина,
Вдова ль горька сиротина!
Ты давно ль, вдова, вдовеешь?

Вдовушка отвечала:
Живучи во горе, – забыла,
Много слез в горе ронила.

Ты вдова ль, моя вдовина,
Вдова горька сиротинушка!
Как много ль у тебя,
Вдова, деток?

У меня деток троечка:
Два сыночка, третья дочка.

Ты вдова ль моя, вдовина,
Подойди, вдова, поближе,
Поклонись мне пониже;
Ты сними с меня черную шляпу,
А во шляпонецке платочек,
Во платочке узелочек,
В узелочке перстенечек,
Которым мы обручались,
Как с тобой венчались.

Тут вдовушка возрадовалась,
На шеюшку бросалась,
В уста его целовала,
К ретиву сердцу прижимала.
В новы сени выходила,
Малых детушек будила:
Встаньте, детушки, проснитесь!
Встаньте, малы, пробудитесь!
Как приехал мой друг милый,

А ваш батюшка родимый:
Он приехал не год годовати,
И не ноченьку ночевати,
Один только часик часовати.

* * *

Ты стой, моя соснушка, ты стой, не шатайся!
Живи, моя сударушка, ни в чем не печалься!
Когда грусть, тоска найдет, поди разгуляйся;
Когда грустней того будет, пиши ко мне письма.

С кем же письма мне к тебе писати?
С кем же письма к тебе послати?

Ты пиши их, пиши с добрыми людьми,
Ты пошли их с добрыми шабрами,
С добрыми людьми, с ближними шабрами.

Где же будет мне тебя сыскати?
Сыщи меня во городе Казане,
На съезжем базаре.

* * *

Уж вы ветры мои, ветерочки,
У вас тоненькие голосочки!
Вы не дуйте-ка во лесочке,
Не шатайте вы в бору сосну,
И так сосенке стоять тошно,
Стоять ей тошно от кручинушки!

Стоит сосна на песочке,
Как на крутеньком бережочке;
Не водою сосенку подмывает,
Горностаю к сосенке подбегает,
Злы коренья подъедает.
С вершинушки сосны сучки гнутся,
К этой сосенке пчелы вьются;
Они вьются, не привьются;
Сучки гнутся, не пригнутся –
У молодца кудри вьются,
На молодце печаль, горе, –
Отдают моего дружка во солдаты.

* * *

Над реченькой быстрою
Два вьюнушка вьются.
Вилися, вилися,
Да врозь разлетелися.
Садилися при лугах в долине,
Промеж себя речи говорили:
Тошно, тошно, кто кого любит,
Тошной того, кто с кем расстается.
Расставался милый со милою,
С красной девицей душою.
Миленький по улице ходит,
Душу Анночку за рученьку водит.
Молодая жена в окошечко смотрит,
Со слезами она Бога просит:
Создай, Боже, с небес тучу грозну,
Убей, убей постылого мужа,
Помилуй Бог милого друга.

* * *

Что это в поле за травонька?
Что во чистом за муравонька?
Она день растет, ночь шатается,
Во чистом поле расстилается.
Что это есть за цветики,
Цветики лазоревые?
Они днем растут, ночью цвет упадет.
Что это есть за милый друг?
Милый, задушевный друг!
Ни день, ни ночь с ума нейдет.
Вечеру поздно я молодешенька
Спать во тереме ложилася.
Не хорош мне ночью сон привиделся:
Будто терем растворен стоит,
И окошечки раскрытые;
Будто мой милый в головах стоит:
Он целует мои руки белые,
Руки белые, руки нежные,
Прижимает меня к ретиву сердцу.

Ото сна я девушка пробудилася,
Пробудившись, испугалася;
Вдруг мой милый слово вымолвил:
Не пугайся, моя милая,
Я не вор к тебе пришел,
Я не вор и не разбойник;
Я пришел к тебе спроситися,
Спроситися, твоей милости доложитися:
Я хочу, мой друг, женитися.
Ты женись, женись, неверный!
Не сердись ты на меня, моя милая,
Я любить тебя буду боле прежнего.
Я твоему венцу не разлучница,
Я твоим гостям не разгонщица,
Я твоей жене не постельница.
Не светить месяцу по-зимнему,
Не греть солнышку по-летнему,
Не любить дружка по-прежнему.

* * *

Сторона ль моя сторонушка,
Сторона ль моя незнамая,
Незнамая, незнакомая.
На сторонушке квартирушка,
На квартирушке зазнобушка,
Зазнобушка красна девушка,
Белолицая, круглолицая,
Чернобровая, черноглазая!
Уж не ты ль меня высушила?
Без мороза сердце вызнобила.
Высоко звезда восходила,
Выше леса, выше темного,
Выше садика зеленого.
Пролежала тут дороженька,
Шириной она не широкая,
А длиною – конца-краю ей нет!
На дорожке нова улица,
Нова улица московская,
Что московская, посадская,

Как построена тут тюрьма темная,
В ней дубовая дверь, тяжелая,
Запертая замком крепким,
Замком крепким, немецким.
Во тюрьме сидит невольничек,
Невольничек добрый молодец,
Молодец, донской казак
Чернышев, Захар Григорьевич.
В железах ноги скованы,
В кандалах руки заклепаны,
Сидит молодец задумавшись,
Задумавшись, пригорюнившись.
О своей тужит сторонушке,
О своей стороне – молодой жене.

* * *

Калину с малиной
Вода поняла;
На ту пору матушка
Меня родила.
Не собравшись с разумом,
Замуж отдала;
На чужую сторонушку,
За неровнюшку,
Во лиху семью.
Чужая сторонушка
Без ветру сушит;
Чужой отец с матерью
Без дела бранит.
Посылают меня молодую
В полночь по воду;
Зябнут, зябнут ноженьки
У ключа стоя,
Прищипало рученьки
К коромыслицу.
Текут, текут слезоньки
По белу лицу;
Утираю слезоньки
Белым платком;

Утираю горькие
Тонким рукавом.
Не буду я к матушке
Ровно три года,
На четвертый, горькая,
Пташечкой полечу.
Сяду я у матушки
В зеленом саду,
На любую яблоньку
На матушкину.
Закукукую в садике
Горькою кукушечкой;
Горючими слезами
Потоплю весь садик я;
Рыданьем матушку
Разбужу ото сна.
Ото сна моя матушка
Пробуждалась,
По сеничкам матушка
Похаживала,
Невестушку ласточку
Побуживала:
Ты встань-ка, невестушка,
Ото сна пробудись,
Посмотри-ка, голубушка,
Что у нас во садике,
За пташка поет,
Мне назолушку дает?
Не моя ли горемычная
Прилетела с чужой стороны?
С чужой стороны,
Из лихой семьи.

* * *

По несчастью случилось,
Я в изменника влюбилась.
Мне понравился мой милый друг,
Милей света, милей белого,
Милей отца, милей матери

И дороже всего племени.
Хорошо тому на свете жить,
У кого нету в глазах стыда,
У кого нету в глазах стыда,
У кого нету заботушки,
Заботушки красной девушки.
У меня ли, молодешеньки,
Есть не малая заботушка.
Я сама дружка повысушу,
Я повысушу, повыкрушу.
Не доставайся, мой милый друг,
Моим сестрам разлучницам.
Доставайся мой милый друг
Одной матери – сырой земле.

* * *

Расцветай-ка, расцветай-ка
В саду розовый цветок;
Побывай-ка, побывай-ка
Ко мне милый на часок.
Посидим-ка, дружок милый,
Мы последний с тобой вечерок;
Поговорим-ка, поговорим-ка
Мы про прежнюю любовь.
При тебе ли, моя радость,
Мучусь злой тоской?
Я пойду ли, я пойду ли
Во зелененький садок;
Я сорву ли, я сорву ли
С розы розовый цветок.
Я совью ли, я совью ли
Дружку милому веночек.
Я пойду ли, я пойду ли
На Дунай быстру реку,
Уж я кину ли, я брошу
Свой веночек на воду.
Мой веночек не тонет,
Не тонет и не плышет.

Так мой миленький дружок,
Он не думает, нейдет.

* * *

Под яблонькой садовой,
Под кудрявой зеленой
Сидел молодец такой,
Неженатый, холостой.
Держит гусли под полой,
Звончатые под правой.
Вы играйте, гусли, мои мысли,
Я вам песенку спою,
Про женитьбу про свою.
Как женила молодца
Чужа дальняя сторона,
Чужа дальняя сторонка,
Макарьевская ярмонка.

    Как на Волге на реке
У Макарья на ярмонке,
Близ гостиного двора
У Сафронова купца
Солучилась беда, –
Не маленькая.
Вот не сто рублей пропало,
И не тысяча;
Как пропала у него
Дочка милая его.
Как искали ту пропажу:
По баракам, по ярам,
По трактирам, кабакам,
По макарьевским пескам.
Вот нашли ту пропажу
У Машкова на дворе,
Во высоком чердаке.
Ее буйная головка
Разпроломаная;
Ее русая коса
Вся растрепанная.
Черпахова гребеночка

Расколонная.
Ее цветное платьице
Изорванное.
Сантантюровый салопчик
На гвоздике висит;
Золотая цепочка
На столике лежит.
Вот не сам ли вор разбойник
Под окошечком сидит,
Табаку трубку курит?
Не за мной ли идут-едут?
Не меня ли в гости звать?
Как и звали молодца,
Позывали удальца
Со высокого крыльца;
Как схватили молодца
За белы руки его:
Его ноженьки сковали,
Белы рученьки связали,
И во саночки сажали.
Повезли же молодца
Во Саратов городок,
Во желтый каменный домок.
Все мальчишечка сидит,
Таки речи говорит:
Вот никто ко мне нейдет,
И ни брат, ни сестра,
Ни товарищи мои!

* * *

Что ты, Маша, приуныла,
Воздохнула тяжело!
Что воздохнула, вспомянула
Любезного своего.
Я жила с тобой полгода,
А с батюшкой двадцать лет;
Не видала такого мученья,
Как с тобою, милый мой.
Взвейся, сизенький голубчик,

Взвейся, выше полетай.
Уж ты сядь-ка,
Сизенький голубчик,
На мое право плечо.
Погляди-ка, сизенький голубчик,
На мое белое лицо:
Мое личико румяно,
Завсегда оно горит;
Мой-то миленький ревнивый,
Завсегда меня бранит.
Не брани-ка ты меня,
Ты не лучше, друг, меня.
Ты не лучше и не краше,
И личиком не белей,
И бровями не черней.

* * *

Веселитесь, девчоночки!
К нам весна скоро придет,
Весна красна, лето тепло.
Взойдет солнце над горой,
Сгонит снега и морозы,
И травонька отрастет,
И все ракизовы кусты.
Как промеж ли двух кустов
Волга реченька прошла;
Как над этой быстрой реченькой
Куст малинушки растет;
Как на этой на малине
Соловей громко поет.
Ты не пой-ка, соловей,
Поутру рано весной,
Возьми горечко с собой,
Да не слыхал бы я про него!
На воде горе не тонет,
И огнем горе не жжет,
Молодца горе берет,
Девка в гости не зовет!

Я бы рада позывала,
Дома маменька родна
Во постелюшку слегла.

* * *

Как на горке, на горе,
Стоит новенький терем.
Тут жила, была вдова,
Двоих сынов родила,
Китаичкой повила,
На тихий Дон отнесла.
Уж ты, тихонький Дон,
Уж ты, желтенький песок,
Воспой, воскромни деток
До пятнадцати леток.

Через двадцать пять годов
Пошла вдова по воду.
Плывет корабль по морю:
Один сидит на носу,
А другой-то на корме.
Вот который на носу,
За того дочку отдам;
А который на корме,
За того сама замуж пойду.
Как у нас-то на Дону
Не водится потому:
Мать за сына нейдет,
А брат сестру не берет.

* * *

Ходит молодец по Астрахани,
Погуливает;
В синем бархатном халате
Нараспашечку похаживает.
Во левой-то руке молодец
Кушак шелковый несет;
Во правой-то руке у молодца
Трость серебряная.

В тросточке ленточка,
Разноцветная.
Ходит молодец по городу,
Не кланяется ни с кем:
Ни с господами, ни с казаками,
И челом не бьет.
К прежнему бывшему енералу
И под суд нейдет!
Увидал же губернатор
Из косящегого окна:
Вы подите, слуги, приведите
Удалого молодца;
Вы не бейте его, не журите,
Его так скоро ведите.
Вот пошли же слуги, привели
Удалого молодца.
Поставили молодчика
Пред губернаторским лицом.
Вот и стал же губернатор
Крепко выспрашивати:
Ты скажи, скажи, молодчик!
Чьего ты рода-племя,
Или царского колена?
Иль купеческий сынок?
Иль с Оки реки молодчик?
Иль с тихого Дона казак?
Я не царский и не боярский,
Не купеческий, сударь, сынок;
Не с Оки реки молодчик,
Не с тиха Дона казак.
Не изволите ли знать Стеньку Разина?
Я его, сударь, сынок,
А меня зовут Семенушкою.
Вы подите, слуги, отведите
Его в каменну тюрьму.
Вот пошли же слуги, повели
Удалого молодца;
Посадили молодца
Во белу каменну тюрьму.

Как возговорит молодчик,
Удалым молодцам:
Вашу каменну я тюрьму
По камешку разберу.
Если батюшка услышит,
Во полон город возьмет;
Много бед он учинит,
И в разор вас разорит.

* * *

Вечор поздно из лесочку,
Я коров домой гнала;
Вниз спусться к ручеечку,
Близ зеленого лужка,
Вижу – барин едет с поля,
Две собачки впереди.
Две собачки впереди,
Да два лакея позади.
Лишь поровнялся со мною,
Бросил взор на меня.
Здравствуй, милая красотка!
Из которого села?
Вашей милости крестьянка,
Отвечала ему я.
Не тебя ли, моя радость,
Егор за сына просил?
Его сын тебя не стоит,
Не к тому ты рождена;
Хоть родилась ты крестьянкой,
Можешь быть и госпожой.
Ты завтра же узнаешь,
Какова судьба твоя.
Хоть сего дня ты крестьянка,
Завтра ж будешь госпожа;
И во всем этом наряде
Будешь вдвое хороша.
Благодарю, добрый барин,
За таки твои слова;

Хоть дворянкой быть и лестно,
А Петруши очень жаль¹.

* * *

Прошло лето, прошла осень,
Прошла красная весна;
Наступает злое время,
Мать холодная зима.
Все реченьки запленила,
Ручеечки не текут.
В поле травонька завяла,
И цветочки не цветут.
В саду листики спали,
Мелки пташки не поют,
Нам разлуку подают.
Чуют с миленьким разлуку,
Разлучить с дружкой хотят.
Ты разлука, злая мука!
Не дала с дружкой пожить.

---

¹ Эта песнь так напечатана:

Вечер поздно из лесочка,
Я коров домой гнала:
Лишь спустилась к ручеечку,
Оглянулась назад:
Вижу, барин едет,
Две собачки перед ним;
Лишь со мною поравнялся,
Бросил взоры на меня.
Ты откудова красотка,
Чьей деревни и села?
Вашей милости крестьянка,
Отвечала я ему.
Не тебя ли, моя радость,
Дмитрий за сына просил?
Его сын тебя не стоит,
И не с тем ты рождена.
Завтра милая узнаешь,
Какова судьба твоя.
Ты родилась крестьянкой,
Завтра будешь госпожой.

Нов. всеобщ. и полн. песен., ч. 1, № 282, Спб., 1819.

Ты заставила, разлука,
Век во девушках сидеть.
Как бы знала про несчастье,
Могла бы грусть истребить,
И милого не любить.
Вспомни, вспомни, мой размилый,
Как ты в первый раз пришел.
Ты клялся, подлец, божился
Одною меня любить.

* * *

Лишь солнце закатилось
И садилось за горой;
Все поле закропило
Вечерней росой.
Под деревцем ветвистым
Близ хижинки одной,
Задумчиво сидела
Солдатская жена.
Всечасно милого ожидала
Из дальней стороны.
Не пыль в поле пылила,
Два храбрые гвардейца
Лишь саблями гремят!
Крестами и орденами,
Все груди убраны.
Подъезжают к хижине,
Просились ночевать:
Пусти нас, солдатка старая!
Она же отвечала:
Я рада бы вас пустила,
Мне нечем покормить;
Я печку не топила
И каши не варила.
Один в годах во зрелых;
Другой как белый лунь.
Не признаешь ли, солдатка,
Из нас кого-нибудь?
Мне некого признати:

У меня муж на службе,
И сын в полку.
Не стерпел сын
При матерних слезах
И припал к коленам ее!

* * *

На горе-то дождичек,
В долинах туман;
На меня на девочку
Напала тоска и печаль.
Уехал мой миленький
Из дому на час.
На час часочек,
На единый денечек.
А я за ним девочка,
Следиком бегу,
Следиком бегу,
Голосом кричу:
Воротися, душенька!
Воротись назад!
Если не воротися,
Воспокаешься.
Сострогаю я девочка,
Нов, высок терем,
С высоким крыльцом,
С красным окном.
Сяду я на лавочку,
За крашенный стол.
Погляжу в окошечко.
Вдоль по улице
Молоды казаченьки
С походу идут;
Моего любезного
В повозке везут.
Его ворона коня
В поводах ведут;
Золото седелечко
Во руках несут.

* * *

Как по питерской было дорожке,
Тут ехали двое сенаторы,
Сенаторы, большое начальство.
Как под ними кони вороные,
Кучера-то у них молодые,
Колясочки у них золотые.
Как под ними кони притомились,
Среди пути становились,
Среди пути в лугах, при долине.
При долинушке тут ива стояла,
По названию матушка Елена.
Со кореньица она свилевата,
Со вершинушки она кудревата.
На вершинушке сидела кукушка,
Жалобнехонько она кукукала,
Жалобней того она причитала:
Подо мной лежит убитый молодчик,
Не убит он, не зарезанный,
Копьем острым,
Молодец приколанный.
Как возговорит удалой молодчик:
Сбереги меня, матушка Елена,
Чтобы от солнышка тело не горело,
Чтобы дождичком тело не мочило.
Не сбережешь меня, сожгу тебя огнями;
Сбережешь меня, украшу тебя цветами.

* * *

Вспомни, вспомни, миленький,
Прежнюю любовь!
Как мы с тобой, миленький,
Посиживали,
Забавные речи говаривали:
Тебе, мой друг, не жениться,
А мне замуж не идти.
Женись, женись, миленький,
А я замуж пойду,
Переменил священну клятву,

Переменил ты навсегда.
Ты поедешь, мой друг, в церковь,
И я, мой друг, за тобой.
Как наденут на нас венцы
В одно времечко с тобой.

* * *

Чернобровый, черноглазый,
Мальчишка удалой!
Вложил мысли в мое сердце,
Не могу забыть!
С письмом пошлю лакея,
Велю воротиться.
Воротиться не годится,
Авось умилится.
Шел мальчишечка лужочком,
Не нашел следочку;
Злы собаки набежали,
А он отшатнулся.
Услыхала его разлюбезная,
Лежа на кровати;
Не стерпя своим сердечком,
Вышла на крылечко.
Она вышла на крылечко,
И промолвила словечко:
Ах ты, милый мой!
И прижала его к своей груди.

* * *

Несчастный я мальчишечка,
Какое горе терплю!
Терплю, терплю горечку,
Сам не знаю для кого.
Знаю, понимаю,
Кого я верно люблю.
Любовь меня разлучает
С милым дружкой далеко,
Далеко, далеченько.

Между гор высоко,
Между гор высокиих,
Там девчоночка живет.
Со той со сторонушки
Приятен воздух несет.
Не сходить ли мне к девчоночке?
Не наведать ли мне ее?
Девочка, девчоночка!
Скажи: любишь ли ты меня?
Если любишь, ты скажи;
А не любишь, откажи.
Если любишь ты меня,
Возьму замуж за себя;
Если ты не любишь меня,
Убью мальчик сам себя.
Убьюсь мальчик, застрелюсь,
И покроюся навек темнотой.
Пускай люди говорят,
Что я мальчик верен был, –
Одною в свете любил.

XVII. СВАДЬБА В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

ГЛАВНЫЕ ЛИЦА В ЗАСВАТАНИИ

Парень, согласившийся с выбором своего отца, избирает для своего засватания: *отца посаженого, свата, дружка и подженишника*. Отцом посаженным бывает всегда крестный отец; сватом – старший в семействе или деревне; дружком – расторопнейший из молодых людей, а подженишником – кто-либо из друзей. Но еще есть довольно замечательное или, лучше сказать, важное лицо – это запевало, который поет молодым, сидя на столбе¹. Со времени засватания жених назы-

¹ Столбом называется прилегающее к печи дерево, которое поддерживает брус полатей и полицу.

вается молодым князем, невеста – молодой княгиней. Дружка носит полотенце через правое плечо, а подженишник – через правую руку одну красную ленту.

ЗАПЕВАЛЬНЫЙ ОБРЯД

При отправлении жениха в дом невесты является в избу запевало; все умолкают. Жених, бывший доселе в числе шумных гостей, садится тогда скромно за стол на куте; по правую руку жениха садится подженишник, а по левую руку – сваты: сват, отец посаженный и все поезжаные. Запевало кладет пред иконами земной поклон, произнося: «Николай пророк, Илья мученик и Пилип золотозубый и все святые святители, молодого князя блюстители, благословите на столбе сесть, песню спеть, молодого князя свенчать»¹. Потом обращается по очереди к родному отцу жениха и посаженному, свату, дружке и всему поезду² и говорит: «Отец родитель! Отец благословитель! Сваток, сокол! Швыдка³ летал, ты молодому князю княгиню сыскал. Дружек молодчик, люди добрые, гостики заезжие!» – и после каждого вызова повторяет: «Благословите на столб сесть, благословите раду спеть»⁴. Ему отвечают: «Бог благословит, и мы благословляем». – «А Пречистая давно благословила, – прибавляет от себя запевало, – как народила, так и благословила, и долю показала». Обращаясь к посетителям, не участвующим в поезде, запевало говорит: «Мужички-колосовички, молодницы-белоголовицы и девушки-красноперушки, благословите на столб сесть, благословите раду спеть». Ему отвечают прежним благословением. Он кланяется святым иконам, но уже без всякого причитания; садится на столб и поет:

Около двора, около Агафоныча,
Пролегал там три ступеньки,

---

¹ Это причитание употребляют запевалы Доробужского уезда.

² Поезд – все лица, званные на свадьбу.

³ Быстро.

⁴ Так называется песнь, которую он запоет.

Что ли торные дороженьки,
Как по первой ли по стеженьке,
По той ли торной дороженьке,
Там шел сам Иисус Христос,
Со всеми со Апостолами.
По второй ли по стеженьке,
По той ли торной дороженьке
Там шла Мать Пречистая.
Как по третьей ли по стеженьке,
По той ли торной дороженьке,
Там шел сам Козьма Демьян,
На свадьбу на Агафоныча.
Ты святой ли ты Козьма Демьян,
Да Козьма ли ты Демьянович!
Да ты скуй ли-ка нам свадебку,
Вековечную, не разрывную.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

По окончании песни подают запевале бутылку вина и пирог, и в это время обводят жениха с его поездом три раза вокруг стола; после усаживают его в прежнем порядке. Запевало, не сходя с своего места, посылает каждому гостю по порядку, начиная с жениха, рюмку вина и кусок пирога¹. Выпивши и съевши свою долю, все встают. Отцы: родной и посаженный, и мать – наставляют и благословляют жениха; он кланяется им в ноги, сватья поют:

Не вороной конь копытом землю роет,
Наш молодой князь благословенья просит.
У батюшки родителя, у батюшки благословителя,
У матушки родительки, у матушки благословительницы².

---

¹ Запевало не разрезывает, а разламывает пирог.

² Это повторяется для каждого из свадебных чинов, с прибавлением их звания.

После благословения укладывают в ящик гостинцы, состоящие из пряников, орехов, вина, мыла¹, материи и прочих вещей, а жених отправляется с поездом в дом невесты, где также пируют. Поезд останавливается на дворе. Дружка идет к окну и просит позволения войти обогреться. «Негде, – отвечают ему, – у нас пирушка». Дружка возвращается к своим и чрез несколько минут идет снова под окно: тот же отказ. Во все это время с той и другой стороны поют сватьи укорительные песни. Дружка подходит в третий раз, но уже не к окну, а к дверям. Здесь истощает он весь запас своего красноречия, убеждая непреклонных хозяев впустить его обогреться в избе, и наконец он достигает своей цели: к нему выходит невеста, сопровождаемая сватом и поездом; на встречу им подвигается поезд жениха, предводимый также сватом, и в сенях сводят жениха с невестою, и это делается так: сват жениха, подвигаясь с ним вперед на один шаг, говорит свату невесты: «Я к тебе раз». – Сват невесты, делая с невестою то же, отвечает: «И я к тебе раз». Это производится до трех раз; за третьим сходятся сваты, делают *сливки*², которые пьют сами и потчуют поезжаных; недопитое ими выливают через свою голову; потом складывают руку жениха с рукою невесты, вводят их в избу, где уже накрыт стол, около которого обводят их три раза и потом сажают на куте. Поезжаные обеих сторон мстятся возле них в том порядке, какой был у жениха. При усаживании за стол молодых и поезжаных запевало поет на столбе:

Божия родинька
Прилетала;
Как мое дитяtko
За стол село;

---

¹ Мыло означает благодарность за материнскую заботливость об ее дочери.

² Сватам подают чашку: сват жениха берет ее за край правой рукою, а сват невесты левой; в другую руку берут по одной рюмке; дружка наливает им вино, а они сливают его поочередно в чашку, пока не наполнят ее; это слитое в чашку называется сливками, коими потчуют себя и поезжаных, а остаток выливают.

Как мое серденько
Радовалось.
Когда мое чаданько
Нарождалось.

Потом поют сваты:

Как пошел виноград
По за столийку,
Стелючи скатерти,
Да белевые.
Ронючи слезоньки,
Да горячие.

За этим дружка просит благословения разрезать хлеб, пирог и говядину. Получив согласие, он тотчас выполняет. Потом он просит благословения подносить водку, но, прежде чем успеют дать согласие, он кричит: пить хочу! Поезжаные невесты подают ему поочередно: кто воду, кто квас, кто горилку. Дружка, прикушывая у каждого, говорит, сморщившись: горько, прокисло, протухло, – и выливает через голову. Доходит очередь до невесты: ей подают ковш пива, смешанного с золою, иногда с табаком. Она передает ковш дружке, тот пьет и похваливает: «Вот пиво так пиво! Вот сласть так сласть! Тотчас видно, что варила молодая княгиня». У него текут слезы из глаз, а надобно прихлебывать и похваливать, – и должен опорожнить до дна. Он, едва успев выпить, уже не дожидается благословения, боясь, чтобы не поднесли ему другой ковш, – хватается рюмку, наливает вина и подает пить сначала молодым, а потом всему поезду; после этого начинают ужинать. Молодые ничего не едят за столом: они ужинают одни. Потом весь поезд переходит в другое жилье, в коем играют музыканты и где каждый веселится по-своему, не выходя из повиновения дружки, который со времени ужина делается главным распорядителем в доме. Таким образом веселятся до поздней ночи.

ОБДАРИВАНИЕ

Затем поддевки, подруги невесты, называемые еще подневестницами, накрывают снова стол, ставят на него каравай¹ и отправляются за невестою: они ведут ее под руки и сажают на куте; сами же помещаются по обеим ее сторонам и поют:

Ты куда, голубонька,
Куда, сизокрылая?
Зачем отлетаешь?
На кого подруженек,
Твоих сиротинушек,
Кому покидаешь?

Или:

Заели Танюшку, заели,
Да куда же наши глазоньки
Глядели?

После этого начинают дарить невесту. Дружка берет тарелку, ставит на нее рюмку вина и вызывает: сперва отца и мать невесты, потом по имени всех подневестниц и родных, прося их выпить чару, а молодую княгиню подарить. Женщины дарят большею частью холстом, мужчины – деньгами; наконец, дружка подносит вино жениху, просит его выпить чарочку, а будущую госпожу подарить. Он прикушивает и дарит невесте платок, а она отдаривает его кушаком. Жених и поезд стоят при отдаривании посреди комнаты. Отдарив невесту, дружка от имени жениха, сватов и своего дарит невестину мать куском мыла, подневестниц пряниками и орехами, а сватья невесты поют укоризненную песнь, но тогда лишь, когда подарки не понравятся подневестницам:

---

¹ Караваем называется хлеб, утыканный ветвями, которые перевиваются раскатанным тестом и решетчатыми украшениями, тоже из теста; все это бывает покрыто золоченой мишурой.

Говорили, что сваты
                                Богаты,
Черта ж в них!
По сметьицу ходили,
Набросачки¹ сбирали,
Тем девушек дарили.
Черта ж в них!

Подневестницы, получив подарки, выходят из-за стола; их место занимает жених и его поезд; сватья же со стороны жениха поют в отмщение сватьям невесты:

Потянулись девочки
                                Из застолья!
Словно сучечки
                                Из подполья.
Потянулись девочки,
                                Потянулись!

Накануне свадьбы собираются девушки к своей подруженьке-невесте. Они проводят с нею время в пении и утешают ее. Вечером собираются сюда гости, в числе коих находятся сватья и дружки с обеих сторон. Для всех их готовится прощальный ужин; до прибытия их поют подруги:

Ах! жарко в тереме свечи горят,
Горят свечи воску ярого. (2)
Ах! жалко плачет Надеждушка,
Унимает ее родной батюшка,
Уговаривает родна матушка. (2)
Ты не плачь, не плачь, мое дитятко!
Уж я тебя не в полон даю,
Не в полон даю, не полонить хочю. (2)
А ведь я тебя да дружку даю,
Дружку умному, да разумному,
Да и белому и румяному. (2)

---

¹ Негодные к употреблению вещи.

Ведь я тебя не одну пушу,
Не одну пушу – поезжан пошлю,
Поезжан пошлю, сваху снаряжу. (2)
Государыня моя матушка!
Я сама знаю, про то ведаю. (2)
По гостям гости все разъедутся,
По домам сватьи все разойдутся. (2)
Ведь только я младшенька лишь остануся
На чужой дальней стороншке. (2)
У чужого ли отца, у матери,
У чужого ли роду племени. (2)

Через речку черемха лежала, да лежала,
Никто по черемхе не ходит, да не ходит;
Один Иван переходит, переходит,
Свет Мельянович переходит, переходит,
Душу Машеньку переводит, переводит,
Радость Сергеевну переводит, переводит.
Переведши ее поцелует, поцелует,
Через низанное ожерелье, ожерелье,
Через пуговицы золотые, золотые.

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за гор ли, гор высоких,
Летит стадо лебединое,
А другое-то гусиное.
Отставала лебедушка
Что от стада лебединоного;
Приставала лебедушка
Как к стаду ко серым гусям.
Учали ее гуси щипати,
А лебедушка кликати:
Не щиплите вы, гуси серые!
Не сама я к вам залетела,
Занесло меня непогодою,
Что великою невзгодою.

Отставала ли Машенька,
Отставала ли Сергеевна

Что от красных от девушек.
Приставала ли Машенька,
Приставала ли Сергеевна
К молодым ко молодушкам.
Учали ее люди журити,
А Машенька плакати:
Не журите, люди добрые,
Не сама я к вам заехала,
Не своюю я охотою:
Завезли меня добры кони,
Что добры кони Ивановы,
Как Ивановы да Мельяновича.

После ужина поют разгульные сватьи, прихлопывая в ладони.

Как у нашего свата
Да середь избы яма,
Да середь избы яма!
Напилася пьяна,
Напилася сватья пьяна!
Как у нашего свата,
Как у нашего свата,
Да середь избы лужа,
Напилася сватья дуже.

Сватьи бранят дружку за то, что им не дают водки.

Говорили, что дружка наш хорош,
Говорили,
Говорили!
Говорили, что дружка наш хорош,
Черта ж в нем!
Черта ж в нем!
Черта в нем! овсяное видиные, ячный нос.
Черта ж в нем!
Черта ж в нем!
Овсяное видиные, ячный нос.

Этой песнею они преследуют дружка и до того надоедают ему, что он, желая избавиться от них, подносит по чарке водки. Но сватъи с прежней безотвязностью начинают новую песнь:

Беленький, румяненкоый наш дружка,
Беленький, румяненкоый,
Беленький!
Беленький! Его очиньки соколиные,
Беленький!
Беленький, румяненкоый наш дружка!
Беленький! Его бровоньки соболиные,
Беленький!
Беленький, румяненкоый наш дружка!

Некоторые из сватъей обнимают дружка и селятся поцеловать его. Он, чтобы отвязаться от них, снова подносит им водки. Разгулявшиися сватъи подносят чарочку ко рту с радостным припевом:

А ты чарочка каток,
В один тоненький глоток,
Лейся прямо в роток!
Чарочка моя, серебряная!

Их примеру следуют гости. Веселье продолжается до-толе, пока невеста не скроется с своими подругами. Дружка провозглашает тогда: «Завтра, почтенные господа, просим на свадьбу».

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

При отправлении молодых к венцу благословляют их. Оба молодые кланяются по три раза в ноги родителям своим, и посаженным, и близким родным, которые держат по очереди хлеб и святые иконы. Молодые прикладываются к образам и целуют. Во время поклонов дружка поднимает жениха, старшая подневестница невесту, а сватъи обеих сторон поют:

Не вороньи коники,
Копытом землю роют;
Молодые князики
Благословенья просят!

И смотря по тому, кому кланяются молодые, прибавляют:

То у бабушки,
То у матушки,
То у родненьких,
То у кровненьких.

По совершении благословения дружка приготавливает подарки священнику: черного петуха, штоф вина и ржаной хлеб; потом весь поезд садится в сани или телеги, смотря по времени года, и запевают:

Полетел сокол,
Полетел!
Только крылышком
Засвистел!

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОБРЯД

По возвращении молодых из-под венца их встречает свекровь в шубе, вывернутой шерстью вверх, и с чашею, в которую насыпан овес, перемешанный с хмелем: этим она обсыпает новобрачных. Дружка гоняется в это время за свекровью с плетью в руках, приговаривая: зачем ты мне засорила молодых? После подают новобрачным пива: они пьют одну половину, а другую выливают через голову; им следуют и все гости, стараясь выливать в ту сторону, где более народа.

Свекровь вводит молодых в избу, где, посидев немного, выводят их с музыкою и песнями и отводят в клеть¹, в коей уже приготовлена постель для новобрачных. Гости, проводив

---

¹ Клеть здесь то же самое, что амбар, в который ссыпают хлеб.

молодых до дверей, возвращаются в избу и садятся за *обед незванный* – так называется этот обед. Дружка запирает за молодыми дверь и сечет плетью по клету¹.

Когда встанут новобрачные, тогда подают гостям *званный обед*; после обеда дарят новобрачных. Здесь дружка, вызывая по имени каждого, просит подарить молодых: *конем, ти волом, ти чистым серебром. Кто будет дарить, тот будет сорок коров доить, а кто не будет дарить, тому одну козу да и то передоюку*². Когда дружка обойдет всех гостей, тогда молодые, сопровождаемые сватями и музыкантами, отправляются с своими посещениями к родным и знакомым и разносят всем им каравай. В каждом доме поют сватьи песни и пляшут, а молодых дарят – этим оканчивается первый день свадьбы.

На другой день гонят молодую по воду. С рассветом дня поезжаные поднимают новобрачных с постели и посылают молодую с ведрами по воду. Когда она донесет воду до половины дороги, тогда поезжаные выливают ее и продолжают выливать до тех пор, пока муж не откупит свою молодую. Он подносит каждому по рюмке вина. Молодую уже не трогают более: она приносит воду и ставит в избе; потом она начинает печь *блины званые*³. За каждый званный блин кладут деньги. В заключение подают дружке блин, замешанный на овсе; половину он съедает, а от другой откупается. Молодой не ест блинов; ему теща подает яичницу, которую он ест, изрезывая середину кружком, или изрезывает всю ее в куски⁴.

---

¹ Бывало, дружка оставался вместе с новобрачными, наблюдая, что ему нужно; бывало, молодой отдавал сватям сорочку невесты, но ныне все это вывелось.

² Так называются коровы и козы, не принесшие приплода.

³ Блины этого дня называются зваными.

⁴ Изложенные здесь обряды почти одинаковы во всех уездах Смоленской губернии, исключая незначительного изменения в уездах: Вяземском и Юхновском, именно при обдаривании невесты и благословении ее к венцу. Когда брат невесты хочет отрезать ее косу, тогда дружка не допускает и выкупает деньгами. В уезде Поречском обряды те же, но во всех словах вместо ч произносят ц, а вместо ц говорят ч.

Знакомые, повстречавшись с новобрачными на улице, приветствуют их: желаю вам жить да богатеть, да спереди коробатеть¹.

ХVIII. СВАДЬБА В БЕЛОРУССИИ

СВАТОВСТВО

Когда Самусь или Тимоха на поре и уже с татулькой (батьюшкой) потягивает на аренде горелку, тогда татулька затевает *жанить яго*. Он вместе с Самусем забегает к маршалке (свату) с чаркой водки и дружится с ним; потом он посылает маршалка с своим сыном к соседу, у которого он *зазирнув дявухну* (заметил девушку). Тут Самусь *заляцаецься* (любезничает) с *дявухной*, а маршалок *зюкайтсь* (попивает) з *татулькой* и з *мамунькою* невесты, и когда все уладят, тогда назначают день заручин.

ЗАРУЧИНЫ

Рано с вечера приходят в дом невесты сваты жениховы и приносят от себя водку, а от жениха кольцо. Гостей уже полная изба, но невесты еще нет. Заслышав, что идут сваты, она вместе с подружками выходит в сени; там надевают на нее шубу, и потом подруги, побравшись за руки плотно, ставят на одном конце младшую из подруг, а на другом – невесту; входят все в избу и останавливаются перед сватами.

Сваты невестины указывают на младшую подругу и говорят: *вось ваша нявеста!* – *Неста ни нявеста*, – отвечают жениховы сваты и смеются громко. Сваты показывают на другую: *так вось ина!* – *И ета ни ина*, – отвечают сваты. Таким

---

¹ Эта поговорка употребляется в уездах: Смоленском, Бельском, Ельненском и Красненском.

образом перебирают всех девушек, и когда укажут на невесту, тогда маршалок спрашивает круженку (тарелку), ставит на нее чарку, в которую бросает женихово *кильце*, и, наливши водки, подает невесте, чтобы она выпила водку и взяла кольцо. После этого родные благословляют невесту и сажают ее за стол; тут начинается пирушка. Мужики и бабы пьют; поддевки (подружки) прихлебывают и поют:

За горою Хвеклунька вянки вьетьсь,
За ею матухна наслов шлетсь;
Хадзи Хвеклунька меду питсь.
А ни найду матухна меду питсь:
Мед мне питсь, сухота,
А вяночки витьсь, красота.
За горою Хвеклунька вянки вьетьсь,
За ею Самуська паслов шлетсь:
Хадзи Хвеклунька вады питсь.
Пайду к тебе, Самуська, вады питсь,
С табою мне ваду питсь, красота.
Бяз тябе вянки витьсь, сухота.

Ни правдзивая калина,
Гаварила цвястци ня буду;
Як пришла висна, расцвила,
Беленькие кветики пустила,
Зялений явер злюбила.
Ни правдзивая Хвеклунька,
Гаваривала замуж не пайду,
Маладога Самуську ни люблю.
Как прийшла осень, так пашла,
Маладога Самуську злюбла,
В яго слядочик ступила.

Ни хадзи Хвеклунька са вячер на дворе,
    Ни хадзи!
Не слухай Хвеклунька звонких гусиль,
    Ни слухай!

Тыи тябе гусильки спадманиваються,
    Ни хадзи!
Ат матухни отманиваються,
    Ня слухай!
К маладому Самуськи приманиваються,
    Ни хадзи!
Ты хадзи Хвеклунька на мою сторону,
    Ты хадзи!
На маей старане ни по-вашему,
    Ты хадзи!
На валах да у чанах ваду возюць,
    Ты хадзи!
Кухари да у катлах обед варюць,
    Ты хадзи!
Пирийшла Хвеклунька на яго старану,
    Пирийшла!
Пакаж, Самуська, гдзе валы стоятсь?
    Ты пакаж!
Пакаж, Самуська, гдзе катлы кипятсь?
    Ты пакаж!
Глупачка, дурачка, ни разумная
    Паслухай!
На моей старане все по-вашему,
    Паслухай!
На плечах да у видрах да ваду носяць,
    Паслухай!
У горшках, да у печи обед варюць,
    Паслухай!

При выдаче замуж девушки-сироты поют ее подруги, часто заунывным голосом:

Ах знаць, знаць па вяселику,
Што ня бяцюшка аддаець,
Двор вяликий, а збор ня вяликий.
Нетць у мяня радзинушки!
Ой сашлю, пашлю серу зязульку
Па радзинушку.

Зязулька ляциць;
Радзина едзець!
Ах! паслала б я соловеньку,
Да соловушка отказываець.
Ах! паслала б я зязульку,
Па своего татульку,
Да за родненьким бяцьком.
Серая зязулька не прылетаець,
Ах татулька адмавляець:
«Рад бы я устаци
К свому дзицяци,
И парадушку даци.
Грабавые доски
Сциснули ножки,
Да не могу я устаци!
Сырая земля
Дверцы залегла,
И окошечка засланила».
Маяго бацюшку
На вяселика не пусцила.

Когда родня, подруги и сваты пируют у невесты, тогда гуляют у жениха его гости, а сваты величают песнями:

Салодинький пастарнак
Ци ня ты в погриби,
Зиму зимовав,
Сам сабе маркувку злобовав?
Малодинький Самуська,
Ци ня ты в пузенках побывав¹,
Сам сабе Хвеклуньку злобовав?
Ай вячер, ай вячер на заре,
Едит Самуська на канне;
А на ем шапачка ярачка²,
И с золотою веткою,
И с чирвоною лентою.

---

¹ Пузенки – деревня.

² Поярковая.

НАДЕЛ

После полуночи прекращается пирушка и начинается *надел жениха* (обдаривание). Жениха и подкняжих (дружек) заводят за стол, за коим жених занимает место на куте, а подкняжие вокруг него. С правой стороны садится возле подкняжих кто-нибудь постарше из жениховой родни; перед дружком ставят сулейку с вином и чарку на кружечке; он наливает в чарку и говорит: *Друзыцы милыи, гостики заезжиш, просим чарочку выпитсь, маладога князя надаритсь*. Гости пьют вино и наделяют жениха, кто чем может. Подносящий вино обращается к гостям: *Хто забыв, хто забыв чарочку выпитсь, маладога князя надаритсь*. Охотники пьют и наделяют жениха. Полученные деньги ссыпают перед князем с поклоном, и он благодарит гостей легким наклоном головы.

После надела все выходят из-за стола. Один из подкняжих подает жениху новую шубу, летом же новую свиту и красный пояс. Тут жених переодевается, кланяется гостям и отправляется к невесте, которая сидит за столом с расплетенной косою и позументовой тесьмою на голове; вокруг сидят подруги, которые наделяли ее. С появлением князя сватья поют:

Вось наш маладенец,
 Стаитсь возли синиц;
 Папыгтайя вы в яго;
 Ци ня любитсь ион каго?
 Ой любитсь, любитсь,
 Рыбку белакрылку,
 Дзевку чернавку.

Молодой входит в избу, молодая и подруги ее выбегают из-за стола и прячутся; он отыскивает свою княгиню и сажает ее за стол; подруги запевают:

А чаго ж ты, Хвеклунька, сядзела?
 А чаго ж ты, Хвеклунька, глядзела?

Чи ты свайго Самуська ни ждала,
Чи ты яго в хатуньку ни звала?
Купив тябе хустуньку Самуська,
Полюбицца новая хустынька.
Поглядзи Хвеклунька ион уклоняецця
(кланяецця),
Да своей Хвеклуньке ион залицаецця.

Жених, подойдя к столу, кладет перед невестой подарок и кланяется ей.

ВЫКУП МОЛОДОЙ

Когда подруги кончат песнь, тогда маршалок говорит: *Мы ни Жиды, ни Татарыны какие, а честные люди, приехали з маладым князям поїезжани, выкупитсь нашу маладую княгиню Хвеклуньку.* С этим словом дружка вытаскивает из кармана сулею вина, а из-за пазухи деревянный ковш и, наливши в него водки, подносит старшей дружке, которая отвечает ему: *Наша княгиня ни таковская: у яе што ступень, то рубль; одна каса сто рублиов стоитьсь, а етакій гарелки мы з роду ня кушали. У нашій гасподы гарелка сыцьная, айба позалоцьная.* Маршалок вынимает из калиты медную монету и бросает в ковш. Дружка пьет, а монету завязывает в платок. Остальные подружья тому же следуют примеру. Почти всегда бывает, что девушки недовольны подарками, поэтому сваты поют укорительную песнь:

Да ня доля ж твая, Хвеклунька!
Ни сватався сват багатый,
А пьяница, латрыга, як тут бив.
На дваре старца разбили,
Тым яны подружик дарили

Сваты жениха отвечают:

Пашли подружки з застоля,
Як тыи сичички з падполя.

Сваты невесты:

Идетц дружко в избу,
Ди зиряйтсь у печку:
А ци густа капуста?
Ци вялик гаршек каши?
Ци падатсь каши?

Сваты жениха:

Хлеба соли многа,
А привету нету. (2)

Сваты невесты:

Гаварили: Самуська наш харош,
А чорта ж у иом, што харош!
Авсяное видзинья, яшний нос;
За овсяного видзинья блинов напакеш,
За яшнаго носика круп надяреш.
А на ем жупан
Хлопьем напхан;
А на ем свита
Льком сшита.

Сваты жениха:

Стукнули, брякнули на дваре,
Паглядзи, матухна, ци ни по мине?
Па тцябе, дачухна, па тцябе!
Сабирай, матухна, кублы мне?
Атдам дачухну бяз кубла,
Чаму мычички ня скубла.

Сваты невесты:

Ни тузи, дружка, ни тузи,
Чтоб яму сем скул на пузи.
Зайка дружко, зайка!

Чтоб яму сем скул на языки.
Пражора дружко, пражора!
Па скипки хлеба сажайтсь,
Па палойнику хлибайтсь.

Сватъи жениха:

Ай няши сваття
Мавчатъ як чупляты:
А за визжатсь сваття,
Як паросяты.

Сватъи невесты:

А в нашаго Ивана (маршалка)
Гиллява лыса,
Шапка плиса,
И то ни яго! (2)
Шапка сабачча,
Шубка телячча,
А боцики парасячча.
И то ни яго! (2)
Шапка бряхнетьс,
Шубка рванетьс,
А боцики заскогочутьс! (2)

Сватъи жениха молчат, а невестины продолжают:

А наша Хвеклунька,
Як бел сыр! (2)
А Самуська,
Як пузырь! (2)

Сватъи жениха перебивают:

Князь маладый, князь маладый,
Конь вороный, конь вороный,
А наш князь як бел сыр,
А княгиня як пузырь! (2)

Выкупленную невесту выводят из-за стола, на ее место садится жених. В то время сватья водят молодую вокруг хлебной квашни, припевая:

Лятсели гусухны через сад,
Гукнули Хвеклуньку на пасад.
Бес вам, гусухны, да таго!
Есть у мяне матухна для таго,
Благаславится сестсь, та сяду;
Благаславится итци, я пайду¹.

Посадив невесту на квашне, подруги одевают; потом родители благословляют, и затем молодые отправляются к венцу в сопровождении сватов и сватья, которые поют:

Запрягай, татулька, варанци,
Мы поедзим до винцы!
Сам Бог ворота отчиняв,
Янгилы коников дзиржали,
Так нашу нявесту венчали.

После венца идут молодые к священнику и ко всему причету, приглашают их на свадьбу, и все собираются потом в дом невесты. Сватья поют:

Звинчали, шауковым поясом звязали,
А ни разарватсь, а ни развзятсь,

---

¹ В иных местах молодой, прежде чем явится в дом невесты, приучает своего коня не бояться огня, а потому перескакивает с ним через костер пылающий. Собравшись ехать к невесте, он и подружья его надевают на себя красные шапки, свои шеи повязывают красными платками или перевязываются через плечо белыми полотенцами, за исключением одного жениха, и отправляются конным поездом в дом молодой. У ворот находят они кучи зажженной соломы, через которую перескакивает поезд. Тогда бросают в глаза лошадям зажженные клочки соломы, стараясь не допустить въехать в отворенные ворота. Всадники, однако, проскакивают и останавливаются пред дверьми избы. Жених с наклоненной головою первый входит в хату и садится за стол. Немедленно раздается песнь: *басловь Бох, вяселя шраць*.

Бытьсь век виковатсь.
Были ж мы у Бога,
Видзили там пирогаов многа.
А ня всеж тут пироги,
Есть тут баранчики
И салотки прянички.

Солнце колесом у гору идзетьсь,
А дзевухна з винца в двор идетьсь,
А матухна у ворот встричаитьсь,
Правды пытаитьсь:
Дачухна моя, чия ж ты тсяперь?
Матухна! Твая я и Божжа.
Ни правда твая, ты таго пана,
С которым шлюб принимала,
И таго паныча, з которым винчалася.

Подходя к дому, поют:

Запали, матухна, свечку,
Выйди на сустречку;
Сустречь свое дитя
Одно роженое,
Другое суженое.

Родители встречают новобрачных с хлебом-солью и осыпают их хмелем; новобрачные, поцеловав хлеб, кланяются им и всем присутствующим. Потом вводят их в избу, сажают за стол, и они, пообедавши, пируют до вечера. Молодой с своими сватами, сватями и гостями отправляется пировать в свой дом, а у невесты уже идет своя пирушка.

ОБДАРИВАНИЕ И ОКОНЧАНИЕ СВАДЬБЫ

Спустя несколько времени маршалок подает невесте шапку, а сам, взяв тарелку, накрытую полотенцем, говорит: *Хто чим*

даруиць маладую княгиню: ці вином, ці кинем, ці счасцьим, ці долю, ці чырвоным златом. Отец и мать молодой кладут на тарелку хлеб-соль и произносят: *Даруем хлебом-солью, долю, счасцьим.* За ними каждый из гостей дарит невесту чем-нибудь.

Вскоре после этого приезжает молодой и подкняжие; на женихе тогда надета шуба наыворот. Дружка начинает вновь выкупать молодую, а подкняжие и гости, приехавшие с новобрачным, идут в клеть или в другую избу, где мать новобрачной угощает их. Когда молодую выкупят, тогда являются гости в избу и пируют снова. Подруги поют:

Придачачки (подруги) сестры,
У вас насы востры,
Яще нараднели,
Яще навастрели.

Сваты перебивают их:

А у нашего свата (2)
Сяредь избы яма (2)
Напилася пьяна!
А у нашего свата (2)
Сяредь избы лужа (2)
Напилася лужа.

Иногда поют плясовую:

Людарь, людарь, людаши,
Прапив татка лимяши;
Матка таго роду,
Прапила скавороду;
Дацка таго цыну,
Прапила авцыну.

По уходе гостей мать кормит молодых за особым столом. Когда новобрачные возвратятся в избу, молодая начинает голосить. Маршалок снимает с молодого шубу и набрасывает ее на

молодую, а на ее голову надевает шапку; потом сажает молодую боком на колеса или на сани, и после этого мать передает ее молодому. Тогда все гости отправляются пировать к молодому, дорогою *кричат* песни и уже без всякого разбора.

ХІХ. СВАДЬБА ЛИТОВСКАЯ

ЗАБОТЛИВОСТЬ ДЕВУШЕК

По снятии хлеба с полей поселяне устраивают домашние свои работы и в промежутке от занятий составляют дружеские сходбища, на коих нередко звучит песнь и гудет смычок. Девушки и парни собираются сюда с особым удовольствием, чтобы поплясать и попеть. В селах и деревнях ни один праздник не проходит тогда без веселья. Девушки делаются заботливее, хлопочут о своих нарядах, думают о суженом и молятся Покрову о даровании им доброго мужа. Поставив свечу пред образом Божьей Матери, они произносят в церкви и в доме.

Святой Покров, Покров!
Покрыв землю и воду,
Покрой и меня молоду.

В семейном быте обращают девушки внимание на опрятность в доме и изысканность своего убора, особенно когда приезжают сваты, по четвергам и субботам. В то время девушки рачительно перемывают в избе: столы, скамейки, полки, посуду; подметают избу, надевают на себя белую рубашку, цветную юбку и передник узорчатый; повязывают голову платком, из-под коего выпускают длинную косу, переплетенную розовой лентою.

СВАТОВСТВО

При ожидании сватов хозяин и все его семейство одеваются в праздничные платья и не идут уже на работу, но сидят

дома без занятий, исключая одной невесты, которая беспрестанно суетится: то по дому, то около своего наряда. В других местах парень посылает двух своих сватов, которые ходят из дома в дом, пока не найдут девушки, желающей выйти замуж. Сватам прикалывают ленты или перевязывают их рушниками (полотенцем) через плечи и потом возвращаются к *охочему* молодцу с радостной вестью. Сват, взойдя в избу невесты, останавливается посредине и кланяется на все стороны, но его как будто бы никто не видит и ничего не говорят ему. Хозяин, сидя в переднем углу, не трогается с места; он кажется погруженным в размышление. Сват подходит к нему и нарушает его молчание. Хозяин говорит ему довольно хладнокровно: садись, сосед, будешь гостем. Сват отвечает: спасибо, сидели дома, ничего не высидели, а что будет, если еще сидеть будем? Это намек на невест, чтобы они не засиживались в девушках. Помолчав несколько, продолжает:

Наш бык к вашей телушке привык,
 Как бы дал Бог дождать,
 Вашу телушку к нашему быку загнать.

Хозяин поспешно встает с места, берет свата под руку и просит его ласково, чтобы он сел в переднем углу. Он садится, а невеста уходит тогда из дома к своей родственнице или приятельнице; рассказывает ей о происходившем и возвращается с нею домой. Они не входят уже в избу, но в клеть. Сват заводит речь о женитьбе и, выхваляя хорошие качества и состояние жениха, вступает в переговоры с отцом невесты. Услышав скрип дверей у клетки, которая обыкновенно отделяется от избы сенями, сват тотчас перестает хвалить жениха, посматривает на дверь и спрашивает: «Что ж это за скрип? Верно, не все дома! Где же ваши?» Отец отвечает: «Известное дело, молодежи не сидится дома». Находящиеся здесь женщины посматривают друг на друга, перемигиваются и выходят одна за другой в сени, чтобы привести в избу невесту. Они приходят и опять выходят, повторяя это не-

сколько раз; потом вводят с собою невесту. Общее молчание; все посматривают на нее. Она от робости останавливается в углу подле печи и, отворотившись от них, долбит пальцем в стену. После непродолжительной тишины заводятся разговоры: сперва тихо, потом громче и громче, наконец, настает общий разговор. Сват, возвысив голос, обращается к невесте: «Что же, девушка, ты не говоришь? А я сюда недаром пришел». Она молчит и долбит стену. Мать продолжает: «Нечего сказать, молодец хоть куда! Не найдешь в нем пороков: не пьяница, не гайдамака, не вор. Дом зажиточный, семья добрая – никто о ней не скажет худого. Как думаешь, мое дитяtko? Отвечай, ведь ты уже не ребенок». Молчание. Наконец дочь, потупив глаза в землю, отвечает тихо: «Как хотите себе!» Отец или мать говорит ей: «Нет, моя родная! Говори пояснее: любишь ли его? Ты у нас не лишняя, из дому тебя не гоним. Не для того тебя вскормили и вспоили, чтобы покинуть тебя. Как думаешь?» Она, отворотясь от стены, отвечает: «Что же делать? Если выходить замуж, так выходить – пусть по-вашему будет!» После этого она выступает на несколько шагов вперед. Каждый из гостей делает ей приличное приветствие, и разговор становится живее.

МАЛАЯ ПОПОЙКА

Сват вынимает из кармана бутылку с вином, ставит на стол и говорит невесте: «Поищи-ка же нам чарочку». Дочь роется на полке между посудой и приносит чарку. Мать поспешно разводит огонь на загнетке (очаге), приготовляет яичницу и потом приносит ее на стол. Сват, наполнив чарку водкою, пьет за здоровье нареченной; она же пьет за здоровье отца, отец – за здоровье своей жены, жена – за здоровье одной из подруг своей дочери, а домашние – за здоровье всех. Потом едят яичницу и запивают ее водкою. После угощения хозяйка берет кусок холста, заворачивает в него опорожненную бутылку свата и отдает ему. Сват идет в дом жениха с приятным известием. Этим оканчивается первое сватовское

угощение, называемое *малой попойкою*, которая, однако, не обязывает невесту окончательно выйти замуж, если бы она или ее родители раздумались бы после: они обязаны заплатить только за водку.

От малой попойки до самой свадьбы пируют родители жениха и невесты, приглашая взаимно. Они обходятся с уважением друг к другу и хвалят красоту и достоинства невесты. Родители ее приглашают в свой дом из родственниц двух девушек или двух коротких приятельниц своей дочери и просят их проводить с нею время до самой свадьбы. Эти девицы называются *большанками* (дружками); они веселят ее пением и забавляют играми.

БОЛЬШАЯ ПОПОЙКА

Неделю спустя после малой попойки наступает большая попойка, которая в иных местах называется еще *великою горелкою*. Сват приезжает тогда в дом невесты уже с женихом, и тогда надевают им кольца, а невеста и жених обмениваются между собою. На большую попойку приглашаются родственники невесты, которые тщательно рассматривают жениха, перешептываются между собою о том, что в нем находят, и это действие называется *судить жениха*. После ужина получает жених опорожненную бутылку, в коей он сам привез водку, с куском холста. Потом все расходятся; жених же с сватом садятся на лошадей и уезжают. После этой попойки нельзя уже раздуматься ни жениху, ни невесте: тогда всему конец. Большая попойка для помолвленных так же священна, как присяга, и никто не нарушает ее.

Отец засватанной дочери отправляется по прошествии некоторых дней в ближний город для закупки вещей к свадебному убору дочери.

Невеста не занимается уже в доме никакой грубой работою: она prepares белье, шьет узоры на рукавах рубашки, рушниках и платках. Здешние девушки отличаются рукодельем. Та из них, которая его не знает, называется

неумеха, недельница и не скоро найдет себе жениха; которая же искусная в рукоделье, называется *дельницею*, и та не засиживается в девках.

В пятый день после большой попойки дается общее угощение, и при нем совершается сговор. Тут присутствуют почти все обыватели деревни. Их приглашает сама нареченная, ходя из дома в дом в сопровождении старшей большанки, и, входя в избу, кланяется в ноги три раза, просит пожаловать на хлеб, на соль и на веселье. Встретившись с кем-либо на улице, она кланяется так же и просит на свадьбу. Жених с боярами равномерно ходит просить на свадьбу и кланяется в ноги. Там, где они бывают, оставляют калач с рушником, а сами получают взамен: холст, платки и т. п. После приглашений жених идет к невесте с музыкою; в доме невесты пляшут, поют, и потом все расходятся домой. Друзьки ночуют у невесты, и у ней они расплетают косу, а родители благословляют на доброе дело.

Ребятишки зажигают поутру около избы невесты насмоленные колоды. Этим дают всем знать, что в доме веселье. С восьми часов утра уже толпятся гости, особенно родственницы, кои заранее приезжают сюда с детьми. Своих детей они усаживают на примостке, устроенной между печью и стеною. Сами усаживаются на лавках ближе к столу в один ряд и занимаются разговором, в который никто из посторонних не должен вмешиваться. Строго смотрят, чтобы посторонняя женщина не села на примостке. Если бы кто сделал это по неведению или забывшись, то это считается нарушением приличия и неуважением к родственникам невесты, и в ту же минуту говорят ей: подвинься, матушка, детей некуда девать, – и ее вытесняют. После насмеваются над нею и попрекают присловьем: *расселась, как квочка на яйцах*.

В день сговорного угощения всем распоряжается родственница: она принимает гостей, усаживает их по приличным местам и вводит с родителями и большанками невесту, которая дотоле находилась в клети, ибо невеста по обычаю не должна показываться сюда прежде представления ее род-

ственницею. Около десяти часов утра приезжает жених с друзьями, боярами, сватом и одним близким родственником. Они входят в избу молча, с важностью и в надвинутых почти на глазах шапках; ни с кем не здороваются; гости не встают с мест и молчат; один сват приветствует собрание наклонением головы, не снимая шапки. Все они идут в конец избы и занимают места за столом; жених садится в углу под иконами, подле него сват, далее дружки и, наконец, музыкант, избираемый преимущественно из родственников. Остальные рассаживаются, где есть место. Долго не говорят; на лицах выражается какое-то неудовольствие; один сват балагурит то с тем, то с другим, более же с девушками, но и они избегают разговоров. Сват, видя продолжительное молчание и соскучившись им, спрашивает громко: «Да где же господа хозяева? Видно, не ждали гостей!» Поспешно встает с места, выходит из избы и встречает хозяина у дверей, как бы нечаянно. «Слава Богу! – говорит он. – Кого искали, того и сыскали. Просим покорно в избу». Хозяин отвечает сухо: «Я там не нужен, обойдется без меня». Сват говорит: «Просим покорно, сват, войди в избу». В то время, как один упрямится, а другой упрашивает, выходит из избы жених с поездом и упрашивает своего тестя войти в избу. Чем убедительнее его упрашивают, тем упорнее он отказывается. Тогда женщины отправляются в клеть нареченной и вводят ее в избу. Тут она, поддерживаемая с обеих сторон большанками, кланяется всем в пояс. По совершении поклонов невеста подходит к женщине, сидящей на полу, просит ее быть при ней безотлучно до самой свадьбы. Она первоначально отговаривается, потом соглашается и, встав с места, присоединяется к двум большанкам. Избранная женщина, называемая с тех пор *молодицею*, должна быть молодая и недавно замужем, не более двух лет.

Убежденный хозяин просьбами гостей входит в избу; за ним жених, идя прямо в передний угол. Когда усадутся за столом, где первое место занимает жених, последнее – отец нареченной, тогда садятся немедленно, а женщины садятся на противоположной скамье. Невеста занимает место против

жениха, старшая большанка против свата, младшая против старшего дружка, молодница против музыканта. Когда размещение кончится, тогда невестина мать, которая дотоле не показывалась, выходит из клетки и занимает последнее место на скамье невесты, против своего мужа. Она же выносит из клетки закуску, состоящую из вареного или жареного мяса, творогу и водки, и все ставит на стол пред хозяином. Наполнив чарку водкою, она выпивает сначала за здоровье свата; потом наливает вновь и, накрыв белым вынутым из-за пазухи платком, подносит свату, который снимает платок, берет его себе и выпивает водку. Тот же сват наливает чарку и потчует невесту, но она, попотчивав старшего дружку, покрывает чарку цветным или красным платком. Дружка, приняв чарку, прячет платок в карман и пьет за здоровье невесты; затем, налив чарку, передает ее невесте, которая только подносит к своему рту и потчует, накрыв чарку своим платком, младшего дружку. Этот пьет за здоровье молодницы, та за здоровье жениха, жених за здоровье старшей большанки, эта же за здоровье музыканта и опоясывает чарку тесьмою трудов невесты¹. Музыкант отдает чарку невесте, которая пьет за здоровье свата, сват – за здоровье ее отца, а отец – за здоровье жениха. Потом гости начинают пить по тому порядку, какой устанавливается между ними.

Молодница расстилает на столе белый платок, невеста и жених кладут на него снятые с своих пальцев кольца. Две большанки с одной стороны, а двое дружек с другой берут за концы платок и поднимают его с кольцами повыше головы. Сват возглашает громогласно: *виват!* Это повторяют все сидящие за столом. Потом опускается платок с кольцами. Такой обряд совершается три раза. Наконец молодница берет кольцо невесты и надевает на палец жениха, а сват берет кольцо жениха и надевает на палец невесты.

---

¹ Тесьмы бывают от $\frac{1}{2}$ до 2 вершков ширины. На основу употребляют льняные нитки, а на уток – цветной гарус, преимущественно красный. Невеста раздаривает иногда более 100 тесем, которые она заготавливает с 12-летнего своего возраста.

Сват складывает разостланный на столе платок, прячет его в карман, а из кармана вынимает башмаки и дарит ими невесту, которая, приняв с поклоном, отворачивается в сторону и бросает на землю с пренебрежением. Стоящие парни позади поднимают и подают невесте; она вторично бросает. Тогда сват обращается к ней и говорит: «Нехорошо бросать башмаки! В нашей стороне зима не ровная, иногда и пригодится». Жениху подают башмаки, которыми он снова дарит невесту; но она не принимает и только принимает от него за третьим разом. Тут она отдает их спрятать старшей большанке, а сама, как бы стыдясь своего поступка, потупляет голову в землю или отворачивается в другую сторону. Большанка с молодлицею поет:

Не сиди телушка боком,
Это тебе не с нароком;
Сядь себе прямешенько,
Будь себе милешенькой.

По троекратном пропеве невеста поднимает голову. Жених, сняв шапку, подает ей свою руку и выходит с нею из-за стола; то же самое делает каждый мужчина с сидящею против него женщиною. Музыканты начинают играть, и открывается пляска. Первые пары вертятся порядочно, по крайней мере в первые три круга, а потом начинается стукотня и шум. Скрипки и дудки не умолкают ни на минуту. Жених, проплясав с невестою, танцует с ее родственницами, пока не перетанцует со всеми ими.

В этот день много выпивается водки и пива, преимущественно во время ужина. За стол садятся те только, которые прежде за ним сидели; а прочие располагаются в клетки, сенях и около избы и угощают друг друга часто привезенными с собою съестными припасами. После ужина все расходятся по своим домам.

ОКОНЧАНИЕ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

До самой свадьбы озабочены родители невесты приготовлением приданого и украшением свадебного веселья.

Большанка и молодича забавляют невесту пением, и если невеста в веселом расположении духа, то она поет с ними. Поют про сетование девушки, расстающейся с своими девическими играми, забавами и беззаботной жизнью; поют про волокитство молодцев за большанками; воспевают попойку, сговор и пляски. Таким образом проводят целую неделю. В субботу же невеста в сопровождении большанок и молодичи идет на исповедь; потом проводят вечер в девичьем кругу, с обрядными приготовлениями к предстоящей свадьбе, посему этот вечер называется девичьим, т. е. девичником. На нем никто другой не может быть, кроме девушек.

Свадьбы совершаются здесь почти так же, как в Малороссии: с разгульем и безотчетным весельем.

Когда молодой садится подле своей молодой, тогда его не пускает брат или другой родственник невесты. Сват или дружка покупает место, и тогда садится молодой подле невесты, которая опускает голову на стол и закрывает себя белым платком. Жених старается поднять голову молодой; она противится; он срывает с ее головы платок и целует в губы. Потом начинается пляска и угощение, а в заключение обходит сват всех гостей с водкою и тарелкою, и каждый, выпив чарку водки, кладет на тарелку несколько денег. Потом он разрезает каравай и разносит гостям; после надевает сваха на голову молодой *очипок*, вышитый шелком и мишурою, а поверх чепца набрасывает сваха *намитку* (тонкое и прозрачное полотно) и передает молодую окончательно мужу.

Свахи, удостоверенные в непорочности молодой, украшаются алыми лентами, а бояре подпоясываются красными кушаками. В противном случае все оказывают недовольствие и заметно общее уныние. На другой день свадьбы пляшут у молодых. Радостные гости ходят по улицам с музыкою или заходят к богатому поселянину или к кому-либо другому; там их потчуют водкою. Иногда в толпе их бывает шут, который едет верхом, кричит, поет и размахивает длинным шестом с навешенным на нем знаменем; по возвращении гуляющих в дом молодых родственники опять потчуют гостей, а ново-

брачных дарят кто чем может: курицами, бараном, телянком, гусями, полотном, пряжей или другими домашними вещами. Во вторник бывает, если молодые зажиточные, наряживание гостей; потом снова пляска и угощение. Свадебное пирование продолжается иногда целую неделю.

XX. СВАДЬБА МАЛОРОССИЙСКАЯ

I. СВЕДЕНИЯ ИНОЗЕМЦА О МАЛОРОССИЙСКОЙ СВАДЬБЕ

Из старинных известий о нравах и жизни малороссиян мы имеем сочинение половины XVII века инженера Боплана, который жил в Украине около 17 лет. Он передал нам много любопытных сведений, между прочим, о свадьбе¹.

В Украине наперекор всем народам, говорит Боплан, не мужчины сватаются за девиц, а девицы за мужчин. В этом содействовало им общее мнение, что девицы скорее достигают своей цели. Влюбленная девушка приходила в дом жениха в то время, когда его родители были дома. Войдя в избу, она приветствовала их: *«Помогай Биг!»* И садилась. Потом обращалась к жениху, называла его по имени и говорила: я вижу, что ты человек добрый, и я буду с тобой счастлива, женись на мне. Наконец, обращалась к его родителям и просила их согласия. Если они не были согласны или отговаривались молодостью лет сына, то девушка отвечала, что она не расстанется с их домом. По прошествии нескольких недель родители соглашались с желанием невесты и уговаривали сына полюбить ее. Не согласиться с желанием невесты значило навлечь на себя гнев Божий, а на дом несчастье.

По соглашению жениха сзывали парубков и девиц и рассылали их по всем своим родственникам, чтобы просить

¹ *Beauplan. Descript d'Ukraine*, изд. Rouen., 1660.

их на *веселье* (свадьбу), а в знак уполномочия посланных давали им по цветочному венку, который надевался на руку. Парубки ходили попарно, имея впереди себя одного парня, который держал в руке жезл¹ и от имени всех приветствовал и просил на *веселье*.

Невесту наряжали к венцу в длинное шерстяное платье темного цвета и с широкою на груди оторочкою из полупелюшковой материи. На голове никакого не бывало убора, кроме цветочного венка; волосы раскидывались по плечам, грудь и шея были закрыты.

Отец, брат или ближний родственник вел невесту в церковь; впереди их шли два музыканта: с скрипкою и сопилкою (свирель). По совершении венчания один из родственников принимал молодую и отводил ее домой с музыкою.

Когда наступало время весть молодую к брачной постели, тогда родственницы жениха вводили ее в спальню, а затем тайно приводили сюда жениха и задерживали у брачной постели занавес.

Собравшиеся гости сидели с кубками в руках, а женщины били в ладоши и плясали. Спустя несколько времени родственницы возвещали радость, и тогда увеличивалось *веселье*. На молодую надевали очипок (чепец), в коем она ходила во всю жизнь. Одни только девушки ходили простоволосыми, и им считалось за стыд носить очипок.

Если во время свадьбы провозглашали молодую дурным именем, то пиршество прекращалось: мужчины бросали кубки, а женщины переставали петь. Родственники молодой терпели всякого рода оскорбления. Все в доме становилось вверх дном: били горшки и бросали кружки на пол. На мать новобрачной надевали хомут, пели оскорбительные песни и с упреком подносили пить из черепка. Наговорив всего, что приходило на ум гостей, они расходились с негодованием, а родственники запирались от стыда в своих домах на несколько дней. В воле молодого было прогнать жену или жить с нею.

---

¹ Изображавший казацкий меч.

II. НЫНЕШНЯЯ СВАДЬБА

СВОЙСТВО ВЕСЕЛЬЯ

Много радости на малороссийском веселье (свадьбе), и оно, выражая вполне мысль веселья, обращается в праздник нередко всего околотка. Поселяне и горожане сами стекаются толпами; двери избы открыты тогда для всех, званых и незваных; кушанье, питье, танцы – все для всех. Родители молодых принимают чистосердечно даже своих врагов; угощают их с чувством торжествующей добродетели. Никто тогда не враг; самые злые недруги примираются, и веселье молодых часто соединяет дружбою многих неприязненных. Малороссиянин легко забывает нанесенные ему обиды, но не равнодушен, когда оскорбляют его простосердечие.

Вечерние сходбища, известные под именем вечерниц и досвиток, сближают здесь молодежь обоего пола, без нарушения приличий в обращении между ними; но горе тому, кто нарушит благопристойность: он преследуется всею громадою парубков (обществом парней). На вечерних сходбищах парубки женихаются (ухаживают за девушками), и долгое время.

СВАТОВСТВО

Избирающий себе невесту сближается с нею на вечерницах. Тут он испытывает ее расположение к себе, выведывает ее качества, и если уже сделал выбор, тогда он приступает к делу. Под веселый час он объявляет своему отцу, что такая-то дивчина (девушка) полюбила его, и он просит позволения жениться на ней. Отец, выслушав его просьбу, советуется со всеми свойственниками или добрыми соседями. Получив соизволение отца и матери, сын избирает двух старост¹, чтобы они высватали ему дивчину, которая понра-

¹ Сватов, из коих один называется старшим, и на нем лежит обязанность высватать невесту, потому в это дело избирается умный, ловкий, изворотливый и хожалый по свету.

вилась ему; дает каждому в руки по посоху (по палке) в знак полномочия; вручает им нарочно изготовленный для этого дела хлеб и выпроваживает их за ворота. Старосты отправляются в дом отца невесты.

Мать невесты, увидев издали незваных гостей, идущих с хлебом и в новой одежде, догадывается и кричит своему мужу: «Старости идут!» – «К кому?» – спрашивает он. «К нам, вот уже на дворе. Садись скорее на лавку, а ты, Ганусю (Аннушка, невеста), бежи в комнату, одевайся».

Гануся в испуге смотрит на мать, мать толкает ее дружески в комнату и там наряжает в новую плахту. В то время старосты стучат по три раза палкою по дверям; отец поспешно достает новую свою свиту (армяк), новый пояс, одевается и говорит про себя: «Господи милосердный! Дай моей дочери доброго человека». – Стучат в другой раз, и в третий раз. Одетый хозяин входит в хату, застилает стол скатертью, кладет хлеб, который всегда лежит на столе в покуту (в углу под образами). Ударили в последний раз в двери, тоже три раза. Отец, перекрестившись, отвечает им: «Если добрые люди, с добрым словом, то просим». И, обращаясь к своей жене: «Садись скорей!» Она, перекрестившись три раза, садится подле него. Тотчас входят в хату двое старост в своих жупанах (кафтанах), подпоясанные английскою каламайкою (английскою бахромою) и с палками в руках. Старший староста держит в руках святой хлеб, молится Богу и потом кланяются хозяину и хозяйке. Хозяин просит их сесть и спрашивает: «Что вы за люди? Куда идете и зачем вас Бог сюда принес?» Отец, хотя уже знает, зачем они пришли, однако спрашивает их из одного обыкновения. Старший староста говорит: «Прежде всего, позвольте нам поклониться вам и добрым словом прислужиться».

«Не прогневайтесь выслушать нас, *и колы буде тее, то мы и онее*¹; если же наше слово не в лад, то мы пойдем назад. А что мы люди честные и без злой науки, то вот вам святой

---

¹ Это выражение нельзя перевести буквально, ибо слово в слово: если будет то, то и мы то, – т. е. если состоится дело, то мы исполним его.

хлеб в руки». Отец берет хлеб, целует его, кладет на стол подле своего хлеба и говорит: «Хлеб святой принимаем, а вас послушаем. Садитесь, добрые люди. Что будет, то будет, а тому бывать, чему не миновать. Садитесь, будь ласково (сделайте милость), и ног своих не утруждайте – вы пришли издалека. С которого же царства, с которого государства?» Старший староста отвечает: «Мы люди немецкие, идем из земли турецкой. Мы ловцы, удалые молодцы. Однажды на нашей земле выпала пороша (небольшой снег). Я говорю товарищу: чего нам смотреть на эту непогоду, пойдем на охоту, и пошли. Ездили, следили и ничего не нашли. Между тем навстречу нам едет князь (жених) на вороном коне, и говорит нам: эй, вы ловцы, добрые молодцы! Услужите мне службу, покажите дружбу: мне попалась лисица или куница, но едва ли не красная девица. Есть, пить не желаю; поймать ее желаю – помогите! Чего ваша душа захочет, требуйте от меня. Ловцам молодцам того и надобно. Мы пошли по следам, по всем городам. Первый след показался в земле немецкой, а далее в турецкой; идем ищем и не находим. Все царства, все государства прошли, а ее не нашли. Мы и говорим князю: мы поищем в другом месте и найдем не только куницу, но и красную девицу. Наш князь стался при своей думе и сказал: сколько по свету ни ездил, в каких государствах ни бывал, но такой куницы или красной девицы не видал. Мы вновь по следу пошли, и в это село, как зовется, не знаем, нечаянно зашли. Тут снова пала пороша, а мы ловцы, добрые молодцы, давай ходить, давай следовать. Сего дня рано встали и на след напали. Побежал наш зверь да к вам на двор, а со двора до хаты; теперь хотим его поймать. Нет сомнения, что наша куница в вашей хате, а это наша красная девица. Нашему слову конец, а вашему делу венец. Отдайте нашему князю куницу, вашу красную девицу. Отдадите ли, или пусть она подрастет еще?»

В других местах Малороссии, когда старосты простучат палкою у дверей три раза, приглашаются немедленно войти в избу. После обычного моления кланяются хозяевам и кладут

на стол хлеб. Потом заводят двусмысленную речь о посторонних предметах и, увидев девушку, намекают отцу:

«Наш бык к вашей телушке привык, и как бы дал Бог дождать, вашу телушку к нашему бычку загнать». Или: «У нас есть гусак, а у вас гусочка, а потому мы желаем их спароваты (соединить), щоб вышло из них все добрее». Или: «Мы чули, пане свату, що у вас е гусочка, а мы, бачиш, маем на примити гусака, да як бы тее, тотакечки, их спароваты. Нехай ж вмисти ходят и вмисти пасуиця».

Затем предлагают ему отдать дочь за доброго молодца, который никакого не требует приданого. Замечательно, что между малороссиянами женятся, не спрашивая приданого.

Когда староста говорит обиняками, тогда девушка сидит в комнате и слушает, а иная бьет поклоны, чтобы отец выдал ее за милого Петруся, который ей по сердцу и за которого сватают ее. По окончании же речи Гануся припадает слухом к дверям и, не переводя духа, слушает, что будет отвечать отец. Если он встречает какие-либо препятствия или не соглашается почему бы то ни было, то говорит: «Я не умею приложить к сему делу ума разума, а скажу попросту: вы идете с дальней дороги, устали, не выпить ли вам по чарке водки?» Это означает отказ, и они должны взять назад свой хлеб. Другие же родители поступают иначе: если они знают, что дочь не согласится выйти замуж, то призывают ее, чтобы поднести по чарке водки старостам и самому жениху, который иногда бывает вместе с ними. Дочь выносит из соседней комнаты водку на деревянной тарелке вместе с гарбузом (тыквою). Пристыженные убираются немедленно и несут, вместо хлеба, гарбуз. Это большое оскорбление для жениха; оно делается известным по всему селу, и тогда жениху остается долго ждать у моря погоды.

Случается, что с первыми посланными старостами находится сам жених, но и тогда старший староста говорит те же речи, какие прежде, и оканчивает теми же словами. В то время невеста, если любит жениха, смотрит на него сквозь щелочку двери и, когда слышит отказ, невольно вскрикивает: «Ох, мое горе! Несчастливая я!» Жених бросается в ноги отцу и матери,

целует их, горько плачет и умоляет отдать за него дочь. «Будь моим отцом и матерью, – говорит он им, – не губите бедного сироту! Будьте ридненькими (родными), я буду вам служить за батрака (работника); буду выполнять все, что ни прикажете, – только дайте мне пожить еще на свете, а то я умру без нее! За что же отнимаете мою душу, мою червонную Ганусю? За что разлучаете меня с нею? Я не прошу ни богатства, ни приданого, я сам наживу, только не губите мою душу!»

Дочь, забывая строгое послушание, бросается нередко с плачем к ногам родительским, целует руки и ноги и говорит с воплем, раздирающим сердце: «Серденько батюшка! Голубчик сизый! Соколик ненаглядный! Лебедик белоснежный! Душечка! Моя родимая! Утичка моя! Перепелочка! Голубочка мать ненаглядная! Вы одни у меня, а я одна у вас, не губите бедной – дайте хоть немного пожить на свете, чтобы я знала, что за радость жить с милым. Я буду вам служить вместо работницы; все буду работать, и не охну и не застону».

Изъяснение двух любящихся тем более примечательно, что оно непринужденно изливается из душевных чувствований, которыми так богаты малороссияне. Русский по большей части увлекается прелестью красавицы, малороссиянин – добродетелью женщины; первый судит о сердечной нежности, иногда по волнению страстей, забывая любовь; а второй дорожит чистосердечным сочувствием, которое улаживает его в самом несчастье. Малороссиянин любит, а русский влюбляется.

Отец, опустив голову, молчит и только обтирает свои слезы рукавом. Старший староста обращается к нему и проносит вслух: «Может быть, всему причиною мать!» – «Ох, нет, – отвечает она со вздохом, – разве я не желаю счастья своей дочери, и разве я не жена, чтобы не слушала своего мужа! Он мне закон, а не я ему; он знает, почему не выдает. У нас, старосветских, все идет по Божьему велению». – Тогда старосты встают с лавок, берут шапки и уже идут с хлебом, но старший староста, тронутый слезами молодых, решается еще раз поговорить с отцом. «Сват! Мне неприлично говорить лишнее

слово при сем важном деле; мое дело сказать, что обычай велит, и потом идти с ответом. Сказано поднести нам по чарке, чего же тут ожидать доброго? Но, зная Петруся и видя слезы его, как же мне не сказать: благослови детей, пусть Гануся повяжет нас рушниками (полотняными утиральниками)». Отец встает, крестится перед образом и отвечает: «Я молился всю жизнь обо счастье своей дочери, захочу ли ей несчастья? Сваты! Если хотите выпить по чарке, то выпейте; если же нет, то нет. Прощайте, добрые люди, и не дивитесь, почему не отдаю: не настал час – завтра все узнаете. Вот вам святой ваш хлеб, прощайте и злом не поминайте». На другой день отец объясняет своей дочери причины, почему не соглашается, и покорная дочь повинуется родительской воле.

Когда предложение старост соответствует желанию родителей, тогда он просит их, чтобы дать ему время на размышление. Потом подзывает к себе дочь и спрашивает, выйдет ли она замуж за Петруся. Если он ей по сердцу, то она притворяется сначала, что будто бы она не знает его; потом оканчивает тем, что она отдает себя в полную волю батька и няньцы (матери). В противном случае она вычисляет все пороки жениха и решительно отказывается выйти за него замуж.

По объявлении согласия невесты и ее родителей последние предлагают старостам придти к ним с женихом в тот же вечер или на другой день. Невеста подносит старостам на деревянной тарелке по рушнику, вышитому бумагою, иногда красным шелком. Приняв из рук невесты, они перевязывают себе через плечо и оставляют в доме ее принесенный ими хлеб, а взамен берут невестин хлеб.

Перевязанные рушниками, идя по селу, хвалятся всем встречным, что Ганусю просватали за Петруся; что такой пары никогда не видали. Что за красота! Что за разум! Хлопец, красавец! Русоволосый, чуб длинный, усы казацкие, глаза блестящие, как звездочки; румяный, проворный и добрый. А она – что об ней говорить! Она выросла на утеху! Высокая, прямая, как стрелочка; чернобровая, румяная, как роза; глаза словно терновые ягодки; брови, будто перевитые черным шелковым

шнурочком; носик пряменький, губы алые, зубы белоснежные, коса долгая, по колено, и черная, как смоль; шея лебяжья, стан гибкий, нежный, а ходит, как королева!

Жених нередко ожидает старост у ворот и встречает их здесь, и если приносят они радостную весть, то входит с ними в избу. Старосты объявляют об успехе, и их потчуют.

ПРИХОД ЖЕНИХА

По наступлении вечера или на другой день старосты идут с женихом в дом невесты, коей хата бывает убрана цветами; свечи теплятся пред иконами, отец и мать в нарядных одеждах, а дочь надевает красную плахту (юбку) и застегивается под самую шею. Плахта на ней картацкая черчатая (узорчатая) с цветами; сорочка белая, тоненькая – сама пряла и сама вышивала; запаска (передник) шелковая, узорчатая; пояс шитый орлами; пидтечка (подпередник) из-под плахты шитая и с висячими кисточками; панчошки (чулки) синие, черевики (башмаки) красные сафьяновые, на высоких подборах и с подковками; коса заплетена в дрибушку (мелко и часто); на конце косы вплетена лента, которая развевается позади; поверх головы скиндячка с перевязью (ленты перевитые), с венком и цветами; грудь унизана намыстом (монистом), червонцами золотыми, серебряными рублевиками и кипарисными крестами.

Уже стучат старосты. Один раз, другой и третий. Их просят войти: они входят, кладут хлеб на стол и начинают говорить прежние речи про куницу. Петрусь стоит да слушает. На нем синий жупан, подпоясанный английским пояском; штаны (шаровары) тяжиновые, чоботы (сапоги) юхтовые с подковками, вымазанные олиєю (конопляным маслом), и шапка из барашков решитиловских¹; хусточка пестрая (платок носовой). По приходе их отец нарочно сердится и кричит: «Что это за напасть! Жинко! Что будем делать? Ганусю, пойди сюда». Дочь робко выходит из комнаты и вся горит стыдом.

¹ Решитиловка – село, недалеко от города Полтавы.

Лицо ее зарумянилось, словно красный мак, и она дрожит, как березовый лист. Она стоит подле печи и долбит пальцем. «Смотрите, ловцы-молодцы! – произносит им отец. – Что вы наделали? Меня с жинкою смутили, дочь пристыдили, что скоро печь выковыряет, – верно, ей не жить у нас более! Гай, гай (эй, эй), вот что вы наделали!.. Но хлеб святой принимаем, доброго слова не отвергаем, чтобы нас не порочили, что мы передерживаем куницу, и вот скажем: дочко! Пришла и наша чередка говорить до ладу – полно печь колупать! Нет ли чем ловцов-молодцов перевязать?» Дочь стоит и не тронется с места. Мать обращается к ней: «Доню (дочь), слышишь ли, что говорит отец? Иди же да принеси, чтобы чем было повязать людей. А может быть, ты ничего не приготовила, оттого и колупаешь печь? Не слушалась матери, не училась прясть, не наготовила рушников; теперь вяжи, чем хочь, – хоть веревками! Да есть ли и это у тебя?»

Гануся идет в комнату и выносит оттуда на деревянной тарелке два длинных вышитых рушника, крест-накрест сложенных, и кладет на святом хлебе. Сама же становится пред образами и делает три земных поклона; потом кланяется отцу и матери три раза; после целует их руку, наконец, берет рушники, подносит на тарелке старшему старосте, а там младшему. Они встают, кланяются, берут рушники и говорят: спасибо отцу и матери, что дитя рано будили, доброму делу учили. Спасибо и девице, что рано вставала, тонко пряла и хорошие рушники наткала. Старосты надевают на себя рушники, и старший из них продолжает говорить: «Вершите дело концом и рассчитайтесь с князем молодцом; мы присланные и не виноваты; вяжите приводця (приведенного), чтобы не убежал из хаты». – «И дело! – кричит отец. – Ну, доню! ты сказывала, что на то пятаки зарабатываешь, чтобы из чего было сшить шелковый платок и нам заплатить пеню. А теперь на тебе другая пеня: ты не всех повязала». – Гануся выносит платок красный, как она сама. Отец и мать говорят ей: «Ну ж, дочка, теперь надевай ему сама, вяжи за пояс платком, тyani его к себе, повинуйся ему и люби его – поцелуй же».

Староста говорит засватанным, чтобы они кланялись отцу в ноги три раза. Они кланяются, а за третьим разом лежат у ног. Отец дает им наставление: «Смотри, зять! Бей свою жену поутру и вечером, с постели вставая и ложась спать; бранись с нею каждый час. Не шей для ней: ни платья, ни одежды; не сиди дома: ходи по шинкам (питейным домам) и по чужим женам. Если будете жить вместе, то наверно пойдете с детьми по свету. А ты, доню, мужу не спускай и ни в чем ему не потакай. Как он пойдет в поле, а ты иди в шинок и пропивай последний хлеба кусок. Пей, гуляй, а он пусть умирает с голоду. Около печи не хлопочи; пусть она зарастет пустынною травой, – вот вам и вся речь. Вы не маленькие, сами имеем разум, а что я вам говорю, как надобно жить, – знаете сами». – «За такую науку, – кричит староста, – целуйте, дети, отца в руку». – Они целуют и потом кланяются матери тоже три раза. Она их не наставляет, а только благословляет. Потом старосты говорят: «Чего вы желали, того достали; а за наши речи подайте нам по чарке горилки (водки)». Отец отвечает: «Добре, и просим еще милости на хлеб, на соль и на сватанье». – Засватанных сажают на покут. Отец садится подле зятя, а мать подает кушанье на стол. Старосты садятся на ослин (скамейку) подле стола. Отец угощает старост: «Нуте ж, покушайте». – Староста выпивает, морщится и говорит: «От этого как рак покраснеешь. Смотрите, вы напоите нас таким, что мы, чего доброго, рачки поползем». – «О нет», – отвечает отец. «Откуда же вы взяли такое винцо, что хоть куды!» – «Шла баба от ляхов, – рассказывает отец, – несла здоровья с семь мешков, мы у ней купили, семь золотых заплатили и в напиток пустили». – «Что добре, то добре, – отвечает староста, – а ну, товарищ, попробуй ты и скажи: пили ли мы когда в Турции, или у Неметчины, или у *Рассеи*? – ей, сроду не пивали!» – Товарищ пробует, хвалит и говорит, что лучшего никогда не пивали. После первой рюмки начинают угощать друг друга, уже попросту, без затей.

Через несколько дней собираются родные жениха и невесты в дом ее; равно сваты, свахи и хорошие знакомые для участия в сговоре, который происходит по большей части

после вечерни. На этот сговор приглашает невеста своих подруг. В назначенный день все являются в нарядных одеждах. До прихода жениха невеста сидит с своими подругами в особой комнате. По прибытии всех гостей показывается с старостами жених, который останавливается у порога. Несколько времени не обращают на него внимания, но мать невесты, как будто бы только что увидела его, кричит: «Доню! доню! иди сюда. Чего ты там скрылась? Смотри, твой молодец стоит у порога, без тебя не идет в хату, не хочет садиться, не хочет говорить с нами, только с тобою одною. Выйди сюда, доню, скорей же!» Она не идет. Гости смеются над молодым: «Верно, пане брате, она не любит тебя. Эге, да какая же у вас любовь! Нет, братику, убирайся отсюда; тебе, верно, стоять у порога, а не сидеть за столом с нею». Староста старший говорит ему: «Не говорил ли ты нам, что она тебя любит? Поэтому мы начали сватать за тебя. А наделал ты нам стыда, нанес ты нам бесславия, осрамил ты нас и обесчестил. А кажись, парень хороший, казак правдивый – а что теперь? Не идет к тебе твоя Гануся; не любит она тебя; гай, гай!» Мать снова зовет, невеста не идет; тогда кто-нибудь из родственниц идет за нею, выводит ее силою и ставит ее подле жениха. Все гости кричат почти в один голос: «Ага, куница, красная девица! Теперь ты не спрячешься и не убежишь отсюда». Потом отец и мать молодой садятся на покуте на разостланной шубе и берут в руки икону и хлеб с солью. Старосты или кто из родных подводят молодых под благословение родительское. Они падают в ноги отцу и матери по три раза; родители благословляют их иконою и хлебом-солью; молодые целуют образ и хлеб-соль, затем своих родителей. После сажают их за стол, и начинается общее угощение, за коим следует в скором времени ужин.

ПИРОВАНИЕ

На другой день приглашает к себе отец жениха новых своих сватов, родственников и гостей на родственную пирушку, которая продолжается во весь день. Тут поют и танцуют.

Отсюда отправляются гости к отцу невесты, и снова шумное веселье, которое не прекращается иногда несколько дней сряду: то у родителей молодой, то у родителей молодого.

Между тем подруги невесты поют во время пирушек свадебные песни:

Ой ты душенько, наша Гануся!
Обметайте дворы,
Застилайте столы,
Кладите ложечки,
Срибни блюдечки,
Золоти мисочки,
От идут дружечки.

Пропев, кланяются низенько и произносят: «Дай Боже вам вечер добрый, помоги вам на все доброе». Мать благодарит их за доброе желание: «Спасибо, просим на хлеб на соль и на веселье». Их сажают рядом, против дочери. «Садитесь, друженьки, мои голубеньки, – говорит им мать, – кушайте, не стыдитесь, а ты, староста, угощай». – Девушкам, кажется, стыдно есть при посторонних, чтобы не сказали: вот голодные! верно, дома нечего есть. Они благодарят и начинают петь.

Ой чому, чому
У сим новым дому,
Так рано засвичено?
Ганусенька встала,
Косу чесала,
Батенька поражала.
Порадь мене,
Мий батеньку,
Еого в дружечки браты?
Бери, доненько,
Соби ривненьку,
Щоб не было гнивненько.
Садовы, доненько,
И вышче и нижче,
А свою родыноньку блыжче.

Мать плачет от этой песни, потому что она напоминает ей расставанье с своей дочерью. За этим поют девушки:

Деж був селезень?
Деж була утинька?
Селезень на ставку,
Утинька на плавку;
А тепер же вони
На одном плавку.
Та идят же вони
Дрибную ряску;
Ой пьют же вони
Холодную воду.
Деж був Путрусь?
Деж була Гануся?
Петрусь у батенька,
Гануся у свого;
А тепер же вони
У воднии свитлоньци.
Ой пьют же вони
Зелене вино;
Та идят же вони
Дрибнии калачи:
У мед умокаючи,
Маком обсыпаючи.

Поют про дочь, которая тонет; но ни отец, ни мать не поддают ей помощи – один только ее суженый.

Та в недилынку рано,
Чегос тое та море грало?
Там Гануся та потопала,
К соби батенька бажала.
А батенька та на бережочку,
Е човнычек и веселчко:
«Потопай, мое сердечко!»
Та в недилынку рано,
Чегос тое та море грало?

Там Гануся та потопала,
К соби матиньку бажала.
А матинька та на бережочку,
Е човнычок и веселечко:
«Потопай, мое сердечко!»
Та в недилиньку рано,
Чегос тое та море грало?
Там Гануся та потопала,
К соби Петруся бажала.
А Петрусь та на бережочку,
Е човнычек и веселечко:
«Не потопай, мое сердечко!»

При пении свадебных песен прикладывают к ним имена засватанных и молодых. Эта песнь не расцвечена нежными чувствами, но она показывает, что любящий первый подает помощь своей любимой. Поют еще:

Пропыв, пропыв, пропыв,
Ондрийко дочку,
На зеленом вини.
Не треба мени дочки!
Напившись, вона скаче,
А проспавшись, вона плаче:
Тятичко! Чим я тобі надокучила,
Твий двир охраняючи,
Чилядиньку привертаючи?

Коли б я знала,
Коли б я видала,
Що засватана буду;
Мыла б я стины,
Щоб були билы,
Для свекорка для старенького,
Для приходу его.
Коли б я знала,
Коли б я видала,

Що засватана буду;
Не ковала б я
Золотого перстенечка;
А сковала б я
Золотые крылышки.
Политила бы я,
Отвидала б чужую сторону;
Не так сторону, не так чужу,
Як чужого батиньку:
Чи вин добрый, чи добровирный,
Як мий ридний?
Чи вин буде пускаты,
На улицу гуляты?

Казав явороночик: не бийся морозынька!
Не пуцу от себе листыньки.
А тепер пускае,
Сыру землю укрывае,
Усе долины наповняе,
И могилы выровняе.
Казав мий батинько,
Не отдам тебе, моя доненько;
А тепер отдае, та не жалуе;
На весь свит мене завязывае,
Гуляты мене заказывае.

Любящиеся, милуясь друг с другом, ничего не видят подле себя и ничего не слышат: они только говорят между собою и не наговорятся; смотрят на самих себя, а все прочее не существует для них. Посторонние толкуют тогда иначе, хотя очень знают, что их невнимание проистекает от душевных восторгов, и, чтобы отвлечь их милованье и потешиться над ними, поют:

Та в саду соловейко не щебетав,
Та Петрусь Гануси не циловав;
Як же соловейко защебетав,
Петрусь Ганусю поциловав.

Тогда все смеются над ними, а отец требует, чтобы они поцеловались. Девушки между тем, чтобы не терять время повеселиться, поют:

Ой ты душечка, наша Гануся!
Ламлить роженьку,
Стелить дороженьку,
Щоб мягко ступаты,
На двир танцёваты:
За скрипками, з цымбалами,
З хорошими боярами.

Все гости понимают, к чему клонится это пение. Отец кричит: «Давай музыку!» – Одна из проворных девушек бежит за скрипачом, и немедленно приводит его. Начинаются танцы, скачки – кто как горазд. Соседи, услышав музыку, сбегаются. Под окнами избы уже толпа народу. Веселые девушки и молодцы выходят на широкий двор и открывают пляску. Девушки выделывают дрибушки (частое перебирание ногами), а молодцы пускаются в гопака (в присядку) – все вертится и кружится; гости расходятся почти перед светом.

Со времени засватанья до свадьбы помолвленные видятся между собою почти каждый день: они вместе ходят и целуются, вместе закупают вещи для домашнего обзаведения и новые платья для радостного своего праздника; проводят вместе не только день, но и ночь, и жених строго наблюдает благопристойность. В противном случае остается бесчестие на всю его жизнь¹.

¹ При всей любви жениха часто пробуждается в нем скорбное чувство. Мысль, что он женится, и Бог знает, будет ли он счастлив; что, женившись, нельзя расстаться; что с женитьбою оканчивается его свобода казацкая и все *жарты* (забавы) с чернобровыми и румяными *дивчатами* – все это заставляет сокрушаться его. Это чувство очень хорошо выражено в песне:

Хлопче, молодче, який ты ледащо!
Задумав жениться, сам не знаешь на що.
Будешь колысь плакаты!
Хлопче, молодче, який ты ледащо!
Задумав жениться, сам не знаешь на що.
Будешь колысь плакаты,

Долю прокlynаты,
И кулаками слезы утираты.
Хлопче, молодче,
С черными бровями!
На що тобі жинка?
Камень за плечами!
Выплачеш ты очи,
Да не вернешь доли;
И сам згинешь,
Як могила у поли!
Черненькие бровки,
Скаетесь не в пору;
Як закотыцца сонце
За високу гору.
Пиздно тогда буде
С сердцем розмовляты,
И кулаками слезы утираты.
Лучше наперед
Як с сердцем попытацца.
Вже ж оженився,
А писля не кайся.
Казацкий я доли
Во вик не забуду:
Одныи любитьи,
Никола не буду!
Пиздно мое сердце,
Пиздно схаменулось!
Рано мое счастье,
Рано извернулось!
Мабуть я николи
Его не побачу!
Пиду на ричку,
Та с горя заплачу.
Уже мисяц свите,
Тучи надо мною;
А я несчастливый
Сижу над водою:
Плачу, заливаюсь
Гирькими слезами.
Ах, мои дивчата!
Ах, мои дивчата!
Я прощаюсь с вами,
Я прощаюсь с вами.

Эта песнь сочинена одним даровитым и образованным человеком, г. Ярославским. Мне же она сообщена знакомым моим, Я. Я. Тимченко-Рубановым, которому я обязан многими источниками о малороссийских обрядах.

ИЗБРАНИЕ ДРУЖЕК

За несколько дней до веселья молодые собирают свадебный причет. Жених собирает своих дружков и бояр, из коих старший дружка распоряжается уже всем, что относится до свадьбы. Всем даются рушники белые, которыми перевязывают себя через правое плечо и прикалывают к шапке по ленточке красной. Невеста избирает для себя дружек и старшую свитилку (сваху). Дружки получают от нее хустки и ленты. По избрании свадебных чинов молодые отправляются по знакомым, чтобы просить их на свадьбу. Войдя в избу, кланяются и говорят: «Просит батько и просит маты на хлиб, на силь и на висилье». Их принимают радушно и угощают. Приход невесты провозглашают девушки пением:

Обметайте двory,
Застилайте столы,
Кладите ложечки,
Срибны блюдечки,
Золоты мысочки,
От идут дружечки.

Войдя в избу, она кланяется и говорит: «Просит батько, просит маты на хлиб, на силь и на висилье». Во время хождения молодых по домам поют веселые песни.

Выди, выди, магинько, противу нас,
Глянь же, матинько, на всех нас:
Краше Гануся ото всех нас!
Не вызнала маты своего дитяты.
За дружечками, за слезечками;
За дружечками за миленькими,
И за слезечками за дребненькими.

Я у матери була,
Я горилочку пила;
Та не простую, а коричную,
За солодким медком.

Я дружечек люблю,
До дружечек иду:
Дружечка, голубочка,
Як зеленая груша
По двору зеление.
Обметайте двory,
Купи матинько китайки,
Та застилай столы.
Глядите, голубочки,
Идут к вам дружечки.

Спасибо вам за дружку,
За ея послужку;
Хоть не умие спиваты,
Та умие таньцоваты.

Утинько иде,
Утинят за собою веде,
За шовковою травою.
Да не утка се иде,
Гануся не утят веде,
А дружечек за собою,
За черною косою.

Ой ты душенько наша, Гануся!
Сухая рыбочка не трецця,
Матинько, богатий жених не шлеця;
А бидный не смие,
Так моя черна косынька смирие.

Ой ты душенько наша, Гануся!
Велики скоки сороки,
Низки поклоны вороны,
Довгоножик куличок,
Далеко слыхаты дружечок.
Ой ты душенько наша, душенько!
Лежит горох по дорози,
Твий батинько в дорози;
Вин того не знае,
Що дочка гадае.

Свити, свити, звиздечко ясно,
Щоб у Гануси личико було красно;
Свити еще яснийши,
Щоб було краснийши.
Петрусеньку веселійши.

ПЕЧЕНИЕ КАРАВАЕВ

Дня за два до свадьбы пекут большие и малые караваи: т. е. пшеничные хлебы, окрашенные красной краскою; поверх их налепливают хлебные птички, которые вместе с караваем покрываются золотой мишурой и украшаются прапорками (спичками); сверх караваев еще пекут из хлеба: конников, коровок и других животных, каких вздумают, коими на свадьбе дарят детей и тех гостей, у коих есть маленькие дети. Печенье караваев сопровождается пением песен, сколько можно веселых, думая, что в это время они имеют влияние на судьбу молодых. Самую закваску свадебного хлеба сопровождают песнями по той же самой причине. Когда каравай бывает спечен и он поднимется высоко, тогда женщины поднимают радостный крик, бьют в ладоши, скачут по лавкам и столам и вакханским напевом разгоняют стыдливых девушек.

Яка я уродылася,
Така и удалася;
Хотив мене Иван,
Да я не подалася.

И шумит и гуде,
Дрибен дощик иде.
Ой хто ж мене молодую,
Та до дому проведе?
Обызався козак,
На солодким меду:
Гуляй, гуляй, мое сердце,
Я до дому проведу;
Ой прошу ж я тебе,
Не веди ж ты мене;

Сердитого свекра маю,
Буде биты тебе.
    Ой я свекра не боюся,
    Ой я свекру поклонюся:
    Бо вин се розтолкуе,
    И обниме, поцилуе.
На бик хлопцы, на бик хлопцы,
Бо черт свекра несе:
Як побаче мене з вами,
Его трясця затрясе.
    Нехай трясє, нехай трясє,
    Як у поли грушу!
    А я таки молодая,
    Погуляты хочу!
    Нехай трясє, нехай трясє,
    Як у саду вишню!
    А я таки молодая,
    Своего свекра вышлю.
Ой не стий пид викном,
Не махай рукавом;
Бо як прыйде пора,
То я выйду сама;
Бо як прыйде той час,
То я выйду на час.
    Ой ни стий пид викном,
    Не ворочайся;
    Просы мене чого хоч,
    Не соромляйся.
Не повив вин до дому,
Та повив у солому.

.....

Диду мий, голубе мий,
Та порада моя,
Та потиха моя.

Ой на гори метельця,
Чому старый не женьця?
Ой як же мене женьця.
Прийшла пора журыця...

ДЕВИЧНИК

Бракосочетание совершается в воскресенье, посему в субботу назначается в невестинном доме девичник. Сюда собираются ее дружки, подружки и свитилки. Старшая свитилка занимает здесь главное место. Вечером приезжает на ужин жених: с родственниками, дружками и боярами. Все они садятся за стол, по распоряжению старшего дружки. Девушки, дружки и свитилка против бояр, а жених раздает подарки: отцу, матери и свойственникам. Тогда дружки поют свадебные песни, а потом ужинают. Свитилка сидит в большом углу и держит в руке казацкую саблю, увитую калиновой с ягодами ветвью; на сабле прилепляется тройная зажженная из воску свеча. С тех пор молодой именуется князем, а молодая – княгиней. Сабля означает казацкую вольность, а калина – непорочность. После ужина выходят из хаты, танцуют под скрипку и гуляют до полуночи.

ОБРЯД ПЕРЕД ВЕНЧАНИЕМ И ПОСЛЕ ВЕНЧАНИЯ

Бояре и дружки слушают заутреню в воскресенье вместе с князем и княгиней. Подруги идут потом к своей молодой, чтобы одеть ее в брачное платье и расчесать девичью ее косу. Они в последний раз заплетают ей косу венком, убирают голову цветами, и преимущественно барвинком и руюто¹. Когда помолвленная умрет до свадьбы, тогда могилу ее усыпают барвинком и руюто в ознаменование, что с нею похоронена любовь и надежда. После обедни собираются дружки к своим молодым, которые испрашивают благословения у родителей; при этом благословении поют:

Похильное то дерево, тая липа,
Покирное то дитяtko поклонилось,

---

¹ Барвинок означает любовь, а рута – надежду.

Отцу и матери та низехонько.
Не стий вербо, розвивайся,
Свий, свий соби вербо,
Сим сот квиток:
Щоб всім боярам було по квіточки,
Одну нивисти и молодому.
Ото тобі квітка,
Хорошая дивка.

Свити звиздечко з неба,
Свити, чого нам треба.
Первого воскресенья,
Просим на весілья:
Хож ийти,
Хож нейдити,
Хож дома сидити.

Суботинько, недилинько,
Як один день;
Плакала Гануся тиж день!
Як мени плакати перестаты?
Як свекора назваты?
Назову я свекорком – не гарно;
А назвати мени батинько –
И милуй Боже!
Назову я свекорком – не гарно;
А назвати мени батинько –
И милуй Боже!

Слала зоря до місяця рано, рано;
Слала зоря до місяця ранесинько.
Ой місячко братику, рано, рано;
Ой місячко мий братику, ранесинько.

После благословения отправляются в церковь. Впереди поезжанных идет дружка, за ним свитилки, преимущественно из молодых девушек: одна несет брачные свечи, а другая – предковський меч, увитый рутою, барвинком и красной

калиною¹; затем идет молодая чета, окруженная боярами, дружками, пиддружками и свахами, а все шествие заключается двумя или тремя музыкантами, которые с гордой важностью несут в руках скрипки и бубны и по выходе из церкви играют. Некоторые играют даже и тогда, когда молодые идут в церковь.

При отправлении молодых в церковь сопровождают их пением:

Ой у поли у крыныченьки,
Орлы воду пьють;
Та вжеж мою дивчиноньку
До церкви ведут!
Жаль, жаль мени буде,
Разлучают мене люды;
Теперь не моя,
Не буде моя.
Одын веде за рученьку,
Другий за рукав;
Третий стоить, сердце болыть:
Любыв, та не взяв!
Жаль, жаль мени буде,
Жаль, жаль мени буде.

По тим боци Дуная,
Вивчарь вивьци ганяе;
Вивчарь вивьци ганяе,
На молодцив моргае:
Гей молодци, молодци!
Накажить моей дивонци,
Нехай мене не любыть,
Сама себе не губыть.
Бо я порубок удовый,
Аще к тому й убогий.
Яловинку без лику.
По тим боци Дуная,
Там дивчына гуляла;

---

¹ Предковский меч делается железом.

Де козаченько ходыв,
Там барвынок уродыв;
Деж дивчына стояла,
Там травонька повяла.

Перепелычка мала,
Не велычка;
По полю литае,
Траву пригортае.
Траву пригортае,
Сокола шукае.
Дивчыно, сырого!
Не стелы широко.
Стелы узенько,
Прысунься близенько.
Будым говорыты,
Як у свити жыты.
Будым размовляты,
Як й гориваты.

Из-пид крутой горы
Вылитало два орлы;
Литаючи, промовляючи,
Та по своей горькой доли.

Молодой, выходя из церкви, кланяется всем встречающимся ему на дороге и отправляется с своим поездом в свой дом, а молодая – в свой. У молодого обедают бояре, свитилки, сваха, старосты и дружки. Тогда свитилка припиливает к шапкам бояр, старост и скрипача красные из лент квитки (букеты цветов из лент) или одни красные ленты и цветы, и свои шапки они должны выкупать. После обеда родители жениха садятся на шубу, вывороченную вверх шерстью, держа в руке большой ржаной или ситный хлеб. Сын кланяется в ноги отцу, потом матери, которая благословляет его хлебом; потом он просит дозволения ехать ему в дом своей невесты.

ВСТРЕЧА МОЛОДОГО

Молодой с боярами, старостами, свахою, свитилкою и дружками отправляется в дом невесты. О его приближении маршалки (старосты) дают знать отцу и матери невесты и кладут хлеб на стол, и ставят штоф водки. Посредине двора ставится тогда квашня, накрытая скатертью, а на ней хлеб и штоф водки; мать дарит дружку и поддружку рушниками, а князя встречает в вывороченной шубе, сидя на вилах или на кочерге и держа в руках горшок с водою и овсом, она дарит его. Зять, взяв от нее горшок, выливает воду на гриву своей лошади и передает старшему боярину, который, приняв от него, бросает в сторону и замечает: если расшибется горшок, то родится сын; а когда уцелеет, тогда дочь.

ПРОДАЖА НЕВЕСТЫ

Потом молодой сходит с лошади, а на нее садится брат невестин или другой какой-либо свойственник и скачет по улице во всю прыть. Бояре, сев на своих лошадях, обращаются за ним в погоню. Словив его, они ведут к невесте и пред нею потчуют вином. Подающий вино говорит: «Прошу выкушать». Тот ему кланяется и не пьет. Тогда дружка выпивает вместо него и, налив другую чарку водки, подносит брату невесты; он опять отказывается. Снова дружка спрашивает: «Что тебе надобно?» – «Денег». Дружка вынимает из кармана несколько денег, кладет на тарелку и подносит ему. Он берет деньги, выпивает вино и слезает с лошади; тогда бояре бьют слегка по спине его прутьями; он уходит от них, потом возвращается к сенным дверям и, взяв обнаженную саблю, садится подле невесты. Князь с свахою и свитилкою стоят в сенях; мать невесты выходит из избы, зажигает у свитилки с тройной ее свечи, прилепленной к ее сабле, свою восковую свечу; целуется с свитилкою через порог и с дозволения старосты вводит молодого к невесте, окруженной уже дружками. Подле невесты

сидит брат, или другой какой-либо свойственник, или тот самый, который ездил на лошади молодого. Дружка спрашивает его: «Зачем сидишь здесь?» – «Я берегу свою сестру». – «Она уже не твоя, а наша», – возражает дружка. «А ежели она теперь ваша, то заплатите мне за ее прокормление. Я одевал ее, кормил, поил в течение восемнадцати лет, – говоря о летах невесты, не насчитывают более восемнадцати, – а вы хотите взять даром!» – «Что же ты издержал?» – спрашивает дружка. «Много! восемь бочек бураков, четыре бочки капусты, шесть волов, двенадцать кабанов, двадцать овец, двести гусей, триста куриц, четыреста уток, сто кулей муки, пива пятнадцать бочек, меду пятьдесят бочек, водки сороковую бочку, а платья, а уборов, а черевик – и счету нет!» Чем более выставляется расход, тем почетнее для молодой. Дружка вынимает из кармана несколько мелких денег, кладет на деревянную тарелку и ставит на ней чарку водки; потом подносит ему, но он не берет, потому что мало. Дружка склоняет его на уступку, но он не соглашается; торг продолжается, пока не сойдутся в цене. По продаже невесты брат ее выходит из-за стола: на его место садится князь – это называется сажание молодых на посаде (за столом). Тут поют девушки:

Та уси аньгилы, та уси святые,
Пид виконечком сили.
Молода Гануся у свого батиньки
Благословения просит:
Благослови мене, мий батинько!
На пасадисьти.
Бог тебе, дочинько, на помощь,
Аньгилы на радости.
Аньгилы рядят,
На посад садят,
Господь долиньку дае.

Низом, низом соколенько летив,
Коло его соколяты;
Сидайте вы, соколяты,

На вишнях, на черешнях,
А я сяду в вишневом саду.
От вам, соколяты,
Усим погалоцы,
А мени сиву зозулю.
Низом, низом Петрусенько ихав,
Коло его бояры.
Сидайти, вы бояры, по лавочкам,
А я сяду у тестя за столичком.
От вам, бояры, усим подружки,
А мени, молодому, молода Гануся.

Як в саду соловийко заспивав,
А Петрусенько Ганусю не циловав;
Як в саду соловийко заспивав,
Петрусенько Ганусю поциловав.
В саду соловийко гнздо вье,
Чи усим боярам мисто е?
А кому не ма,
Не хай сам соби шукае.
Як не буде шукаты,
То буде у порога стояты.

Ты сизая зозулинька,
Чому летишь, та не закукуешь,
Лито теплое не згадаеш.
Твое высокое литанье минуеца,
Высокое литаньечко,
Хорошее кукованьечко.
А ты, молодая Ганусю,
Чому сидишь, та не заплачешь?
Уже твое минуеца
Субботнее часеньечко,
А в нидилию обризаньеце.

Та наихало на наш двир
Сим пар голубей,
Узнавай, голубочко!
Де буде твий двир?

Як мени угадаты,
Свий двир узнаваты?
Шо билесенько,
Як лебеденько, – то мий!
Наихало сим сот бояр,
Узнавай, Ганусенько,
Де твий милый?
Шо у синим,
Та на усивым,
То не мий.
А шо у голубому,
Та на вороному,
Той буде мий.

На двори дощик иде з росюю,
Размовляла Гануся з своей косою:
Коса моя, косынько!
Та важко мени вздыханье,
Гирькое расставанье.
Не год я, не два тебе чесала,
Красны стрички заплетала.
Як розплетали и всю порвали,
Под очипок клали,
Усю изорвали,
Усю мою кисоньку изорвали.

На гори жито, а на двори просо;
Шо ж тоби буде, моя руса коса?
Куда ж ты, Ганюсю, вечерком
Пизнесинько ходыла,
Шо ты того Петрусенька полюбила?
Не я его, подружечки, полюбила,
Та полюбив его мий батицько:
За его тихие розговоры,
За его низкие поклоны.

В продолжение пения родители невесты потчуют водкою зятя и всех гостей. Девушки поют:

Мы були в церкви, бачили диво:
Два виньцы на столыцы,
А третий на Ганусиной на головке.

Стояла Ганусенька пид винечком,
Чесала русу косыньку гребенечком;
Упав гребенец пид крылец!
Поддай мени, Петрусенько, гребенец!
Яж тобі, Ганусенько, не вдовец,
Тогды бы я подав твий гребенец.

Колесом, колесом
Солнышко в гору
Поднималось;
Ганусенька к подружечкам
Собиралась.
И своему батиньке
День добрый дае;
День до вечера
З дивчатами гуляе.
Ганусенько у батинька
Кохане дитя;
Кохане, як утя,
Як рожа в огорожи.

Дывуються селяны,
Що идут бояры;
Коники воронье,
Бояры молодые.
Де станут,
Там играють,
Ганусеньку выманяють.
Иди, Ганусенько, з нами,
Дадим тобі квиточку з пирьями.
Я ту квиточку не зношу,
Бо полюбила Петрусенька, як душу.

Давжеж улицы тисны!
Бо по сим уличкам

Ихали бояры пышны.
Та везли вони хоругву,
Да на той хоругви малеванье.
То Ганусенько твое написанье.

Сказано матери,
Шо твоих диток звязали;
Твоих диток,
Одних литок,
Тонесеньким, билесеньким,
Рушничком.

Поезжайте бояры до бору,
Рубайте сосну, да довгу.
Становите сосну на столи,
На столечки, на дубовиным,
На тонесеньким рушничку,
На серибриним блюдечку.

Не вийте, вы витры, из рожки;
Повийте витры по дорози,
Рознесите русу косу
По красному поясу;
Розберите по волосочку,
Як жито по колосочку.

Ой гаем, гаем,
Ихали бояры веселеньки.
Я тобі честь добываю,
Василечком обметаю,
Барвинечком обстилаю:
Щоб гай був зелененький,
Щоб гостей увеселить
Веселенько.

Летив горностаи
Через сад;
Пускав пирьячко
На весь зеленый посад.

Пора тобі, Гануся,
Сисьти на посад.

Дружка между тем испрашивает благословения у старосты: «Не пора ли раздавать подарки?» Получив согласие, он подносит отцу хлеб, матери красные козловые сапоги, родственникам, свойственникам и всему поезду молодых и прочим гостям: платки, рушники, коники, деланные из теста, бублики, караваи, пряники; потом дружка просит три раза дозволения: «Паны, старосты и пидстаросты! Благословите молодых вывести из хаты на двир погуляты».

ТАНЦЫ

Весь народ выходит на двор. Тройста (скрипач, цимбалист и бас) уже играет. Вперед выступают две пары девушек и, взявшись за руки, начинают дрибушку: стучат каблуками, брясчат подковами; то кружатся вместе, то расходятся; то, как лебеди, гордо плывут, то, как уточки, ныряют. Головы поднимают вверх и вдруг опускают или черными глазами устремляются к молодцам. Тут размахивают руками небрежно, рисуются гибким станом, приседают, сближаются и обвиваются друг около друга. Мороз подирает по коже молодцев! Толпа рукоплещет девушкам. Они устали, пот льется с их лиц, только утрутся платочками и снова. Они и хотели бы перестать, но музыка еще играет. Музыканты никого не уважают: дерут себе напропалую! Одна из девушек уже не может танцевать; она просит и молит музыкантов: «Годи бо дядьку! Та перестаньте! Ось оже не здужаю!» (Полно, дядюшка, да перестаньте, вот уже не могу). Тройста не слушает – она знает свое дело. Дружка в то время подносит музыкантам по чарке водки, и вот девушки рады: музыкантам кланяются и присоединяются к своим подругам. Но тут один нетерпеливый парубок-красавец кричит: «Эй музыка! нуте ж горлицы!». Он выходит на середину, берется за бока и смотрит с самодоволь-

¹ Название танца – по переводу: танец голубки.

ством. На нем из серых смушек высокая шапка, с красным верхом, и надета набекрень. Он водит усами, посматривает на всех важно, не засмеется и приговаривает: «Одже узався танцеваты, та може и не вмию» (Вот взялся танцевать, да может быть не сумею). Тройста играет. Молодец пошел вприсядку: ногами не коснется земли! Он скачет, приседая на коленях; потом обернется, привскочит, ударит в ладоши и вдруг свистнет, что в ушах засвищит. Затем подбочинется и снова трепака. Земля гудит под ним, а он стучит, гремит, выделявает дрибушку ногами; потом подпрыгнет и снова вприсядку: вертится, увивается и, подскочив к одной из девушек, вьется около нее, выделяет трепака и присядку и приговаривает: «Ой дивчина горлица, до козака горнетця; а козак, як орел, як побачив, та й змер!» (Ой девушка голубка, к казаку жметя, а козак, как орел, как увидел ее, так и замер!) Общее одобрение: «Добре! Оце ж як з лиха мудро!» Он снимает шапку, кланяется всем и выходит из круга. За ним другой молодец начинает казачка, а там мятелицу. Он носится вихрем и, посматривая на стариков, приговаривает: «Ой на двори мятелиця! Чому старый не жениця?» – Но сам красавец так и мнетя около девушек, а девушкам это по сердцу. Они не остаются в покое: пускаются за ним, вертятся, закруживаются в сладостном самозабвении – и тогда в сердцах настоящая метель. Все скачет, стучит и кричит: ой на двори мятелиця, мятелиця. Шум, хохот и неподдельное веселье, подстрекают других плясать: все летит, метет, и миг радости в жизни бурной, хотя, как метель, доволен для пирующих. Пляска продолжается до тех пор, пока дружка не попросит гостей к обеду. Все умолкает: каждый идет чинно и занимает свое место.

КУШАНЬЕ

Стол накрывается поверх ковра тканной скатертью: на столе расставлены деревянные белые и окрашенные тарелки, ложки, солонки, кружки и ножки с вилками. У зажиточных бывают стеклянные стаканы, муравленая посуда и белые

глиняные тарелки. Обед готовится в избытке: лапша с курицей, пироги, жаркое всякого рода с соусом и подливкой; холодное, поросенок с тертым хреном и сметаной, яичница, холодец (ботвинья), галушки (клецки) с молоком, молочная каша, различные белые хлеба, разные водки: запеканка, польвовая, гвоздичная; настойки из трав и пряных корней, вишневка, терновка, сливянка, дулинка (из груш), смородиновка, малиновка; яблочный и грушевый квас, пиво, брага и варенуха. Вместо сладких послеобеденных закусок подают медяники (медовые пряники), маковки, моченые яблоки, сушеные черносливы, груши, дули, вишни, павыдло (пастила), финики, орехи, винные ягоды и изюм. Таковой стол, конечно, не всяк может иметь, по крайней мере всякий старается угостить на славу. Мещане, купцы и другие зажиточные ничего не жалеют для радостного дня.

Перед женихом и невестой стоят пустые тарелки, с положенными на них крестообразно двумя ложками, и ржаной целый хлеб, обсыпанный солью. Посреди стола каравай, накрытый крестообразно двумя утиральниками, с воткнутой в него ветвью еловой или калиновой. Под образами сабля, окруженная зажженными свечами. Молодые ничего не едят во весь обед. По принесении первого кушанья, лапши, отец и мать потчуют гостей водкой и пьют за здоровье новобрачных. Потчевание водкой повторяется почти при каждом кушанье. Сестра невесты, сняв с жениха шапку, пришивает к ней квитку (цветок) и поет приличную песнь. Старший староста, который в иных местах заменяется старшим дружкой, распоряжается угощением и смотрит, чтобы все были сыты, довольны и веселы. Для этого избирается преимущественно веселый, проворный, услужливый и предупредительный; иначе он подвергнется посмеянию, и девушки тогда поют на его счет:

Старший боярин, як болван,
Вытратив очи, як баран.
Обручами глаза збыты,
Мочулою свыты,

Лычком пидперезевся,
У бояра прыбрався!

В помощь старшего боярина назначается несколько дружек и поддружьев, которые помогают угощать, но при каждом угощении спрашивают у него благословения и дозволения на подавание кушанья или на что-либо другое. Старший дружка, прочитав после благословения старосты «Отче наш», снимает с каравая рушники, берет один себе, а другой отдает поддружему и перевязывает себе и ему через плечо; потом разрезает каравай на части и делит между гостями. Каждый дает за то по несколько денег. После обеда все идут на двор снова танцевать и гуляют до сумерек. Вечером подают ужин, и все гости садятся за стол по прежнему порядку.

ПОКРЫВАНЬЕ

После ужина девушки расплетают косу молодой, а старшая сваха заплетает по женскому обычаю и надевает очипок, который срывает с себя новобрачная до трех раз и бросает на пол. При надевании очипка она и ее подруги плачут: первая об отнятии у нее девической волюшки, а вторая – о расставании с нею. Тут они поют песни:

Покрываночка плаче,
Покрываночка плаче,
Покрыватися не хоче;
Не так не покрываця,
Як с ними расставаця¹.

---

¹ В других местах поют еще:

Покрываночка плаче
Покриваця хоче,
Щоб ни дивувать,
А бабувовать.

Они прощаются с нею: обнимают и целуют друг друга.
Тут поют грустные песни.

Зять хороший!
Давай мени копу грошей,
Копую ще не отбудешь,
Хиба мени жупанок купишь.
А як гривен шести недасы,
Звелю тебе от сестры отвезти.

Як не стыдно тоби, зятинько,
Що ты на конику идешь:
Без седельчика и без лучка,
За столом сидишь
Без шлычка и без виничка.

Зять на мене та не надивицця,
Вин на мене сопротивцця;
Зять на мене не погляне,
Вин мене тишком лае.

Таки буде не по-вашему,
А буде по-нашему;
Як бы мы схотили,
Мы б ий до Дунаю повели,
Мы б ий там кисочку заплели,
Мы б ий з собою увезли.

Слушайте бояры: де голубь гуде?
То не голубь гуде,

При надевании очипка иногда девушки выходят из избы и, подойдя к тому окошку, против которого сидит молодая, поют в насмешку:

Тоби буде дивувать,
А нам ще довго гулять,
Трай, рай, ра. (3)
Мы идем на вечерницы
А ты уже молодыця. (3)

Невеста, услышав эту песнь, начинает плакать.

То Петрусь гомонит,
Молодевство здае!
Нате вам, бояры,
Молодевство мое,
И стрилку и лучек,
И передний тоничек.

Слухайте дружечки: де голубка гуде?
Не голубка гуде,
То Ганусенька гомонит,
Дивованье здае:
Нате вам, дружечки,
Дивованье мое,
Шапку и винок,
И первый починок.

Чие у тебе, пониматко, дитятко?
Шлесь ии противу ночки!
Дай ий проводничка, хоть братичка,
Дай ий проводницу, хоть сестрицу.

Старша дружка маленька,
У ней маты старенька:
Шлет вона послы и посилае,
Щоб ея детина дома була,
Щоб ея детину привели:
З скрипками, з цимбалами,
З хорошими боярами.

Вышла Олена из-под Билого камня,
Пытае Олена: чи люта зима?
Хоть люта, хоть не люта,
Не так, як лито.

Выглядае Гануся
Из-пид тонького сирпянка,
Пытаеця у людей:
Чи грозный ея свекорок?
Та не такий, як твий ридний.

Прощай, прощай! Уже мы идемо,
Уже твое дивованье,
З собой беремо.

Спасибо тобі, Ганусенько,
Що ты нас в дружечки брала,
Що близенько около себя сажала.

Брала Гануся лен,
Выгоняла своих дружечек вин!
На що було нас браты,
Коли вин выгоняты?

Жаль нам тебе, Ганусенько,
Що позвала нас до себе;
Разлука наша з тобой,
Як с ридней сестрой.

Чего ж ты, Ганусю, досиживаешь?
Чом ты, батинька, не дякуешь?
Кони уже запряжены,
И повозочки позавертаны.
Тильки, батинько,
Систы та поихиты.
Тильки, батинько, не пора!
Упала Гануся батиньки низко,
Спасибо тобі, мий батинько,
За твое коханьеце:
Що я у вас гуляла,
Важного дила не знала;
Тильки знала до свиточку
Та на уличку,
Та за виночок,
Та в тоночок.

Когда оденут по женскому обряду, тогда молодая дарит своих подруг платками и лентами и потом расстается с ними. Старшую дружку провожают бояре с пением и музыкою до самого ее двора.

ПРОВОЖАНИЕ МОЛОДЫХ И РАДОСТЬ О БЛАГОПОЛУЧИИ МОЛОДОЙ

По расходу гостей ужинают молодые за особым столом в уединенной комнате или чулане. Дружки и свахи собирают тогда приданое невесты, складывают на телегу или сани и, посадив туда невесту с свитилкою и свахою, везут в дом жениха, который тут же едет верхом с боярами с правой стороны. Молодой по выезде из тестева двора бьет плетью по спине своей молодой несколько раз, приговаривая: покидай нравы отца и матери и привыкай к моим. При выезде в дом зажигают посреди ворот куль соломы, чрез который переезжают молодые, а за ними весь их поезд; потом входят в хату¹. Новобрачные кланяются в ноги родителям, кои благословляют их образом и хлебом-солью; потом сажают их за стол и подают им ужин, где они едят прежним порядком. После ужина дружка со свахою и свойственниками ведут новобрачных в подклеть и там оставляют их вдвоем на некоторое время. В иных местах музыканты, подтянувши струны на скрипках, провожают новобрачных к ложу торжественным маршем. Молодая снимает сапог с молодого, который по снятии бьет ее слегка по спине голенищем, и приказывает ей взять выпавшие из сапога деньги. Затем ложатся спать на посланной на полу соломе, покрытой ковром или войлоком. Дружка с обнаженною саблею в руке в казацком наряде и в шапке набекрень ездит верхом около сенника молодых. Никто тогда не смеет подойти, даже самая любопытная сваха. Спустя несколько времени молодой зовет дружку и объявляет ему о благополучии своей молодой. Дружка входит в подклеть с родственниками невесты и свахою и удостоверяются в действительности; потом отправляются к родителям жениха с

¹ Молодые переезжают через огонь в том мнении, что огонь очищает их от всякой нечистой силы и предохраняет от порчи. Если до приезда молодой узнает о каком-нибудь неблагополучии в доме жениха, то впускают в хату кошку или петуха, которые должны пробыть там целые сутки, или заставляют молодую влезть в окошко в одной рубашке, причем произносят заговоры от колдовства.

радостным известием: поздравляют родителей с счастливым браком молодых; поют, веселятся и пляшут¹. После отправляются в дом родителей невесты и в знак радости бьют окошки, печи, ломают столы, стулья, лавки, колотят посуду и все, что попадется им в руки. Иногда все переломают и перебьют в доме, но родители не только за то не сердятся – еще благодарят их: дарят рушниками и платками. Разгульные вестовщики возвращаются в дом жениха и проводят всю ночь до светлого дня в пении, плясках и шумном веселье².

На другой день, в понедельник, собираются гости в дом молодого. Поутру рано приходит сюда старший боярин к молодой, берет у нее красную запаску (передник), привязывает к высокому шесту, ставит его у ворот, в ознаменование целомудрия молодой, и запаска развивается на шесте до самого вечера или покуда молодые не возвратятся из вечерни. Молодой боярин, когда идут молодые, влезает на ворота и, поднявши шест с запаской, машет на молодых, а потом выпускает их во двор. Тогда весь свадебный причет в предшестве дружки, который держит в руках хлеб и штоф водки, идет при пении песен в дом старшего дружки. Последний выходит им навстречу, принимает и угощает кушаньем и вином. После выходят на двор и танцуют под музыку. От старшего дружки отправляются к боярам, свахам и свитилки, которые их также угощают, и, обойдя всех поочередно, отправляются к молодым и спрашивают у родителей дозволения, чтобы вест новобрачных в церковь.

В иных местах есть обыкновение, что на другой день свадьбы идут рано к молодой ее дружки и приносят ей до завтрака жареную курицу и каравай, а она угощает их особо.

¹ Иные кладут сорочку молодой на тарелку или в чашку, приносят к родителям невесты на сохранение и, идя по улице, поют:

А наша хатина доброго роду,
Куповали кунцы, не продала;
.....
.....

² Если молодая окажется нечестною, то надевают хомуты на дружков, сватов и на мать молодой и всех их водят по улице.

ПОКРОВЕНИЕ ГОЛОВЫ

Получив согласие вести новобрачных в церковь, надевают на молодую очипок (чепец), намитку (повойник) с красною вокруг головы лентою. Молодые ожидают на паперти (церковном крыльце) или даже около церкви, пока придет священник. Дружка и подружка отправляются к дьячку и пономарю; кладут им на стол по хлебу и ставят склянку водки; от них идут к священнику с теми же самыми подарками и просят его, чтобы он ввел молодых в церковь. Поп требует платы, ему дают, и тогда он, подойдя к дверям и прочтя молитву за порогом, берет новобрачных за руки, вводит в церковь и читает молитву покровению головы; потом покрывает молодую серпянкою (фатою), окропляет новобрачных святою водою, благословляет их на новую жизнь и отпускает с пожеланием им счастья.

ВЕСЕЛЬЕ СВАДЕБНЫХ ГОСТЕЙ В ПРОДОЛЖЕНИЕ НЕДЕЛИ

Все свадебные гости идут в дом молодого. Новобрачных сажают за стол. Сюда приходит свекор с палкою и тычет ею в глаза невестки, спрашивая: не слепа ли она, что сидит под фатою? В удостоверение свое он снимает с нее серпянку и от радости, что она не слепая, потчует вином. Дружка же ставит на стол мед в деревянной тарелке, намазывает им кусок белого хлеба и отведывает сперва сам, потом подносит другой кусок ко рту молодых, и сам съедает; но третий кусок отдает уже им. Прочие ломти хлеба с медом раздаем всем находящимся тут. После, по благословению старосты, выходят гости на двор, чтобы повеселиться: дружка начинает пляску. Старший боярин, поставив чарку вина и положив несколько мелких денег на тарелку, подносит все это молодой. Она, взяв деньги и выпив немного водки, идет танцевать с ним, а потом со всеми. По окончании танцев дружка просит гостей ужинать. Войдя в избу, они садятся по указанию старосты и

дружки; всех их потчуют отец и мать. Дружка испрашивает у старосты дозволения разрезать каравай. По прочтении «Отче наш» он разрезает который на части, подносит сначала отцу и матери, потом всем свадебным гостям, кои дарят новобрачных на заведение хозяйства домашними птицами и скотом; наконец, взяв жареную или вареную курицу, а иногда сырую, хлеб и стульны¹, обкладывает их калиновыми ветвями, обводит красной бумагою и идет с молодым и со всею свадебною толпою к тестю и теще при пении и игрании музыки. Дружка там кладет курицу с хлебом на стол; тесть и теща угощают их. После дружка делит курицу на мелкие части: тестю дает пару стульнев и куриную голову, а теще – пару стульнев и заднюю часть курицы, прочим гостям – по ломтю стульня и куску курицы. Съев все это, теща отправляется к зятнему отцу со всеми пришедшими к ней; там ужинают, а после веселятся: поют и танцуют до рассвета. Во вторник собираются гости к обоим сватам, ходя толпами из дома в дом; их угощают кушаньем и напитками, не оставляя забав, которые продолжаются нередко во всю неделю. Субботою оканчиваются все свадебные обряды². В течение свадебной недели князь разъезжает по улице с своими боярами, и все верхами. Бояре и дружки ездят с перевязанными через плечо рушниками и приколотыми к шапкам лентами, а молодой с цветком, приколотым к его шапке. Во время поезда поют песни:

Горе с таким чиловиком,
Що сам горыльки не пье,
И мени не вельгы;
Сам в люди нейде,
И мене не пускае.
Як украду пятак,

---

¹ Стульны – род пирогов. Они делаются с загибами по 6 углам и с большими загибами; иногда загибается почти вся целая половина.

² Свадьба малороссийская довольно расходная. Она самому небогатому поселянину обходится не менее 50 руб. серебром. В прежние годы, не более 40 лет тому назад, она обходилась с обеих сторон не более 10 руб. серебром.

Пийду в кабак.
Пыла я ничиньку,
Пыла я дви,
На третью ничинку
До дому иду.
Та встретила с диверьком
На бытом шляху.
Нивистушко, голубушко,
Де ты була?
Диверько, братику,
Горьлку пыла.
Нивистушко, голубушко,
Мужик буде биты.
Диверько, братико,
Прийде браныты –
Я дам тобі сорочечку,
Тонку льняную;
Дам тобі хусточку,
Вишиванную.
Як зачует мий миленький
В вышневим саду,
Я ту сорочичку
Сам изношу;
А ту хусточку
В руках изотру.
Тоби, моя миленька,
Головку изобью.
Покатилась головочка,
Як маковочка;
Рассыпалась червонна,
Як по пичи жар.
Учиньлось миленькому жаль:
Возьми пятак,
Та пийды в кабак.
Та всеж я малесенька
Напилась,
За твоєю головою
Нажилась¹.

---

¹ Эту песнь поют по большей части женщины после первого дня свадьбы.

Да ны куй, старосто,
Золотого ножа;
Пыдкуй пид сани ирване (полозья)
Пыдвозы тязы, та поидимо,
Гором борою.
Буде каминь звенить,
А возы гудыть.
Зачуют люды,
Нам слава буде,
А сваха зачует,
Що славийше буде.

Та ны куй, Петрусю,
Золотого ножа;
Пыдкуй пид сани ирване,
Пидвозы тязы,
Та поидемо,
Гором борою.
Возы будут шумить,
А каминь звенить.
Зачуют люды,
Нам слава буде;
Зачует Гануся,
Ще славнийше буде.

Ой темная,
Та невидная ниченька!
Ой дурная,
Та неразумная дивчина!
Полюбила козаченька старого,
Веде за рученьку его пьяного;
Кладе спаты
На тесовой кровати;
Сама пишла
В вишневый сад гуляты.
А забула соловеечку
Приказаты:
Ни спивай рано в саду,

Ни буды ж мого миленького
В комори.
Яж думала,
Мий миленький
Спит и не чуе.
Аж вин на мене
Нагаичку готуе.
Яж думала,
Шо нагаичка шуточка.
А як де вдаре,
Там лопнется шкурочка,
Яж думала,
Шо нагаичка
Тинкий дрит.
А як де ударе,
Там рассядиця шкурочка.

При встрече жениха с невестою дружки и бояре поют:

Ихали бояры горою,
Звалы Ганусю з собою:
Пийдем з намы!
Дамо тобі квиточку,
З пирьями.

Дружки невесты отвечают <теми же песнями, что при от-
правлении молодых в церковь>.

А сю квиточку
Не зношу,
Бо полюбила Петруся,
Як душу.

По тим боци Дуная,
Вивчарь вивьци гоняе;
Вивчарь вивьци гоняе,
На молодцив моргае...

и т.д.

Женщины и мужчины поют во время веселья шуточные и часто такие песни, какие вздумают или как им по сердцу.

Ой выихав козак на Украину,
На Украины побачив дивчину,
З коня зараз уставае,
До дивчины прыпадае,
Кулыною называе.

Кулыно моя,
Ты пани моя!

Ой ты козаче!
Ой ты пане мий!
Та чы есть у тебе,
Та куринь свий?

Куринь маю крый Дунаю,
Очеретом обставлю;
Що побачу, загоняю;
Кулыно моя,
Ты пани моя!

Ой ты козаче,
Ой ты пане мий!
Та чы есть у тебе
Та наидь свий?

Соломаха, затираха,
От вся козацкая идаха!
Кулыно моя,
Ты пани моя!

Ой ты козаче,
Ой ты пане мий!
Та чы есть у тебе,
Та одиж свий?

Жупаныну черви зылы,
А сорочку росточылы;
В потылыцы гниздо свылы,
До крыныци пыть ходылы,
Кулыно моя,
Ты пани моя!

За Немель иду!
Гей, коню мий! Коню, —
Заграй пидо мною.
Дивчыно, прощай!

За Немель идешь,
Мене покидаешь!
Куда ж ты, мий мылый,
Куда ж отъезжаешь?
Хиба ж тоби милый,
Чужа сторона,
Риднийше, милийше,
Свой вона?

Иду и туды,
Де роблят на дыво:
Червонное пиво,
З крови супостат.

Хиба ж ты задумав
Тым пивом упытця?
Хиба ж ты задумав
Зо мной разлучытця?
Испый мои слезы,
Испый мою кровь,
Та тилько не кидай
За верную любовь!..

Дивчыно, не плачь,
Не рвы мое сердце!
Як пир той мынетця,
Вернусь я назад.

Та вжеж тоби, милый,
Назад не вертатця:
Там тоби серденько
Навик зоставаця!
Дывысь, пид тобою
И кинь щось понык.
У поли червоним
Заснешь ты навик!

Як ворон до тебе
В иконце закряче,

Из-за моря прыскаче
Козаченько твий!
Як явир зелений
Головоньку склоне,
Зозуля закукне,
Дуброва застане;
Як кинь пидо мною,
Спиткнетця, вздохне;
Тодди не буде
На свити мене!

Гомин, гомин по дуброви,
Туман поле покрывае,
Маты сына прогоняе:
Иды, сыну, геть вид мене,
Нехай тебе орда визьме!

Орда мене, маты, знае,
Сриблом, златом надиляе.

Иды, сыну, геть вид мене,
Нехай тебе москаль визьме!

Мене, маты, москаль знае,
Обидаты прыклькае.

Иды, сыну, геть вид мене,
Нехай тебе турчын визьме!

Мене, маты, турчын знае,
Пывом, медом напувае.

Гомин, гомин по доброви,
Туман поле покрывае,
Маты сына завертае:
Вернись, сыну, до домоньку,
Смыю тобі, счешу головеньку.

Смыют мени дрибни дощи,
А вычешуть густы терны.

Ой на гори женьци,

Жнут. (2)

А по пид горою,

По пид зеленою,

Козаки идут. (2)

По переду Дорошенко,
Веде свое вийско:
Веде Запорожцев дружненько.
А в средини
Сыню дюжый,
Пид ным коныченько,
Пид ным вороненький,
Сильно дюжый. (2)
А по заду Сагайдашний,
Що проминяв жиньку
На тютюн, на люльку –
Необачный!
Ой вернися, Сагайдашний,
Возьмы свою жиньку,
Верны мою люльку,
Необачный! (2)
Мени жинка
Не годыщя,
А тютюн та люлька
При всякий дорози
Снадобьтця! (2)
Ой хто в лиси?
Обызвися!
Та выкрешем огню,
Та покурим люльки,
Не журися! (2)

Женщины и мужчины поют во время веселья шуточные песни, и часто нарушающие скромность.

А у сусида хата била,
А у сусида жинка мила;
А у мене ни хатынки,
Нема щастья, нема жинки. (2)
За сусидом молодьци,
За сусидом и вдовьци;
И дивчата поглядають
И сусида вси кохають. (2)

У сусида хата била,
У сусида жинка мила;
Нижки били, не вельчки,
Носыть жовти черевычки.
    Завсегда встае раненько,
Прыберетса чипурненько.
На сніданьї пирожки,
Шульки та галушки.
В обид ставе борщ з сметаной,
Та все в мисци поливняной;
З чесноком пампушки, кваша,
Та гречана з шкварками каша.
    А як все поприбирае,
    То николи не гуляе:
    За плахту заткне кудылку,
    Пряде дуже тонку нитку.
А у мене хата чорна,
Жинка брыдка, не моторна:
Усе спыть, та лежыть,
Не хоче соби робыть.
    Скажу: Ганко! Встань раненько,
    Приберы все хорошенько.
    Вона слухаты не хоче,
    И як видьма все сокоче.
Прыйшов з поля,
Змордовавсья;
Исты добре,
Сподивавсья.
Вона борщ
Ни с чим ставыт:
Хлеб сухой
Аж в горли давыт.
    За що ж, мужык, мене бье?
    За якы прычынки?
    Чы я ж иому не напяла,
    За рик три почынки!
Чы я ж мужови не жинка?
Чы не господыня?

Три дни хаты не мела,
Сमितья не носыла. (2)
От яка у мене жинка!
Не слухае, тай бридка!
Притуляся до куточка,
Вона сопе, бисова дочка.

Ой горе! Горе!
Шо я не вдався.
Брив через ричиньку,
Тай не вмывався.
Ох я вернуся,
Тай умынося;
На свою мылую
Тай подывлюся.
И не вертайся,
И не вмывайся.
Тыж мени, серденько,
И так сподывався.

Чы бис мени раду дав,
Шцо я соби бабу взяв:
Бабу, бабу, бабу, бабу взяв.
И сорока скрегоче,
Нихто бабы не хоче.
Чы бис мени раду дав,
Шцо я соби бабу взяв.
Бабу, бабу, бабу, бабу взяв,
А при борози, на гурзи,
Цямле дзябель бабу,
На шнураи.
Чы бис мени раду дав,
Шцо я соби бабу взяв,
Бабу, бабу, бабу, бабу взяв –
Подай цебе пшиц!
Цямле дзябель бабу кренае.
Чы бис мени раду дав,
Шцо я соби бабу взяв,
Бабу, бабу, бабу, бабу взяв.

Ой содома, пане-брате!
Содома! Содома!
Нема у мене снопа жыта:
Ни в поли, ни дома.
Було у мене, брате, жыто
Зелене, зелене.
Пожав пан тее жито,
Без мене, без мене!
Стари паны булы,
Добры – легки на роботу.
Цилий тыждень соби робыш,
Панови в субботу.
Нови паны лыхи сталы,
Тяжкы на роботу.
Цилий тыждень пану робыш,
Шарварок в субботу.
А в недили ранесенько,
До церкви зазвонят;
А Савло с козакамы
На паньщину гонить.
Ой содома, пане-брате!
Содома! Содома!
Нема у мене снопа жыта:
Ни в поли, ни дома!

Чи диво, чи не диво, –
Дивчина парубка побила!
Ихали дивчата на войну
На вороних конях,
Молодицы на волах,
А парубки на собаках.
Завоевали дивчата три города,
А молодицы дви слободы,
А парубки три свиньи.
Йли дивки били колачи,
Молодицы паляницы,
А парубки житный хлиб.
Пили дивки мед и горилку,

Молодицы бражечку,
А хлопцы гуцу.
Тута шов сирый вивк:
Дивчатам шапку сняв,
Молодицам поклин отдав,
А парубкам хвист пидняв.

Блудили парубки
Сим год по припечку,
Та приблудили перед викно,
Зобачили дивочок толочок.
Дивочки наши, голубочки!
Подайте ж нам исты:
Житняго хлиба, черепок сыру,
Щербату ложку,
Щоб стало у сим потришки.

Поихали парубки на лови,
Та уловили комаря,
Повезли его до пана.
Стали судьи судиты,
Комаря дилиты:
Сему – тому по стегну,
А одному голова;
Що из них великий,
Тай без ума!
А шестому полуногтец,
Що хороший молодец;
А сьедьмому хвостище,
Куда иде, тай свище.

От Києва до Римна¹,
Дороженька стовбова
До вдовынаго двора.
А у вдовы у двори
Стоят столы дубовы;
А за тыми столами

---

¹ Римни, Ромен, уездный город Полтавской губ.

Сыдят паны рядами.
Воны думу думалы,
Воны раду радьлы:
Кого в службу отдать?
Де пять – там не братъ;
Де чотыре – не велят;
Де три, в двирь не йды.
А де два – не ризны.

У одной вдовы одын сын,
Тай той пишов пид аршин!
Его паны любили,
Чорны кудри обрыли,
И повели присягать.
За ним иде стара маты.
Не плачь, маты, не рыдай,
Карых очей не обливай.
Як у строю побачишь,
Тогды маты заплачишь.

Чи поля опустошены?
Чи луга не выкошены?
Оцеж того одынця,
Вдовыного молодця.

Девушки, ходя по улице с молодой, поют по большей части веселые песни, иногда грустные, смотря по тому, за кого она вышла замуж.

В четверг сходятся дружки и родные в дом молодой и учат ее прясть. Тут потчует их молодой и угощает обеденным столом. Песни и пляски снова возобновляются; в них принимают участие девушки и сама молодая. Вот несколько песен:

Северин, Северин, Севириночку!¹
«Чого?»
Посватай ты у нас тай дивчиночку.
«На врага!»
Северин, Северин, Севириночку!

---

¹ Эту песню поют на два голоса: первый голос не скорый и протяжный, а второй короткий и отвечает басом. Второй голос отмечен здесь кавычками.

Посватай ты у нас дивчиночку,
У нашей дивчины карьи очи.
«Таки як морква».
Вона ж гуляе аж до пивночи.
«Бо честна, як жидивский пятинок».
Северин, Северин, Севериночку!
Посватай ты у нас тай дивчиночку,
Вжеж наша дивчина тай процвітае.
«Як макуха пид лавою».
Вона ж и богомилячко знае.
«Як жид у сали».
Северин, Северин, Севериночку!
Посватай ты у нас тай дивчиночку.
С досвиток йшла, утомилася.
«Бод дуже поспишала».
До дому прийшла и завалылася.
«Бо пьяна була».
Северин, Северин, Севириночку!
Посватай ты у нас тай дивчиночку:
Колы ж вона така, так плюнь на ий!
«Пфу на ий!»
Северин, Северин, Севериночку!
Посватай ты у нас дивчиночку.

Як ишов я з вечерниц,
Темненькой ночи;
Сидыть гуська на купыни,
Вытрищыла очи.
Я на ии: гиля! гиля!
А вона и присила.
Як бы не кий, не ломака,
Тоб може и зыла!

Ой як чумак несчастливый,
З журьбы хожу ледве живый.
Волы росы не стрямалы,
Бидны зараз поздыхалы.
З журьбы трохы погуляю!
Сынь горилку, жиду – юдко!

Ты музыко заграй худко.
Нехай чумак погуляе,
Хоть копиички не мае!
Я мазницю и мазыло,
Що вид воза летило,
За горилку жиду даю,
Бо ничего бильш не маю.
    Ой гуляй, гуляй чумаче,
    Хоть жинка дома плаче.
    Требаж ии отвидаты,
    Але буде з хаты гнаты.
Бо любила и кохала,
Як вид мене гроши брала;
Теперь хоче богатого,
Мене киди несчастного.

Ой оре Семен, оре,
Да сивыми волами;
Его жинка Катеринка,
З москалями гуляе.
    Та до орався Семен,
    Тай до велького лану;
    Пустив волив у доброву,
    А сам пишов до дому.
Та пытаецця Семен:
Де, диты, ваша маты?
Наша маты, – тавжеж!
Пишла з москалями гуляты.
    Та ударыцца Семен,
    Об пил руками:
    Ой диты, мои голубята!
    Да пропав же я з вами.

Да не люблю ж я ни Стецька, ни Грицька,
Ни Ивана, ни Романа, ни Яцька!
Тилько люблю Василечка,
У Василечки вся силечка,
В иого есть, еще й буде,
Ище к тому и роздобуде,

Василечка любить буду.
Да не люблю ж я ни Тараса, ни Протаса,
Бо дивчина я хороша, круглотаса;
Тилько люблю Василечка, –
У Василечка вся силечка, и проч.
Да не люблю ж я ни Демида, ни Давида,
Бо дивчина я хороша, кругловида;
Тилько люблю Василечка
У Василечка вся силечка, и проч.
Да не люблю ж я ни Антона, ни Платона,
Бо дивчина я хороша, черноброва;
Тилько люблю Василечка,
У Василечка вся силечка, и проч.

Та була у мене жинка,
Та була у мене любка;
Тай послала вона мене
Та у лис по дрова.
Та дала мени сокиру,
Та дала мени тупую.
Щоб я уморився. (2)
В лиси опизнввся. (2)
Як мени Биг нагадав,
Я сокиру поточив;
Тай я й не вморився, (2)
В лиси не опизнввся. (2)
Та дала мени кобылу,
Та дала слипую;
Щоб я заблудввся, (2)
В лиси забарввся. (2)
Як мени Биг погодвв,
Вивк кобылку задаввв.
Так я й не заблудввся, (2)
В лиси не барввся. (2)
Та дала мени скоринку,
Та дала мени сухую;
Щоб я удавввся, (2)
В лиси опизнввся. (2)
Як мени Биг погодвв,

Я скоринку розмочыв;
Так я й не удавився, (2)
В лиси не опизнывся. (2).

Ути пори время,
Щеголь оженився;
Оженився, утратився,
Тай жинка умерла.
Орла взяли старостоваты,
Орел летит та до гусей,
Тай став жартоваты.
Щеголь летае,
Бояр збирае:
То снигирцев,
То горобцив,
В бояре сажае.
Сыниця летае,
Дружок збирае.
Посмитюшки,
Жовтобрюшки,
В дружки сажае.
Дружком соловейко
Щебече раненько;
А зозуля свашкою,
Та й все хорошенько!
Сороки преданки
Скакают по лавкам;
Бидна ж наша головонька
Що нема кылабки!

От там близя вербы,
В кинци гребли,
Що я насадыла;
Уже ж мени не любиты,
Кого я любила!
Ой у мене у садочку
Да зацвили груши;
Ой хоть буде милый другий,
Да вжеж й не по души!

Ой у мене у садочку
Да зацвили вышни;
Ой хоть буде милый другий,
Да вжеж й не по мысли!
    Ой пиду я у садочик,
    Накопаю пыжмы;
    Бодай моя розлучниця
    Не пережила тыжня!
Ой пиду я у садочик,
Накопаю мяты;
Бодай моя розлучниця,
Не перешла хаты!
    Ой пиду я у садочик,
    Накопаю руты;
    Бодай моя розлучниця,
    Не пережила минуты!
Ой у мене у садочку,
Зацвили нагитки,
Бодай моей розлучницы
Дай дождали того дитки!¹

Я на мистичко иду
И оснивку несу;
А за мною дитынята,
Несут клубинята.
Я оснивку пропила,
Клубки на похмиле;
Нехай воно не лежит,
В комори без дила.
    От пива болить спина,
    А от меду голова.
    Ой купиж горилочки,
    Щоб я весела була!
Ой ты пьешь, мене бьешь,
За який вчинки?
Що я тобі да напряла
За год три починки!

---

¹ Эту песнь поют девушки и на вечерницах.

Один прjala до Риздва;
Другий до Миколы;
А як третий почала,
Буде й до Покровы!
Не сама шей прjala –
Кума помогала,
Куми дала мыску пшона
Да три куска сала!
Не сама ще кума прjala, –
Буллы ий помощницы:
То за хлиб, то за силь,
То за паляницы!
Накупыв веретин,
Чорт ма готовила!
Так я й тим,
Пичи пидпальыла.
Ой ты пьешь, мене бьешь,
Роспитай за що?
Хочь и ты, хочь и я –
Обои ледашо!

Биду соби купыла,
Та за свои гроши;
Велят люди любиты,
А вин не хороший!
Як стане вередоваты,
Треба з хаты уतिकаты.
За щож мене, муженьку, бьешь?
За якие вчинки?
Чы я тоби не напярла
За рик два починка?
Чы я у тебе не жинка?
Чы я не господыня?
Три дни хаты не мила,
Сमितья не носила.

Продай, мужу, корову
И купи кобылу;
Щоб было чым возыти
Сमितья на могилу!

На бережку у ставка,
На дощечци у млынка,
Плахту прjala дивчына,
Плескалась, як рыбочка,
Тай упала, встать не могла.
Гей, не мае тут никого!
Ой никому пидбигты,
Щоб дивчыну вытягты!
Кричит проби! – Ии маты,
Щоб дивчыну ратоваты,
Каже, що за працю тую
Я дивчыну подарую.

Ой дивчына уродлива,
Румяная, чернобрыва,
Оченьки, як ясоньки,
Губоньки, як розоньки,
Рученьки мякесеньки,
Ноженьки билесеньки.
Гарная, як квиточка,
Любая, як рыбочка,
Тай умиет таньцовать,
З козаками жартовать.
Як козак тут нагодывся,
Зараз в ставок опустывся;
Знайшов шнидко вин дивчыну,
Дай вытяг, як рыбчину.

Гей козаче уродливый,
Молоденький и жартливый,
Усоньки чорнявие,
Зубоньки перловые!
Чубчик твий круглесенький,
Тай жупан синесенький;
Червонная шапочка,
Тая огулярочка,
Сафьяновые чоботци,
Тай шабелька при боци.
Стережыся, дивчыно,
Моя любо рыбчино!

Одна в млинку не ходы,
Та в ставочок не впады.
Ой я дуже працював,
Як тебе вытягав,
Для гарного твоего стану,
Чы яж тебе не достану?
Вечер я буду близенько,
Прийды до мене, серденько!
Тыж дивчыно уродлива,
Румяна, чорнобрыва;
Оченьки, як ясоньки,
Губоньки, як розоньки,
Рученьки мякесеньки,
Ноженьки билесеньки;
Гарная, як квиточка,
Любая, як рыбочка,
Тай умиешь танцьковать,
С козаками жартовать.
Гей козаче любесенький,
Мий голубе сизесенький!
Потаньцой зо мною, як можешь,
Пожартуй соби, як хочешь.
За твою я працю тую,
Всего тебе розцилюю:
Усоньки чорнявие,
Зубоньки перловые,
Чубчик твий круглесенький,
Червонную шапочку,
Тую огулярочку. –
Колыж доля то моя,
Так нехай буду твоя!¹

Оженився волошин,
Та взяв жинку без грошей.
Ой чук, чук, поберемся
Тай будемо пановаты!

---

¹ Песнь эта была любимую светлейшего князя Гр. Ал. Потемкина-Таврического. По веселому своему голосу она поется всеми с удовольствием и прекрасно разыгрывается на музыке.

Тай будемо пановаты,
Тай будемо поживаты!¹
    Оженився дурень,
    Та взяв жинку глуповату.
Що будемо робыты?
Запалымо хату!

По дорози жук, жук,
По дорози чорный,
Подывыся, дивчыно,
Який я моторный!
Подывыся, огляныся,
Який я удався!
Хиба даси копу грошей,
Щоб я поженыхався!

Посию я горошек
На зелений нивци,
Ой куплю я черевички
Свой чернобривци!
    Коли любишь – так люби,
    А не любишь – откажи.

Як запряжу свиню в виз,
Та поиду по рогиз,
И рогизу не нарвала –
Свиня виз поломала!
    Як запряжу козу в дрижки,
    Та поиду до Явдошки.
    Явдошки не бувало –
    Коза дрижки поломала!
Як запряжу козу в санки,
Та поиду до Ульянки.
И Ульянки не бувало,
Коза санки поломала!

---

¹ Вместо двух этих стихов поют еще:

Ты будешь свини пасты,
А я загоняты.

Ой був, та нема,
Та поихав на ричку.
Кольб его чорты втялы,
Поставила б свичку!

Ой умер чоловик,
Дай на лавци лежыть.
Сказылася жинка,
По горилку бижыть.
Чомусь, моя, моя маты,
Та дримається?
Пидо мною ворон конык
Спотыкається. (2)

Привяжу я коныченька
До красной калины,
А сам пиду до дивчины
На билы перины. (2)
А у тои душки
Чотыри подушки,
А пята перына
Сама чорнобрыва. (2)

Скажи, моя мила, правду:
Ты любишь ты мене?
Коли вирно любишь,
Возьми за себе. (2)
А коли не любишь,
Убью сам себе. (2)
Нехай люды судят, –
Нехай говорят;
Нехай говорят,
Що вони хотят.
Вони мене позабудят
И с тым замовчат.

Ой дивчыно, дивчыно,
Куды идешь?
Скажи, скажи, серденько,
Де живешь. (2)

Ой я живу, козаченько,
Край воды, край воды,
Близь высокий, серденько,
Лободы, Лободы.

Ой маты, маты,
Козак у хаты!
Пустуе, жартуе,
Не дае спаты. (2)
    Ой доню, доню,
    Не будь дурною.
    Бий его, доню,
    Хоть кочергою. (2)

Идут дивки, чорнобривки,
Высоки пидкивки.
Ой тии пидкивочки
Тонки – похьлилися.
Ой на тую дивчыночку
Козаки дывовалися.

    Ой отдайте ж мене
    Та за Вольшина,
    Щоб я була молодая
    Та хорошая. (2)
Ой отдайте ж мене
Та за Сербина,
Щоб я була молодая,
Та милосердая. (2)
    Ой отдайте ж мене
    Та за Турчина,
    Щоб я свое било плати
    Натурбучила. (2)
От тепер же я ни мала, ни велика –
Треба мени чоловика,
Ни старого, ни малого,
Козаченька молодого. (2)
    Грыцю, Грыцю, до коров,
Грыцю каже – не здоров.

Грыцю, Грыцю, до телят,
У Грыця ниженьки болят.
Грыцю, Грыцю, до роботы –
У Грыця нема чобот.
Грыцю, Грыцю, до Маруси –
Зараз, зараз, приберуся.

Колыб мени з ранку
Горилочки чарку,
Та тютюн, та люльку,
Дивчину Ганульку.
Горилочку б я пыв, пыв,
Люлечку б я палыв, палыв,
Дивчину Ганулечку
До серденька б притулив.

От тоби, милый,
Сорочку помыла.
Шовком шыла,
Сриблом шыла,
Золотом рубыла.
Оце ж тоби, козаченьку,
Шо вирно любыла.

Ой за яром, яром,
Бряла дивка лин.
Всю дольню сходила, –
Нема ж мого миленького,
Шо вирно любыла. (2)
Деж ты милый, чорнобривый,
Деж ты? – обизвися!
На козака невзгодынька. –
Козак зажурывся!
Не журься, козаче,
По тоби дивчына плаче!
Нехай плаче, нехай плаче,
Вона мене вирно любе.
Карай Боже ворогив,
Шо нас розлучають.

XXI. СВАДЬБА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ- МАЛОРОССИЯН, НАХОДЯЩИХСЯ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

При заселении саратовских степей выходцами изнутри России многие малороссияне, увлеченные предоставленными им выгодами, добровольно устремились в пустынный край и заняли в нем привольные земли по левому берегу Волги вскоре после пугачевского бунта, во второй половине XVIII века. С собою они перенесли сюда свои нравы и обычаи, коим остались донныне верными, с незначительными изменениями.

Из замечательнейших здесь поселений суть две слободы на левом берегу реки Волги: Покровская, против г. Саратова, в Новоузенском уезде, и Николаевская, против г. Камышина, в Царевском уезде; в первой около 5.000 душ, а во второй – 3.908. Все жители – малороссияне и составляют исключительное сословие государственных крестьян. Язык их смешан с русским; они ходят по-русски: в лаптях и с бородами, но женщины сохранили прежние наряды. Все эти переселенцы отличаются трудолюбием, честностью и благочестием; весьма привержены к старинным обрядам своих прадедов¹. Из числа некоторых обрядов представляется здесь свадьба, которая совершается не только однообразно между покровскими и николаевскими переселенцами, но между всеми ими, рассеянными по саратовским степям.

---

¹ Туземные малороссияне отличаются хлебосольством, радушием, хорошей жизнью, и они особенно любят хорошо поесть и попить. Переселенцы-малороссияне утратили многие хорошие свойства: они очень скупы и негосприимны, особенно царевские, которые до того скупы, что превратились в отчаянных скряг, несмотря на то, что многие из них имеют стада рогатого скота, лошадей и овец. Вместо супа хлебают почти одну воду, даже в скоромные дни. Трудно поверить: в Светлое воскресенье и Рождество Христова едва разговляются и часто встречают эти великие праздники одним сухим хлебом и рыбою, но чтобы попить, то ничего не жалеют.

СВАТОВСТВО

По совершеннолетию сына старшие в его семействе советуются между собою: где высватать ему дивчину? Если сами затрудняются найти невесту для своего сына, то спрашивают его самого: не знает ли он сам где-нибудь? Или не выбрал ли уже сам на вечерницах? Жених, имеющий у себя на примете девушку, объявляет о ней. Когда избранная им дивчина известна его родителям, тогда говорят: «В добрый час! треба сватать». Если она им неизвестна, то отлагают на несколько времени, на день или на более; делают о поведении ее дознание через родственников или соседей, говоря им: хотим сватать дивчину, нельзя ли будет узнать, согласны ли будут ее родители выдать свою дивчину? Если согласны, то родственники или соседи извещают родственников жениха. Потом жених или его родители избирают двух стариков, кои называются старостами, призывают их к себе в дом и говорят жениху: ну вот тебе старосты; проси их, чтобы они шли сватать за тебя дивчину. Он обращается к ним с просьбою, они отвечают ему: «Добре хлопче, мы прийдемо свататы за тебе дивчину; гляды лишень, ты не наробы нам срамоты и бесчестья: щоб ты вид дивчины не отцурався». Когда он уверит их, что этого не случится, и скажет им: «Ни, пане старосты, идить с Богом!» – тогда они собираются в путь. Мать немедленно зажигает пред образами свечи, и все молятся Богу. Помолившись, жених кланяется отцу и матери в ноги, а если их нет, то старшим в семействе; его благословляют. После этого он подает старостам хлеб-соль, и они отправляются в дом невесты. Подошедши под окошко избы, говорят: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! помилуй нас». Им отвечают: «Аминь». Потом старосты спрашивают: «Чи пустите нас в хату, чи ни?» Если им скажут: «Ходить», – то они входят и отдают отцу и матери хлеб-соль или кладут на стол, говоря, что это хлеб и соль от жениха. Принявший в руки хлеб-соль крестится, целует и кладет на стол. Их же благодарят и просят садиться. Они садятся возле стола и ведут сначала разговор о хозяйстве; потом говорят: «Нам известно, что у вас есть дивчина, а у наше-

го свата хлопец, вин хочет свататься. А хлопец наш знает дивчину вашу, и вона, як мы наслышаны от него, показалаь ему, то може и дивчина ваша знает нашего хлопца. Согласны ли вы отдать за нашего хлопца или нет? Скажите нам». Родители невесты, хотя дали уже согласие чрез людей, а жених уговорил невесту, однако отговариваются: «У нас невеста еще молода, и мы не готовились: того нет, другого нет. Надо подумать, може жених ваш не согласен; вы пришли просто сами; а може еще наша дивчина будет не согласна, треба расспросить, посоветоваться с родственниками и добрыми сторонними людьми». Отлагают на день или менее, и если родители невесты согласны отдать ее и невеста согласна выйти замуж за предлагаемого ей жениха, то оставляют хлеб-соль; старосты возвращаются к жениху и рассказывают о происходившем. Потом прежние старосты приходят в дом невесты в назначенное время, и когда со стороны родителей и невесты не будет уже никаких препятствий, тогда поручают тем старостам, чтобы они отправились к родным и родственникам жениха и привели бы его с собою. Между тем собираются родственники невесты. По собрании их приходит жених и становится у порога; к нему выводят невесту, их ставят рядом и спрашивают: первого о согласии взять ее за себя, а последнюю выйти за него замуж. Когда они подтвердят о своем согласии, тогда условливаются родители и родственники невесты, сколько взять за нее деньгами или чем другим? Многие выговаривают сапоги, вино и хлеб; иногда соглашаются на самом пустяке и потом расходятся. Иному хлопцу удастся скоро выставить себе дивчину, а другому мало одной зимы или лета: сватает года два. По окончании условия зажигают свечи пред иконами. Все молятся Богу; потом отец невесты, взяв икону и хлеб, садится с женою рядом, а невеста подходит к отцу и падает ему в ноги три раза. При последнем поклоне она лежит у ног отца; он благословляет ее, произнося: «Ну, дочко, Бог тебя благословляет, и я благословляю». Делает ей родительское наставление, а она, лежа у ног, выслушивает. Затем дает ей целовать икону и хлеб; после передает икону и хлеб своей жене, которая благословляет прежним обычаем. По совершении благослове-

ния невеста дарит старост вышитыми рушниками и ими перевязывает их – тем оканчивается сватовство.

ПИРОВАНИЕ

Отец жениха приглашает всех родных и добрых своих соседей в свой дом и угощает их вином; но не подносит более как по одной или по две рюмки, а жених с невестой угощают девушек в особой комнате. Потом отец невесты приглашает к себе гостей, которые потчуются вином и угощаются обедом. Когда все встанут из-за стола, тогда невеста подносит им по чарке водки, а старухи затягивают песнь протяжную:

Колиб я знала,
Колиб я видала,
Що засватана буду;
Терла б я стины,
Щоб були били,
Билою рокитою¹.
Та мила б я лавки,
Щоб були гладки,
Для приизду свекорка;
Мила б я столы,
Щоб були били,
Для свекрухи, для приходу ии.

Затем все идут в дом жениха, где приготовлена уже пирушка. Отпраздновав здесь пирушку, все отправляются толпой в дом невесты и таким образом посещают два и три дня сряду. У богатых продолжается это с неделю.

ВЕЧЕР У ЖЕНИХА

По совещании жениха с невестой он дает от себя вечер, для чего избирают особую избу и нанимают музыкантов. Сюда собираются дивчины, хлопцы и пляшут за полночь.

¹ Рокита, трава хвощ. Ею соскабливают грязь с домашней мебели и написанное на бумаге вместо перочинного ножика.

Когда все поужинают, тогда молодые ложатся спать вместе, а хлопцы с дивчинами; но все они ложатся рядом. Кроме одного вечера, жених не делает другого. После этого вечера он везде ходит с своей невестою и ночует с нею.

ПЕЧЕНИЕ КАРАВАЯ

По сготовлении всего к свадьбе пекут в доме молодых шишки и пичужки, и сверх того по одному большому караваю длиной почти через весь стол. Каравай убирают пичужками (разными птичками из теста) и тонкими длинными прутиками, обвитыми цветной бумагою, и поверх прутиков насаживают еще других пичужек, коих крылышки бывают покрыты золоченой шумихою (мишурой). Подле караваев ставят два штофа или полуштофа с водкою и перевязывают их красными нитками.

СОБИРАНИЕ ДРУЖЕК

Жених, избрав себе старшего боярина, и невеста – старшую дружку – ходят уже по своим родным: первый – чтобы собирать бояр, а вторая – дружек. Но до собрания их жених заходит к дом невесты и спрашивает у ее домашних: кого просить ему в бояры, дружки и свахи? По собрании бояр жених дарит каждому из них по красной ленте, которая пришивается к шапке, и по рушнику, которым перевязывают себе через плечо. Невеста заходит во всякий дом, где есть девушки, а дружки ее поют:

Обметайте двory,
Застилайте столы.
Смотрите, голубочки,
Идут дружочки.

Войдя в хату, невеста говорит: просит батько, просит маты: на хлиб, на силь и на весилья, а нам дайте дивчину в дружечки. По выходе из избы поют:

Спасибо вам за дружку,
За ее послушку;
Хоть не умие спивати,
Та умие тиньцовати.

Таким образом ходят от двора ко двору, пока невеста не наберет себе дружек.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Вечером сажают молодых за стол, каждого отдельно в своем доме; родители благословляют их. Во время благословения невесты поет сваха с девушками.

Похыльное та дерево, та ялина покирная,
То дитятко поклонилось
Отцу и няньцы, та низенько.

САЖАНИЕ НА ПОСАДЕ

Дружка подает жениху благословенную икону и, отворив дверь, кричит из сеней к посаженным у стола двум старостам: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! помилуй нас». Те отвечают ему: «Аминь». Он им говорит: «Спасет Бог за аминь», и продолжает: «Пане старосте и пидстаросте!» Те говорят ему: «А мы рады слухать». – «Кто до кого, а мы до Бога и до вашего здоровья. Благословите молодого князя за стил завести». Они отвечают ему: «Бог благословит». – «В другий раз». – «И в другий раз Бог благословит». – «И в третий раз». – «И в третий раз Бог благословит». – Потом оба старосты идут за женихом и вводят его в избу. За женихом идет старший боярин, за старшим боярином все бояре. Их сажают за стол. На месте жениха садится дружка, коему подают рюмку водки; он принимает. Это значит, что он пропил свое место. После этого он встает из-за стола, а на его место садится жених; подле него садится свашка с несколькими девушками,

из числа коих одна держит меч, убранный цветами и калиной.
Девушки эти поют вместе со свашкою:

Та вси аниоли, та вси святые,
Под викончиками,
Сили аниолы рядом на посад.
Сидят, а Господь долинку дае.
Молодой князь Грицю
У свого батеньки благословенья просит:
Благослови мене, ты мий батыньку,
На посади систы,
Та на столиным мисти.
Благословляю тебе, мий сыночку,
Бог мени та на помощь, аниолы на радости,
Господь долинку дае.

Не стий, вербо, розывайся,
Звый соби, вербо,
Сим сот квиток и чотыри,
Щоб усим боярам було по квиточки.
И одной не стало, молодому.
Ото тоби квитка, Гануся дивка.

ОТПРАВЛЕНИЕ МОЛОДОГО К НЕВЕСТЕ

Потом свашка с девушками встает из-за стола; на место ее опять садится дружка и кричит: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! помилуй нас». Старосты отвечают ему: «Аминь». Он им говорит: «Спасет Бог за аминь. Старосте пане и пидстаросте!» – «А мы ради слухать». – «Кто до кого, а мы до Бога и до вашего здоровья. Благословите молодого князя из-за стола вывести и до молодой княгини ийти». Те говорят ему: «Бог благословит». Дружка: «В другой раз и в третий раз». Старосты: «Бог благословит тричи разом», – и дружка выводит жениха из-за стола. Жених берет с собою кувшин с квасом или пивом и отправляется к невесте. Жених и бояре поют песни, какие

только могут прийти им на память. А свашка с девушками, называемыми свитилками, поют обрядную песнь:

Слала зоря до мисяца рано, рано,
Слала зоря до мисяца ранесенько.
Ой мисяцу, мий братику, рано, рано!
Ой мисяцу, мий братику, ранесенько!
Не заходь же ты ни вперед мене, рано, рано;
Ни заходь же ты ни поперед мене, ранесенько.
Ой зийдемо обое разом, рано, рано;
Ой зийдемо обое разом, ранесенько.
Осветимо небо и землю рано, рано,
Осветимо небо и землю ранесенько¹.

МОЛОДЫЕ НА ПОСАДЕ

По приходе жениха с боярами и дружкой в дом невесты дружка его идет вперед и возвещает о прибытии. Ему отворяют сени; тогда он входит с женихом. Потом дружка отворяет дверь избы и кричит: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! помилуй нас». Ему отвечают: «Аминь». – Дружка говорит: «Спасет Бог за аминь. Старосте пане и пидстаросте!» – «А мы ради слухать». – «Кто до кого, а мы до Бога и до вашего здоровья. Благословите молодого князя за стил завести». Старосты говорят: «Бог благословит». Дружка: «В другой раз и в третий раз». Старосты: «Бог благословит тричи разом». Потом он вводит его в избы, сажает за стол в передний угол к невесте и сам садится подле него. Когда подадут ему рюмку вина, тогда он выходит из-за стола, а на место его садятся две свашки, одна со стороны жениха, а другая невесты. Молодые девушки поют:

Мы не хочим пыти,
Мы не хочим пыти,

---

¹ Заря означает здесь невесту, а месяц – жениха. Есть поверье, что сестра, разлученная с братом, переселилась в вечернюю зарю, ищет его повсюду, плачет по нем, а потому вечно орошает поля своими слезами, а брат грустит по сестре и ходит по всему миру, превратившись в печальный месяц.

И в домони быты.
Мы хочим погуляты,
И таньцоваты.

Свашки встают из-за стола, а дружка садится на их место и говорит: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! помилуй нас». – Ему отвечают: «Аминь». – «Спасет Бог за аминь». Дружка: «Старосте пане и пидстаросте!» Старосты: «А мы ради слухать». – «Кто до кого, а мы до Бога и до вашего здоровья. Наш князь и княгиня кивают, моргают – на гулянье желают». Староста: «Бог благословит». Дружка: «И в другой раз, и в третий раз». Старосты: «Бог благословит тричи разом». Дружка выводит из-за стола и отводит молодых, бояр и дружек в особый дом, где все пляшут под музыку, во всю волюшку. Потом молодые ложатся спать вместе. Старики и старухи остаются в доме невесты, где угощают их особым столом.

Накануне свадьбы невеста ходит с своими подругами на поклон к теще, которая сажает ее за стол и угощает.

ОБРЯД ДО ВЕНЧАНИЯ

В день свадьбы жених и невеста собирают поутру своих бояр и дружек. По собрании их и по получении благословения от родителей идут в церковь: жених с своими боярами, а невеста с своими дружками. При выходе невесты из избы дружки поют:

Ой ты Ганусько, наша душенька!
Лежит горох по дорози,
Твий батинько в дорози:
Вин того не знае,
Шо дочка гадае.

Во время венчания свашка держит в руках пук цветов с воткнутой в него восковой свечою – это называется меч. Пук перевязан лентами и бывает украшен херувимчиками.

Под ноги молодых посыпают полынь и мяту, чтобы лиходеи не испортили их.

ПОСЛЕ ВЕНЧАНИЯ

По совершении венчания хранят пук цветов в доме молодой. Многие покрываются до свадьбы, по девичьему обычаю. Затем молодые идут в венцах и с образами в дом отца жениха, а другие снимают венцы в церкви и отправляются в дом без венцов и образов. Пришедших молодых сажает старший боярин и дружка за стол вместе с дружками, свашкою и свитилкою. Потом снимают с молодых венцы и относят с образами в церковь. Тогда всех угощают обеденным столом. После обеда мать жениха дарит деньгами невесту, которая, посидев несколько времени, отправляется с дружкой домой. Когда она идет, тогда поют:

Та ты душечка наша Гануся,
Колесом, колесом!
Соничко в гору идее,
Колесом, колесом!
Соничко в гору идее,
Молодая Гануся с дружечками иде.

Утка иде, утят в веде
За собою,
Зеленой шовковой
Травую.

После ухода молодой отправляется жених с своими боярами седлать лошадей, а невеста ходит по улице с своими дружками, распевая песни¹. Жених и бояре садятся на коней посреди двора, а мать жениха, насыпав в свою полу пшеницы, бросает ею на сидящих. Дружка и подружья ходят за матерью

¹ Иногда молодые по совершении над ними венчания отправляются порознь по своим домам; жених седлает лошадей вместе с своими боярами и разъезжает с ним по улице, а молодая ходит по улице с своими дружками.

и погоняют ее палкою. Когда она обойдет три раза, тогда подходит к жениху, берет коня его за повод и выводит со двора. Старший боярин едет за ним, а потом все выезжают и разъезжают по улице во весь день, при пении песен, какие им придут в голову. Разъезжающий жених называется князем, окружающие его – боярами, потому говорят, когда увидят скачущий поезд: «Князь с боярами едет – дайте дорогу!» Князь кланяется народу, а бояре посматривают с самодовольством.

Невеста с своими дружками ходит по улице пешком до самого вечера; дружки поют песни. Иногда они носят за нею пук цветов или тот меч, который держался в церкви во время венчания.

Ой ты душенько наша Гануся!
Суша рыбочка не трещя,
Матинько, богатый жених,
Не шлеця!
А бидний не смие.
Так моя, русая коса,
Смирие¹.

А в недилю рано, рано,
Сине море играло.
Гануся потопае,
Билы ручки поднимае.
А батинько круг бережечка:
Не потопай, моя доненько!
Гриценько, круг бережечка:
Не потопай, мое серденько!

Ой ты душенько наша,
Гануся миленька!

---

¹ В Малороссии воспевают черную косу, потому что там по большей части черноволосые девушки; здесь же поют русую по причине русоволосых девушек. Замечательно, что в Малороссии мужской и женский пол преимущественно имеют черные волосы, и собой мужчины и женщины румяны и белолицы. Здесь напротив: они бледные или, лучше сказать, безжизненные и мрачные. Волосы почти у всех их русые, а у детей белые, как лен; с 8 или 10-летнего возраста начинают изменяться.

Наш сокольчик далеко,
Мучится наш дружок.

Там ходила Гануся
По крутой гори;
Зобачыла тамичко
Селизеничка,
На тихий воды.
Приплынь, приплынь
Теперь к мени,
Мий селизеничко.
А за нею той Грицю
На билом кони.

Летив горностайко через сад,
Пускав пирьичко на весь сад.
Пора тобі, Ганусю,
Систи на посад.

Як пийду я до Дунаю,
Стану та подумаю.
Ты Дунай, мий Дунай,
Ты тихая вода.
Гануся тихо ходила,
Гриця полюбила.

Перед вечером приходит невеста с своими друзьями в свой дом и становится у дверей хаты. Родители выходят к ней навстречу: отец с иконою, а мать с караваем. Невеста кланяется отцу своему в ноги три раза, потом целует икону, а после целует своего отца. Затем кланяется матери три раза в ноги, потом целует каравай, а после мать. Девушки поют в это время три раза:

Ты кланяйся, Гануся,
Поперед Господу Богу.
От сюды неньци в ноги.
Приступи близенько,
Да поклонись низенько.

Дружка, отворив дверь, кричит: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! помилуй нас». Ему отвечают: «Аминь». – «Спасет Бог за аминь. Старосте и пидстаросте!» – «Мы ради слушать». – «Кто до кого, а мы до вашего здоровья. Благословите молодую за стил завести». Ему отвечают: «Бог благословит». – Дружка заводит невесту за стол и сажает ее в переднем углу. По левую сторону ее садится дружка, а девушки поют:

Да вси ангелы, да вси святыи,
Пид викончиком сили.
Молода Гануся, батенька просе:
Благослови, мий батенько!
Благослови мене на посади систи.
Бог тоби, доченько, на помощи,
Ангелы на радости.

Не низнаешь маты
Свого дитяти,
Вмисти с дружками,
За слизочками!
Ой выйди, выйди,
Гануся панянько.
Выйди со всіми,
Миленька матенько!
Я сидаю за столичком,
Со всіми дружечками.

После прибытия бояр с молодым жениха сажают с боярами за стол, а свашка с девушками поет:

Та гадайте старосты, гадайте,
По червонному складайте,
А вы, бояре, суньте
По червонному пид сукно.
Теперь годына не такая,
И дороженька склизкая.
Треба молодым добыток
И золотых пидкивок.

Во время пения подносят боярам по рюмке вина, а их дарят деньгами. Старший боярин берет деньги к себе. Потом дружка говорит старостам: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! помилуй нас». Старосты отвечают: «Аминь». Дружка: «Спасет Бог за аминь. Наш князь кивает, моргает, на погулянье желает». Старосты: «Бог благословит». – Дружка: «В другой раз и в третий раз». – «Бог благословит тричи разом». Дружка выводит из-за стола молодых: жених с боярами садится на лошадей. Дружка становится перед дверьми. Выходит из избы мать жениха, берет длинный прут или хворостину. Дружка садится на нее верхом и едет. Мать кладет в свою полу хмель, орехи и несколько мелких денег, обходит с дружкой поезд три раза кругом и бросает из полы на бояр. Потом она берет лошадь жениха своей полкой и выводит со двора, благословляя его к поезду. После она угощает родственников жениха. Молодой по выезде со двора едет по церквам. Прежде в ту, в которой венчался; потом в другие церкви. Во всех прикладывается к иконам с старшим боярином.

Во время поезда поют по улицам разные песни, какие придут на мысль. Если встречаются на дороге с другой свадьбой, то жених и старший боярин скачут напротив ее, схватывают лошадей за поводья: тогда жених с женихом, а старший боярин с старшим боярином целуют друг друга и желают взаимного счастья. За жениховым поездом едут в санях или телегах свитилки с свашкою, и они поют:

Ой лугом, лугом, вода иде;
 А по пид лугом стежичка,
 А на той стежички калинонька.
 Ой туда ихав староста издалека!
 Вин коничка погоняе,
 Стиха шабельку выймае:
 Хоче тую калиноньку зрубиты.
 Не руби мене, старосто!
 Не для тебе се калинонька,
     Се жениха.
 А для тебе молода дивчина,
     То наряженная.

Перед вечером подъезжает жених с боярами к дому невесты. Дружка его становится у ворот с кувшином квасу и с хлебом и начинает ловить жениха, который с боярами проскакивает мимо его до трех раз. Потом он подъезжает тихонько: дружка хватается за поводья и вводит его к невесте на двор¹. За ним въезжают все бояре и становятся в ряд подле крыльца. Невеста выходит в сени с дружками, которые поют:

Ой выйди маты з новой хаты
Та в рублены синечки.
Даемо тоби поклин,
Заведить нас за стил.

Когда мать выйдет и молодая станет ей кланяться в ноги, тогда поют:

Похильное то дерево, та ялина;
Покирное то дитяtko Гануся,
Поклонилось отцу и неньци та низенько,
Своему серденьку близенько.

Брат сестру за стил веде:
Сестро моя! Косой твоей
Мостить мости я стану,
Стелить ковры! Я й сяду.

ПРИЕМ МОЛОДЫХ ТЕЩЕЙ

Жених стоит на дворе, теща выходит к нему и подносит водку в стакане или рюмке или что-либо другое. Он выливает на гриву лошади и потом передает старшему боярину через

¹ Ловят жениха еще иначе. Родственники невесты выходят на улицу с палками, и в то время, когда жених подъедет к воротам, они забегают и гонят его палками на двор к невесте; он бьет плетью своего коня и ускакивает с боярами; это делается им до трех раз. Когда загонят его на двор, тогда мать невесты берет у него лошадь и привязывает к столбу. Жених входит с своими боярами в сени, где встречает его невеста.

свое плечо, который таким же образом принимает от него и разбивает об землю. Тут поют:

А на зятя та метель мете,
А на зятя дрибень дощик иде.
Крийся зятю за воротами,
Крийся зятеньку куницами, да лисицами,
Та черными соболями.
Та ударили люты морозы на двори,
Та зморозили молодого молодца на кони.
Вийшла молодая свашка з коморы,
Виймала чашку меду, а вина дви:
Та розыграле молодого молодца на кони.

При этом пении теща дарит бояр платками, за которые они благодарят ее: «Спасибо сватови, сваси, молодому князови и княгине за подарок. Скилько на сим платки квиточек, дай Бой нашей молодий стилько диточек. Та щоб одно за одного бралось, та на пичь дралось; а послиднее оборвалось, та всех попугало».

ПОКУПКА МОЛОДОЙ

Потом бояре отводят своих лошадей домой, а лошадь жениха и старшего боярина оставляют во дворе. На лошадь жениха садится брат невесты, который выезжает за ворота и скачет на ней около ворот. Дружка вместе с поддружкою, который со стороны невесты, выходят к нему за ворота: они выносят на подносе вино и деньги и покупают у него сестру. Это делается так: на тарелку кладут деньги, наливают рюмку водки и подают ему. Он смотрит, и если мало, то скачет от них. Они всячески упрасивают его, добавляют ему деньги, и когда он согласится принять, тогда берет: деньги, хлеб и рюмку с вином; последнее выпивает при них. Бояре возвращаются к жениху. Тут дружка собирает поезд в сени, отворяет дверь и кричит: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! помилуй нас».

Ему отвечают: «Аминь». – «Спасет Бог за аминь. Старосте пане и пидстаросте!» – «А мы рады слухать». – «Кто до кого, а мы до Бога и до вашего здоровья: благословите молодого князя за стил завести». Ему отвечают: «Бог благословит». Дружка: «В другий раз и в третий раз». – «Бог благословит тричи разом». Тогда дружка ведет жениха с боярами и сажает его за стол. В то время садится подле жениха невестин брат, ширяет соломенным мечом в глаза жениху и не пускает его за стол¹. Дружка покупает у него место тем же порядком.

САЖАНИЕ МОЛОДЫХ ЗА СТОЛ

Когда брат оставляет сестру, тогда он встает с места, а жених садится за стол подле своей невесты; напротив них садятся дружки, которые поют:

Да вси ангели, да вси святыи,
Пид виконичком сили.
Отдаеш мене, мий батиньку,
Тай сам бачешь.
Ни раз, ни двичи заплачешь!
Як ниженьки цвиготочки цвистимуть,
И дивочки виночки плистимуть,
И мимо твий двир нестимуть.
Да не будут ходыты
Мимо хаты и кватирочки отворяты,
А мене на улицу вызываты.

Отдаеш мене, мий батинько,
Та от себе,
Остается рута, мята

---

¹ В других местах сидят по обеим сторонам невесты два мальчика с палками, изображающими меч; на концах их навечно по шишке каравайной и по платку. Когда жених приблизится к невесте, тогда начнут они бить его и дружку. Дружка вынимает деньги и дает им. Они снова бьют его. Дружка спрашивает: «Сколько же вам надобно?» – «Богато (много) и дуже богато (и очень много), – отвечают они, – а як не дасте, то за стил не пустимо». По продаже места мальчики выходят из-за стола и уступают место жениху.

Уся у тебе.
Уставай же раненько,
Та поливай руту, мяту,
Та частенько.
И ранними и вечерними зорями,
Моими дрибненькими слизоньками.

Ой чому, чому
В сим новом дому
Так рано засвичено?
Гануся встала, кисоньку чесала,
Батинька прохала:
Порадь мене, мий батиньку,
Кого в дружки приняты?
Бери, доненько, чины, доненько,
Усе свою родыненьку:
Садови доненько свыше,
А свою родыненьку ближше.

Эти песни поются долго, пока не запоют:

Мы не хочемо питы,
И в домони быты;
Мы хочемо погуляты,
С боярами на двир танцоваты.

Если плохо угощают, то поют:

На столи мухи, на доли блохи,
Чим наши перезвья плохи?
От того, що в горшках трохи.

Як у нашего свата
Голова кудревата.
Вин кудрями потрясе,
А нам по чарци горилки пиднесе.

Дружка выводит молодых из-за стола и избы по три
раза и при каждом выводе их из-за стола и при вводе в избы

спрашивает благословения. Если выводит из-за стола и избы, то говорит: благословите молодого князя и княгиню на погулянье вывести. Если вводит в избы, то говорит: благословите молодого князя и княгиню за стил завести. Когда дружка исполнит три раза этот обряд, тогда поют свашке укоризненную песнь:

Свашка налипашка!
Свашка налипашка!
Шишок налипила,
Дружек и бояр не дарила.
Одну злепила з зеленого сина,
Тай ту сама зыла.

Глянь же, Ганусю,
На красный каравай;
Карими очами не плачь!
Иде твоя краса,
Загубилась руса коса.

Тогда подают большой каравай и на него кладут платок, волосник или очипок и серпянок. Дружка принимает каравай и срезывает с него шишки, которые он подает молодым, но они не принимают их, кланяются и отсылают родственникам. Однако он насильно кладет им за пазуху и потом раздает боярам и дружкам.

Тогда припевают дружке:

Дружка каравай крае,
Семеро дитей мае:
Та уси с кошилями,
Вси караваи покрали.

ПОКРЫВАНИЕ МОЛОДОЙ

Две свашки: одна со стороны невесты, а другая со стороны жениха – берут очипок (чепец), расплетают косу молодой,

перевязывают ее и покрывают голову платком по женскому обычаю. Тогда поют:

Покрываночка плаче,
Покрываночка плаче,
Покрыватися хоче.
Не так покрываця,
Як поциловаця.

Девушки целуются между собою.

Старшая дружка маленька,
Панянька старенька.
Шлет вона письмечко,
Щоб дитина була дома.
Щоб малу дитину привели:
3 скрипками, цимбалами,
3 хорошими боярами.

Когда поют эту песнь, тогда молодая сбрасывает с себя платок на стол и продолжает это до трех раз. За третьим разом дружка подхватывает очипок на палку, бояре и мать молодой начинают рубить ее. Дружки поют:

Вы бояры, вы бояры,
Не рубайте жердиночку;
Як жердиночка свихнеця,
Очипок собьетьця.

После этого надевают на молодую очипок и пришпиливают к нему из красной ленты цветок. Тогда дружки целуют молодую и прощаются с нею. Сестра молодой садится подле нее за стол, берет женихову шапку с пришпиленной к ней красною лентою и не отдает шапку, пока не выкупят дружка и подружки. Если нет сестры, то надевают шапку жениха на голову свахи. Дружка и подружки должны выкупать, и при этом поют свахи:

Та казали люди: сват богат!
Та казали: хороший мих!
Дают полушку,
Як на смих!

Эту песню продолжают дотоле петь, пока выкупят у ней шапку. По выкупе шапки встают из-за стола дружка и бояре, и они идут к старшей дружке есть вареники. Когда они взойдут в хату, тогда свахи поют:

Був у нас батько,
Да вин був стрелен:
Убив тетерю,
Справила маминочко вечерю.
Загубив дружка дружку
В темним лужку.
Деж его шукаты?
Чи в тури? Чи в мяти?
Чи в своей хаты?

Между тем жених с невестою дожидаются их за столом с старушками. Пока они едят вареники, готовят приданое невесты.

ОТВОЗ ПРИДАНОГО

По возвращении от старшей дружки дружка выводит молодых в особую комнату и там дает им ужинать; после ужина вводит их в избу, где все уже пируют. Родители, благословив невесту, дают ей образ, хлеб и черную курицу и передают приданое. Жених и все бояре садятся на лошадей; молодую сажают на сундуке с приданым; по бокам молодой садятся свашки, из коих у одной меч в руках, связанный из цветов; потом садится на воз дружка, который берет вожжи, и все отправляются за ним в дом жениха. Во время дороги поют свашки песни. При приезде ко двору жених проскакивает с своими боярами мимо ворот три раза. В воротах между тем накладывают кучу

соломы и зажигают. Дружка берет лошадь жениха, переводит ее через огонь; за ним перескакивает старший боярин, а потом все поочередно. Затем перевозят невесту через огонь¹, и когда подвозят ее к крыльцу, тогда свашки запевают:

Ой вийди, вийди,
Маты з хаты!
Щос тоби бояры привезли:
Та привезли тоби
Молодую княгиню
И золотую скрыню.

Мать выходит к снохе, целует образ и берет из ее рук: икону, хлеб и курицу. Бояре снимают приданое и вносят в клеть.

Теща вводит молодую в хату и сажает ее за стол; свашка вносит меч за молодую и ставит в передний угол. Свашки поют:

Ой чому, чому
У сим новим дому
Так рано засвичено?

и т. д.

Поют три раза. Между тем дружка отправляется с боярами за молодым, который уже выехал со двора и ездит около ворот. Он хватает лошадь его за повод и, перекрестясь, ведет на двор; за ним следуют все бояре, которые, слезая с лошадей пред воротами, крестятся с женихом и потом входят во двор. Жених идет в хату и садится подле молодой; по скамейкам рассаживаются бояре, а дружка раздает им нарезанные шишки и угощает вином.

Дружка, подружки и две свашки отводят между тем молодых в почивальную. Жениха раздевает дружка, а невесту – свашки; потом кладут их спать. При благополучии молодой поют:

Не бийся, матинько, не бийся!
В червоны чоботки обуяся.

---

¹ Это делается в очищение молодых от порчи и злых чар.

Топчи вороги пид ноги,
А супостаты пид пяты:
Щоб наши вороги мовчали,
И пидкивки брязцали.

Выкатылы, выкатылы
Дубовую бочку;
Выманыли, выманыли,
Щоб заплеваты дочку;
Положили, положили
На новой кровати.
Що хотили, то робыли,
Чужому дитяти.

Наш парубок та нашой дивци,
А в понедильцы огород городив,
Перелаз наробыв, – таки наш.

Потом идут к теще. Дорогой поют прежние песни. По прибытии их сюда запирают двери и прислушиваются: какие поют песни? Если к чести дочери, то отворяют немедленно и впускают их. Если к бесчестию, то не впускают. Обрадованные родители хорошим известием угощают напропалую медом и водкою. Тут поют:

А у нашего пана свата,
Над спиною латка,
Над спиною, над спиною латка.
Як латкою потрясе,
Горячого пиднесе,
Горячого пиднесе,
Горячого! Горячого!

Тоби маты не журитися,
Тоби маты не журитися,
Горилочки та напитися.
Не журись жарко, та вкин медку;
Щоб було солодесенько,

Всему роду веселесенько.
Та ще вкин перцу,
Щоб пристало к сердцу.

Темного лугу калина,
Темного луга калина,
Честного батька дитина.
Хоть вона и по ночима ходыла,
При соби добро носила:
Та носила вона нисколько лит,
Своему роду на привит.

.....
.....

После этого возвращаются в дом жениха.

Дружка вводит молодых в избу; они кланяются в ноги родителям и почетным старухам. Пированье происходит тогда до рассвета. На другой день, т. е. в понедельник, собираются к жениху его родственники, а невестины к невесте и гуляют. Дружка, поддружка, старший боярин и свашка отправляются с молодым на поклон к тестю; от тестя к крестным родителям. Во время поезда поют похвалы невесте. По возвращении домой поезд жениха идет к дружке и старшему боярину, а поезд невесты – к ее подружке и там веселятся весь день. Вечером все сходятся в дом жениха, который вводит тещу в свою избу под руки за сбережение ею дочери. Здесь новое угощение, и когда подгуляют, тогда просят: покажите нам нашу молодую! Бабы наряжают кого-нибудь и выводят вместо молодой. Тогда иные кричат: «Наша! Наша!» Другие: «Ни! Ни! Брехня!» Постороннюю выводят до трех раз, потом показывают настоящую молодую, которая кланяется родственникам и со всем ими целуется. Дружка держит в руках штоф с вином, молодой – блюдо с чаркою, а отец – платки, навязанные на палке.

Дружка наливает, молодой подносит, а отец каждого дарит платком. Выпивший гость обдаривает молодого, чем может: хлебом зерновым, домашними животными, деньгами

и пр. Так же гости дарят невесту. За этим начинается общее пированье, которое бывает у иного два раза. Здесь является музыка и раздаются безумолкно песни. Молодежь берется за руки и поднимает журавля с припевом:

Таки, таки, журавель,
Таки, таки, цыбатый,
Таки, таки, журавель,
Таки, таки, цыбатый,
Таки, таки, ногатый,
Таки, таки, цыбатый.
А я тому журавлю
Ноженьку перебью,
Таки, таки перебью,
Таки, таки, журавель,
Таки, таки, цыбатый,
Таки, таки, ногатый.

У зажиточных продолжается свадебное гулянье целую неделю; у недостаточных оканчивается по большей части во вторник.

XXII. ЗАМЕТКИ О СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ В ГУБЕРНИЯХ:

В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

I. Деревенская и II. Мещанская и купеческая свадьбы

I. ДЕРЕВЕНСКАЯ СВАДЬБА

Для засватания жениха избираются бойкие и прозорливые свахи, которые бы все знали в доме невесты. Их всегда сажают на почетном месте. Когда засватание производится чрез сватов, тогда с ними так же обходятся, как с свахами. Иногда сами отцы просватывают своих дочерей. В таком случае это

называется пропить девку, потому что отцы, подружившись за стаканом водки, заклеивают свою дружбу пропоем. Дав друг другу обещание сыграть свадьбу, они бьют по рукам и начинают пить и пить, потому справедливо говорят: «*Вчера Степка пропил девку, а Васька сына*». После пропоя жених избегает своей невесты, а она своего жениха; однако жених обязан снабжать ее до самой свадьбы, до которой длится иногда более года, писаными лаптями (т. е. строченные пенькою), а невеста – сшить ему писаный колпак, который бывает обыкновенно белый полотняный с вышитыми кумачом каймами, украшенный блестками и с кисточкою. Она еще должна строчить воротник у его рубашки и осыпать блестками.

По деревням не всегда бывает девичник, только в назначенный день для венчания отправляется дружка с родственниками к священнику с хлебом и солью, и этот хлеб-соль состоит из *курника*, кренделей и вина. Здесь договариваются о платеже за свадьбу и потом запивают со всем причетом.

Перед поездом молодых в церковь каждый из них благословляется в своем доме: родными и посаженными родителями. Посажённый отец наливает потом воды в чашу, прилепливает к ней восковую свечу и зажигает ее или затепливает лампаду у образа, молится тут с молодым, и после садятся в повозку: жених, отец посажёный, подкняжник (поддружье) и поручитель по женихе. С невестой садится сваха; невеста закрывается фатою прозрачной. У лошадей молодых обвивают гривы и хвосты лентами, а голову убирают одними лентами; на шею и под уши лошадей навешивают бубенчики и колокольчики; на дуге навязывают по несколько колокольчиков. Молодые должны во всю дорогу креститься как можно больше, чтобы колдуны не испортили их, особенно должны креститься при входе в церковь.

При ступании молодых на подножки (на разостланное полотно или платки) сваха шепчет невесте, чтобы она прежде жениха стала на подножки для того, чтобы муж был ей послушен и не сердит. Жениху шепчут, с своей стороны, чтобы он стал прежде, дабы *держать в руках жену*, а поэтому, ког-

да подводят их к подножкам, каждый из них старается стать прежде, и глаза зрителей устремляются на их ноги.

По совершении венчания надевают на молодую на церковной еще паперти повойник женский и шлык. Края последнего обложены позументом. В Боровске надевают жемчужный кокошник с глазками (блестящими камешками). Новобрачные отправляются домой в одной уже повозке. Никто из молодых не должен есть до венчания. Новобрачных встречают родные с благословением и осыпают их хлебным зерном; потом сажают их за стол и угощают. Тем оканчивается деревенский обряд свадьбы. Иногда бывают пиршества, но это зависит от состояния.

II. МЕЩАНСКАЯ И КУПЕЧЕСКАЯ СВАДЬБЫ

Сваха со стороны жениха посылается в дом невесты: она подходит к воротам и стучится. Выходит хозяйка и спрашивает: кто и зачем?.. Мы слышали, говорит она, у вас есть товар, а у нас готов купец... Мать, у которой есть дочь-невеста, понимает, а поэтому если она согласна выдать дочь свою замуж, то просит сваху в комнату, угощает ее, и потом улаживается между ними дело. Если мать не согласна выдать дочь свою замуж за предлагаемого жениха, то говорит: подумаем. Благоразумные матери не допускают свах к разговору и за воротами отвечают им: мы не намерены сбывать товар свой через ваши руки. Согласные выдать дочь справляются о достоинствах жениха и потом назначают ему день, в который он может смотреть невесту. Этот смотр бывает более вечером. На этом смотре главное угощение составляют: варенье, плоды, орехи и конфеты. К жениху выводят невесту наряженную, как называется, в пух; жених знакомится с нею и испытывает ее нрав. Для этого нарочно приглашают молодых с прочими гостями, чтобы играть в карты. Тогда молодой всячески старается задеть ее *амбицию*, которая тотчас проявляется на лице *политичном*.

Между тем сваха выспрашивает: понравился ли жених невесте? И если понравился, то она трубит родственникам ее, что жених смертельно влюблен в свою невесту. Когда жених и невеста понравились друг другу, тогда назначают сговор у невесты. Жених приезжает сюда с своими родными; также собираются сюда родные невесты. Тогда ставят стол посреди комнаты, вроде наляя, обвешивают его лентами и ставят на нем закуску. Пред образом затепливают лампаду или свечу, иногда закуривают ладаном, чтобы придать более святости. Съехавшиеся гости садятся по местам и говорят весьма мало; потом вдруг все встают и молятся долго, читая каждый про себя свою молитву. По окончании молитвы родные сводят молодых, благословляют их, а потом они целуются, отчего этот сговор называется еще *цаловки*. Когда совершится молвление, тогда говорят между собою знакомые: *они уже помолвились*, – то же самое, что они уже сговорены. После молитвы и целования все садятся чинно, а невеста садится рядом с женихом и подает ему свою руку. Девицы начинают петь:

Соколы мои, соколы,
и проч.

Поют и другие песни, но большею частью веселые. После сговора жених ходит к невесте своей вечером, но с гостинцами. Он по обыкновению сидит с нею и точит балы. Иногда для рассеяния их нежностей является какой-нибудь скрипач и *шарманщик*, или какой-нибудь шут, который из-за рюмки водки выкидывает ногами, смешит молодых и *всю честную компанию*, состоящую преимущественно из подруг невесты. При этом представлении девицы-подруги стараются выманить у жениха невесту и потом держат ее в залоге, пока он не выкупит за весьма дорогую цену. Иначе они провелячают его в своих величальных песнях: *мясником, растрепую, уродом* и т. п.

На девичник собираются родные с обеих сторон, и тут невеста разносит им подарки. Те, которых она дарит, должны отдаривать ее. Жених подносит своей невесте шкатулку

с женскими головными украшениями и между ними кладет иногда: белила и румяна. После угощают чаем, кофе, вареньем и разными плодами. В промежутке поют девушки величания в честь молодых; забавляются играми и в то время уводят невесту и прячут ее от жениха, который снова должен выкупать ее. Закускою оканчивается девичник.

Перед поездом к венцу плачет невеста. Ее подпоясывают сеткою, чтобы не испортил колдун. В иных местах продают косу невесты. При венчании замечают, чья свеча венчальная сгорит скорее – тому умереть скоро.

После венчания провожают молодых из церкви с крестом. Родители их встречают, благословляют и осыпают зерновым хлебом и хмелем. Потом сажают их за стол и угощают. Через несколько времени подают ужин, а потом молодые расстаются с гостями. На другой день бьют горшки об стену, если молодая целомудренная; в противном случае потчуют отца ее из разбитого стакана или разбитой рюмки. Счастливых молодых провожают в баню свахи и дружки с пением радостным. Их нередко сопровождают наряженные шуты, которые бьют в заслонку или медный таз, несут за собою пелуха и курицу, взятых в доме молодых.

После бани угощают молодых, а отец новобрачной дает от себя обед званым гостям.

В тот день или на другой ездят новобрачные с поклоном к родителям, родным и знакомым и приглашают их на свой обед. Затем даются обеды от других, и тем заключается свадьба.

В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Здесьнее мещанство и купечество женит сыновей довольно молодыми. Невесту сватают через своих родственников или хороших знакомых. О приданом никакого не делается договора; но во всем полагаются на волю отца невесты, который наделяет сообразно своему состоянию платьем, бельем, столовой посудой и другими вещами; деньгами редко. Иногда

сговор совершается в присутствии священника в доме невесты, куда приглашаются ее приятельницы. Прежде был обычай, что во время сговора пели девушки печальные песни: о разлуке дочери с родителями и о будущей ее судьбе. Ныне это выводится из обыкновения; поют только веселые песни молодым, сидящим за столом, с разными причитаниями; а потом гостям, которые дарят их за это. После сговора гостят в доме невесты ее подруги, помогая ей шить белье и платье.

Из родственников или друзей жениха избираются: тысяцкий, бояре и дружки. Последние, получив от невесты по ленте, навязываемой на левую руку, ездят к ней с подарками от жениха; зовут гостей на свадьбу и угощают их. Сверх них избираются со стороны невесты и жениха по одной свахе, иногда по две. Тысяцкий распоряжается свадебным обрядом. По прибытии жениха в церковь он посылает за невестой сваху и несколько дружков, которые приезжают за нею в лучшем экипаже. По совершении бракосочетания молодые едут в дом; тут встречают их родители или их посаженные на крыльце, иногда в самой комнате, и благословляют: сначала образом, потом хлебом, возложив крестообразно на головы. Молодые падают им в ноги и целуют руки. После сажают молодых за стол и начинается угощение, которое оканчивается богатым ужином. На другой день дают роскошный обед под именем *большого стола* для родственников, друзей и всех знакомых, коих невеста дарит разными вещами, но преимущественно платками. Обед иногда продолжается до вечера, после начинается пляска под музыку или пение веселых песен. Молодые первые открывают танцы. По прошествии нескольких дней дается *пирожный стол*, который отличается особой веселостью и пиршеством. Музыка, состоящая из скрипки и гуслей, раздается безумолчно. В заключение свадебного веселья тесть угощает зятя, и такое угощение называется *хлебными*.

Женатые купеческие дети живут в доме своего отца, хотя бы находилось несколько женатых братьев, потому что они вместе торгуют с своим отцом и пользуются общими вы-

годами от торговли. Жены их разделяют понедельно домашние работы: с золовками и сестрами их мужей.

В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Сын, желающий жениться, объявляет об этом отцу, который избирает свата и просит его сосватать девицу по мыслям сына. Сват идет к родителям невесты, и если получает согласие, то возвращается с радостной вестью и объявляет о дне смотрения невесты. Отец с сыном и сватом отправляются смотреть невесту. Сват просит показать товар. Является на показ товар, и глаза молодого разбегаются по прелестям девушки, которая садится возле матери. Жениху позволяют сесть возле молодой; отцы и сват пьют круговую. На другой день сват возвещает родителям жениха о времени свадьбы.

У невесты готовится приданое, а у жениха составляется поезд: из дружки и поддружья, четырех бояр, тысяцкого и свахи. Тогда жених называется князем, а невеста – княгиней.

В день свадьбы жених, получив благословение от родителей, едет с своим поездом в дом невесты. Впереди едут дружка и поддружье, главные распорядители: они охраняют поезд на пути от всех неприятных встреч; сворачивают с дороги встречных, отворяют и запирают ворота. За ними едут четыре боярина, совершенно праздные: они только едят, пьют и веселятся. После них едет жених с тысяцким, который расплачивается, где надобно. Сваха заключает поезд жениха.

Гостей встречают на дворе родители помолвленной. Невеста сидит в комнате за столом с мальчиком, который должен продавать ее. Дружка спрашивает сладкого вина, тысяцкий вынимает деньги, и все это подносят мальчику на подносе с большим уважением. Мальчик сначала не соглашается, потом торгуется, требует много, наконец, говорит: «Дайте мне с седлом коня ярого да лютого». Ему тогда прибавляют денег, он берет их, и тогда место куплено. «Место откуплено! Место готово!» – кричит старший в семействе. Мальчик ухо-

дит; приезжие, кроме дружки, садятся за стол подле невесты. Дружка говорит отцу и матери: «Умели выкормить, вспоить ваше дитяtko, умейте же отдать князю новобрачному». Отец немедленно обвертывает свою руку белой ширинкою, берет за руку дочь и передает ее жениху, который также принимает ее обвернутой рукою в ширинку.

Потом начинается пир. Девушки поют песни; жених подносит княжий мед, а невеста дарит его. После молодые падают в ноги отцу и матери, принимают от них благословение и отправляются в церковь.

Молодой от венца везет молодую в свой дом. Тут они кланяются в ноги родителям и, получив благословение, садятся за стол; молодичицы поют песни, жених подносит княжий мед, а молодая – дары. Затем сажают молодую на стуле среди комнаты, снимают с нее платок и расплетают косу. Новобрачная плачет по своей волнистой косе, которую разделяют родственницы на две части и, обвив голову двумя косицами, надевают на нее колпак. Наконец, две свахи отводят ее в подклеть и, пожелав молодым приятной ночи, запирают их замком.

С зарею докучливые свахи и дружка поднимают новобрачных, ведут их в истопленную баню и снова запирают там. Стоя под дверьми, они выпрашивают у молодых подарков, торгуются, и тогда только отпирают баню, когда удовлетворят их требованиям. Песни поют те же самые, что в России. Вот одна, которая должна быть чисто сибирская, в ней употреблено слово маганый (белокурый), совершенно не русское.

Девича с молодцом
Особо сидели,
Втай речи говорили.
Молодец, молодец!
Хороший, пригожий,
Кудрявый, маганый,
Холост, неженатый!
Сшей два башмачка
Из желта песочка.
Девича, девича,

Красная-умная!
Выпряди кончики
Из дождевой капли;
Концы чтобы не рвались,
Башмачки не дрались.

Молодец, молодец!
Хороший, пригожий,
Кудрявый, маганый,
Холост, неженатый!
Подари фатюю
Из макова цвета.

Девуца, девушка,
Красная-умная!
Напряди мне шелку
Из белого снега;
Чтоб шелк бы не рвался,
Фата не поролась.

Молодец, молодец!
Хороший, пригожий,
Кудрявый, маганый,
Холост, неженатый!
Слей мне перстень дивный
Из ярого солнца;
И сделай в ней вставку
Восточную звезду.

Девуца, девушка,
Красная-умная!
Напой ты мне коня
Средь бурного моря;
Чтоб конь мой напился,
А сам не залился¹.

В ЭСТЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Жених отправляется с сватом в дом невесты, и, покуда сват объясняет родителям цель своего посещения, догадли-

---

¹ Степанов: Опис. Енисейск. губ., ч. 2, с. 115.

вая девушка поскорей прячется в угол своего дома. С позволения родителей сват отыскивает беглянку и, объяснив ей имя, звание, качества и состояние жениха, приводит и сажает ее подле него. Тут сват берет принесенный штоф водки, потчует родителей, не забывая себя; а молодец с молодой всматриваются между тем друг в друга и знакомятся. Сватанье происходит только по средам и четвергам. Если при первом свидании понравятся молодые люди один другому, то посещение повторяется в следующий день, и также с запасом водки. Девушка тогда выходит уже сама, по одному зову отца или матери. Сват требует решительного согласия, и когда получит его, то, потчует водкою, условливается уже о приданом и времени брака; а молодые, сидя вместе, переглядываются и разговаривают свободно. Для окончательных обо всем переговорах сходятся и на третий день. Когда изготвится приданое невесты и все, что надобно для пиршества, тогда жених, получив благословение своих родителей, приезжает с своим дружкой верхом в дом родителей невесты, где уже собрались родные и гости. Невесту, совсем убранную, благословляют родители к венцу, а жених в сопровождении общих родственников и гостей везет ее в церковь. Вперед посылаются туда дружка, но в воротах, при въезде в село или в ограду церкви, собравшиеся мальчики, более из родственников молодых, останавливают его плетью, и он должен откупить право въезда, бросив им несколько мелких монет, а если этих денег мало, то мальчики задерживают дружку. Тогда жених, видя, что дружка не встречает его, и догадавшись о причине, посылает вперед себя другого дружку; случается со вторым то же; тогда посылается третий. Щедрость этого последнего или умеренность продающих право въезда отворяет наконец ворота, и посланный встречает молодых уже въезжающими. В 12 часов пополудни совершается брак; новобрачных поздравляют и отправляют в дом родителей молодой. Тут при питье водки и пива начинаются новые поздравления, и вскоре потом начинается обед с потчиванием теми же напитками; водку пьют и женщины. После стола играет скрипач однооб-

разный свой вальс; молодые и гости танцуют и поют в комнате и на дворе; пиршество продолжается до самого утра. На другой день происходит также пир, только в доме родителей жениха. После обеда ставят на стол чашу, покрытую полотенцем или платком, и гости, по усердию и средствам каждого, кладут туда денежные подарки на разживу новобрачных; а иные вместо этого обещают им на новое хозяйство: лошадь, корову, теленка, овцу или что-нибудь из мелких домашних животных; иногда же вещи, потребные в домохозяйстве. После свадьбы новобрачные разъезжают с посещениями и собирают обещанные подарки.

В ЗЕМЛЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

СТАРИННАЯ СВАДЬБА

Мужчины могли видеть девушек только в хороводах, на гулянье, на свадьбе или на крыльце. Девице, до самого ее замужества, не удавалось сказать трех слов постороннему мужчине. Старые донцы находили грех, когда мужчина разговаривал свободно с девушкой. «Не гляди в глаза мужчине, – твердила бабушка своей внучке. – Бог не даст счастья». Редкий донец женился по собственному желанию; большею частью родители назначали ему невесту. «Сын, время тебе жениться, – говорил отец, – мы с матерью выбрали тебе невесту: она умеет хозяйничать, из хорошего дома и чиберка (швея)». – «Воля ваша», – отвечает сын, и поклон в ноги. Дело начиналось смотром невесты. Жених с одним или двумя пожилыми родственниками отправлялся, по большей части вечером, в дом невесты, где их принимали ее родители. Гости заводили разговор о дочери хозяина, хвалили ее красоту и ум; называли ее доброй хозяйкой и просили, чтобы она поднесла им по чарке вина. По зову матери она являлась, одетою по-домашнему, держа в руке поднос с кубками вина; разносила и отходила к стороне, ожидая смиренно, пока выпьют гости. Старики с умыслом медлили пить,

чтобы дать жениху время всмотреться в невесту, и между тем хвалили вино и подносившую его. Приняв бокалы, она удалялась; вслед за нею гости, которые не переставали хвалить дочь и оканчивали: Бог даст, она полюбит и нас.

Через несколько дней после смотра присылались от жениха сваты из родственников или посторонних. Для этого выбирали опытных людей, славившихся умением высватать и могших насчитать до сотни сыгранных ими свадеб. Дурной выбор свата ставили жениху в укор, и потому часто отказывали ему. Объясняться же самим родителями жениха и невесты почиталось неприличным. Сваты начинали дело просто: Кузьмич и Акулиновна (родители жениха), с вами хотят вступить в родство и т. д., и потом осыпали похвалами жениха и его семейство. Им отвечали благодарностью за доброе мнение о дочери, а между тем отговаривались, что не могут выдать ее по неимению всего нужного для свадьбы, – это уже отказ. В случае согласия родителей невесты отец ее просил дать ему время посоветоваться с своею роднею и назначал день, в который приходили сваты за ответом. Сваты, выходя из комнаты, старались прикоснуться рукою к печи и приговаривали: как эта печь не сходит с своего места, так бы и от нас не отошла наша невеста. В назначенный день являлись поутру сваты, вынимали из-за пазухи кусок черного хлеба, посыпанного солью; клали на стол, говоря: «Отец и мать Васильевича (жениха) кланяются и просят принять хлеб-соль». Тогда родители невесты целовали гостинец. Сватовство оканчивалось согласием, и сваты требовали, в знак согласия, руки ее. «Дай Бог в добрый час», – говорил отец невесты, осеняя себя крестным знаменем, и, обвернув полою своего платья руку, подавал ее сватам: это называлось взять руку. Подать или взять тогда руку, не завернув ее в полу платья, почиталось дурным предзнаменованием. В старину думали девицы, что голая рука есть примета бедности. Невеста подносила тогда сватам по стакану меду, которые тут же поздравляли ее с женихом.

В этот вечер делалось рукобיתье. Жених с родителями и родными приходил к своей невесте, в доме коей собирались ее

ближние родственники. Там встречали жениха и поздравляли его с невестой, а он отвечал поклоном своему тестю и теще и становился у порога. Родители давали друг другу руки, называя уже сватушкой и свашенькой, и делали заряд на случай отказа какой-либо стороны от свадьбы. По окончании условий сват выводил жениха и невесту на середину комнаты, подносил им по рюмке вина или меду; они, выпив, целовали друг друга. Родители соединяли их руки, приговаривая: «Дочь! Вот тебе жених, а тебе, мой сын, невеста, да благословит Господь Бог союз ваш!» После благословения молодые иногда дарили друг друга. Между тем выносили серебряный поднос, установленный серебряными с чернью стаканами, полными меда или вина. Жених, после него невеста обносили всех гостей, которые, выпив до дна, приветствовали их и желали *совершить начатое дело*. Этим оканчивалось рукобיתье, которое называется в России помолвкой. Когда соединяли руки новой четы, тогда женщины пели две песни: «*Ой заюшка, горностаи молодой*» – для жениха; и «*Перепелушка, рябые перышки*» – для невесты. По совершении рукобיתья старики уходили в другую комнату, чтобы запивать радостное начало. Женщины, проходя по улицам, постоянно пели заюшку и перепелушку, дабы известить жителей о происходившем.

Две *позыватые* (позыватки), одна со стороны жениха, а другая невесты, ездили с утра из дома в дом к родным и всем знакомым: с приглашением их на сговор. В позыватые избирались молодые женщины, которые бы умели хорошо упрашивать, были бы веселые и разговорчивые. В каждом доме они должны были сказать поклон от отца и матери и просить на сговор, приговаривая: *да пожалуйте ж, мои родненькие*; в каждом доме угощали их сладким винцом и просили выпить непременно. К шести или семи часам вечера собирались к невесте ее подружки, а к ее родителям женщины и мужчины. Девушки сидели в особой комнате, а гости, коих всегда называли стариками, в зале, в котором был раскинут большой стол, покрытый скатертью; угловой столик был завален пряниками, орехами и семечками. В доме жениха собирались его

знакомые; здесь приготавливали десять и двадцать блюд с кренделями, пряниками, орехами, винными ягодами, финиками и всякими сладостями и несколько дюжин бутылок лучшего меда и вина. Все гости отправлялись с хлебом и солью в дом невесты: впереди несли блюдо; за гостями шли женатые, потом замужние женщины и, наконец, жених с своими приятелями. Родители невесты встречали их на крыльце, вводили в залу и сажали сватушку, свашеньку и родню их на первые места; жених с товарищами становились у порога; принесенными же блюдами и напитками устанавливали раскинутый посредине стол. Отец невестин, потом мать обносили гостей по стакану водки. Тогда сваты требовали, чтобы молодые, в виду всего собрания, были сговорены. Жениха и невесту ставили посреди залы и повторяли тот же обряд, который наблюдался при рукобитье. Родственники жениха и невесты, поздравляя их, дарили друг друга. Свекор и свекровка должны были превзойти всех щедростью. Сговор оканчивался тем, что жених и невеста подносили гостям вино или мед и принимали от всех по поцелую. От последнего гостя убегала невеста в другую комнату к девушкам и садилась между ними, дабы не отдать места жениху даром, который должен был купить его, чтобы сестра возле своей суженой. Начинался торг, жених набавлял цену, девицы не уступали, говоря, что их невеста золотая и недешево ему достанется. Этот торг забавлял всех, старики оставляли стаканы и толпились смотреть. Как скоро жених получал место подле своей невесты, тогда родители его просили сватушку, свашеньку и всех гостей к себе в дом *смотреть печи*. Это было угощение, состоявшее в том, что посреди залы накрывался стол; гости садились ужинать, подавали блюд 30; за каждым пили мед и вино, и чтобы не было отговорок, то ко всякому стакану придумывали тост: начинали обыкновенно здоровьем сватушек, потом свашеньки, будущей четы, всех гостей порознь и, наконец, пили за упокой умерших родственников. Во время десерта веселые гости пели сначала богатырские, а потом плясовые песни: «*А кто в моем во садуку*», «*Ах матушка жениха*», «*Утушка луговая*», «*Тут была перепелочка*» и пр.

Жених должен был платить за все издержки этого вечера, даже в доме невесты. После сговора родственницы невесты оставались при ней до самой свадьбы и шили для нее приданое. Если бы какую вещь вздумали отдать в посторонние руки за деньги, то это ставилось в укоризну чиберкам. Жених с друзьями бывал каждый вечер у невесты и приносил узел гостинцев. Тут продолжались игры до полуночи: жмурки, четки, короли, кончики и пр.

За два дня до свадьбы смотрели приданое или праздновали *подушки*, а накануне – *девичник*.

Подушки так отправлялись. Вечеру собирались в дом невесты: ее знакомые девицы, жених с своими товарищами и родные молодых. Из гостей один после другого входили в комнату, где находилось приданое: богатая постель и платье в сундуках. Чиберки предлагали им садиться на подушки. Жених с невестой садились первые, швеи подносили жениху стакан меда, который выпивал он в несколько приемов, целуя всякий раз свою возлюбленную и приговаривая: *мед горек, надобно подсластить*. Осушив бокал, он клал чиберкам деньги на поднос. Потом садились все товарищи молодого; каждый из товарищей его просил к себе в соседки девицу, нравившуюся ему; также каждый пил мед и целовал ее, сколько хотел. Отпустив от себя выбранную им, он мог просить другую, третью и т. д., и за всяким бокалом он клал деньги на поднос, а подносящие бросали в сидящую пару подушками, приговаривая по-татарски: *раса баса саген* (и сами того желаем). Сидение на подушках продолжалось до полуночи, и сколько ни были застенчивые девушки, но ни одна не отказывалась от поцелуев. Бывала иногда музыка, но она не препятствовала сидению: пока одни танцевали, другие не переставали срывать жаркие поцелуи с девственных уст.

Девичник был последним праздником для невесты. Но в этот день она плакала. Пред заходом солнца она одна с нянюшкой ходила на могилы своих предков и просила их благословения с горючими слезами. Между тем позыватые невесты звали ее родственников и знакомых мужчин и жен-

щин на вечер – *наволакивать подушки*, а на другой день *на выданье невесты*. Со стороны жениха: свахи и дружка просили гостей, чтобы сажать каравай, а назавтра встретить новобрачных. С самого утра начинали готовить каравай. Когда сажали большой каравай, тогда все собрание держалось за лопату; дружка и сваха освещали печь, и свечи их, обвитые лентами, вручались на другой день жениху и невесте для зажжения пред алтарем.

Гости жениха, набрав караваев, отправлялись ввечеру в дом невесты. Она посреди своих подруг была в слезах; голова ее была покрыта высокой шапкою из черных смушек с красным бархатным или парчовым верхом, украшенным цветами и перьями; в косе висел золотой косник. Подруги напевали жалобные песни о разлуке ее с родными. С появлением жениха замолкали песни и молодые садились на подушки. Гости шли к столу, после которого входили женщины с приданым, припевая: «Сестрицы подружки, несите подушки» и пр. Потом разбирали постель и другие вещи и со всем обществом отправлялись к жениху.

В воскресенье, в день свадьбы, девицы убирали невесту в брачную одежду: в богатый парчовый кубилек и в парчовую рубаху; на голову надевали ту же шапку, какую на девичнике, и косу заплетали по-девичьему. С благовестом к обедне отец и мать благословляли ее иконою; невеста клала три земных поклона, целовала образ, кланялась в ноги плачущим родителям, прощалась со всеми родными, домашними и сама заливалась слезами. Жених, получив благословение от родителей, отправлялся к невесте: вперед его шел священник с крестом, потом мальчики несли благословенные образа *с пеленами*; за ними шел жених, между дружкой и свахами, в парчовом кафтане, алой суконной черкеске, обшитой серебряными позументами; в красных сапогах, шитых золотом, держа под рукою высокую шапку из серых смушек, с красным бархатным верхом. Рядом с ним шел *храбрый поезд* или *поезжаные*, отдававшие последнее прощание своему товарищу. Подле жениха шел *ведун* (оберегатель), которого приискивал дружка забла-

говременно, и он не отлучался от жениха до окончания брака, наблюдая, чтобы на порогах и на притолоках не было чародейства и чтобы в пищу и питье не примешивал кто порчи. Брачная одежда хранилась в семействе, и она переходила из рода в род. Нередко видали правнука пред брачным алтарем в прадедовском венчальном кафтане. Во многих станицах было по одному общественному венчальному платью: чекмень из красного сукна, цветной кафтан и красные или желтые сапоги. Все жители той станицы венчались в этом платье, которое возвращали по совершении венчания в станичную избу.

Жених находил уже невесту на *посаде*, в переднем месте под *святыми*. Подле нее сидели один или два мальчика, ее братья, с *державою*, т. е. с простою или шелковой плеткою, шитою золотом и убранную серебряными бляшками и шнурками. Братья не допускали жениха, грозя ему плетью; дружка должен был купить место. Потом отправлялись молодые в церковь. В притворе церковном приготавливали невесту к венцу: снимали шапку, расплетали косу, разделяли ее надвое, потом заплетали по-женски надвое и, обвив ими голову, надевали соболью шапку или повойник; потом отправлялись в дом жениха. На крыльце встречали молодых родители с хлебом и солью; осыпали их пшеницею или другим хлебным зерном, перемешанным с хмелем, орехами, пряниками, мелкой монетою и пр. Угостив молодых, отводили их на брачное ложе.

Между тем званые гости пировали, пили тосты за *молодого князя с княгинею*, родителей и гостей. Перед жарким поднимали молодых: все общество требовало, чтоб им показали *честь новобрачных*. В знак радости о добром имени молодой навязывали дружке платки на обе руки, а свах окутывали материями крестообразно чрез плеча; все гости прикалывали к головному своему убору или к груди кисточки свежей калины как символ невинности. Дружка и сваха просили гостей кушать и пить, и тогда раздавались песни в честь молодой. Дружка и сваха отправлялись в перевязях к родителям с возвещением о дочерней чести и с приглашением их

на веселье. Их также перевязывали здесь. Был обычай, что когда приглашали родителей молодой прямо к столу, тогда в их присутствии поднимали молодого князя с княгиней.

По собрании кушанья со столов вводили молодых в собрание: дружка нес впереди на блюде, покрытом шелковым или парчовым платком, изрезанный в куски большой каравай, которого каждая часть была украшена серебряным лебедем или золоченой сосенкою, и на каждой части было положено понемногу сыру; за дружкой вела сваха под руки молодого князя и княгиню. Сотворив молитву, дружка открывал каравай, разносил гостям, прося именем молодых: «*Сыр-каравай принимать и молодых наделять*»; вслед за этим молодые потчевали их медом и вином. Каждый из гостей, приняв часть каравая и бокал, обнимал новобрачных, поздравлял и дарил их: кусками богатой материи, которую вешали на плечо молодой; оружием, деньгами и табунами лошадей или рогатого скота. Родители молодой также получали подарки от своих сватов: отец сукно, мать бархат или парчу, а прочих гостей дарили: мужчин сафьянами или платками, а женщин красными туфлями. Остальную часть дня проводили в шумном пированье. Громогласно желали счастья молодым, пили за здоровье и кричали во всеуслышание: «Желаю здравствовать князю молодому с княгиней! Княжему отцу, матери, дружке с свахами и всем любящим гостям, всей честной компании на беседе, не всем поименно, но всем поравнено; что задумали, загадали, определи, Господи! талан и счастье: слышанное видеть, желанное получить и быть в чести и в радости нерушимо!» Все отвечали: «Определи, Господи!»

На другой день поутру мать молодой присылала новобрачным суп из курицы с изюмом и кореньями, и *вареное*, приготовленное на вине с сахаром и пряными кореньями. Блюда носили: няня молодой и бывшие ее прислужницы; они были перевязаны материями, и одна в карикатурном виде. Проходя по улице, они пели свадебные песни.

После продолжительных угощений с обеих сторон назначались отводы. Родители молодой давали обед, на коем

появлялись в первый раз новобрачные, и все гости заключали свое веселье пиrowаньем.

Точно были такие свадебные обряды у *низовых казаков*, и преимущественно в Черкасске. В станицах *верховых* обряды имели некоторые изменения¹.

НЫНЕШНЯЯ СВАДЬБА

Повсюду невеста занимает главное место: и в забавах, и при выходе ее замуж, и везде жених старается во всем угождать ей. Между донскими казаками, коих нравы во многом сходствуют с малороссийскими, девушка-невеста должна отличаться не столько своею красотою, сколько добротою сердца и знанием хозяйства; посему донской казак преимущественно избирает ее с этими качествами: он не требует за нею никакого приданого, напротив, сам оденет ее, можно сказать, с ног до головы.

Сговор совершается с помощью свахи и дружки. Девичник уже есть прощальный день для подруг невесты: они поют ей песни, готовят ей венечное платье, убирают и заплетают ей косу. Жених проводит девичный день в обществе с своими товарищами. Дружка сопутствует ему во всех его забавах.

Невеста не отправляется в церковь с своими приятельницами, но за нею приезжает сам жених верхом. Лошадь его обвешивается колокольчиками, чтобы невеста могла слышать его приезд. Потом он отправляется к венцу с нею и со всем своим поездом. От венца едут пиrowать в дом жениха.

После венчания снимаются колокольчики с лошади жениха одной только свахою, которые хранятся родителями новобрачных или самими молодыми. Некоторые по звуку колокольчиков делают замечания о счастливой и несчастливой жизни молодых.

Свадебный пиrow бывает довольно веселый: музыка из двух и трех скрипок, пение, пляска и радушное угощение удерживают пиrowующих на всю ночь, несмотря на то, что

¹ *Корнил.* Русск. старина. Изд. Спб., 1825.

новобрачные давно уже спят. Иногда несколько дней сряду гуляют гости: то у родителей новобрачных, то у их родственников. Водка и родное донское вино льется здесь рекою. Чем более пьют, бьют стеклянных бокалов и посуды, тем жизнь новобрачных должна быть счастливее.

МЕЖДУ УРАЛЬСКИМИ КАЗАКАМИ

Выбор невесты между уральскими казаками зависит от жениха; родители не препятствуют ему; но избрание жениха зависит от родителей. О приданом не спрашивают: что дадут родители, тем довольны; молодые всегда надеются, что их наделят достаточно.

После сговора до самой свадьбы собираются подружки к невесте каждый вечер: поют песни, пляшут и веселятся с молодцами. Вечерние сходбища продолжаются иногда до полуночи. Жених обходится с своею невестою, как муж с женою. Нарушение приличий строго преследуется; свободное же обращение, проистекающее от взаимной доверчивости, отнюдь не делает бесчестным имя девушки.

В девичник сходятся к невесте ее подружки и поют ей прощальные песни. Сюда допускается и жених, который должен принести невесте в подарок: цветное платье, башмаки, головной убор, игольник с нитками, наперсток и ключи. Последним он дает ей знать, что она вступает в права домохозяйки. Невеста дарит ему: шапку, сапоги, шейный платок, рубашку и шаровары.

В назначенный день поезда к венцу невесту провожают ее подружки, а жениха – его хорошие приятели и знакомые. Невеста отправляется в церковь в сопровождении старшей дружки и свах. Жених – в сопровождении своего дружки и поддружьев, и он едет отдельно от нее. После венчания невеста едет в повозке с короткими своими приятельницами; позади ее сидит мать и сваха; последняя должна иметь кольца на всех пальцах. Во время поезда мать и сваха закрывают мо-

лодную полотенцем, чтобы нечистый глаз не испортил ее. За повозкою идет жених, после него тянутся в несколько рядов вершники, и один из них держит на длинном шесте вместо знамени полосатую плахту (юбку).

По прибытии новобрачных домой их сажают вместе за стол. Свадьбу проводят в питье, пляске и пении, не только дома, но и на улице. С пирующими разделяют веселье часто неприглашенные и гуляют до полночи. Молодую отводят в брачную избу сваха и мать посаженная; девушки раздевают, а молодой приходит после с одним дружкой.

Поутру поздравляют новобрачных родные и все их знакомые. Прежде выставляли красное знамя у ворот в ознаменованье благополучия невесты. В старинные годы был еще обычай, что если кто разводился с женою, тот выводил ее на торговое место и продавал; после этого он мог жениться на другой.

Часть третья

ВРЕМЯСЧИСЛЕНИЕ. КРЕЩЕНИЕ. ПОХОРОНЫ. ПОМИНКИ. ДМИТРИЕВСКАЯ СУББОТА

I. ВРЕМЯСЧИСЛЕНИЕ

РАЗЛИЧНОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

У всех народов велось летосчисление с самой глубокой древности, но оно везде было различное, и эта разность происходила от понятия о величине года и его начале. Время, с которого народ вел свое летосчисление, известно под именем эры, и она начиналась обыкновенно от важного какого-либо события, например: от основания или разрушения царств, от переворотов или преобразований в государстве и т. п.

Одни евреи поныне ведут летосчисление от сотворения мира, за 5508 до Р. Х., которое употреблялось у нас до Петра Великого. Они считали также: 1) от разрушения города Иерусалима, что случилось в царствование римского императора Веспасиана в 71 г. после Р. Х. В это время сгорел и знаменитый храм Сионский, построенный Вездесущему мудрейшим из царей Соломоном (за 1000 лет до Р. Х.); 2) от пленения иудеев вавилонским царем Навуходоносором (за 588 лет до Р. Х.) и 3) от совершенного рассеяния их по всему земному шару, что произошло в царствование римского императора Андриана (в 134 г. после Р. Х.). Истребление царства иудейского сбылось по предречениям пророков. Полководец римский Юлий Се-

вер предал смерти около 500 000 иудеев, а остальные распроданы в неволю. Семейство продавалось по одному динарию (по одной полушке). Евреи ожидают мессию, которого они не познали на земле; но суд Божий давно произнесен над ними, и они, скитаясь по всему свету, бедствуют доселе.

Ассирияне вели свое летосчисление от основания монархии Ассуром на берегах р. Тигра (за 2000 лет до Р. Х.). Почти с того самого времени считали вавилоняне от основания их монархии Немвродом на берегах р. Евфрата. По разрушении древнего вавилонского царства Набонassar основал новое и с сего времени ввел летосчисление за 750 лет до Р. Х. Мидяне – за 710 лет до Р. Х. от основания их царства Дейиоцесом. Древние персияне – от основания персидской монархии Киrom за 550 лет до Р. Х.

Из малоазийских народов примечательны финикияне и трояне. Финикияне, известные в глубокой древности, не составляли отдельного царства: это было собрание республиканских городов, которые во время опасности одному из них соединялись в одно, чтобы отразить неприятелей общими силами. Они были лучшими мореплавателями в Древнем мире, как нынешние англичане, и за всем тем никаких не оставили исторических сведений о летосчислении, и потому трудно определить их летосчисление. Обыкновенно полагают от тирского царя Абибала, современника Давида, за 1050 лет до Р. Х. В другом состоянии находится летосчисление троянских греков. Нам известно, что европейские греки вели летосчисление: 1) от разрушения города Трои за 1185 лет до Р. Х., потом 2) от учреждения олимпийских игр, за 777 лет до Р. Х. Счисление олимпиад состояло в четырехгодичной перемене, и пятый год образовал обыкновенно новую олимпиаду. По общему мнению хронологистов, время рождения Иисуса Христа соответствует 196 олимпиаде.

Африканские народы: египтяне и карфагеняне – вели летосчисление различно. Египтяне, которые славятся своею незапамятною древностью, равную китайцам и индийцам, считали первоначально годы от Менеса, построившего

в Среднем Египте город Мемфис, за 2200 лет до Р. Х.; потом от перенесения столицы в город Саис, в Нижний Египет, или Дельту, за 650 лет до Р. Х. Карфагеняне, финикийские поселенцы, от прибытия к ним Дидоны, родной сестры тирского царя Пигмалиона, которая отторгла их от финикийского владычества, за 900 лет до Р. Х.

Римляне вели от построения Ромулом города Рима за 750 лет до Р. Х. С переменю монархического правления на республиканское, за 508 лет до Р. Х., начали считать по консулам, что и продолжалось до императора Октавиана Августа, до 30 года его царствования, в которое время родился Спаситель мира, и христиане ввели летосчисление с сего времени. При господстве римлян над древним светом летосчисление прочих народов соединилось в одно римское. Точно как ныне все христиане ведут свое летосчисление от Р. Х., так тогда вели покоренные народы по римскому исчислению.

ХРИСТИАНСКОЕ ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ

Долгое время спорили о единогласном времясчислении. Дионисий малый, живший в 530 г. после Р. Х., первый ввел в истории своей исчисление годов от Р. Х. Англичанин Беда, живший за 720 лет, исправил его летосчисление, основал на нем все исторические события. Несмотря на единогласно утвержденное летосчисление, христиане различно считают годы от сотворения мира до Рождества Христова. Обитатели Западной Европы принимают летосчисление от сотворения мира до Р. Х. по исчислению француза Петавия (живш. в конце XV в.), а восточные – по Библии семидесяти толковников. Разность между ними значительная. По Библии 70 толковников от сотворения мира до всемирного потопа 2262 г., а по Петавиеву – 1756 г., разность в 606 лет. От сотворения мира до Р. Х. по Библии 70 толковников 5508 лет, а по Петавию – 3983, разность – 1525.

Калвиций, лейпцигский астроном, считает 3947 лет от сотворения мира до Р. Х.; Лютер – 3870. Разность в исчис-

лении восточных греков и западных римлян от сотворения мира до Р. Х. только в 8 годах. Св. Димитрий, епископ Ростовский, трудился над исправлением этой погрешности, но дело его не окончено. Сверх сих летосчислений были: 1) александрийское, 2) антиохийское, 3) константинопольское и 4) селевкидов, или греков александрийских. Первые христиане вели первоначально летосчисление от сотворения мира, по примеру евреев. Юлий Африканский, видя несходство в нескольких годах против еврейского, ввел в Александрии новое летосчисление, почему называется александрийским. По его счету от сотворения мира 5503 г. Пандор, монах египетский, живший в конце IV в., предпринял исправить его летосчисление. По исчислению Пандора, оказалось от сотворения мира до Р. Х. 5400 и было в употреблении в Антиохии, бывшей столицы Сирии, находящейся в Малой Азии. Вслед за сим появилось константинопольское летосчисление, по коему от сотворения мира до Р. Х. 5508 г. Летосчисление селевкидов начинается с первых завоеваний Селевка Никатора, за 311 лет до Р. Х. Это летосчисление было во всеобщем употреблении у ливанских народов, или на Востоке.

МАГОМЕТАНСКОЕ ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ

Кроме христианского, есть еще магометанское, которое ведется поклонниками Магомета от бегства его из Мекки в Медину, что случилось в 622 г. 16 июля после Р. Х. Магометанская эра называется эджирою или хиджрою. Хиджра – от арабского глагола *гаджаре*, выходить из отечества. Языческие народы считают годы от весны и осени.

ВЕЛИЧИНА ГОДА

Величина года исчислялась у древних народов не одинаково. У халдеев и египтян первый год составлял один месяц, у аркадийцев – 3 месяца, у жителей Эллады и иверийцев –

4 месяца; у евреев – 12 лунных месяцев; у персиян – 365 дней; у латинян – 13 месяцев, во время же Ромула – 10 месяцев, каждый месяц имел 30 и 31 день, почему год их состоял из 304 дней. Нума Помпилий отнял у 6 месяцев по одному дню, почему образовалось 6 месяцев в 20 дней, а остальные 4 в 31 дней, и целый год составил 298 дней. Для уравнивания этого года с лунным, который состоял из 355 дней, Нума прибавил к нему два новых месяца: январь в 29 дней и февраль в 28 дней, отчего прибавилось к целому году 57 дней. По этому лунному году римляне обозначали свои праздники; но чтобы согласить его с солнечным или астрономическим, постановил Нума, чтобы добавлять ко второму и третьему году по 22 дня, а к четвертому 23 дня, и приходилось всегда добавлять между 23 и 24 февралем, ибо 23 февраля было у них последним днем года, отчего произошел потом високосный год. Около 450 лет до Р. Х., когда Децемвиры пожелали продлить отправление своей должности еще на один год, тогда они определили, чтобы январь был первым, а февраль – вторым месяцем в годовом исчислении.

Александрийский астроном Созиген, поверив прежде бывшие вычисления, составил год в 365 дней 6 часов. Его исчисление не совсем согласно с течением солнца, которого среднее тропическое обращение совершается в 365 дней 5 часов 48' 41'' 8''', а потому к каждому году не достает 11' 12'' 2''', кои в 128 лет составляют почти целый день; в 400 лет – 3 дня 2 часа 41' 20''. По неимению в то время хороших астрономических орудий для вернейшего наблюдения за движениями небесных светил, было причиною вкравшейся этой незначительной разности. За всем тем Созигеново вычисление было принято во многих землях, а Юлий Цезарь указал, за 45 лет до Р. Х., ввести во всеобщее употребление по Римской империи, потому и называется *юлианским исчислением*. Юлий удержал прежний порядок месяцев, в феврале месяце оставил 28 дней, а к прочим прибавил то число дней, которое поныне в употреблении. Папа Григорий XIII, основываясь на последних астрономических наблюдениях, постановил (в 1582 г. 24 фев-

раля) считать год в 365 дней 5 часов 48' 45''; и потому через каждые 400 лет выбрасывается 3 дня. От сего произошли два времячисления: *юлианское* и *грегорианское*. Первое называется еще *старым*, которому мы следуем, а второе – *новым*, коему следуют остальные европейские народы. При употреблении юлианского календаря постановлено было на Никейском соборе (в 310 г.), чтобы Св. Пасху праздновать отдельно от иудеев, и всегда в воскресенье, в первый лунный месяц по весеннем равноденствии. Тогда равноденствие пришлось на 21 марта, и астроному заметили, что Пасха чрез несколько столетий совпадет с первыми числами начального года. Это случилось в 1582 г.: весеннее равноденствие пало на 10 марта, и вышло лишних 10 дней против юлианского летосчисления. Потому решено, чтобы чрез каждые 400 лет выбрасывать по 3 дня, и начавшееся тогда XVII столетие, т. е. 1600 г. считать високосным годом, прочие: 1700, 1800 и 1900 простыми, а 2000 високосным, так, чтобы чрез каждые три столетия приходилось високосное в четвертое, потому 3600 год будет также високосным, основываясь на том, что 1600 г. принят за високосный, и по сему исчислению можно узнать о каждом простом и високосном столетии.

АСТРОНОМИЧЕСКОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ

Астрономический месяцеслов исчисляет год по течению солнца. По исчислению Бланхиса, старый год составлял в юлианском календаре 365 дней 5' 49'', а в новом, грегорианском, 365 дней 5 часов 49' 50'', потому разность старого с новым стилем заключается в 12 днях.

Годы еще разделяются на лунные и солнечные. Лунный, состоящий из 12 лунных месяцев, заключается в 354 дней 8 часов 48' и 38'' и в употреблении между турками и жидами. Первые считают новый год в первый день месяца магаремма, соответствующего нашему 25 марта; вторые – с 1 сентября, которое совпадет с нашим 7 числом того же меся-

ца. Солнечный, образующийся из течения солнца по эклиптике 12 небесных знаков, как то: овна, тельца, близнецов, рака, льва, девы, весов, скорпиона, стрельца, козерога, водолея и рыб, которые составляют 12 месяцев, – есть наиболее полный и точный и называется *астрономическим*; он состоит из 365 дней 5 часов 48' 50''. Это исчисление называется еще *гражданским*, потому что оно употребляется в определении событий и дел общественных. Гражданский год бывает простой и високосный, последний всегда приходится через три года. В простом году 365 дней, а в високосном – 366 дней. Это происходит от того, что если будем считать, что в солнечном или астрономическом году 365 дней 5 часов 49' 50'', то в четыре года прибавятся сутки или 24 часа без нескольких секунд, и выйдет четвертый год в 366 дней, называемый нами високосный, и день, который добавляется к февралю (т. е. 29-й день), называется *вставным*.

НАЧАЛО ГОДА

Время, от коего вели год, у разных народов было тоже различное. Иные считали его от 1 марта, другие от весеннего равноденствия, а другие – в первое полнолуние по весеннем равноденствии. Римляне первоначально вели год с 1 марта, а потом с 29 августа. Греческий император Константин Великий постановил вести с 1 сентября.

ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ В РОССИИ, ЦЕРКОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ

Нам неизвестно, как вели свое летосчисление наши предки до принятия христианской веры. По принятии же веры введено было церковное и гражданское; первое начиналось с 1 марта, а второе – с 1 сентября.

Из летописей видно, что Нестор и продолжатели его летописи начинали год со дня Пасхи и в своих сказаниях ведут счет не только по числам месяцев, но по недельным

дням и праздникам. Это было причиною спора о начале года на соборе в Москве, в великокняжение Симеона Гордого, при митрополите Феогносте, и собором определено (1348 г.), чтобы церковный и гражданский год считать с сентября. Петр I, желая согласить с прочими европейскими народами начало года, отменил счисление от сотворения мира и постановил (указами 1699 г. 15 и 19 декабря) вести летосчисление от Р. Х., год с 1 января, и писать гражданскими числами. С 1700 г. введено у нас единообразное счисление нового года с общим европейским.

Западные европейцы, по определению папы Григория XIII, начали считать новый год с 1600 г. Протестанты из ненависти к католическим действиям долго не принимали исправленного грегорианского летосчисления и только его приняли в нач. XVIII в.; шведы ввели новый год в пол. XVIII в.

Египтяне праздновали начало своего года с оживления Озириса. В честь его учреждали пляски, игры и пиршества; надевали на себя личины и бегали по улицам. Персы праздновали рождение Митры, а индийцы – Перун-Понгола и Угоды, и все это соединялось тесно с их священными обрядами. Греки ознаменовывали переход старого года к новому шумными забавами. Мужчины наряжалась в женские, а женщины в мужские одежды; то же самое делали молодые люди и девицы. Три дня проводили в изобретательных увеселениях. Гадали и пели подблюдные песни и лили воск. Римляне обратили год в гражданский торжественный праздник, посвятив первые три дня на добрые дела, почему они назывались обетными. Накануне нового года и в первый его день дарили друг друга; патроны освобождали своих рабов из неволи или оказывали им другие милости. В Европе также вошло в обычай дарить друг друга, особенно детей, небольшими подарками. В честь своих родителей они произносят стихи и приветственные поздравления. Турки празднуют новый год в первый день месяца магарема, между 25 марта и началом апреля.

Церковь наша хотя празднует новолетие с 1 января, однако церковные праздники и служебные дни ведет по-старому,

т. е. или с 1 марта, или с 1 сентября, отличая годы и недельные дни церковными буквами, которые употреблялись и по гражданским делам. Счет церковными буквами был следующий:

А̄ 1, Б̄ 2, Г̄ 3, Д̄ 4, Е̄ 5, З̄ 6, Ӣ 7, Ф̄ 8, І̄ 9, К̄ 10, Л̄ 11,
 М̄ 12, Н̄ 13, О̄ 14, П̄ 15, Р̄ 16, С̄ 17, Т̄ 18, Ӯ 19,
 Ф̄ 20, Х̄ 30, Ц̄ 40, Ч̄ 50, Ш̄ 60, Щ̄ 70, Ъ̄ 80, Ы̄ 90, Ь̄ 100,
 Ъ̄ 200, Т̄ 300, Ӯ 400, Ф̄ 500, Х̄ 600, Ц̄ 700, Ч̄ 800,
 Ъ̄ 900, њ̄ 1000, њ̄ 2000 и проч.

Каждая тысяча отмечается внизу перекрестной палочкою; например, 1800 год пишется њ̄АѠ, 1840 г. њ̄АѠМ, 6565 њ̄ФѠѠ и т. д.¹

Кроме счета церковными буквами, употребляются еще у нас и во всей Европе римские знаки:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
11	12	20	30	40	50	60	70		
XI	XII	XX	XXX	XL	L	LX	LXX		
80	90	100	200	300	400	500	600		
LXXX	XC	C	CC	CCC	CCCC	D	DC		
700	800	900	1000	10,000	80,345				и т. д.
DCC	DCCC	CD	M	XM	LXXXM,CCCXLV				

С введением нового года с 1700 г. 1 января повелено ввести в гражданских делах числа арабские, которые доселе во всеобщем употреблении по всему свету. Счет их: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и т. д.

¹ Счет церковный позаимствован нами от греков: α' 1, β' 2, γ' 3, δ' 4, ε' 5, ς' 6, ζ' 7, η' 8, θ' 9, ι' 10, ια' 11, ιβ' 12, κ' 20, λ' 30, μ' 40, ν' 50, ξ' 60, ο' 70, π' 80, ρ' 90, ρ' 100, σ' 200, τ' 300, υ' 400, φ' 500, χ' 600, ψ' 700, ω' 800, ϣ' 900, α 1000, αφθ 1779, β 2000, ι 10.000, ρ 100.000 и т. д.

ТМА, ВЕК, ЛЕТО И ГОД

Многосложное исчисление у славян называлось *тмою*, т. е. 10 000¹; столетие – веком. Какой вели счет наши предки в общественных делах – неизвестно. Тьма числом 10 000 еще встречается в XVI ст. В средних веках торговый народ вел счета десятками, например: *сорок, девяносто*, и считал обыкновенно: *сорок, два сорока, три сорока, девяносто, два девяносто, пять девяносто, тысяча, тма* (10 000), *две тмы* (20 000), *три тмы* (30 000)².

Военачальник десятитысячного отряда у татар, господствовавших над Руссиею, был нами называем темником, который собственно именовался у них *тумен-бай*, а предки наши произвели его от тмы. Верховные сановники при ханском дворе носили это имя и в мирное время, потому что это было самое высшее достоинство.

Из старинных песен XVII в. видно, что *тма* заменена *тьмою*, по испорченному употреблению, и она уже означала тысячу. При описании силы царя Калины сказано:

Еще со Калином сорок царей с царевичем,
Сорок королей с королевичем,
Под всяким царем силы по три тьмы, по три тысячи³.

Торговые расчеты производились на счетах, которые перенесены к нам из *Золотой орды* выходцем Мурзою, родоначальником Строгоновых (в конце XIV в.).

---

¹ При счислении евреев, вышедших из вавилонского плена с дозволения персидского царя Кира и под предводительством Заровавеля, сказано, что их вышло *четыре тмы две тысячи триста шестьдесят*. – I кн. Эздры, гл. 2. ст. 64. При описании города Ненивии сказано, что в нем более 12,000 жителей: *в нем же живут множайшие неже дванадесять тем человек*. – Пр. Иона, гл. 4. с. II.

² *Herberstf. Rer. Moscov. com.*, с. 61., ed. Antverp., 1557.

³ Древн. русск. стихотвор., собр. Кир. Даниловым, изд. 1818 г., с. 244. В татарском исчислении десять тысяч называется ныне *онбинг*.

Лето означало в древности время человеческой долговечности и было иногда началом нового года, который вели от наступления лета; потом, когда стали вести времясчисление с весны, полнолуния и весеннего равноденствия, то превратилось лето в название года. Но откуда происходит слово год? Неизвестно. *Godu*, однознаменательское с нашим *год*, донныне на польском языке означает пир и веселье. Лето и год праздновались славянами как начало полевых трудов, ибо с летом начинались сенокос и жатва, и никакие не начинали работы без совершения обрядных угощений и пира; потому год то же самое, что веселье, тесно был связан с летом.

Ныне лето и год употребляется одно вместо другого, но это неправильно. Под летом должно разуметь собственно трехмесячное течение времени (июнь, июль и август), а под годом – двенадцать месяцев.

НАЗВАНИЕ МЕСЯЦЕВ У АФРИКАНСКИХ И АЗИАТСКИХ НАРОДОВ

Каждый народ сохранил в своем летосчислении названия соответственно времени года. Наши предки делили год на 12 месяцев, и каждому из них дали названия, согласные с временными явлениями или действиями природы. Наши месяцы были солнечные, которые считались с того времени, когда солнце в течении своем проходило присвоенный каждому месяцу знак небесный. Лунные же месяцы употребляли и употребляют поныне евреи и турки, считая время от одного новолуния до другого, т. е. 29 дней 12 часов 44' и 3". Из африканских народов: египтяне и эфиопы; из азиатских сирийцы, из европейских греки – знали за несколько сот лет до Р. Х. астрономическое исчисление года, которое потом принято римлянами с изменениями; от них оно распространилось по Европе. Вот названия месяцев. У египтян: 1. фофи, сентябрь; 2. паофи или фаофи, октябрь; 3. афир, ноябрь; 4. хиак, декабрь; 5. тиви, генварь; 6. мешир или мехир, февраль; 7. фаме-нов, март; 8. фармонти или фармуфий, апрель; 9. пахон, май;

10. пайни, июнь; 11. епифи, июль; 12. мессире, август. Числа древних египетских месяцев не сходны с нашими: 1. фифи начинается с нашего 29 августа; 2. паофи с 28 сентября; 3. афир с 28 октября; 4. хиак с 27 ноября; 5. тиви с 27 декабря; 6. мехир с 26 января; 7. фаменов с 25 февраля; 8. фармуфий с 27 марта; 9. пахон с 26 апреля; 10. пайни с 26 мая; 11. епифи с 25 июня; 12. мессире с 28 июля. Когда в месяце тиве 11 число, тогда у нас 6 января, праздник Богоявления Господня.

<i>У эфиопов</i>	<i>У сирийцев</i>	<i>У греков</i>	<i>У римлян</i>
1. Тикмит.	1. Элул.	1. Горпеос.	1. Сентябрь.
2. Годар.	2. Тизри 1.	2. Иперверетеос.	2. Октябрь.
3. Таскам.	3. Тизри 11.	3. Диос.	3. Ноябрь.
4. Тир.	4. Канум 1.	4. Апеллеос.	4. Декабрь.
5. Якатит.	5. Канум 11.	5. Авдинеос.	5. Генварь.
6. Магабат.	6. Сабат.	6. Перитиос.	6. Февраль.
7. Миазия.	7. Адар.	7. Дистрос.	7. Март.
8. Жмибот.	8. Низак.	8. Ксанфикос.	8. Апрель.
9. Сене.	9. Гиар.	9. Артемисиос.	9. Май.
10. Гамет.	10. Газиран.	10. Десиос.	10. Июнь.
11. Нагаз.	11. Тамус.	11. Панемос.	11. Июль.
12. Маскарак.	12. Аб.	12. Лоос. <...>	12. Август.

У египтян был еще тринадцатый месяц, составлявший продолжение августа, и назывался *эпагомен*. У коптов он называется *низи*, когда год простой; а *кеб*, когда високосный или прибавочный, за коим следует високосный.

Евреи до пленения вавилонского, случившегося при вавилонском царе Навуходоносоре <...>, именовали некоторые месяцы иначе, нежели как они именуется ныне: 1. *авив*, март, а в плене вавилонском *ниссан*, который заимствовали от ассириян, 2. *ниий*, апрель, а в плене *гасар*, 3. *сиван*, май, 4. *тамуз*, июнь, 5. *ав.*, июль, 6. *элул*, август, 7. *афанаил*, сентябрь, в плену вавилонском *тисри*, который позаимствовали от ассириян, 8. *вул*, октябрь, 9. *хаслев*, ноябрь, 10. *тивиф*, декабрь, 11. *севат*, январь, 12. *адир*, февраль.

Каждый месяц не имел полных 30 дней, и в течение столетия выходил неправильный тринадцатый. Это дало повод к разделению года на 13 месяцев, который у нынешних евреев начинается с сентября в следующем порядке: 1) эль-эль (сентябрь), который имеет 29 дн.; 2) тишри (октябрь), 30 дн.; 3) хешвен (ноябрь), 30 дн.; 4) каслев (декабрь), 30 дн.; 5) те-веш (январь), 29 дн.; 6) шеват (февраль), 30 дн.; 7) адер (март), 29 дн.; 8) ниссан (апрель), 30 дн.; 9) иер (май) 29 дн.; 10) сивень (июнь), 30 дн.; 11) тамос (июль), 29 дн.; 12) ав или аб (август), 30 дн.; 13) вейадер, добавочный месяц. У турок начинается год около 25 марта, и считается следующим образом: 1) могаремм (апрель) 30 дн.; 2) сефер (май), 29 дн.; 3) реби-уль-эвель (июнь), 30 дн.; 4) реби-уль-ахир (июль), 29 дн.; 5) джемаззи-уль-эвель (август), 30 дн.; 6) джемаззи-уль-ахир (сентябрь), 29 дн.; 7) регеб (октябрь), 30 дн.; 8) шабан (ноябрь), 29 дн.; 9) рамазан (декабрь), 30 дн.; 10) шеваль (январь), 29 дн.; 11) зилькаде (февраль), 30 дн.; 12) зильгадже (март), 29 дн.

ДРЕВНИЕ НАЗВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ МЕСЯЦЕВ

Русские славяне имели иные названия месяцев, чем киевские и польские, а именно: 1. *просинец* (январь), по-малороссийски *сечен*, по-польски *стычень*; 2. *сечень* (февраль), по-малороссийски *лютый*, по-польски *люты*; 3. *сухий* (март), по-малороссийски *березозоль*, по-польски *марзец*; 4. *березозоль* (апрель), по-малороссийски *цветень*, по-польски *квецень*; 5. *травный* (май), по-малороссийски *травен*, по-польски *май*; 6. *изок* или *высок* (июнь), по-малороссийски и по-польски *червец*; 7. *червень* (июль), по-малороссийски и по-польски *липец*; 8. *зарев* (август), по-малороссийски и по-польски *серпень*; 9. *рюен* (сентябрь), по-малороссийски *вресень*, по-польски *вржесень*; 10. *листопад* (октябрь), по-малороссийски и по-польски *надерник*; 11. *грудень* (ноябрь), по-малороссийски и по-польски *листопад*; 12. *студеный* (декабрь), по-малороссийски *студень*, по-польски *грудень*.

Названия этих месяцев произошли от времен года и земледельческих занятий. *Просинец* (январь) объясняют от синевы неба; *сечень* (февраль), малороссийский *сечень* (январь), соответствует смыслу *сечь*. Но что он значит – трудно сказать. В это время постоянно бывают сильные морозы, которые все посекают, поэтому можно полагать, что название «сечень» дано по этой причине, как польский *люты* от лютых морозов в феврале месяце. В XV в. встречаем в наших летописях январь и февраль под названием *свадеб*, потому что в это время чаще всего совершались свадьбы. «Явися звезда хвостатая на западной стране, и всхожаше с прочими звездами от свадеб до вербной субботы», – читаем мы в Новгородской летописи под 1402 годом. У древних греков январь месяц назывался женитьбным по совершению в нем свадеб. Польский *стычень* (январь) – от столкновения частых морозов. Русский *сухий* (март) – от весенней засухи. Русский *березозол* (апрель), малороссийский *березозол* (март) – от приготовления березовой золы для щелочка; а польский *марзец* (март) – от слова «мерзнуть», потому что в это время бывают перемежающиеся вечерние морозы. Малороссийский *цветень*, а польский *квецень* (апрель) произошли от расцветающей весны. Русский и малороссийский *травень* (май) значит время, в которое все покрывается травами. Польский *май* – от латинского месяца май. *Высок* или *изок* (июнь), вероятно, от высоты солнца, которое в это время находится на высшей точке летнего равноденствия, и тогда бывают самые большие дни. Экзарх Болгарский в своем предисловии к Шестодневу, ставит *изок* в числе птиц; но в его переводе «Беседы Василия Великого» сказано: «...не точию бо изоци в дожде се раждают». Могут ли птицы рождаться от дождевой воды? Экзарх болгарский включил *изок* в число птиц следуя Василию Великому, который в девятой своей беседе причисляет летающих насекомых к роду пернатых. В премудрости Иисуса Сираха сказано: «...мала есть в пернатых пчела». Эпифаний Славеницкий переводит *изок* сверчком. «Не бо точию сверщцы в надождениих выходят», следовательно, Славеницкий уже понимал естественную историю, но он в другом месте спраши-

вает самого себя с удивлением: «Кий образ песнопения сверща?» В киевском славянорусском лексиконе (1527) *сверц* значит конник, скачок, сверчок. Из всего этого видно, что изок есть сверчок, кузнечик. Древние думали, что кузнечики поют. Известно, что эти насекомые производят звук от частого и крепкого трения своих крылышек и появляются во множестве после дождей в теплые дни, что бывает в июне месяце, который, без сомнения, поэтому так и назван. *Червец* (июнь) малороссийски и польски назван от множества появляющихся в то время красильных червей. Как красильное вещество, оно называется еще *камаха*. Некоторые думают, что только 8 июля можно отыскивать камах около одного куста, нарочно сюда собирающихся, поэтому кто встанет всех ранее, тому предстоит счастье собирать их. Русский *червень* (июль) – от плодов и ягод, которые во время своей зрелости бывают красные, червоны. *Липець* (июль), малороссийский и польский, – от дерева липы, достигающей в это время полного цвета и издающей запах, подобно липецкому меду. Самый лучший мед есть тот, которой собирается пчелами с лип и гречихи. Нынешний липецкий мед получил свое название от города Липецка (Тамбовской губ.), где умеют готовить его преимущественно перед другими. Русский *зарев* (август) – от сияния зарницы. *Серпень* (август), малороссийский и польский, – от серпов, потому что тогда жнут серпами созревший хлеб. Русский *рюен* (сентябрь) объясняют иллирическим глаголом *rujan* – рюмить, плакать. Но не от того ли *рюен*, что начинаются сентябрьские дожди? Малороссийский *вресень*, польский *вржесень* (сентябрь) – от *wrzesia*, тамаркового дерева. Русский *листопад* (октябрь) от падения листьев. Малороссийский и польский *листопад* есть ноябрь, означает падение листьев, между тем как малороссийский и польский *паздерник* (октябрь) показывают глубокую осень. Русский *грудень* (ноябрь) от груди снега. Зимняя дорога называлась в старину грудным путем. Русский и малороссийский *студень* (декабрь) значит морозный, студеный месяц, когда веют холода и стоят стужи. Польский *грудень* (декабрь) значит зимний путь.

С какого времени прекратилось у нас название месяцев славянских? Это неизвестно. У поляков поныне в употреблении свои древние названия. Из отечественных летописей видно, что месяцы именовались в первые времена основания нашего государства так же, как ныне. Преподобный Нестор, говоря о переводе книг с греческого на славянский язык св. Мефодием (около 850 г.), пишет: «...приложиста вся книги в шесть месяц, наченше от марта месяца до 12 октября месяца». В древнейшем договоре Олега с греками, в 911 г., подписано: «...сентябрь 2, недели 8, в лето создания мира 6420». Нигде мне не случилось читать, чтобы названия славянских месяцев употреблялись после этого времени. Быть может, что до времен Нестора, жившего в первой половине XI века, еще употреблялись славянские названия месяцев.

ЗНАЧЕНИЕ ЛАТИНСКИХ МЕСЯЦЕВ

Наши предки переняли латинские названия от Восточной империи.

Январь, первый месяц в году, назывался *януарий*. Имя это он получил от Януса, бога мира. В царствование Ромула (за 750 лет до Р. Х.) в году было десять месяцев, и год тогда начинался с марта. Наследник Ромула, Нума Помпилий, построил в Риме храм в честь Януса или Януария, который во время военных действий отворялся и сюда стекались для умилоствления божества. Истукан Януса изображался с двумя лицами: одно означало прошедший год, а другое – наступающий новый.

Римляне в начале этого месяца посещали друг друга, поздравляли и взаимно дарили; такие подарки назывались *strenae*, в новый месяц.

Греки называют январь *гамиллион*, *жендѣбный* (свадебный), потому что они имели обычаем совершать в этом месяце брачные договоры и торжества. <...> *Февраль*, или *февруарий*, получил свое название от *februaire*, потому что римляне отмечали в это время празднество в честь Плутона

и Юноны, которая называлась Февруалия. Это празднество имело в виду два предмета: а) очищение граждан от грехов и б) поминовение умерших и приношение жертв для умиловления теней. <...>

В Библии *март* называется *авив* и считается первым месяцем в году. Полагают, что в этом месяце Бог создал видимый мир и первого человека со всеми животными. Сам Бог сказал Моисею и Аарону: «*Месяц сей вам начало месяцам, первый да будет вам в месяцах лету*». Израильтяне праздновали в этом месяце Пасху и исход свой из египетской неволи; а Единородный Сын Бога-Отца сошел на землю.

У римлян март был первым в году. Название марту дал Ромул по имени мнимого своего отца Марса, бога войны. В этом месяце, однажды в год, зажигали весталки неугасимый огонь в честь богини Весты и непорочности. Март считался несчастным для бракосочетаний, как и май. <...> 9 марта бывает весеннее равноденствие, под знаком Овна: день и ночь тогда равные, солнце делает поворот к лету, дни начинают постепенно увеличиваться, а ночи уменьшаться, и это продолжается до летнего поворота, 10 июня.

Апрель получил свое название от *aperienda terra*, возобновления земли, ибо в это время она открывает богатые произведения цветущей весны. Этот месяц был посвящен римлянами Венере как богине красоты и рождения. У македонян апрель был первым месяцем в году.<...>

Май назван Ромулом в память разделения народа на *maiores* (предков). <...>

Июнь, или *юний*, в церковных книгах *иуний*. Им называлась у римлян богиня Юнона – *Iuno*. Он был посвящен юношам. Другие производят его от консула Юния Брута, потому что он, по лишении престола царя Тарквиния Гордого (за 500 лет до Р. Х.) и по изгнании его со всем семейством из Рима, приносил в это время благодарственную жертву богине Карне на горе Целие. <...> В этом месяце 10 числа бывает самый долгий летний день: 18 часов 29', и самая маленькая ночь: 5 часов 31'. Солнце делает поворот к осени; дни начинают постепенно

уменьшаться, а ночи увеличиваться. В Петербурге с 6 числа по 14 число солнце восходит в 2 часа 19', а заходит в 9 часов 14'. Небо бывает покрыто, до солнечного восхода, красным заревом, а ночь светлая, как день.

Июль, по церковным книгам *иулий*, назывался сначала *квинтилис*, пятый, поскольку он был пятым месяцем в году, считая год с марта. Марк Антоний повелел, будучи консулом, чтобы этот месяц впредь называли Юлием в честь Юлия Цезаря, который родился в том месяце. <...>

Август назван римлянами в честь Октавиана Августа, первого их императора, бывшего прежде первым консулом. В этом месяце он имел торжественный въезд в Рим, и все важные деяния его царствования случились в августе. Храм Януса, которой стоял 200 лет отворенным по случаю непрерывных войн, затворился навсегда в том же месяце. <...>

Сентябрь по-церковному *сентемврий*. Сентябрь так назван Ромулом потому, что по его исчислению он был седьмым в году, который начинался тогда с марта месяца. Император Август I установил исчисление индиктионов с сентября, продолжавшихся до Константина Великого. Этот император, победив Максентия, гонителя христиан, даровал им свободу, и вскоре потом на Первом Вселенском соборе установлено святыми отцами вести христианские индиктионы, которые считаются доселе, в память торжества истинной веры над языческой. Многие из римских императоров называли его своим именем, но после их смерти он назывался по-прежнему.

Во всей Европе долгое время считался новый год с сентября, а у нас до 1700 г. <...> 10 сентября бывает осеннее равноденствие, солнце делает поворот к зиме, день и ночь равные; но день начинает уменьшаться, ночь прибавляться, и это продолжается до 9 декабря.

Октябрь, по-церковному *октемврий*, по Ромулову исчислению восьмой месяц. Римские императоры и сенат давали ему разные наименования, и он долгое время назывался Фавстини, в честь супруги Антония, и Домициан, по имени императора Домициана; но этот месяц удержал прежнее свое имя.<...>

Ноябрь, по-церковному *новембрий*, по Ромулову исчислению девятый (от лат. слова *novem* – девять). Император Комод велел называть его *тогам вирилем* (*togam virilem*), потому что он получил в это время одежду, называемую тога, которую носили консулы и знатные люди, и вместе с отцом он поздравлен императором. После их смерти этот месяц удержал прежнее свое название.

Декабрь, по-церковному *децемврий*, назван (в 450 г. до Р. Х.) по случаю римских децемвиров, правителей десяти мужей, которые, желая продлить еще на месяц свою власть, установили, чтобы февраль был не последним, а вторым в году. По Ромулову исчислению он назван десятым (*decem*), потому что он был в его время десятым в году. <...> В декабре 9 числа самый короткий день: 5 часов 31', а ночь самая продолжительная: 8 часов 29'. Солнце вступает тогда в знак Козерога и делает поворот на зиму. В Петербурге с 6 по 19 число солнце восходит в 9 час. 14', а заходит в 2 час. 46'.

Французы при введении у них республиканского правления в 1792 г. считали начало нового года с 11 сентября; год разделяли на 12 месяцев, из коих каждый был в 30 дней, к концу каждого года прибавляли 5 дней, для составления 365 дней, а чрез три года прибавляли к четвертому 1 день, чтобы иметь високосный в 366 дней. Название их месяцев было следующее:

1. Ваадемьер – 11 сентября, виноградный.
2. Брюмер – 11 октября, туманный.
3. Фример – 10 ноября, изморозный.
4. Нивоз – 10 декабря, снежный.
5. Плювиоз – 9 января, дождливый.
6. Вантоз – 8 февраля, ветренный.
7. Жерминаль – 10 марта, прозябательный.
8. Флориаль – 9 апреля, цветной.
9. Прериаль – 9 мая, луговой.
10. Мессидор – 8 июня, жатвенный.
11. Термидор – 8 июля, жаркий.
12. Фруктидор – 7 августа, плодоносный.

Каждый месяц состоял из трех недель, а неделя из 10 дней, которые назывались: 1. примиди, 2. дуоди, 3. триди, 4. квартиди, 5. квинтиди, 6. секстиди, 7. септиди, 8. актиди, 9. нониди, 10. декади.

По возвращении престола династии Бурбонов французы ввели прежнее исчисление и названия месяцев, недель и дней, как ныне употребляют все европейцы.

При разделении древними римлянами года на 12 месяцев должно еще заметить, что месяц делился у них на три части: *календы*, *ноны* и *иды*. Календы от греческого слова *калео*, со- зываю, означали созывание народа в первое число каждого но- вого месяца для совершения праздника. Тут жрецы объявляли: в какой день будут отправляться жертвоприношения богам и сколько в том месяце нонов и идов. Потому календы правиль- нее могут называться у нас *новомесячием*.

Ноны суть дни после новомесячия, в которые произво- дились все общественные дела. Название нонов позаимство- вано римлянами из Этрурии по завоевании ими этой области. Там прежде был обычай, что народ в каждый девятый день, поздравляя своего царя с *ноном* или *девятицею* приносил ему жалобы, потому *нопис*, поныне сохранившийся на латинском языке, остался при прежнем значении девять.

Иды, а правильное *идос*, означали окончательный день месяца; по ним считали дни календ и самые праздники.

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЗНАКИ МЕСЯЦЕВ

Астрономическое исчисление месяцев изображается особыми знаками, которые ведутся с марта месяца, а именно: ♈ овен (март), ♉ телец (апрель), ♊ близнецы (май), ♋ рак (июнь), ♌ лев (июль), ♍ дева (август), ♎ весы (сентябрь), ♏ скорпион (октябрь), ♐ стрелец (ноябрь), ♑ козерог (де- кабрь), ♒ водолей (генварь), ♓ рыбы (февраль). Март (овен) и апрель (телец) названы потому так, что в это время наиболее рождаются овцы, теленки и козы; май — близнецами потому, что тогда рождаются в большем числе близнецы, нежели в другое

время. Июнь, находящийся под созвездием рака, производит тогда в изобилии раков; июль обозначен львом, потому что это весьма жаркий месяц. Он называется еще каникульным, потому что тогда собаки подвергаются бешенству от чрезмерных жаров. В это время повсюду собирают жатву с полей. Созвездие девы изображается в виде девушки, держащей в руках колосья; сентябрь под знаком весов в напоминание осеннего равноденствия. Октябрь под знаком скорпиона по причине дурного и нездорового времени. Ноябрь под знаком стрельца как начало звериной охоты. Декабрь под знаком козерога, ибо тогда козы преимущественно проводят время в горах. Генварь под знаком водолея — в это время разливаются воды в южных странах. Февраль под знаком рыб — тогда рыбы мечут икру.

ЗНАЧЕНИЕ КАЛЕНДАРЯ И СВЯТЦЕВ

Исчисление года по месяцам называется календарем или месяцесловом, а по-церковному святцы. Календарь происходит от латинского слова *calenda* (календы), которыми римляне обозначали первые числа каждого месяца. Богиня Юнона называлась *calendaris* (календарис), потому что ей были посвящены календы. От календарис произошло название календаря, который у нас весьма правильно заменяется названием месяцеслова. Святцы есть то же самое, что месяцеслов, с той разницей, что в них преимущественно показываются события Церкви, дни праздников святых угодников с кратким описанием их дел. От слова *святой* и произошло сокращенное *святцы*. Из них особенно славятся своим достоинством и древностью киевские, а потом московские.

РАЗДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ НА НЕДЕЛИ

Разделение времени на недели есть весьма древнее. Из Библии известно, что сотворение мира совершилось в шесть дней, следовательно, евреям было известно разделение времени на недели или семь дней. Надо полагать, что все древ-

ние народы имели свои недели и названия недельных дней. В простом году считается 52 недели и 1 день, а в високосном – 52 недели и 2 дня. Наша Церковь начинает неделю с вечера субботы, или с захода солнца; а в гражданских делах неделя начинается с утра понедельника.

ЗНАЧЕНИЕ СЕМИ ДНЕЙ

Поныне все народы имеют особые свои названия для семи дней. У нас то же самое. Понедельник означает первый день по неделе; вторник – второй; среда – середину недели; четверг или четверток – четвертый день; пятница – пятый; суббота, день отдохновения, заимствован от евреев, у которых он значит праздничное время. Воскресенье – в воспоминание Воскресения Иисуса Христа. У турок воскресный день заменяется пятницей. У французов, итальянцев, испанцев и португальцев недельные дни названы по созвездиям. Понедельник носит название Луны, вторник – Марса, среда – Меркурия, четверг – Юпитера, пятница – Венеры, суббота – Сатурна, воскресенье – Солнца. У германских народов: понедельник – Луна; вторник – рабочий день; среда – середина недели; четверг – громовой день; пятница – свободный день от работы, потому что у них земледельцы в прежние времена не ходили в этот день на барщину, употребляя его в свою пользу. Суббота – солнечный вечер. Почему он так назван – неизвестно. Воскресенье – солнечный день или радостный. Когда введено исчисление недель и дней в России, до введения ли христианства или после? По летописям ничего не видно, чтобы наши предки-язычники употребляли название нынешних дней, но по введении христианства мы видим названия дней и недель те же самые, как и ныне. Слово *неделя* означает *недельные, нерабочие дни*. Отчего так названо? Не потому ли, что в старину русские и некоторые дунайские славяне не любили много заниматься работой и что сама неделя была для многих неделя праздников? У малороссиян *недѣля*, у поляков *nidziela*, у богемцев, моравов и прочих задунайских славян *neděle* означает

воскресенье, или недельный, нерабочий день; напротив того, седмица выражается у малороссиян через *тыждень*, у поляков *tydzien*, а у прочих славян через *неделю*. У литовцев неделя называлась *семидневье*. Счет их дней начинался с пятницы, которая почиталась праздником, как наше воскресенье.

ИСЧИСЛЕНИЕ ДНЕВНОГО ВРЕМЕНИ И ПЕРВЫЕ БОЕВЫЕ ЧАСЫ

По принятии христианской веры сутки делились у нас на 24 часа, но дни считали от восхода до захода, а ночи – от захода до восхода солнца, что продолжалось до 1699 г. Древние и все восточные народы считали день от восхода до захода солнца. Астрономы ведут день от полудня до полуночи, турки – через четверть часа по заходе солнца, а европейцы – с полуночи до полуночи.

Государь Петр I повелел построить в разных местах часы с колокольным боем, и тогда начали считать время с полудня, по пробитии 12 часов. Первые часы с боем появились в Москве в 1404 г., на дворе Великого князя Василия, сына Дмитрия Донского, которые доставил ему монах Лазарь Сербин. Под именем дня разумеется солнечное течение на горизонте, а под именем ночи – сокрытие солнца на нашей планете. Обращение Земли около своей оси произвело суточное движение, а около Солнца – годичное кругообращение или год.

Не все христианские праздники приходятся в одно время, а потому они и разделяются на подвижные и неподвижные, или на переменяемые и неперемняемые.

ПАСХАЛИЯ

Пасху праздновали прежде в одно время с евреями, до 310 г.; но впоследствии установили на Никейском соборе праздновать отдельно от иудейской и всегда в воскресенье, поэтому она постоянно приходится в воскресенье, только не в одно число.

Это воскресенье есть первый воскресный день по полнолунию, считая от мартовского равноденствия. Если Пасха случится в день полнолуния, то празднование должно быть в седьмой день; если в субботу, то в восьмой день. Но после весеннего равноденствия Пасха приходится в одно и то же число. Чтобы знать безошибочно: в каком году и в какое число будет Пасха, надо прибегать к пасхальному исчислению, от которого зависят все подвижные праздники.

Пасхальным оно называется потому, что делается посредством науки, именуемой *пасхалией*¹, в коей руководствуются для отыскания дня Пасхи круговыми вычислениями под именем: 1. *круга солнца*; 2. *круга луны*; 3. *круга индикта*; 4. *основания* и 5. *эпакты*.

Солнечным кругом называется 28-летнее пространство времени, которое начинается и оканчивается в один день – после 28 лет.

Круг луны значит обращение ее в 19 лет, по прошествии коих новолуние и полнолуние возвращаются на прежние дни. Новолуние или новый месяц изображается знаком ●, первая четверть луны ☾, полный месяц ☽, последняя четверть ☾. Круг индикта составляет 15-летнее время. Он установлен императором Августом для правильного взноса податей чрез каждый пять лет в три срока, посему каждый пятилетний круг назывался *люстром*. Люстр начинался с 1 сентября. Восточная Церковь положила праздновать индикт также с 1 сентября в память победы, одержанной Константином Великим (в 312 г.) над своим врагом Максентием, который был жестоким преследователем христиан.

Есть еще индиктион: он состоит из 28 солнечных и 19 лунных кругов, которые, помноженные между собой, составляют индиктион, или 532 года.

¹ Митроп. Зосима поручил сделать исчисление церковного круга с согласия епископов новгородскому епископу Геннадию. Вычисления последнего поверял пермский епископ Филофей и утвердил верность. После означил Геннадий круги солнечные, лунные, основания, эпакты, вруце лето и ключи границ, от 533–7980 г. Созванный посему делу собор в 1505 г. подтвердил во всей силе его летосчисление, и тогда вновь утверждено начинать новый год индиктом с 1 сентября.

Вруце лето есть буква, показывающая воскресный день каждого года. Таких букв в пасхалии семь: **Ѡ, Ѣ, Г, Д, Ѓ, З, С**. Эти буквы отмечаются часто соответствующими им числами: 1 = **Ѡ**, 2 = **Ѣ**, 3 = **Г**, 4 = **Д**, 5 = **Ѓ**, 6 = **З**, 7 = **С**. Известно, что простой год состоит из 52 недель и 1 дня, а високосный – из 52 недель и 2 дней, то поэтому в каждый простой год воскресная буква будет следующая по прошлогодней, а в високосный – через одну букву. В гражданских месяцесловах дни недельные заменены астрономическими знаками, а именно: (Луна), понедельник; (Марс), вторник; (Меркурий), среда; (Юпитер), четверг; (Венера), пятница; (Сатурн), суббота; (Солнце), воскресенье. Счет вруцелетий ведется с марта месяца. Основание есть 14 число, показывающее с первого числа марта день давности луны. По свидетельству святого Иоанна Дамаскина и заключениям пасхалистов, Луна создана в четвертый день и была тогда полная, поэтому давность ее была в то время 14 дней.

Эпакта есть разность между солнечным, гражданским и астрономическим годами и состоит из 11 суток. Ключ границ или, иначе, исправа показывает дни, в которые приходится Пасха. Дни эти означаются 35 азбучными буквами, потому что для границ Пасхи определяется 35 дней, между 21 марта и 26 апреля: ибо она никогда не бывает ранее 22 марта и позже 25 апреля, а эти-то 35 дней и называются ключом границ.

ПОДВИЖНЫЕ И НЕПОДВИЖНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Многие праздники предшествуют Пасхе, а другие следуют после нее и бывают в разные числа месяцев, ранее или позже, почему называются подвижными и неподвижными. Первые бывают не в одни числа, вторые всегда приходятся в одно число. К подвижным праздникам принадлежат: Пасха, Вознесенье Господне, которое празднуется через 40 дней от Христова Воскресения, установлено в III в. Пятидесятница – в 50 день по Светлом Воскресении, или в 10 день по Вознесении. Этот праздник иначе называется Сошествие Святого

Духа или день Святой Троицы. Преполовение – за две недели до Вознесения, Петров пост – через неделю после Троицы и проч. К неподвижным праздникам относятся воспоминания о важнейших событиях в христианском мире, освященные Церковью, именно: страдания мучеников и мучениц и их смерть, явления чудотворных икон и мощей угодников Божиих, одержание побед над врагами отечества, избавление народов от разных бедствий или освобождение их от иноземного ига, дни рождения и тезоименитств царствующего дома. Важнейшие неподвижные праздники: Новый год, Богоявление, или Крещенье Господне, 6 января; Сретение Господне, 2 февраля; Благовещение, 25 марта; день Чудотворца Николая, 9 мая; Рождество Иоанна Предтечи, 24 июня; Св. Апостолов Петра и Павла, 29 июня; Успенский пост с 1 по 15 августа; Преображение Господне, 6 августа; Успенье Св. Богородицы, 15 августа; Усекновение главы Иоанна Предтечи, 29 августа. Екатерина Великая указала совершать в этот день поминовение о православных воинах и о всех убиенных на брани за веру и отечество. Рождество Св. Богородицы, 8 сентября; Воздвижение Честного Креста Господня, 14 сентября; Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, 29 сентября; Покров Св. Богородицы, 1 октября; Рождественский или Филиппов пост с 15 ноября по день Рождества Христова; Введение во храм Св. Богородицы, 21 ноября; день Чудотворца Николая, 6 декабря; Рождество Христово, 25 декабря.

Каждый народ сохраняет свои гражданские праздники, которые имеют особое значение, например: основание политического бытия государств, принятие веры, основание столичных городов, знаменитые битвы, освобождение от иноземного ига, учреждение учебных заведений, ученых обществ, важнейшие открытия и изобретения в науках; время государственных постановлений и законов, восшествий на престол, орденские празднества, воспоминания о днях рождения и смерти великих царей, законодателей, героев и иерархов Церкви. Обо всем этом ведутся в истории и месяцесловах памятные записки.

II. КРЕЩЕНИЕ

О НЕИЗВЕСТНОСТИ СРЕДСТВ ДЛЯ ОБЛЕГЧЕНИЯ РОДИЛЬНИЦ

Отечественные летописи ни слова не говорят о тех пособиях, какие подавались родильницам до и после рождения ими детей; ни о тех обрядах, какие совершались по рождении младенцев. Нет сомнения, что наши предки употребляли в этом случае единообразное средство: предоставляли рождение природе и крепкому здоровью женщин. Чуждые изнеженности и роскоши деревенские женщины и поныне, большей частью, не прибегают к врачевным средствам: они часто рожают во время сельских работ и на третий день уже ходят. Хотя древним азиатским, африканскими и европейским народам были известны врачевные средства, употреблявшиеся во время омовения и повивания младенцев, однако эти пособия появились у нас не раньше конца X века.

БАБЫ ИЛИ БАБКИ

Из устава Великого князя Владимира мы видим, что тогда при родах первыми помощницами родильницы были женщины пожилых лет, называвшиеся бабами (бабками). Они обмывали рождаемых младенцев, повивали и врачевали. Около половины XVIII века врачи стали изучать у нас акушерство, а для обучения повивальному искусству появились школы, в которых в 1776 г. уже преподавали молодым людям и бабкам акушерство на русском языке и обучали их преимущественно в воспитательных домах. В конце XVIII века постановлено в обязанность врачевным управам¹, чтобы в числе их членов иметь по акушеру. Благодетельным попечением императрицы Марии Феодоровны и Великой княгини Елены Павловны

---

¹ См. Инструкцию врачевным управам, 1797, 19 января.

устроены отдельные повивальные школы, в которых учится преимущественно женский пол¹.

ОЧИСТИТЕЛЬНАЯ МОЛИТВА И СОВЕРШЕНИЕ ОБРЯДОВ В ЦАРСКОМ ДОМЕ

Чтение родильной молитвы позаимствовано греками от евреев, а к нам перешло по принятии христианской веры (в конце IX в.). В старину было в обыкновении, что перед наступлением потугов родильница хаживала в баню с бабкой и женщинами. Этому обычаю следовало не только боярское сословие, но и сами царицы. Как скоро царю становилось известно, что царица родила, немедленно посылали к духовнику, который читал молитву младенцу, родильнице, бабке и всем присутствовавшим при родах женщинам. Потом младенца носили в баню, куда ходил смотреть новорожденного сам государь. После совершал патриарх в присутствии царя молебствие о дарованном ему царевиче. По прочим же церквям и монастырям отправляли молебны; раздавали милостыню нищим и убогим; освобождали из тюрьмы неважных преступников; по монастырям ходил государь, угощал монахов и раздавал подаяние. По городам рассылали стольников, стряпчих и жильцов с царскими грамотами к духовенству и воеводам о рождении младенца. Повсюду служили благодарственные молебны за здоровье новорожденного. Посланные приглашались воеводами и духовенством на обед; после обеда духовенство благословляло их образами, а воеводы одаривали посланных по возможности. В день рождения царевича бывал родильный стол у государя

¹ Одно из таких заведений, находящееся в Петербурге на Фонтанке, между Обуховским и Измайловским мостами, состоит под особым покровительством Ее Императорского Высочества в.к. Елены Павловны и возвысилось до европейской известности. Тут предполагают начальное основание медицины, но обращено главнейшее внимание на усовершенствование в повивальном знании, и каждая бабка столько приобретает медицинских сведений, что в случае надобности сама может подать врачебное пособие. Выпускаемые отсюда бабки определяются к казенным местам, если они получили образование от правительства, а прочие занимаются частным лечением. Слово «бабка» заменено ныне названием «бабушка», кои бывают 18 лет от роду.

для одного только духовенства; стрельцов и других чинов одаривали. Такой же обряд соблюдался и при рождении царевен, только раздача денег была не столь щедрой. Для кормления дитяти избирали здоровую и нравственную женщину. По шестивии года, если кормилица из дворянского рода, посылали ее мужа на воеводство или дарили его вотчиной; из подьячих и других чинов повышали и награждали жалованьем; посадских освобождали от всех податей и назначали им приличное содержание. За присмотром младенца назначали мамку и няньку. Если чужой похвалит ребенка или новорожденного на глазах кормилицы, то она должна была плюнуть на землю три раза, чтобы не сглазил его худой глаз.

ПРОСТОСЕРДЕЧНОЕ ПОНЯТИЕ О РОЖЕНИЦАХ И ОЧИСТИТЕЛЬНАЯ МОЛИТВА

Истари ведется между простолюдинами обыкновение, состоящее в том, что когда мать мучится родами, тогда стараются скрывать, чтобы никто об этом не знал, с тем убеждением, что от этого ей бывает легче. В старину некоторые простолюдины распускали писаную молитву в воде, давали пить роженице, думая, что этим облегчатся роды. <...> Все находившиеся при родах, хотя бы они и не дотрагивались родильницы, прибегали к очистительной молитве.

В Пермской губернии существует обычай между простолюдинами и даже купцами, что старушки, заменяющие бабок, непрерывно водят родильницу по избе или бане и не позволяют ей ни садиться, ни лежать. Родившегося младенца выправляют намыливанием, встряхиванием и вспрыскиванием; дают родильнице и младенцу есть воробьиное семя и некоторые с нашептыванием травы. По счастливом разрешении дают родильнице выпить добрую чару вина и съесть кусок хлеба; потом поят ее пивом с толокном и дают ей всякую пищу без разбора. Родственницы или приятельницы из простого звания поздравляют родильницу в спальне, у купцов – в бане, и приносят на зубок денежные подарки от 10 копеек до одного рубля медью.

УГОЩЕНИЕ ОТЦА НОВОРОЖДЕННОГО

Кума и другие женщины кормят за столом отца новорожденного гречневой кашей; потом высылают его из избы и готовят для него новое кушанье на бабкиной каше, сваренной из сорочинского пшена: сюда кладут по столовой ложке горчицы, перца, хрена, соли, уксуса, посыпают сахаром и дают ему есть, чтобы он несколько помучился, как его роженица¹.

ПОРУШКА И ДАРЕНИЕ

В других местах родня посылает к роженице по кружке или чашке *порушки* и большому круглому пирогу. Порושка готовится из сухой разваренной малины, подслащенной медом. <...> В некоторых деревнях знакомые и родственники посылают в дар родильнице или сами приносят: крупу, муку и кусок полотна на рубашку младенца.

КУМОВЬЯ И КРЕСТНЫЕ РОДИТЕЛИ

Обыкновение иметь восприемников существует в Христианской Церкви издревле, о чем свидетельствуют многие св. отцы, между которыми: Тертулиан, Златоуст, Августин. Повод к этому установлению подали первые гонения на христиан. В эти жестокие времена нужно было иметь свидетелей при крещении, которые, соединяясь с крещаемым духовным родством, служили бы им наставниками в принятой вере. По правилам св. отцов достаточно, чтобы при крещении мальчика быть одному восприемнику, а при крещении девочки – одной восприемнице. В наше время при каждом крещении бывают восприемник и восприемница, которые между собой называются кум и кума, а в отношении к принятым ими от купели детям крестным отцом и матерью. Тогда происходит между ними духовное родство.

¹ В некоторых местах тотчас по совершении крещения подают отцу новорожденного ложку соли, прикрытой кашей, а кум с кумой поднимают пирог, говоря: расти, крестник, так высок, как мы подняли пирог.

Церковь издревле употребляла крещение погружательное. Спаситель был крещен на р. Иордане Иоанном Крестителем; так поступали прежде со всеми взрослыми. Так крестился Великий князь Владимир, и по прибытии его из Корсуня в Киев он повелел, чтобы все люди, вельможи и рабы, бедные и богатые, шли креститься. Народ толпами входил в реку Днепр: большие стояли в воде по грудь и шею, отцы и матери держали младенцев на руках; священники читали молитвы крещения, разделив народ на толпы, в которых мужчинам давали одно имя мужское, а женщинам – одно общее женское, оттого многие сотни носили одно название. Великий князь Ярослав, сын Владимира, вырыл из могилы кости дядей своих – язычников: Олега и Ярополка, крестил их и положил в киевской церкви Св. Богородицы. Мы с греками остались при древнем обыкновении, а католики в конце VIII в. установили обливательное крещение, чтобы младенцы не простудились от погружения их в холодную воду.

ОТРЕЧЕНИЕ

Обряд совершения таинства крещения, заимствованный нами от греков, совершается ныне, как и прежде. Священник читает заклинательные молитвы. Затем следует отречение крестимого или, в случае его малолетства, его восприемников от сатаны. При этом они говорят: отрицаюся, дую и плюют три раза, обратясь назад; а после, обратясь на восток, уверяют в сочетании с Христом и читают Символ веры. Потом иерей, помазав елеем, трижды погружает крестимого в тепловатую, как бы летнюю воду, произнося: «Крещается раб Божия (имя) во имя Отца, аминь; и Сына, аминь; и Св. Духа, аминь; ныне и присно и во веки веков, аминь», – надевает на крещеного белую одежду и крест.

Ношение крестов на шее есть обыкновение самое древнее. О нем говорится даже в церковном нашем уставе. У нас оно известно еще со времен Владимира. Современник его, новгородской епископ Иоаким, крестя новгородцев, велел возлагать на них кресты для отличая от некрещеных, что, без сомнения, соблюдали и другие епископы. При одевании крестимого

в белую одежду поется тропарь: *«Ризу мне подаждь светлу, одеяйся светом яко ризую, многомилостиве Христе Боже наш»*. После крещения следует миропомазание при произнесении слов: *печать дара Духа Святого*. Миром помазывается чело, очи, ноздри, уста, уши, грудь, руки и подошвы ног.

ПОСТРИЖЕНИЕ

После священник, обойдя с крестимым и его восприемниками трижды вокруг купели, прочитав Евангелие и омыв члены тела, помазанные миром, остригает волосы крестообразно при чтении молитвы; залепив их в воск, отдает восприемнику, а восприемник потом бросает их в купель, из которой выливают воду в непопираемое ногами место¹. Такое выливание воды из купели, бросание в нее воска и надевание креста на младенца освящены если не церковным постановлением, то древнейшим и очень общим у нас обыкновением. Прежде вменяли себе в обязанность, чтобы младенцев для крещения приносить в церковь, где их и крестили крещением погружательным. В Малороссии младенец не погружается в воду, его обливают, и обряд этот позаимствован от католиков в то время, когда она находилась под польским владычеством. Приношение младенца в церковь в употреблении еще по городам, большей частью между простым сословием и теми, которые придерживаются древних церковных узаконений; но между богатыми и дворянством оно изменилось – крестят дома. <...>

При крещении младенца восприемница снабжает его рубашечкой и головным убором, а восприемник – крестом; каждый из них дарит роженицу и дитя добровольным подарком, называемым *на зубок*, как то: материей, деньгами, кто чем может. В других местах северо-восточной России восприемник и восприемница снабжают младенца спустя несколько дней после крещенья приличными вещами: восприемник крестом,

---

¹ Когда восприемник бросает в воду волосы, которые залеплены воском, тогда легковверные замечают: утонул ли воск, или он плавает. В первом случае младенец не жилец этого света, а во втором – долго жить ему.

а восприемница кисеей или другой материей, выбойкой, холстом, и надевают на него рубашку, – и это называется там *ризками*. После бывает обед или пир для всех родственников и знакомых, приходивших с поздравлением.

Родители крестимого не присутствуют при крещении своего дитяти. По совершении крещения священник поручает крестным родителям заботиться о наставлении крестника или крестницы в православной вере и во всем, что нужно христианину.

При вступлении в нашу веру из нехристианского вероисповедания, например магометанского, совершается непременно крещение и бывают также восприемники. Причем крестимый, будучи уже в возрасте, сам читает Символ веры, наставленный прежде в догматах нашего вероисповедания, а священник спрашивает его: «Отрицаеши ли ся скверныя и богопротивныя веры турецкия, и богохульнаго учителя их Мегмета и его всех приемников, и всего хульнаго учения их; и проклинаеше ли их и плюеши ли на ня?» На что он отвечает: «Отрицаюся, проклинаю я, и плюю на ня»; но его не заставляют проклинать своих родителей. В XII столетии духовенство наше затруднялось, как присоединять тех, которые переходят из другой веры в нашу, и тех, которые приносятся к чародеям. Новгородский епископ Нифонт на вопрос черноризца Кирика отвечал: «Если дети приносятся на молитву к варягскому иерею, то на таковых налагать шесть недель эпитимьи, а три, если приносящие сделали это по молодости и неопытности»¹. Если епископ или пресвитер вновь крестил имеющего истинное крещение или не хотел крестить оскверненного от нечестивых, тот извергался как не различающий священников от лжесвященников и как посмевающийся кресту и смерти Господней. Присоединяющихся к Православию, как то: ариан, македониан, савватиан, наватиан, тетрадитов и аполинаристов – принимали, как видно из правил Второго Вселенского собора, помазуя только святым миром. Евномиян же едино-

---

¹ Вопрошение Кириков; *Карамзин*. История государства Российского, т. 2, прим. 380. – Нифонт скончался в 1156 г., 21 апреля. Он находился в тесной связи со Святославом Олеговичем, кн. Новгород.-Северским; о дружбе его см. Киев. лет. и Карамзина, т. 2, прим. 380.

кратным погружением крещающихся, а равно монтанистов и савеллиан, держащихся мнения о сыноотечестве, и всех прочих еретиков принимали в Православие как язычников¹.

В ранней Церкви стригли волосы новопросвещенных с чтением молитв, в присутствии восприемников. Остригаемые волосы священник отдавал восприемнику, который облеплял их воском, запечатлевая на нем образ Спасителя, и хранил их как посвященные Богу. По мнению других, священник оставлял их у себя и хранил в священном месте. В память пострижения волос праздновали ежегодно день пострижения, как мы празднуем именины.

Между нашими предками-язычниками и по принятии ими христианской веры долгое время существовал обряд пострижения и сажания на коней. Из наших летописей известно, что обряд этот совершался торжественно. Детей Великого князя Всеволода Владимировского: Георгия, Ярослава и Владимира – постригали на втором и четвертом году и сажали на коней в присутствии епископа, бояр и граждан. Великий князь давал тогда роскошные пиры, угощал союзных князей, дарил их золотыми и серебряными сосудами, а бояр лошадьми, тканями и мехами². Это обыкновение соблюдалось не только в России, но и в других славянских землях. Лешко, почитаемый поляками за первого князя, был пострижен еще младенцем двумя странниками, которые наименовали его потом Семовитом. При постригах находились восприемники, между которыми было уже духовное свойство³. Конечно, этот обряд древний. У римлян постригали юношей при поступлении их во всадники, а у нас означало вступление в гражданское состояние. Сын Великого князя Иоанна III Георгий по достижении семилетнего возраста (1487 г.) был посажен на седло и потом пострижен, при чем были восприемниками знатные люди. Дети государя Алексея Михайловича, Симеон и Алексей, были переданы в семилетнем

¹ Св. Апостолов правила, правило 47, и Второго Вселенского собора прав. 7.

² Георгий род. в 1189 г., а пострижен в 1192 г.; Ярослав род. в 1190 г., 8 февр., пострижен в 1194 г., Владимир род. в 1194 г., 25 окт., пострижен в 1196 г., см. Суздальск. лет.

³ *Soror adoptive*. Это выражение, казалось бы, правильно перевести: *усвоенная сестра*.

возрасте из женских рук в мужские, в ознаменование их свободы. Татищев, живший в XVIII в., пишет, что в его время знатные люди держались этого обыкновения и что младенцы передавались тогда из рук женских в мужские. Кроме гражданского есть и церковное пострижение, которое сопровождается молитвой: «Заповедавый нам вся в славу Твою творити, пришедшего раба Твоего начаток сотвори стриши власы главы своея, благослови вкупе с его восприемником» и пр. Крестный отец приводил духовного сына в церковь, где священник читал над ним упомянутую молитву¹. Петр I по достижении семилетнего возраста дочерей его, Елизаветы и Екатерины, подрезал у них платья в ознаменование, быть может, перехода их из младенчества.

В Польше пострижение продолжалось весьма долгое время. При возведении в высшее военное звание оно сопровождалось пострижением².

¹ Карамзин. История государства Российского, т. 3, с. 134–135, прим. 143, 145; польские летописцы Мартин, Галлус... Татищев. Ист. Рос., кн. 3, прим. 553.

² Этому служит доказательством грамота польского короля Сигизмунда III, данная на имя Павла Маковецкого, возведенного в достоинство возного генерала: «Мы Жигмонт третий, Божию милостью король польский, в. к. литовский, русский, порусский, мазовецкий, жемонтский, инфлантский и шведский, готский, вандалский, дедичный король. Означаемо тым листом нашим всим воебц и каждому зособво, кому то ведати нальжить, иж мы шляхетного Павла Маковецкого возным енералом воеводств: киевского, волынского и бряславского чынимо и постановляемо, даючи ему моц и влазду зуполную, вси и всякие sprawy урядовы его належачые во всых поминенных воеводствах чынити и отпраовати, так однакобы первой присягу в земле своей, во длуг права в статуте описанного перед урядом належным выконал и от него во длуг права и звычайу был *пострыжон*, што всим и каждому зособно, кому то ведати надлежит, звласча урядом земским и гражданским ведомо меты хочемо, росказуючи, ибо вышепомененного возного за справедливого енерала мели и знали для ласки нашое, на што, для истное веры до того листу нашого печать короную приложить росказали. Есмо писан в Варшаве, дня двадцать четвертого месяца геньваря, року тысяча шестьсот двадцать девятого, панованья королевств наших польского чытыредесять второго, а шведского тридцать шостого». Внизу приложена государственная печать с подписью с левой стороны: *Jac. Zadzik, epūs culm. et rom. reg. cancellar.*, а с правой: зо приложением велебного в Бозе его милость ксендза Иакуба Задика, бискуна хелминского и померанского, канцлера великого, коронного. На обороте: *anno 1629 junj przijszlo usadu l przisiege wykonał. navrzescie swoj l postrzjzony. Stefan Aksak., siędza zemski kijowskj*. Эта грамота хранится в городском львовском архиве, и в бытность мою во Львове (в Галиции) она списана мною.

ВРЕМЯ КРЕЩЕНИЯ

День крещения избирался по произволу. Если дитя бывало слабое или ему угрожала скорая смерть, то его немедленно крестили. Избрание восприемников зависело от воли каждого. Царских детей крестили обыкновенно митрополиты и патриархи, восприемниками бывали старшие иноки Троице-Сергиевского монастыря, а восприемницами – сестры царевен или родственницы государя и государыни. По крещении давали обед духовенству и другим чинам, после обеда высшее духовное сословие благословляло новорожденного образами, сановники подносили ему подарки, которые сам принимал государь; от прочих принимали ближние люди царя; потом пили из заздравных кубков и расходились по домам. Для стрельцов и других чинов выкатывали на середину царского дворца бочки с водкой; в каждой бочке было до 200 ведер пива, а меда в семь раз более. Всякому дозволялось пить, сколько кому хотелось, только запрещалось носить домой.

КРЕСТИЛЬНИЦЫ И ЗНАЧЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ БАНИ

В одиннадцатом столетии устроены были при церквях, по древнему обряду, особые крестильницы, чтобы крестили детей в церкви. Киевский митрополит Ефрем первый повелел их строить (1090) при церквях, в княжение Всеволода (в XI в.). Тогда появились у нас банные строения, с каменной вокруг церкви оградой, чего прежде не было, говорит Нестор. В них ставили купель для взрослых людей.

Слово *баня* употреблено в Новом завете в смысле крещения. *Христос возлюбил церковь, и себе предал за ню: да освятит ю, очистит банею водною, или банею паки бытия*¹. Сам Нестор говорит о Христе: *баню нетления дарова* и проч.²

---

¹ Еф 130, Тим 3 : 5.

² Никонов. лет., гл. 2, с. 8.

Некоторые думали, что Ефрем строил торговые бани, а другие стали утверждать, что он первый начал строить церкви с главами, потому что в Малороссии доселе купол церковный называется *баней*. Слово *баня* (bania) чисто польское и значит *купол* или здание с круглой кровлей. Крестильницы при древних церквях христианских, например при Софийской в Константинополе, назывались *баптистрион*, в которых крестили правоверных¹.

РОДИЛЬНЫЕ ПОДАРКИ

В Древней Греции знатные особы, приезжая поздравлять роженицу с благополучным разрешением от бремени, скрытно клали под ее подушку несколько золотых монет. Этот обычай, употреблявшийся от поселянина до вельможи, укоренился в языческом Риме и от него перешел к европейцам. Следует думать, что это обыкновение позаимствовано греками от евреев. У римлян подобные подарки назывались родильными. Так они называются и ныне повсюду. У нас, как скоро родит мать, извещают о том родственников и хороших знакомых. Прежде было в обычае, что после извещения посылали родильнице подарки, состоявшие из материи, полотна и т. п. Ныне ведется обычай лишь в простонародье, что соседи и родные, навещая родильницу, приносят ей пироги и какие-нибудь съестные припасы. В Малороссии на другой или третий день по рождении младенца родители посылали бабу к родным и знакомым с хлебом и узваром², с извещением о новорожденном младенце и о приглашениях на крестины. Другие посылали вместо узвара бутылки с виноградным вином и пряники. Ныне такое поздравление выходит из обычая в дворянском сословии, однако оно продолжается еще между простолюдинами и купечеством, и при крестинах уже ничего не кладут на зубок.

¹ *Нестор* по Кенинсб. сп., с. 130; *Словарь Дюканжа* под сл. *Баптистрион*, с. 174; *Карамзин*. История государства Российского, т. 2, прим.100.

² Приготовленном из сушеных яблок, груш, слив, вишен и изюма.

НОШЕНИЕ ЛАДАНКИ И МОШОНКИ И РОЖДЕНИЕ В СОРОЧКЕ

Все языческие народы в самой глубокой древности носили на шеях особые мешочки, называемые амулетами. В мешочках хранились камешки с таинственными словами и надписями, лекарственные травы и волшебные вещи, которым приписывали удивительные действия. Все это строго запрещалось не только христианской Церковью, но даже языческими царями. Несмотря на это, ношение ладанки поныне оставило следы верования.

Стоглавом строго воспрещалось возлагать на престол *сорочки*, в которых рождаются младенцы¹. Издревле ведется между суеверными обыкновение, что на том шнурке, на котором носят крест, они привешивают *ладанку* или *мошонку*. Ладанка, то же самое что мошонка, есть зашитый мешок с ладаном, который носят во всю жизнь, думая, что ни колдовство, ни уроки не пристанут к такому человеку. Кто родился в сорочке, тот хранил ее в мешочке, зашитом с ладаном, и ее носил до самой смерти, думая, что повсюду будет сопровождать его счастье. Обыкновенная поговорка «Родился в сорочке» означает у простолудинов счастливец². Другие хранят сорочку в таинственных местах, и неминуемое тому несчастье, если она пропадет.

ДАВАНИЕ ИМЕНИ

При языческом и необразованном состоянии людей давались имена по природным свойствам, состояниям и качествам родителей, случайным встречам, любимым вещам, предметам, стихиям и животным. Кошка, кошечка, голубочка, удалец, бычок золотой, алмазный, мешочек, красавец, красуха, незабудочка, медведик, медовый, роза, синец, василечек, ручеек, стражка, головач, воробушка, кролик,

---

¹ Стоглав 1551 г., гл. 5, 12, 39 и 43.

² Сорочка значит плева, которая покрывает младенца.

зайка и проч. От этих имен произошли фамилии или прозвища. На всяком языке находятся фамилии, которые в переводе довольно забавны. Славяне, как и все древние народы, заимствовали имена от каких-либо событий или значений, например: Болеслав (виновник славы), Владислав (владыка славы), Мстислав (мститель славы), Подражислав (подражатель славы), Сбыслав (совершитель славы), Святослав (слава святого), Твердислав (твердый в славе), Ярослав (пылкий к славе), Изяслав, Буревои, Гостомысл, Вышеслав, Вячеслав, Остромысл, Добрыня, Претич, Путята и т. п.; из женских: Богомила, Милонешка, Людмила, Любушка, Красномила, Красиня, Пршежислава, Горыня, Добродума, Горислава и проч. Во время господствования варяго-русов в Новгороде вошли в употребление варяжские имена: Рюрик, Олег, Игорь, Улеб, которое, без сомнения, превращено в нынешнее имя Глеб, Оскольд, Дир, Свенельд и проч. По принятии христианской веры усвоены имена греческие и римские, будучи переведены на наш язык. Вера (fides), Любовь (charitas), Надежда (spes) переведены только с латинского. София, Екатерина, Александр, Константин, Алексей, Василий – одним словом, почти все имена, употребляемые ныне нами, взяты с греческого языка. (В древние времена давали при рождении имя того святого, который приходился на восьмой день по рождении младенца.) Наши предки имели еще по два имени, например, Владимир во святом крещении Василий; Ярослав во святом крещении Дмитрий, Ольга во святом крещении Елена и проч. Такое обыкновение продолжалось до XIV века, однако в XI веке встречаются уже одноименные. Пример тому великий князь Юрий Долгорукий. Сверх того, было в обыкновении, что перед смертью принимали имя схимническое, и это велось долго, даже между великокняжескими родами, до середины XVII века. Теперь находим одни случаи, – между больными, дающими обеты, что если выздоровеют, то они оставят мир и посвятят всю свою жизнь на служение Богу, и потому принимают монашеское имя. Из употребительнейших имен у нас было и есть Иван, почему некоторые стали

называть этим именем все наше государство. Простой народ в Болгарии и сейчас называет всех русских Иванами. Греки же, там живущие, именуют Россию Ивановщиною. <...>

Некоторые после рождения младенца высылают кого-либо из домашних на улицу, чтобы спросить имя встречного, и дают то имя новорожденному; другие даже приглашают встречного в кумовья, думая, что родившийся будет жить долго. Иные, кроме данного имени при рождении, дают другое при крещении, будучи уверены, что это оградит новорожденного от всяких напастей в жизни.

ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЕЙ РОЖДЕНИЯ

В глубокой древности праздновали дни рождения не только смертных, но богов и богинь: Юпитера, Юноны, Венеры, Амура, Аполлона, Дианы, Минервы и пр. Им приносили жертвы в храм, и весь народ стекался сюда праздновать, предаваясь всякого рода веселью, играм и пляскам. В дни рождения государей молились в храмах им преданные и их родственники. Римские императоры, для напоминания народу об их рождении, угощали его несколько дней сряду. То же делалось ими при вступлении на престол. Дни рождения знаменитых и всех сословий людей праздновались в кругу друзей и семейства. Тогда, как и теперь, каждый наряжался в день своего рождения в лучшее платье; принимал подарки от своих домашних, друзей и знакомых. Гению-покровителю приносили в жертву вино, фимиам и животных; женский пол делал то же, а девушки украшали венками жертвенник Юноны. После благодарственного возлияния богам сходились знакомые на пиршества; за столом пили вино за здоровье, желали друг другу долголетия и чтобы впредь всем им дожить до радостного дня и вновь праздновать. У греков и римлян праздновали еще дни основания городов, особенно Рима и Константинополя. Все жители города собирались в богатых одеждах в храм, молились Богу за сохранение города и об устраниении от него всяких бедствий. Воины и го-

судари, вельможи и граждане, богатые и бедные – все единодушно веселились, радовались и пили за благоденствие города. Богатое угощение и пиршество продолжались весь день. Не было никого, кто бы не принимал участия в этом торжественном дне. Ныне празднуют основания городов по прошествии каждого столетия.

ИМЕНИНЫ И ДЕНЬ АНГЕЛА

У нас также с самых древних времен праздновали день рождения, который назывался именинами, а ныне днем Ангела. Именины произошли от давания имени в день крещения, а день Ангела – от имени того святого, которым наименовывали после рождения или во время крещения. Но между днем рождения и днем Ангела есть различие: первое означает время празднования рождения, а второе – имя покровителя того святого, которое кто принял при крещении, поэтому иные отдельно совершают празднество, как то: в день Ангела и день рождения, составляющего собственно именины. В оба эти дни служили молебны о ниспослании здоровья виновнику празднества; одевались в богатые одежды и ездили или ходили поздравлять именинника, который приглашал их на пирог, – это значило на пир. Великий князь Святополк убедительно просил князя Василька, проходившего Киев со своим войском, чтобы он остался в Киеве праздновать с ним его именины, названного во святом крещении Михаилом.

В старину посылали почетным людям *именинные пироги*, и это строго соблюдалось не только в простонародье, но между государями. Царь Алексей Михайлович сам приходил с пирогами к патриарху Иоакиму (1671). В тот же день он давал обед высшему духовенству и сановникам. Перед обедом царь раздавал *именинные калачи* всем гостям. Такие калачи были длиною в два и три аршина, толщиной в четверть. Священников, дьяконов и стрельцов также угощали; в тюрьмы и богадельни посылали милостыню. За обедом патриарх говорил заздравную речь и первый провозглашал заздравной чашей за здоровье

царя и эту чашу передавал потом царю; от него она переходила к митрополитам и боярам. После питья за здоровье все расходились. Так праздновались именины всего царского дома. В городах праздновали этот день воеводы и митрополиты; они делали столы для всех людей и после обеда пили за здоровье. В этот день нигде не работали, в лавках никто не торговал, не играли свадеб и не хоронили¹.

ТЕЗОИМЕНИТСТВО

Именины царственного дома называются *тезоименитством*². В торжественные дни императора, императрицы, цесаревича и цесаревны закрываются лавки, и никто не работает. Народ стекается в храм и молится Богу о продолжении дней царствующему дому. Благодарственные молебны отправляются повсюду. Митрополит отправляет при дворе молебен в присутствии венценосцев и всего императорского дома, многочисленного собрания государственных людей, министров, посланников, дипломатического корпуса и генералитета. Пущечные выстрелы из Петропавловской крепости возвещают жителям о радостном провозглашении *многолетия*. Духовенство и все, тут находящиеся, приносят потом поздравление виновнику торжественного праздника. Во дворце бывает обеденный стол. Вечеру дается бал и маскарад.

НЫНЕШНИЕ ИМЕНИНЫ

Знакомые и родственники посылают имениннику подарки или пирог; в других местах сам именинник рассылает по своим родственникам *сгибни* и *кренделя*, но это больше там в употреблении, куда не проникла еще роскошь и иностранные

---

¹ Древ. рос. вивл., ч. VI, с. 313; *Кошихин*. О Рос. в царств. Алек. Михайл., с. 14–15.

² Это слово происходит от греческого «обожание», почитание, и «именитство», знаменитый, важный; по сему «тезоименитство» означает праздник знаменитого, достойного обожания человека.

нравы. На обед приглашаются все родные и приятели. В начале обеда берут со стола большой, нарочно сделанный с кашей и яйцами пирог и разламывают его над головой именинника, чтобы во весь будущий год быть ему здорову и счастливу, и чем более рассыплется по нем каши, тем более он будет жить. Если во время веселья бьется посуда, рюмки, стаканы и проч., то это означает благополучие. Когда же ничего не разбивается, то нарочно бьют. Между дворянством много изменилось празднование именин. В день именин наряжаются как можно щеголеватее, особенно девицы, которые ничего не щадят, чтобы блеснуть изящностью, пышностью и роскошью убора. Изысканность у них простирается до самых мелочей. Они одеваются преимущественно в белые платья, цвет невинности, с розовым платочком на шее и букетом цветов на голове. Волосы убираются по фантазии каждой. После туалета отправляются в церковь молиться Богу; по окончании обедни служат благодарственный молебен о сохранении их здоровья и ниспослании на них благословения. Около полудня принимают посещения, состоящие в поздравлении со днем рождения или именин. Иные приглашают гостей к обеду или на вечер, который сопровождается танцами. За обеденным или вечерним столом провозглашают тосты за здоровье празднуемого или празднуемой. Во время обеда подают, прежде всех кушаний, кулебяку, называемую именинником: она бывает иногда длиной около аршина и отлично приготовлена. Между родственными и дружескими домами дарят именинника или именинницу, по произволу. Юные поэты подносят сахарные стишки, в которых расписывают с жаром красоту и прелесть, если это именинница; желают ей счастья, намекая, что никто столько не желает ей *неземного блаженства*, как воодушевленный ею стихотворец.

Празднование именин так стало повсеместным, что даже не только между купеческим сословием, но и между нижними чинами оно совершается с особой роскошью. Для этого дня никаких не жалеют издержек, и чем более гостей, даже незваных, тем более чести имениннику. Кто жывал в Петербурге,

тот знает, что порядочный сколько-нибудь человек угощает кулебякой и обедом, виноградными винами и шампанским. Для него было бы обидно, если бы гости разошлись невеселыми; надобно, чтобы все помнили его праздник, и потому редкие возвращаются домой пешком.

В дальних городах и деревнях именины празднуют просто: к обеду собираются гости и заключают вечер разгульной веселостью. У помещиков гости пируют несколько дней сряду. Пирог занимает первое место. Изобильный и тучный обед услаждает вкус пирующих: водки, настойки и наливки текут рекой. Между простым народом угощение зависит от состояния. Но и тут, как и везде в это время, потчуют радушно и веселятся непринужденно. Пирог непременно бывает у каждого, – иначе не именины.

Именины составляют одно из гостеприимных празднеств, которое никогда не начинается между набожными, не отслужив наперед благодарственного молебна. Весь день проходит вообще в забавах, играх, плясках и пении радостных песен. Русский празднует день своего рождения с неподдельным чувством веселости и хлебосольства. Тогда у него *не красна изба углами, а красна пирогами*.

III. ПОХОРОНЫ

СЖИГАНИЕ МЕРТВЫХ ТЕЛ

На Востоке с незапамятных времен сжигали тела мертвых. Такое обыкновение существовало долгое время в древней Европе, почти до Р. X¹.

В Индии, во многих идолопоклоннических племенах юго-западной Азии, западной Индии (в Америке), на островах Океании и во внутренности Африки доныне сжигают покой-

---

¹ Ахиллес пред сожжением друга своего Патрокла обрезал русые свои кудри и дал ему в руки. – *Гнедич*. Илиада Гомера, пес. XVIII, ст. 141 и 152, изд. 1839 г. Таким образом сожгли Гектора. – Там же, пес. XXIV, ст. 790–800.

ников. Над их трупами сначала пируют, потом тела предают огню, а в заключение совершают пляски, радуясь кончине, потому что со смертью пресеклись для них все бедствия и горести в здешнем мире. Сжигание произошло из поклонения огню, чрез который будто бы душа проходит в рай, как через чистилище. Геродот, греческий историк полов. V в. до Р. Х., пишет, что еще в его время народы Фракии сжигали умерших. Там при рождении младенца собирались приятели, садились вокруг него, печалились о его появлении на свет и разговаривали между собою только о том, что еще родился человек для сетования, горести и несчастья. Когда же он умирал, тогда веселились, обнаруживая этим, что он уже избавился от всех напастей. После смерти мужа его жены спорили между собою, кому из них быть сожженною с мужем. Каждая из них желала быть сожженною в доказательство, что она любила его более всех. Ежели спор между ними не оканчивался дружелюбно, то знакомые покойника рассматривали их требования и представляли честь быть сожженной с мужем той, которую знали, что она точно более всех была им любима. Мужчины и женщины провожали ее до могилы, и один из родственников покойника закалывал ее ножом; потом клали ее вместе с мужем на костер. Прочие жены возвращались домой с большою печалью, потому что не были удостоены этой чести. Тела богатых и знатных выставляли пред народом и пировали три дня. Игры, борьба и битвы заключали поминовение по умершему.

История просвещенных греков и римлян свидетельствует нам, что у них долгое время господствовало обыкновение сжигать тела не только простых граждан, но и великих людей. На месте сожжения ставили памятники, а пепел собирали в урну и хранили у себя дома как драгоценнейший остаток. Когда вошло в обыкновение ставить слезницы, т. е. урны над гробами со слезами, тогда уже стали предавать тела земле. Однако в то же самое время многие предпочитали сожжение погребению. Юлий Цезарь, именем коего украшаются императоры и самые величайшие завоеватели в мире, Цезарь, павший под 23 ударами кинжалов в сенате (в 44 г. до Р. Х.), был

сожжен торжественно. Народ бросал на горевший его костер копья, венки и украшения. В то время появилась на небе комета, и все думали, что душа Цезаря принята в сонм богов. Его наименовали божественным, а на месте сожжения воздвигли храм Цезарю. Германцы сжигали с телами умерших оружие, коня, посуду, платье и над могилой делали насыпь. По распространении между ними христианства это обыкновение малопомалу стало исчезать.

ПОГРЕБЕНИЕ

Евреи и египтяне погребали тела. У последних бальзамировали еще покойников и ставили их в капищах. Этим пользовались цари и все богатые, недостаточные лишались таковой почести. Самое бальзамирование, проистекшее от верования в переселение душ после смерти из одного животного в другое, служило чистилищем. С покорением Египта персидским царем Камбизом в начале VI века и потом Александром Македонским в первой полов. IV века пред Р. X. бальзамирование почти истребилось и вошло повсеместное погребение. Были примеры, что тогда же некоторые, следуя греческому и римскому обыкновению, сжигали умерших.

Из мертвого тела, пишет Геродот, вынимали внутренности, перемывали их и потом опять влагали в тело, переложив кореньями, тимьяном, анисом и другими семенами; потом облепливали тело воском и передавали на погребение. Тут обрезывали ему уши и волоса и опускали в четырехугольную яму; могилу окружали копьями. С покойником клали одну из его жен, задавив наперед веревкою; потом повара, чашника, дворецкого, казначея, золотую чашу, первенцев из животных и любимую его лошадь. После набрасывали хворост и насыпали над ним большой холм. По прошествии года задавливали при его могиле 50 вернейших из его слуг и 50 наикрасивейших лошадей. Из них вынимали сначала внутренность, перемывали и опять влагали. После продевали в лошадь от головы до ее хвоста длинный шест и укрепляли ее на двух

колесах в висячем положении. Задавленных людей сажали с укрепленным колом к земле верхом на лошадей. Этот обряд совершали над одними только царями. Прочее сословие довольствовалося тем обрядом, что по вынятии внутренности набивали тело травами и отдавали на хранение приятелям, которые передавали потом другим приятелям, продолжая передачу сорок дней, а наконец погребали.

В первые века христианства погребение сделалось всеобщим. Усопших погребали в церквах и около церквей; ставили кресты на могилах; гробы делали большею частью деревянные, каменные употребляли изредка. Пышных памятников тогда не знали. Египетские пирамиды, мавзолеи, саркофаги и другие надгробные жилища распространились по Европе вместе с роскошью не ранее XVII века по Р. Х. Дотоле же это составляло принадлежность только владетельных родов и аристократов. Кладбища за городом учредились не ранее того же века, а в России в конце XVIII века.

Между некоторыми германскими племенами было в обыкновении, что умерших знаменитых людей хоронили в выкопанной в реке могиле. Предводитель готов Аларик, гроза Восточной и Западной империи, долго оплакиваемый после смерти его подданными, как детьми, был положен в драгоценный гроб (410 г. по Р. Х.). На дне реки ископали могилу, опустили туда и затопили водою, чтобы никто из смертных не коснулся священных для них останков и чтобы самое отдаленное потомство, вспоминая о его делах, не знало могилы. Все рабы, производившие работу, были умерщвлены для сохранения тайны погребения.

Монгольские и татарские племена также опускали в воду мертвые тела своих полководцев и знаменитых мужей. Иные из простого сословия погребались просто, а другие опускались с гробами в воду. Аттила, прозванный бичом Божиим и молотом небесным, померший (в 453 г. по Р. Х.) после своей свадьбы от истечения кровью, был вложен в три гроба: золотой, серебряный и железный, и опущен в воду. Чингисхан (умер в 1227 г.) погребен по его собственному указанию у Байкальского озера

на вершине горы Бурхан-калдук, откуда истекают три реки: Тула, Керулак и Онон. Тут покоятся все наследники престола Чингисхана. Некоторые думают, что страшный Тамерлан тоже сокрыт в воде (в конце XIV в.).

Люди незнатного рода и вообще недостаточные предавались земле. У калмыков кочующих доселе предпочитается погребению опускание в воду. Детей ханских кладут в гробы и, наложив на них балласт, опускают в воду при торжественном чтении молитв и игрании музыки. Все мореходцы опускают мертвых в воду, по причине отдаленности от твердой земли.

СЖИГАНИЕ У СЛАВЯН

Наши предки славяне сжигали тела. Св. Бонифаций, живший в половине VIII века, говорит с изумлением. Венеды не хотели переживать своих мужей: убивали себя собственноручно, бросались на пламенный костер и сжигали себя добровольно с умершим мужем. Таковая жена была всеми похваляема; оставшаяся же вдовою была поношением для семейства¹. Нестор, описывая нравы русских славян, говорит между прочим, что радимичи, вятичи и северяне возлагали умерших на костер и сжигали; потом совершали тризну. Кости складывали в небольшой сосуд и ставили на столбе при распустье. Этот обычай совершали еще в его время (в пол. XI и нач. XII в.); вятичи, кривичи и другие финского племени обитатели в верховьях Днепра². По разбитии греками в. к. Святослава под крепостью Доростелем (Селистриею) в 971 г. русские вышли ночью в поле при полном блеске луны для собирания убиенных соотчичей; за стенами разложили костры и жгли на них умерших в сражении; пленных мужей и жен душили, а в воды дунайские погружали младенцев и петухов и тем довершали жертвоприношение и возлияние в честь усопших³. Аравитянин Ибн-Фоцлан, отправленный послом в начале X века от калифа Муктедира

¹ *Маврик. Strateg. etc.*

² *Нестор по Кенигсбер. сп., с. 12.*

³ *Leo Diaconis Historia, libr. IX. с объяснением Газе, изд. 1829 г.*

к болгарскому королю, которого он называет славянским, передал нам любопытное сведение о нраве, жизни и обычаях волгских славян. Умершего бедного клали в деревянный гроб и потом сжигали. После смерти богатого собирали его имущество и делили на три части. Одну часть отдавали его семейству, другую оставляли на покупку ему платья, а на третью заготавливали напитки, чтобы повеселиться в тот день, когда будут сжигать девушку с ее господином, и в то время предавались питью вина до бесчувственности; иные пили сряду день и ночь; часто умирали с бокалами в руках. Когда умирал князь или властитель, тогда семейство его спрашивало у девушек и мальчиков: кто хочет умереть с ним? Кто произносил *я*, тотчас связывали его и не выпускали на волю, хотя бы он после хотел отказаться. По большей части девушки вызывались на смерть. Если девушка изъявляла желание умереть, то ее поручали двум другим девицам, которые имели за нею присмотр и, куда бы она ни пошла, следовали за нею и служили во всем, даже мыли ее ноги. Девушка же веселилась, пела и усыпляла свое горе напитками. В день сожжения приносили к берегу реки приготовленный гроб, окруженный четырьмя деревянными изображениями. Сюда стекался народ толпами и произносил невнятные слова. На деревянных подмостках ставили кровать, которую покрывали дорогими материями и подушками. Немедленно приходила старая женщина, называвшаяся *ангелом смерти*, с свирепыми глазами и адским лицом. Она подходила к могиле, в которой лежал мертвый; вырывала его оттуда, а с ним горячие напитки, плоды и лютню; надевала на него исподнее и верхнее платье, сапоги, куртку, шитый золотом кафтан с золотыми пуговицами и золотую парчовую шапку, обложенную соболем. Потом несла его на подмостки, под устроенную палатку; сажала на стеганом одеяле, обкладывала подушками и ставили перед ним напитки, плоды, васильковые травы, хлеб, мясо и лук. Затем приводили собаку, разрезали ее надвое и бросали на подмостки. В стороне клали оружие покойника. Потом приводили двух лошадей, загнанных до поту, и двух быков; приносили петуха и курицу; все разрубали

на части, и мясо бросали на подмости. Обреченная на смерть сходила вниз и опять появлялась; и когда входила в палатку, тогда она говорила находившимся при ней: «Скажи твоему господину, что я умираю из любви к нему». После полудня приводили ее к дверям палатки, ставили на ладонях мужчин; она смотрела чрез щель двери, говорила, сходила с ладоней, и это действие повторяла три раза. За первым разом она говорила: «Здесь я вижу моего отца и мою мать»; за вторым: «Здесь я вижу всех моих умерших родственников, сидящих вместе»; за третьим: «Здесь я вижу моего господина: он сидит в раю. А рай так прекрасен! Так зелен! Господина окружают мужчины и мальчики. Он зовет меня. Скорей меня к нему!» Тогда подавали ей курицу; она отрезывала ей голову и бросала. Стоявшие поднимали с земли и бросали на подмости. Потом ее подводили к умершему; она снимала с рук ожерелья и отдавала *ангелу смерти*; затем снимала кольца и отдавала стоявшим подле нее двум девушкам, называвшимся *дочерьми ангела смерти*. Тогда возводили ее на подмости. За нею входили мужчины с щитами и палками и подносили ей бокал с вином. Она брала и осушала его с пением. Тут уже прощалась с своими друзьями. Ей подносили другой бокал, при этом она пела длинную песнь. *Ангел смерти* вырывал тогда бокал из ее рук и вводил насильно в палатку ее господина. От этого она приходила в смущение, делалась нерешительною, но *ангел смерти* хватал ее за голову и тащил во внутренность палатки. Тотчас мужчины начинали бить в щиты палками, чтобы никто не слышал ее крику и чтобы другие девушки не ужасались умереть с своим господином. Тогда входили сюда шесть мужчин с несколькими девушками. Обреченную жертву клали сбоку господина; двое хватали ее за ноги, а двое за руки. *Ангел смерти* входил с широким ножом и ударял ее между ребрами. Двое мужчин душили ее веревкою. Ближайший родственник умершего выступал вперед, брал полено и зажигал. Он шел к подмосткам с горящим поленом в руке, а другую руку закидывал за спину и зажигал костер. Потом каждый подходил к костру с зажженным деревом, поджигал и бросал на костер полено. Огонь пылал со всех сторон, а

в нем горела жертва ослепления. По сожжении ставили в роще столб и надписывали на нем имя умершего и царствующего короля и потом расходились¹.

У балтийских вендов старшина селения повешал жителей о смерти гражданина пересылкою из дома в дом *черной палки*, и все должны были присутствовать при выносе тела. Женщины, одетые в белые платья, обязывались плакать и вопить, потом собирать слезы в маленькие сосуды. После предавали огню тело и, омочив пепел слезами, вином, молоком и душистою водой, собирали прах сожженного в урну, которую зарывали в землю. С умершим сжигали на костре любимую его жену, служанку, слугу, коня и любимых из его домашних животных; подле него клали оружие, деньги и кумиров; над могилою знатных мужей складывали в кучу камни или делали насыпь. Печальный обряд заключали стравую (поминовением): ели, пили, пели приличные в честь покойника песни и забавлялись разными играми, борьбою и верховою ездою.

Урны делались из глины, металла и стекла. Если набиралось вдруг много умерших, например в сражении, то их сжигали на каменном помосте и прикрывали доскою. Чем особа знаменитее, тем бугор делался выше и шире, и верхушка оканчивалась конусом. На нем ставили какой-нибудь знак.

НАСЫПНЫЕ БУГРЫ И КУРГАНЫ

Варяго-руссы закапывали покойников в землю; над владетельными князьями и старшинами делали насыпи из земли, называемые *буграми* и *холмами*, которые были различной высоты, смотря по особе. Если лицо было знаменитое, то делали высокий бугор; но над князем владетельным делали еще выше, и самый высший означал родоначальника владетельного дома. Такое обыкновение наших предков продолжалось во все их идолопоклонство. Правитель возрождавшейся России Олег, приплыв к высоким берегам Днепра,

---

¹ <...>Mem. popul. т. II. с. 980; The oriental Geography of Ibn-Haukal, с. 191. – Все они подтверждают, что древние русские жгли тела мертвых.

объявил Аскольду и Диру, завладевшими тогда Киевом, что настоящий государь есть Игорь, и по его знаку они пали под мечами убийц. Тела их погребены на горе, где в Несторово время находился Ольгин двор, а над могилами их сделали холмистую насыпь (в 879 г.). Жители киевские доселе называют на это место. Кости Аскольда покоились ниже Николаевского монастыря, где выросла теперь в землю небольшая старинная церковь, а кости Диры – за древнею церковью св. Ирины. Над могилою Олега, который погребен на горе Щековице (в 913 г.), находилась также насыпь, которая еще в Несторово время называлась Ольговою могилою. По убийении древлянами в. к. Игоря (в 94 г.) близ Коростеня¹ они насыпали над ним высокий курган. В Несторово время он был еще виден². В. к. Ольга, умирая, завещала, между прочим, своему сыну Святославу, чтобы в память ее не совершали тризны³.

Великое множество могильных холмов, известных под именем курганов, было видно в восточно-южной России до конца XVIII века. Там отрывали разные металлические вещи, деньги и вооружения, которые были положены вместе с покойниками, в том предубеждении, что они пользуются ими на том свете⁴.

¹ Нынешнее местечко Искорость, в Волинской губ., на реке Уме.

² *Успенск.* (Опыт. повеств. о древн. русск., ч. 1, с. 138–139) пишет, что Татищев сам осматривал этот курган в 1710 г. и ссылается на его историю, с. 36 и 389. По выверке выходит, что Татищев ни слова не говорит об этом в своей истории, см. его *Ист. Российскую*, ч. I, кн. I, с. 36, и кн. II, с. 389.

³ *Успенск.*, там же, с. 138, говорит, что будто бы Ольга завещала своему сыну: «погребите тело мое по христианскому закону; не сыпь надо мною высокой могилы, и не делай в память мою тризны, по обычаю неверных». В Несторе сказано просто: «умре Ольга и плакася по ней сын ее, и внуци ее, и людие вси плачем великим. И изнесше погребоша на месте, и деже заповедала Ольга не творити тризны над собою: бе бо имуща пресвитера в тайне; сей похорони блаженную Ольгу». См. его *летоп. по Кенигсб. сп.*, с. 19, 33, 34, 59. – О могильной насыпи ни слова у Нестора.

⁴ В Малороссии в мое время было еще в обыкновении, что над умершим казаком делали высокую насыпь. Еще встречается во всех местах России, что если кто умирает на дороге, то делают над ним значительную насыпь, ставят деревянный крест или столб и вырезают на нем имя умершего. Набожность воздвигает впоследствии часовню: проезжающие останавливаются здесь: молятся и поминают умерших вдали родных и своей отчины.

В Литве часто находили в могилах не только высшего сословия, но и низшего кости разных животных, оружие, украшения и напитки. В Новоградском лесу нашли на одной могиле надгробный камень с этой надписью:

Тут Иван Семашко лежит,
У ногам черная собака тужит,
У головах фляжка горилки стоит,
У руках острый меч держит.
Го! Го! Го!
Щож кому до того?!

ПОСМЕРТНЫЙ ОБРЯД У ГРЕКОВ, РИМЛЯН И ЕВРЕЕВ

Древние греки и римляне, не сжигавшие впоследствии тела покойников, отправляли посмертные обряды почти одинаково с евреями. Умерших обмывали теплой водою, выправляли телесные члены, сжимали глаза и рот. Это делали по большей части родственники из нежной любви к покойнику. Пенелопа, прощаясь с своим сыном Телемахом и супругом Улиссом, желала еще дожить того часа, в который бы сын ее закрыл глаза своим родителям:

Ille meos oculos comprimat, ille tuos. <...>

Тело натирали еще благовонными мазями. Потом надевали исподнее платье; поверх его верхнее, большею частью белое; лицо покрывали тонким полотном, голову убирали цветами и венками и полагали в передней комнате, ногами к две-

---

В окрестностях Золотой столицы, коей остатки находятся в городе Цареве Саратовской губ., и обращенные веками в бугры и земляные насыпи, открыто кладбище на 7 верст. пространстве; оно все усеяно земляными насыпями и кирпичными буграми. Это открытие проистекло по случаю разыскания древности Золотой столицы, коей положение доказано исследованиями нескольких лет.

¹ *Golebow. Gry i zab.*, ч. 2, с. 250–252.

рям; в рот клали обол¹ для заплаты Харону за перевоз через реку Лету. Приходившие родственники и знакомые целовали в последний раз в губы. Прощальные расставания и целования находим у римских стихотворцев. У Вергилия:

Salve aeternum mihi maxime Palla,
Aeternumque vale.

У Тибулла:

Flebis et arsuro positum me. Délia, lecto.
Tristibus et lacrymus oscula mixtis dabis.

У Проперция:

Osculamque ingelidis ponet suprema labellis,
Cum dabitur Sygio munere plenus onyx.

Перед домом ставили, пока умерший находился в нем, сосуд с водою, которою омывались прикасавшиеся к покойнику, почитая себя оскверненными. Мертвый лежал несколько дней непогребенным. У римлян оставляли их семь дней, в продолжение коих обмывали теплой водою, чтобы возратить его к жизни, и производили разные плачевные воззвания. Нанимали особых женщин – плакух, чтобы они рыдали над мертвым, и музыкантов, чтобы играли при несении тела.

В Афинах выносили тела на нарах, до восхождения солнца, а в других местах Греции днем, с зажженными факелами, или везли на богатых колесницах, покрытых черной материей. Родственники шли в печальных белых одеждах; знакомые и любопытные обоего пола сопровождали покойного до могилы. Его несли или везли лицом вверх; в могилу же клали с обращенным лицом на восток. Путь до могилы усыпали цветами, зелеными сучьями, травою; могилу посыпали цветами и обсаживали ее деревьями. Поминки сопровождалась

---

¹ Монета, ценностью в полушку.

яйцами, хлебом, салатом и бобами¹. Богатые ставили мраморные или из обыкновенного камня памятники по своей идее или своим чувствам; резали надписи на камнях, мраморных гробницах и медных досках с изображением барельефов, выражавших мысль о потере или горестное чувство, постигшее оплакивающих. Хоронили в городе и вне, во храмах и садах. Глубокую грусть выражали еще тем, что могилу окружали печальными деревьями: кипарисом и миртом.

ПОГРЕБЕНИЕ НАШИХ ПРЕДКОВ

Балтийские и макленбургские венды складывали мертвые тела под каменными сводами или ставили гробы в землю, и поверх могильной насыпи набрасывали круг камней, или вбивали в землю кол. Богемцы ставили на распутье дорог деревянные знаки и отправляли поминки, одевшись в шутовские платья и личины. Славяне киевские имели обыкновение зарывать в землю вместе с трупом плетенные из ремней лестницы; ближние умершего язвили свои лица и закалывали на могиле любимого коня².

Предки наши по принятии христианской веры позаимствовали многие восточные обычаи, и в числе их обрядные действия погребения. Способ делания гробов, называвшихся у нас *корсты*, взят от греков³.

По смерти кого-либо давали немедленно знать священнику, который приказывал звонить по душе покойника в колокол и потом сам являлся. До его прихода омывали тело теплой водою, надевали белое и чистое белье и клали посредине комнаты на стол, покрыв белым полотном и сложив руки на груди. Потом давали покойнику крестообразно в одну руку крест, а в другую – свечу и окружали его заж-

---

¹ King: The rites and ceremonies in Russia, с. 336–340, ed. Lond. 1772, in 4; Успен. Оп. повеств. о древн. русск., с. 139.

² Карамзин. История государства Российского, т. I, прим. 256.

³ Там же, прим. 488.

женными восковыми свечами; священник читал отходную молитву; присутствовавшие с зажженными в руках свечами молились и плакали.

Муромский князь Глеб, услышав об убиении своего брата Бориса, излил горечь в набожном плаче: «Господи! лучше бы мне умереть с братом, нежели жить одному на этом свете. Если бы я, брат мой, видел твое ангельское лицо, то пострадал бы с тобою. Но к чему я остался один? Где твои речи, которыми услаждал меня? О брат, мною любимый! Ныне уже не услышу твоего кроткого наставления. Если можешь молиться за меня у Бога, то молись, чтобы и я принял подобную тебе участь. Мне было отраднo жить с тобой, а теперь остаюсь один в этом обольстительном мире!»¹

Тело оставляли непогребенным несколько дней; погребали до захождения солнца, чтобы оно было еще высоко и лучезарно: *то бо последнее видит солнце до общего Воскресения*. Другие считали долгом погребать мертвых в самый день их кончины и только за не имением гроба отлагали до следующего дня. Когда князь Черниговский Давид (скончавш. в 1123 г.) был внесен во храм Бориса и Глеба с тем, чтобы предать его тело погребению в тот же день, тогда не был готов гроб, посему епископ Феоктист сказал: «*Солнце заходит, оставим погребение до утра*». Через несколько времени пришли люди и объявили епископу, что солнце не скрывается и стоит на одном месте. Феоктист восхвалил Бога; работники спешили обтесать камень, и как скоро вложили камень во гроб, *солнце село*². Тело кн. Юрия, родного брата в. к. Иоанна III, пролежавшее в соборе Архангельском четыре дня против обыкновения, не хотел предавать земле митроп. Филипп

---

¹ Пушкиновская летопись, с. 97. – Чувствительные слова Глеба переданы летописцем весьма вкратце. Борис убит 1015 г., 24 июля, а Глеб в том же году, 15 сент., в понедельник.

² Степен. кн.; *Карамзин*. История государства Российского, т. 2; Вопросение Кирика: «...замедлю солнцю, не достоин мертвеца хоронити. Не рци тако: борзо делаем, вели како успеем до захода, но тако погresti, яко и еще высоко, как и венец еще не сыметя с него, то бо последнее видит солнце до общего Воскресения».

потому только, что не в тот день погребен, когда помер, однако по приказанию Великого князя он похоронил его.

Над усопшим читали псалтырь день и ночь. Родные и знакомые прощались с умершим, целуя его в уста и руки. Нанимали еще женщин-плакух; курили ладаном, молились Богу о спасении души и о принятии ее в рай. При наступлении погребения клали тело в деревянный окрашенный гроб или обрисованный изображениями святых и отвозили на санях в церковь¹, где по совершении за упокой хоронили тут же около церкви, обыкновенно поутру. Богатых и знаменитых мужей погребали в церкви. Над умершим ставили деревянный крест и потом поминали кутьею; в нее ставили восковые зажженные свечи: две за упокой умерших и три за сохранение здоровья живых. После раздавали милостыню нищим, бедным и изувеченным.

Кутью приготовляли из трех частей вареной пшеницы, четвертый гороху, чечевицы и бобов; она подслащивалась медом и плодами. За панихиду по усопшему платили гривну серебра².

¹ В древности отвозили на сани покойников зимою и летом. – Летоп. Нестора, с. 93 и 114; Русск. летоп. с Воскр. сп., ч. I, с. 161, и Духов. зав. Владим. Моном. – В описании смерти князей Бориса и Глеба, убитых Святополком: «целоваша Бориса святого, вложиша в раку каменну, по сем взяша Глеба святого с каменною ракою и возложивше на сани, везоша». Перенесение мощей совершено после смерти в. к. Ярослава, *летом довольным* (в позднее лето). «Во второй же день мая, когда прежде уставися праздник пренесения честных мощей св. князей Бориса и Глеба, по отпевании обычного утреннего правила, митрополит с епископы и всеми пресвитеры и дьяконы, облещяся в светлые священные облачения и свечи возжегши, покадиша раки святых и положиша коегождо на свои сани, на то устроенные и украшенные; быша же раки каменные, и везоша князи с вельможи собою. Предъидущу митрополиту со всем священным собором по своему чину, не могоша же не токмо мощей возити, но ниже самы поступити от множества налегающего и угнетающего народа, и повеле Кн. Владимир Мономах метати сребрянники в народ, и тако едва возмогоша привезти раку». – Четьи-Минеи, 2 мая. – Вozить умерших на санях продолжалось у нас до конца XVII в., как видно из чина погребения царицы Наталии, матери Петра Великого. Она померла в 1694 г. 25 янв. См. Сын отеч., 1843 г. за апрель месяц, № 4.

² Вопросирие Кирика у епископа Новгородского Нифонта см. и в переводе бар. *Герберштейна*: *Reg. Moscovit. com.*, с. 37. – **Кирик или Кирилл** возведен из киевских монахов в 1274 г. на епископский престол во Владимире-на-Клязьме.

С мертвым клали домашние вещи и съестные припасы. Сербь и славяне, живущие в Лузаци, клали в гроб оружие и разные вещи. Лузацкие венды клали на гроб топор. Более или менее, но продолжалось такое обыкновение до наших времен.

В XII веке встречаем уже обыкновение, что за покойниками вели княжеских лошадей и несли знамена над гробом. По привезении тела дорогобужского князя Владимира (в 1170 г.) в Вышегород, игумен лавры Поликарп требовал у князя Давида, чтобы он дал ему воинов вести коней княжеских за гробом и держать над ним знамена. «Мертвым нет нужды ни в чести, ни в знаменах, – отвечал князь, – даю тебе только игуменов и священников»¹.

Некоторые иностранные писатели XVI века свидетельствуют единогласно, что голову покойника обвивали полотном и хоронили на третий день без всякой пышности; в комнате курили ладаном, читали псалтырь; лобызали умершего в уста и восклицали: «Для чего оставляешь нас, о любезнейший! Разве не было тебе чего пить и есть? Ты покидаешь несчастную супругу! Признайся, что заставило тебя бросить прекрасную жену и милых детей?...» и делали тому подобные возгласы. Надевали на него новое платье и сапоги. Гробы делали сосновые, как для бедных, так и богатых, которые, смотря по состоянию, обвивали материей внутри и снаружи. Писатели XVII века говорят, что мертвых предавали земле до истечения суток; на покойника надевали новую рубаху, чулки, башмаки, похожие на туфли, и шапку; потом клали его в гроб. Знакомые, родные и семейство оплакивали беспритворно. Богатых оплакивали и в доме, и на могиле особо нанимаемые ими женщины, одетые в белые одежды, с закрытыми покрывалами на голове. Эти женщины назывались плакальщицами, они вопили нараспев: «Тебе ли было оставлять белый свет? Разве не жаловал тебя царь? Не имел ты богатства и чести, супруги милой и добрых детей?» Если умирала жена, то говорили: «Разве ты не имела доброго мужа?» и т. п. Покойного носили на кладбище в присутствии родных и друзей; впереди несли образа, за ними

¹ Карамзин. История государства Российского, т. 3, с. 8–9.

шло духовенство, которое курило ладаном и пело. После погребения плакали на могиле жалобным голосом. В гроб ставили, в голове покойника, кружку меда или пива и хлеб¹. В продолжение сорока дней совершались поминовения. В конце шестой недели приходила на могилу вдова и несколько друзей; она приносила напитки и кушанье, и после слез со стоном ели, а остатки раздавали нищим. Так поступал простой народ, но богатые и знатные особы поминали дома. Сверх этого поминовения производились еще ежегодные поминки.

По прошествии шести недель или сорочин траур оканчивался, и вдова могла снова выйти замуж².

Некоторые пишут еще, что мертвых не хоронили зимой, особенно в Москве, а вывозили отпетые тела за город, в Божий дом (убогий), и там оставляли до весны, чтобы удобнее можно было копать могилу³.

Кто был отчаянно болен и соборован маслом и потом выздоравливал, тот носил уже до смерти черную одежду.

Употребление деревянных гробов доселе повсеместное. Внутри и вне обивают их материями штофными, серебряными и золотыми и из такой же материи кладут под головы подушки с шелковыми, золотыми и серебряными кистями; сверху гроба также привешивают цветы, смотря по состоянию; поверх гроба вырезают или нашивают золотые и серебряные кресты, усыпанные блестками. Цвет наружных украшений показывает возраст, пол и звание умершего. Розовый и белый – принадлежность младенцев, детей, девиц и молодых дам; голубой, синий, зеленый и малиновый – для прочего звания. Вынос тела совершается перед полуднем.

---

¹ У мордвов, живущих в Пензенской и Саратовской губ., приносят до сих пор умершему разные гостинцы. «Вот тебе, Семен, – говорит принесший покойнику, – пирог, яйца, говядину, масло и деньги. Это принесла тебе Мария. Смотри, Семен, береги у нее скотину и хлеб. Когда я буду жать, тогда корми цыплят и смотри за домом. При выносе покойника бьют топором в то самое место, где стоял гроб, чтобы убить смерть и чтобы она не похищала более из дома.

² *Herb. Rer. Moscovit. com.; Pauli Jovii. De legatio Moscoviae* и др. <...>

³ *Marger. Éstat de l'emp. de Russie, ed. 1607. Флетчер. Of the Russe common wealth...* пом. в собр. Гакл., с. 433, 1809.

Гроб, украшенный балдахином, ставят на колесницу, которую везут несколько пар лошадей в черных печальных покрывалах; по сторонам несут зажженные факелы, которые не гасятся до самой могилы. Покойника сопровождают родственники и знакомые в черных одеждах. Женский пол нашивает на свои одежды белые полосы, называемые плерези; мужчины покрывают платье, шляпы и шпаги черным крепом. У знатных и государственных людей балдахин и печальная колесница блестят золотом и серебром; впереди гроба несут на подушках их ордена длинным рядом; тут идут священнослужители и певчие, которые во все шествие поют «Святой Боже», или же играет музыка, если покойник военный, в сопровождении глухих барабанных ударов. Войско, с опущенными вниз ружьями и заряженными пушками, увеличивает пышность похорон. Лакеи идут в черных одеждах, с разноцветными, приколотыми к их плечам лентами; гражданские и военные чиновники окружают печальную колесницу, а в траурной одежде стоят на ступенях колесницы ассистенты и поддерживают балдахин. Когда кто-либо из членов императорской фамилии сопровождает государственных сановников, тогда присутствуют министры, дипломатический корпус и другие высокие чины. Карета покойника, следующая за гробом, обивается черным сукном, с гербовыми на ней изображениями по белому полю. Семейство, родственники и знакомые идут за гробом; за ними толпа любопытных, а за ними тянутся сотни карет, колясок и других экипажей.

Когда провозгласится на могиле окончательно *вечная память*, тогда опускают гроб в могилу. Священник первый берет землю лопаткой или рукой и бросает на гроб; за ним предстоящие. Если погребают из военных, то войско производит погребальную пальбу из орудий. Затем приглашают к обеденному столу, который называется поминками; за столом подают, между прочими кушаньями, кутью, блины и кисель с молоком.

Бедный и обыкновенный человек погребается самым простым образом. Тело кладут в деревянный окрашенный или

неокрашенный гроб; после отпевания относят знакомые на своих плечах на кладбище и опускают в могилу. Сердечный их вздох по умершему заменяет пышный погребальный обряд.

МАЛОРОССИЙСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

В Малороссии во время ее казачества и даже в недавнее время, не более тому лет 25, похороны сопровождалась всеми жителями. Умирал ли кто, звонили по душе в колокол протяжно и заунывно; знакомые и незнакомые спешили спрашивать у звонаря: по ком он звонит? У каждого вырывалось сердечное излияние: «Упокой Господи душу усопшего! Дай Боже ему Царствие Небесное! Вечная память!» Каждый принимал участие в потере другого, как в своей; всех трогало и на всех находило уныние, грусть и печаль. Заупокойный гул колокола нарушал спокойствие всего околотка.

Омыв покойника или покойницу, одевали в чистое платье; потом клали на стол посреди комнаты и закрывали белым полотном; на ноги надевали башмаки. В руки, сложенные накрест, давали восковой крест и восковую свечу. Умершую женщину и девушку наряжали в праздничное платье; ноги обували в красные башмаки. Голову девушки украшали венком, сплетенным из цветов: васильков, незабудок, звездочек, гвоздик и других душистых цветов и трав. По изготовлении гроба клали в него усопшего. Священник читал молитву по умершем; дьячок день и ночь читал псалтырь; восковые свечи теплились около гроба; вокруг него курили ладаном, и толпа жителей приходила попрощаться с покойным. Родные и знакомые рыдали безумолчно; сами посетители голосили. Дом превращался в плач. Перед выносом тела отправляли панихиду; во время выноса звонили во все колокола. Гроб поднимали родные, знакомые и незнакомые и несли на своих плечах до могилы. Перед гробом несли образ; церковные хоругви развевались впереди; на дороге останавливались читать Евангелие по несколько раз; народ провожал усопшего с рыданием: все плакало и рыдало. Отчаянный голос родных заглушал чтение

Евангелия, особенно при опускании тела в могилу. На могиле ставили деревянный крест; иные делали могильную насыпь, укрывали ее цветами и травами. Ставили еще калиновое дерево, если казак умирал на чужой стороне¹.

Над молодым казаком ставили, кроме креста, шест с белым знаменем. Кладбище белело от знамен, которые свидетельствовали безвременную кончину молодого казака. При могиле и в доме раздавали милостыню бедным и нищим; кормили их поминальным столом и рассылали по домам бедных хлеб, кушанье и деньги. Для духовенства и знакомых давался особый поминальный стол, при котором кутья и кисель занимали главное место. Кроме сорочин делали поминования через три дня и через неделю. Памятников никаких не сооружали.

Погребение помолвленной невесты сопровождалось весьма трогательно. Ее одевали в нарядное платье, как под венец; голову убирали цветами и потом клали на столе подле окна; вокруг нее зажигали свечи; в головах читали псалтырь; народ по первому звону сходиллся толпой проститься с нею; подруги ее стояли вокруг и плакали. Отец и мать бились над ее телом и рыдали. Они целовали ее руки, целовали ее в щеки, губы; целовали шею и голову и кричали с иступлением. Мать расставалась с жалобным причитанием: «Прощай, моя радость! Моя утеха! Зашло мое солнышко красное! Дочь моя! Ты завяла, как цветочек; засохла, как травка! Ты покинула меня сиротой, Бог с тобою! За что ж покинула? Скажи, душечка моя, золото мое, сокровище мое, бесценная, ненаглядная! Скажи, мой ангелочек, мое серденько, моя жизнь, моя отрада! Промолви хоть

¹ Насыпали чумаченьку високу могилу,
Посадили на могилы червону калину.
Прилитила зозуленька, тай сказала: куку!
Подай сыну, подай орле, хоть правую руку.

Или:

Та вырйите над чумаком Микитою та високу могилу,
Та посадите над чумаком Микитою та червону калину.

Максим. Украин. народ. песн., с. 180 и 176. М., 1834. – Калина означает непорочность, а здесь она представляет сироту.

словечко, улыбнись хоть ненароком; протяни свою беленькую ручку, раскрой свои черные очи, посмотри! Пышная и гордая, величавая и румяная покидаешь меня! Оставляешь горемычную без радости, покидаешь навсегда! Я тебя лелеяла, смотрела за тобою, кто же меня, старую, присмотрит теперь? Ты уже на том свете, между ангелами, а я здесь! Кто пожалеет обо мне? Все родные – все не ты! Я тебя убрала под венец; сложила твои ручки для молодого; сама закрыла ротик, целовавший меня; сомкнула твои черные глаза, радовавшие меня. Кто же закроет мои? Родные – не родная моя дононька (дочь)! Бог тебя взял, да будет Его святая воля! Молись у Него за меня, грешную. Дононько моя! Лежишь, будто живая; ты улыбаешься, протягиваешь ко мне рученьки, – обними же меня! Дононько милая, голубка сизокрылая, пташечка звонкая, распевная! Что ж не усмехнешься? Что ж не порадуешь? Сжалься! Взгляни хоть на минутку, пробудись! Почему же не говоришь? Ты ж меня тешила ласковыми словечками, встречала приветственной улыбкою, а теперь? Молчишь, сложивши ручки накрест; но с ним идешь навстречу Спасителю, – и твои уста уже славословят Его. Ты уже не здесь, а там, там ликуешь со святыми! Унесла с собою все наши радости, а нам оставила одно горе и слезы. Кто оботрет наши слезы? Кто приголубит нас на старости? Отец и мать покинуты тобою; отец и мать проливают горячие потоки слез. Они перестанут плакать, когда очи их высушатся и сомкнутся навек! Тебе бы следовало схоронить меня! О, лучше бы я не видела белого света! Кто утешит меня? Кто поболезнует со мною? Чье сердце забьется там обо мне, как билось твое? Но твое сердце уже камень! Ты уже во гробе; мой стон, мой вопль и мои рыдания не трогают тебя. Я слышу пение вечной памяти! О дононько, дононько моя! Недолго я любовалась тобою. Не думала, не гадала закрыть твои оченьки ясенюшки, твои уста розовые, и закрыть ризою гробовой! О горе мне, бедной! Я сама сомкнула твои глазки, до Страшного Суда. Заступница, Божая Матерь! Приими меня скорее, успокой меня с моею дононькой. Укрепи, Господи, и помилуй меня». В продолжение трех дней отец и мать рыдали по своей дочери; народ беспре-

станно навещал усопшую, горевал и хвалил ее доброе сердце и красоту. Отец часто говорил в отчаянии своей жене: «Что же, моя старая? Собирались играть свадьбу, – вот веселье наше». Он заливался слезами и стоял неподвижным от печали. Но вспомнив, что он ропщет на Провидение, говорил ей: «Полно плакать. Бог ее взял, она уже в Царствии Небесном. Ее Бог наградил. Живой думает о живом, так и мы с тобою. Молись лучше!» В погребальный день звонили в большой колокол протяжно, с заунывным ударом. Этот звон собирал людей и назывался сборным. Окружные обыватели сами сходились на похороны. С умолком сборного колокола выносили из церкви деревянный крест с изображением Распятия Иисуса Христа, хоругви и носилки; за ними шли священники и весь причт духовный, в черных ризах. По прибытии духовенства начинали служить по умершей. Потом, собрав дружек, поддружек, старост, бояр, свах и свитилку, такое число, какое следовало для веселья, одаривали их свадебными подарками. Мать, подозревая молодых девушек, ее подруг, говорила им, обливаясь слезами: «Я не дождала до свадьбы своей донышки! Господь Бог определил мне созывать вас, чтоб вы проводили ее к темной могилке. Не довелось мне слушать ваших веселых песен; пришлось мне видеть ваши слезы. Не прогневайтесь на меня, что я не угощаю вас караваем, не наделяю белыми платочками, но даю вам в руки восковые свечи. Зажгите их и проводите мою голубку, донышку». Потом мать, взяв большой рушник (полотенце), который вышивала покойная, чтобы подстлать себе под ноги во время ее венчания, перевязывала им деревянный крест; после перевязывали дружку и поддружку длинными рушниками, вышитыми узором, и потом еще накрест белым полотном по несколько аршин. За ними перевязывали свах и прикалывали к их головному убору по цветочку. Старосту обвязывали одним рушником, а свитилку (старшую сваху) – двумя и давали ей в руки восковую свечу и меч, как водилось на свадьбе, обвив его душистыми цветами. К шапкам бояр прикалывали цветочки и перевязывали правые руки белыми платками, вышитыми узором. Платок, которым следовало вязать руки молодым

под венцом, клали на серебряный крест. Священников и весь духовный причт дарили белыми платками. Гробовую крышу покрывали большим килимом (ковром); носилки застилали богатым коцем (покрывалом) с разводами и вышитым орлом. Килим и коц отдавались в церковь после похорон. Девушкам раздавали все приданое покойной: плахты (узорчатые платья), передники, рубашки, платки и полотенца; женщинам – белые серпанки, чепцы, головные платки, подушки, одеяла и разные хозяйственные вещи. По раздаче вещей кропили гроб святой водой с произнесением: вечная память. Свадебные бояре клали невесту в гроб, подруги поправляли на ней головной убор и украшали снова венками. Погребальное шествие начиналось несением впереди креста, потом святых хоругвей; за ними несли четыре мальчика с перевязанными белыми на руках платками надгробную крышу, обитую черным сукном; потом шли четыре боярыни; за ними священники и дьяконы, держа зажженные свечи, и во время шествия кадили и пели протяжным голосом; потом шли попарно все ее подруги с зелеными зажженными свечами; головы подруг были обвиты черными лентами; за ними шли: свитилка с мечом, сваха, дружки, подружки и, наконец, несли гроб на носилках – одни свадебные бояре. Если присутствовал жених покойной невесты, то он шел с правой стороны ее гроба. Жениха вели под руки два свата, потому что истинная горесть до того расстраивала его, что он едва передвигал ноги: был бледный, как смерть, и не рыдал, но только стонал. Тут уже шествие заключалось толпой народа всех сословий. Во время шествия звонили по церквям, а на дороге останавливались читать Евангелие по несколько раз и всякий раз подстилали священнику бумажный платок под ноги, который отдавался ему. Покойную несли сначала в церковь, где служили обедню и панихиду; потом, тем же самым порядком, несли умершую на кладбище, при непрерывном колокольном звоне. Гроб опускали в могилу на хорошем белом полотне, приготовленном для приданого. При опускании гроба раздавался повсюду стон и вопль; все плакали, как по своей родной. От ребенка до старика все заливалось слезами. Стар-

ший священник бросал на гроб горсть земли; за ним отец и мать, затем свадебный причт и, наконец, все, кто как попал. На гроб насыпали немедленно землю и ставили в головах большой деревянный крест, покрытый зеленой краской. Бедным и нищим раздавали на могиле хлеб, разное кушанье и деньги, чтобы молились о спасении души. Потом все отправлялись поминать умершую. Столы с кушаньями и напитками были расставлены по всему двору, а в комнате угощали одних старших. Поминовением заключались похороны.

ОСОБЫЕ ОБРЯДЫ, СОВЕРШАЕМЫЕ НАД ПОКОЙНЫМ

В Олонецкой губернии умирающих перекадывают с перины на солому, чтобы, как говорят там, душа распроталась, которая должна дать ответ за каждое перышко. После покойника моют пол и окуривают комнату. Потом являются плакальщицы, которые воют над ним до погребенья; наконец, ходят по домам родных и знакомых покойника и своими причитаниями напоминают им жизнь его: рассказывают все его привычки, обыкновения и даже любимые кушанья¹. Между черногорцами (адриатическими славянами) родственники омывают тело умершего, надевают на него белую рубашку, осыпают цветами и кладут при нем его оружие. В это время сколачивают гроб из трех досок, наподобие треугольника. Соседи, узнав о смерти, стекаются на похороны; родственники голосят над усопшим, выхваляя его добродетели, доблестные дела и горюют об участи семейства. Обыкновенные возгласы их: «Кто теперь будет ездить на твоём коне? Кто будет носить твоё платье? К чьей груди прижмутся твои дети? Кем будет клясться твоя сестра?» (У черногорцев сестра обыкновенно клянётся здоровьем брата.) Матери и сестры более всех плачут: они царапают себе лицо до крови и, отрезав волосы, кладут их на могилу. Над могилой ставят большой деревянный крест с изображением на нем

---

¹ Дашков. Описание Олонецкой губ., помещ. в Журн. Министерства вн. дел., 1841, № 12, с. 428–439.

столько кукушек, сколько осталось родственников, или кладут надгробный камень. Священник провожает тело до могилы и там совершает надгробное пение. Знакомые присутствуют при погребении с оружием, оборотив его назад. Проходя дом, где лежит покойник, они бегут; то же самое делают, проходя мимо кладбища. В некоторых местах посещают могилу на третий и восьмой день после погребенья; читают молитву, плачут и потом угощают хлебом и вином. По покойнике носят траур во весь год; мужчины отращивают бороду, женщины стригут волосы и ходят несколько дней ничем не прикрывая головы; после уже повязывают голову черным или голубым платком¹.

Иностранные писатели передали нам погребенье наше в самом искаженном виде, особенно англичанин Филипп², который написал величайшие нелепости. Он говорит, что священник, по окончании литургии, вручает умершему свидетельство за подписью епископа следующего содержания: «Мы, епископ и священник (такие-то), даем сим знать, что умерший (такой-то) жил истинным христианином, по правилам греческой Церкви; исповедался и прощен в грехах; чтит Бога и угодников и постился; почему удостоверяем св. чудотворца Николая и всех небесных жителей, что он может войти беспрепятственно в Небесное Царство»³.

МРАМОРНЫЕ ГРОБЫ

Были случаи, что у нас хоронили в мраморных гробах. Тело равноапостольного Великого князя Владимира было положено в мраморный гроб (1014) и поставлено рядом с гробницей супруги его Анны среди храма Божией Матери, называемого иначе Десятиною церковью⁴. Тело сына его, Ве-

---

¹ *Боричевский*. Повести и пред. нар. славянского племени, ч. 2, с. 120–122, 1842.

² *Philips*. The Russian Catechism, 1725.

³ Это свидетельство, вероятно, позаимствовано из Олеария, где вместо чудотворного Николая выставлен апостол Петр. <...>

⁴ *Нестор* по Кенигсб. сп., с. 93; Русск. лет. с Воскр. сп., ч. 1, с. 161.

ликого князя Ярослава, тоже положено в мраморный белосинего цвета гроб и погребено в Софийском соборе. Его памятник украшен разными изображениями птичьих голов, цветов и деревьев и уцелел до нашего времени¹.

Мощи св. Бориса и Глеба положены в мраморный гроб. Тело Великого князя Изяслава тоже положено в мраморный гроб (1078).

МЕСТА ДЛЯ ПОГРЕБЕНИЯ И ПОЯВЛЕНИЕ КЛАДБИЦ

Погребали в церквях и близ церквей, – это продолжалось до первой половины XVIII века (31 декабря 1731 г.). В это время повелено указом, чтобы в городах, селениях, слободах и проч. умерших не хоронить при церквях, а отводить для того особые места за городом под названием кладбищ, которые в Малороссии называются цвинтарами. В 1772 г. подтверждено отводить особые места для кладбищ вне города и устраивать при них церкви и часовни. С того времени появились определенные кладбища, и на них начали ставить надгробные памятники для означения места почившего. Если ныне погребаются внутри некоторых храмов и монастырей лица знатные или особенно именитые, то это делается не иначе, как с разрешения духовной власти; причем вносятся в пользу тех церквей или монастырей условленные или посильные вклады, что, однако же, не на всех простирается.

Из отечественной истории известно, что во время моровой язвы, посетившей Россию в 1352 г., памятной под именем черной смерти, не было места для могил, потому погребали не только за городом, но в лесах, обратившихся в кладбища².

---

¹ Гроб Ярослава высотой 2 аршина, длиной 3 $\frac{1}{2}$ аршина, шириной 19 вершков находится в приделе с левой стороны большого алтаря. Половина скрывается в стене; на камне вырезаны кресты с буквами IC.XC. – Нестор. лет., с. 114; Карамзин. История государства Российского, т. II, с. 37, прим. 51, изд. 1816 и т. I, с. 230 прим. 488.

² Карамзин. История государства Российского, т. IV, с. 254, 1819.

КРЕСТЫ

В древности крест был ужасом для людей, потому что на нем распинали преступников, но когда Божественный Спаситель мира претерпел на нем мученье и смерть, тогда это знамение стало священным предметом. В воспоминание Его страдания христиане стали носить крестное изображение на груди. Св. мученик Прокопий, пострадавший при императоре Диоклетиане (в конце III ст.), умер с крестом на шее. Константин Великий, первый христианский император, выбивал на своих монетах кресты с изображением оружия, в память того креста, который ему явился на облаках со словами: *in hoc signovinces* – сим знамением победиши¹. Христиане первых веков погребали усопших без всяких пышных обрядов и на могилах их не ставили никаких знаков. Апостолы и первые мученики за веру никаких не сооружали по себе надгробных памятников. Одно благочестие воздвигло впоследствии на месте их страданий и вечного их жилища храмы и монастыри. Но в какое время появились кресты на могилах? Этого нельзя определить с точностью. Нам известно, что в конце III века они ставились на могилах – сначала в Палестине, потом, в IV веке, в Риме, а после, в конце того же столетия, – в Царьграде. Отсюда это обыкновение распространилось по всем тем местам, где находились христиане. У нас, с принятием веры, вошло в обряд ставление крестов как выражение набожности. В постигшее наше отечество бедствие (в 1092 г.) засухи и мора многие тысячи крестов усеяли кладбище. В короткое время умерло в одном Киеве от 14 ноября до 1 февраля 7000 человек, и такое количество крестов укрыло поле, на котором они были погребены. Едва успевали делать гробы и кресты, потому что некому было заниматься ими.

Кресты делали, как и теперь делают, четырехугольные прямые и восьмиугольные совершенно без различия; надписей на них никаких не было, а окрашивали разноцветной краскою;

---

¹ *Diction desorigines*, P., 1777, см. Croix.

более зеленой и голубой. На них вырезали простые изображения: Адамову голову, ангелов и святых.

НАДГРОБНЫЕ НАДПИСИ

Надписи появились с распространением письменности, но в древнем мире употреблялись с незапамятных времен надгробные надписи. Египетские и персепольские памятники обозначались иероглифами; скандинавские народы вырезывали руны; американские имели свои особые знаки, соответствовавшие рунам; европейские ввели письменные буквы. Надписи обыкновенно показывали время рождения и кончины, великие заслуги и гражданские добродетели. Чувствительность и нежность были предмет постоянных выражений родителей, детей и друга. Пламенная любовь и пылкая страсть изъяснялись языком поэзии. Все выражалось по своим понятиям и чувствам – так делается и ныне, потому что все в мире говорит и действует как умеет.

ГОЛОСИТЬ ПО УМЕРШЕМУ

Повсюду было в обычае сопровождать покойника с воплем и вытьем. Греки и римляне нанимали, для увеличения печального обряда, особых женщин, которые рыдали и вопили раздирающим голосом, провожая умершего до самой могилы. Это обыкновение долго господствовало в Европе. У нас, между простолюдинами, доселе в обычае голосить¹.

---

¹ Петр Великий еще в 1715 г. запретил выть по мертвым по случаю кончины супруги царя Иоанна, Прасковьи Феодоровны, урожденной Салтыковой; однако это обыкновение не совсем уничтожилось. Обычай голосить был известен в глубокой древности. Сам Гомер описывает это, и вот пример о Гекторе:

Тело они положили; певцов, начинателей плача,
Подле него поместили, которые голосом мрачным,
Песни плачевные пели, а жены им вторили стоном.

Гнед. «Илиада» Гомера, песн. XXIV, ст. 720–723, 1830.

Есть особо искусные женщины в этом занятии. Они так умеют притвориться плачущими, что неопытный примет за действительное излияние их горести. На могилах часто встречаются старушки, посещающие места успокоения своих родственников и голосащие заунывно-протяжным голосом, который может растрогать самое бесчувственное сердце. Сначала прилягут на могилу, качаются на ней головой несколько минут и начинают хныкать, потом всхлипывать, наконец, обхватив обеими руками могилу, налегают на нее грудью в постепенно повышают голос, громче и громче, до того, что он начинает раздаваться по всему кладбищу. Они выхваляют покойника или покойницу предлинными причитаниями: «Ах ты, моя сизая голубка! Недолго по свету гуляла; не долго твой дружок тобою любовался. Ах ты, моя родная! Все родные по тебе плачут, и твоя бабушка помираючи голосит теперь и всегда. Что солнышко закатится, то новые слезы. Ах ты, мой свет дорогой! Оставила нас, чтобы слезоньки проливати. Аль ты там, пташкой звонкой летаючи, лютости не ведаешь, не знаешь кручинушки ясного соколика, твоего вдовца дорогого? Аль знал ли кто, что с утренней зари тебя более не станет; во чистое поле полетишь, меж крестами местечко полюбишь? Думала ль я, гадала ли я, что доживу до печального расставанья и буду охать в тоске и в беде. Не взмолилось мне, горемычной, кручиниться, пришлось мне говорити тоску лютую, гробовую. У нас бьется сердце по тебе, убивается, а некому утешити. Всякой час, всякую минуту, по полудням по полуночам, ни заем, ни запью, не пролив слезы ручьями кристальными. Ой горькая истома моя! Бедная головушка, с утра до вечера кручинная! Ты душа, мой ангельчик, была белее снега белого, румянее солнца огненного, милovidнее луны серебристой, а теперича? О, ох! Вздохни, отзовися, аль ты полюбила сырую мать землю, забыла свою родную? Подымались метели со снегами, то на наше бедованье; выходили тучи из-за облак вьюгами грозными, то на наше сегованье: они унесли наш свет ненаглядный; они зарыли и землей прикрыли. Не недужилась бы я, кабы болость не тяготила, по моей красоточке; ложилась бы спать я, раным-ранехонько,

кабы знала, кто меня уложит! Не рыдала бы я, как бы предведала закат ненаглядного дитятки! То мне и утешенье, как поплачу. Заря-зарница выходит, как красная девица, а ты не взойдешь: с черною ночью сдружилась. Звезды взойдут огнекрупными слезами, на тебя взглянут и падают, а ты, дитятко дорогое, одна не шелохнешься! Сорву ли цветочки, положу ли на могилку, они завянут от моих слез, слез горячих! Кто выпьет мою воду, как не сырая земля! О ты, моя незапамятная! Во сне али наяву я плачу рыданьем и тебя не вижу? Во мне все закручинилося, золотая моя рыбонька, крошечка-малиновка, душечка-канареечка. Ума-разума не приложу, за что оставила? Вдоволь было истомы в моей жизни, а ты еще прибавила. За то ли, что я тебя любила, али чем я тебя прогневила? Поведай, ангельчик, не скрывай; скажи: я одна подле тебя; я давно жду твоего ответика, аль ты загордилась, аль не узнала голоса взрыдного? Кланяюсь, целую в розовые губки, скажи, хочь на ушко, порадуй непорадную, обними обнимающую тебя. Приснись, пробудись, аль ты спишь вековым сном».

Случалось видеть, что от продолжительных рыданий иные делались бесчувственными ко всему окружающему их, и только силой отводили от могил; а другие впадали в горестное иступление, заболевали и умирали в скором времени.

Плач родных всегда проистекает от глубокой горести. С какой убийственной тоской рыдают дети на могиле матери! «Родительница моя матушка, жалкое желанье! На кого ты нас оставила, на кого мы, сироты, понадеемся? Ни с которой стороны не завеют на нас теплые ветерочки, не услышим ласкового словечка. Люди добрые от нас отшатнутся, родные отзовутся (отрекутся); заржавеет наше сиротское сердце. Печет красное солнышко среди лета теплого, а нас не согреет; лишь притеплит нас зеленая дубровая могилушка-матушка. Прибери нас, матушка, промолви слово ласковое! Нет, скрепила ты свое сердечушко крепче камешка и прижала неласковые рученьки к ретиву сердцу. Лебедушка моя белая! В какую путь-дороженьку собралась, снарядилась ты, с которой сторонушки ждать нам тебя? Взбушуйте вы, ветры буйные, со всех четырех

сторонущек! Понеситесь вы, ветры, к Божией церкви, разметите вы сыру землю. Ударьтесь вы, буйны ветры, в большой колокол! Не разбудит ли звон его со мною, слова ласкова»¹.

ПОГРЕБЕНИЕ ОСОБ ЦАРСТВЕННОГО ДОМА И ЧЕРНОЕ ПЛАТЬЕ ИЛИ ТРАУР

С введением христианской веры погребение совершалось у нас почти единообразно, исключая, что богатых, знатных и из царского рода предавали земле с большей пышностью. После смерти каждого звонили в колокол; потом одевали покойника и отправляли по нем печальный обряд. То же самое происходило с особами царственного дома. О похоронах царских мы имеем известие XVII века, написанное современником Котошихиным. Заимствуем из него. О смерти царя тотчас давалось знать патриарху и боярам. Патриарх приказывал звонить медленно в один колокол, чтобы все знали; потом он отправлялся в церковь и отпевал по нем великий канон. Того же дня омывали тело теплой водой; надевали чистое исподнее платье; после облачали в царскую одежду и клали в гроб корону. Гроб был деревянный, обивался вишневым бархатом, а сверху красным. Бояре, думные и ближние люди одевались в черное платье, называемое ныне трауром, и съезжались во дворец для прощания. Потом выносили тело в придворную церковь, кото-

---

¹ *Дашков*. Опис. Олонецкой губ., помещ. в Журн. Мин. вн. д., 1841 г., № 12. с. 432–434. – Голосить по умершим часто представляется в народе в насмешливом виде. Вот образец на малороссийском языке. Жена весьма рада, что помер ее муж; она плачет по нем сквозь зубы, а плачет для того, чтобы не подумали, что она в самом деле рада его смерти. – «Ой мий чоловіче, мий голубчику! Ты ж був у мене хозяйин: коли була у тебе мирка пшена и мирка муки? Ты ж було як наореш, да насиш тых кавунив, да тых гарбузив, да тых пречистых дынь... дынь... дынь... дынь... А кума прийшла пид викно, та каже: що ты кумо робиш? Дурню святее тило лежить на столи. – Бач що затяла! – А я з тоски, з печали, да в колову зайшла; да вже и десятых найшла. От и кажу: кумо, поплачь, сдилай милость, над моим чоловіком. Я дам тобі чорне руно, а мене кликали добры люди у свашки.

Ну добре, от и плаче: тужу, тужу та по чужому мужу, да не дармо – за чорное руно. – А кума прийшла с дружками пид викно, тай припива: плачь, плачь, кумко! Да не дармо. Дам тобі чорнее руно, гу, гу, гу, гу...»

рая была устроена над царскими покоями, и там стояло шесть недель. Дьяки денно и ночью читали псалтырь с молитвами. В Москве и по всем городам совершали в церквях и монастырях шестинедельное поминовение; ставили кутью ежедневно, кроме воскресенья и больших праздников. Патриарх рассылал грамоты к высшим духовным, от митрополита до игумена, с извещением о присутствовании им при царском погребении. На третий день был поминальный стол у царицы или царевичей для власти духовной. Панихиду отпевали над кутьею, приготовленной из вареного сорочинского пшена: с сытой, сахаром и ягодами. В монастырях и церквях готовилась одна пшеничная кутья с сытой. После трех недель бывал стол поминальный для духовенства и бояр. По наступлении похорон весь царский дом, духовенство и все светские особы являлись ко двору в черных одеждах и совершали погребальный обряд в следующем порядке: сначала шли дьяконы, иереи и певчие с пением канона; за ними несли тело священники, а позади их шли патриарх с духовенством, царевичи и бояре; потом царица, царевны, боярыни, народ обоего пола, все вместе, без чина, но с рыданием. По перенесении тела ночью в Архангельский собор иереи оставались перед церковью; все прочие входили и ставили тело посреди храма, против алтаря. Во время погребального шествия давали всем без разбора восковые свечи, витые и простые. Свечей расходилось больше 80 пудов. Потом, совершив погребальное пение, опускали гроб в землю и накрывали каменной доской. Патриарх читал молитву над кутьей, кадил ладаном; после молитвы он откушивал кутью ложкой три раза; за ним подносили царскому дому и всем присутствующим и, наконец, расходились по домам. Надгробных речей не говорили. Из царской казны отпускались поминальные деньги. Патриарху 100 рублей, митрополитам по 80, архиепископам и епископам по 70 и 60, архимандритам, игуменам и старшим иереям от 50 до 30, а младшим священникам и дьяконам от 30 до 5. Заготавливали еще во всех приказах денежное подаяние: завертывали деньги в бумагу, от рубля до полуполтины, и подьячие раздавали на площади людям всякого сословия, убогим и ни-

щим. По монастырям и богадельням раздавали от 5 до 2 рублей на особу. В других городах отпускали погребальные деньги и милостыню в половину и в треть против московской. Из всех тюрем освобождали узников. По истечении сорока дней, называемых сорочины, отправляли в том же самом соборе обедню и панихиду; давали для всех поминальный стол и вновь раздавали милостыню, уже в половину против первой раздачи. При этих похоронах истрачивалось денег во всем государстве около той суммы, какая расходовалась в течение года.

Похороны цариц, царевичей и царевен совершались однообразно с описанным обрядом, с той разницей, что при погребении первых съезжались со всех городов духовный особы и подаяние отпускалось в половину против погребения царя; при погребении вторых подаяние было несколько меньше против царицы, а при погребении третьих отпускалась четвертая доля в сравнении с царем. При погребении царевичей и царевен не присутствовали царевны и царицы; только один царь. Весь царский дом и придворные носили черную одежду шесть недель. То же самое соблюдалось между сановниками и дворянами по своим умершим; простой народ не следовал этому обыкновению. Каждую субботу отправляли поминовение об усопших из царского рода, и по всем церквам и монастырям поставлялось в обязанность отправлять ежегодно поминовение до скончания мира¹.

Траурные одежды были у нас в употреблении с незапамятных времен и назывались черным, смиренным и печальным².

¹ Григор. Кошихин: о России в царств. Алексея Михайловича, с. 15–17.

² Траур, от немецкого слова Trauer, означает скорбь, печаль, поэтому и самое платье, носимое по смерти, именовалось траурным и перешло к нам вместе с флером (немец. слово) и черным крелом (франц. *crépe* и *gaze*) не прежде XVIII в., что доказывается церемониями, совершенными по случаю кончин: Лефорта, Гордона и других сотрудников Петра Великого. Греки, изображая скорбь по умершим, представляли самых богинь в черных одеждах. Так, Фетида, дочь Зевса, оплакивая падшего Гектора, оделась в самое черное платье:

...Облеклася Фетида одеждой печали,
Черным покровом, чернейшим из всех у нее одеяний.

Гнедич. «Илиада» Гомера, песн. XXIV, ст. 93–94, изд. 1839 г.

Боярин Петр, отправленный послом от великого князя Изяслава в 1153 г. к галицкому князю Владимирку был встречен перед дворцом сановниками и слугами в черных одеждах. Посол вошел в сени: там юный князь Ярослав сидел в черной одежде и клобуке, среди вельмож и бояр, одетых в траурные платья. Ему подали стул. Ярослав заливался слезами. Изумленный боярин хотел знать причину общей горести и узнал, что Владимирку, отслушав вечерню в церкви, упал и, принесенный во дворец, скончался. После смерти Марии, супруги Иоанна IV (скончалась 1 сентября 1569 г.), царь, бояре, дворяне и все приказные были в смиренных или смиренных платьях; шубы на них были бархатные камчатные, без золота, потому что государь был в кручине; дела остановились; по городам служили панихиды и давали милостыню нищим.

Вот обряд погребения царя Феодора Алексеевича. В 1682 г. 2 апреля в пятом часу дня вошел патриарх Иоаким со всем духовенством, хоругвями и крестами в траурную комнату, в которой лежало тело государя под золотым балдахином, и отпевал. Потом спальники несли тело под тем же балдахином, а за ним другие спальники надгробную доску, покрытую серебряной обьярью. По принесении усопшего на Красное крыльцо его положили на приготовленные сани¹, обитые золотым атласом, и понесли Красным крыльцом, средней лестницей, до Михайловского собора. Перед телом шли со святыми иконами и крестами священники и дьяконы; за ними государевы и патриаршие певчие, которые пели надгробное пение; потом игумены, архимандриты, епископы, архиепископы, митрополиты и патриарх. За телом шел государь Петр в смирном платье, его мать царица Наталья Кирилловна; за ними окольничие, дум-

¹ Сани в старину имели тройное значение: 1. простой зимний экипаж; 2. погребальные сани, на которых отвозили покойников зимой и летом, и 3. носилки, употребляемые для ношения слабых и нездоровых. Владимир Мономах употребляет выражение в своей духовной *сидя на санях* вместо будучи при дверях гроба. Супруга Великого князя Василия Елена, урожденная Глинская, не могла от глубокой горести идти за его гробом, почему ее несли на санях боярские дети до самой церкви. Царица Марфа Матвеевна, урожденная Апраксина, была также несена дворянами на санях за гробом своего супруга царя Феодора.

ные, дворяне и ближние люди; после царевичи и бояре: все в черной одежде. За ними дворяне несли царицу Марфу Матвеевну на санях, обитых черным сукном. За царицей шли боярыни, кравчий, казначей, верховые боярыни (статс-дамы) и другие придворные дамы в смиренном платье. Государь Петр, по прибытии в собор, простился с усопшим своим братом и возвратился во дворец со своей державной матерью.

По отправлении патриархом обедни и надгробного пения со всем духовенством, присутствовавшие подходили целовать руку умершего царя с неутешными слезами и воплем и, наконец, опустили гроб в могилу.

ВОСПОМИНАНИЯ О КОНЧИНЕ ДОБРЫХ ГОСУДАРЕЙ И МЕСТА ИХ ПОГРЕБЕНИЯ

Великих князей и их семейный род предавали земле без пышности, но народ всегда сетовал и лил по ним слезы непритворно. Он плакал сердечно, а его слезы – лучший памятник для царей. Все сословия провожали любимого монарха до самой могилы. Сказания о них, к услаждению памяти потомства, сохранились в наших летописях. Когда Великий князь Владимир скончался в Берестове (1015) в загородном своем дворце, не избрав по себе наследника, тогда приближенные его выломали ночью пол в сенях, завернули тело в ковер, спустили вниз по веревкам и отвезли в храм Богоматери, скрывая смерть от усыновленного Святополка, чтобы дать время любимому его сыну Борису возвратиться в Киев и занять престол. Но печальная весть быстро разнеслась по городу: вельможи, народ и воины бросились в церковь и своим стенанием изъявили отчаянную горесть. Все оплакивали его и провожали до могилы. То же нелицемерное чувство печали было изъявлено Великому князю Ярославу, которого тело несли из Вышегорода, и все рыдало по нем. Великий князь Изяслав, убитый в сражении (1078) близ Чернигова, был предметом всеобщей печали. Когда тело его привезли в Киев на лодке, тогда на берегу реки встретили его киевские жители со слеза-

ми: знатные и бедные, светские и духовные. Вопль народный, как говорит летописец, заглушал священное пение¹.

Александр Невский, истощенный в силах душевных и телесных в ревностном служении Отечеству, гас на глазах. Окружающие это видели и плакали; они все были готовы лечь с ним в гроб, любя его гораздо более, нежели отца родного. Митрополит Кирилл, узнав о его кончине (1263), воскликнул в собрании духовенства: «Закатилось солнце отечества!» Никто не понимал его слов; он долго безмолвствовал, залился слезами и сказал: «Не стало Александра». Все задрожали. Гробовая весть быстро разнеслась по столице, и все повторяли с отчаянием: «Погибаем!». Духовенство и жители Владимира, несмотря на жестокий зимний холод, шли навстречу гробу до Боголюбова; не было человека, который бы не плакал и не рыдал; всякому хотелось облобызать мертвого и сказать ему, чего Россия в нем лишилась. Дмитрий Донской был равномерно оплакиваем; его похоронили в церкви Архангела Михаила (19 мая 1389 г.). Когда Великий князь Василий Иванович находился на смертном одре, тогда никто не спал в Москве. С ужасом ждали вести; народ толпился на улицах; плач и вой раздавался от Кремлевского дворца до Красной площади. Бояре, заливаясь слезами, уже не удерживали окружающих от громкого плача и стенания. Когда государь скончался (1533), тогда все зарыдали. Митрополит омыл тело, вытер хлопчатой бумагой и облек в полное монашеское одеяние. Между тем ударили в большой колокол; тело положили на одр, принесенный из Чудова монастыря, и растворили двери. Народ устремился с воплем и целовал оледеневшие руки. Любимые певчие царя пели хором: «Святы́й Боже». От рыданий и стонов никто их не слышал. Иноки Иосифова и Троицкого монастыря

---

¹ Мы ничего не знаем о том, в каких одеждах клали в гроб великих и удельных князей. Из общепринятого обыкновения хоронить в тех одеждах, какие означали сан и достоинство умершего, можно заключить только, что великих и удельных князей клали в их царственных одеждах. Однако есть достоверное известие, что князь Владимир Волынский, умерший в Любомле в 1289 г., был обвит в бархат с кружевами и похоронен во Владимире-на-Клязьме в церкви св. Богородицы.

несли тело в церковь св. Михаила. Скорбь в народе была неопи-санная, потому что дети хоронили своего отца, по выраже-нию современников. Сын его Иоанн IV, наводивший ужас при жизни, был страшен и мертвым; царедворцы долго не верили глазам своим, что он умер, и не объявляли о его смерти. На третий день совершилось погребение во храме св. Архангела Михаила, но слезы народные не текли по усопшем. Глас на-рода – глас Божий; суд тогда же совершился, и в потомстве осталась по нем память грозного. Напротив, кончина сына его Феодора (1597), которого народ любил, приписывая действию его ревностных молитв благосостояние Отечества, рыдал по нему. Когда на рассвете ударили в большой колокол Успен-ский, тогда раздался в Москве вопль от палат до хижин. Каж-дый дом, по словам современников, был домом плача. Дворец не мог вместить людей, стремившихся облобызать усопшего. Царица Ирина ужасала всех своими стонами и воплями: она терзалась и никого не слушала. Из уст ее, обогранных кро-вью, вырывались слова: «Я вдовица бесчадная, мною гибнет корень царский!» Погребенье совершилось в церкви Михаи-ла Архангела. От слез и рыданий прерывалось священнодей-ствие, и за воплем народным никто не мог слышать пения. По совершении печального обряда раздали богатую казну бед-ным, церквям и монастырям; отворили темницы, освободили всех узников, чтобы действием милосердия увенчать земную славу Феодоровых добродетелей. Не менее умиленное и трогательное воспоминание о смерти Петра Великого. Народ, назвавший его отцом Отечества, любил его, как дети своего отца. Когда пронеслась весть по Петербургу о безнадежно-сти его выздоровления, тогда весь народ обратился во храм и молил Бога со слезами о продолжении дней его, поныне дра-гоценных для всей России. Но судьбам Всевышнего угодно было воззвать его в обитель вечности, а жители долго не зна-ли, что Петра уже не стало. От них скрывали – единствен-но из горести. Едва пролетела молва о кончине незабвенного монарха, вдруг нахлынули толпами ко дворцу его, находяще-муся на Петербургской стороне, окружили с плачем и воплем

и думали, что отчаянным своим рыданием поднимут его из гроба. Князь Меншиков явился к народу: он плакал неутешно, а от слез своих не мог вымолвить ни слова. Его чувства разделяли, и все плакали с ним. Вопль раздавался повсюду, и вся столица обливалась слезами. Государыня Екатерина была в неопisanном отчаянии: она не отходила от гроба, целовала усопшего, орошала его слезами, обнимала, становилась перед ним на колени и умоляла встать; потом с ужасом кричала: «Он умер! Он не встанет более!» От сильных потрясений души падала в обморок, делалась бесчувственной, почти мертвой. Ее приводили в чувство, и она опять устремлялась к умершему и призывала его к жизни. Окружавшие усопшего внутри и вне дворца повторяли безутешное воззвание. Только слышались стоны и болезненные слова: «Нет уже нашего защитника, нет нашего правдивого царя! Нет нашего отца!» Не было человека, который не спешил бы проститься со своим отцом: целовали правосудную его руку, платье, ноги и самой гроб его. Но и тут кричали: «Закатилось наше солнце, надежда-государь! Горе, горе нам, оставленным тобою!» Народ утешали, что Бог, за добродетельные подвиги монарха, наградил его Царствием Небесным; что Творец милосердный успокоил его от тяжких трудов, советовали не плакать и сами плакали. При выносе тела и во время погребального шествия заглушалось пение стонами и воплями. И когда красноречивый голос витии, Феофана Прокоповича, прогремел в соборе Петропавловском: «*Что видим! Что делаем! Петра Великого погребаем!*» – тогда он сам горько залился слезами и не мог говорить более; не могли и присутствовавшие слушать более – не хотели и слышать, что действительно погребают Петра. Весь храм потрясся от новых рыданий. По совершении печального обряда над умершим опустили его в могилу и задвинули доской. Изумленный народ стоял в церкви, не выходил и все рыдал: он еще думал видеть его в живых, среди себя, и от чрезмерной скорби забыл, что и царь его тот же смертный!

Екатерина Великая, прозванная народом *матушкой*, была им оплакиваема нелицемерно. Смерть ее до того рас-

трогала сердца русские, что когда узнали о кончине, тогда все храмы мгновенно наполнились молившимися и рыдавшими непритворно. По улицам ходили с поникшими головами и бледными лицами. Знакомые, встречаясь со знакомыми, не приветствовали друг друга, а говорили: «*Померла наша матушка, не нажить нам такой царицы!*» Зимний дворец был наполнен людьми всех сословий, притекавшими еще раз взглянуть на свою истинную *матушку*. Вся Россия облеклась в печаль, ибо она знала, чего лишилась в ней.

Доныне Александр благословен в устах народа, ему любезного и за гробом ему верного. Память по нем хотя еще свежа, однако благодатная. Суд потомства настал, и достойно назвал его: Александр Благословенный. Постигшая его смерть в таком возрасте, когда лета и здоровье радовали отечество, поразила всех неожиданно. Первая весть, что *Благословенного* уже нет на земле, пролетела с молниеносной быстротой по всем концам России. Но она долго не верила, она и не могла верить, потому что она им жила и им дышала; но когда скорбная весть подтвердилась, – все содрогнулись. Искренние слезы, сетование, мертвое безмолвие и невыразимая скорбь отразились на всех лицах. Вместо утешения повторялось отрадное повсюду: *наш ангел на небесах!* Эти отрадные слова, произнесенные из глубины сердца императрицы Елизаветы, так были свойственны Благословенному, что благодарная Россия увековечила дела его воздвигнутым памятником, на верху которого парящий ангел указывает на небо: *наш ангел на небесах!*

ПРИНЯТИЕ СХИМЫ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Набожность наших предков была обыкновенной добродетелью, потому перед кончиной своей они принимали схиму и умирали в иноческом звании. Такое обыкновение было и между великими князьями; оно начинается не раньше XIII века и продолжалось до начала XVII века. Едва ли Александр Невский не первый принял схиму, ибо до него нам ничего не известно о других. В монашестве дали ему имя Алек-

сия. Великие княгини часто, после смерти супругов, сами постригались. Дочери великих князей тоже принимали перед своей кончиной монашеский чин; принявших схиму хоронили по обряду иноческому.

МЕСТА ПОГРЕБЕНИЯ ОСОБ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО И ЦАРСКОГО ДОМОВ

Места погребения особ великокняжеского дома были в Киеве соборы Св. Богородицы и св. Софии. По перенесении столицы в середине XIII века из Киева во Владимир-на-Клязьму, потом в Москву, в XIV веке, также соборные церкви служили почетным местом погребения: в первом был монастырь Рождества Богородицы, называвшийся Великой архимандритией, а во втором церковь св. Архангела Михаила, в простом народе Архангельский собор. В последнем почивают тела великих князей, царей и царевичей до Петра Великого, который первый похоронен в соборе Петропавловской крепости, построенной им в новой его столице. С тех пор этот собор стал местом погребения особ царственного дома для обоих полов, и не носивших короны. До этого же времени великие княгини, княжны, царицы и царевны погребались в Москве, в Вознесенском девичьем монастыре.

ЗВОН ПО УМЕРШИМ

В Малороссии немедленно дают знать священнику об умершем и прося, чтобы тотчас звонили в большой колокол. Если бы на то время не случилось дома кого-либо из церковных причетников, то позволяется и светскому человеку прозвонить за упокой души. Всякий, услышавший таковой звон, который отличается от обыкновенного медленностью ударов и заунывностью, должен креститься и читать отходную молитву или пожелать Царствия Небесного.

У католиков ежедневно в двенадцать часов полудня бьют в колокол, при коем все должны читать *Ave Maria* (Богородица

Дева, радуйся). Это для того, чтобы все молились и в полдень; не забывали бы Бога и не садились обедать, не помолившись.

IV. ПОМИНКИ

ПЕРЕХОДНЫЕ ОБЫЧАИ ПОМИНОВЕНИЯ

Совершение поминовений по усопшим известно было на востоке с незапамятных времен. Там, по сожжении тела покойника, родные и друзья заключали печальный обряд веселым угощением. Такое обыкновение господствовало долгое время между греками и римлянами, можно сказать, до введения христианской веры. Некоторые из наших писателей несправедливо замечают, что поминовение по усопшим перешло к нам от греков. Напротив, это было общее между германскими племенами, и нет сомнения, что наши предки, находясь с ними в сношениях, приняли некоторые семейные их обычаи и потом приноровили их к своей потребности. Во многих славянских землях соблюдалось долгое время празднество в честь мертвых. В Силезии, Польше, в верхнем и нижнем Лаузице народ ходил с рассветом дня 1 марта с зажженными факелами на кладбище и приносил жертву усопшим. В Богемии строили еще молельни на распустьях для успокоения души и представляли усопших в личинах, а в память их совершали игры.

У словаков, чехов, лузийцев и поляков совершали в древности смертную или цветную неделю.

ТРИЗНА

Российские славяне праздновали над мертвым тризну и после поминовения показывали свою силу в разных играх перед самой могилой. Этот поминальный обряд, сохранявшийся между кривичами, северянами, радимичами и вятича-

ми, был в употреблении еще во времена нашего летописца Нестора, в середине XI и начале XII вв. Киевские, волынские и польские славяне совершали после погребения мертвых пиршества, состоявшие из разных кушаний, какое действие называлось стравою, которая на польском языке значит кушанье. Обыкновение угощать кушаньем после погребения известно издавна между славянскими племенами.

СЕЛО СКУДЕЛЬНИЧЬЕ

Христианская набожность произвела особый умильный обычай. Близ Москвы было кладбище, названное селом скудельничим, куда сходились люди добровольно в четверг, на седьмой неделе после Пасхи, рыть могилы для странников и петь панихиды в упокоение душ тех, чьи имена в отечество были им неизвестны. Они не умели назвать их, но знали, что Бог слышит и знает, за кого воссылаются к Нему чистые, истинно христианские молитвы.

НАЗВАНИЕ ПОМИНОК И ИХ РАЗНООБРАЗНОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ

Чествования на могиле, совершаемые в разных краях России, почти единообразны и только носят разные наименования: или церковные: Вселенской, Родительской субботы, Дмитриевской субботы, Радониц; или народные: осенин и больших осенин, хавтурей, дзядей и дедин. Во время поминальных дней родные и знакомые служат или в церкви, или на самой могиле панихиды и потом раздают задушие, милостыню за упокой душ. Поплакав и порыдав над могилами своих родных, усаживаются тут кружком и начинают поминальную трапезу.

В некоторых местах Белоруссии катают на кладбище на Фоминой неделе во вторник окрашенные яйца, поливают могилу пивом, брагой, водкой и потом ставится кушанье. Приступая к поминальной трапезе, делают воззвание к родителям: «Святые радзицили! ходзице к нам хлеба-соли откушаць». По-

том садятся в кружок. После пира обращаются к могиле покойника с извинением: «Вы бачете, наши радзицели, и не дзи-вицесь; цо маем, то и несем». Почитается за грех, если кто не почтет память родителей поминальным кушаньем.

В Белоруссии поминальный обряд называется хавтурами. Между жителями некоторых уездов Смоленской губернии хавтуры употребляется в разговорах вместо похорон.

В Олонецкой губернии поминовение совершается иногда целой деревней: для этого назначают день и налагают на себя пост. За два или за три дня до срока собираются к кому-нибудь из соседей, у кого побольше изба, и начинают стряпню сами гости. Хозяева только выдают припасы и ходят по углам избы с плачем и причитаньем. В назначенный день накрывают столы: один на крыльце, другой в сенях, третий в комнате – и толпой выходят навстречу воображаемым покойникам, приветствуя их: «Вы устали, родные, покушайте чего-нибудь». После угощения на крыльце идут тем же порядком в сени – и, наконец, в избу. Тут хозяин, обращаясь к покойникам, предполагая их присутствующими невидимо, говорит: «Чай, вы зазябли в сырой земле, да и в дороге-то, может быть, было не тепло. Погрейтесь, родные, на печке». Живые садятся между тем за стол и кушают. Перед киселем же, когда по обыкновению поют вечную память, хозяин открывает окно, спускает из него на улицу холст, на котором опускали покойника в могилу, и начинает провожать с печки невидимых покойников. «Теперь вам пора бы домой, да ножки у вас устали: не близко ведь было идти. Вот тут помягче, ступайте с Богом». Для такого обряда выбирают обыкновенно урожайный год. Здешние поселяне пашут еще могилы родных во время поминок, т. е. сметают с могилы сор, стелют на нее платок и потом рассказывают вслух покойникам, что случилось после их смерти.

В Малороссии и России есть свое мнение между простолюдинами; но там и здесь приносят кушанья и напитки, и чем побольше и повкуснее, тем, по мнению простолюдинов, приятнее покойникам, которые ниспосылают за то благосло-

вание на их дома. В иных местах Малороссии поминовения сопровождаются кутьей на медовой сыте и оканчиваются разными приправами на кореньях, закусками и водкой. В России употребительнее в таких случаях пироги с яйцами, печеное и тоже водка. Женщины и дети пьют тогда пиво и мед. Многие из женщин не отказываются и от крепких напитков. Из важнейших поминальных дней примечательна родительская суббота.

У. ДМИТРИЕВСКАЯ СУББОТА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДМИТРИЕВСКОЙ СУББОТЫ

Знаменитая победа, одержанная великим князем Дмитрием Донским над татарским ханом Мамаем на Куликовом поле при руб. Дон (в субботу 6 сентября 1380 г.), послужила основанием к установлению ежегодного поминовения, которое, по совету преподобного Сергия, отправлялось между 18 и 26 числами октября как время всеобщего поминовения о павших воинах за отечество. Императрица Екатерина II постановила (указ 17 августа 1769 г.), чтобы поминовение совершилось в день усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа).

ПОМИНОВЕНИЕ ОБЩЕЕ

В российской истории сохранились многие примеры поминовения по усопшим. Царь Иоанн IV постановил (21 июня 1548 г.) совершать память по воинам, павшим в неудачном походе против Казани (в 1547 г.). В то время была ужасная зима: люди падали мертвыми от холода. Государь лично всех ободрял: сам обнажал меч и своим голосом призывал воинов к победе, но, к несчастью, случилась оттепель, пошли сильные дожди, вскрывался лед на реках и войско гибло.

Иоанн IV еще постановил синодики по умершим невинно в его царствование. По ним он велел петь панихиды и служить литургию собором в субботу сыропустную. Кирилло-Белозерской же обители предписал поминать их ежедневно. Монастыри дарил большими окладами, чтобы они молили Бога об усопших и о спасении его души. В духовном завещании он ставит на первом месте поминание прародителей и родителей, которым через то становится отраднее, а поминующим ниспосылается Царствие Небесное.

Царевна София, прикрывая несчастливый поход своего любимца князя Вас. Вас. Голицына против перекопских татар (1686 г.), который потерял около 200 000 воинов, объявила его победителем славным и никогда не слыханным и повелела внести в синодик имена всех павших воинов для поминовения в соборных церквях и монастырях. Церковным уставом 1668 г. предписывалось посылать в покровскую субботу (1 октября) священников и архимандритов в убогие дома для совершения общей панихиды, служить обедни по всем церквям и раздавать милостыню за упокой.

РАЗНЫЕ НАЗВАНИЯ ДМИТРИЕВСКОЙ СУББОТЫ И ПОМИНОВЕНИЕ

Дмитриевская суббота называется в иных местах Дмитрия Селунского, родительскою поминальной и вселенской. В Литве поминки, известные под именем дедин и осенин, отправлялись в октябре месяце. У латышей они называются Божий день или Велли – обряд в честь богини вечности Веллоны; в западной Руси – деды. В Ярославской, Вологодской, Вятской, Костромской и Нижегородской губерниях удержалось название дедовой, т. е. память по усопшим родителям, родственникам и друзьям. Там говорится: на дедовой неделе родители отдохнут, – это значит, когда первые морозы прихватывают землю и потом настает оттепель, тогда простой народ думает, что покойникам делается в могиле теплее. Про-

столюдины уверены, что сами мертвые терпят стужу и нуждаются в поминальных пирушках.

Дмитриевская суббота – одна из важнейших поминальных. В это время поминающие готовят угощение. Кутья, кисель с сытой и молоком, пироги, блины, коржи, кныши, резки или лепешки, пиво и водка суть неперменные принадлежности при поминании. Многие не довольствуются этим: жарят разные жаркие, варят молочную кашу и яйца всмятку, пекут калачи и сытники и после панихиды начинают пирушку на могилах, полагая, что сами покойники разделяют их трапезу, и это так сильно укоренилось во всеобщем мнении простолюдинов, что считают за грех, если не попить над прахом.

Простой народ припоминает со слезами добрые качества усопших, восхваляет их добродетели и потом начинает пить за упокой, отчего вошло в поговорку: *начинают за упокой, а кончают за радость*. Потому что, преисполненные винными парами, забывают печаль и начинают проводить время в шумных забавах. В деревнях наделяют церковнослужителей поминальным кушаньем весьма щедро, отчего произошла поговорка: *не всегда поповым ребятам Дмитриева суббота*.

Поминки не всегда оканчиваются мирно: начинают рыданиями, а оканчивают стенаниями. Наши церковные постановления строго запрещают подобные поминовения.

СЛОВАРЬ РЕДКИХ И СТАРИННЫХ СЛОВ

Аксамитный – бархатный.

Бату – хан Батый.

Брашно – яство, пища, кушанье, еда.

Вершник – верховой, всадник.

Вивлиофика – библиотека.

Ворваное сало – рыбий жир.

Воцага – короткая палка с прикрепленным к ней на толстом ремне деревянным шаром, служащая для удара в бубен. Шар обыкновенно наващивают.

Глазет – парча с шелковой основой и гладкой серебристой или золотистой лицевой стороной.

Гривна – *Шейная гривна* – украшение; обруч, цепь или ожерелье, носимое на шее или на груди. Древнерусская гривна – крупный серебряный слиток или брусок, служивший денежной и весовой единицей в Древней Руси и на соседних с ней территориях.

Гродентур (*франц.* gros de Tours) – тяжелая шелковая материя, которую впервые стали выделывать в г. Туре.

Декохт – деготь.

Елен – на болг. олень.

Епанча (от *тюрк.* japura, jarpunga – плащ, бурка) – старинная русская одежда, длинный широкий мужской плащ без рукавов, часто из дорогой материи с украшениями. В петровской армии Е. являлась составной частью обмундирования (до появления шинелей). Е. делалась из сукна и нередко украшалась галуном, кружевами, шелковой строчкой или хрустальными пуговицами. Женская короткая шубка-безрукавка в XVIII–XIX вв. называлась «епанечкой».

Зобанец – похлебка.

Калита – подвесной карман.

Калья – блюдо русской кухни, похлебка на огуречном рассоле с огурцами. Существовали также рецепты кальи из мяса птицы (калья утиная, куриная, из тетеревов), вместо огуречного иногда использовался капустный рассол или смесь рассола с квасом. В пост готовили калью с рыбой и икрой.

Камедь – древесный клей.

Камка – шелковая китайская ткань с разводами.

Камлот – суровая шерстяная ткань.

Картузная бумага – толстая, простая, оберточная.

Кварта – (от лат. *quarto* – четыре или *quarta* – четверть) – единица измерения сыпучих или жидких объемов в англоязычных странах, а также в Польше и др. странах Западной Европы ($\frac{1}{10}$ ведра).

Мазуля – размазня.

Маймисты – в то время в Санкт-Петербурге так называли финнов протестантского вероисповедания.

Мамелюки – рабы.

Марципан сахарный – кондитерское изделие.

Мусия – мозаика.

Нагитки – ноготки.

Обара – опара, тесто.

Обарный – обварной.

Обьярь – старинная волнистая шелковая ткань.

Папорок – малое крылышко, второй сустав крыла птицы.

Папошник (папушник) – печенье.

Панацей – лекарство у алхимиков, якобы помогающее от всех болезней.

Перепечь – род кулича, каравая, а также все хлебное, собираемое попами с причтом по домам после Пасхи при обходе с образами.

Плис – хлопчатобумажная ткань из грубой пряжи, с ворсом, похожим на бархатный.

Повсюдный – повсеместный.

Подоплек – подплечье, подкладка у крестьянской рубахи от плеча к спине и груди.

Приварный – приваренный.

Протазаник – воин, вооруженный протазаном – рогатиной, широким копьём пешего войска, алебардой, бердышем.

Рябь окрошиван – название блюда: рябчик, мелко порубленный.

Скуфья – комнатная шапочка, ермолка, тубетейка.

Сорочинское (сарацинское) пшено – рис.

Спальник – придворный чин в Русском государстве в конце XV–XVII вв. Спальники находились в подчинении постельничего. Дежурили в комнате государя, раздевали и одевали его, сопровождали во время поездок. Придворный сан.

Стразы – это кристаллы из стекла, обработанные по специальной технологии и имитирующие драгоценные камни.

Строфокамиловые яйца – страусиные яйца.

Сухотка – болезненная худоба, истощение.

Сученое золото – скрученное, свитое вдвое.

Тафта – гладкая тонкая шелковая ткань.

Тенета – волоконце, тонкая нить, жилка.

Топаная капуста – особым образом квашенная.

Тузлук (*тюрк.*, от туз – соль) – раствор поваренной соли для посола пищевых продуктов (рыбы, икры, мяса), кожевенного сырья и т. д.

Тупей (*фр.* toupet – пучок волос) – взбитый пучок волос на темени, принадлежность модной прически XVIII в.

Тюфяк – первый образец огнестрельного оружия в России. Первое упоминание о нем встречается в Никоновской летописи и относится к осаде Москвы Тохтамышем в 1382 г.

Фряжский – чужеземный, иностранный.

Харатейный – старинный рукописный.

Хартии (*лат.* charta, от *греч.* χάρτης – бумага, грамота) – в Средние века и Новое время – название некоторых документов публично-правового характера. В Древней Руси этот термин служил названием некоторых документов, летописей (харатейные списки), а также дипломатических соглашений с другими государствами.

Четь – четверть.

Ширинка – здесь: короткое полотнище ткани во всю ширину, а также платок, полотенце, скатерть (обычно шитые).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
**НАРОДНОСТЬ. ЖИЛИЩА. ДОМОВОДСТВО.
НАРЯД. ОБРАЗ ЖИЗНИ. МУЗЫКА**

Вступление.....	8
I. Народность.....	14
Свойства людей.....	14
Разделение людей по очерку лица и образованию тела.....	15
Славяне, коренные европейцы.....	16
Свойства славян.....	17
Свойства русских славян.....	19
Воинственность.....	19
Набожность.....	20
Веселость, гостеприимство и храбрость суть отличительные качества русских.....	20
Возрастание княжеских детей среди битв.....	21
Замена наук пастырским учением.....	21
Ожесточение воинственности.....	22
Следствия от междоусобия князей.....	23
Всеобщее уныние и унижение.....	24
Изменение многих благородных качеств от угнетения... Мнения предков о невозможности освобождения из-под ига.....	26
Время возрождения России.....	30
Неожиданное приращение России.....	32

Бедствие возвеличило русских	35
Неизменное свойство веселости	39
Сохранившаяся народность в древних сочинениях	39
Непоколебимость народа и его слава	47
Действие народности.....	53
Влияние языка на народ.....	57
Способности русских к просвещению	58
Сохранение народных мыслей в старинных песнях и сказках – и уклонение от самобытности	65
Местные отличия и наклонности русских не мешают народности.....	104
Заключение.....	107
II. Жилища	109
Превосходство европейского климата пред прочими частями света	109
Древнейшие сведения о России	111
Жилища славян	113
Здания деревянные и каменные, хоромы в. к. Ольги	113
Единообразное построение и расположение комнат	114
Освещение	115
Каменные палаты	116
Простота в построении	118
Украшение комнат	118
Появление каменных домов	119
Жилые покои в XV и XVI веках	119
Построение высоких деревянных домов, их внутренность и важность высоких хором.....	120
Избы и простота сельской жизни в самой столице	121
Распространение каменных домов	121
Строение домов и изб в половине XVII века	122
Украшение покоев, сады и рыбные пруды	123
Появление ягод, плодов и махровых роз	124
Пышность хором, перевозносимая песнями.....	125
Истребление деревянных домов от пожаров	128
Меры для предупреждения пожаров	131
Строение по плану.....	133

Улучшение домов содействовало перемене образа жизни	135
Избы из срубов	136
Курени	136
Мазанки	138
Хаты	139
Построение богатых зданий поселило расточительность	140
О числе домов во всей России	141
Улучшение городов	142
III. Домоводство	143
Древнейшая пища	143
Мед	143
Пиво и перевар	147
Изобилие в съестных произведениях	147
Пряности	148
Мельницы	148
Пища простолюдинов	148
Ввоз вин и плодов из Царьграда	153
Хлебное вино или водка	154
Ерофеич	156
Старинные попойки	156
Действие водки на умственные способности	158
Буза	162
Неупотребление в пищу некоторых животных, особенно зарезанных рукою женщины	162
Кушанье, преимущественно рыбное; ботвинья, окрошка, блины и оладьи	163
Изобилие в съестных припасах	164
Соблюдение постов	166
Время кушанья и отдыха	167
Содержание по службе	169
Печенье разного хлеба	169
Обеды	171
Богатство серебра, золота и драгоценностей	174
Званые обеды	179

Музыка и звон во время обеда	180
Столы в XVII веке	181
Закуски или десерт	184
Давность сахара	185
Порядок подавания кушанья	189
Разведение некоторых плодов и овощей	190
Взварец и пунш	192
Кофе	192
Чай	193
Табак	197
Картофель	208
IV. Наряды	212
Древнейшая одежда славян	212
Древняя одежда русских	212
Бороды	215
Серьги, ожерелье, мониста, кольца и перстни	216
Лапти	218
Одежда XI века	220
Пояса и кушаки и война за пояс	223
Наряд в XIII веке	223
Отзывы путешественников о наружности русских	224
Наряды начала XVI века	226
Рукавицы	231
Известия о нарядах половины XVI века	231
Страсть к румянам	232
Продолжение известий о нарядах	233
Придворная одежда	234
Боярская одежда	235
Богатство царской одежды	236
Награда одеждою за заслуги	236
Наряд боярынь	237
Убор царицы Ирины	240
Одежда женская, духовного сословия	240
Наряд девичий	240
Единообразие одежды обоих полов	241
Ношение иностранцами русской одежды	242

Запрещение иностранцам носить русскую одежду.....	242
Запрещение о введении иноземных обычаев	242
Одежда в половине XVII века и пристрастие к румянам	243
Постепенное введение иностранного.....	246
Введение иностранной одежды и запрещение носить русскую	247
Гражданская, военная и престонародная одежда.....	248
Введение новых нарядов и благовоний.....	249
Стрижение бород и усов	251
Произведения русской выделки с самых древних времен	254
Единообразие в жизни, платье и одежде между простолюдинами	260
V. Образ жизни	260
Похвальные свойства славян	260
Хлебосольство	261
Набожность	262
Отзывы иностранцев о свойстве русских.....	268
Занятие женского пола.....	271
Удовольствие в пении	272
Уединенная жизнь	273
Постель	274
Супружеская верность.....	274
Доказательство любви чрез побои	276
Обращение в общежитии.....	279
Высокомерие дворян	282
Верховая езда	283
Звериная и птичья охота.....	283
Шуты.....	288
Жизнь великокняжеского дома.....	288
Поцелуйный обряд	291
Появление свободы женского пола.....	295
Свободное обращение	296
Введение балов и танцев.....	299
Каррусель.....	299
Театры	304

Телеги и сани.....	306
Капталы, рыдваны и колымаги	307
Кареты и коляски.....	308
Бани	311
VI. Музыка	315
Любовь славян к музыке.....	315
Древнейшая музыка славян.....	316
Трубная музыка и мнение о музыке и пении	320
Появление других инструментов	324
Природное свойство русских к веселью	327
Бандуристы	327
Цимбалы или кимвалы	332
Музыкальная известность чехов.....	332

ЧАСТЬ ВТОРАЯ СВАДЬБЫ

I. Обзор свадебных обрядов.....	333
Обряд обручения в древности.....	333
Многоженство и многожудие, и каменные статуи вместо жен	334
Покупка девицы.....	336
Приданое.....	336
Подать с жениха по черной куни	338
Кража девиц	339
Пределы родства в язычестве при вступлении в брак	341
Развод	342
Значение любви и супружеского союза в гражданском обществе.....	343
Христианский брак.....	350
Венчание	351
Воспрещение разводов.....	352
Обряды славянских племен при бракосочетании.....	352
Бывшее многоженство в России и у некоторых славянских племен	353
Брачная верность и денежные наказания за нарушение целомудрия	354

Венечная память	355
Значение свадьбы.....	356
Отступление от свадебного благонравия	357
Брачные записи и платеж за неустойку	358
Возраст для супружества	360
Постель новобрачных	361
Угощение в бане и питье воды по омовении тела.....	361
Каравай и место молодых	361
Кокошник, кика, коса и повойник	362
Вскрывание молодых	362
Особые названия при свадьбах	362
Порча молодых.....	363
Заключение.....	364
II. Свадьбы великокняжеские.....	364
Скудность преданий о старинных свадьбах	364
I. Свадьба Феодосии, дочери в. к. Иоанна III	365
II. Свадьба в. к. Василия	366
III. Свадьба в. к. Иоанна IV	369
III. Свадьбы царские	370
I. Свадьба царя Михаила Феодоровича (5 февраля 1626 г.).....	370
II. Свадьба царя Алексея Михайловича (16 января 1643 г.).....	378
III. Свадьба царевны Анны Петровны (21 мая 1725 г.)	387
IV. Свадьба благородных и простолюдинов.	
По известию соотечественника нашего Кошихина, жившего в XVII веке	390
Сватовство	391
Приданое.....	391
Смотрельщица	392
Запись.....	392
Свадебный обряд	393
Хожение молодых в баню и обдаривание их	394
Правила к вступлению в брак	395
Венчание второбрачных и троебрачных	395
Однообразие в совершении свадеб.....	396

Обманы при выдачи невест и наказания	396
V. Свадьба начала XVII века. По известию Петрея.....	397
Сватовство	397
Смотр невесты и жениха	398
Венчание	399
Посыпание молодых и веселье.....	400
Плеть	400
Дарение	400
VI. Свадьбы около половины XVII века. По известию	
Олеария	401
Определение степени родства для вступающих в брак.....	401
Свадьба благородных и сватовство.....	401
Чесание голов молодым и обмен колец.....	402
Венчание	403
Пирование и отправление молодого в сенник	404
Мыльня новобрачных	405
Веселье.....	405
Свадьба простого сословия и горожан	405
VII. Изменение свадеб.....	406
Вышедшие из обычая многие обряды.....	406
Выражение свадебных песен.....	408
Обряд престонародной свадьбы до конца XVIII века	410
VIII. Очерк нынешних свадебных обрядов	413
Разнообразие свадеб	413
Сватанье.....	414
Сговор	417
Поезжане.....	421
Девичник.....	422
Расчесывание косы	424
Выдача невесты.....	428
Одевание перед венцом.....	429
Появление дружки.....	430
Поезд к венцу и венчание	431
Угощение	433
Веселие.....	434

Увод молодых в сенник.....	435
Свадебный расход.....	436
IX. Свадьба в Псковской губернии.....	436
Сватовство.....	436
Рукобитье.....	437
Смотрины.....	441
Отправление приданого.....	450
Баня.....	450
Вечер бояр и девичник.....	451
Окончательный свадебный обряд.....	452
X. Свадьба в Костромской губернии.....	455
Сватовство.....	455
Сговор.....	456
Калым, лапша и баня.....	459
Продажа косы.....	461
Девичник.....	463
Замечание о сне невесты.....	465
Обряды предвенечные.....	466
Обряды после венчания.....	469
Дополнение.....	470
XI. Свадьба в Орловской губернии.....	479
Сватовство.....	479
Сговор.....	481
Девичник.....	481
Продажа невесты.....	485
Поезд молодых.....	486
Прием молодых.....	488
XII. Свадьба в Олонецкой губернии.....	490
Сватовство.....	490
Плач невесты по заporученьи или рукобитьи.....	491
Свод жениха и невесты.....	496
Девичник.....	497
Обряд предвенчальный.....	503
XIII. Свадьба в Вологодской губернии.....	509
Сватовство.....	509
Сосваток.....	510

Девичник.....	523
Окончание свадьбы	532
XIV. Свадьба в Нижегородской губернии	535
Сватовство, или доброе дело.....	535
Глядины	537
Рукобитье.....	539
Приготовление к свадьбе.....	541
Благословение молодых.....	541
Угощение в доме невесты	542
Увод молодой в сеник	548
Обдаривание молодых	548
XV. Свадьба в Пензенской губернии	550
Сватовство.....	550
Вечеринка у невесты	551
Благословение	553
Окончательный обряд.....	555
XVI. Свадьба в Саратовской губернии	556
Сватовство.....	556
Смотрины	557
Девичник.....	570
Вечеринки.....	583
Сбор вечеринки.....	591
Обряд от начатия поезда до встречи молодых от венца.....	601
Голосовые песни, употребляемые при свадьбах в Саратовской губернии	628
XVII. Свадьба в Смоленской губернии	695
Главные лица в засватании.....	695
Запевальный обряд.....	696
Благословение	697
Обдаривание	700
Благословение	704
Окончательный обряд.....	705
XVIII. Свадьба в Белоруссии	707
Сватовство.....	707

Заручины	707
Надел	711
Выкуп молодой	712
Обдаривание и окончание свадьбы	716
XIX. Свадьба литовская	718
Заботливость девушек	718
Сватовство	718
Малая попойка	720
Большая попойка	721
Окончание свадебного обряда	725
XX. Свадьба малороссийская	727
I. Сведения иноземца о малороссийской свадьбе	727
II. Нынешняя свадьба	729
Свойство веселья	729
Сватовство	729
Приход жениха	735
Пирование	738
Избрание дружек	745
Печенье караваев	747
Девичник	749
Обряд перед венчанием и после венчания	749
Встреча молодого	753
Продажа невесты	753
Танцы	759
Кушанье	760
Покрыванье	762
Провожание молодых и радость о благополучии молодой	766
Покровение головы	768
Веселье свадебных гостей в продолжение недели	768
XXI. Свадьба переселенцев-малороссиян, находящихся в Саратовской губернии	794
Сватовство	795
Пирование	797
Вечер у жениха	797
Печенье каравая	798

Собирание дружек.....	798
Благословение.....	799
Сажание на посаде.....	799
Отправление молодого к невесте.....	800
Молодые на посаде.....	801
Обряд до венчания.....	802
После венчания.....	803
Прием молодых тещей.....	808
Покупка молодой.....	809
Сажание молодых за стол.....	810
Покрывание молодой.....	812
Отвоз приданого.....	814
XXII. Заметки о свадебных обрядах в губерниях.....	818
<i>В Калужской губернии.....</i>	<i>818</i>
I. Деревенская свадьба.....	818
II. Мещанская и купеческая свадьбы.....	820
<i>В Пермской губернии.....</i>	<i>822</i>
<i>В Енисейской губернии.....</i>	<i>824</i>
<i>В Эстляндской губернии.....</i>	<i>826</i>
<i>В земле донских казаков.....</i>	<i>828</i>
Старинная свадьба.....	828
Нынешняя свадьба.....	836
<i>Между уральскими казаками.....</i>	<i>837</i>

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**ВРЕМЯСЧИСЛЕНИЕ. КРЕЩЕНИЕ. ПОХОРОНЫ.
ПОМИНКИ. ДМИТРИЕВСКАЯ СУББОТА**

I. Времясчисление.....	839
Различное исчисление времени.....	839
Христианское летосчисление.....	841
Магометанское летосчисление.....	842
Величина года.....	842
Астрономическое исчисление.....	844
Начало года.....	845
Летосчисление в России, церковное и гражданское.....	845

Тма, век, лето и год.....	848
Название месяцев у африканских и азиатских народов.....	849
Древние названия славянских месяцев.....	851
Значение латинских месяцев.....	854
Астрономические знаки месяцев.....	858
Значение календаря и святцев.....	859
Разделение времени на недели.....	859
Значение семи дней.....	860
Исчисление дневного времени и первые боевые часы....	861
Пасхалия.....	861
Подвижные и неподвижные праздники.....	863
II. Крещение.....	865
О неизвестности средств для облегчения родильниц.....	865
Бабы или бабки.....	865
Очистительная молитва и совершение обрядов в Царском доме.....	866
Простосердечное понятие о роженицах и очистительная молитва.....	867
Угощение отца новорожденного.....	868
Порушка и дарение.....	868
Кумовья и крестные родители.....	868
Отречение.....	869
Пострижение.....	870
Время крещения.....	874
Крестильницы и значение церковной бани.....	874
Родильные подарки.....	875
Ношение ладанки и мошонки и рождение в сорочке.....	876
Давание имени.....	876
Празднование дней рождения.....	878
Именины и день Ангела.....	879
Тезоименитство.....	880
Нынешние именины.....	880
III. Похороны.....	882
Сжигание мертвых тел.....	882
Погребение.....	884

Сжигание у славян.....	886
Насыпные бугры и курганы	889
Посмертный обряд у греков, римлян и евреев.....	891
Погребение наших предков	893
Малороссийское погребение	899
Особые обряды, совершаемые над покойным	904
Мраморные гробы	905
Места для погребения и появление кладбищ	906
Кресты.....	907
Надгробные надписи.....	908
Голосить по умершему.....	908
Погребение особ царственного дома и черное платье или траур	911
Воспоминания о кончине добрых государей и места их погребения.....	915
Принятие схимы перед смертью	919
Места погребения особ Великокняжеского и Царского домов.....	920
Звон по умершим	920
IV. Поминки	921
Переходные обычаи поминовения.....	921
Тризна.....	921
Село скудельничье	922
Название поминок и их разнообразное отправление.....	922
V. Дмитриевская суббота	924
Происхождение Дмитриевской субботы	924
Поминовение общее	924
Разные названия Дмитриевской субботы и поминовение.....	925
Словарь редких и старинных слов	927

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национально-мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 29.05.2014 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 38,2 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».